

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

съ 54 таблицами и 36 рисунками въ текстѣ

изданный подъ наблюдениемъ

А. В. ОРЪШНИКОВА.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Владимонка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1916.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

10-

1962 11
1965 г.

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

съ 54 таблицами и 36 рисунками въ текстѣ

изданный подѣ наблюдениемъ

А. В. ОРЪШНИКОВА.

МОСКВА.
Типографія Г. Лиснера и Д. Собко.
В-админганъ, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1916.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Председатель Графиня Уварова.

81

1950 г. **БИБЛИОТЕКА**
НИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы В-369

Въ память
пятидесятилѣтія
Цараторскаго
Московскаго Археологическаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ.

Айналовъ, Д. В. Меморіи св. Климента и св. Мартина въ Херсонесѣ	67
Анучинъ, Д. Н. Старинная морская карта на пергаментѣ изъ собранія гр. А. С. Уварова . .	331
Арсеній, архимандритъ. Печатный антиминосъ 1612 г.	62
Виноградовъ, П. Г. Экскурсія на Малабарскій берегъ	89
Марръ, Н. Я. Приложение къ статьѣ М. И. Ростовцева «Бронзовый бюстъ Боспорской царицы».	27
Никольскій, М. В. Задачи русской археологической и исторической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными мировыми событіями	345
Ростовцевъ, М. И. Бронзовый бюстъ Боспорской царицы и исторія Боспора въ эпоху Августа	1
Рыковъ, П. С. Кольчуга Виленскаго Музея.	110
Смирновъ, Я. И. Устюжское изваяніе св. Георгія Московскаго Большаго Успенскаго Собора	131
Тарабринъ, И. М. Лицевой Букварь Каріона Истомина	249
Тураевъ, Б. А. Ящики для египетскихъ погребальныхъ статуэтокъ, называемыхъ «ушебти». .	32
Фармаковскій, Б. В. Милетскія вазы изъ Россіи	47
Филипповъ, А. Н. Первые шаги въ Россіи въ XVIII в. «Геральдической науки» и графъ Ф. Санти	122

Рис. 1. Бюсть Боспорской царицы до чистки.

БРОНЗОВЫЙ БЮСТЬ БОСПОРСКОЙ ЦАРИЦЫ И ИСТОРИЯ БОСПОРА ВЪ ЭПОХУ АВГУСТА.

I.

Въ 1898 г. около Новороссійска въ имѣніи И. П. Кулешевича (см. карту и Приложение I) найдено было нѣсколько бронзовыхъ предметовъ¹⁾. Вещи эти были предложены для покупки Императорской Археологической Коммисіи и затѣмъ приобрѣтены Императорскимъ Эрмитажемъ. По этому поводу владѣлецъ вещей былъ въ Петербургѣ и устно сообщилъ А. А. Спицыну слѣдующее. Найдены были вещи въ 14 верстахъ отъ Новороссійска за имѣніемъ Мысхако, принадлежащимъ г. Пенчу, при планировкѣ виноградника. Тутъ же по близости открытъ былъ довольно значительный, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не разслѣдованный могильникъ. Бронзовые предметы найдены были, однако, не въ могильникѣ, а, какъ кажется, около остатковъ фундамента какого-то зданія. Къ сожалѣнію, точнаго плана зданія

¹⁾ Все данныя объ обстоятельствахъ находки заимствую изъ дѣла И. А. К. 1899 г. Древности. Т. XXV.

не имѣется. Неизвѣстны даже его длина и ширина. Кулешевичъ сообщилъ только, что стѣны были толщиной до сажени и весь фундаментъ раздѣленъ былъ на три помѣщенія; изъ которыхъ проходъ имѣлся только въ одномъ. По близости (?) открыто было еще какое-то сооруженіе съ тремя ступеньками.

Въ высшей степени досадно, что Коммиссія не поручила кому-нибудь дослѣдовать фундаментъ и его окрестности. Весьма возможно, что при дослѣдованіи удалось бы опредѣлить вѣроятное назначеніе зданія, а, можетъ быть, и найти другія части найденныхъ фрагментованныхъ бронзовыхъ вещей. Описаніе фундамента производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ основаніемъ небольшого храма. Ступеньки могли принадлежать либо лѣстницѣ, ведшей на подіумъ храма, либо алтарю, стоявшему передъ нимъ.

Вполнѣ вѣроятна и принадлежность къ инвентарю храма всѣхъ найденныхъ, по стилю одновременныхъ вещей.

Среди вещей (см. табл. IV) можно распознать верхъ бронзоваго треножника, украшеннаго суммарно исполненными пальметками (выс. 0,12 м., діам. 0,115; табл. IV, 2), превосходную ручку бронзоваго сосуда (выс. 0,15 м., выс. головы Силена — 0,05; табл. IV, 1) съ головой Силена въ плющевомъ вѣнкѣ (ручка, глаза Силена, вѣнокъ инкрустированы серебромъ), верхнюю часть канделябра (выс. 0,075, верхній діам. — 0,075; табл. IV, 3) и остатки ножекъ его, имѣющихъ форму львиныхъ лапъ (выс. фрагмента — 0,05; табл. IV, 4), далѣе подставку (треножника? выс. 0,042; діам. 0,14 вверху, 15 м. внизу; табл. IV, 5 и 6) и фрагментъ бронзоваго прута (отъ треножника же? выс. 0,06)¹⁾. Наконецъ, небольшой бронзовый бюстъ женщины, о которомъ ниже. Подставка треножника (?) была продана ростовскому коллекціонеру Романовичу, при чемъ въ ней сдѣлано было прямоугольное отверстіе, чтобы создать впечатлѣніе, что это база найденнаго бюста, что, однако, абсолютно невозможно.

Канделябръ по стилю ближайшимъ образомъ напоминаетъ канделябръ, найденный въ склепѣ Зайцевой въ Керчи и датируется такимъ образомъ эпохой Августа (см. Ростовцевъ, Античная декор. живопись на югѣ Россіи, С.-Пб. 1914, стр. 207 сл., Атласъ табл. LX). Ручка сосуда во всѣхъ деталяхъ совпадаетъ съ ручками сосудовъ, найденныхъ въ Бори. Вся находка въ Бори, которая въ ближайшемъ будущемъ будетъ опубликована Е. М. Придикомъ, точно датируется временемъ около Рождества Христова.

Къ тому же времени, какъ увидимъ, относится и наиболѣе интересный предметъ этой находки — женскій бюстъ (табл. I; ср. рис. 1). Бюстъ этотъ снабженъ стержнемъ съ отверстіемъ въ немъ для укрѣпленія въ пьедесталѣ. Высота его со стержнемъ — 0,26 м., длина стержня — 0,02, ширина бюста въ плечахъ — 0,16 м. Работа бюста превосходная²⁾. Изображена женщина не первой молодости. Волосы,

¹⁾ Въ этой же мѣстности найдена большая амфора. Вѣроятно, изъ некрополя происходитъ ожерелье изъ грубыхъ бусъ.

²⁾ На табл. I бюстъ снятъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь, послѣ чистки. Къ сожалѣнію, фотографіи сдѣланы были съ бюста, укрѣпленнаго въ пьедесталѣ, и поэтому стержень

волнистые спереди и начесанные на уши, собраны сзади въ продолговатый узелъ; изъ подъ этого узла выпущены вправо и влѣво ниспадающіе на плечи и спину винтообразные завитые локоны. Зрачки и радужная оболочка глаза обозначены гравировкой. Въ ушахъ круглыя небольшія серьги.

Наиболѣе характерной особенностью бюста является головной уборъ въ формѣ фригійской шапки или *tiara brachy*. Тиару эту надо представлять себѣ или кожаной, или войлочной, или металлической. Всю площадь этого головного убора покрываютъ инкрустированныя серебряныя звѣзды или, лучше, солнца изъ восьми лучей каждое. Въ промежуткахъ инкрустированы изъ красной мѣди четырехлистные розетки, каждый лепестокъ которыхъ имѣетъ форму сердца¹⁾. Поверхъ тиары завязана, какъ кажется, діадема, стянутая сзади теніей.

Не можетъ быть, прежде всего, никакого сомнѣнія, что бюстъ изображаетъ не какое-либо божество, а смертную женщину: широкое мясистое лицо, округлый подбородокъ, сжатія губы, большой прямой носъ, тонкія брови, модная прическа ясно говорятъ намъ, что передъ нами портретъ пожилой женщины, можетъ быть, только слегка идеализированный, но въ общемъ схожій и очень индивидуальный.

Время бюста опредѣляется съ полной точностью и никакому сомнѣнію подвержено быть не можетъ. Помимо превосходной, хотя и нѣсколько и тяжеловатой работы, рѣшающимъ признакомъ является прическа. Эта прическа характерна исключительно только для времени около Рождества Христова, для эпохи Ливіи, Антоніи, старшей и младшей Агриппины.

Такъ какъ это мое опредѣленіе времени, основанное на портретахъ римскихъ императрицъ и принцессъ, было подвергнуто сомнѣнію нѣкоторыми изъ моихъ коллегъ въ частныхъ бесѣдахъ, то я обратился къ одному изъ лучшихъ знатоковъ портретнаго искусства Р. Дельбрюку, недавно издавшему очень интересную работу о портретахъ.

Вотъ, что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Die Datierung der Büste scheint mir sicher: die Haarschleife im Nacken findet sich seit Antonia, in deren Münzen, Steinen und an der Pariser Statue, alles bei Bernoulli. Die schraubenartigen Nackenflechten erscheinen regelmässig bei den Agrippinen, auch schon bei Livia auf dem Cameo Marlborough (Delbrück, Porträts, Vignette). Seit dem zweiten Jahrzehnt n. Chr. tragen jüngere Damen allerdings kleine Stirnlöckchen, aber z. B. Livia auf dem Pariser grossen Cameo (Bernoulli, II, 1, Taf. 30, 17 n. Chr.) hat sie nicht. Mit Poppaea verschwindet die Nackenschleife, ich glaube auch die gedrehten Locken. Also, um Christi Geburt, nicht zu spät, weil keine Stirnlocken da sind; das wäre natürlich nur die hauptstädtische Datierung, die Alexandriner sind z. B. immer ein paar Jahre zurück. Gravierte Augen sind bei kleiner Darstellung nichts seltenes in dieser Zeit; ganz

на фотографіяхъ не вышелъ. Для иллюстраціи того, какимъ былъ бюстъ до чистки, а также для того, чтобы дать полный видъ бюста со стержнемъ, репродуцирую здѣсь одну изъ фотографій (см. рис. 1), снятыхъ съ бюста, немедленно послѣ того какъ онъ былъ найденъ.

¹⁾ Солнца и розетки расположены вокругъ тиары двумя концентрическими кругами, при чемъ каждое солнце чередуется съ розеткой. На гробиѣ — одно солнце и двѣ розетки. Всего 11 солнцъ и 11 розетокъ.

in der gleichen Stilisierung finden sie sich z. B. bei dem Cameo Bernoulli II, 1, Taf. 27, 8; ähnlich sonst oft auf den geschnittenen Steinen».

Къ этому присоедию указаніе на то, что въ предѣлахъ бывшаго царства Миерадата дамы царскихъ домовъ очень строго слѣдовали римской модѣ. Ниже я буду говорить о портретахъ Динаміи, Пиводориды, Гепепири, Антоніи Трифэны. Всѣ онѣ очень точно воспроизводятъ въ своихъ прическахъ моды, господствовавшія при римскомъ дворѣ. Впрочемъ, мы и безъ того знаемъ, что сношенія между Римомъ и вассальными азіатскими дворами были непрерывны.

При этихъ условіяхъ и при непреложности предложенной датировки приобрѣтаетъ особое значеніе головной уборъ эрмитажнаго бюста и его орнаментація.

Головной уборъ, украшенный солнцами или звѣздами (*πίλος ἀστρωτός*, какъ его называетъ Юліанъ, *op. V, 165 B*, указывая, что онъ былъ подаренъ Кибелой Аттису), встрѣчается на двухъ серияхъ памятниковъ эллинистическаго періода¹⁾. Первая открывается монетами Пессинунта приблизительно II в. до Р. Хр., гдѣ изображены рядомъ головы Кибелы и Аттиса, послѣдняя въ кожаной шапкѣ, усѣянной звѣздами, а на оборотѣ символы Кибелы (см. *Imhoof-Blumer, Griech. Münzen, 226, (750), 748 слл., табл. XIII, 7—9*). Къ этимъ монетамъ примыкаютъ, несомнѣнно, всѣ позднѣйшія изображенія Аттиса и Мена съ *πίλος ἀστρωτός* на головѣ (см. кромѣ указанныхъ въ примѣчаніи работъ еще *Roscher, Berichte der sächs. Ges. 1891, phil.-hist. Kl., т. 43, особ. табл. I^a, 7 и 8*). Всѣ эти изображенія Аттиса отличаются тѣмъ, что на шапкѣ Аттиса изображены обычныя звѣзды съ неправильно расположенными лучами, число которыхъ колеблется (отъ четырехъ до семи).

Гораздо болѣе поучителенъ другой рядъ памятниковъ, стоящій въ тѣснѣйшей связи съ нашимъ бюстомъ. Этотъ рядъ всецѣло ограниченъ предѣлами Понта и Понтійскаго царства. Начинается онъ характернымъ образомъ съ монетъ основательницы понтійской Амастриды — царицы Амастриды дочери Оксаэра, брата Дарія Кодомана, долгое время правившей Гераклеей. На ея монетахъ и монетахъ города Амастриды ея времени мы имѣемъ (см. *Babelon-Reinach, Rec. gén., I, 135 слл., № 1—9, табл. XVIII, 1—9*) на главной сторонѣ изображеніе юношеской головы въ кожаной шапкѣ такъ наз. фригійскаго типа, которую обвиваетъ лавровый вѣнокъ. На этой шапкѣ или шлемѣ внизу (*Babelon-Reinach, pl. XVIII, 5*) или сверху (*ibid. pl. XVIII, 6*) изображается типичное восьмилучное солнце, состоящее изъ кружка въ центрѣ, четырехъ лучей, сходящихся къ центру подъ прямыми углами, и четырехъ дополнительныхъ лучей, заполняющихъ свободныя пространства между четырьмя основными лучами. Это солнце, а не звѣзда, ведетъ свое происхожденіе изъ вавилонскихъ памятниковъ и дѣлается гербомъ понтійскаго царства, соединяясь

¹⁾ Болѣе поздніе памятники сопоставлены въ сравнительно большомъ количествѣ *Drexler* оми, *Jahrb. f. Phil., 1894 (1497), 326 слл., ср. онъ же у Roscher'a, Lexicon, II, 2, 2741, 2745; см. также Я. И. Смирновъ, О фригійскомъ богѣ Мѣсяцѣ (Сборникъ въ честь И. В. Памеловскаго), 107, 3; Herding, Attis, 120, 8. Форма звѣзды или солнца, типичная для нашего бюста, на нихъ не встрѣчается. Одно-временный нашему бюсту бюстъ Мена или Аттиса на одномъ изъ Гильдесгеймскихъ серебряныхъ сосудовъ (см. *Pernice-Winter, Der Hildesheimer Silberfund, Berlin, 1901, Taf. V*), парнымъ сосудомъ бюстомъ Кибелы, даетъ совершенно инныя звѣзды, исполненныя въ иной техникѣ.*

съ полумѣсяцемъ. Происхожденіе этого солнца на понтийскихъ монетахъ, какъ показываютъ монеты Амастриды, несомнѣнно, иранское. Появленіе его на шлемѣ юношеской головы дало поводъ дать этой головѣ имя Миеры, что, вѣроятно, правильно, хотя не исключена и возможность того, что часть монетъ даетъ не мужскую, а женскую голову (самой Амастриды?).

Въ прямую связь съ этими ранне-эллинистическими монетами я ставлю очень интересную серію большихъ мѣдныхъ монетъ Пантикапея, Горгипши и Фанагоріи (см. Giel, *Kleine Beiträge*, IV, 5; Бурачковъ, XXII, 179; XXIII, 6; Орѣшниковъ, Каталогъ собр. гр. Уварова, стр. 59, № 429^a и прим. къ № 436), почти всегда перечеканенныхъ изъ мѣди городовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Чернаго моря (см. табл. II, 10 и 11 одна изъ публикуемыхъ мною монетъ собр. в. кн. Александра Михайловича, по мнѣнію А. К. Маркова, перечеканена изъ Синопской монеты Миерадатова времени, *Babelon-Reinach*, pl. XXVI, 5, стр. 195, № 58 сл.)¹⁾. На этихъ монетахъ на одной сторонѣ изображена всегда юношеская мужская голова вправо, того же стиля, что головы на Миерадатовскихъ монетахъ. На головѣ всегда шапка-шлемъ фригійскаго типа съ торчащимъ верхомъ (единственное отличіе отъ шапки монетъ Амастриды). Шлемъ всегда опоясанъ лавровымъ вѣнкомъ, какъ на монетахъ Амастриды, сзади онъ закрываетъ затылокъ, на вискахъ ленты. Весь шлемъ усѣянъ типичными только что характеризованными солнцами, расположенными совершенно такъ же, какъ на интересующемъ насъ бюстѣ. Часто надъ этой головою направо изображенъ типичный понтийскій Миерадатовскій гербъ — полумѣсяцъ и солнце. На оборотѣ мы имѣемъ всегда изображеніе стоящаго влѣво юнаго Діониса въ туникѣ, плащѣ и котурнахъ, въ правой вытянутой рукѣ гроздь винограда, подъ нимъ пантера, въ лѣвой массивный тирсъ съ перевязью, на головѣ вѣнокъ. Надпись по обѣ стороны фигуры *Παυ-τιχ-αλα-τῶν*, справа обыкновенно монограмма²⁾.

Время этихъ монетъ опредѣляется какъ стилемъ и типами, такъ особенно исторіей ихъ перечеканки. Правда, въ этомъ отношеніи вся серія не изслѣдована, но одинъ экземпляръ родственной по стилю серіи монетъ (изъ собр. Бурачкова, стр. 233, № 49, табл. XXV, 45) съ головой Діониса и футляромъ для лука былъ сначала перечеканенъ въ монету съ головой Аполлона и орломъ, затѣмъ

¹⁾ Желательно было бы, чтобы опытные нумизматы изслѣдовали съ этой точки зрѣнія всю эту интереснѣйшую серію монетъ, какъ это сдѣлалъ для родственной серіи съ головой Діониса А. В. Орѣшниковъ (l. l.).

²⁾ Интересно сопоставить съ этими монетами серію монетъ гор. Томъ, гдѣ на лицевой сторонѣ изображены двѣ головы Диоскуровъ, на оборотѣ — лошади ихъ (см. *Pick-Regling*, *Ant. Münz. Nordgriechenlands* I. табл. V, 17, № 2460, ср. стр. 602 сл.). Стилистическая трактовка головъ необычайно близка къ нашей, очень близки и шапки: та-же почти форма, тотъ же вѣнокъ, къ сожалѣнію, на изданномъ экземплярѣ не видно, были ли шапки украшены звѣздами. Мнѣ кажется, что я вижу ихъ слѣды. Предлагаемое сближеніе имѣетъ большое значеніе для опредѣленія даты какъ этихъ монетъ, такъ и монетъ скиескихъ царей Акросы и Хараспа (см. о нихъ Орѣшниковъ, Экскурсы въ область древней нум. Черноморскаго побережья. I, Нумизм. Сб., III). Любопытно сближить монеты Томъ съ маленькой монеткой Херсонеса, на главной сторонѣ которой изображены головы Диоскуровъ, см. Орѣшниковъ, Монеты Херсонеса Тавр. и т. д., Нум. Сб. II, стр. 29, рис. 8. Не могу не отмѣтить и того, что по стилю изображенной головы и по характеру контрмарокъ я отнесъ бы къ эпохѣ Миерадата монету, опубликованную тамъ же, стр. 36, рис. 12.

въ монету Асандра. Такимъ образомъ рѣчь можетъ итти только о времени либо Миерадата, либо, что менѣе вѣроятно, Фарнака. Изображенную голову Орѣшниковъ, вѣроятно, правильно считаетъ за голову Миеры.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что именно эта шапка воспроизведена въ нашемъ бюстѣ. Оригиналъ шапки, воспроизведенной на монетахъ, можетъ быть, украшалъ статую божества, а, можетъ быть, служилъ головнымъ уборомъ и самихъ царей, когда они функционировали въ качествѣ жрецовъ великаго солнечнаго бога или послѣ смерти сливались съ нимъ.

Характерно, что кожаный шлемъ былъ, несомнѣнно, признакомъ правящихъ людей и, можетъ-быть, символомъ царской власти (какъ тиара персидскихъ царей и кожаная шапка сатраповъ). Особенно опредѣленно мы видимъ это опять-таки въ предѣлахъ понтійскаго царства и въ связи съ эпохой Миерадата.

Въ этомъ отношеніи особенно интересны двѣ серіи монетъ. Первая правильно ставится въ связь съ Миерадатомъ Великимъ, но время и мѣсто чеканки ея въ точности, къ сожалѣнію, неизвѣстно; монетъ этой серіи извѣстно четыре типа; на всѣхъ оборотъ украшенъ изображеніемъ восьмилучевого солнца и скинскаго лука; на главной сторонѣ, на большихъ бронзахъ мы имѣемъ портретную голову въ кожаномъ шлемѣ, на малыхъ — либо кожаный шлемъ одинъ, иногда съ головой Пана, либо колчанъ и лукъ, либо розу. При этомъ надписи именъ магистратовъ, монограммы и контрмарки¹⁾. Считать ли эти монеты монетами одного изъ городовъ царства Миерадата, чеканенными его сатрапами, какъ продолжаетъ думать Имгофъ, или, что вѣроятнѣе, монетами одного изъ понтійскихъ городовъ эпохи Миерадата, характернымъ остается соединеніе кожанаго шлема, очевидно, знака власти съ восьмилучевымъ солнцемъ. Отмѣчу попутно, что солнце и луна появляются и на монетахъ преемниковъ Миерадата, особенно опредѣленно на золотомъ статерѣ Динаміи (Head, Hist. num., стр. 504), внучки Миерадата, затѣмъ одно солнце на монетахъ Полемона (см. нашу табл. II, 19), одно время мужа Динаміи (Babelon-Reinach, Rec., I, 1, стр. 19, № 17 и 18, табл. III, 7 и рис. 1), и, наконецъ, солнце въ подчиненіи знаку зодіака вѣсовъ на монетахъ Пиеодориды (Babelon-Reinach, *ibid.*, стр. 20, № 20 bis, табл. III, 10).

Если при этомъ принять во вниманіе, что кожаный шлемъ характеризуетъ и вторую вышеупомянутую серію монетъ, а именно монеты Миерадата въ молодости, а на рядѣ монетъ Амиса и Хабакты, чеканенныхъ, согласно предположенію Имгофа, тѣмъ же Миерадатомъ, онъ изображается въ Персеевомъ шлемѣ, напоминающемъ почти во всѣхъ деталяхъ шлемъ на головѣ нашего бюста (см. Babelon-Reinach, *l. l.*, стр. 55, № 32, табл. VII, 25 и № 35, табл. VIII, 27; стр. 77, № 1, табл. XI, 21; Imhoof-Blumer, Num. Zeitschr., 45 (1912), 180, № 62—64, табл. II, 19 и 20), то станетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что *тиара брѣ* или шлемъ

¹⁾ См. объ этихъ монетахъ Imhoof-Blumer, Griechische Münzen, 40 слл. № 9—26; Taf. III, 7—18; Zeitschr. für Num. XX, 254 слл., 1—4, Taf. IX, 1—3; Chr. Giel., Beiträge zur antiken Numismatik, 1886, стр. 5; Imhoof-Blumer, Num. Zeitschr., 45 (1912), 184, № 81, Taf. II, 31; Agnès Baldwin, Rev. num., 1913, стр. 285 слл., табл. VII—X. Въ колл. в. кн. Александра Михайловича имѣется рядъ неизданныхъ интересныхъ разновидностей.

въ формѣ тиары нашего бюста указываютъ на царское званіе изображенной женщины и на принадлежность ея къ понтійской династіи. Укажу еще и на то, что розетки на шлемѣ могли быть навѣяны розетками вѣнковъ, обрамляющихъ обороты монетъ Миерадата Великаго.

Нашъ бюстъ изображаетъ такимъ образомъ одну изъ женщинъ, принадлежавшихъ къ понтійской царской сѣмьѣ, жившую въ эпоху около Рождества Христова, во всякомъ случаѣ, не раньше этого времени, но и не позже эпохи Агриппины младшей, и имѣвшую ближайшее отношеніе къ Боспорскому царству и къ территоріямъ ему подвластнымъ или вассальнымъ.

Всѣ вышеприведенныя соображенія и гипотезы подтверждаются самымъ блестящимъ образомъ сравненіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ памятниковъ со статуями и рельефами двухъ святилищъ, сооруженныхъ Антиохомъ III коммагенскимъ на восточной и западной террасѣ своего погребальнаго кургана на Немрудъ-дагѣ, такъ живо напоминающаго царскіе курганы боспорскихъ владыкъ на европейской и азіатской сторонѣ Боспора кимерійскаго¹⁾. Я не стану повторять здѣсь образцовый, къ сожалѣнію, до сихъ поръ столь мало использованный комментарий Пухштейна къ скульптурамъ этихъ святилищъ²⁾. Укажу только на то, что боги, особенно персидскіе, Миера и Аурамазда всегда изображаются въ типичной *tiara orōnē*, повторяющей во всѣхъ деталяхъ тиару нашего бюста, вплоть до діадемы, охватывающей ея низъ. Діадема Аурамазды (табл. XXXIX, 1) покрыта изображеніями молній, вся тиара — звѣздами или солнцами (см. нашу табл. III, 3), тиара Миеры (табл. XXXVIII, 2) охвачена двумя діадемами (внизу и въ серединѣ) и окружена солнечными лучами (см. нашу табл. III, 1). Характерно, что въ такой же тиарѣ, охваченной снизу діадемой, покрытой кругами и ромбами, изображенъ и просвѣтленный великій персидскій царь, одинъ изъ предковъ Антиоха, изображеніе котораго такъ превосходно, не въ примѣръ прочимъ статуямъ и рельефамъ святилищъ, сохранилось на рельефѣ табл. XXXVI, 1 (ср. нашу табл. III, 2). И здѣсь тиара покрыта, какъ и на нашемъ бюстѣ и рельефѣ Аурамазды, тремя рядами типичныхъ и для коммагенскихъ скульптуръ солнцъ. Такими же солнцами украшены и его сапоги и штаны, виднѣющіеся изъ-подъ торжественной *chitonis*, въ которую онъ облеченъ³⁾.

Мало обращено до сихъ поръ вниманія на то, въ какой мѣрѣ скиѣскіе цари ранняго времени примыкаютъ въ своихъ инсигніяхъ къ персидскимъ царямъ. Кое-что мною было уже указано въ моей статьѣ «Представленія о монархической власти въ Скиѣи и на Боспорѣ»⁴⁾. Здѣсь укажу, между прочимъ, на типичный *strepitos*, шейный браслетъ, находимый въ каждой скиѣской царской могилѣ.

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ въ моей работѣ «Античная декоративная живопись на югѣ Россіи», С.-Пб., 1914, стр. 45 слл.

²⁾ См. *Humann und Puchstein*, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, Berlin, 1890.

³⁾ См. объ этомъ рельефѣ превосходныя замѣчанія Пухштейна (I. I., стр. 299 слл.); о тиарѣ онъ говоритъ на стран. 300 сл. Ср. тиару Тиграна I Армянскаго, на которой сбоку изображено восьмиконечное солнце между двумя орлами, *Percy Gardner*, The Seleucid Kings of Syria, стр. 163 слл. и *Babelon*, Les rois de Syrie, стр. 213 слл., табл. XXIX, 8 слл.

⁴⁾ Изв. Имп. Арх. Комм., в. 49.

Еще болѣе естественно было примкнуть къ той же традиціи той династіи, которая, какъ и коммагенская, вела свою родословную непосредственно отъ великихъ персидскихъ царей, т.-е. династіи великаго Миерадата.

Характерно, что тѣ солнца, которыя украшаютъ *τιάρα ὀρθή* великихъ боговъ и просвѣтленныхъ царей персидскихъ, играютъ большую роль и въ костюмѣ коммагенскихъ царей. Типично на рядѣ рельефовъ украшеніе солнцами панцыря Антіоха (табл. XXXVIII, 1, 2; XXXIX, 1, 2 и др.). Это напоминаетъ нѣсколько десятковъ золотыхъ бляхъ разныхъ размѣровъ и типовъ съ такимъ же рельефнымъ украшеніемъ изъ колл. Нелидова, которыя также, вѣроятно, нашиты были на кожаный панцырь (см. L. Pollack, *Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze A. J. von Nelidow*, Leipzig 1903, № 492, 493, 494, 499, табл. XIX).

Отмѣчу, наконецъ, что знаменитый зодіакальный левъ Немрудъ Дага, покрытый звѣздами или солнцами, съ полумѣсяцемъ подъ шеей (табл. XL), очевидно, объясняетъ знакъ Миерадатовыхъ монетъ — солнце и полумѣсяцъ¹⁾.

Послѣ этихъ сближеній не можетъ быть никакого сомнѣнія, что бюстъ нашъ изображаетъ царицу, возводившую свой родъ къ персидскимъ царямъ, т.-е., несомнѣнно, въ данное время царицу Миерадатова рода, можетъ быть, не при жизни, а послѣ смерти, на что указываетъ и мѣсто находки бюста и идеализованныя черты лица царицы. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что царица эта дѣйствительно правила, правила долго и одна, считая себя и будучи на самомъ дѣлѣ исполнѣ равноправной царямъ-мужчинамъ.

Эти особенности надо принять во вниманіе, когда мы спросимъ себя, какая же царица Миерадатова рода, правившая на Боспорѣ, можетъ претендовать на то, чтобы быть узнанной въ нашемъ бюстѣ, принадлежащемъ эпохѣ около Рождества Христова.

Выборъ невеликъ, но характерно, что по своимъ качествамъ и по обстоятельствамъ своей жизни всѣ тѣ женщины, среди которыхъ мы можемъ выбирать, а *prigoi* могли быть изображены на памятникѣ, подобномъ нашему. Я имѣю въ виду Динамію, жену Асандра, Скрибонію и Полемона I, долгое время, какъ я постараюсь доказать, правившую Боспорскимъ царствомъ, дочь Фарнака и внучку Миерадата, прожившую всю свою бурную жизнь на Боспорѣ, Писодориду, жену Полемона I, для которой пребываніе въ Боспорскомъ царствѣ было только краткимъ эпизодомъ ея долгой жизни, Гепепирію, жену Аспурга, можетъ быть мать Миерадата II (VII), во всякомъ случаѣ мать Котиса I, какъ я постараюсь доказать ниже, наконецъ Антонію Трифѣну, едва соприкоснувшуюся съ Боспоромъ черезъ сына своего Полемона II.

Всѣ эти женщины были типичными эллинистическими царицами энергичными, властными; всѣ онѣ были либо самостоятельными правительницами, либо дѣятельными сотрудницами, а иногда и соперницами своихъ мужей, и поэтому могли быть увѣковѣчены въ бронзовомъ бюстѣ въ своемъ царскомъ уборѣ. Но, какъ увидимъ ниже, одна Динамія была всю свою жизнь связана съ Боспоромъ и она одна была дѣйствительно Миерадатовой крови. А *prigoi* поэтому весьма возможно, что именно она увѣковѣчена въ бюстѣ.

¹⁾ См. о немъ *Puchstein*, I. I. стр. 329 слл.

Кромѣ этихъ историческихъ апріорныхъ соображеній возможны, однако, и иконографическія сопоставленія. Портреты всѣхъ вышеназванныхъ женщинъ сохранились до нашего времени на ихъ монетахъ. Сопоставлю поэтому съ нашимъ бюстомъ всѣ извѣстные лучшіе монетные портреты интересующихъ насъ четырехъ женщинъ (см. табл. II, 1—10)¹⁾.

На мой взглядъ, единственная изъ названныхъ четырехъ царицъ, черты лица которой близко напоминаютъ черты лица нашего бюста, — это Динамія. Къ сожалѣнію, портретъ ея на единственной монетѣ, дошедшей до насъ отъ этой царицы, искаженъ порчей штемпеля какъ разъ въ наиболѣе характерномъ пунктѣ, т.-е. на кончикѣ носа. Но опредѣленно совпадаютъ мясистый приподнятый подбородокъ, сжатые губы, общая форма носа, лобъ и глаза. Я уже обращалъ вниманіе на то, что портретъ на бюстѣ нѣсколько идеализованъ, портретъ на монетѣ строго реалистиченъ. Еще болѣе характерна такая же маленькая круглая сережка въ ухѣ и три или четыре завитыхъ штопоровидныхъ локона, ниспадающіе на плечи. Къ сожалѣнію, профиль на монетѣ не позволяетъ судить о томъ, имѣлся ли за локонами свернутый жгутъ волосъ, какъ на бюстѣ, но характерно, что и на бюстѣ локоны длиннѣе жгута и въ профилѣ закрываютъ его. Соответственный жгутъ на болѣе позднихъ монетахъ Агриппинъ длиннѣе и боковыми локонами закрытъ быть не могъ.

Остальные портреты, на мой взглядъ, не имѣютъ ни малѣйшихъ чертъ сходства съ нашимъ бюстомъ; характерно, что Трифэна и Гепепирія очень похожи одна на другую. Впрочемъ, предоставляю окончательное сужденіе читателямъ, въ руки которыхъ я далъ на приложенной таблицѣ весь подлежащій иконографическій матеріалъ.

Для полноты картины считаю, однако, необходимымъ дать краткій очеркъ того, что мы знаемъ о четырехъ названныхъ царицахъ, такъ какъ то, что имѣется объ ихъ жизни, особенно о жизни Динаміи и Гепепиріи, которыя однѣ ближайшимъ образомъ могутъ претендовать на принадлежность имъ бюста, какъ въ древнихъ свидѣтельствахъ, такъ и въ современной научной литературѣ, неясно и спорно, хотя и поддается, на мой взглядъ, болѣе раціональной группировкѣ и объясненію.

II.

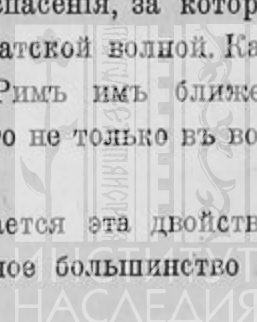
Исторія Боспора послѣ смерти Миерадата, какъ ни плохо она намъ извѣстна изъ случайныхъ упоминаній Кассія Діона и Аппіана, нѣсколькихъ надписей и очень трудной для пониманія серии монетъ, тѣмъ не менѣе ясна въ своихъ основныхъ чертахъ. И послѣ смерти Миерадата идеи его жили въ нѣкоторыхъ изъ его ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ преемниковъ, жило и его имя среди

¹⁾ Монета Динаміи издана *Орфиниковымъ*, Каталогъ собранія *г-р. Уварова*, табл. II, 471; ср. *Minns, Scythians and Greeks*, 592, рис. 347 (наша табл. II, 5 и 12); монеты Писодориды (табл. II, 4) см. *Babelon-Reinach, Rec. I, 1, 20, № 19—21*, ср. ниже литературу о жизни и правленіи царицы; Антоніи Трифэны (табл. II, 8 и 9) тамъ же, стр. 21, № 22—28; Гепепиріи — *Бурачковъ*, табл. XXVI, № 93, 94; *Minns, Scythians and Greeks*, табл. VII, 7 (см. нашу табл. II, 6 и 7). *Kahrstedt, Klio X (1910)*, стр. 360 слл. считаетъ голову на монетѣ Писодориды не за голову самой царицы, а за голову Ливіи, что весьма вѣроятно; но для полноты даю изображеніе и этой головы. Монету Динаміи воспроизвожу по единственному экземпляру колл. *графа Уварова*; дидрахму Трифэны — по экз. колл. *О. И. Прозе*, остальные монеты — по экз. колл. *Вел. Кн. Александра Михайловича*.

многихъ изъ тѣхъ племенъ, которыя были ему подвластны. Его мысль создать понтійское царство, зиждящееся на греко-иранской культурѣ и на арміи, созданной, главнымъ образомъ, изъ сравнительно культурныхъ элементовъ населенія какъ Каппадокіи и Понта, такъ и Боспорскаго царства съ прилегающими къ нему болѣе или менѣе культурными племенами и народами, не была ни утопична, ни невыполнима. Сопротивленіе Парейи Риму и даже переходъ ея въ наступленіе въ эпоху триумvirата, т. е. возобновленіе парейянами попытки Миерадата, показали, какъ и попытка самого Миерадата, какія большія силы таились въ томъ нѣсколько эллинизованномъ иранствѣ, которое составляло руководящую часть населенія въ значительной части великаго царства Миерадата и играло крупную и политическую, и культурную роль въ жизни не иранскихъ Кавказа, Каппадокіи и Арменіи. Принявшее въ эпоху эллинизма, особенно во II в. до Р. Хр., въ значительной степени сарматскій обликъ Боспорское царство подготовило цѣлый рядъ ближайшихъ къ нему сарматскихъ и скиевскихъ племенъ къ государственной жизни, долгое культурное вліяніе грековъ, сначала Ольвіи, затѣмъ Боспора и Херсонеса на скиевъ сдѣлало возможнымъ продолженіе существованія старой скиевской державы на болѣе культурныхъ основахъ въ Крыму въ царствѣ Скилура и Палака. Для завершенія всей этой старой большой культурной работы, для объединенія всѣхъ культурныхъ частей скиевского и сарматскаго міра не хватало только единой сильной воли, единого близкаго по духу и по національности всѣмъ этимъ готовымъ къ прочной культурной и политической жизни элементовъ вождя, не хватало иранскаго Александра. Надо отрѣшиться, наконецъ, отъ предвзятой точки зрѣнія, видящей въ сарматскихъ племенахъ, входившихъ въ составъ феодальнаго Боспорскаго царства, и въ скивахъ временъ Скилура и Палака обычныхъ варваровъ. Курганныя погребенія Тамани и значительной части Прикубанья поздне-эллинистическаго времени, жалкіе остатки городовъ Скилура и Палака, разслѣдованные самымъ поверхностнымъ образомъ, опредѣленно говорятъ намъ о томъ, что руководящіе слои населенія этихъ мѣстностей далеко вышли за предѣлы варварства, и въ области матеріальной культуры сумѣли создать нѣчто свое, очень оригинальное и очень типичное. Неудивительно, что въ міровоззрѣніи этихъ племенъ и народовъ, куда, несомнѣнно, вмѣстѣ съ матеріальной культурой проникли и начала духовной культуры и кое-какія историческія свѣдѣнія, воспоминанія о великомъ прошломъ Скиевъ и о міровой роли Ахеменидовъ въ Персіи должны были создать для ахеменида Миерадата необычайно благопріятную почву.

Миерадата погубили не сарматы и скиевы, изъ которыхъ должна была состояться его послѣдняя великая армія, а греки Фанагоріи, Херсонеса, Θεодосіи и Пантакапея, для которыхъ онъ въ свое время былъ якоремъ спасенія, за который они ухватились, чтобы не быть поглощенными скиевской и сарматской волной. Какъ и въ Малой Азіи, греки Крыма, однако, быстро поняли, что Римъ имъ ближе и роднѣе и болѣе склоненъ защитить и оградить ихъ отъ грознаго не только въ военномъ отношеніи напора эллинизованнаго иранства.

Во всей исторіи Боспора послѣ смерти Миерадата сказывается эта двойственность самого царства и двойственность его настроенія. Огромное большинство на-

селенія, все сарматскія и скискія племена, входившія въ составъ царства, свято хранили память о Миерадатѣ и склонны были поддерживать его наслѣдниковъ, греки готовы были подчиниться любой власти, которая бы гарантировала имъ сохраненіе ихъ національности и остатковъ привычнаго имъ городского строя.

Со всеми этими особенностями Боспора Римъ долженъ былъ считаться и долженъ былъ быть на чеку, предвидя возможность появленія новаго объединителя, новаго Миерадата. Тотъ, кто стоялъ во главѣ Боспора, долженъ былъ быть и достаточно популярнымъ, чтобы объединять разнородные элементы населенія, долженъ былъ поддерживать греческіе элементы противъ мѣстныхъ, т. е. обладать и политическимъ опытомъ и военнымъ талантомъ, и въ то же время долженъ былъ быть послушнымъ слугою Рима, не высказывать никакихъ тенденцій къ возобновленію миерадаатовскихъ плановъ.

Выборъ властителя для Боспора былъ такимъ образомъ дѣломъ очень труднымъ, а количество возможныхъ рѣшеній вопроса почти неограниченно. Со смертью послѣдняго Перисада, конечно, не вымеръ царскій домъ Спартокидовъ, связанный съ царскими домами многихъ скискихъ и сарматскихъ племенъ. Объ этомъ намъ единогласно свидѣтельствуютъ все полу-романическія, полу-историческія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Боспорѣ поздне-эллинистическаго времени, и рассказы объ Амагѣ и Тиргатао у Полиэна, и обрывки преданія объ одномъ изъ позднихъ Левконовъ у Овидія и его схолиаста, и тѣ крупныя исторической обстановки, которыя лежатъ въ основѣ правоучительныхъ скискихъ діалоговъ Лукіана, несомнѣнно знакомаго съ эллинистической литературой о Боспорѣ¹⁾.

Изъ этой среды грековъ и сарматовъ, родственныхъ Спартокидамъ, всегда можно было ждать и при желаніи найти претендента на престолъ. Наряду съ этимъ законное право на престолъ имѣли все прямыя потомки Миерадата, мелкіе обломки его многочисленной семьи.

Претендовала на Боспоръ, конечно, и династія Полемонидовъ, которая смѣнила на престолѣ Понта Миерадата Великаго. За нее стояла традиція, крѣпко связывавшая съ давнихъ временъ города Понта съ греческими городами Крымскаго побережья.

Наконецъ, традиція Лисимаха, одно время сильнѣйшимъ образомъ вліявшаго на исторію Боспорскаго царства, и постоянное стремленіе еракійцевъ раздвинуть свои границы на Востокъ дѣлали и изъ еракійскихъ вассаловъ Рима серьезныхъ претендентовъ на боспорскій престолъ и наслѣдіе Миерадата на сѣв. берегу Чернаго моря.

Въ исторіи борьбы за боспорскій престолъ, какъ и въ исторіи Востока того времени вообще, видную роль игралъ рядъ выдающихся женщинъ, имѣвшихъ большія связи въ Римѣ при дворѣ, гдѣ эти личныя вліянія часто скрещивались съ политическими соображеніями и создавали иногда довольно причудливыя комбинаціи. Несомнѣнно, что и Помпей и Цезарь, какъ вполнѣ въ послѣдствіи Антоній и уполно-

¹⁾ См. мою статью «Амага и Тиргатао» въ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., т. XXXII.

моченные Августа на Востокѣ Агриппа и Тиберій, а затѣмъ уполномоченный Тиберій Германикъ, не говоря уже о самихъ императорахъ во время ихъ пребыванія на Востокѣ, были окружены восточными династами съ ихъ женами и матерями. Ловкія левантинки особенно успѣшно вліяли на женщинъ, постоянно сопровождавшихъ руководителей политики Рима, особенно когда они ѣздили на чарующій Востокъ.

Только съ указанныхъ точекъ зрѣнія и понятна династическая исторія Боспора этихъ смутныхъ и сложныхъ временъ. Надо при этомъ помнить, что къ аннексіи восточныхъ царствъ и созданію новыхъ провинцій Римъ прибѣгалъ и въ это время очень неохотно, только въ случаяхъ настоятельной необходимости.

Одной изъ самыхъ видныхъ женщинъ этой сложной эпохи была, несомнѣнно, Динамія, дочь Фарнака. Ея исторія во многомъ напоминаетъ исторію многомужнихъ и многопреступныхъ, честолюбивыхъ и выносливыхъ, энергичныхъ и умныхъ женщинъ великихъ эллинистическихъ дворовъ послѣ Александра¹⁾.

Мы не знаемъ, ни когда она родилась, ни когда вышла замужъ. Нѣтъ никакихъ серьезныхъ аргументовъ ни за, ни противъ того, что ее именно предлагалъ Фарнакъ въ жены Цезарю въ 47 г.²⁾ Во всякомъ случаѣ приблизительно въ это время она сдѣлалась женою Асандра, которому тогда было болѣе 60 лѣтъ (онъ умеръ 93 лѣтъ приблизительно въ 27 г. до Р. Хр.)³⁾; такимъ образомъ, въ критическій моментъ ея жизни послѣ смерти Асандра, Динаміи во всякомъ случаѣ было за 40 лѣтъ, но врядъ ли много больше, какъ показываетъ ея очень реалистическій портретъ на вышеупомянутомъ статерѣ, чеканенномъ въ 17/16 г. до Р. Хр.

Мы не знаемъ, до или послѣ смерти Фарнака она вышла за Асандра. Возможно и то, и другое, но во всякомъ случаѣ въ это время она была игрушкой въ рукахъ политиковъ того времени.

Для Асандра замужество съ нею имѣло большое значеніе, такъ какъ оно связывало его съ Миерадатомъ и обеспечивало поддержку населенія во время борьбы

¹⁾ Все античныя свидѣтельства и важнѣйшая литература объ исторіи Боспора послѣ Миерадата сопоставлены были послѣ Бѣка В. В. Латышевымъ въ его введении къ изданію Боспорскихъ надписей, см. послѣднее нѣсколько подновленное изданіе этого введения на русскомъ языкѣ у Латышева, *Понтикъ*, 93 слл.; новѣйшая русская литература, неизвѣстная автору статей Bosporus, Chersonesus и Dynamis, помѣщенныхъ въ энциклопедіи Pauly-Wissowa-Kroll, Brandisy, дающему полный сводъ сочиненій, написанныхъ по этому поводу на западѣ, полностью использована Е. Н. Minns'омъ, *Scythians and Greeks*, стр. 591 слл. Къ его указаніямъ надо присоединить статью Geraeryris Stein'a въ *Pauly-Kroll*, R. E., прекрасныя статьи Dessau въ *Prosopographia imperii Romani* и его же статью въ *Eph. ep.* IX, 4, 691 слл. «De regina Pythodoride et de Pythodoride juniore» и «Reges Thraciae qui fuerint imperante Augusto». Среди новѣйшей нумизматической литературы большое значеніе имѣетъ статья А. Л. Бертье-Делагарда, О монетахъ властителей Боспора Киммерійскаго, опредѣляемыхъ монограммами, *Зап. Од. Общ. Ист. и Др.*, т. XXIX, гдѣ впервые хорошо издана вся серія золотыхъ монетъ этого періода, а также рядъ бронзовыхъ, частью неизданныхъ монетъ интересующаго насъ времени, и тщательно переработана вся литература. Рядъ важныхъ дополненій содержитъ работа А. Оршиманова, *Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья*. Москва, 1914, *Нумизм. Сборн.* III, особенно стр. 29 слл., 57 слл., 62 слл.

²⁾ *App. b. civ.* II, 91, ср. von Sallet, *Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des simmerischen Bosporus und des Pontus*, Berlin, 1866, 6, прим. 8; вѣроятноѣ мнѣніе Бѣка (*Сигр.* II, р. 94) и V. Voigt'a, *De Asandro Bospori rege*, Кіевъ, 1884, стр. 3, что Асандръ сдѣлался зятемъ Фарнака (*Dio*, 54, 24) до катастрофы 47 г.

³⁾ *Luc.*, *Macrob.*, 17; *Voigt*, I. I., 4.

съ римскимъ агентомъ, называвшемъ себя также потомкомъ Миерадата, Миерадатомъ Пергамскимъ¹⁾. Большое значеніе, которое придавалъ Асандръ своему супружеству сказывается въ надписи, которая воздвигнута была адмираломъ Асандра Панталеономъ въ Пантикапееѣ, вѣроятно, по поводу большой морской побѣды, *Ios. P. E. II, 25: βα[σιλεύοντος βασιλέων βασιλέως] | μεγάλου Ἀσάνδρου [φιλ]ορωμαίου σωτή|ρος καὶ βασιλίσσης Ἀννάμειος Παν|ταλέων ναύαρχος Ποσειδῶνι Σωσινέ[ω]ι καὶ Ἀφροδίτῃ Ναυαρχίδι*. Названіе царицы рядомъ съ царемъ указываетъ на нѣчто вродѣ соправительства.

Вполнѣ вѣроятно, что Асандръ, удержавшійся на престолѣ послѣ эпизода съ Миерадатомъ Пергамскимъ благодаря тому, что Цезарю въ это время было не до дальняго Востока и онъ отложилъ регулировку какъ гетскихъ, такъ и пареянскихъ, а равно и боспорскихъ дѣлъ до своего предположеннаго на 45 лѣтъ похода въ Парею и противъ Бэребисты, нашелъ затѣмъ въ бурную эпоху триумvirата надлежащую линію поведенія, при чемъ, вѣроятно, въ это время Динамія сдѣлалась лично извѣстной Августу и Ливіи, поддержкой которыхъ, какъ увидимъ, она пользовалась впоследствии.

Темнымъ моментомъ въ ея исторіи является эпизодъ со Скрибоніемъ. Вѣроятно, правъ Dessau (*Eph. ep. IX, 4, 694*), думая, что Скрибоній, называвшій себя внукомъ Миерадата, былъ дѣйствительно провинціаломъ, можетъ быть, изъ царскаго рода, принявшимъ римское имя (*Dio, 54, 24*). Врядъ ли Динамія сошлась бы съ какимъ-нибудь совершенно чужимъ римляниномъ, не имѣвшимъ никакихъ правъ на престолъ. Но Скрибоній успѣха не имѣлъ; послѣ смерти Асандра, какъ показываетъ монета Динаміи, царицей была она, а Скрибоній вскорѣ былъ устраненъ самими боспорцами, можетъ быть, боспорскими греками, боявшимися возобновленія вражды съ Римомъ²⁾.

Послѣ эпизода со Скрибоніемъ, очевидно, въ предотвращеніе повторенія подобныхъ попытокъ, Динамія была выдана замужъ за Полемона, т.-е. Боспорское царство было воссоединено съ Понтомъ, царемъ котораго былъ Полемонъ³⁾. Соправительство Полемона и Динаміи было очень краткимъ. Надо принять во вниманіе то, что Полемонъ былъ убитъ уже въ 8 г. до Р. Хр. и за время отъ 14 г. до 8 г. до Р. Хр. онъ успѣлъ жениться во второй разъ на Пиеодоридѣ и имѣть отъ нея троихъ дѣтей⁴⁾. Если положить на это производство троихъ дѣтей хотя бы 4 года, то его женитьба на Пиеодоридѣ, т. е. устраненіе Динаміи, падеть на 13—12 годъ до Р. Хр., т. е. сожительство Полемона и Динаміи окажется длившимся не болѣе одного года.

Фактъ женитьбы Полемона на Пиеодоридѣ заставилъ всѣхъ почти ученыхъ, разбиравшихся въ интересующихъ насъ событіяхъ, предположить, что Динаміи

¹⁾ Strabo XIII, 4, 3, С 625; b. Alex., 26 и 78; Dio, 42, 48.

²⁾ Я не вижу противорѣчія между Діономъ (l. l.) и пс. Лукіаномъ (l. l.) (ср. Voigt, l. l., 7); вполнѣ возможно и то, что войско Асандра, какъ сообщаетъ пс. Лукіанъ, частью перебѣжало къ Скрибонію, такъ какъ оно состояло, несомнѣнно, въ значительной части изъ сарматовъ и скифовъ; устранили впоследствии Скрибонія не они, а греки Пантикапея, см. Dio, 54, 24, 5.

³⁾ Dio, 54, 24, 6.

⁴⁾ Strabo XII, 3, 29, С 556.

въ 13 или 12 г. до Р. Хр. умерла¹⁾). Надо, однако, помнить, что ни одинъ античный источникъ намъ этого не говоритъ, а многія данныя и весь ходъ событій на Боспорѣ прямо говорятъ противъ этого. Разберемся въ этихъ данныхъ.

Кромѣ литературныхъ свидѣтельствъ Динамія фигурируетъ въ рядѣ надписей. Въ двухъ какъ лицо, посвящающее статуи Августу, одну въ Фанагоріи, другую въ Пантикапееѣ, въ одной какъ лицо, посвящающее статую Ливіи въ храмѣ Афродиты. См. Ios. P. E. II, 354: *αὐτοκράτορα Καίσαρα Θεοῦ υἱὸν | Σεβαστὸν τὸν (π)άσης γῆς καὶ | [πάσης] θαλάσσης ἄρχοντα | τὸν ἑαυτῆς σωτ[ῆ]ρα καὶ εὐ]εργέτη[ν] | βασίλισσα Δύνα[μις] φιλορώμαιοις* (Фанагорія); Ios. P. E. IV, 201: *αὐτοκράτορα Καίσαρα Θεὸν | [Θ]εοῦ υἱὸν Σεβαστὸν τὸν ἑαυτῆς | [σ]ωτῆρα καὶ εὐεργέτην | [β]ασίλισσα Δύνα[μις] φιλορώμαιοι[s]* (Пантикапей); IV, 420: *Λιού[α]ν[ν] τὴν τοῦ Σεβαστοῦ γυναῖκα | [βασίλισσα] Δύναμις φιλορώμαιοις | [τὴν ἑαυ]τῆς εὐεργέτιν.*

Кромѣ того, ей ставятъ статуя народъ Фанагоріи, см. Ios. P. E. II, 356: *β]ασίλισσαν Δύναμιν φιλορώμ[αίον] | τὴν ἐκ βασιλέω[ς] μ[ε]γάλου Φα[ρ]νάκου | τοῦ ἐκ βασιλέω[ς] βασιλέων Μιθ[ρα]δά | τοῦ Εὐλάτορος [Λι]οῦνύ[σ]ο[υ] | τὴν ἑαυτῶν σ[ώ]τειραν καὶ εὐε[ργέ] | | τιν [ὁ δ]ῆμος [ὁ Ἀγριπ]λέων.*

Когда и по какому поводу возникла вся эта серія надписей? Ясно, что первыя три являются свидѣтельницами какого-то большого благодѣянія, которое оказали Динаміи Августъ и Ливія, четвертая свидѣтельствуеъ о благодѣяніи, которое оказала Динамія Фанагоріи. И здѣсь и тамъ рѣчь идетъ о спасеніи, очевидно, отъ чего-то тяжелаго и грознаго.

Датировать можно приблизительно только четвертую изъ приведенныхъ надписей. Ясно, что она не могла быть поставлена раньше вмѣшательства Агриппы въ дѣла Боспора. Самое принятіе городомъ имени Агриппіи говоритъ за то, что это вмѣшательство разсматривалось гражданами какъ большое благодѣяніе городу. Если же принять заманчивое предположеніе Орѣшниковъ, что одновременно съ Фанагоріей, принявшей имя Агриппіи, какой-то другой городъ, вѣроятно, Пантикапей принялъ имя Кесаріи, какъ показываютъ двѣ серіи мѣдныхъ монетъ, одна съ надписью *Ἀγριπλέων*, другая съ надписью *Καίσαρέων*, то очевидно будетъ, что это переименованіе стояло въ связи съ какимъ-то событіемъ, имѣвшимъ отношеніе ко всему Боспорскому царству²⁾.

Мѣдныя монеты съ этими надписями Орѣшниковъ³⁾ совершенно правильно ставятъ въ связь съ серіей золотыхъ статовъ, несущихъ изображеніе головъ Августа и Агриппы и монограмму A или X . Между тѣмъ, эта серія начинается только съ 8 г. до Р. Хр. и идетъ до 7 г. по Р. Хр. Переименованіе городовъ будетъ стоять такимъ образомъ въ связи съ тѣмъ событіемъ, которое вызвало къ жизни появленіе

¹⁾ Исключеніе составляетъ одинъ *Minns, Scythians and Greeks*, 594, 1 и 601, который предлагаетъ въ общемъ ту же конструкцію, какъ и я; въ подробностяхъ, однако, мы расходимся въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

²⁾ См. *А. Орѣшниковъ*, Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья, 4. Монеты Кесаріи и Агриппіи, стр. 37 слл.

³⁾ *А. Орѣшниковъ*, 1. 1., 40.

упомянутой серии золотых монетъ съ монограммой X и которое относится къ 8 г. до Р. Хр.¹⁾.

Со всѣмъ этимъ въ полномъ согласіи стоитъ четвертая изъ вышеприведенныхъ надписей. Она не можетъ относиться ко времени единоличнаго правленія Динаміи въ 17/16 г. до Р. Хр. Въ это время Фанагорія не могла быть переименована въ Агриппію. Не можетъ она относиться и къ году совмѣстнаго правленія Полемона и Динаміи. Въ надписи на Полемона нѣтъ никакого намека, Динамія является единоличной правительницей, она, а не она и Полемонъ, является спасительницей и благодѣтельницей города, при чемъ городъ подчеркиваетъ ея законное право на престоль, настаиваетъ на томъ, что она дочь Фарнака и внучка Миерадата. Все это абсолютно непримиримо съ предположеніемъ о принадлежности надписи къ году совмѣстнаго правленія Полемона и Динаміи. Властный характеръ Полемона не допустилъ бы такого умаленія его достоинства. Ясно, что надпись принадлежитъ, во-первыхъ, времени единоличнаго правленія Динаміи, во-вторыхъ, времени послѣ 17/16 г., въ-третьихъ, не эпохѣ совмѣстнаго правительства Полемона и Динаміи, а, по всей вѣроятности, даже времени послѣ 8 г. до Р. Хр.

Уже это одно ясно показываетъ, что Динамія въ годъ женитбы Полемона на Пиеодоридѣ не умерла, она продолжала жить и даже вновь сдѣлалась единоличной правительницей всего Боспора.

И какъ разъ между 8 г. до Р. Хр. и 7 г. по Р. Хр. мы имѣемъ серію монетъ, на которыхъ рядомъ съ изображеніями Августа и Агриппы, фактическихъ распорядителей жизнью Боспора, появляется скромная монограмма X, которую естественнѣе всего, какъ это усмотрѣлъ уже Моммзенъ, распространять въ *Δυναμῖς*, при чемъ буквы Δ, Υ, Δ, Μ и даже Σ несомнѣнны, т.-е. болѣе чѣмъ нужно для монограммы имени *Δυναμῖς*²⁾,

Уже изъ этихъ фактовъ несомнѣнно, что Динамія не только не умерла въ 13—12 гг. до Р. Хр., а наоборотъ добилась послѣ смерти Полемона того, что была признана единоличной властительницей Боспора.

¹⁾ Отмѣчу въ дополненіе къ тому, что сказала Орѣшниковъ, что упомянутыя двѣ серіи монетъ (золотыхъ съ головами Августа и Агриппы и мѣдныхъ съ именами Кесаріи и Агриппіи) и въ томъ совпадаютъ съ вышеприведенной серіей надписей, что монеты Агриппіи и Кесаріи даютъ обѣ на лицевой сторонѣ женскую голову въ облаченіи божества, но съ чертами лица, которыя обыкновенно сближаютъ съ чертами лица Ливіи. Если вспомнить, что и на римскихъ монетахъ Ливія появляется только въ видѣ божества, то будетъ понятно какъ ея помѣщеніе на серіи городскихъ мѣдныхъ монетъ, такъ и ея изображеніе въ видѣ божества. Впрочемъ, не могу не отмѣтить, что мнѣ лично голова съ діадемой на монетахъ Агриппіи напоминаетъ не голову Ливіи, съ которой она, собственно говоря, имѣетъ очень мало общаго, а голову самой Динаміи на ея монетахъ и голову нашего бюста. Я склоненъ былъ бы поэтому предположить, что Агриппіицы и Кесаріицы украсили свои монеты головами верховнаго женскаго божества Боспора, придавъ ему черты лица своей царицы. Характерно, что подобное сближеніе имѣется только на мѣди, отнюдь же не на золотѣ. Образцомъ могли послужить римскія монеты съ изображеніемъ Ливіи какъ божества (см. нашу табл. II, 13, 14 и 15, гдѣ я нарочно сопоставляю эти монеты съ монетой Динаміи и съ издаваемымъ бюстомъ; характерно, что идеализованное изображеніе на монетахъ составляетъ мостъ отъ монеты Динаміи къ нашему бюсту; въ немъ нѣсколько сглажена форма носа, но низъ лица остался тѣмъ же).

²⁾ См. эти монеты въ вышеприведенной статьѣ А. Л. Бертье-Делагарда, Зап. Общ. Ист. и Др. XXIX, стр. 111 сл., № 35—43 и табл. II, III; *Mommsen, Gesch. d. röm. Münzw.*, 702, прим.; *A. von Sallet, Beiträge etc.*, 69 сл.; ихъ историческое объясненіе монетъ однако неприемлемо, ср. *Brandis, P. W., R. E. s. v. Dynamis*, гдѣ указаны позднѣйшія работы Моммзена, особ. *Ephe. ep.* I, 272.

Съ этимъ превосходно согласуются три первыхъ выше приведенныя надписи. Ихъ толкуютъ обыкновенно, какъ выраженіе Динаміей благодарности Августу и Ливіи за то, что они сочетали ее бракомъ съ Полемономъ. Это я считаю невозможнымъ, во-первыхъ, опять таки потому, что въ надписяхъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на Полемона, а Динамія выступаетъ какъ единая царица Боспора, во-вторыхъ потому, что ни отъ кого и ни отъ чего Августъ и Ливія въ это время Динамію не спасали, въ-третьихъ потому, что и вообще Динаміи не за что было благодарить: она была законной царицей Боспора, и Августъ съ Агриппой умалили ея законныя права, отдавъ ее подъ опеку сильнаго понтійскаго царя, который не склоненъ былъ подчиняться Динаміи и владѣть Боспоромъ номинально, и немедленно водворился на Боспорѣ, какъ самостоятельный хозяинъ¹⁾.

Между тѣмъ, утвержденіе самостоятельной и единой владычицей Боспора послѣ смерти Полемона было дѣйствительнымъ благодареніемъ и спасеніемъ, если припомнить тѣ обстоятельства, при которыхъ оно произошло.

Эти обстоятельства, о которыхъ у насъ имѣется нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, очень гармонируютъ со всѣми вышеприведенными фактами.

О смерти Полемона и положеніи дѣлъ на Боспорѣ послѣ нея сообщаетъ намъ Страбонъ въ двухъ мѣстахъ. Въ кн. XI, 2, 11 (С 495) онъ говоритъ по поводу новаго племени Аспургіанъ, котораго не знаетъ его источникъ Артемидоръ изъ Эфеса, слѣдующее: перечисливъ племена мѣотовъ, онъ выдѣляетъ изъ нихъ Аспургіанъ, очевидно, какъ нѣчто новое и съ чѣмъ въ его источникѣ соединенъ былъ интересный историческій рассказъ: *τούτων δ' εἰσὶ καὶ οἱ Ἀσπουργιανοὶ μεταξὺ Φαναγορείας οἰκοῦντες καὶ Γοργυλίας ἐν πεντακοσίοις σταδίοις, οἷς ἐπιθέμενος Πολέμων ὁ βασιλεὺς ἐπὶ προσποιήσει φιλίας οὐ λαθὼν ἀντεστρατηγήθη καὶ ζωγρία ληφθεὶς ἀπέθανε*, ср. XII, 3, 29, гдѣ рѣчь идетъ о Писодоридѣ: *ἔστι δὲ θυγάτηρ Πυθοδώρου τοῦ Τραλλιανοῦ, γυνὴ δ' ἐγένετο Πολέμωνος καὶ συνεβασίλευσεν ἐκείνῳ χρόνον τινα, εἶτα διεδέξατο τὴν ἀρχὴν τελευτήσαντος ἐν τοῖς Ἀσπουργιανοῖς καλουμένοις τῶν περὶ τὴν Σινδικὴν βαρβάρων*.

Это новое «племя» Аспургіанъ, упоминаемое впоследствии въ надписяхъ III в. по Р. Хр. (Ios. P. E. II, 29, 430, 431), вѣроятно, какъ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ²⁾ (ср. Латышевъ *Ποντικά*, 103) не есть племя, а та дружина царя

¹⁾ Весьма возможно даже, что сопротивление, которое встрѣтилъ Полемонъ при своемъ появленіи на Боспорѣ (Dio, 54, 24), исходило въ концѣ концовъ отъ Динаміи и только определенное приказаніе Августа заставило ее временно примириться съ Полемономъ и отдать ему свою руку. Августъ и Агриппа видѣли въ этомъ бракѣ единственную гарантію спокойствія на Боспорѣ. Какое значеніе придавалъ Августъ боспорскимъ смутамъ показываетъ тотъ рядъ почестей, которыя получилъ Агриппа (Dio, I. I.) за счастливое улаженіе боспорскихъ дѣлъ. И изъ этого видно, что Скрибоній не былъ простымъ авантюристомъ и сочетаніе съ нимъ Динаміи было большой угрозой Риму, угрозой возобновленія эпопеи Миерадата.

²⁾ И. И. А. К., 10, стр. 15. Впрочемъ, см. ниже высоко поучительный экскурсъ акад. Н. Я. Марра (ниже, Приложение II). Судя по этому экскурсу, строй того, вѣроятно, сарматскаго племени, въ составъ котораго входили Аспургіане, былъ чисто иранскій. Съ Аспургомъ, связаннымъ, вѣроятно, узами происхожденія съ тѣмъ племенемъ, въ составъ котораго входили Аспургіане, двинулась въ предѣлы Боспорскаго царства молодежь племени, составившая его дружину. Поселенные въ странѣ сивдовъ и керкетовъ, очевидно, какъ помѣщики и въ то же время дружинники царя (такую роль они играютъ и впоследствии), они стали зваться Аспургіанами, т.-е. «боярскими дѣтьми», и такъ же стала называться,

Аспурга, которую онъ вывелъ съ собою съ береговъ Азовскаго моря или изъ глубины Сарматіи и которая помогла ему добыть себѣ престолъ, которую онъ поэтому и поселилъ въ лучшихъ мѣстахъ Тамани, между Горгишпией и Фанагоріей, какъ свой оплотъ и свою гвардію. Это «племя» есть такимъ образомъ географическое повѣстие, появленіе котораго на Тамани объяснялъ историческій источникъ Страбона (вѣроятно, Гипсикратъ)¹⁾, рассказъ котораго Страбонъ стянулъ въ нѣсколько вышеприведенныхъ фразъ.

Аспургъ, несомнѣнно, правилъ на Боспорѣ, какъ показываетъ его надписи (Ios. P. E. II, 36 и 364); его монеты, датированныя, какъ и монеты Динаміи, понтійской эрой, обозначаются, начиная съ 10 г. по Р. Хр. его именемъ въ монограммѣ ΑΡ , а съ 13 г. по Р. Хр. тѣмъ же именемъ съ прибавленіемъ титула *Βασίλευς* (та же монограмма ΑΡ съ прибавленіемъ буквы Β), что продолжается до 35 г. по Р. Хр. Хронологическая послѣдовательность показываетъ, что онъ былъ преемникомъ Динаміи (о перерывѣ въ 8 и 9 гг. по Р. Хр. см. ниже), а понтійская эра доказываетъ, что и онъ причислялъ себя къ роду Ахеменидовъ. Такъ какъ онъ былъ сыномъ Асандра (Ios. P. E. II, 36), то ахеменидомъ онъ могъ быть только постольку, поскольку его матерью была Динамія.

Если это такъ, то онъ не могъ быть малолѣтнимъ въ 8 г. до Р. Хр., такъ какъ мы видѣли, что Динамія сдѣлалась женой 63-лѣтняго Асандра около 47 г. до Р. Хр. Въ 8 г. ему было, по крайней мѣрѣ, 30 съ лишнимъ лѣтъ. Не наследовалъ онъ отцу потому, что престолъ принадлежалъ, собственно говоря, не Асандру, а Динаміи, и она была его законной преемницей.

какъ это видно изъ Страбона и сопоставленія *Н. Я. Марра*, занятая ими страна. Какова же была связь Аспурга, съ тѣмъ племенемъ, къ которому принадлежали Аспургиане? Связь эта, подтверждаемая поддержкой сарматскихъ племенъ, оказанной и Аспургу, и Миорадату VII, могла быть двойкой: либо по матери, либо по отцу. Въ первомъ случаѣ можно было бы предположить, что матерью Динаміи, женой Фарнака, была женщина царскаго сарматскаго рода, что вполне вѣроятно, такъ какъ Миорадатъ и дочерей своихъ выдалъ замужъ за сарматскихъ и скиевскихъ царей; не забудемъ, что въ своихъ войнахъ Фарнакъ опирался на войско, состоявшее по преимуществу изъ скивовъ и сарматовъ (см. Strabo XI, 5, 8 С 506, ср. App. Mithr. 120). Въ особо близкихъ отношеніяхъ Фарнакъ стоялъ къ племенамъ сираковъ и аорсовъ (см. Strabo, I. I.). вполне возможно, что Аспургиане первоначально входили въ составъ одного изъ этихъ племенъ. Сираки и аорсы были могучими и очень численными племенами. Во второмъ можно было бы думать о сарматскомъ или полусарматскомъ происхожденіи Асандра. За это, можетъ быть, говорить то, что въ надписи своей сынъ его Аспургъ (Ios. P. E. II, 36) называетъ его не Асандромъ, а Асандрохомъ; можетъ быть, Асандръ былъ только грецизаціей сарматскаго имени. Не можетъ быть сомнѣнія, что Аспургъ былъ сыномъ Асандра; врядъ ли Аспурга стали бы называть въ надписи въ его честь (Ios. P. E., II, 36) сыномъ Асандроха, если бы этотъ Асандрохъ не былъ идентиченъ съ царемъ Боспора Асандромъ; вѣдь въ надписи ссылка на происхожденіе Аспургу нужна какъ указаніе на то, что у него имѣются законныя права на престолъ и притомъ признанныя. Врядъ ли въ такомъ контекстѣ Аспургъ сталъ бы ссылаться на какого-то неизвѣстнаго сарматскаго царя, какъ думаетъ *Кислингъ* въ своей длинной, но сумбурной и полной ошибокъ статьѣ о Горгишпії въ *Pauly-Wissowa-Kroll*, R. E., VII, 1628. Имя Аспургъ не есть, конечно, *ἄσπυργος*, какъ думаетъ тотъ же *Кислингъ* (см. наше Приложеніе II), но все-таки указываетъ на негреческое, можетъ быть, сарматское происхожденіе Аспурга. Одно, особенно послѣ изслѣдованія *Н. Я. Марра*, мнѣ представляется несомнѣннымъ: въ жилахъ Аспурга текла большая доза мѣстной, можетъ быть, сарматской крови, и этимъ объясняется то, что въ династіи съ именами еракійскими чередуются имена сарматскія (по крайней мѣрѣ три Савромата на ряду съ Котисами и Рескупоридами). Ср. также статью *Aspurgos P. von Rohden'a* въ *Pauly Wissowa*, R. E., II, 1739 сл.

¹⁾ См. мою статью «Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора» въ «Сборникѣ статей въ честь В. П. Бузескула», Харьковъ, 1914.

Ходъ событій, въ виду всего этого, я представляю себѣ слѣдующимъ образомъ. Когда Полемонъ женился на Пиеодоридѣ, Динамія съ Аспургомъ, какъ впоследствии Миерадатъ VII, нашли себѣ прибѣжище у одного изъ сосѣднихъ сарматскихъ племенъ. Возможно даже, что расчеты Августа и Агриппы успокоить при помощи Полемона и его брака съ Динаміей волненія на Боспорѣ оказались неправильными и что съ первыхъ же моментовъ супружества, какъ и слѣдовало ожидать, у Динаміи и Полемона пошли нелады, при чемъ Динамія и Аспургъ подняли противъ Полемона азіатскую часть его царства. Полемонъ былъ вынужденъ поэтому немедленно послѣ вступленія на боспорскій престолъ предпринять противъ возставшихъ рядъ походовъ, во время которыхъ онъ между прочимъ захватилъ Колхиду и разрушилъ непокорный ему Танаидъ, ставшій на сторону его жены и Аспурга, какъ надо думать (см. Strabo, XI, 2, 3 (С 493) и 2, 18 (С 499). Тѣмъ не менѣе Динамія и Аспургъ удержались среди племенъ у Азовскаго моря, и сладить съ ними силою Полемонъ не могъ. Онъ попробовалъ прибѣгнуть къ хитрости, можетъ быть, тогда, когда рать Аспурга уже захватила всю Синдику, но попался въ свою собственную ловушку и былъ убитъ. Длилась эта эпопея отъ 13 до 8 г. до Р. Хр., конечно, съ перерывами. При такомъ ходѣ дѣлъ вполне естественной представляется и женитьба Полемона на Пиеодоридѣ.

Критическій моментъ для Динаміи наступилъ тогда, когда Полемонъ былъ убитъ, и Августъ долженъ былъ окончательно рѣшить судьбу Боспора. Вѣроятно, не безъ вліянія со стороны Ливіи, а, главнымъ образомъ, потому что на сторонѣ Аспурга и Динаміи была сила, подъ вліяніемъ, съ другой стороны, обѣщанія полного подчиненія со стороны Динаміи, Августъ рѣшилъ дѣло въ ея пользу, признавъ ея права на престолъ предпочтительно передъ правами Пиеодориды, которая, съ тремя малолѣтними дѣтьми на рукахъ, врядъ ли могла гарантировать спокойствіе Боспору, въ которомъ Боспоръ такъ нуждался. Но самостоятельность царства должна была кончиться. На монетахъ болѣе не появляются ни изображеніе Динаміи, ни ея полный титулъ; скромная монограмма свидѣтельствуетъ одна о томъ, что отъ имени Августа управляетъ Боспоромъ Динамія¹⁾. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Динамія, дѣйствительно, должна была быть или казаться благодарной Августу и Ливіи и должна была особенно упорно подчеркивать, что она *φιλορώμαιος*. Вполнѣ понятно и то, что Фанагорія, надъ которой тяготѣлъ кошмаръ испытать судьбу Танаиды, прославила свою спасительницу Динамію статуей и пышной надписью, не забывъ однако упомянуть, что она *φιλορώμαιος*, т.-е., несмотря на свое происхожденіе отъ Миерадата, не болѣе какъ римскій вассаль. Понятно, что Динамія была вынуждена переименовать два главныхъ города своего царства въ Агриппію и Кесарію по имени Августа и бывшаго, нынѣ покойнаго, правителя Востока²⁾. Ясно

¹⁾ Характерно, что въ этой монограммѣ не упоминается ея титулъ царицы.

²⁾ Такъ какъ несомнѣнно, что типъ боспорскихъ монетъ этого времени выработаны были если не въ Римѣ, то представителемъ римской власти на Востокъ, то, очевидно, и переименованіе городовъ, какъ и типъ монетъ, должны были подчеркивать вассальность Боспора Риму. При моей реконструкціи событій и объясненіи ихъ смысла становится понятнымъ и появленіе головы Агриппы на монетахъ Боспора рядомъ съ головой Августа, и переименованіе Фанагоріи. Надо помнить, что въ это время

и то, почему на монетахъ этихъ вновь родившихся городовъ появляется нѣчто въ родѣ портрета Ливіи, сливающейся съ главными женскими божествами или главнымъ женскимъ божествомъ царства — Афродитой Ураніей. Въ этомъ сказывается, можетъ быть, и то, что тогда же начинается и культъ римскихъ императоровъ на Боспорѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ Фанагорійскій *Καὶσάρειον*¹⁾. Итакъ, мнѣ представляется доказаннымъ, что, начиная съ момента смерти Полемона, правительницей Боспора Августъ утвердилъ Динамію, сумѣвшую при помощи сына своего Аспурга устранить Полемона, желавшаго быть дѣйствительнымъ хозяиномъ на Боспорѣ. Динамія правила до 7 г. по Р. Хр., когда умерла въ преклонномъ возрастѣ (ей было въ это время около 70 лѣтъ). Ея ближайшимъ помощникомъ, очевидно, былъ сынъ ея Аспургъ (нѣчто подобное мы знаемъ въ то же приблизительно время для Пиеодориды, которая также правила вмѣстѣ съ сыномъ, при чемъ сынъ ея однако оставался *ἰδιώτης* (Strabo XII, 3, 29, С 556), не имѣвшій, однако, царскаго титула²⁾).

Такова, на мой взглядъ, исторія Динаміи. Понятно, что за долгое время жизни она могла приобрести большую популярность во всемъ царствѣ и портретъ ея могъ украшать храмъ или какое-либо общественное зданіе не только въ ближайшихъ предѣлахъ ея царства, но и въ подвластномъ ей приморскомъ городѣ Батѣ.

III.

За исключеніемъ Динаміи ни одна изъ другихъ женщинъ, имѣющихъ отношеніе къ Боспору, не могла претендовать на происхожденіе отъ Ахеменидовъ. Въ подтвержденіе этого взгляда укажу вкратцѣ на тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, разбираясь въ позднѣйшихъ событіяхъ исторіи Боспора.

Агриппы уже не было въ живыхъ. Всѣ эти почести являются такимъ образомъ только увѣковѣченіемъ его памяти, съ чѣмъ согласуется и типъ его головы безъ какихъ-либо инсигній. Какъ ни высоко ставилъ Августъ Агриппу, но врядъ ли бы онъ допустилъ, чтобы при жизни Агриппы его голова на цѣлой серіи монетъ фигурировала рядомъ съ головой Августа. Послѣ смерти же Агриппы такой пietetъ Августа по отношенію къ своему гениальному сотруднику, много поработавшему надъ упорядоченіемъ дѣлъ на Востокѣ, вполне понятенъ. Правда, при жизни Агриппы въ Римѣ чеканились монеты съ его портретомъ, какъ почеть, оказываемая Агриппѣ Августомъ, но это далеко не равнозначуще такому единственному въ своемъ родѣ факту, какъ чеканка монеты вассальнымъ царствомъ отъ имени Августа и Агриппы и одновременное переименованіе по имени Августа и Агриппы главныхъ городовъ этого царства.

¹⁾ Ios. P. E. II, 362.

²⁾ Я не вижу основанія сомнѣваться въ томъ, что Аспургъ былъ сыномъ Динаміи. Если онъ родился въ сороковыхъ годахъ I в. до Р. Хр., то ему въ годъ его смерти было, правда, около 80 лѣтъ, но надо помнить, что его отецъ былъ вполне бодръ еще въ 93 года. Года рожденія Аспурга мы, впрочемъ, не знаемъ. Онъ могъ родиться и не сейчасъ послѣ брака Динаміи съ Асандромъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что Аспургъ былъ сыномъ Асандра отъ его перваго брака. Еще менѣе основаній считать Аспурга вообще не принадлежащимъ къ царскому роду и, слѣдовательно, не имѣвшимъ никакихъ правъ на престолъ. Если бы это было такъ, то его появленіе на престолѣ было бы совершенно непонятно. Одно можно было бы предположить, а именно что онъ былъ третьимъ мужемъ Динаміи. Но всѣ эти гаданія устраняются прямымъ указаніемъ надписи Ios. P. E. II, 36, о которой выше уже была рѣчь.

Послѣ смерти Динаміи Аспургъ не сразу былъ признанъ царемъ или правителемъ Боспора. Преемникомъ Динаміи было лицо, обозначенное на золотыхъ монетахъ монограммой ККЕ. Кто это былъ, объ этомъ позволительно лишь гадать. Наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется, что послѣ смерти Динаміи вновь возобладало вліяніе Пиеодориды и въ царѣ ККЕ мы могли бы видѣть одного изъ сыновей Полемона, можетъ быть, того, который позднѣе соправительствовалъ Пиеодоридѣ и имени которого мы не знаемъ (другой — Зенонъ, согласно Тас. ann. II, 56, былъ сдѣланъ въ 18 г. по Р. Хр. царемъ Арменіи).

Но, очевидно, и тутъ повторилась исторія съ Полемономъ. Аспургу удалось настоять на своемъ правѣ, и, начиная съ 10 г., на монетахъ появляется, какъ было сказано выше, его монограмма.

Съ 13 года по Р. Хр. онъ получаетъ титулъ царя, и при Тиберіи начинаетъ чеканить монеты со своимъ изображеніемъ на оборотной сторонѣ, съ головой и именемъ сначала Тиберія, а потомъ Гая на лицевой¹⁾.

Аспургъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ двухъ сыновей, старшаго Миерадата и младшаго Котиса²⁾. Эти имена очень интересны: первое указываетъ на ахеменидство Аспурга, второе на какую-то связь съ еракійскимъ правящимъ домомъ.

Характерно, что и Миерадаты вполнѣ въ своихъ монетахъ, чеканенныхъ имъ въ то время, когда онъ былъ царемъ Боспора, подчеркиваетъ не только свою связь съ Миерадатомъ Великимъ (см. табл. II, 16), но и свое еракійское происхожденіе: объ этомъ говорятъ типы оборотовъ его монетъ — эмблемы Посидона и Геракла (см. табл. II, 17), отъ которыхъ, какъ показываютъ надписи, ведутъ свое происхожденіе черезъ Евмолпа послѣдующіе цари Боспора, прямыя потомки Котиса, брата Миерадата³⁾.

Имя Котиса и эмблемы монетъ Миерадата показываютъ, что оба они причисляли себя не только къ Ахеменидамъ, но и къ еракійской царской династіи⁴⁾.

Откуда это? По мужской линіи еракійскихъ элементовъ въ династіи Асандра и Миерадата нѣтъ. Остается женская линія. Несомнѣнно, что матерью Котиса была Гепепирия; память о ней и объ отцѣ своемъ Аспургѣ Котисъ запечатлѣлъ на своихъ монетахъ, гдѣ изображены портреты на одной царя и на другой царицы (см. рис. 2)⁵⁾. Между тѣмъ портретъ царицы, матери Котиса, тотъ же, что на монетахъ Гепепирии, которыя она чеканила одна и вмѣстѣ съ Миерадатомъ⁶⁾. Такъ какъ рядомъ съ портретомъ отца Котисъ помѣщаетъ обычную его монограмму, то и монограмму рядомъ

¹⁾ См. *Бертье-Делагардъ*, I. I., стр. 112 слл., № 46—67, табл. III, IV.

²⁾ Тас. ann. XII, 18; *Латышевъ*, *Понтика́*, 108; И. И. А. Р., 37, стр. 70, № 7; *Minns*, *Scythians and Greeks*, 596 слл.

³⁾ См. *Латышевъ*, *Понтика́*, 113, прим. 1.

⁴⁾ Возводитъ это еракійство къ отдаленнымъ временамъ Спартокидовъ, среди которыхъ встрѣчается нѣсколько именъ, похожихъ на еракійскія, врядъ ли возможно. Едва ли сами Спартокиды сознавали свою связь съ Эракіей. Ни въ одномъ памятникѣ того времени это, по крайней мѣрѣ, не сказывается.

⁵⁾ См. очень правильныя замѣчанія *Бертье-Делагарда*, I. I., стр. 47 сл., рис. на стран. 48 и табл. II, № 30 и 31.

⁶⁾ На это сходство никто, насколько мнѣ помнится, не обратилъ должнаго вниманія. Между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что монета Котиса есть точное воспроизведеніе чекана его матери, см. табл. II, 18 и 20.

съ портретомъ матери надо считать монограммой Гепепирии. А между тѣмъ какъ разъ эта монограмма EP смѣняеть на золотѣ монограмму Аспурга. Поэтому ее несомнѣнно надо читать $\beta\alpha(\sigma\iota\lambda\acute{\iota}\sigma\sigma\eta\varsigma) \Gamma\eta\pi\alpha\iota\lambda\upsilon\rho\epsilon\omega\varsigma$ или $\beta(\alpha\sigma\iota\lambda\iota\sigma\sigma\alpha) \Gamma\eta\pi\alpha\iota\lambda\upsilon\rho\iota\varsigma$, при чемъ въ монограммѣ, какъ и въ монограммѣ Динаміи, имѣются почти всѣ буквы ея имени¹⁾.

Изъ этого слѣдуетъ, что Гепепирия была женою Аспурга, матерью Миерадата и Котиса, а также то, что Гепепирия была еракіянка²⁾ и притомъ царскаго рода: недаромъ же она наслѣдовала Аспургу, сначала одна, а затѣмъ вмѣстѣ со старшимъ сыномъ своимъ Миерадатомъ.

Принимая во вниманіе претензіи Полемонидовъ на престолъ Боспора, можно думать, что упроченіе Аспурга на престолѣ связано было съ ликвидаціей спора между Асандридами и Полемонидами за боспорскій престолъ путемъ брака между Аспургомъ и принцессой Полемоновскою династіи; эта династія, какъ извѣстно, въ лицѣ Антоніи Трифѣны, соединилась съ еракійскою царскою династіей. Бракъ этотъ, вѣроятно же всего, состоялся уже послѣ дарованія Аспургу царскаго титула, т.-е. въ 13 г.; но могъ быть обусловленъ и раньше.

Мое предположеніе подтверждается тѣмъ, что Котисъ былъ малолѣткомъ въ годъ смерти отца, Миерадаты же врядъ ли былъ на очень много старше его, такъ какъ

Рис. 2. Монета, чеканенная Котисомъ въ память Гепепирии.

въ первые два года послѣ смерти Аспурга онъ не являлся соправителемъ матери, а дѣлается имъ лишь въ 339 г., когда онъ достигъ, вѣроятно, сравнительно зрѣлаго возраста (Латышевъ, *Понтика*, 108; Minns, l. l., 596 сл.). Бракъ Аспурга и Гепепирии падаетъ такимъ образомъ на конецъ правленія Аспурга, что подтверждается и тѣмъ, что Гепепирия на ея монетахъ, т.-е. вѣроятно послѣ 41 г. имѣетъ видъ совершенно молодой женщины.

Если это такъ, то Гепепирия вполне могла быть дочерью Трифѣны и Котиса. Трифѣна родилась не позже 11—8 г. до Р. Хр., вышла замужъ очевидно рано (въ 19 г. по Р. Хр., годъ смерти ея мужа Котиса, она уже была матерью четырехъ или пяти дѣтей, если считать Гепепирию; изъ этихъ дѣтей Полемонъ II въ 38 г. уже назначается царемъ Боспора) и приблизительно въ 20 г. по Р. Хр., или нѣсколько позже, могла имѣть дочь 15—16 лѣтъ.

Принимая во вниманіе все сказанное, я предложилъ бы *sous toutes reserves*, что Гепепирия была одной изъ дочерей Котиса и Антоніи Трифѣны. Преданіе, правда, среди дѣтей Котиса Гепепирию не называетъ, но не назвало оно намъ

¹⁾ Такое же рѣшеніе вопроса даетъ Minns, *Scythians and Greeks*, 601.

²⁾ См. Tomaschek, *Die alten Thraker*, 51; это имя мы находимъ въ одной надписи изъ Гераклеи еракійской въ эпоху Адриана, какъ имя женщины знатной муниципальной семьи, см. I. Gr. ad. R. p., I, 785; Stein, P. W., R. E., VII, 1227 сл.; Minns, l. l., 604.

до послѣдняго времени и имени дочери Котиса и Антоніи — Пиеодориды младшей, которую недавно такъ удачно распозналъ Dessau¹⁾.

Естественно, что царственная жена Аспурга наслѣдовала ему послѣ его смерти. Въ 36 и 37 г. по Р. Хр. мы имѣемъ золотые боспорскіе статеры съ ея монограммой, той, которую выше мы съ несомнѣнностью признали за монограмму ея имени.

Но Калигулѣ и сенату правленіе женщины съ двумя юными сыновьями показалось недостаточно обезпечивающимъ порядокъ, и царемъ Боспора назначенъ былъ Полемонъ II, по моему предположенію, братъ Гепепиріи²⁾.

Гепепирія и Миерадатъ правъ своихъ, однако, Полемону не уступили; на первый планъ, однако, въ это время выдвигается Миерадатъ, выпускающій, начиная съ 339 г., вмѣсто монетъ съ монограммой Гепепиріи монеты со своимъ именемъ и головою Калигулы.

Споръ между Полемономъ и Миерадатомъ разрѣшенъ былъ Клавдіемъ, который въ 41 г., вознаградивъ Полемона, отдалъ Боспоръ окончательно Миерадату или лучше Гепепиріи. Съ этого времени Миерадатъ править, очевидно, совмѣстно съ Гепепиріей, какъ показываютъ монеты съ именами и портретами обоихъ (см. табл. II, 18), но стремится играть первую роль, какъ показываютъ монеты съ однимъ только его именемъ (см. табл. II, 17). Гепепирія въ свою очередь пытается чеканить монеты одна³⁾. И тотъ, и другая, однако, совершенно отклоняются отъ традиціи вассальнаго Боспора. Мечты Миерадата направлены къ созданію самостоятельнаго, независимаго отъ Рима царства. Весьма возможно, что на этой почвѣ между нимъ и матерью возникаютъ тренія, поведшія къ послыжкѣ Котиса въ Римъ и къ тому, что Котисъ тамъ брата предалъ и при помощи римскихъ войскъ побѣдилъ и устранилъ его, самъ вполне подчинившись Риму. Что Гепепирія была на его сторонѣ, доказываетъ то, что Котисъ чеканить монеты въ ея память⁴⁾. Очевидно, въ смутахъ, поднятыхъ Миерадатомъ, она погибла.

Такъ, на мой взглядъ, можно изъ мелкихъ обрывковъ возстановить исторію времени послѣ смерти Динаміи. Она объясняетъ намъ всю дальнѣйшую исторію

¹⁾ Dessau, Eph. ep., IX, 4, 691 слл. Если меня не обманываетъ случайное совпаденіе, я склоненъ былъ бы видѣть значительное сходство между портретами Антоніи Трифанъ и Гепепиріи.

²⁾ О Полемонѣ II и его судьбѣ послѣ удаленія изъ Боспора см. Орпинниковъ, Нумизм. Сборн., ч. I (Киликійскія монеты царя М. Антонія Полемона).

³⁾ Съ такой реконструкціей и толкованіемъ монетъ Гепепиріи и Миерадата стоитъ въ полномъ согласіи то, что является результатомъ изслѣдованія Kahrstedt'a, Frauen auf antiken Münzen, Klio, X (1910), 261 слл. Вся исторія эллинистическихъ чеканокъ съ портретами царицъ показываетъ, что царицы ставили свой портретъ на монетахъ либо, какъ самостоятельныя царицы (напримѣръ Динамія, Kahrstedt, I. I., 282 слл.), либо, какъ опекуни своихъ сыновей. Къ этой многочисленной категоріи Kahrstedt правильно причисляетъ и монеты Гепепиріи (I. I., 303). Вполнѣ въ духѣ эллинистической традиціи такимъ образомъ и монеты Динаміи-опекуни и ея сына Аспурга.

⁴⁾ Ср. Petrus Patr., Fr. hist. gr. IV, стр. 185, fr. 3; Ламышевъ, Повстаніа, 108, 2. Исторію возстанія Миерадата рассказываетъ Тацитъ, ann. XII, 15 слл., ср. Dio, 60, 8; Plin., n. h., 5, 17. Характерно, что послѣднее пробѣжище и поддержку Миерадатъ находитъ опять-таки у сарматовъ, какъ въ свое время Динамія и Аспургъ.

Боспора, гдѣ ахеменидскій характеръ царской власти сплетается съ еракійскими именами царей, преемниковъ Котиса, и съ возобновляющимися мѣстными сарматскими традиціями, традиціями той же Динаміи, Асандра и Аспурга.

Этотъ сложный, сборный составъ царской власти на Боспорѣ вполнѣ сознается самими царями. Кромѣ уже упомянутыхъ монетъ Савромата II и Рескупорида II, гдѣ царь изображается съ атрибутами Посидона и Геракла, еракійство царей подчеркивается и изображеніемъ серіи побѣдъ Геракла на монетахъ Савромата II, особенно же изображеніемъ скачущаго царя на монетахъ, начиная съ Котиса I (см. обо всемъ этомъ И. И. А. К., 49, стр. 22 слл. и табл. IV). Къ этому примѣшивается, однако, вскорѣ, какъ и въ номенклатурѣ царей, сильная сарматская струя, о которой я говорилъ подробно въ другомъ мѣстѣ (И. И. А. К., 49, стр. 1 слл.). Эта струя дѣлается все сильнѣе и сильнѣе въ соответствіи со все растущей сарматизаціей всего населенія боспорскаго царства. Наконецъ, ахеменидство сознательно подчеркивается въ пышномъ титулѣ царей — *βασιλεὺς βασιλέων*.

Все эти явленія, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить подробнѣе, находятъ себѣ впервые полное исчерпывающее объясненіе въ предложенной выше реконструкціи исторіи Боспорскаго царства въ переходный періодъ, что является немалымъ подтвержденіемъ правильности изложенныхъ выше соображеній.

Для нашей ближайшей цѣли важно то, что ни одна изъ женщинъ, правившихъ Боспоромъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр., не могла претендовать на происхожденіе отъ Миерадата кромѣ Динаміи. Ей такимъ образомъ по праву долженъ быть присужденъ тотъ бюстъ, который послужилъ отправной точкой для вышеизложеннаго изслѣдованія о судьбахъ Боспора въ первой половинѣ I в. по Р. Хр.

М. И. Ростовцевъ.

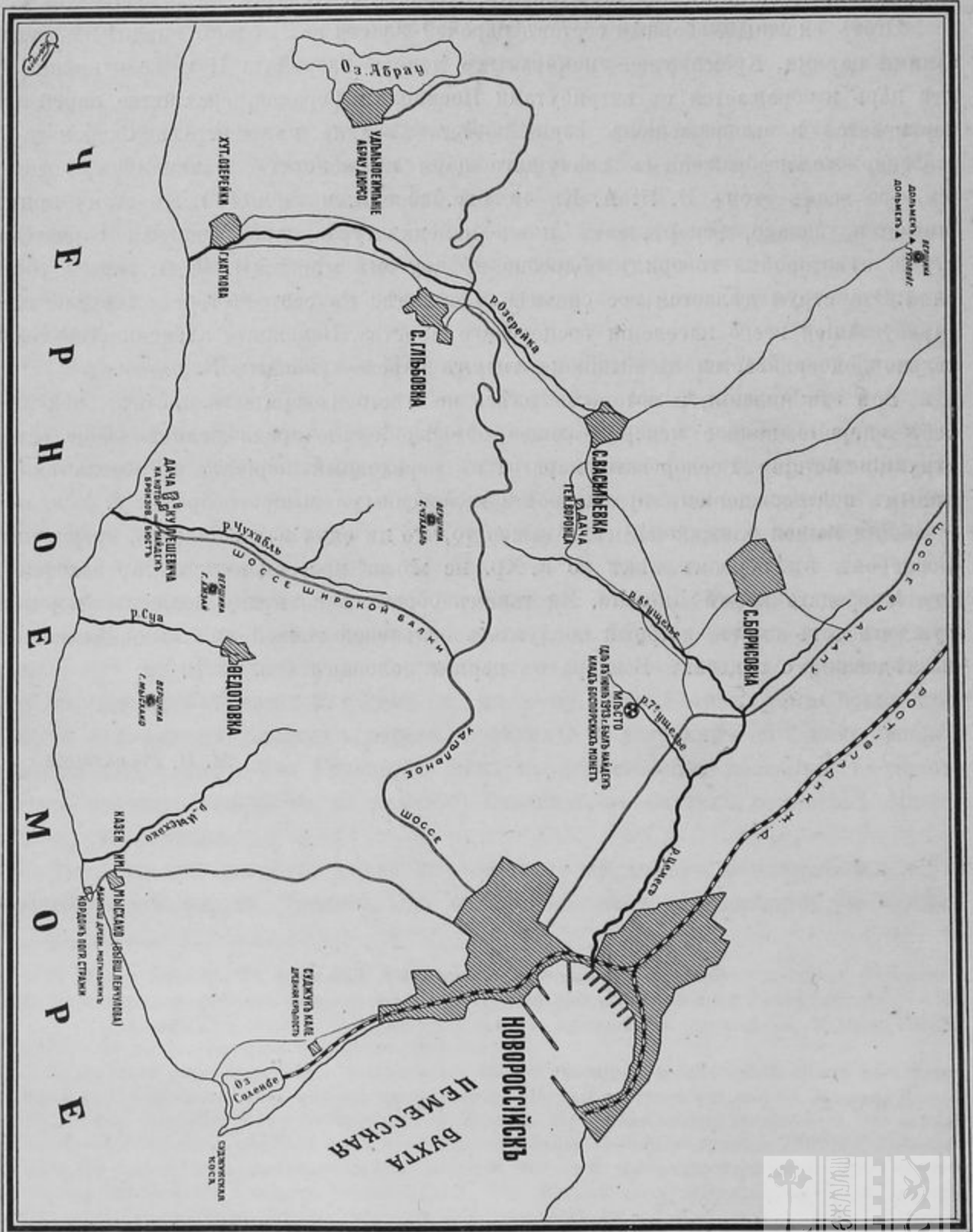

Рис. 3. Карта ближайших окрестностей Новоросийска, составленная ген. Д. Н. Воронцомъ.

Приложение I.

Случаю угодно было, чтобы мнѣ удалось получить отъ превосходнаго знатока мѣстности, гдѣ найденъ былъ бюстъ, ген.-лейт. Д. Н. Воронца, точныя указанія какъ о мѣстоположеніи дачи Кулешевича, такъ и о ближайшихъ окрестностяхъ Новороссійска вообще. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы опубликовать это описаніе здѣсь, принося автору этого описанія мою глубокую признательность. Вотъ что написалъ мнѣ ген. Д. Н. Воронецъ:

«На послѣднемъ засѣданіи Археологическаго Общества вы выразили желаніе получить въ письменной формѣ отъ меня все то, что мнѣ извѣстно о находкахъ на дачѣ г. Кулешевича. Съ большимъ удовольствіемъ слѣшу исполнить ваше желаніе.

Всматриваясь въ очертанія побережья легко замѣтить, что участки между Анапой и Новороссійскомъ, Кабардинкой и Геленджикомъ образуютъ нѣчто вродѣ полуострововъ, отдѣленныхъ отъ главнаго Кавказскаго хребта и имѣютъ внутри самостоятельныя горныя группы нѣсколько иного характера, чѣмъ Главный Хребетъ, и съ очень пышной растительностью.

Эти мѣста, видимо, искони привлекали къ себѣ людей и слѣды ихъ обитанія здѣсь встрѣчаются начиная отъ эпохи дольменовъ.

Идя по берегу отъ Новороссійской Бухты, на западъ отъ Суджукской Косы первымъ встрѣчаете красивый мысъ Мысхако, образуемый горнымъ массивомъ того же имени. У восточной подошвы горы Мысхако протекаетъ рѣчка Мысхако. Вся равнина между Суджукской Косою и р. Мысхако составляетъ районъ городскихъ дачныхъ мѣстъ. Старѣйшая изъ нихъ дача бывшая Пенчулова у подошвы г. Мысхако, нынѣ казенная опытная станція Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Близъ поста пограничной стражи морской берегъ образуетъ небольшую, но отлично укрытую бухту отъ юго-западныхъ вѣтровъ, которые на этомъ побережьѣ разводять огромное волненіе.

Выгоды укрытой стоянки, вѣроятно, искони привлекали сюда моряковъ, такъ какъ начиная отъ этой бухточки и до устья р. Мысхако, т.-е. около версты на западъ, вся мѣстность покрыта невысокими холмиками могилъ, теперь болѣею частью раскопанныхъ подъ плантажи.

Направляясь на западъ, далѣе, за горою Мысхако, въ глубокомъ ущельѣ течетъ рѣчка Сау, вѣроятно искаженная перестановкою буквъ оссетинская Сау, что значитъ на этомъ языкѣ «Черная».

За этою рѣчкою поднимается второй массивъ горы Амзай, западные склоны которой и составляютъ долину р. Чухабль, впадающей здѣсь въ море.

Горы Мысхако и Амзай суть южные отроги горнаго узла Чухабль (она же по-русски Сапунь). Съ южныхъ скатовъ горы Чухабль беретъ начало и рѣчка того же имени, имѣющая общее протяженіе около 8 вер. и образуемая изъ двухъ ручьевъ. Долина восточнаго ручья и все урочище ниже до моря называется Широкою Балкою и наполнено дачами, которыхъ около 60. Главнѣйшія изъ нихъ считающаяся сверху къ морю: генерала Обручева, Декарьера, Ханенко, Сиротининой, Пештича, Бѣлецкаго, Андросовой и Кулешевича.

При устьѣ рѣчки Чухабль нѣтъ никакой бухты или заливчика, удобныхъ для приставапія судовъ, а имѣется только широкій пляжъ, покрытый мелкой галькой.

Далѣе на западъ впадаетъ въ море р. Озерейка, имѣніе Катковыхъ, а за нимъ удѣльное имѣніе Абрау-Дурсо.

Рядомъ съ имѣніемъ г. Кулешевича ближе къ морю находятся дача и виноградники г. Бѣлецкаго, устроителя и бывшаго управляющаго винограднымъ хозяйствомъ покойнаго Кулешевича. Виноградники Кулешевича, Бѣлецкаго и многихъ другихъ ихъ сосѣдей разбиты, по словамъ послѣдняго, на мѣстахъ бывшихъ поселковъ и кладбищъ, которые они относятъ къ Черкесскимъ временамъ.

Бронзовый бюстъ на дачѣ Кулешевича и прочія вещи были найдены при рытѣ плантажа подъ виноградники въ развалинахъ какого-то каменнаго сооруженія, которое его десятникъ Шерпій называлъ башнею, и мѣсто около башни сохраняло слѣды бывшаго селенія.

Изъ мѣстностей интересныхъ въ археологическомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе показанныя на картѣ: 1) Гузова гора, на вершинѣ которой есть нѣсколько дольменовъ, называемыхъ народомъ богатырскими хатами; 2) древняя крѣпость Суджукъ-кале, внутри которой и вокругъ находятъ черепки и монеты древне-греческія и римскія, а также и позднѣйшихъ временъ, и 3) долина рѣчки Цемеса, наполненная древними курганами и могилами.

Какъ усматривается по 5-верстной картѣ, далѣе на западъ отъ Абрау къ Анапѣ лежатъ обширныя владѣнія князя Лобанова-Ростовскаго, а за ними широкая долина рѣчки Сукко, имѣнія князей Лорисъ-Меликовыхъ и казенные лѣса.

Все это пространство покрыто густыми лѣсами, почти не заселено, и, конечно, вовсе не развѣдано въ археологическомъ отношеніи, а между тѣмъ Анапа и курганъ Карагодеуашхъ при станицѣ Крымской — отсюда близехоньки и даютъ поводъ ожидать и здѣсь археологической добычи».

Приложение II.

Аспургианы (*οἱ Ἀσπουργιανοί*), какъ этнической терминъ, пожалуй, слѣдуетъ признать вторичнымъ. Подобный взглядъ нельзя, конечно, основывать на томъ, что во время Страбона такъ называлось племя, занимавшее «ту область, въ которой раньше жили Керкеты»¹⁾. Могло случиться такъ, что въ эту сравнительно позднюю пору этнической самъ по себѣ древній терминъ былъ привнесенъ извнѣ какой-либо иммиграціею, утвердился на новомъ мѣстѣ и вытѣснилъ старое племенное названіе. Могло случиться и такъ, что среди синдоровъ или рядомъ съ ними обрѣталось родственное племя съ такимъ названіемъ, только съ той же извѣстной поры выступившее на арену мѣстной исторической жизни и вынесшее на свѣтъ дотолѣ неизвѣстное имя.

Но дѣло въ томъ, что самъ терминъ морфологически не входитъ ни въ одну изъ категорій, по которымъ можно бы распредѣлить, на основаніи формальныхъ данныхъ, наличныя, приурочиваемыя къ тому же району, этническія названія.

Естественно поэтому, что этнической терминъ *Ἀσπουργιανοί* находилъ наиболѣе вѣроятное объясненіе въ сопоставленіи его съ именемъ царя Аспурга²⁾.

Однако, само имя *Aspurg* представляется иранскимъ съ суффиксомъ ласкательныхъ словъ *-g* (< *-əg*), озвонченнымъ эквивалентомъ армянскаго *-ik* > *-ək*. Въ армянской живой рѣчи вообще уменьшительныя слова на *-ik* излюблены были еще въ древности, какъ мною указывалось, въ народномъ эпосѣ. Въ народномъ армянскомъ *onomasticon*'ѣ чрезвычайно были излюблены и личныя имена на *-ik*, отсюда и *Yus-ik* и т. п., при чемъ позднѣе они десятками проникли въ средневѣковыя армянскія надписи, какъ, напр., *Ağber-ik*, *Arg-ik*, *Arev-ik*, *Gag-ik*, *Deran-ik*, *Ezn-ik*, *Loç-ik*, *Naç-ik* и др.³⁾. Рядомъ съ *-ik* > *-ək* въ языкахъ Арменіи, именно въ *хайскомъ*, въ этомъ первоначальномъ и основномъ словѣ древне-литературнаго языка Арменіи, имѣлся суффиксъ *-ak*, имѣвшій тѣ же функціи. Любопытно, что по этой, также народной, формѣ образованы имена дѣйствительныхъ и мнимыхъ лицъ, эпонимныхъ или извѣстныхъ по традиціи, изъ начальной исторіи Арменіи, какъ-то *Navan-ak*, *Vašt-ak*, *Goç-ak*, *Yus-ak*, *Amr-ak*, *Arn-ak*, *Каур-ak*, *Armen-ak* и др. Можетъ быть, не лишне указать, что имена на *-ik* и *-ak* въ склоненіи слѣдуютъ слабымъ *a*-основамъ, посему въ падежахъ съ незатемненнымъ исходомъ основы наши суффиксы звучатъ *-ika* > *-əka* (при переходѣ въ согласныя носовыя основы и *-ikan* > *-əkan*) и *aka*, напр. Твор. пад. *Ezn-ka-w* (< *Ezn-əka-w*) отъ *Ezn-ik*, *Armen-aka-w* отъ *Armen-ak*. Совершенно ясно, что въ *-ik* > *-ək* (resp. *-ika* > *-əka*) и *-ak* (resp. *-aka*) мы имѣемъ діалектическія разновидности одного и того же суффикса; на почвѣ же Арменіи

¹⁾ В. В. Латышевъ, *Краткій очеркъ исторіи Восточнаго царства (ПОНТИКА)*, стр. 65¹⁰³.

²⁾ Юргевичъ, *Древнія греческія надписи, найденныя въ Керчи, Анапѣ и Херсонесѣ, въ 1880 г.* («Зап. Имп. Одес. общ. ист. и древн.», XII, 1881), стр. 216—217, В. В. Латышевъ, *д. с.*, стр. 103—104.

³⁾ Въ средневѣковомъ армянскомъ языкѣ суффиксъ *-ik* теряетъ согласный исходъ, какъ то свидѣтельствуется и надписями, см. предисловіе редактора (по-русски) къ труду К. І. Костанянца, *Vimakan Taregirq* («Bibl. Armeno-Georgica» II, стр. XII, прим. 1).

могли существовать и иныя діалектическія разновидности съ замѣною глухого к звонкимъ g, именно -ig > -æg и -ag, что легко прослѣдить между прочимъ и по заимствованіямъ въ грузинскомъ. Но въ грузинскомъ наличны какъ суффиксъ -ak, напр. *tign-ak-i книжечка* и др., такъ -ik, послѣдній въ личныхъ именахъ, притомъ въ большинствѣ съ огласовкой или «а» или «о», какъ то *Bes-ik-i, Ivan-ik-a, Van-ik-o, Tit-ik-o, Nan-ik-o, Daθ-ik-o, Il-ik-o* и др., но чаще, какъ въ средне-вѣковомъ армянскомъ, к отсутствуетъ, и тогда вмѣсто -ik-a получаемъ -i-a, какъ-то *Petr-i-a, Pavl-i-a, Gog-i-a* (ср. арм. *Gag-ik*), *Daθ-i-a, Kwir-i-a, Mos-i-a, θedor-i-a, Aleqs-i-a, Bit-i-a, Mam-i-a* и др. Въ яфетическихъ языкахъ, въ частности въ грузинскомъ -ik, гесп. -ika представляетъ позднѣйшее состояніе съ перебоемъ и въ і болѣе древняго -uk, гесп. -uka, такъ же сохранившася въ цѣломъ рядѣ именъ, какъ-то *An-uk-a, Bej-uk-a, Mam-uk-a* и др. Та же разновидность не чужда и армянскому, напр., *Dawθ-uk, Arđ-uk, Mam-uk* (при *Mam-ik*, ср. груз. *Mam-i-a*) и др. Пока несвоевременно, да сейчасъ и излишне, поднимать вопросъ, имѣемъ ли наслѣдіе какой-либо дѣйствительной аrio-европейской пра-формы въ суффиксѣ -ak || -ik > -æk (> -ag || -ig > -æg > -g), сильно распространенномъ не только въ иранскихъ языкахъ, но и яфетическихъ? ¹⁾ Фактъ тотъ, что этотъ морфологическій элементъ распространенъ былъ по странамъ, гдѣ господствовалъ «иранизмъ», отчасти или вполне заслоняя народныя массы, чисто или мѣшано-яфетическія. Въ странѣ наиболѣе сильныхъ аrio-яфетическихъ этническихъ треній, именно въ Арменіи, боспорское имя Аспургъ находитъ рядъ среднихъ параллелей. Связь съ армянскимъ языкомъ эпиграфическихъ матеріаловъ Боспора указывалась давно, но лишь въ именахъ, однако и по личнымъ именамъ матеріаловъ больше, чѣмъ можно бы судить по посвященнымъ этому вопросу замѣткамъ ²⁾.

Въ частности интересующее насъ боспорское имя *Aspur-g* представлено у армянъ не только суффиксомъ, но и основой *aspur*. Съ суффиксомъ -ik имя у армянъ могло бы звучать **Aspur-ik* > **Aspr-ik*, чего мнѣ не удается указать въ наличныхъ матеріалахъ, но та же основа съ эквивалентнымъ суффиксомъ -ak существовала безъ всякаго измѣненія (*Aspur-ak* у Фауста), что нахожу отмѣченнымъ Н. Г. Адонцемъ ³⁾, или съ прибавкой греческаго окончанія -ης (*Aspur-ak-ēs* у М. Хор.), какъ назывался въ концѣ IV-го вѣка по Р. Хр. «глава армянскихъ епископовъ», или «архіепископъ армянъ» (Фаустъ, VI, 15, изд. Пет., стран. 229, ₂₀ = Вен., стран. 279, ₁₆; М. Хор., III, 41, 49) ⁴⁾. Съ обычнымъ ослабленіемъ и ту же форму встрѣчаемъ, какъ

¹⁾ Литературу объ аrio-европейскомъ происхожденіи одной изъ этихъ разновидностей суффикса, именно -ak, гесп. -aka изъ аrio-европ. *o-k²-o см. въ цитируемой ниже работѣ Л. З. Мсеріанца *Къ Боспорской ономастикѣ*, стран. 3.

²⁾ F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Марбургъ 1895 (въ различныхъ мѣстахъ); Л. Г. Лопатинскій, *Сбор. мат. для опис. плем. и мѣст. Кавказа*, Тифлисъ 1897, т. XXII, стр. 70—72 (въ концѣ отд. I-го), съ рецензією Л. З. Мсеріанца, *Новые матеріалы по греческой эпиграфикѣ*, Филол. обзорѣніе, Москва 1897, т. XIII, стран. 36—40; Л. З. Мсеріанць, *Къ боспорской ономастикѣ*. Собственное имя *Σωραχος*, Сб. Трудовъ Этнограф. отдѣла, т. XIV, стран. 1—6.

³⁾ *Арменія въ эпоху Юстиніана*, стран. 401.

⁴⁾ Цитируемые еще F. Justi армянскіе историки Кириакъ и Самуиль Аніецъ называютъ также въ греческой формѣ *Aspurak-ēs* (Кириакъ, Москва 1858, стран. 14, С. Аніецъ, Вагаршапатъ 1893, стран. 67), причеиъ у Кириака—съ титуломъ «католикосъ». То же самое находимъ не только у другихъ восточныхъ историковъ, напр. у Мхитара Айриванскаго (С.-Пб. 1867, стран. 20), но и раньше, такъ у Асогика (стран. 73, ₂₀;

уже указано Н. Г. Адонцем¹⁾, у армянскаго историка Моисея Каланкатуйскаго²⁾, однако съ греческимъ окончаніемъ не *-ης*, а *-ος*: *Asprak-os* (такъ названъ одинъ изъ участниковъ собора царя Вачагана).

Основа *asprug*, представляющая иран. *vasrug* съ потерей начального *v*, у армянъ сохранилась и въ формѣ *vasrug*³⁾, восходящей къ пехл. *vāspruhg*⁴⁾, и въ специфически армянской формѣ *seruh* < *seruh* = **saruh*; изъ разновидностей послѣдней формы болѣе поздняя лежитъ въ основѣ г. (=грузинскаго) *seφ-e* (< **seruh-e*), а болѣе древняя — въ основѣ г. *sa-zerug-o* (< **sa-seruh-o*). Всѣ эти разновидности, какъ извѣстно, восходятъ къ пра-формѣ *viça-puthra*, что значить букв. *сынъ дома*, затѣмъ *царевичъ, боярскій сынъ, членъ знатнаго дома* и т. п.⁵⁾. Слѣдовательно, по примѣненію имя *Asrug-g* такого же характера, какъ у армянъ *Ишхан-икъ* отъ арм. *išqan князь*, *Шаһ-икъ* отъ перс. *шаһ царь* и т. п. Но у армянъ *seruh* игралъ большую роль въ общественномъ строѣ. *Seruh*'и составляли особый классъ боярскихъ дѣтей въ противоположность старшимъ въ родѣ, *tanu-tēr'amъ*, т.-е. главамъ дома, старѣйшимъ въ родѣ. Было войско *сепухское* (*sephakan gund*) точно такъ же, какъ *танутерское* (*tanutirakan gund*). У каждаго изъ этихъ «войскъ» былъ свой земельный удѣль, «домъ». Сейчасъ для насъ интересно отмѣтить, что въ Арменіи была область, которая называлась «страной сепухскаго (*sephakan*) войска», та же область могла называться «страной васпурскаго (*vaspurakan*) войска», и такъ она и называлась⁶⁾. Раньше другихъ упоминаетъ объ этомъ Себэосъ, стран. 45, 10: «И страна васпурскаго

«католикосъ армянъ *Aspurak-ēs*», у кат. Иоанна (стран. 31, 23: послѣ трехлѣтняго «патріаршества» (*haugaretuφean*) Завѣна «престоль» (патріаршій) занялъ братъ его *Aspurak-ēs*), см. то же самое у Вардана, Вен. 1862, стран. 49, 10—12.

1) *Арменія въ эпоху Юстиніана*, стран. 401, прим. 2.

2) Москва 1860, стран. 69, 15—16.

3) *F. Justi* отождествлялъ (ц. с., стран. 47) арм. *Aspṛak* съ пехл. *asōbār* и его эквивалентами, но это невозможно съ точки зрѣнія звукосоотвѣтствій хайскаго языка съ персидскимъ.

4) *Hübshmann*, *AG*, I, стран. 80, 182.

5) Литература этого термина довольно значительна. Въ частности, выставленной мной этимологіи *seruh*, оспаривавшейся *Hübshmann*'омъ, посвящены замѣтки а) мои — *Этимологія армянскаго seruh* и *грузинскаго seφe* («Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. V, стран. 286—289, строки о г. *meφe* и *peφe* на стран. 289 подлежатъ устраненію), *Этимологія двухъ терминовъ армянскаго феодальнаго строя seruh* = **seruh* и *pačarag* = **pačarag* («Зап. Вост. Отд.», т. XI, стран. 165—174), б) В. В. Болотова, гл. I-я, «Супурганъ. Значеніе этого слова» съ экскурсомъ А «*Sephakan-Waspurakan* (Изъ исторической географіи Арменіи)» въ работѣ *Изъ исторіи церкви сироперсидской* (С.-Пб., посм. изд. 1901, стран. 1—27, изъ *Христ. Чтенія* за 1898—1901 гг.); о томъ же позже у *Hübshmann*'а въ *Die altarmenische Ortsnamen*, «Христ. Чтенія» за 1898—1901 гг.); о томъ же позже у *Hübshmann*'а въ *Die altarmenische Ortsnamen*, Страсбургъ 1904, стран. 253—254. Отрицалась моя этимологія, даже возможность ея, и *A. Meillet* въ статьѣ *Sur les mots iraniens empruntés par l'arménien* (*Mém. de la Société de Linguistique de Paris*, т. XVII, стран. 248), но въ основѣ отрицанія лежало продолжающееся и нынѣ, по обоснованіи яфетической теоріи, предвзятое недоверіе къ существованію въ «армянскомъ» языкѣ своихъ особыхъ фонетическихъ законовъ, нормирующихъ и аріо-европейскій его составъ. Выдающийся арменистъ-аріоевропеистъ не считается къ тому же и съ фактомъ существованія въ древней Арменіи двухъ живыхъ мѣшанаго типа аріо-яфетическихъ языковъ, матеріалы которыхъ трактуются имъ безъ разбора какъ исходящіе отъ одного цѣльнаго «армянскаго» языка. Реальное толкованіе мое оспаривается *И. А. Джавахо-вымъ*, *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи* (Тексты и разыск. по армяно-груз. филологіи, кн. VIII), т. I, стран. 125—128 (ср. мою рецензію въ «Ж. М. Н. П.», 1908, май, стран. 219—220), а также *Н. Г. Адонцемъ*, *Арменія въ эпоху Юстиніана* (Тексты и раз., кн. XI), 1908, стран. 472 сл. et pass. (съ Н. Г. не могу согласиться и сейчасъ въ толкованіи текста Хоренскаго на стран. 475, прим. 2).

6) В. В. Болотовъ, ц. с., стран. 120—121.

ЯЩИКИ

ДЛЯ ЕГИПЕТСКИХЪ ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ СТАТУЭТОКЪ, НАЗЫВАЕМЫХЪ „УШЕБТИ“.

Къ концу періода египетской исторіи, носящаго названіе «Средняго Царства», во всемъ укладѣ жизни, и даже въ погребальномъ культѣ, происходятъ измѣненія, отразившіяся и на искусствѣ и на художественной промышленности. Въ одной изъ ассуанскихъ гробницъ — Сиренповета, современника Аменемхета II, въ коридорѣ имѣются шесть нишъ, въ которыхъ помѣщено по большой статуѣ покойнаго въ формѣ стоящей запеленутой муміи и съ вертикальной надписью, дающей имя изображаемаго¹⁾. Эти статуи, повидимому, замѣняли въ данномъ случаѣ «портретныя» статуи, столь извѣстныя намъ изъ эпохи Древняго Царства; онѣ же, вѣроятно, были и предшественницами тѣхъ безчисленныхъ, разнообразныхъ по техникѣ, матеріалу и виду статуэтокъ, которыя наполняютъ витрины музеевъ и частныхъ коллекцій и принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ исторіи Египта, начиная съ XII дин. Дѣйствительно, немногія, дошедшія до насъ отъ XII—XIII дин. каменные статуэтки безусловно напоминаютъ муміеобразныя статуи гробницы Сиренповета²⁾, но отъ этой же эпохи у насъ есть и деревянныя фигурки, которыя къ началу Новаго Царства станутъ называться «шауабти», отъ «шауabu» — персея, т.-е., мы бы сказали «деревяшки»³⁾. Кромѣ муміеобразныхъ, появляются впоследствии и передающія изображаемаго въ одѣянніи живыхъ людей.

Въ Новомъ Царствѣ и въ послѣдующія эпохи обычай помѣщать въ гробницы статуэтки развивался, и, съ Саисскаго періода, стали давать покойникамъ по 401 ихъ экземпляру, что стоитъ въ связи съ эволюціей представленія объ ихъ значеніи.

¹⁾ См. «Catalogue des Monuments et Inscriptions de l'Égypte antique», I, 153. Къ сожалѣнію, статуи не изображены.

²⁾ Напр. ушебти Хнемхотена изъ моего собранія. См. «Зап. Класс. Отд. И. Р. Археолог. Общества», т. VI, табл. IV, 16.

³⁾ См. объ этомъ Spiegelberg, On the early history of Shawabti figures въ *Northhampton Spiegelberg-Newberry, Report on some Excavations in the Theban Necropolis during the winter 1898—9*. Авторъ однако указываетъ, что до сихъ поръ неизвѣстны ушебти изъ персеи; большую частью онѣ изъ сикоморы. Въ этомъ же изданіи помѣщены и факсимиле съ транскрипціями надписей на этихъ древнихъ ушебти. Древнимъ (XVIII дин.) деревяннымъ статуэткамъ и надписямъ на нихъ посвящена также статья Vorchardt, Einiges über die Todtenstatuetten. «Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Altertumskunde», XXXII, 111—117.

Сумбата съ озвонченіемъ k въ g въ искаженномъ видѣ Asrogang вм. Asrogag <a>п, гесп. Aspuragan¹⁾ || греч. Aspurakan. Послѣдній звучалъ бы и морфологически болѣе близко къ боспорскому слову при эквивалентномъ, вполне возможномъ и въ Арменіи, суффиксѣ -ikean > -экеан: Vaspurkian || *Aspurikian. Въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ въ связи съ нашимъ этимологическимъ сближеніемъ возникаетъ болѣе важный реальный вопросъ о тождествѣ извѣстнаго социальнаго института, о существованіи младокняжеской или княжеской дружины Аспургской или «Аспургіан» (οἱ Ἀσποργυανοί) въ Боспорѣ и Васпурской или «Васпуракан» (Vaspurakan, Serhakan) въ Арменіи. И если бы оказались историческія данныя для такого утвержденія, что, кстати, и могло бы дать окончательное оправданіе нашему чисто лингвистическому сопоставленію, то передъ нами всталъ бы вопросъ, возникъ ли такой институтъ ab ovo въ Боспорскомъ царствѣ или онъ былъ привнесень сюда тѣмъ творческимъ этническимъ элементомъ — иранскимъ, который съ извѣстной поры созидалъ княжества и государства въ яфетическихъ странахъ на сѣверѣ отъ Арменіи. Быть можетъ, при обсужденіи этого вопроса придется учесть и позднѣйшее движеніе переселенческой массы, конечно, уже съ инымъ общественнымъ строемъ и иной общественной психологіей изъ Арменіи въ Крымъ, гдѣ, по свидѣтельству средневѣковой европейской карты, существовала Armenia Maritima. Словомъ, пути изъ Арменіи въ предѣлы, гдѣ процвѣтало Боспорское царство, по всей видимости, были изъѣзжены, но уже дѣло историковъ выяснить дѣйствительное значеніе этихъ путей.

Н. Марр.

¹⁾ Е. Такайшвили, ц. с., стран. 44 = русск. перев., стран. 122. Съ ссылкой на эту именно послѣднюю страницу у Н. Г. Адонца приводится (ц. с., стран. 401, прим. 2) грузинская форма *Аспараганъ*, но въ ней «а» послѣ «п» представляетъ опечатку.

Первоначально онѣ замѣняли портретныя статуи, эти чудныя произведенія египетской пластики, доступныя лишь для немногихъ. Ихъ дешевизна и легкость приготовления обусловила ихъ распространенность, тѣмъ болѣе, что открывала возможность легко и дешево выразить вниманіе къ покойному со стороны его родныхъ и друзей, увеличивая число его подобій, какъ гарантію его неразрушимости. Онѣ несомнѣнно представляли самого усопшаго и подписывались его именемъ. Но уже довольно скоро, во всякомъ случаѣ съ начала Новаго Царства, кромѣ имени и отчества, появляется текстъ, составившій 6-ю главу «Книги Мертвыхъ» и заставлявшій статуэтку откликаться на призывъ, когда изображаемый ею будетъ позванъ на земледѣльческія работы въ Преисподней. Текстъ этотъ тоже имѣлъ свое развитіе, и отъ краткаго обращенія; «о шаубти такого-то! Если имя-рекъ будетъ позванъ къ работамъ, производимымъ въ Преисподней, скажи: я здѣсь», развились въ трудный текстъ, перечисляющій эти работы и составляющій 6-ю главу «Книги Мертвыхъ». Въ болѣе древнія времена иногда встрѣчается подпись родственника, пожертвовавшаго статуэтку, чтобы «дать жить имени» покойнаго, въ болѣе позднія — изрѣдка заклятія, чтобы статуэтки не откликались на зовъ чужого. Въ связи съ этимъ измѣняется и видъ статуэтокъ, онѣ получаютъ въ руки земледѣльческія орудія, которыя онѣ держатъ въ позѣ Осириса¹⁾, изображаемаго съ царскими регаліями — жезломъ и бичомъ, черезъ плечо у нихъ бываетъ перекинута мѣшокъ съ зерномъ, изрѣдка спереди или сзади изображено коромысло съ ведрами. И названіе ихъ изъ «шаубти» переходитъ въ «шабти» (кормилецъ)²⁾ или «ушепти» (отвѣчающій). При всемъ томъ, статуэтки продолжаютъ изображать покойниковъ, а не слугъ³⁾: онѣ передаютъ женскія черты лица у женщинъ, царскій нарядъ и портретныя черты у царей; посвященныя умершему Апису имѣютъ голову быка. Къ работамъ на удѣлѣ въ царствѣ Осириса долженъ быть явиться умершій лично; статуэтки магической 6-й главой «Книги Мертвыхъ» превращались ad hoc въ покойника, чтобы за него исполнять обязанности, унаслѣдованныя отъ ранняго времени, когда онѣ были завиднымъ удѣломъ, и теперь являвшіяся пережиткомъ, несоответствующимъ соціальному положенію и загробнымъ чаяніямъ изображаемыхъ.

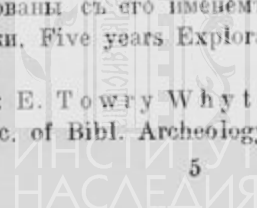
Изученіе погребальныхъ статуэтокъ съ религіозной и художественной стороны еще не произведено⁴⁾, и предшествующія строки имѣютъ цѣлью лишь въ общихъ

¹⁾ На нѣкоторыхъ (напр. въ Лейденѣ, Boeser, Beschreibung etc. XIX) фигура сидящаго Осириса вырѣзана на груди; нерѣдко встрѣчаются въ эпоху Новаго Царства ушепти съ амулетами-фетишами Осириса и Иисиды въ рукахъ, какъ и саркофаги этого времени.

²⁾ Mahler, Notes on the funeral statuettes. Proceed. Soc. Bibl. Archeol. 1912, 146—151.

³⁾ Впрочемъ и это представленіе не было чуждымъ, напр. № 28 въ указанномъ изданіи раскопокъ маркиза Northampton (pl. XXI, p. 28): ушепти нѣкоего Яхмоса приглашается работать въ качествѣ раба, но, конечно, выдавая себя за своего господина и откликаясь, когда его позовутъ. Въ гробницѣ Тети-ки, изслѣдованной Carnarvon и Carter помѣщена ушепти съ именами его родныхъ и не найдено ни одной съ его именемъ. Вѣроятно, въ данномъ случаѣ родные являлись замѣстителями покойнаго въ его работахъ. Дѣйствительно, всѣ формулы VI главы редактированы съ его именемъ, а заупокойная формула — отъ имени родственника, «оживляющаго имя» Тети-ки. Five years Explorations at Thebes, p. 19—21.

⁴⁾ Кромѣ указанныхъ статей Шпигельберга и Борхардта, см. еще замѣтки: E. Towry White, Some remarks on the Sepulchral Figures called Ushabti. Proceedings of the Soc. of Bibl. Archeology, Древности. Т. XXV.

чертахъ указать на ихъ значеніе и сообщить свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы перейти къ предмету, также весьма мало обследованному въ египетской

Рис. 4. Ушебти Тети-она и гробикъ съ именемъ Пуіа (надпись не вышла на снимкѣ). Собраніе Б. А. Тураева.

археологій — къ дошедшимъ до насъ въ значительномъ количествѣ ящикамъ, въ которыхъ хранились эти статуэткі и которые имѣютъ археологическій, а иногда и художественный интересъ. Конечно, мы не задаемся цѣлью исчерпать этотъ вопросъ, для этого было бы необходимо собрать весь матеріалъ, разсѣянный по музеямъ всего міра; мы ограничимся пока нѣсколькими ящиками нашей коллекціи и доступными намъ изъ другихъ собраній.

Въ эпоху XVIII дин. былъ распространенъ, особенно въ Фивахъ, обычай помѣщать деревянныя ушебти въ деревянные гробики, большею частью¹⁾ по одной въ каждой²⁾. Гробики передаютъ форму саркофаговъ, частью антропоморфныхъ конца Средняго Царства, частью саркофаговъ — четырехугольныхъ ящиковъ со сводообразными крышками и высокими стѣнками на узкихъ сторонахъ, какъ у каменныхъ саркофаговъ Древняго Царства и деревянныхъ Средняго³⁾. Ушебти, большею частью, весьма грубой формы⁴⁾, заворачивались часто въ погребальныя пелены. Гробики нерѣдко были также грубой формы, особенно антропоморфные. На нихъ бывала

XVIII, 138—146 и въ составленномъ Maspero, Guide to the Cairo Museum (1908), 321—3: Signification and use of Answerers.

¹⁾ См. указанная статьи Spiegelberg'a и Borchartt'a, а также Carnarvon-Carter, Five years explorations at Thebes (1912), гдѣ о подобныхъ статуэткахъ и гробикахъ статья Newberry, p. 19—21, pl. X—XII. Въ работѣ Whyte (Proceed: XVIII, pl. I) изображенъ подобный же гробикъ Британ. Музея, который авторъ напрасно относитъ къ Птолемеевскому времени.

²⁾ Исключеніе представляетъ напр. № 9506 Берлинскаго Музея — нѣкоего Тутмоса съ тремя фигурками (Ausführliches Verzeichniss 184).

³⁾ Ср. также виѣшній деревянный саркофагъ Юа (Quibell, Catal. du Caire XLIII) и др. Лейденскій ящикъ (у Borchartt, о. с. 114, 9) имитируетъ даже полосы.

⁴⁾ Исключеніе представляетъ напр. № 4488 в. Московской, б. Голенищевской коллекціи; это — весьма тонко выточенная изъ дерева фигурка, представляющая покойника со сложенными на груди руками. Надписей нѣтъ. Также статуэтка Сенсенби въ гробницѣ Тети-ки, см. Carnarvon and Carter, Five years at Thebes, pl. X.

надпись, часто курсивная, представлявшая или заупокойную формулу, или VI гл. «Книги Мертвых»; надпись бывала и на статуэткѣ и представляла также одинъ изъ этихъ текстовъ, обыкновенно чередуясь съ крышкой. Въ моемъ собраніи имѣется деревянный гробикъ антропоиднаго типа, весьма грубой работы 22 см. д., 7 см. ш. (рис. 4). Лицо въ парикѣ; глаза выкрашены въ бѣлое; брови обведены чернѣ. На груди курсивный іератическій текстъ VI главы въ весьма краткой редакціи:

«Ушебти великая. Если опредѣленъ Пуіа, какъ человекъ, имѣющій свои обязанности, орошать берегъ, таскать песокъ къ западу, вотъ я».

Интересно здѣсь наименование ушебти «великой». Оно, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ и м. б. является подтвержденіемъ мнѣнія, что клались въ гробики только отдѣльные экземпляры ушебти изъ числа многихъ, полагавшихся какъ попало¹⁾. Однако, во многихъ, особенно царскихъ погребеніяхъ значительное количество статуетокъ заключено въ отдѣльные гробики. Дошло до насъ и отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ по нѣскольку ушебти, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ гробикахъ, напримѣръ, отъ Тутмоса²⁾, отъ Тети-она³⁾. Грубѣйшая фигурка съ прекрасно сохранившейся іероглифической надписью въ 4 вертикальныхъ строки, представляющей заупокой-

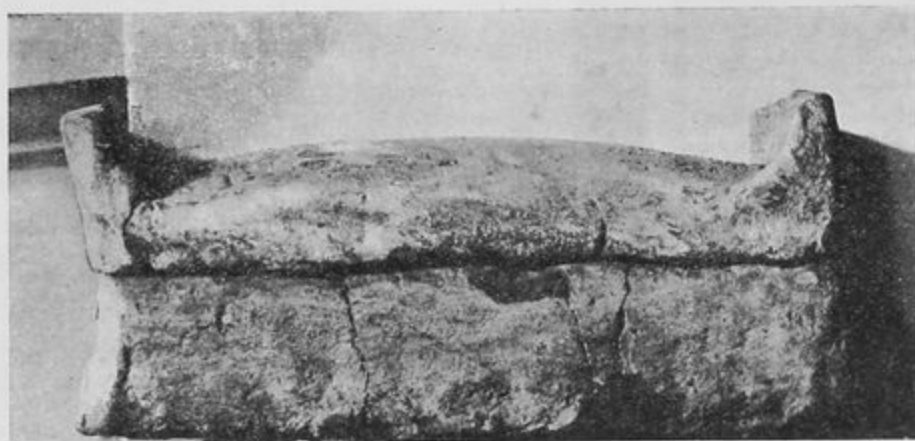
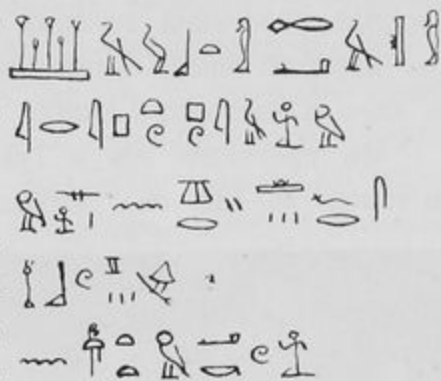

Рис. 5. Глиняный гробикъ изъ собранія Б. А. Тураева.

ную формулу въ пользу Тети-она положена подъ описанную крышку Пуіи въ моемъ собраніи. Дно этого гробика выдолблено изъ одного куска, также весьма грубо.

Въ моемъ собраніи имѣется также гробики *глиняные* весьма грубой работы, формы четырехугольныхъ ящичковъ⁴⁾, съ нѣсколькими выпуклыми сводчатыми или угломъ крышками съ ручками на узкихъ сторонахъ (рис. 5). На одномъ изъ нихъ (27 с. д.)

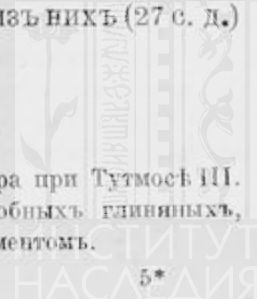
¹⁾ Егман. Religion, 161.

²⁾ Въ Москвѣ, №№ 3790 и 3791.

³⁾ См. Vorchardt, о. с. Carnarvon-Carter, о. с.

⁴⁾ Ср. № 10266 Берлинскаго Музея (Ausführl. Verzeichniss, 184) жреца Пуамра при Тутмосѣ III.

Въ гробницѣ Тети-ки, изслѣдованной Carnarvon, также найдено не мало подобныхъ глиняныхъ, какъ четырехугольныхъ, такъ и овальныхъ гробиковъ (pl. XI); нѣкоторые съ орнаментомъ.

имѣется три вертикальныхъ строки нѣскольکو курсивной надписи, полуизглаженной и представляющей заупокойную формулу. Самихъ фигурокъ не сохранилось.

Обычай класть ушебти въ отдѣльные гробики, столь наглядно указывающій на ихъ роль быть подобіями настоящихъ мумій, сохранился во все продолженіе Новаго Царства¹⁾, и въ б. Голенищевскомъ собраніи имѣется великолѣпный антропидный расписной гробикъ съ ушебти «послушателя зова въ Мѣстѣ Правды», т.-е. низшаго жреца Фиванскаго некрополя, Сенноджема, отъ семьи котораго дошли до насъ и настоящіе ящики для ушебти уже иного типа²⁾.

Въ гробницѣ Юа и Туу ушебти помѣщались по одной въ 13 ящикахъ, вышиной 36—43 см., имѣющихъ видъ наоса-гробницы Осириса, со сводчатой крышкой и высокими узкими стѣнками³⁾. Изъ подобной гробницы воскресъ Осирисъ въ Абидосѣ⁴⁾. Подобный ящикъ, расписанный разноцвѣтными полосами, имѣется и въ Московскомъ Музеѣ; онъ содержалъ въ себѣ деревянную статуетку № 154, прекрасной работы, съ золоченнымъ лицомъ, руками и ожерельемъ.

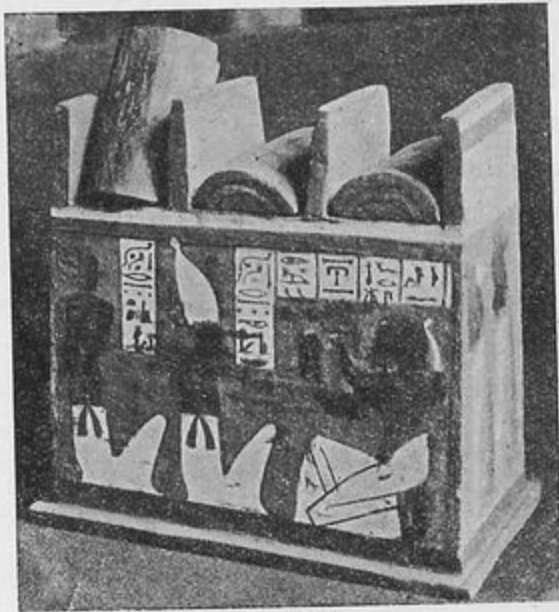

Рис. 6. Одинъ изъ туринскихъ ящиковъ.

Отъ послѣдующаго времени Новаго Царства мы имѣемъ, главнымъ образомъ, изъ Фивъ большое количество ящиковъ подобнаго типа, но обыкновенно нѣскольکو узкихъ и высокихъ, предназначенныхъ для храненія одной статуетки, соединяется и образуетъ сложный ящикъ съ нѣсколькими отдѣленіямъ (рис. 6). Получившіяся, такимъ образомъ, длинныя широкія стѣнки расписываются, и притомъ нерѣдко весьма тщательно и даже художественно. Многіе музеи, въ томъ числѣ и Московскій, обладаютъ экземплярами ящиковъ, дошедшихъ изъ Фиванской гробницы XX д. Сенноджема⁵⁾. Это сочетанія большею частью двухъ высокихъ узкихъ ящиковъ; на стѣнкѣ

¹⁾ Отмѣчу еще рѣдко встрѣчающіяся ушебти, помѣщенные на погребальныя ложа, будучи сдѣланы вмѣстѣ изъ одного куска. Напримѣръ, въ Лейденѣ: Voese, Beschreibung etc. Taf. XX. Группа изъ красной глины; на груди — текетъ VI гл.; у ногъ женская фигура. Еще замѣчательнѣе подобная группа въ Туринскомъ музеѣ (Lanzoni, Dizionario, tav. LXIV—VI); на ложѣ ушебти съ душой на груди; двѣ другія ушебти у головы и ногъ; на сторонахъ изображеніе погребальной процессіи. Чаше встрѣчаются грубыя ушебти изъ глины, имѣющія сзади придатокъ, вѣроятно также передающій ложе или гробикъ.

²⁾ Ср. 6747 Берл. Муз. — крышка, подражающая расписнымъ саркофагамъ XX дин. и принадлежащая Панофрнфру, архивариусу храма Амона. Ausführl. Verzeichn.

³⁾ Quibell, Tomb of Yuia and Thuiu. Catalogue du Caire, XLIII, №№ 5104—53.

⁴⁾ См. въ иллюстраціяхъ къ началу Книги Мертвыхъ, напр. въ папирусь Ани (изд. Вудге, табл. 8). Ср. также известное изображеніе подобнаго гроба подъ деревомъ, на которомъ сидитъ фениксъ у Wilkinson III, 349. Такую же форму имѣютъ нерѣдко и наосы съ изображеніями боговъ. Укажу напримѣръ, на недавно поступившую въ Эрмитажъ наофорную статуетку Сапскаго эпохи.

⁵⁾ См. Maspero, Bibl. Égyptologique I, 227 (Deuxième rapport des fouilles). Найдено болѣе 40 ящиковъ. Одинъ изъ Капскихъ, по фотографіи, любезно сообщенной г. Капаромъ, изображенъ на табл. V, 1.

изображены художественно по бѣлому фону сидящая супружеская чета или мумія, окропляемая жрецомъ. Въ другихъ случаяхъ мы видимъ на подобныхъ ящикахъ покойнаго предъ Осирисомъ и другими богами¹⁾, древо богини Нутъ или Хаторъ²⁾, геніевъ, сыновъ Гора и т. п. Большой ящикъ этого типа, представляющій соединеніе четырехъ и находящійся въ Туринскомъ музеѣ³⁾, имѣетъ на себѣ, съ одной стороны изображеніе Исиды и Нефтиды на колѣняхъ предъ фетишемъ Осириса; въ четырехъ углахъ по генію-сыну Гора въ видѣ сидящихъ мумій; съ другой стороны изображенъ ибисокефальный Тотъ, произносящій написанную тутъ же въ 14 строкахъ распространенную формулу ушебти — VI гл. «Книги Мертвыхъ» и переходящую въ перечень столь обычныхъ въ эту жреческую эпоху XXI дин. пожеланій покойному наслаждаться сіяніемъ Солнца⁴⁾ и получать всякія блага за гробомъ. Здѣсь Тотъ своимъ изреченіемъ какъ бы отмѣняетъ совершенно участіе покойнаго въ земледѣльческихъ работахъ, даже чрезъ ушебти; онъ превращаетъ VI главу «Книги Мертвыхъ» въ текстъ, замѣняющій ихъ чаяніями, выдвинутыми солнечной религіей, столь близкими и дорогими для Оиванскаго жречества конца Новаго Царства⁵⁾.

Эта идея нашла себѣ выраженіе и въ цѣломъ рядѣ ящиковъ, также принадлежащихъ Оивамъ и ихъ жрецамъ, но относящихся уже къ нѣсколько болѣе позднему времени, примыкая по времени появленія къ только что описаннымъ и доходя до Саисской эпохи включительно. Теперь обычай требуетъ снабжать покойнаго все большимъ и большимъ количествомъ ушебти, доводя его до нѣсколькихъ сотъ. Благодаря этому прежній способъ помѣщенія ихъ въ отдѣльные гробики⁶⁾ или одиночные, хотя и соединенные по нѣскольку, высокіе ящики, дѣлался все болѣе и болѣе неудобнымъ. Пришлось приготовить большіе ящики, по нѣскольку для отдѣльныхъ покойниковъ, и въ нихъ сваливать статуэтки, а также помѣщать другія статуэтки какъ попало въ гробницы. Сначала эти ящики получили форму продолговатыхъ четырехугольныхъ деревянныхъ саркофаговъ со сводчатой крышкой и четырьмя столбиками по угламъ, или съ плоской крышкой и высокими, закругленными сверху стѣнками узкихъ частей. На этихъ крышкахъ почти всегда изображается корабль, подобно тому, какъ на деревянныхъ позднихъ саркофагахъ со сводчатыми крышками помѣщаются изображенія плаванія Солнца днемъ и ночью. Такимъ образомъ, и эти ящики, содержащіе въ себѣ фигурки, связанныя съ представленіями иного порядка, должны облегчать покойному доступъ къ благамъ, обѣщаемымъ солнечной религіей. Однако и первоначальное значеніе

¹⁾ Московскій № 3355 желтаго типа, подобно саркофагамъ XX дин. Ср. Берл. 733; покойный держитъ виноградную кисть. Берл. 629,32 — покойная предъ коровой Хаторъ; 252 и др. Изъ колл. T. White, Proceed. XVIII, pl. I.

²⁾ Напр. Берлинскіе 9581, 629—32.

³⁾ Rossi, Illustrazione di una cassetta funeraria del Museo Egizio di Torino. Atti d. R. Accademia di Torino, IX (1874). Принадлежитъ «жрецу узбу въ главѣ», Амона-Панифу-эм-ди-Амову.

⁴⁾ См. у меня въ книгѣ «Богъ Тотъ», 66.

⁵⁾ Съ этой стороны Туринскій ящикъ представляетъ исключительный интересъ. Совершенно такой же текстъ, также съ ящика для ушебти изъ гробницъ Оиванскихъ жрецовъ сообщилъ Dargessy въ Recueil de travaux, XVII, 114.

⁶⁾ Хотя отдѣльные случаи еще встрѣчаются. Напр. № 4358 и 4360 Берл. Муз. (Ausführ. Verzeichn., 279).

не забыто: на подобномъ ящикѣ Московскаго собранія (№ 3550; 34 см. дл., 21 ш., 23 в. не считая столбиковъ) съ сводчатой крышкой и 4-мя столбиками по угламъ (рис. 7), принад-

Рис. 7. Московскій ящикъ № 3550.

лежащемъ одному изъ членовъ Фиванскаго клира — «отцу бога» Уннофру, на крышкѣ на каждомъ скатѣ изображено по кораблю: съ одной стороны безъ паруса — плы-

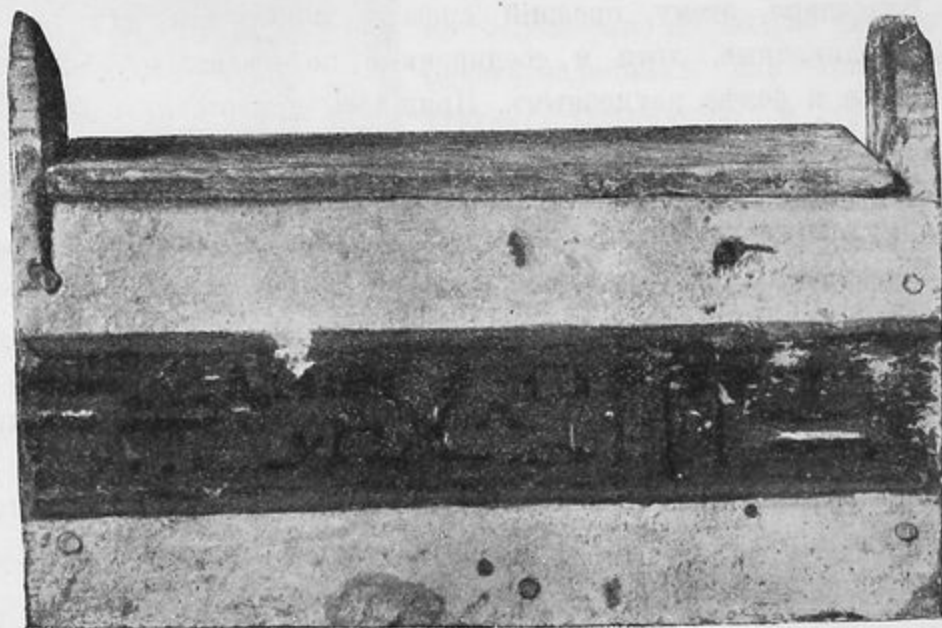

Рис. 8. Ящикъ изъ собранія Б. А. Тураева.

вущаго по теченію на сѣверъ; съ другой — съ парусомъ, плывущимъ вверхъ¹⁾, а на ящикѣ помѣщена идущая чрезъ всѣ стѣнки въ одну строку надпись, пред-

¹⁾ Подобнымъ же образомъ на ящикѣ изъ собранія Nash (изд. и описанъ въ *Proceed. Soc. Bibl. Archeol.*, XX, 186, pl. I—II), принадлежавшемъ жрецу бога Монту Фиванскаго Нес-па-хроту, также имѣющемъ форму продолговатую съ закругленными узкими стѣнками, надпись даетъ м. пр. обращеніе къ «шаубти» изъ VI гл. «Книги Мертвыхъ».

ставляющая сокращение VI главы «Книги Мертвых»: «О эти ушебти, если отряженъ Осирисъ отецъ бога Амона Уннофрѣ; я здѣсь».

Въ моемъ собраніи имѣется деревянный ящикъ (33,6×13 см.) съ плоской крышкой и высокими, закругленными узкими стѣнками (рис. 8). Вся поверхность была побѣлена; на крышкѣ сохранившееся, весьма плохо, изображение корабля, вдоль всѣхъ стѣнокъ идетъ по желтому фону, заключенному между двумя зелеными полосками исполненная тщательными черными крупными іероглифами въ горизонтальной строкѣ слѣдующая надпись:

Dj nst htp Ra, верховникъ боговъ, вышедшій изъ горизонта, да дастъ всякіе дары и всякія яства для ка Осириса, супруги, Несихонсупехротъ, правою, достойной (обладательницы imh).

Здѣсь уже и надпись обращена не къ Осирису и не къ ушебти, а къ богу солнца — Ра, который носить великій эпитетъ «верховника боговъ».

Въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть также подобнаго рода большой ящикъ (№ 821)¹⁾. На длинныхъ сторонахъ его изображена черная фигура лежащаго на обычной подставкѣ шакала Анубиса съ жезломъ въ лапахъ, на узкихъ — по изображенію геніевъ, Амсета и Хапи (оба съ головами человѣка); имѣется и надпись, дающая имя покойнаго: «жрецъ Хонтъ Амона» (съ другой стороны: «Осирисъ, завѣдующій архивомъ казны храма Амона») Хонсу».

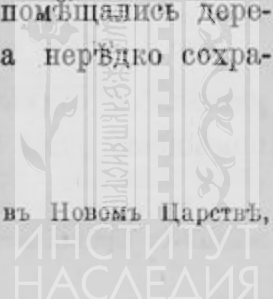
На этомъ ящикѣ, какъ отчасти уже и на туринскомъ²⁾ съ изображеніемъ Тота сказалось вліяніе другихъ ящиковъ, также составлявшихъ часть гробничнаго инвентаря и заключавшихъ въ себѣ сосуды для внутренностей, такъ наз. каноны. Изображенія четырехъ геніевъ, отчасти Анубиса и Исиды съ Нефтидой, вѣроятно заимствованы отсюда, равно какъ отчасти и форма ящиковъ, особенно распространенная въ позднія эпохи.

Огромное количество ушебти, требовавшихся для отдѣльныхъ погребеній, обусловливало увеличеніе размѣровъ ящиковъ и привело къ новому измѣненію ихъ формы. Появляются высокіе расписные ящики, которые часто называютъ имѣющими видъ пилоновъ, большею частью суживающихся кверху и украшенныхъ вверху карнизомъ. Крышка бываетъ нерѣдко въ видѣ квадрата или прямоугольника, передняя часть котораго выше задней и который въ разрѣзѣ имѣетъ видъ закругленной покатой линіи. Такія крышки любили египтяне; они употребляли ихъ и для туалетныхъ ящиковъ и для ящиковъ для канопа³⁾. На крышкѣ обыкновенно помѣщалась фигурка кобчика въ мумифицированной формѣ («ахомъ»), подобно тому, какъ на ящикахъ для канопа или саркофагахъ помѣщались деревянные черныя фигуры сидящихъ шакаловъ. Подъ дномъ ящика нерѣдко сохра-

¹⁾ См. Golénischeff, Inventaire, p. 120.

²⁾ А также на ящикѣ коллекціи Whyte, Proceedings, XVIII, pl. I.

³⁾ И даже иногда для большихъ вѣшнихъ деревянныхъ саркофаговъ въ Новомъ Царствѣ, напр. Туо. Quibell, o. c. pl. VII.

нились салазки, какъ и въ болѣе древнее время, и какъ это бывало на ящикахъ для каношъ, которыя влеклись во время погребальной процессіи по землѣ, или носились на носилкахъ¹⁾.

Многіе изъ этихъ ящиковъ происходятъ изъ Ахмима.

Нѣкоторые изъ этихъ ящиковъ, несмотря на свое позднее происхожденіе (саисско-персидское время), отличаются изяществомъ и тонкостью раскраски надписей и рисунковъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія московскій ящикъ № 4482, сохранившійся къ сожалѣнію далеко не въ безукоризненномъ видѣ (мѣстами отвалилась роспись) и потерявшій дно и крышку. Онъ имѣетъ видъ усѣченной четырехугольной пирамиды съ двумя широкими и двумя узкими сторонами. Лицевая стѣнка имѣетъ на себѣ вверху четыре крылатыхъ диска; подъ ними два наоса съ двумя формами Анубиса («утійскаго» и «главы залы бальзамированія») съ принадлежностями бальзамированія въ рукахъ; еще ниже покойный въ длинномъ бѣломъ платьѣ кадитъ и возливаетъ на жертвенный столъ предъ богами: Осирисомъ, Исидой, Горомъ, Нефтидой. Внизу полихромный орнаментъ изъ подобія дверей; полихромныя полосы, орнаментъ въ видѣ звѣзднаго неба и т. п. отдѣляютъ изображенія другъ отъ друга. Все обрамлено надписью, въ которой двѣ формы Анубиса общаются покойному Пта-Горъ-не-небу-уэру

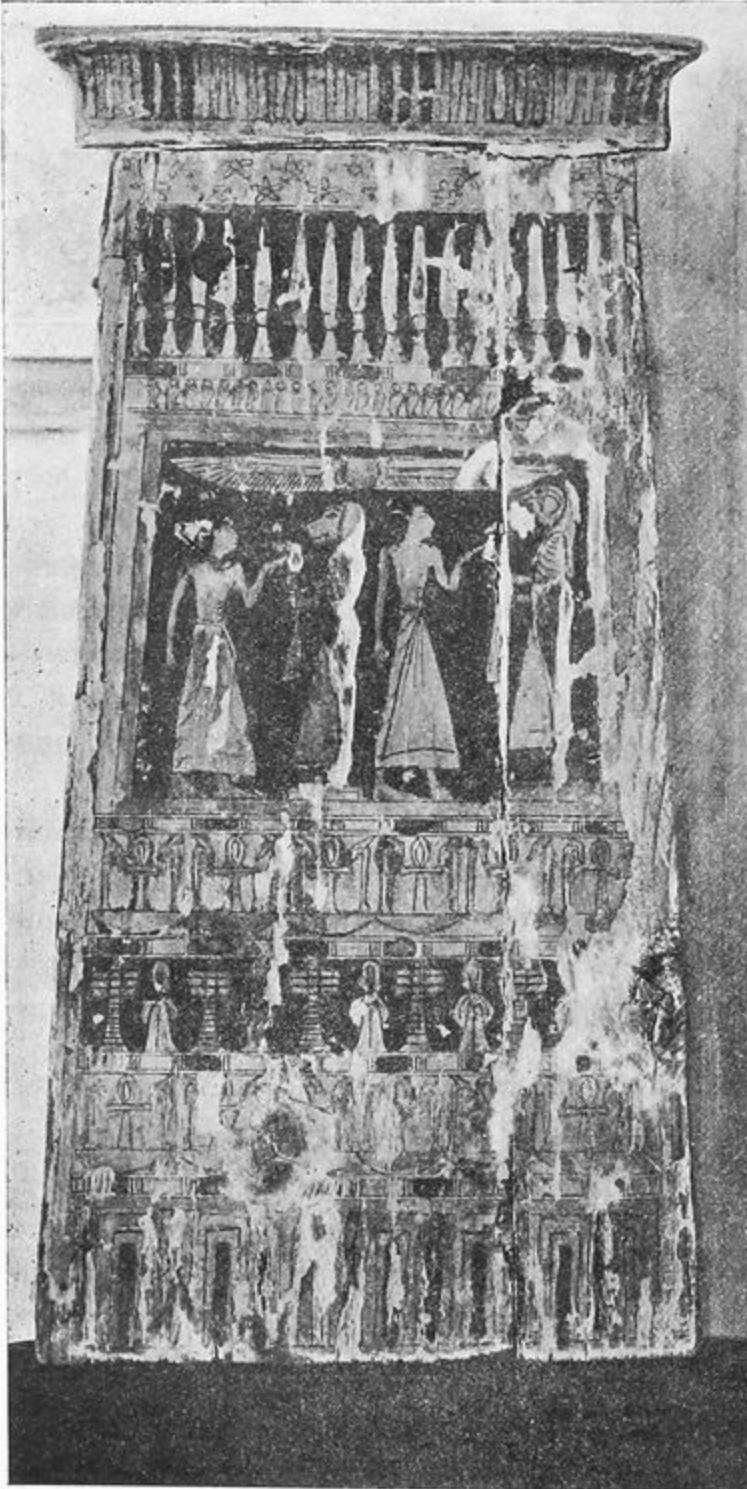

Рис. 9. Стѣнка ящика изъ собранія Б. А. Тураева.

явиться и содѣйствовать крѣпости его плоти. На задней и на боковыхъ стѣнкахъ помѣщены ряды изображеній сидящихъ божествъ съ мечами и стоящихъ божествъ,

¹⁾ См. многочисленныя иллюстраціи къ началу «Книги Мертвыхъ», особенно въ роскошныхъ изданіяхъ Британскаго Музея.

съ которыми приводятся въ связь различные члены тѣла покойнаго; при нихъ надписи изъ 42-й главы «Книги Мертвыхъ». На задней стѣнкѣ мы находимъ, кромѣ того, посрединѣ, изображеніе духовъ-звѣздъ, влекущихъ управляемую Анубисомъ барку, на которой лежитъ мумія покойнаго; при ней надпись: «Осирисъ имя-рекъ, непоколебимый во вѣки». Выше — изображеніе души покойнаго въ видѣ крылатой фигуры съ головой чело-вѣка, съ символомъ «хорошаго дыханія» въ рукахъ; надпись поясняетъ: «ты восходишь къ небу».

Вѣроятно приблизительно къ этому же времени и мѣсту восходить и стѣнка подобнаго ящика (рис. 9) изъ моего собранія (38 см. в., 19,5 см. ш. внизу, 15,5 см. ш. вверху подъ карнизомъ). Она суживается вверху, имѣетъ вверху обычный египетскій карнизъ, подъ нимъ звѣздное небо, фризь изъ іероглифовъ *hkr* (ковровыхъ кистей?), затѣмъ фризь изъ уреевъ. Подъ нимъ въ наосѣ по красному фону изображеніе покойнаго предъ геніями Хапи и Кебехсенуфомъ; надъ ними крылатый дискъ. Подъ наосомъ четыре пояса полихромнаго орнамента: первый и третій — такіе же ряды знаковъ жизни и *wꜣs* на знакъ *nw*, какъ и на описанномъ выше ящикѣ; во второмъ чередуются фетиши-амулеты Осириса и Исиды, четвертый состоитъ изъ подобій дверей, какъ и нижній на московскомъ ящикѣ. И здѣсь работа тщательная и сочетание красокъ пріятно.

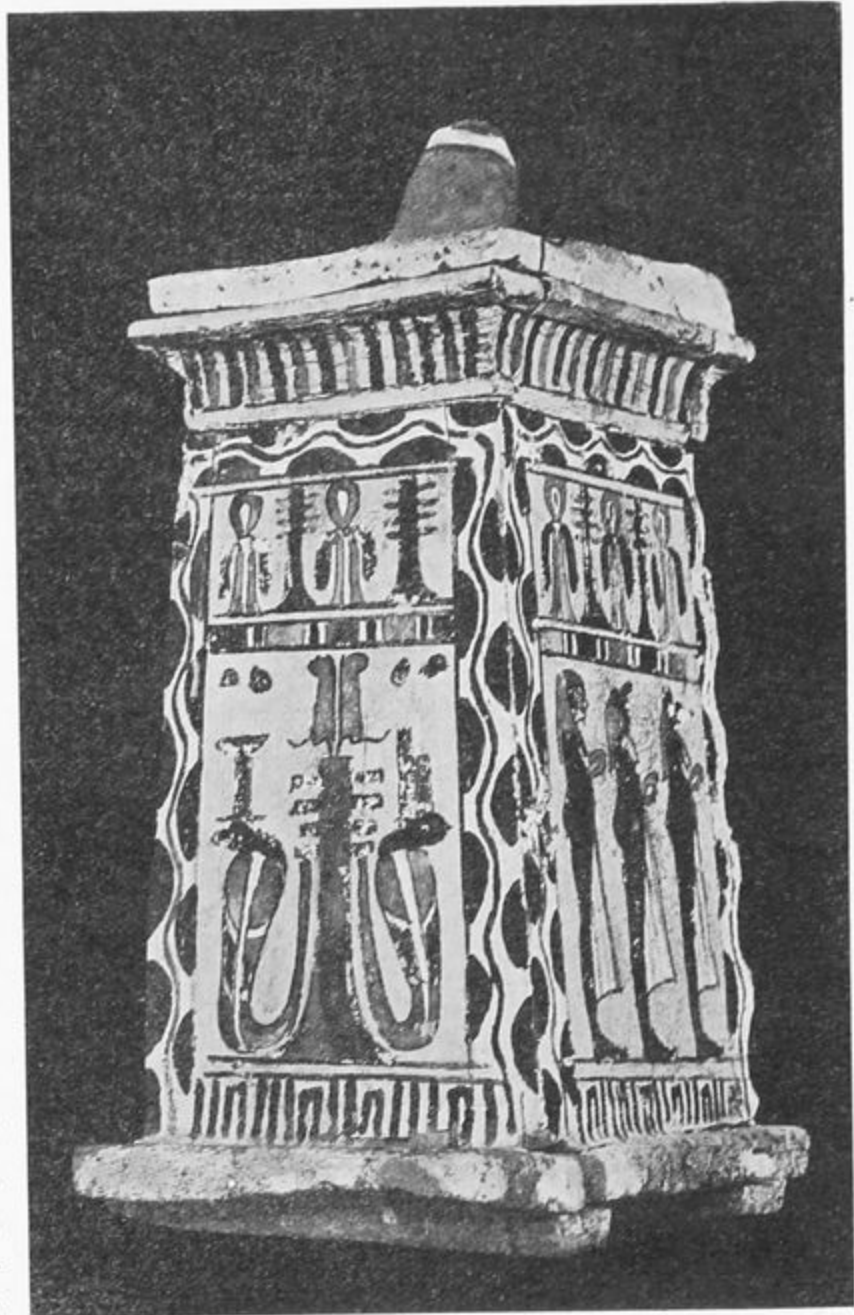

Рис. 10. Ящикъ № 3312 Музея Изящныхъ Искусствъ въ Москвѣ.

Нѣсколько иного типа московскіе ящики №№ 3549 и 3312. Первый весь покрытъ полихромнымъ, довольно простымъ орнаментомъ и имѣетъ на себѣ только Древности. Т. XXV.

изображенія четырехъ геніевъ, по одному на каждой сторонѣ; подъ ними полоска съ орнаментомъ изъ сочетаній знаковъ *nb*, *'nh* и *w3s*; внизу орнаментъ изъ подобія дверей. Верхняя часть ящика не имѣетъ карниза, который имѣется на ящикѣ № 3312. Съ лицевой стороны на карнизѣ и на самой стѣнкѣ помѣщено по крылатому диску. Подъ нимъ часть стѣнки представляетъ имитацию двойной двери съ засовами ¹⁾; на створкахъ изображены Исида и Нефтида совершающими возліяніе на жертвенный столъ. Надпись говоритъ, что это «совершенство возліянія и каждаго Осирису жрецу (слѣдуетъ титуль) Дже-Гору ²⁾, сыну такого-то отца и такой-то матери». Три остальные стѣнки расписаны рядами полихромныхъ амулетовъ-фетишей Осириса и Исиды.

Рис. 11. Ящикъ Яхмоса изъ собранія Б. А. Тураева.

карнизѣ. Задняя стѣнка содержитъ изображеніе фетиша Осириса съ перьями наверху;

¹⁾ Какъ на гробѣ Осириса изъ гробницы Ху, Wilkinson III, 349. Въ Луврѣ есть деревянный не расписанный ящикъ на ножкахъ своеобразной формы, съ настоящими дверцами и засовами. Въ Musée Guimet на одномъ изъ ящиковъ изображены Горъ и Тотъ, открывающіе такія двери, въпротиву съ тѣмъ, чтобы выпустить душу.

²⁾ *Táxos* или *Téos*. Имя указываетъ на конецъ Персидскаго или начало Птолемеявскаго періода.

№ 3312 московскаго музея (рис. 10) сохранился безукоризненно. У него имѣется и крышка съ выпуклой неровностью и съ сидящимъ кобчикомъ, есть салазки подъ пьедесталомъ. Лицевая сторона у него также расписана въ видѣ двери съ засовами; надъ ней три крылатыхъ диска, одинъ подъ другимъ, самый верхній на

по обѣ стороны его двѣ змѣи, представляющія Исиду и Нефтиду и имѣющія на головахъ ихъ іероглифы. Боковыя стѣнки имѣютъ на себѣ изображенія геніевъ, сыновъ Гора (по три); надъ изображениями на трехъ стѣнкахъ — полоса изъ полихромныхъ амулетовъ-фетишей Осириса и Исиды. На ребрахъ и подъ карнизомъ своеобразный орнаментъ изъ черныхъ яйцевидныхъ фигуръ по бѣлому фону, м. б. имитация виноградной кисти (?). Къ этой же группѣ примыкаетъ и издаваемый здѣсь большой ящикъ моего собранія, довольно недурной сохранности (рис. 11—12, табл. V, 2). Выш. 53, ш. 27 см. Карниза вверху нѣтъ. Крышка плоская; орнаментъ ея и кобчикъ не сохранились. Лицевая стѣнка расписана (желтымъ) въ видѣ двери съ засовами; надъ дверью два крылатыхъ диска. На задней стѣнкѣ изображены Исида и Нефтида въ видѣ змѣй съ головами женщинъ и іероглифами, спускающихся съ абидосскаго реликварія; надъ этимъ изображеніе парящей къ небу челоуѣкоголовой души съ фетишами Нофертума (?) въ рукахъ. Двѣ боковыхъ стѣнки содержатъ довольно грубыя изображенія четырехъ геніевъ¹⁾, держащихъ погребальныя ленты; надъ ними двѣ полосы изъ чередующихся фетишей Осириса и Исиды. Нижняя часть ящика расписана въ видѣ пояса подобія дверей. Фонъ вездѣ желтый (золотой?), ребра и края зеленныя, и на нихъ должны были быть надписи. Ихъ, несомнѣнно, предполагалось помѣстить на всѣхъ четырехъ стѣнкахъ, но почему-то получила ихъ только одна — лѣвая отъ зрителя, боковая — да и то не въ полномъ объемѣ: верхній край и лѣвое ребро исписаны полностью, правое же только до половины. Іероглифическіе знаки исполнены черными чернилами, довольно грубо, въ стилѣ этой поздней эпохи:

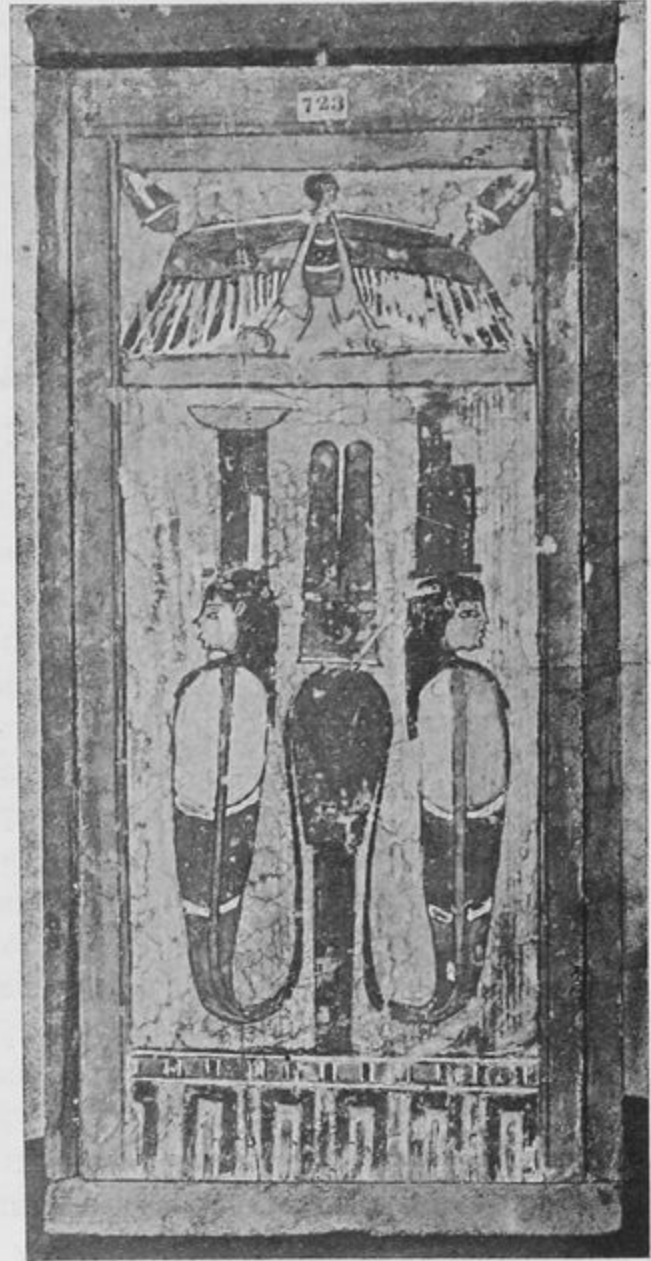

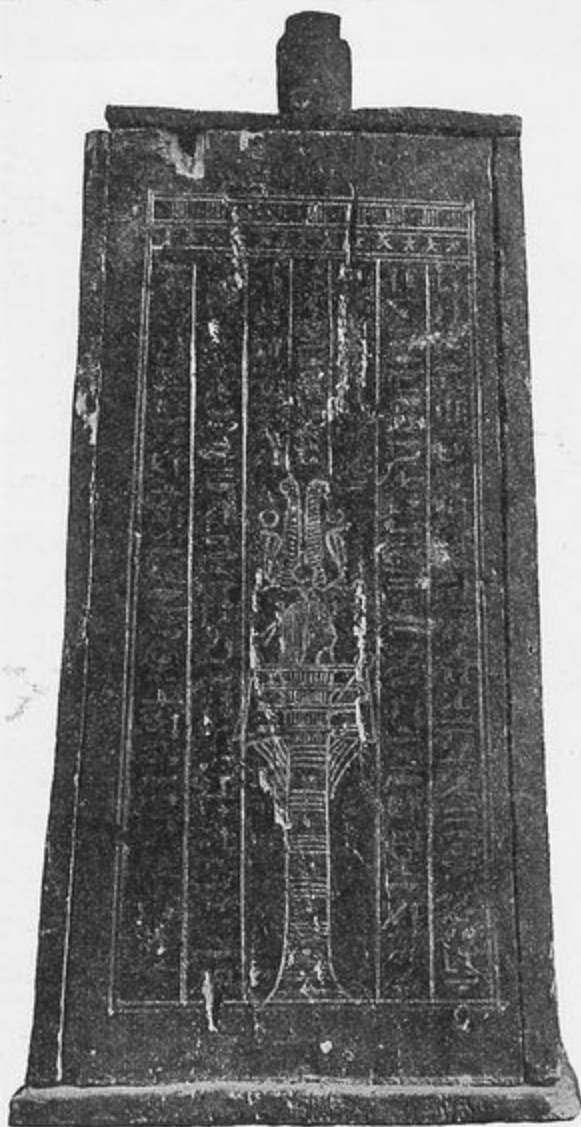
Рис. 12. Ящикъ Яхмоса изъ собранія Б. А. Тураева.

¹⁾ Почему-то на обѣихъ стѣнкахъ два изъ геніевъ изображены съ челоуѣческими головами. Хани имѣется въ обоихъ случаяхъ, Дуамутефъ и Кебхсенуфъ чередуются.

Верхъ: «Жива (?) душа (?) Осириса, жреца «уджеба», жреца *imy is hs k3*¹⁾», писца божественной книги, Яхмоса правоюгласнаго, сына жреца «уджеба», *imy hs k3*, писца божественной книги, Дже-Гора, рожденнаго отъ законной супруги Песедъ правоюгласной».

Лѣвое ребро: «Говоритъ Хапи: «даю я... Осирису... etc.» (слѣдуютъ тутулы и имена родителей).

Правое ребро: «Говоритъ Кебехсенуфъ: «Я сынъ твой, Осирисъ *imy is hs k3*,

писецъ божественной книги»... Дальнѣйшаго нѣтъ, надпись оборвана на половинѣ ребра. Очевидно, на противоположной стѣнкѣ должны были находиться надписи, влагаемая въ уста двухъ другихъ геніевъ; вѣроятно, надписи предполагались и на двухъ остальныхъ стѣнкахъ; почему ихъ не имѣется, неизвѣстно²⁾.

Остановимся еще на одномъ ящикѣ поздняго времени, находящемся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (№ 822)³⁾, представляющемъ нѣкоторыя особенности раскраски и орнаментаціи (рис. 13—14). Типъ его такой же — это высокій (40 см. в. безъ пьедестала и крышки, 20 см. ш. вверху и 17 см. ш. внизу), суживающийся къверху четырехугольный деревянный ящикъ, безъ карниза, съ закругленной покатой четырехугольной крышкой, имѣющей на себѣ фигуру кобчика. Но всѣ стѣнки и крышка выкрашены въ черное, и по этому черному фону желтой краской сдѣланы надписи и контурные, довольно тщательные рисунки. Передняя стѣнка имѣетъ вверху между двухъ сидящихъ лицомъ другъ къ другу Анубисовъ — картушь Осириса, украшенный вверху перьями, по сторонамъ — уреяи. Внизу — 6 вертикальныхъ строкъ титу-

Рис. 13. Ящикъ № 822 Императорскаго Эрмитажа. ловъ іероглифической надписи. Въ ней, послѣ имени, отчества и материнства, покойный говоритъ: «я — потокъ... изъ наводненія; дай мнѣ хлѣбъ съ полей Галу. Я плыву по небу; Я — Рурути,... я приближаюсь

¹⁾ — титулъ, встрѣчающійся у Онванскихъ жрецовъ бога Монту. См. Wiedemann въ Proceed. Soc. Bibl. Arch. XI, 73. Gautier, Cercueils des prêtres de Montou. Catalogue du Caire, XV, 685, 192. Также у ахмимскихъ жрецовъ: Брит. Муз. № 941 (Guide to the Egypt. Coll., pl. VII).

²⁾ Надгробная плита этого же Яхмоса, сына Джегора и Песедъ находится въ Каирскомъ Музеѣ и происходитъ изъ Ахмима. См. Catalogue général des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire. Ahmed Bey Kamal, Stèles ptolémaïques et romaines, № 22070 (p. 64), pl. XXII. Текстъ даетъ славословія богу солнца; исполненіе довольно небрежное.

³⁾ Golénischeff, l. c.

ко вратамъ полей Галу. О Осирисъ имя-рекъ, ты живешь вновь, какъ Атонъ (?), дана тебѣ жизнь; душа твоя — твоему тѣлу на западъ; ты поднимаешься къ залѣ обоюдной правды»...

На задней сторонѣ изображенъ фетишъ Осириса съ головой, въ коронѣ изъ перьевъ, съ бичомъ и жезломъ въ рукахъ¹⁾. Надпись изъ семи вертикальныхъ строкъ содержитъ различныя обращенія къ покойному Осирису; м. пр.: «О Осирисъ имя-рекъ! Ты живешь вновь... ты соединяешься съ лучами... предъ богомъ на любомъ мѣстѣ, ты выходишь и спускаешься, не удерживаются ноги твои; ты восходишь къ богу, и не задерживаешься... у владыкъ Дуата; не задерживаясь во вратахъ Преисподней»²⁾. На одной изъ боковыхъ стѣнокъ подъ звѣзднымъ небомъ — изображеніе 4-хъ обычныхъ сидящихъ геніевъ съ ножами; на противоположной — такое же изображеніе 4-хъ другихъ геніевъ — съ головами обезьяны, льва, крокодила и шакала. Надписи при нихъ, и тамъ, и тамъ, влагаются имъ въ уста и содержатъ обычное обѣщаніе быть защитой покойному и не удаляться отъ него. Наконецъ, надписи имѣются и на крышкѣ³⁾ и содержатъ благоприятныя для покойнаго слова Анубиса. Къ сожалѣнію, всѣ надписи, хотя и исполнены красивыми іероглифами, но не всегда достаточно разборчивы.

Хотя этотъ ящикъ и отличается нѣсколько отъ выше описанныхъ, но и онъ имѣетъ съ ними общимъ, помимо формы, присутствія 4-хъ геніевъ и т. п., еще то, что онъ примыкаетъ къ современнымъ ему саркофагамъ. Онъ напоминаетъ по раскраскѣ и орнаментации поздніе черные саркофаги такъ же, какъ тѣ — полихромные персид-

Рис. 14. Ящикъ № 822 Императорскаго Эрмитажа.

¹⁾ На одномъ изъ высокихъ ящиковъ Musée Guimet также имѣется изображеніе этого фетиша на задней стѣнкѣ; на лицевой — сложный орнаментъ въ видѣ дверей; на боковыхъ стѣнкахъ — 4 генія; все это тонкой работы. Другой ящикъ того же музея, нѣсколько ниже и меньше; подъ изображеніемъ крылатаго диска помѣщена на всѣхъ стѣнкахъ фигура покойницы предъ теніями (по два); ниже — по четыре ряда идущихъ фигуръ съ жезлами и погребальными лентами.

²⁾ Эти тексты принадлежатъ къ категоріи позднихъ композицій въ стилѣ «Книги Мертвыхъ». О нихъ см. м. пр. нашу статью: «Поздніе египетскіе папирусы» въ «Памятникахъ Музея Изаидныхъ Искусствъ».

³⁾ Какъ замѣтилъ мнѣ Я. И. Смирновъ, крышка не приходится къ данному ящику; очевидно, ихъ было нѣсколько въ гробницѣ.

скаго времени. Особенно просятся на сравненіе извѣстные четырехугольные со столбиками и рисунками. На нихъ мы находимъ нерѣдко и мотивъ уреевъ и эмблемъ Осириса¹⁾, и въ такомъ же обильномъ количествѣ орнаментъ изъ полихромныхъ фетишей Осириса и Исиды²⁾, такой же желтый фонъ и такую же раскраску. Вообще, ящики, примыкая къ саркофагамъ во всемъ, кромѣ формы, потеряли въ это время все, что напоминало ихъ назначеніе; если не считать текста съ упоминаніемъ полей Іалу на петроградскомъ ящикѣ, текста, замѣтимъ, весьма общаго и мало характернаго, то мы не найдемъ нигдѣ ничего, что говорило бы о содержимомъ ящика и напоминало о назначеніи его.

Б. Тураевъ.

¹⁾ Напримѣръ на московскомъ саркофагѣ № 4173 (Гора-Уннофра, сына Джегора): уреи въ коронахъ Египта у фетиша Осириса (въ головахъ).

²⁾ Этотъ излюбленный орнаментъ — уже на ящикѣ, влекомомъ на салазкахъ въ процессіи Ани (въ изданіи *B u d g e*, табл. 5).

Милетскія вазы изъ Россіи.

Изображенный съ двухъ сторонъ на прилагаемыхъ таблицахъ VI и VII обломокъ горла вазы съ ручкой находится въ музеѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Мое вниманіе на обломокъ вазы обратилъ въ 1912 г. А. А. Спицынъ.

Благодаря любезному содѣйствію профессора Д. Н. Анучина, весной 1912 г. мнѣ удалось изучить обломокъ вазы въ указанномъ музеѣ. Д. Н. Анучинъ по моей просьбѣ заказалъ фотографу К. А. Фишеру въ Москвѣ два снимка съ обломка вазы въ натуральную величину; съ этихъ фотографій сдѣланы прилагаемыя фототипическія таблицы, на которыхъ обломокъ представленъ также въ натуральную величину. Д. Н. Анучинъ въ письмѣ на мое имя отъ 8 мая 1912 г. сообщаетъ, что обломокъ вазы поступилъ въ музей вмѣстѣ съ бумагами и археологическими предметами по завѣщанію А. М. Раевской. Въ бумагахъ А. М. Раевской имѣется слѣдующая записъ, писанная, повидимому, ея рукою: «Горло съ ручкой отъ греческаго сосуда, расписаннаго черной краской по желто-розоватому полю съ изображеніемъ собаки, преслѣдующей сайгу. Найдено въ 1863 г. крестьянами въ могилѣ, въ полѣ Кіевской губ., Чигиринскаго уѣзда, въ им. Болтышка, между лѣсами Куцовымъ и Нерубаемъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, были замѣтны слѣды толстыхъ сгнившихъ брусевъ, расположеніемъ своимъ обличавшихъ устройство какъ-бы погребя. Тамъ же найдены были черепки на подобіе чайныхъ блюдечекъ, которые затерялись. Могила находится въ крестьянской дачѣ и теперь окончательно раскопана»¹⁾.

Сообщивъ приведенную полностью выписку, Д. Н. Анучинъ добавляетъ, что упоминаніе о «сайгѣ» въ описаніи г-жи Раевской, конечно, неправильно. «Судя по рогамъ, это, несомнѣнно, горный козелъ». Въ недавно вышедшей прекрасной книгѣ датскаго ученаго Кинка объ его раскопкахъ близъ мѣстечка Вруліа, на о. Родосѣ, гдѣ, между прочимъ, найдено было большое количество вазъ и обломковъ съ изображеніями такихъ козловъ, какъ на обломкѣ изъ Кіевской губ., имѣется приложеніе съ разсужденіемъ о зоологической особи, изображаемой на вазахъ. Она опредѣлена, какъ «сарга аегагус», «эгагръ»²⁾.

¹⁾ На обломкѣ вазы имѣется клеймо «99», обозначающее, по всей вѣроятности, номеръ коллекціи г-жи Раевской.

²⁾ *K. F. Kinch, Fouilles de Vroulia (Rhodes), Fondation Carlsberg-Copenhague, Berlin, 1914, ст. 265 слл.*

Что касается собаки, преслѣдующей эгагра, то здѣсь скорѣе всего имѣлась въ виду, повидимому, овчарка¹⁾.

Указаніе въ записи г-жи Раевской, что роспись сдѣлана черною краской, конечно, тоже неправильно. Это не краска, а обычный, хорошо извѣстный лакъ, которымъ, начиная съ эгейскихъ временъ, дѣлались росписи на греческихъ вазахъ²⁾. Роспись на обломкѣ исполнена не непосредственно по глинѣ, а по особой бѣлой, блестящей обмазкѣ скорѣе не съ розоватымъ оттѣнкомъ, какъ записано у г-жи Раевской, а съ кремовымъ. Обмазка отличается сравнительною прочностью.

Лакъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ покрытъ густымъ слоємъ, почти черный; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ положенъ не такъ густо, онъ бураго или темно-коричневаго тона. У орнаментовъ, гдѣ лакъ мѣстами положенъ былъ очень слабо, онъ принялъ послѣ обжиганія вазы желтый, красноватый или оранжевый оттѣнокъ.

Глина, изъ которой была сдѣлана ваза, не особенно чистая, блѣдно-красная, съ примѣсью бѣлыхъ песчинокъ и мельчайшихъ блестокъ калиевой или натріевой слюды. Качества глины, бѣлой обмазки и лака не оставляютъ сомнѣній, что обломокъ, найденный въ имѣніи Болтышка, представляетъ остатокъ сосуда того класса греческихъ вазъ, который называли прежде³⁾, а нѣкоторые ученые называютъ и теперь⁴⁾ «родосскимъ», потому что впервые большое количество вазъ этого рода найдено было на о. Родосѣ.

Лёшке и за нимъ Бёлау и Принцъ⁵⁾ высказали предположеніе, что «родосскія» вазы представляютъ, по всей вѣроятности, произведенія промышленности Милета. Мнѣнія названныхъ ученыхъ раздѣляли весьма многіе. Назову Потье⁶⁾, Клейна⁷⁾, Бушора⁸⁾. Милетскими называетъ эти вазы проф. Э. Р. фонъ-Штернъ въ своихъ отчетахъ объ раскопкахъ на о. Березани⁹⁾. Въ пользу милетскаго происхожденія вазъ высказывался и я¹⁰⁾. Милетскими считаетъ вазы также С. Д. Руднева¹¹⁾.

¹⁾ Ср. *Kinch*, ук. соч., ст. 236.

²⁾ *Walters-Birch*, *History of ancient pottery*, I, London, 1905, стран. 219 слл.

³⁾ Ср. *Pottier*, *Catalogue des vases antiques de terre cuite*, Musée du Louvre, I, Paris, 1896, 138 слл.; II, Paris, 1899, 494 слл.; *Walters-Birch*, *History of anc. pottery*, I, стран. 333 слл.

⁴⁾ Ср. *Fowler-Wheeler-Stevens*, *Handbook of greek archaeology*, New-York, 1909, 456; *Perrot*, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IX, 1911, Paris, стран. 413 слл.; *Paulsen*, *Der Orient und die frühgriechische Kunst*, Leipzig, 1912, 83 слл.

⁵⁾ *Boehlau*, *Aus jonischen und italischen Nekropolen*, Leipzig, 1898, 73 слл.; *H. Prinz*, *Funde aus Naukratis*, въ «*Klio*», VII Beiheft, Leipzig, 1908, 15 слл.

⁶⁾ *Pottier*, ук. соч., II, 496 слл.

⁷⁾ *Klein*, *Geschichte d. griech. Kunst*, I, Leipzig, 1904, стран. 66.

⁸⁾ *Buschor*, *Griechische Vasenmalerei*, München, 1913, стран. 75.

⁹⁾ Ср. *E. von Stern*, *Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung*, въ «*Klio*», IX (1909), стран. 143 слл.; его же *Kulturleben und Geschichte des Schwarzmeergebietes*, въ «*Deutsche Monatschrift für Russland*», 1912, № 5; его же отчеты въ протоколахъ засѣданій, въ «*Запискахъ Импер. Одесскаго Общества Истории и Древностей*» и въ «*Отчетахъ Импер. Археолог. Коммисіи*».

¹⁰⁾ См. «*Извѣстія Импер. Археол. Коммисіи*», XIII (1906), стран. 215 слл.; «*Матеріалы по археологій Россіи*, изд. Импер. Археолог. Коммисіей», № 34, стран. 16, прим. 4.

¹¹⁾ См. «*Изв. Импер. Археол. Коммисіи*», XLV (1912), стран. 108.

Нѣкоторые ученые¹⁾ указывали на египетскій Навкратисъ, какъ на возможное мѣсто происхожденія интересующихъ насъ вазъ. Другіе находили возможнымъ думать о Книдѣ²⁾.

Паульсенъ въ недавно вышедшемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ греческаго искусства къ Востоку³⁾ старается доказать новыми доводами, что «родосскія» вазы надо считать дѣйствительно родосскими, и что стиль, представляемый ими, возникъ и развился на Родосѣ подъ вліяніемъ промышленныхъ издѣлій (особенно металлическихъ сосудовъ) финикійцевъ, имѣвшихъ, какъ извѣстно, на этомъ островѣ продолжительное пребываніе.

Кинкъ въ указанномъ трудѣ отказывается входить въ обсужденіе вопроса о происхожденіи интересующихъ насъ вазъ и называетъ ихъ временно по одному изъ главныхъ мѣстъ находокъ ихъ на Родосѣ, въ Камирѣ «камирскими»⁴⁾.

Нѣкоторые ученые называютъ теперь наши вазы милето-родосскими или родосско-милетскими⁵⁾. Фонъ-Биссингъ при этомъ, повидимому, склоняется въ пользу милетскаго происхожденія⁶⁾.

Рядъ соображеній заставляеть меня думать, что наиболѣе правильной гипотезой насчетъ происхожденія нашихъ вазъ является все-таки гипотеза, впервые высказанная Лѣшке⁷⁾. Въ виду этого я буду въ дальнѣйшемъ вазы, которыя привлекають наше вниманіе, называть милетскими. Подробности, почему я считаю милетское происхожденіе вазъ наиболѣе вѣроятнымъ, я сообщу ниже.

Не только техника, но и форма сосуда, которому принадлежалъ издаваемый обломокъ, указываетъ опредѣленно на его происхожденіе. Сосудъ имѣлъ форму кувшина, энохой, весьма похожей на энохой, которая найдена была въ окрестностяхъ Керчи и находится теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петроградѣ. Она была издана въ *Отчетъ Императорской Археологической Коммисіи* за 1870—1871 годы (табл. IV). Въ виду неудовлетворительности таблицы въ указанномъ изданіи я даю изображеніе керченской вазы и ея деталей по новымъ фотографическимъ снимкамъ И. Ѳ. Чистякова (табл. VIII и IX).

Близкую аналогію обломку изъ Болтышки представляетъ также милетская энохой изъ Камира (на Родосѣ) въ Берлинскомъ музеѣ⁸⁾, изданная Принцемъ⁹⁾. Вполнѣ одинакова у обломка изъ Болтышки и у энохой Эрмитажа и Берлинскаго

¹⁾ Ср. *C. Smith*, въ «*Journal of Hellenic studies*», XI (1890), стран. 178.

²⁾ См. литературу у *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, 32. На книдскомъ происхожденіи настаивалъ *О. Ф. Вальдгауэръ* въ преніяхъ по поводу моего доклада «О милетскихъ вазахъ изъ Россіи» въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества 30 октября 1913 года.

³⁾ *Paulsen*, ук. соч., 83 слл.

⁴⁾ См. *Kinck*, *Fouilles de Vroulia*, préface.

⁵⁾ Ср. *Fr. W. v. Bissing*, *Der Anteil der aegyptischen Kunst am Kunstleben der Völker*, München, 1912, стран. 59 слл.; *М. И. Максимова*, Три фаянсовыхъ арибалла изъ коллекціи В. С. Голеницева, въ «Памятникахъ музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ», IV (1913), стран. 130 слл.

⁶⁾ *V. Bissing*, ук. соч., стран. 90.

⁷⁾ *Löschke*, у *Böhlau*, ук. соч., стран. 73 слл.

⁸⁾ *Furtwängler*, *Vasensammlung im Antiquarium*, I, № 295.

⁹⁾ *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, табл. II.

Древности. Т. XXV.

музея бѣлая обмазка. Своею прочностью и блескомъ она напоминаетъ обмазку навкратійскихъ вазъ, которыя представляютъ болѣе позднюю стадію развитія стили древнѣйшихъ милетскихъ вазъ, происходящихъ съ Родоса¹⁾. Сосудъ изъ окрестностей Керчи отличается отъ сосуда, которому принадлежало горло, найденное въ Болтышкѣ, тѣмъ, что у этого сосуда горло внизу и въ части, приходящейся противъ ручки, было покрыто лакомъ, тогда какъ у керченской вазы горло было сплошь покрыто бѣлой облицовкой. Форма ручки у нашего обломка и у эрмитажной и берлинской вазъ указываютъ на то, что мастера глиняныхъ энохъ, очевидно, подражали формамъ металлическихъ кувшиновъ²⁾.

Съ керченской вазой сближаютъ нашъ обломокъ и мотивы орнаментовъ. На энохѣ изъ Керчи мы видимъ на тѣхъ же мѣстахъ горла (у краевъ) полосы изъ кривыхъ, образующихъ довольно простой, идущій горизонтально, узоръ плетенія. Мотивы дополнительныхъ орнаментовъ, разсыпанныхъ между фигурами животныхъ на нашемъ обломкѣ, всѣ, кромѣ пальметокъ въ верхнихъ углахъ композиціи, встрѣчаемъ на полѣ между фигурами животныхъ и на керченской энохѣ. Пальметки, одинаковыя съ пальметками на нашемъ обломкѣ, постоянно встрѣчаются на милетскихъ вазахъ³⁾. Горло керченской вазы украшено крупнымъ узоромъ меандра, вмѣсто чего на нашемъ обломкѣ мы видимъ изображеніе собаки, преслѣдующей эгагра, дикаго козла. Совершенно схожую группу видимъ въ нижнемъ ряду подъ ручкой на керченской вазѣ (табл. VIII, 4); здѣсь только козель изображенъ смотрящимъ прямо впередъ, а не оглядывающимся назадъ, какъ на обломкѣ изъ Болтышки. Сцена преслѣдованія собаками эгагровъ и другихъ животныхъ (напр., зайцевъ, какъ на вазѣ изъ Керчи, табл. VIII, 4) очень часто изображается на милетскихъ вазахъ. Такъ какъ никогда при этомъ не встрѣчается изображеній охотниковъ, то очень можетъ быть, какъ думаетъ Кинкъ, на вазахъ имѣлся въ виду не эпизодъ изъ охоты, а сцена преслѣдованія эгагра овчарками или одичавшими собаками⁴⁾. Вообще на милетскихъ вазахъ изображаются животныя дикія, живущія на свободѣ. Художники, повидимому, даютъ наборъ животныхъ, которыя олицетворяютъ калейдоскопъ жизни на лонѣ дѣвственной природы. Очень можетъ быть, что при росписи сосудовъ художниками не руководила вовсе какая-нибудь символическая мысль, и ихъ композиціи имѣли лишь чисто декоративное значеніе. Но какъ это всегда бываетъ, всякая чисто декоративная композиція въ первоисточникѣ должна восходить къ композиціи, имѣвшей смыслъ. Композиціи милетскихъ вазъ въ первоисточникѣ, по всей вѣроятности, восходятъ къ религіозно-символическимъ изображеніямъ, создавшимся въ Малой Азіи и вышедшимъ изъ религіи «Владычицы звѣрей»⁵⁾.

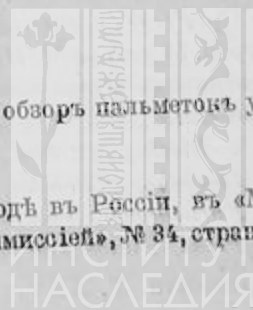
1) Ср. *Kinch*, ук. соч., стран. 220.

2) Ср. *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, стран. 20.

3) Ср. *Pottier*, *Vases antiques du Louvre*, I, Paris, 1897, табл. 12. См. обзоръ пальметокъ у *Kinch*, *Fouilles de Vroulia*, стран. 209.

4) Ср. *Kinch*, ук. соч., стран. 236.

5) Ср. объ этомъ мои замѣчанія въ работѣ объ архаическомъ періодѣ въ Россіи, въ «Материалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологической Коммиссіей», № 34, стран. 37 слл.

Заполнительные орнаменты, разсѣянные на милетскихъ вазахъ, ведутъ начало частью отъ обозначенія почвы въ композиціяхъ первоисточника, частью, быть можетъ (таковы свистики, кресты, розетки) отъ изображеній въ этихъ композиціяхъ свѣтили небесныхъ¹⁾.

На кружкахъ, украшающихъ ручку на обломкѣ изъ Болтышки, видимъ узоръ изъ крестовъ съ расширяющимися концами, исполненный лакомъ по бѣлой облицовкѣ, а на керченской вазѣ узоръ, образуемый двумя простыми пересѣкающимися крестообразно линиями и вставленными въ образуемые ими прямые углы уменьшающимися постепенно прямыми углами²⁾.

Вся роспись на обломкѣ изъ Болтышки, какъ и на вазѣ изъ Керчи, исполнена кистью. Головы животныхъ и лапы собаки обозначены только въ контурахъ. Туловища животныхъ сдѣланы темными силуэтами. Детали на силуэтахъ обозначены свѣтлыми линиями, представляющими не покрытыя лакомъ и проглядывающія поверхности основного фона, на которомъ живопись исполнялась. Типично для техники полное отсутствіе деталей, которыя сдѣланы были бы рѣзными линиями. Гравировального инструмента не было среди инструментовъ, которыми располагали мастера и обломка изъ Болтышки и керченской вазы. Обращаетъ вниманіе на обломкѣ и на вазѣ и отсутствіе деталей, сдѣланныхъ пурпурною краскою.

Заслугой Кинка является то, что онъ первый далъ обоснованную попытку классификаціи древнихъ милетскихъ вазъ по техникѣ, по мотивамъ орнаментаціи и по характеру композиціи. Онъ устанавливаетъ три главныхъ разряда: стили строгій, свободный и упадочный. Ваза, найденная около Керчи, какъ и другія находки въ Россіи, была извѣстна Кинку, изучавшему русскій матеріалъ и въ петроградскихъ и въ провинціальныхъ русскихъ коллекціяхъ. Кинкъ, предложивъ систематическую классификацію матеріала, лишь съ величайшею осторожностью дѣлаетъ указанія насчетъ хронологическаго взаимоотношенія установленныхъ разрядовъ. Въ классификаціи Кинка керченская эпоха³⁾ отнесена къ концу второго (свободнаго) періода стиля.

Къ этому же періоду, очевидно, нужно отнести и издаваемый обломокъ изъ Болтышки. У него все одинаково съ вазами второго періода (свободнаго стиля) Кинка: и глина съ мелкими блестками слюды, и качество бѣлой обмазки, похожей на обмазку неократійскихъ сосудовъ, и большое количество заполнительныхъ орнаментовъ, самыя формы этихъ орнаментовъ (особенно пальметокъ въ верхнихъ углахъ композиціи)⁴⁾, и стройныя и вѣрныя натурѣ формы животныхъ⁵⁾, и излюбленная сцена преслѣдованія собаками эгагра⁶⁾. Что обломокъ изъ Болтышки

1) Ср. *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, стран. 25; *Kinch*, *Fouilles de Vroulia*, стран. 196 сл.; *Б. В. Фармаковский*, Архаическій періодъ въ Россіи, въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи, издан. Импер. Археолог. Коммиссіею», № 34, стран. 42.

2) О крестахъ архаическаго искусства ср. въ указ. моей работѣ, стран. 46.

3) *Kinch*, ук. соч., стран. 202, 220 сл.

4) Ср. *Kinch*, стран. 197.

5) Ср. тамъ же, стран. 236.

6) Ср. тамъ же, стран. 217.

относится, какъ и керченская энохоя, къ концу свободнаго стиля указываетъ отсутствіе въ росписи его пурпурной краски¹⁾.

Въ Россіи за послѣднее время было найдено большое количество вазъ милетскаго стиля. Кромѣ знакомой уже намъ энохой изъ Керчи, я могу указать на слѣдующія находки. Въ 1896 г. нѣсколько обломковъ вазъ этого стиля были доставлены мною въ Императорскую Археологическую Коммиссію изъ коллекціи о. Н. Л. Левицкаго, нашедшаго ихъ на о. Березани (въ Черномъ морѣ, близъ Очакова)²⁾.

Въ 1901 г. Императорская Археологическая Коммиссія приобрѣла всю коллекцію о. Левицкаго, поступившую затѣмъ въ Императорскій Эрмитажъ. Среди предметовъ коллекціи видное мѣсто занимаетъ рядъ милетскихъ вазъ³⁾.

Интересно указать на великолѣпную неизданную еще келебу третьяго періода стиля (по классификаціи Кинка) съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ вѣроятно собакъ-овчарокъ (скорѣе, чѣмъ волковъ), близкихъ по стилю къ собакамъ на керченской энохѣ и на обломкѣ изъ Болтышки (табл. X, 1).

Цѣлую серію обломковъ милетскихъ вазъ дали мои раскопки въ Ольвіи 1902—1913 гг.⁴⁾ Но особенно большой и цѣнный матеріалъ былъ полученъ изъ раскопокъ на о. Березани, гдѣ въ 1900 и 1901 гг. работалъ Г. Л. Скадовскій⁵⁾ и въ 1904—1909 и 1913 гг. — Э. Р. фонъ-Штернъ⁶⁾.

Увеличили матеріалъ и нѣкоторыя находки послѣдняго времени въ области древней Фанагоріи⁷⁾ и въ разныхъ мѣстахъ Геродотовой Скиеи⁸⁾. Безъ преувеличенія можно сказать, что матеріалъ, который собранъ теперь для милетскаго стиля въ Россіи, пока⁹⁾ является, если не единственнымъ въ своемъ родѣ по богатству и разнообразію, то во всякомъ случаѣ весьма значительнымъ. Научное зна-

1) Ср. тамъ же, стран. 219 и 227.

2) Ср. «Отчетъ Импер. Археолог. Коммиссіи» за 1896 г., стран. 141, № 11.

3) Ср. «Отчетъ Импер. Археолог. Коммиссіи» за 1901 г., стран. 133, № 18; «Изв. Импер. Археолог. Коммиссіи», в. XXXVII (1910), табл. III и IV; в. XLV (1912), стран. 108, рис. 5.

4) «Изв. Импер. Археол. Коммиссіи», XIII (1906), 215 слл.; XXXIII (1909), стран. 118; Архаическій періодъ въ Россіи, въ «Материалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Импер. Археолог. Коммиссіей», № 34, табл. I, 1.

5) Результаты раскопокъ готовятся Г. Л. Скадовскимъ къ изданію. Найдены Г. Л. Скадовскаго хранятся частью въ музеѣ гор. Херсона, частью въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

6) Ср. «Archäolog. Anz.», XX (1905), 61 сл.; XXI (1906), 117 сл.; XXII (1907), 144 сл.; XXIII (1908), 177 сл.; XXIV (1909), 161 сл.; XXV (1910), 223 сл.; XXIX (1914). Э. Р. фонъ-Штернъ готовитъ большую публикацію керамическаго матеріала съ Березани (войдетъ въ серію изданій Императорской Археологической Коммиссіи). Большая часть находокъ Э. Р. фонъ-Штерна находится въ Одессѣ, въ музеѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, гдѣ находкамъ отведена большая спеціальная зала. Нѣкоторые особо выдающіеся предметы поступили въ Императорскій Эрмитажъ.

7) Ср. С. Д. Руднева, въ «Изв. Импер. Археол. Коммиссіи», XLV (1912), 104 слл.

8) Ср. «Archäol. Anzeiger», XXVI (1911), 236, 42; XXVII (1912), 378, 70; Архаич. періодъ въ Россіи, «Материалы по археологіи Россіи, изд. Импер. Археол. Коммиссіей», № 34, табл. II.

9) Повидимому, большой матеріалъ полученъ при нѣмецкихъ раскопкахъ въ Милетѣ. Ср. Wiegand, Sechster vorläufiger Bericht über die in Milet und Didyma unternomm. Ausgrabungen, «Anhang zu den Abhandl. d. k. preuss. Akademie», Berlin, 1908, 8; Siebenter vorl. Bericht, Berlin, 1911, 6. Материалъ изъ Милета пока не изданъ. E. Prinz, Funde aus Naukratis, стран. 33. Сводъ всего вообще известнаго матеріала см. теперь у Kinch, Fouilles de Vroulia (Rhodes).

ченіе этого матеріала весьма велико. Только теперь становится возможно установить все то большое значеніе, которое милетскій стиль имѣлъ, и приблизительно намѣтить стадіи его постепеннаго развитія.

Матеріалъ изъ Россіи позволяетъ, повидимому, говорить объ исторіи эволюціи этого стиля¹⁾. Въ Ольвіи и на Березани милетскія вазы встрѣчаются въ наиболѣе глубокихъ слояхъ, для которыхъ онѣ и являются особенно типичными. Изученіе формъ, техники и стиля милетскихъ вазъ ведетъ къ заключенію, что милетскія вазы далеко не представляли однообразной массы. Милетскія вазы, найденныя въ Россіи, могутъ быть раздѣлены на цѣлый рядъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга группъ, которыя все, однако, въ то же время и связаны нѣкоторыми общими имъ особенностями, которыя, очевидно, являются результатомъ совершавшагося строго постепенно и послѣдовательно развитія. Обстоятельства находки нерѣдко давали и внѣшнія указанія на счетъ времени, къ которому нужно относить различныя группы милетскихъ вазъ, обнаруженныхъ въ Россіи. Типичныя для глубокихъ слоевъ Ольвіи и Березани, милетскія вазы, очевидно, являются свидѣтелями начала жизни грековъ на югѣ Россіи во вторую половину VII вѣка до Р. Хр. Съ другой стороны, рядъ обстоятельствъ свѣдѣтельствуесть, что милетскія вазы на югѣ Россіи доживаютъ вплоть до половины VI вѣка до Р. Хр. Милетскій стиль въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ, строго послѣдовательныхъ и вполне логичныхъ и понятныхъ, жилъ, такимъ образомъ, на югѣ Россіи около 100 лѣтъ, начиная съ основанія милетскихъ поселеній вплоть до того времени, когда историческія судьбы стали выдвигать на первое мѣсто въ греческомъ мірѣ Аѳины, промышленныя произведенія которыхъ въ концѣ концовъ получили широчайшее распространеніе и на югѣ Россіи. Милетскія вазы съ половины VI вѣка уступаютъ мѣсто въ Россіи аттическимъ черно-фигурнымъ.

Среди милетской керамики, найденной на югѣ Россіи, оказывается значительное количество сосудовъ и обломковъ того класса, который Бѣлау²⁾ назвалъ поздне-милетскимъ: на этихъ вазахъ фигуры дѣлаются по бѣлой облицовкѣ сплошь силуэтами (не такъ, какъ на издаваемомъ обломкѣ изъ Болтышки) и детали обозначаются рѣзкой; при этомъ между фигурами разбрасывается много заполнительныхъ орнаментовъ (роетки и т. п.), представляющихъ также темные силуэты съ обозначеніемъ деталей рѣзкой. Для образца укажу одинъ сосудъ, найденный въ 1913 г. въ Ольвіи (табл. X, 2), который по нѣкоторымъ особенностямъ скорѣе можно считать за навкратійскій³⁾, но навкратійскій стиль представляетъ только варіацію стиля милетскаго. «Поздне-милетскія» вазы по тонамъ и общему эффекту очень похожи на коринѣскія; отъ послѣднихъ ихъ отличаютъ наличность бѣлой облицовки, другая глина и нѣсколько худшія качества чернаго лака.

¹⁾ До сихъ поръ объ этой эволюціи было говорить чрезвычайно трудно. Ср. *Prinz*, ук. соч., 30. *Кинк* сдѣлалъ классификацію только одного класса вазъ (древнѣйшаго), который не употреблялъ рѣзца. Ср. ниже.

²⁾ Ср. *Böhlau*, ук. соч., стран. 79 слл.

³⁾ Ср. объ этомъ сосудѣ мои замѣчанія въ «*Archäologischer Anzeiger*», XXIX (1914), подъ *Olbia*.

«Поздне-милетскія» вазы находятъ продолженіе въ сосудахъ, покрывающихся весьма тонкимъ слоемъ бѣлой облицовки и украшающихся фигурами животныхъ, но безъ дополнительныхъ орнаментовъ¹⁾.

Дальнѣйшимъ прямымъ продолженіемъ только что указаннаго класса вазъ являются сосуды, у которыхъ роспись совершенно того же стиля и техники, но только не имѣется бѣлой облицовки²⁾.

Этотъ классъ соответствуетъ тому, который обозначался обычно какъ дафнійскій или клазоменскій³⁾. Далѣе хронологически, какъ извѣстно, слѣдуютъ черетанскія гидрии⁴⁾, киликъ съ изображеніемъ Финея⁵⁾ и т. п., по техникѣ близкія къ аттическимъ черно-фигурнымъ вазамъ.

Манера росписи, которую мы видимъ на поздне-милетскихъ вазахъ, иногда встрѣчается рядомъ на однихъ сосудахъ съ манерой древне-милетскихъ вазъ, представляемой издаваемымъ обломкомъ изъ Болтышки. Прекрасный примѣръ такого одновременнаго примѣненія двухъ родовъ росписи на одномъ сосудѣ представляетъ роскошная большая ваза, найденная проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ на Березани при раскопкахъ въ 1913 г. Этому смѣшанному классу принадлежатъ великолѣпный сосудъ, найденный на Родосѣ и изданный Поттье (табл. X, 4)⁶⁾, ваза, найденная и изданная Кинкомъ⁷⁾, и т. д.

Сосуды, въ родѣ только что перечисленныхъ, указываютъ, что манеры древне-милетская и поздне-милетская примѣнялись нѣкоторое время параллельно. Интересно, однако, то, что силуэтная манера не встрѣчается на однихъ сосудахъ съ росписями «строгаго» (вѣроятно, древнѣйшаго) милетскаго стиля Кинка.

Поздне-милетская манера, какъ я указалъ, находить дальнѣйшее развитіе, и ея эволюція ведетъ въ концѣ концовъ къ черно-фигурному стилю. Древне-милетская манера мало-по-малу замираетъ и уступаетъ мѣсто поздне-милетской и ея продолженіямъ. Матеріаль, собранный на югѣ Россіи, свидѣтельствуетъ, что и древне-милетская манера не оставалась неподвижной и имѣла свое развитіе и, что особенно интересно и важно, южно-русскій матеріаль указываетъ, что поздне-милетская манера (примѣняющая силуэты и гравировку) развилась строго постепенно и логически послѣдовательно изъ манеры древне-милетской (первоначально чисто живописной, не примѣнявшей гравировки).

Древне-милетская живописная манера ведетъ начало, очевидно, изъ микенскихъ временъ, когда фигуры рисовались уже такъ, что главныя массы у нихъ дѣлались силуэтомъ, а головы, конечности и вообще части, требовавшія обозначенія деталей,

¹⁾ См. *Н. Э. Радловъ*, «Иzv. Импер. Археол. Коммисіи», XXXVII (1910), 81 слл.; *Н. А. Эрманъ*, тамъ же, XLV (1912), 92 слл.

²⁾ «Иzv. Импер. Археол. Коммисіи», XXXIII (1909), 118, рис. 26 и 27; «Archäol. Anz.», XXIV (1909), 171 сл., рис. 33 и 34. Ср. *Н. А. Эрманъ*, ук. соч., 97, пр. 5.

³⁾ Ср. *Buschor*, Griechische Vasenmalerei, стран. 86 слл.; *Perrot*, ук. соч., IX, стран. 380 слл.

⁴⁾ См. *Perrot*, ук. соч., IX, стран. 517 слл.; *Buschor*, ук. соч., стран. 94 слл.

⁵⁾ См. *Perrot*, ук. соч., стран. 536 слл.; *Buschor*, ук. соч., стран. 103.

⁶⁾ «Monuments Piot», I (1894), табл. IV.

⁷⁾ *Kinch*, Fouilles de Vroulia, табл. XV.

исполнялись въ контурахъ¹⁾. Эволюція древне-милетскаго стиля заключается въ томъ, что у фигуръ постепенно исчезаютъ части, исполнявшіяся въ контурахъ, и вся роспись составляется изъ темныхъ силуэтовъ. Образцомъ милетской росписи этого рода можетъ служить неизданная энохоя изъ богатой коллекціи о. Никиты Левицкаго въ Императорскомъ Эрмитажѣ (табл. X, 3). Детали на силуэтахъ обозначаютъ иногда линиями изъ бѣлой накладной краски (что представляетъ уже подражаніе техникѣ, примѣнявшейся рѣзбу), но большею частью линиями, которыя образуются оставленными незакрашенными мѣстами фона²⁾. Древняя манера (съ употребленіемъ контурныхъ обозначеній) и новая (силуэтная) иногда примѣнялись рядомъ на одной вазѣ³⁾. Интересно указать теперь на то, что постепенно въ древне-милетскомъ стилѣ исчезаютъ заполнительные орнаменты. На болѣе древнихъ сосудахъ (какъ, напр., на издаваемомъ обломкѣ изъ Болтышки) заполнительные орнаменты, слагающіеся изъ элементовъ микенскихъ и геометрическихъ⁴⁾, многочисленнѣе и разнообразнѣе. На болѣе позднихъ вазахъ ихъ меньше, и они бѣднѣе (ср. табл. X, 1)⁵⁾. Есть экземпляры сосудовъ, гдѣ въ росписяхъ заполнительныхъ орнаментовъ не имѣется совершенно⁶⁾.

Древне-милетская чисто-живописная манера, повидимому, постепенно должна была уступить мѣсто позднѣйшей манерѣ съ широкимъ употребленіемъ гравировки.

Есть вазы, росписи коихъ исполнены въ манерѣ, идентичной съ древне-милетской, но только для нѣкоторыхъ, совершенно невидныхъ деталей у нихъ примѣнена рѣзба, или же для обозначенія деталей примѣнены линіи изъ бѣлой накладной краски, очевидно, представляющія подражанія рѣзбѣ. Сюда относятся фрагментъ изъ Лариссы въ Троадѣ⁷⁾, блюдо съ изображеніемъ битвы за павшаго Евфорба⁸⁾ и нѣкоторыя изъ милосскихъ вазъ⁹⁾.

Далѣе идутъ вазы, на которыхъ роспись исполняется въ темныхъ силуэтахъ, при чемъ всѣ детали на нихъ обозначаются рѣзбой; заполнительные орнаменты, однако, въ главной массѣ все еще прежніе (микено-геометрические)¹⁰⁾; только изрѣдка

¹⁾ Ср., напр., *Furtwängler - Löschcke*, *Myken. Vasen*, 430 слл.; *Schuchhardt*, *Schliemann's Ausgrabungen*, стран. 326 слл., рис. 300 и 301; *Perrot et Chipiez*, *Hist. de l'art dans l'antiquité*, VI, 934 слл.

²⁾ Ср. *Longpérier*, *Musée Napoléon III*, табл. LIV; *Perrot*, ук. соч., IX, стр. 427, рис. 215. Этотъ способъ всегда фигурируетъ на «самосскихъ» вазахъ, которыя, по-моему, представляютъ ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе техники древне-милетскихъ вазъ. Примѣры см. у *Böhlau*, ук. соч., стр. 54 слл.

³⁾ Ср. вазу, изданную *С. Д. Рудневой*, въ «Изв. Императ. Арх. Комиссіи», в. XLV, табл. XII.

⁴⁾ См. ихъ обзоръ и эволюцію формъ у *Kinch*, ук. соч., стр. 195 слл.

⁵⁾ Ср. вазы третьяго періода у *Кинка* (ср. мою табл. X, 1). Очень мало заполнительныхъ орнаментовъ на «самосскихъ» вазахъ.

⁶⁾ Ср., напр. «Изв. Императ. Археолог. Комиссіи», в. XLV, табл. XII.

⁷⁾ *Böhlau*, ук. соч., стр. 87, рис. 38—40; *Perrot*, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IX, стр. 412, рис. 205.

⁸⁾ *Salzmann*, *Nécropole de Samiros*, табл. 53; *Perrot*, ук. соч., IX, стр. 432, рис. 221. О надписяхъ на этомъ блюдѣ, изъ-за которыхъ, между прочимъ, нѣкоторые считали возможнымъ выводить милетскія вазы изъ Книды, ср. *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, стр. 32 слл. Дѣло по-моему, удовлетворительно рѣшаетъ *Клейнъ*. См. *Klein*, *Geschichte der griech. Kunst*, I, стр. 65 слл. Ср. также *Böhlau*, ук. соч., стр. 73 слл.

⁹⁾ Ср., напр., *Ἐφημερίς ἀρχαιολογική*, 1894, т. XIII.

¹⁰⁾ Ср., напр., «*Journal of Hellenic studies*», VIII (1887), табл. LXXIX; *Perrot*, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IX, стр. 397, рис. 197.

выступают среди них новые орнаменты въ видѣ силуэтныхъ пятенъ, на которыхъ рѣзбой (иногда бѣлой накладной краской, подражающей рѣзбѣ) обозначаются кружки (ср. табл. X, 2)¹⁾. Позднѣе изъ прежнихъ заполнительныхъ орнаментовъ остаются только составленные изъ пунктира кружки, и выступают орнаменты въ видѣ круглыхъ, сплошь черныхъ кружковъ, которые перекрещиваются двумя рѣзными линиями²⁾. Потомъ являются росписи «поздне-милетскихъ» вазъ Бѣлау, о которыхъ я уже говорилъ выше.

Любопытно, что классификацію милетскихъ вазъ, которая устанавливается на основаніи матеріала, представляемаго находками въ Россіи, подтверждаютъ находки въ Навкратисѣ.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что наиболѣе древнимъ классомъ милетскихъ вазъ является тотъ, гдѣ вся роспись дѣлается исключительно кистью и гдѣ вовсе не употребляется рѣзба для деталей, классъ, котораго образцами являются обломки изъ Болтышки Киевской губерніи и ваза изъ Керчи. На мой взглядъ это обстоятельство самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ противъ теоріи Паульсена, который считаетъ, что милетскія (по Паульсену родосскія) вазы представляютъ подражанія финикійскимъ металлическимъ сосудамъ, украшавшимся изображеніями, детали коихъ обозначались рѣзбой. Чисто-живописная техника милетскихъ вазъ, очевидно, если и зависитъ отъ какой-либо иной, то во всякомъ случаѣ не отъ техники рѣзбы по металлу.

Детали, исполнявшіяся рѣзбой, прокрадываются въ древнюю живописную милетскую технику позднѣе и откуда-то со стороны. Бѣлау³⁾ вѣрно полагалъ и, мнѣ кажется, доказалъ, что происхожденіе ихъ надо искать въ той керамикѣ, которая покрывала сосуды цѣликомъ чернымъ лакомъ и украшала ихъ рѣзбой и накладными (пурпуровой и бѣлой) красками. На основаніи разнаго рода соображеній Бѣлау считалъ эту керамику эолійской⁴⁾. Другіе ученые ставили ее въ связь съ коринескими или протокоринескими вазами⁵⁾.

Большое количество вазъ этого класса, извѣстное съ Родоса⁶⁾ и изъ колоніи Родоса Гелы⁷⁾, наводило меня на мысль, что «эолійскія» вазы Бѣлау въ первоисточникѣ скорѣе всего родосскаго происхожденія. Разысканія на счетъ происхожденія протокоринескаго стиля Лоримера⁸⁾ указываютъ, что едва ли «эолійскую» керамику должно связывать съ протокоринеской. Исторія коринеской керамики также не даетъ возможности думать о томъ, что начала «эолійскихъ» вазъ идутъ изъ Коринѳа.

¹⁾ Есть рядъ примѣровъ среди черепковъ съ Березани изъ раскопокъ Э. Р. фонъ-Штерна.

²⁾ Ср. *Siebeking und Hackl*, Die königliche Vasensammlung zu München, I, 1912, стр. 45, рис. 59.

³⁾ *Böhlau*, ук. соч., стр. 89 слл.

⁴⁾ *Böhlau*, Nekropolen, стран. 91 слл.

⁵⁾ Ср. *Furtwängler*, Aegina, Heiligtum der Aphaia, стран. 476, пр. 1; *Zahn*, «Berlin, philol. Wochenschrift», 1902, ст. 1263; *Siebeking-Hackl*, ук. соч., I, стран. 72.

⁶⁾ См. теперь *Kinch*, Fouilles de Vroulia, стран. 168 слл.

⁷⁾ Ср. *Orsi* въ «Monumenti antichi della R. Accademia dei Lincei», XVII (1906), 609 сл., 619 слл.

⁸⁾ *H. L. Lorimer*, Notes on the sequence and distribution of the fabrics called protocorinthian, въ «Journal of Hellenic studies», XXXII (1912), стран. 326 слл.

То обстоятельство, что на найденном на Родосѣ блюдѣ съ изображеніемъ битвы за павшаго Евфорба¹⁾, расписанномъ въ древне-іонійской технику, совершенно близкой къ ведущей отъ нея начало технику древне-милетской, мы впервые наблюдаемъ примѣненіе въ этой технику для мелкой детали (изображенія птицы на щитѣ) — рѣзбы, обязываетъ, мнѣ кажется, къ выводу, что рѣзба раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ²⁾, проникла въ древне-іонійскую технику именно на Родосѣ. Блестящія находки Кинка на Родосѣ, какъ мнѣ кажется, рѣшаютъ вопросъ объ «эолійскихъ» вазахъ въ пользу Родоса. Бёлау уже указывалъ на то, что чернолаковые вазы, украшавшіяся рѣзбою и накладными красками, представляютъ подражанія металлическимъ сосудамъ. Послѣ изслѣдованія Паульсена³⁾ можно предполагать, что эти родосскія вазы возникли подъ вліяніемъ родосскихъ металлическихъ издѣлій, которыя въ свою очередь многимъ обязаны промышленнымъ издѣліямъ финикійцевъ, имѣвшимъ поселенія на Родосѣ.

Родосская керамика, первоначально украшавшая чернолаковые сосуды изображеніями, исполнявшимися рѣзбой, затѣмъ дѣлавшимися по свѣтлому фону (прямо по глинѣ) черными силуэтами, детали на которыхъ обозначались рѣзбой, въ своихъ основныхъ принципахъ совершенно различна съ древне-милетской керамикой, рѣзбы не употреблявшей и писавшей фигуры не силуэтами, а въ контурахъ, и не прямо по глинѣ, а по бѣлой облицовкѣ. Если родосскую технику цѣлый рядъ техническихъ приѣмовъ связываетъ съ геометрической керамикой Родоса (роспись прямо по глинѣ, силуэты, примѣненіе для деталей рѣзца), то у керамики древне-милетской нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ геометрической керамикой Родоса. Очевидно, милетская керамика — другого происхожденія, чѣмъ родосская. Родосская керамика, однако, повидимому, рано стала оказывать вліянія на керамику древне-милетскую. Подъ ея вліяніями древне-милетскій живописный стиль и превращается въ «поздне-милетскій», примѣнявшій рѣзбу. Подъ ея же вліяніями контурныя изображенія древне-милетскаго стиля уступаютъ мѣсто силуэтамъ⁴⁾. Однако, какъ я уже указалъ, древняя чисто-живописная техника нѣкоторое и довольно долгое время продолжала существовать на ряду съ новой «поздне-милетской» техникой и съ техникой, представлявшей вырожденіе древне-милетской подъ вліяніемъ родосской силуэтной техники. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо подчеркнуть то, что «поздне-милетская» техника развилась въ очень древнее время. Какъ показываетъ ваза съ Родоса, изданная Поттье (табл. X, 4), и вазы съ примѣненіемъ двухъ техникъ, найденныя Э. Р. фонъ-Штерномъ на Березани и Кинкомъ на Родосѣ, «поздне-милетская» техника существовала уже тогда, когда «древне-милетская» техника была еще въ полномъ блескѣ своего развитія и не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ упадка. Что она, однако, какъ я уже указалъ, до сихъ поръ не встрѣчалась на ряду съ росписями строгаго милетскаго

¹⁾ *Salzmann*, *Nécr. de Camiros*, табл. 53; *Perrot*, *Hist. de l'art*, IX, стран. 432, рис. 221.

²⁾ Обломокъ изъ Троады (*Böhlau*, ук. соч., стр. 87, рис. 38 — 40; *Perrot*, ук. соч., стр. 412, рис. 205) едва ли старше.

³⁾ *Paulsen*, *Oriënt und die frühgriechische Kunst*, стран. 83 сл.

⁴⁾ Ср. *С. Д. Руднева*, въ «Изв. Импер. Археолог. Коммисіи», в. XLV, ук. раб.

Древности. Т. XXV.

стиля, свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ милетскомъ стилѣ она не была съ самаго его начала. Наличие обѣихъ техникъ въ древнѣйшихъ слояхъ милетскихъ колоній на югѣ Россіи и въ Навкратисѣ указываетъ, что поздне-милетская техника достигла уже полнаго развитія ко времени начала іонійской колонизаціи Россіи и въ эпоху основанія Навкратиса, т.-е. приблизительно въ половинѣ VII вѣка до Р. Хр. Начала же древне-милетскаго строгаго стиля падаютъ, такимъ образомъ, на эпоху до половины VII в. до Р. Хр. Любопытный экземпляръ вазы древне-милетской техники времени вырожденія этого стиля (табл. XI, 1) найденъ былъ В. В. Шкорпиломъ при раскопкахъ на Таманскомъ полуостровѣ въ 1913 г. вмѣстѣ съ однимъ іонійскимъ киликомъ (табл. XI, 2) и съ самосскимъ лекиеомъ (табл. XI, 3), которые должно датировать первой половиной VI вѣка до Р. Хр.¹⁾ Это обстоятельство указываетъ, что древне-милетскій стиль доживаетъ въ Россіи, можетъ быть, до половины VI в. до Р. Хр. Къ тому же результату приводятъ наблюденія надъ матеріалами изъ Навкратиса²⁾.

Издаваемый обломокъ милетской вазы изъ Болтышки Кіевской губерніи и ваза изъ Керчи, относясь къ концу періода свободнаго стиля классификаціи Кинка, не представляютъ образцовъ самаго древняго времени милетскаго стиля (его строгаго періода). Съ другой стороны, они не могутъ быть одновременны съ сосудами въ родѣ изображеннаго на табл. XI, 1, которые характерны для эпохи вырожденія милетскаго стиля, падающей на первую половину VI в. до Р. Хр.

Далѣе, обломокъ изъ Болтышки и керченская энохоя должны быть во всякомъ случаѣ древнѣе вазъ переходной техники, въ родѣ амфоры, изданной С. Д. Рудневой³⁾, или энохой, изображенной на табл. X, 3.

Какъ вѣрно указано С. Д. Рудневой, изданная ею амфора, по всей вѣроятности, явилась въ срединѣ первой половины VI в. до Р. Хр. Наконецъ, надо замѣтить, что обломокъ изъ Кіевской губерніи и ваза изъ Керчи должны быть старше и того разряда милетскихъ вазъ, который, хотя и обозначаетъ уже начало упадка древней техники (третій разрядъ классификаціи Кинка), но еще не показываетъ тѣхъ значительныхъ отступленій отъ ея традицій, какъ амфора, изданная С. Д. Рудневой, или ваза, найденная въ 1913 г. на Тамани. Образцомъ росписей этого рода (третьяго періода Кинка) можетъ служить келеба съ Березани, изображенная на табл. X, 1. Ее, какъ и родственные ей по стилю сосуды, надо датировать, вѣроятнѣе всего, послѣдней четвертью VII в. до Р. Хр.

Всѣ приведенныя обстоятельства указываютъ, какъ на наиболѣе вѣроятное время для обломка изъ Болтышки (табл. I и II) и для керченской энохой (табл. III и IV), на третью четверть VII в. до Р. Хр., т.-е. какъ разъ на эпоху основанія Ольвіи.

Выше я уже указалъ на ошибочность теоріи, по которой вазы стиля обломка изъ Болтышки и вазы изъ Керчи почитаются за родосскія. Находки на югѣ Россіи и въ Навкратисѣ, какъ мнѣ кажется, тоже говорятъ противъ этой теоріи.

¹⁾ Въ Ольвіи сосуды, подобные найденнымъ на Тамани, находимы были иногда съ черно-фигурными іонійскими и аттическими вазами. Ср. *Böhlau*, ук. соч., табл. VIII, 22, и стран. 150.

²⁾ Ср. *Prinz*, *Funde aus Naukratis*, стран. 37; *Buschor*, *Griechische Vasenmalerei*, стран. 81.

³⁾ «Изв. Императ. Археолог. Комиссіи», в. XLV, табл. XII.

Вазы изучаемаго стиля представляютъ содержаніе древнѣйшихъ слоевъ въ милетскихъ колоніяхъ на югѣ Россіи и въ поселеніяхъ и, какъ показываетъ обломокъ изъ Болтышки, и въ могилахъ скиеовъ¹⁾, получавшихъ эти вазы, очевидно, изъ милетскихъ колоній. Въ Навкратисѣ вазы эти представляютъ содержаніе опять-таки древнѣйшаго слоя того періода, когда только одинъ Милетъ торговалъ съ Египтомъ²⁾.

Техника и стиль говорятъ, что вазы, найденныя на югѣ Россіи и въ Египтѣ, должны происходить изъ одного общаго источника. Эволюція, которую вазы проходятъ въ Россіи и въ Навкратисѣ, вполне сходны. Въ Россіи эволюція техники и стиля вазъ представлена съ исключительной полнотой. Почему Милетъ, большой промышленный центръ VII в., основавшій многочисленныя колоніи, очевидно, для сбыта прежде всего своихъ товаровъ, сталъ бы вывозить въ свои колоніи и въ Россію, и въ Египетъ въ теченіе ста лѣтъ керамическія издѣлія Родоса? Удивительно, что на Понтѣ милетскіе мореходцы привозили чужія вазы съ такимъ выборомъ, что ни одна изъ разновидностей въ эволюціи керамическаго производства, и въ томъ числѣ даже вазы полного упадка стиля (ср. табл. XI, 1), не осталась незавезенной! Ввозить плохой чужой товаръ, когда въ то же время былъ уже другой хорошей чужой товаръ (аттическій), который шель всегда и вездѣ очень бойко, было бы крайне невыгодно. Иное дѣло ввозъ собственнаго плохого товара. Милетскій стиль на югѣ Россіи доживалъ свои послѣдніе дни именно потому, что онъ былъ милетскій, а не какой иной. Съ другой стороны, если наши милетскія вазы дѣлались на Родосѣ, почему Родосъ, вывозя ихъ въ большомъ количествѣ въ колоніи и факторіи Милета, не вывозилъ ихъ въ свои колоніи, напр. въ Гелу, гдѣ милетскія вазы представляютъ очень рѣдкое исключеніе³⁾?

Всѣ эти возраженія падаютъ, если принять самое естественное и простое, т.-е. что вазы, въ большомъ количествѣ находимыя въ слояхъ, современныхъ началу милетской колонизаціи въ Россіи, привозились въ колоніи изъ митрополи и представляютъ издѣлія не чужой, а собственной промышленности этой митрополи, т.-е. Милета.

Паульсенъ указываетъ на совпаденія нѣкоторыхъ орнаментальныхъ мотивовъ на милетскихъ (по его мнѣнію, родосскихъ) вазахъ съ мотивами на финикійскихъ серебряныхъ чашахъ. Не отрицая ни этихъ аналогій, ни полной возможности заимствованія іонійскими мастерами Милета мотивовъ изъ промышленныхъ издѣлій финикійцевъ, я совершенно не могу согласиться съ нимъ насчетъ общей картины эволюціи, которую почтенный изслѣдователь предполагаетъ для милетской керамики, и насчетъ того, чтобы такимъ путемъ можно было получить данныя для хроно-

¹⁾ Вся обстановка находки, какъ она описана *А. М. Раевской*, не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній, что въ Болтышкѣ обнаружена была могила, типичная для скиескихъ кургановъ. Литературу, относящуюся къ скиескимъ гробницамъ, см. у меня: «Архаическій періодъ въ Россіи», стран. 32, прим. 9.

²⁾ *Prinz*, Funde aus Naukratis, стран. 38.

³⁾ См. *Orsi*, въ «*Mon. antichi*», XVII (1906), ук. раб.

логичн вазъ милетскаго (по Паульсену родосскаго) стиля. По Паульсену греческіе мастера ничего не могли создать сами; они все брали у финикійцевъ и, когда измѣнялась система орнаментаціи у финикійцевъ, немедленно тѣ же измѣненія орнаментаціи происходили и въ греческомъ керамическомъ искусствѣ. Вся исторія греческой культуры вопіеть противъ такого рода зависимости грековъ отъ Востока. Развитие всюду совершалось свободно, и нигдѣ его ходъ не представлялъ отображенія какой-то далекой и чужой эволюціи. Паульсенъ датируетъ милетскія вазы на основаніи аналогій съ финикійскими чашами и не принимаетъ въ расчетъ при этомъ прямыхъ хронологическихъ указаній, которыя даютъ раскопки въ Навкратисѣ и на югѣ Россіи. Чрезвычайно страннымъ представляется мнѣ и то, почему Паульсенъ рассматриваетъ свои «родосскія» вазы внѣ той эволюціи, которую мы наблюдаемъ въ керамикѣ на почвѣ Греціи. Если вазы явились подъ вліяніемъ только финикійскихъ издѣлій, то какъ же объяснить наличность среди заполнительныхъ орнаментовъ на нихъ геометрическихъ и микенскихъ элементовъ, которыхъ нѣтъ на финикійскихъ издѣліяхъ? Какъ же объяснить тотъ фактъ, что вазовые мастера рисовали фигуры животныхъ въ той Technikѣ, которую мы наблюдаемъ на клазоменскихъ саркофагахъ¹⁾, на болѣе древнихъ вазахъ Милоса²⁾, на древнѣйшихъ вазахъ съ Кикладъ³⁾, на аргосской вазѣ Аристоноа⁴⁾ и, наконецъ, на микенскихъ вазахъ⁵⁾?

И эти всѣ вопросы, если принять теорію Паульсена, останутся безъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ.

Вазы стиля издаваемого обломка, мы видѣли уже, скорѣе всего милетскія. Милетская техника представляетъ логическое дальнѣйшее развитіе Technikъ микенскихъ вазъ, вазы Аристоноа и древне-іонійскихъ (вазъ съ Кикладъ, вазъ милосскихъ). На Родосѣ милетскій стиль появляется вдругъ, безъ какихъ-либо предшественниковъ. Ясное дѣло, что этотъ стиль развился не на Родосѣ, а явился туда извнѣ.

Исслѣдованіе Кинка устанавливаетъ, что фауна, фигурирующая на вазахъ, не типична для эгейскихъ острововъ и, наоборотъ, весьма типична для юго-запада Малой Азіи и въ частности и для ближайшихъ окрестностей Милета⁶⁾.

Родосъ былъ пунктомъ, куда, повидимому, съ очень древняго времени вывозились товары изъ Милета и изъ Навкратиса⁷⁾.

Въ однихъ слояхъ съ милетскими вазами на югѣ Россіи и въ Навкратисѣ находимы были терракотты. Стиль этихъ терракоттъ тотъ же, что стиль пластиче-

¹⁾ Ср. *Perrot*, *Histoire de l'art*, IX, стран. 626 слл.

²⁾ *Perrot*, ук. соч., IX, стран. 468 слл.; *Buschor*, *Griechische Vasenmalerei*, стран. 71 слл.

³⁾ *Perrot*, ук. соч., IX, стран. 480 слл.; *Buschor*, ук. соч., стран. 69 слл.

⁴⁾ *Perrot*, ук. соч., X, стран. 82, пр. 1; *Buschor*, ук. соч., 60 слл.

⁵⁾ *Schuchhardt*, *Schliemann's Ausgrabungen*, стран. 326 слл., рис. 500 и 301; *Perrot et Chipiez*, ук. соч., VI, стран. 934 слл.

⁶⁾ Ср. *Kinch*, ук. соч., стран. 241 сл., 244.

⁷⁾ Ср. *v.-Bussing*, *Anteil der ägyptischen Kunst am Kunstleben der Völker*, стран. 90.

скихъ издѣлій изъ фаянса и алебастра, находимыхъ въ тѣхъ же слояхъ. Всѣ эти пластическія издѣлія находятъ свое объясненіе въ пластикѣ школы Милета¹⁾.

Глина терракотъ, повидимому, идентична съ глиною милетскихъ вазъ (блѣдная, красно-желтая съ бѣлыми песчинками и мелкими блестками слюды).

Помимо всѣхъ приведенныхъ соображеній, на милетское происхожденіе нашихъ вазъ указываютъ и аналогіи, которыя замѣчаются въ рисункѣ у головъ, напр. барса на вазахъ и на древнѣйшихъ монетахъ Милета²⁾.

Весьма часто встрѣчающіяся на вазахъ заполнительные орнаменты въ видѣ розетокъ, далѣе, опять находятъ близкія аналогіи въ розеткахъ на тѣхъ же монетахъ Милета³⁾.

Я уже указалъ, какой стиль есть основаніе считать дѣйствительно за родоскій и какое это стиль оказалъ вліяніе на стиль милетскій. Если родосская керамика пользовалась въ качествѣ моделей металлическими издѣліями финикійцевъ, то милетская должна была брать мотивы своей орнаментаціи болѣе съ другого рода издѣлій. Справедливо указывалось на вліянія восточныхъ тканей и ковровъ⁴⁾.

Чрезвычайно малое распространеніе вазъ милетскаго стиля на Западѣ и въ собственной Элладѣ и широкое распространеніе на Востокѣ говоритъ за то, что стиль этотъ ведетъ начало изъ художественнаго и промышленнаго центра, вниманіе котораго было устремлено не на Западъ, а на Востокъ, что вполне подходитъ къ Милету.

Окончательно рѣшать вопросъ о происхожденіи вазъ, конечно, находки въ Милетѣ, о которыхъ сообщены пока только краткія свѣдѣнія. Судя по нимъ, вазы, которыя останавливаютъ наше вниманіе, въ Милетѣ имѣли широкое распространеніе.

Издаваемый обломокъ изъ Кіевской губ. представляетъ интересный памятникъ милетской художественной промышленности эпохи ея высшаго процвѣтанія и цѣнный художественно-историческій документъ для исторіи культуры въ Скиѳіи. Ваза, которой онъ принадлежалъ, завезена была изъ милетскихъ колоній юга Россіи (вѣроятно же всего изъ Ольвіи) въ Скиѳію въ эпоху самаго начала жизни греческихъ колоній. Роскошныя произведенія Милета вывозились, очевидно, уже тогда далеко за предѣлы его колоній и находили сбытъ въ степяхъ Скиѳіи, гдѣ они и положили мало-по-малу основаніе для дальнѣйшихъ вліяній греческаго искусства. Греческій геній со второй половины VII вѣка до Р. Хр. начинаетъ свое благотворное цивилизующее дѣйствіе на народы Скиѳіи, очевидно энергично поддерживавшіе сношенія съ милетскими городами побережья Чернаго моря. Далекій Сѣверъ въ очень глубокія архаическія времена въ культурѣ долженъ былъ стать какъ-бы вассаломъ Іоніи.

Б. Фармаковскій.

¹⁾ Ср. терракоты съ Березани, изданныя въ «Archäolog. Anzeiger», XXIX (1914). О милетскомъ стилѣ терракотъ и издѣлій изъ фаянса и алебастра ср. у меня въ «Материалахъ по археологіи Россіи», № 34, стран. 18 слл.

²⁾ Ср., напр., *Kinch, Vroulia*, стран. 221, рис. 110, и *Babelon, Traité des monnaies grecques et romaines*, Paris, 1907, табл. XI, 9, 11 и 12, Ср. также голову барса на керченской вазѣ (табл. IX, 1), *Babelon*, ук. соч., табл. I, 22 и 23 и т. д.

³⁾ Ср., напр., *Kinch, Vroulia*, стран. 206, f, и *Babelon*, ук. соч., табл. XI, 8, и т. д.

⁴⁾ Ср. *Perrot, Hist. de l'art dans l'antiquité*, IX, стран. 455 слл.

Печатный антиминосъ 1612 года¹⁾.

Описываемый нами антиминосъ 1612 г., нынѣ находящійся въ Патріаршей ризницѣ, печатанъ на грубомъ рѣдкомъ холстѣ съ оловянной доски. Послѣднее обстоятельство подтверждается присутвіемъ тѣхъ мелкихъ штриховъ, которые возможны лишь на такомъ мягкомъ и податливомъ металлѣ, какъ олово, гдѣ они выходятъ нѣсколько расплывчато, не такъ тонко и отчетливо, какъ на мѣди, но и не такъ рѣзко и толсто, какъ на деревѣ.

Размѣръ антиминоса 67,4×49,2 сантим. (см. рис. 15). Средину его занята рисункомъ Положенія Спасителя во гробѣ, въ 10 фигуръ, съ семистрочной славянской надписью крупной вязью; въ углахъ четыре символа Евангелистовъ (тетраморфъ); кругомъ, между двухъ линій, кайма изъ травного зѣло-образнаго орнамента вперемежку съ звѣздами о восьми лучахъ.

Спаситель возлежитъ на плитѣ гроба, головою вправа стѣ зрителя²⁾; руки протянуты вдоль тѣла; на крещатомъ нимбѣ, надъ теменемъ, видна одна изъ трехъ обычныхъ буквъ—0. У изголовья склонившаяся къ Спасителю и обнимающая его голову Богоматерь; на нимбѣ буквы \overline{MP} \overline{OY} . Рядомъ съ нею три жены съ печальнымъ выраженіемъ лицъ, безъ надписей, — очевидно (по сравненію съ другими печатными антиминосами), Марія Магдалина, Марія Клеопова и Марія Іаковля. У ногъ Спасителя два старца, безъ надписей, — очевидно, Іосифъ Аримазейскій и Никодимъ; затѣмъ Іоаннъ Богословъ съ надписью надъ нимбомъ: IOAN . За гробомъ семиконечный крестъ; по сторонамъ дщицы крупныя буквы въ размѣрѣ вязи: IC . XC . Подъ перекрестьемъ два склонившихся ангела съ платами въ рукахъ; надъ каждымъ надпись скорописнаго характера: AG GL GD NB . Гробъ въ видѣ прямоугольнаго ящика; подъ нимъ панорама горной цѣпи. Быть можетъ, рѣзчикъ хотѣлъ изобразить здѣсь Голгоу и вообще прилежащія гористыя окрестности Іерусалима.

Въ четырехъ квадратахъ по угламъ, какъ выше упомянуто, помѣщенъ тетраморфъ. Каждый символъ Евангелиста крылатый, въ нимбѣ, и держитъ закрытую книгу (Евангеліе). Въ верхнемъ лѣвомъ квадратѣ ангелъ; надпись: MAT FEN . Въ верхнемъ правомъ — орелъ; надпись: MARCO . Въ правомъ нижнемъ — телець;

¹⁾ Читано въ засѣданіи Имп. Моск. Археологическаго Общества 20 января 1912 г.

²⁾ Положеніе необычное. Обыкновенно на иконахъ «Не рыдай Мене, Мати», извѣстныхъ съ XV вѣка, на большихъ воздухахъ и на плащаницахъ Спаситель изображается головою влево стѣ зрителя.

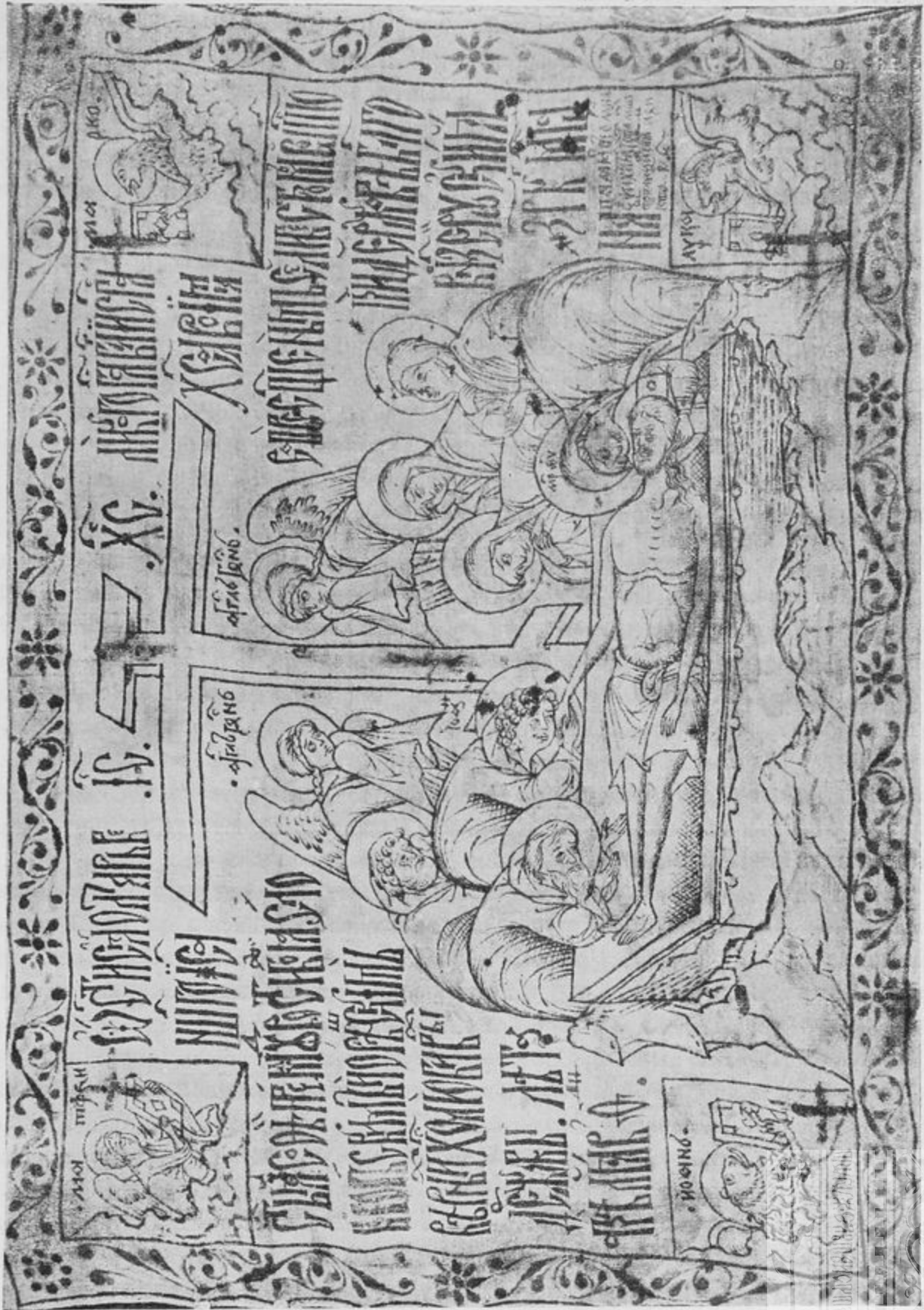

Рис. 15.

надпись: Лоука. Въ лѣвомъ нижнемъ квадратѣ — левъ; надпись: Иоанъ. Самые символы изображены правильно, согласно традиціи, идущей изъ христіанской древности; но рѣзчикъ, проставляя надписи, повидимому, увлекся современной ему практикой хожденія посолонь, въ результатѣ чего орелъ оказался символомъ Марка, а левъ — Іоанна.

На антиминсѣ сверху до низу, въ свободныхъ отъ рисунка мѣстахъ, расположена славянская надпись въ семь строкъ вязью; высота буквъ (неодинаковая) приблизительно 3,3 сантим. ($\frac{3}{4}$ вершка).

Надпись читается такъ¹⁾:

¹ Ѡстисѣ | олтарь | велікаго | га | ба | и | спа || ² ншго | іса | хса | во | їма ||
³ стѣна | соевъ | премудрости | бога | слова | пресіенымъ | селивестромъ | епѣо ||
⁴ корог [поправлено изъ: волог] ьскимъ | ѣ | орѣшкимъ | при | державѣ | блго ||
⁵ вѣрны | и | хоблюбивы | кнзе | рускіѣ || ⁶ державы. Лѣта **ЗРК** [=1612] ца ||
⁷ апрѣлѣ | въ едн. На [далѣе конецъ надписи, по неимѣнію мѣста, идетъ мелкимъ полууставомъ въ четыре строки] ¹ памѣ | стго | мѣка || ² еѣсихита | ї | ста | мѣка ||
³ помплиа | и | с | ни | иди || ⁴ кта ї.

На оборотной сторонѣ, у середины верхняго края антиминса, пришить мощевой мѣшочекъ изъ коричневой холстины. Въ семи мѣстахъ сохранились слѣды крестовъ отъ помазанія св. муромъ при освященіи. Антиминсъ поступилъ изъ Вологды въ девяностыхъ годахъ предшествующаго столѣтія.

Карельская и Орѣшская епископія была учреждена въ 1593 г. въ городѣ Карелахъ или Кексгольмѣ, теперешней Выборгской губерніи. Первымъ Карельскимъ и Орѣшскимъ епископомъ и былъ Сильвестръ съ 1593 г. Въ 1611 г. Карелія была завоевана Шведами; въ іюлѣ этого же года епископъ Сильвестръ сталъ управлять архіепископіей Вологодской и Великопермской, а съ 11 іюля 1613 г. былъ епископомъ Псковскимъ и Изборскимъ до самой кончины своей 1 декабря 1615 г.

Въ 1612 г. епископъ Сильвестръ, нося титулъ Карельскаго, управлялъ Вологодской епархіей. Этимъ обстоятельствомъ вполне объясняется неудачно глаженный промахъ рѣзчика, который сначала хотѣлъ было титуловать епископа Сильвестра Вологодскимъ, но, увидавъ ошибку, намѣревался замѣнить титулъ Вологодскаго Карельскимъ, но поправка эта вышла неясной.

Антиминсъ, какъ мы говорили уже, поступилъ въ Патріаршую ризницу изъ Вологды. Естественно, что епископъ Сильвестръ, по занятіи Кареліи Шведами, не могъ освящать антиминсовъ въ прежнюю свою епархію. Для какого же храма былъ освященъ данный антиминсъ? Мы полагаемъ, что не ошибемся, если признаемъ его освященнымъ для Софійскаго кафедральнаго собора города Вологды.

Трудно представить себѣ, къ кому долженъ быть приложенъ титулъ «благочестивыхъ и христіанскихъ князей Россійскія державы», при державѣ которыхъ напечатанъ антиминсъ. Два современныхъ ему историческихъ документа проливаютъ

¹⁾ Одна вертикальная черта служитъ для отдѣленія словъ, написанныхъ въ подлинникѣ связно, а двѣ черты — для раздѣла строкъ.

скудный свѣтъ на этотъ вопросъ. Это, во-первыхъ, грамота епископа Сильвестра изъ Вологды къ одному изъ вождей народнаго ополченія, стольнику князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, въ которой онъ сообщаетъ послѣдному въ тонѣ жалобы о разореніи Вологды литовскими людьми (казаками Хоткевича) 22 сентября 1612 г., приключившемся потому, что «пропили городъ Вологду воеводы»¹⁾. Грамота эта, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовавшихъ между епископомъ Сильвестромъ и княземъ Пожарскимъ.

Другой документъ — жалованная грамота боярину и воеводѣ князю Димитрію Тимоѣевичу Трубецкому на вотчину Вагу, данная отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей въ январѣ 1613 г. Въ ту пору Москвой и Русью правила земщина, отъ имени которой и писана грамота, начинающаяся такъ: «Божією милостію великихъ государствъ Россійскаго царствія митрополиты и архіепископы и епископы, и весь освященный соборъ, и цари и царевичи разныхъ земель, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ, и бояре, и околничие, и столники, и стряпчие, и дворяне, и приказные люди, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярские, и всякие служилые, и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства приговорили...»²⁾ Ни о какой «державѣ» благовѣрныхъ и христіюбивыхъ князей Россійскія державы здѣсь нѣтъ, да и не могло быть рѣчи. Къ кому же тогда относится этотъ загадочный титулъ Вологодскаго антиминса? Ужъ не къ князьямъ ли Д. М. Пожарскому и Д. Т. Трубецкому, двумъ вождямъ народнаго ополченія, спасшимъ Москву и царство московское отъ окончательной гибели въ годъ великой «разрухи»? Во всякомъ случаѣ, это не болѣе какъ предположеніе, и вопросъ остается открытымъ.

Описанный антиминсъ — несомнѣнный уникъ. Въ ряду другихъ печатныхъ антиминсовъ онъ представляетъ явленіе исключительное и возбуждаетъ къ себѣ вниманіе съ разныхъ сторонъ.

1) Это — хронологически первый отдѣльный гравированный листъ. Ровинскій указываетъ первыя гравюры на отдѣльныхъ листахъ съ оловянныхъ досокъ Кіевской работы 1626 г.: «Смерть на блѣдномъ конѣ» и «Странствованія св. Антонія»³⁾; нашъ антиминсъ опережаетъ ихъ на 14 лѣтъ.

2) Это — доселѣ неизвѣстный, первый по времени печатный антиминсъ на Руси. Ровинскій, слѣдуя протоірею К. Никольскому, древнѣйшимъ печатнымъ антиминсомъ считаетъ антиминсъ Кіевской печати 1627 г.⁴⁾ Но въ Патріаршей ризницѣ имѣются три болѣе раннихъ антиминса южнорусскаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ 1620 г.; мѣсто печати опредѣлить нельзя, но характеръ изображенія и текстъ надписи сближаютъ его съ двумя другими антиминсами 1622 и 1626 гг. Кіевской печати. Нашъ антиминсъ опережаетъ южнорусскіе на 8 лѣтъ. Въ Москвѣ стали печатать антиминсы лишь при патріархѣ Никонѣ въ 1652 г. Наконечъ,

¹⁾ См. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VIII (С.-Пб. 1894, кн. 2), стран. 1034—35.

²⁾ См. *Забѣлинъ*, Мининъ и Пожарскій. Изд. 4. М. 1901, стран. 269.

³⁾ *Д. Ровинскій*, Русскія народныя картинки. Т. I, С.-Пб. 1900, столб. 4, рис. 7 и 8.

⁴⁾ *Ibidem*, т. IV, С.-Пб. 1881, стран. 628.

въ Патріаршей ризницѣ имѣется цѣлая серія антиминсовъ, печатанныхъ въ Вологдѣ въ болѣе позднее время, въ двадцатилѣтнее управление тамошняго архіепископа Симо́на (1664—1684).

3) По замыслу гравированнаго рисунка это, такъ сказать, предтеча, прототипъ современныхъ антиминсовъ. Рисунокъ Кіевскихъ и вообще южнорусскихъ антиминсовъ (Спаситель, встающій изъ гроба) не удержался въ церковномъ обиходѣ, какъ носившій явные слѣды вліянія католическаго изображенія Воскресенія Христа. Рисунокъ Вологодскихъ антиминсовъ второй половины XVII вѣка (четверо-конечный крестъ) возвращалъ нашихъ предковъ къ простотѣ рукописныхъ антиминсовъ и не соотвѣтствовалъ возникшей потребности нагляднаго согласованія символическихъ дѣйствій литургіи съ внѣшностью литургическихъ предметовъ (положеніе Спасителя во гробъ знаменуетъ перенесеніе св. даровъ съ жертвенника на престолъ). Ранѣе, когда антиминсы прибывали или пришивали къ престолу подъ индитіей и въ подобающее время развертывали только илито́нь (что съ греческаго — *ἐπιτόνιον* — и означаетъ развернутый платъ), не чувствовалось нужды въ видимомъ изображеніи воспоминаемаго событія; теперь, когда съ эпохи Никона антиминсы начинаютъ полагать на престолѣ поверхъ одежды и развертываютъ его вмѣстѣ съ илитонемъ, въ который онъ облеченъ,—и возникла потребность въ видимомъ изображеніи положенія Спасителя во гробъ. Это — самое естественное для антиминса изображеніе. Мысль о соотвѣтствіи литургическихъ дѣйствій съ символизируемымъ ими событіемъ давно уже сознавалась нашими предками, которые издревле на большомъ воздухѣ, покрывающемъ потиръ и дискось вмѣстѣ (и изъ котораго впоследствии произошла наша плащаница), изображали обыкновенно Положеніе Спасителя во гробъ (у грековъ то же подъ названіемъ *ἐπιτάφιος Θρηῖνος*). Теперь надлежало лишь перенести на антиминсъ это изображеніе, что и было сдѣлано въ видѣ перваго опыта неизвѣстнымъ по имени граверомъ въ Вологдѣ на антиминсѣ 1612 г.

Извѣстный и похвальный въ церковномъ дѣлѣ консерватизмъ нашихъ предковъ на сорокъ лѣтъ задержалъ это нововведеніе, или, по тогдашнему, новшество, которое лишь съ 1652 г., уже при Нико́нѣ, прочно установилось, вошло въ церковный обиходъ и существуетъ доселѣ въ Православной русской Церкви.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что этотъ антиминсъ былъ описанъ въ числѣ *рукописныхъ* (sic!) прот. Н. А. Соловьевымъ въ его печатномъ «Описаніи Вологодскихъ рукописныхъ антиминсовъ» (см. отд. оттискъ изъ IV тома «Московской церковной старины». М. 1911 г.. № 9, стран. 4—6; снимокъ, сильно уменьшенный, на табл. I, подъ № 9).

Архимандритъ Арсеній.

Меморіи св. Климента и св. Мартина въ Херсонесѣ.

Въ первомъ выпускѣ Христіанскихъ Древностей Херсонеса, во многихъ случаяхъ при описаніи развалинъ храмовъ мнѣ приходилось указывать на спеціальныи интересъ ихъ и обѣщать подробное объясненіе особенностей этихъ храмовъ въ послѣднемъ выпускѣ, такъ какъ задачи изданія и подробнаго описанія развалинъ требовали прежде всего провѣреннаго и точнаго установленія особенностей каждой развалины.

Въ настоящей статьѣ я хочу представить объясненіе одного рода памятниковъ Херсонеса, имѣющаго спеціальныи интересъ.

При описаніи развалинъ «Загороднаго крестообразнаго храма», въ которомъ найдена была роскошная мозаика пола съ вазой и павлинами, я отмѣтилъ главнѣйшія особенности этого храма. Онѣ слѣдующія:

1) Храмъ находится внутри квадратной ограды, 2) расположенной внѣ стѣнъ города, вблизи Карантинной бухты, на скалистомъ холмѣ; 3) храмъ выстроенъ надъ нѣсколькими усыпальницами, соединенными между собою посредствомъ проломовъ и образующими какъ бы катакомбы подъ поломъ храма; 4) подъ этими катакомбами находится, кромѣ того, длинный и узкій подземный проходъ, начало котораго представляетъ четырехугольное отверстіе со ступеньками внутрь, ведущее въ пещеру съ особой камерой, имѣющей нишу. Два колодца съ водой выходятъ своими устьями одинъ на поверхность земли, другой корридора пещеры; 5) слѣва отъ храма находится нѣсколько отдѣленій какого-то жилого помѣщенія и фундаменты небольшой усыпальницы съ абсидой и входомъ; 6) всѣ эти сооруженія включены въ предѣлы ограды или стѣнъ. Вокругъ храма находится множество гробницъ, образующихъ цѣлое кладбище, погребенія котораго, восходя еще къ античному времени, въ большинствѣ являются христіанскими (см. рис. 16).

Такимъ образомъ весь комплексъ сооруженій представляетъ собою особое цѣлое, самостоятельно обставленное, находящееся за городомъ, но съ жилыми помѣщеніями. Само по себѣ является предположеніе, высказанное уже А. Л. Бертъе-Делагардомъ и Н. П. Кондаковымъ и другими, что описанный храмъ представляетъ сооруженіе надъ усыпальницей какого-либо извѣстнаго святого, или же усыпальницу знатной фамиліи, устроенную, по всей вѣроятности, не только на самомъ видномъ мѣстѣ херсонесскаго некрополя, но на мѣстѣ, освященномъ какими-либо священными останками¹⁾.

¹⁾ Н. П. Кондаковъ. Археологическое путешествіе по Сири и Палестинѣ. С.-Пб. 1904, стран. 13.

План части Херсонисского некрополя со юго-восточной стороны городища со престольно-ношным храмом, притчальной и гасовникой отиротной в 1902 году.

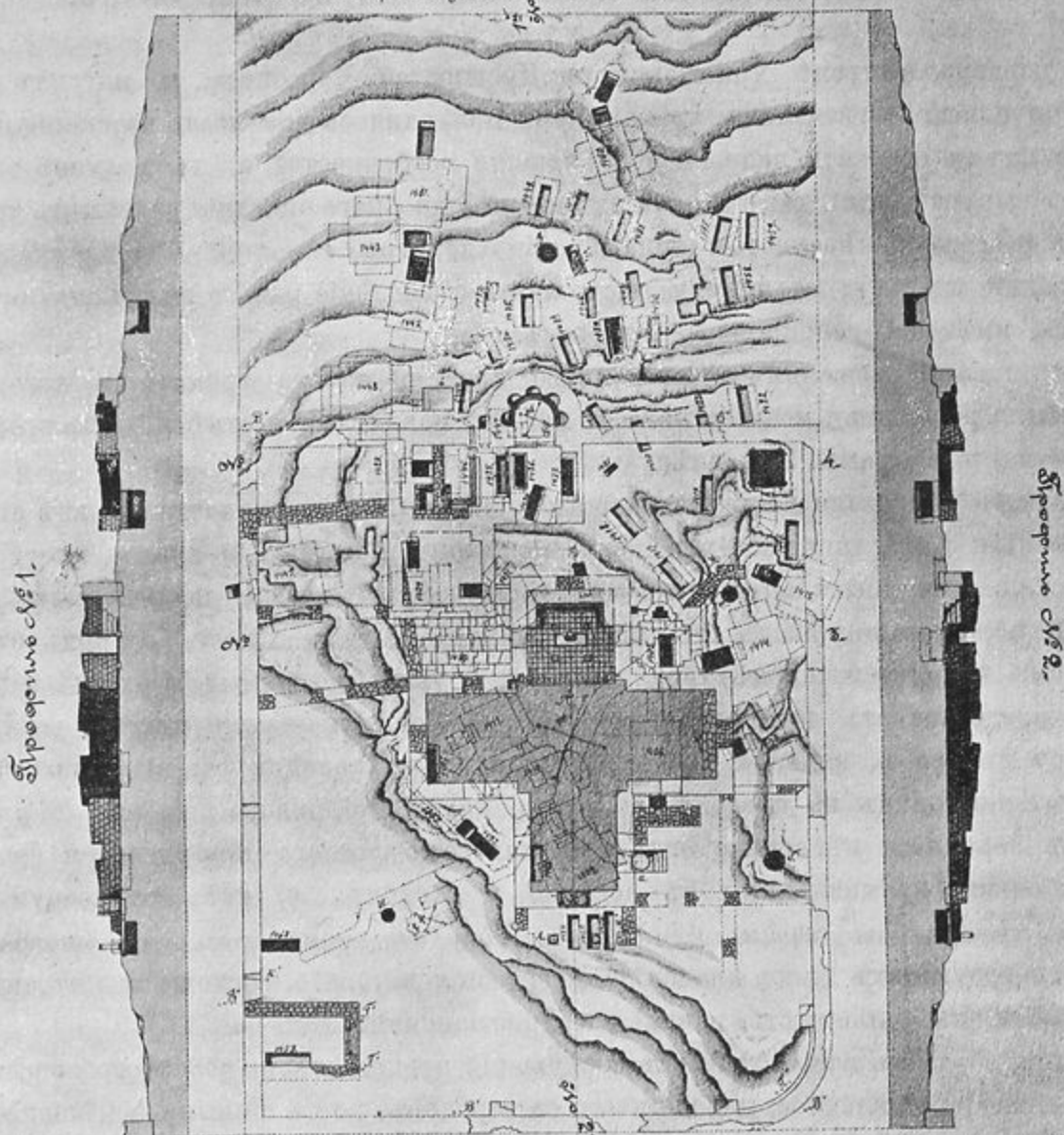
Профиль №4.

Профиль №3.

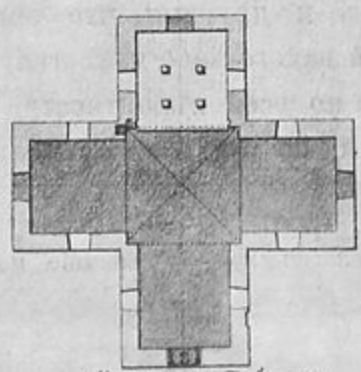

Раскопки производили до стали отвозной земли.

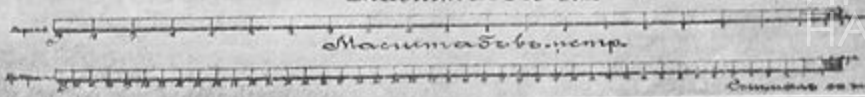

План храма памятника.

- Условные знаки
- Скала.
 - Вулканический камень.
 - Гипсовый камень.
 - Мозаичный камень.

- Колодезь с водой и водосток.
- Престольный камень.
- Мрамор.
- Блестящий камень.

Составлено по плану М. Суздальского.

Въ то же время, описавши развалины храма на островкѣ Казачьей бухты, я сдѣлалъ слѣдующее заключеніе (см. рис. 17): «Постройки, возведенныя на островкѣ, представляютъ въ планѣ квадратъ, обнесенный стѣнами, внутри которыхъ находятся жилища

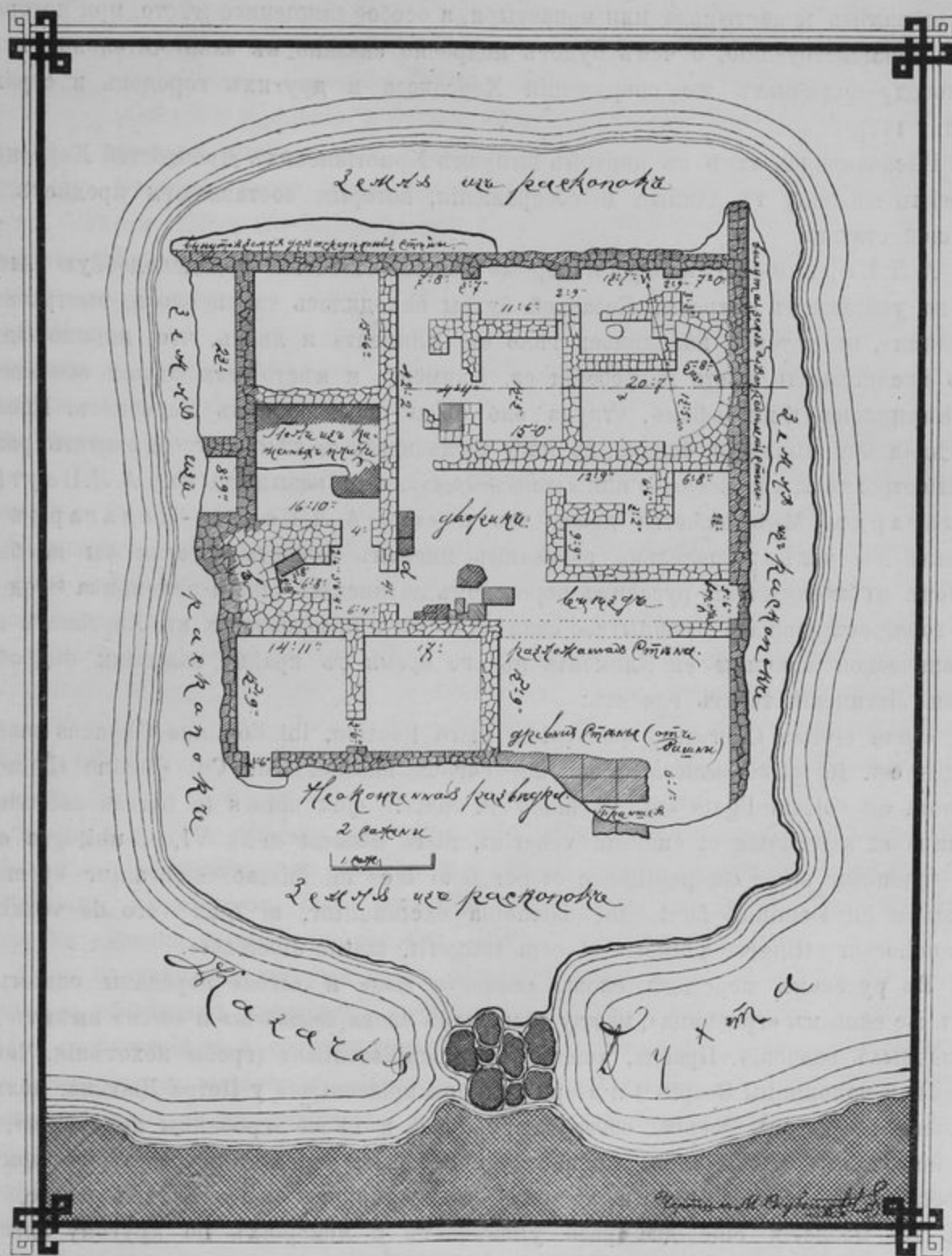

Рис. 17. Планъ островка Казачьей бухты.

постройки, дворикъ и небольшая церковь, полукруглая абсида которой представляетъ сплошную кладку бута вдоль южной стѣны. Ограда или стѣны, окружающія

эти постройки, напоминают такую же ограду вокруг крестообразнаго храма, находящагося за городом (§ XIII). Незначительность жилыхъ помѣщеній и самой церковки или часовни свидѣтельствуесть, что въ постройкахъ этихъ никоимъ образомъ нельзя видѣть монастырька или монастыря, а особое священное мѣсто, при которомъ жили монашествующіе, о чемъ будетъ подробно сказано въ заключительной главѣ по поводу подобныхъ же сооружений Херсонеса и другихъ городовъ и странъ (стран. 142).

Высказываясь такъ въ первомъ выпускѣ Христіанскихъ Древностей Херсонеса, я имѣлъ въ виду тѣ данныя и соображенія, которыя составляютъ предметъ настоящей статьи.

А. Л. Бертье-Делагардъ первый высказалъ весьма правдоподобную мысль, что на указанномъ островкѣ Казачьей бухты находилась та «церковь, выстроенная ангелами», въ которой находилось тѣло св. Климента и якорь, что, именно, здѣсь надо предполагать мѣсто погребенія св. Климента и мѣсто нахождения его мощей св. Кирилломъ Философомъ, откуда оно было перенесено въ Херсонесъ. Вполнѣ раздѣляя эту мысль, я, однако, не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы считать развалины островка за «монастырь» или «монастырекъ», какъ называетъ ихъ А. Л. Бертье-Делагардъ. Мнѣ кажется даже, что и самъ А. Л. Бертье-Делагардъ не назвалъ бы такъ рѣшительно развалины именемъ монастыря, если бы не былъ введенъ въ заблужденіе русскимъ переводомъ латинскаго текста паломника Θεодосія 537 года, оставившаго любопытное свидѣтельство о празднованіи въ Херсонесѣ дня мученической кончины св. Климента въ его время съ крайне важными подробностями. Латинскій текстъ гласитъ:

«Item civitas Chersona, quae est ad mare Pontum, ibi dominus Clemens martyrisatus est. In mari *memoria* ejus, ubi corpus missum est. Cui domino Clementi anchora ad collum ligata est. Et modo in natali ejus omnes in barcas ascendunt, populus et sacerdotes et cum ibi venerint, mare dissicat milia VI, et ubi ipsa *arca* est, tenduntur super se papiliones et per octo dies ibi missae celebrantur et multa mirabilia ibi Dominus facit. Ibi daemones excluduntur, si quis vero de vexaticis ad anchoram attingere potuerit et eam tetigerit, statim liberatur».

Въ русскомъ переводѣ слова: «*memoria ejus*» и «*arca*» переданы однимъ и тѣмъ же словомъ «гробница», между тѣмъ какъ слова «*memoria*» и «*arca*» имѣютъ два различныхъ значенія. Правда, «*memoriae concupiscentiae*» (гробы похотѣнія. Числѣ XI, 34) у паломницы Эерии¹⁾ и «*sepulcræ concupiscentiae*» у Петра Діакона, пользовавшагося текстомъ Эерии, обозначаютъ однѣ и тѣ же «гробницы похотѣнія», но это не значитъ, чтобы слово «*memoria*» могло быть передано посредствомъ термина «гробница» и въ особенности на ряду съ терминомъ «*arca*», тѣмъ болѣе, что тотъ же Θεодосій еще два раза упоминаетъ о меморіяхъ по другому поводу: «Ipse sanctus Jacob et s. Zacharias et Simeon in una memoria positi sunt, quam memoriam ipse Iacobus fabricavit, corpora illorum ipse recondidit et se ibi cum

¹⁾ Peregrinatio ad loca Sancta, 100, 215.

eis praecipit poni» (р. 5, 70). Меморія, упоминаемая въ приведенномъ текстѣ, описана и Аркульфомъ и представляла, повидимому, ту гробницу свв. Симеона Богопріимца и Іосифа Обручника, въ которой, по преданію, былъ похороненъ апостоль Іаковъ, въ одной гробницѣ съ Симеономъ и Іосифомъ. По Аркульфу это сооруженіе представляло «monumentum», «quaedam lapidea domus... in qua intrinsecus ferramentis cavata duo monstrantur sepulcra»¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Θεодосій именемъ «меморія» обозначилъ особаго рода зданіе, надгробный памятникъ съ двумя гробницами внутри его. Вторично слово «меморія» встрѣчается у Θεодосія по поводу гробницы пророка Елисея: «Memoria Helisaei, ubi fontem illum benedixit, ibi est, et super memoriam fabricata est ecclesia» (р. 7, прим. 69). Болѣе опредѣленныя указанія на значеніе слова «memoria» даетъ Сильвія или, какъ теперь ее называютъ, Эеерія.

Описывая мѣсто погребенія Моисея на горѣ Нававъ, она говоритъ: «Pervenimus ergo ad summitatem montis illius, ubi est nunc ecclesia non grandis in ipsa summitate montis Nabau; intra quam ecclesiam, in eo loco, ubi pulpitus est, vidi locum modice quasi altiorem tantum hispatii habentem, quantum memoriae solent habere... Hic positus est S. Moyses ab angelis, quoniam, sicut scriptum est, sepulturam illius nullus hominum scit... nam memoria illius, ubi positus sit, in hodie non ostenditur; sicut enim nobis a majoribus, qui hic manserunt, ubi ostensum, ita nos vobis monstramus» (р. 19). Изъ этого текста слѣдуетъ, что въ церкви на горѣ Нававъ находилось нѣкоторое возвышенное мѣсто, немного выше амвона или pulpита, занимавшее такое пространство, какое занимаетъ обыкновенно меморія. Иначе говоря, выше амвона или pulpита Эеерія видѣла лишь обозначеніе мѣста въ память того, гдѣ положенъ былъ Моисей. Ей показали только это мѣсто, такъ какъ самую меморію или монументъ, въ которомъ было положено тѣло Моисея, по словамъ старцевъ, уже не показывали.

Меморія св. Іова описана ею такъ, что изъ ея текста, въ данномъ мѣстѣ вырѣзанномъ, явствуетъ, что могила Іова имѣла надгробіе (lapis) съ крышкой (soperculum), на которомъ было написано слово «Іовъ». Надъ этой могилой была выстроена церковь «Lapis cum corpore... subter altarium jacet» (стр. 25—6).

Судя по даннымъ, которыя даетъ античная и христіанская эпиграфика, слово «memoria» обозначало во-первыхъ «titulus» съ надписью, во-вторыхъ и самое надгробное сооруженіе, т.-е. соответствовало греческимъ терминамъ: «μνημα», «μνημεῖον». Такъ встрѣчаются выраженія: «M(emoriam) ex fundamentis fabricavi»²⁾. На африканскихъ христіанскихъ надписяхъ слово «memoria» встрѣчается въ значеніи погребальнаго мавзолея, «памятника», соответственно терминамъ «μνημα» и «μνημεῖον». Любопытная надпись, найденная въ Циртѣ, гласитъ «coemeteria memoriae gentis Lepidiorum», изъ чего явствуетъ, что меморія могла имѣть внутри усыпальницы (coemeteria) цѣлаго рода и, слѣдовательно, представляла фамильный памятникъ-склепъ. Нерѣдко встрѣчаются также выраженія «cella memoriae», «cubiculum memoriae». Не менѣе любопытны случаи, когда меморія обозначала нижнюю часть

¹⁾ Tobler, Itinera Hierosolymitana, p. 158.

²⁾ Corp. inscr. latin. III. n° 7509. De Rossi, Roma Sotteran. III, 455, not. 4.

памятника, а не верхнюю, т.-е. представляла «*cubiculum inferius*», приведенные де Росси¹⁾, что очень близко напоминает выражение Θεοδοσία: «*in mari memoria ejus*», каковымъ выраженіемъ онъ несомнѣнно хочетъ сказать, что имѣетъ въ виду нижнюю часть меморіи св. Климента, т.-е. подразумѣваетъ «*cellam memoriae inferiorem, ubi corpus jacet*». На одной языческой надписи, найденной въ Порто упоминается явственно «*cubiculum quod est supra memoriam*». Не менѣе важно указать, что терминъ «*memoria*» обозначалъ также киворій надъ гробомъ или гробницей. Такъ на передней части мраморнаго киворія изъ Меруна въ Алжирѣ находится надпись: «*Memoria Domini Petri et Pauli*»²⁾. Можно думать, однако, что въ данномъ случаѣ киворій вмѣстѣ съ гробницей, какъ цѣлое сооруженіе или «*monumentum*», получило названіе «*memoria*». Надпись изъ Цезареи въ Мавританіи, изданная Шертелемъ подробно объясняетъ терминъ «*memoria*»: «*Aream et sepulcra cultor Verbi contulit et cellam struxit suis cunctis sumptibus, ecclesiae sanctae hanc reliquit memoriam*»³⁾. Хотя въ данномъ случаѣ «*memoriam reliquit*» означаетъ собственно «оставить память по себѣ», однако, эта память заключалась въ воздвигнутой чителемъ Слова келіи, или же собственно въ воздвигнутомъ памятникѣ.

Надписи съ терминомъ «*memoria*» не ограничиваются Европой и Аффрикой⁴⁾. Не такъ давно въ коллекцію Устинова поступила греческая надпись изъ Яффы. На ней находится надпись:

*Μεμορίων Μενασσή υιοῦ Ἀλβί*⁵⁾. Эта надпись представляла повидимому *titulus* семейной усыпальницы, что вполне отвѣчаетъ выраженію *μνημίον τῶν Βίζζου* и проч. на надписи, найденной въ окрестностяхъ Иерусалима⁶⁾.

Въ актахъ Каррагенскаго V собора 398 года упоминаются «*Memoriae martyrum*» на ровныхъ мѣстахъ, которыя были разрушены. Многія африканскія надписи упоминаютъ о меморіяхъ около 406 года (Орлеанвиль и Мерунъ). Кауфманъ, авторъ большого изслѣдованія объ античныхъ и христіанскихъ погребеніяхъ (*Die sepulcralen Jenseitsdenkmäler, Mainz, 1900*), обозрѣвая погребальные памятники Эль-Карге, изученные В.Г.Боккомъ и изданные Я.И.Смирновымъ, обратилъ особенное вниманіе на то, что нѣкоторыя сооруженія этого кладбища окружены стѣнами съ небольшими жилыми помѣщеніями внутри ихъ, около главнаго зданія. Онъ пришелъ къ выводу, что эти сооруженія представляютъ отличную иллюстрацію къ словамъ Халкедонскаго собора, описывающихъ анахоретовъ, живущихъ въ меморіяхъ, въ качествѣ монаховъ хранителей меморій: «*οἱ ἐν μεμορίοις κατοικοῦντες*» или «*μεμοροφύλακες*». Равнымъ образомъ и Эерія описываетъ на горѣ Нававъ живущихъ близъ вершины ея, на которой находится церковь съ меморіей Моисея, старцевъ-аскетовъ и отшельниковъ (*quos hic ascites vocant*), которые приняли ее радушно и показали досто-

¹⁾ Roma Sottterr. III, 425, 474 сл.

²⁾ Holtzinger, Altchristliche Architektur, I, p. 243 и рис. 175.

³⁾ Ibid. p. 245.

⁴⁾ Въ Типасѣ также найдена доска съ надписью: *memoria A. Sm.* Mélanges d'archéologie et d'art 1894, p. 398.

⁵⁾ Revue Biblique, 1905, № 1, p. 99, издана Венсаномъ.

⁶⁾ Ibid., 1904, I, 82.

примѣчательности этого мѣста. Также обитаемымъ нашла она мѣсто, гдѣ сидѣлъ Илья Освятянинъ и гдѣ находится «memoria» св. Геен. Здѣсь жили монашествующіе. Еще интереснѣе описаны ею обитатели меморіи св. Іова. Исторію нахождения гроба св. Іова ей рассказали древній лѣтами старецъ-аскетъ. Онъ повѣдалъ ей, повидимому, о какомъ-то своемъ снѣ, послѣ котораго по его указанію найдена была гробница Іова и надъ ней выстроена церковь. Старецъ, повѣдавшій ей эту исторію, котораго она описываетъ какъ святого монаха и аскета («sanctus monachus vir ascitis»), жилъ здѣсь послѣ долгаго пребыванія въ пустынѣ («post tot annos quibus sedebat in heremum»). Такимъ образомъ, терминъ «memoria» св. Климента, употребленный Θεодосіемъ для обозначенія зданія, въ которомъ чтились его останки, долженъ совершенно опредѣленно обозначать особое сооруженіе, или памятникъ. Θεодосій могъ разумѣть подъ этимъ терминомъ только сооруженіе, возведенное надъ гробницей св. Климента, т.-е. церковь, выстроенную руками ангеловъ, или внезапно явившуюся изъ моря, въ которой находились мощи св. Климента. Онъ отличаетъ это сооруженіе отъ самой гробницы или саркофага, стоявшаго внутри церкви съ мощами св. Климента и для обозначенія ея употребляетъ обычный терминъ, «арса», соответствующій греческому *σορός*. Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно отмѣтить, что въ итальянской легендѣ мы находимъ полное подтвержденіе словъ Θεодосія, такъ какъ св. Кириллъ Философъ нашель и съ торжествомъ перенесъ въ Херсонесъ именно «гробъ съ его тѣломъ» («арсамъ cum corpore ejus»), а не меморію св. Климента. Въѣстѣ съ тѣмъ, въ этой же легендѣ «memoria» Θεодосія является подъ именемъ «templum», «de templo angelicis manibus preparato»; онъ вынулъ гробницу съ мощами, а самый храмъ нашель заброшеннымъ и развалившимся: «templum neglectum et destructum». Въ греческомъ текстѣ Сказанія о чудѣ съ мальчикомъ у мощей св. Климента, принадлежащемъ св. Ефрему, этотъ храмъ и затѣмъ рака или гробница описаны еще болѣе знаменательно.

Ученики св. Климента послѣ его мученія: «εἰσελθόντες εὗρον ἐν σχήματι ναοῦ μαρμαρινοῦ οἴκημα, καὶ αὐτόθι ἐν σορῶ λιθίνῃ τὸ πανάγιον... λείψανον», т.-е.: «вошедши, нашли обиталище въ видѣ мраморнаго храма и тамъ во гробѣ каменномъ пресвятыхъ... мощи». Нѣсколько ранѣе, въ томъ же текстѣ, сказано, что этотъ храмъ принялъ мощи св. Климента въ глубинѣ: «ἐν τῷ βυθῶ Θεοδομήτου ναοῦ τοῦτο ὑποδείξαμένον»¹⁾. Такимъ образомъ, этотъ храмъ является передъ нами со своей особой комнатой или обиталищемъ (οἴκημα), находящимся въ глубинѣ его. Внутри этого помѣщенія, или, какъ выразительно называетъ его славянская редакція Соловецкаго монастыря XVII вѣка²⁾, въ этомъ «вертепѣ», находился каменный гробъ съ мощами св. Климента. Въ славянскомъ житіи св. Климента XV вѣка, изданномъ А. И. Соболевскимъ, это мѣсто читается такъ: «и вшедше посуху людіе обрѣтоша во образѣ церкви мраморяны храмину отъ Бога уготовану, и ту въ рацѣ положено бысть тѣло св. Климента»³⁾, и проч.

¹⁾ Зап. О. О. И. и Др. Т. IX, 137. П. А. Лавровъ. Памятники христіанскаго Херсонеса II, 26.

²⁾ З. О. О. И. и Др. Т. X, 17.

³⁾ А. И. Соболевскій, Житія святыхъ по древне-русск. спискамъ, С.-Пб. 1903, стр. 45. Древности. Т. XXV.

Отсюда слѣдуетъ, что разные тексты весьма неопредѣленно говорятъ объ архитектурномъ типѣ храма, называя его «memoria», «templum» «ναός», «οἶκημα ἐν σχήματι ναοῦ», что имѣетъ извѣстное значеніе для дальнѣйшаго. Что гробница или саркофагъ находилась въ нижней части этого храма рассказывается также и въ текстѣ чуда съ мальчикомъ, по которому родители оставляютъ его «ἐν τῇ τοῦ ἁγίου λάρακι... ἐν βυθῶ» (р. 139—40).

Въ греческомъ житіи св. Климента Синод. Библ. XII—XIII вѣка ученики находятъ уже камень въ видѣ храма и въ немъ лежащее честное тѣло мученика и якорь («εὐρίσχοισι λίθον ἐν εἶδει ναοῦ πελοποιημένον, καὶ τὸ μαρτυρικὸν σῶμα λαμπρὸν ἐν αὐτῷ κείμενον»¹⁾... Въ то же время въ этомъ житіи храмъ называется и ναός, а саркофагъ, ранѣе не упомянутый, σορός.

Слѣдуетъ упомянуть, что фреска подземной церкви св. Климента въ Римѣ представляетъ изображеніе небольшого островка, окруженнаго моремъ, съ небольшимъ колончатымъ храмомъ, представленнымъ въ разрѣзѣ по приему византийскаго искусства, принятому для изображенія внутренняго помѣщенія. Внутри этого колончатого сооруженія изображены престолъ и якорь, а также женщина, потерявшая сына и находящая его у гробницы св. Климента. На миниатюрѣ Ватиканскаго Миналогія и въ одной рукописи Аеонскаго Дохіарскаго монастыря Житія Святыхъ № 5, въ композиціи, представляющей чудо съ мальчикомъ у гроба св. Климента, изображенъ лишь саркофагъ со скатной крышей, но храма, или какого бы то ни было сооруженія нѣтъ.

О существованіи храма, или какого-то храмоваго сооруженія свидѣлствуютъ и развалины островка Казачьей бухты. Едва ли, однако, это сооруженіе можно назвать храмомъ или церковью въ общемъ понятіи этого слова. Располагая по опредѣленнымъ и совершенно яснымъ типичнымъ группамъ храмовыя сооруженія Херсонеса, я пришелъ къ выводу, что небольшое сооруженіе островка Казачьей бухты по своимъ формамъ представляетъ полное родство съ очень распространенными въ Херсонесѣ усыпальницами съ бочковымъ сводомъ, одной абсидой безъ заплечій. Притворъ этого сооруженія не имѣетъ въ нижнихъ слояхъ фундамента входа внутрь, изъ чего слѣдуетъ, что надъ нижнимъ помѣщеніемъ могло быть верхнее, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, что и предположилъ, на мой взглядъ, вполнѣ основательно А. Л. Бертъе-Делагардъ. На второй ярусъ указываютъ также очень толстыя стѣны этой усыпальницы и массивная толща абсиды. Многія подобныя же усыпальницы Херсонеса сохранили слѣды верхняго яруса, при чемъ съ полной ясностью выступило общее подчиненное, не самостоятельное положеніе ихъ по отношенію къ храмовымъ сооруженіямъ. Подобныя сводчатыя усыпальницы съ могилами внутри встрѣчаются вблизи храмовъ, но внѣ ихъ, или же часто примыкаютъ къ ихъ стѣнамъ, или, наконецъ, встрѣчаются внутри храмовъ, въ боковыхъ нефзахъ ихъ²⁾. Мнѣ кажется, что въ сказаніи о чудесахъ св. Климента и въ Итальянской легендѣ говорится, именно, о нижней капеллѣ, въ которой находилась «рака» или «агса» съ мощами. Такія выраженія, какъ «memoria ejus in mari» у Θεодосія, или:

¹⁾ З. О. О. И. и Др. Т. X, р. 158.

²⁾ Христ. Древн. Херсонеса, Вып. I, § XIX и passim.

«ipsa sancti martyris arsa cum corpore ejus fluctibus obluta fuerat», въ сказаніи о нахожденіи мощей св. Климента, или, наконецъ: «ἐν βυθῶ Θεοδομήτου ναοῦ» у Ефрема, затѣмъ указаніе на разрушеніе этого храма варварами и нахожденіе гробницы съ мощами св. Кирилломъ при рытьѣ почвы, слѣдовательно, внутри разрушеннаго храма, доказываютъ, что и литературная версія предполагала нахожденіе раки съ мощами въ нижней части сооруженія, или храма, т.-е. въ той «cella memoriae inferioris», существованіе которой удостовѣряется найденными развалинами островка Казачьей бухты. Изъ всего сказаннаго я дѣлаю выводъ, что цѣлый рядъ усыпальницъ Херсонеса, которымъ до сихъ поръ не найдено настоящаго имени, суть не что иное, какъ меморіи, надгробныя часовни, семейныя меморіи съ койметіями, согласно съ ранѣе приведеннымъ указаніемъ на существованіе «coemetery memoriae». Между ними, повидимому, многія были очень чтимы, какъ показываютъ историческія данныя относительно меморіи св. Климента. Для послѣдней крайне важнымъ обстоятельствомъ является присутствіе жилыхъ помѣщеній, дворика, нѣсколькихъ камеръ и прочной ограды, извѣстной, какъ было указано и въ Африкѣ. Эти жилыя помѣщенія предназначались для хранителей святаго мѣста, обыкновенно монаховъ, отшельниковъ и аскетовъ. Уже Эерія передаетъ крайне важныя свѣдѣнія о томъ, что эти монахи были зависимы отъ какого-либо ближайшаго монастыря, въ которомъ жилъ игумень съ братіей, а потому естественно, и меморію св. Климента съ ея жилыми постройками нельзя считать за монастырь, а за мѣсто, находившееся въ зависимости отъ монастыря, въ которомъ жилъ игумень съ братіей. Ближайшее доказательство этому находимъ въ словахъ того же Θεодосія, что сюда только въ день праздника святаго Климента приплываетъ на баркахъ народъ и духовенство (populus et sacerdotes), а послѣднее жило тогда въ Херсонесѣ. Въ житіи св. Капитона мѣсто епископіи опредѣляется въ восточной части города, въ участкѣ Θεоны, при ц. св. Петра. Остальное время года, по обычаю, мощи св. Климента должны были быть охраняемы особой братіей, т.-е. указанными ранѣе хранителями меморій, меморофилаками. Что касается толстыхъ стѣнъ, окружающихъ меморію и жилыя помѣщенія ея, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ этихъ стѣнахъ до насъ дошли остатки «перивола», существенной части всякаго храмоваго сооруженія, въ эпоху господства язычества, имѣвшую прежде всего юридическое значеніе въ церковномъ законодательствѣ. Для эпохи первоначальнаго существованія меморіи св. Климента, периволь могъ представлять не военную защиту, а ограду, или огражденіе отъ языческаго міра, такъ какъ всякое лицо, искавшее спасенія за оградой перивола, считалось неприкосновеннымъ. Евсевій въ описаніи базилики Тира говоритъ, что «периволь былъ устроенъ для того, чтобы всякій чувствовалъ себя въ безопасности». Ограда перивола названа имъ «ἔρκος». Неприкосновенность личности внутри разныхъ построекъ, примыкающихъ къ главному храму, подтверждена и кодексомъ императора Θεодосія, въ которомъ указывается и на четырехугольный планъ площади перивола: «τῶν τετραγόνων τοίχων περιβολῆ εἰς ἀσφάλειαν συντελεῖν τῶν προσφευγόντων Θεολίζωμεν»¹⁾. Это обстоятельство заставляеть

¹⁾ De Rossi, R. sott. III, 463.

сильно уменьшить военно-стратегическое значение стѣнъ ограда, на которомъ съ особенной силой настаиваетъ А. Л. Бертье-Делагардъ, такъ какъ такое ничтожное военное укрѣпленіе въ глухой мѣстности легко могло быть взято съ суши и съ моря, не могло вмѣстить достаточнаго гарнизона, и могло имѣть значеніе лишь при существованіи стѣнъ и башенъ античнаго происхожденія, передовымъ постомъ которыхъ служилъ искусственно сложенный островокъ Казачьей бухты. Однако, существованіе перивола говоритъ о самостоятельномъ характерѣ всего комплекса построекъ на островкѣ, сосредоточенныхъ около меморіи св. Климента, и потому толщина четырехугольныхъ стѣнъ и особенно абсиды церкви заставляеть думать, что въ извѣстную эпоху периволь со стѣнами могъ служить оплотомъ развѣ только отъ разбойничьихъ нападений. Св. Кириллъ засталъ уже мѣсто необитаемымъ а храмъ разрушеннымъ, вслѣдствіе постоянныхъ нападений варваровъ: «ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus et templum neglectum atque destructum».

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ остаткахъ сооруженій островка Казачьей бухты мы имѣемъ памятникъ или меморію св. Климента съ жилыми постройками для хранителей ея и съ периволомъ. Особый архитектурный типъ меморіи со сводчатымъ верхомъ, со входомъ, съ абсидой безъ заплечій, господствующій въ Херсонесѣ, равно какъ и въ другихъ странахъ, позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя интересныя указанія относительно развалинъ крестообразной загородной церкви съ роскошнымъ мозаическимъ поломъ, открытой въ 1902 году и упомянутой мною въ началѣ статьи. Эти развалины должны будутъ имѣть большое значеніе для нѣкоторыхъ изводовъ легенды о крещеніи св. Владиміра, и потому нелишнимъ является пересмотръ всѣхъ историческихъ данныхъ, касающихся этихъ развалинъ.

Какъ и въ развалинахъ Казачьей бухты, здѣсь имѣется четырехугольный периволь, жилыя помѣщенія, примыкающія къ небольшой усыпальницѣ, и отдѣльно стоящая крестообразная церковь съ ея катакомбами подъ поломъ и таинственнымъ корридормъ съ камерой подъ катакомбами. Каменистый холмъ, на которомъ расположенъ весь комплексъ сооружений, лежитъ внѣ стѣнъ города, въ недалекомъ отъ него разстояніи, и весь заполненъ множествомъ гробницъ и могилъ (см. рис. 18, 19, 20 и 21).

Первыя и важнѣйшія данныя относительно топографіи Херсонеса, имѣющія отношеніе къ развалинамъ крестообразнаго храма, находятся въ житіи и мученичествѣ св. Василевса, перваго изъ просвѣтителей, присланныхъ іерусалимской церковью для апостольскаго служенія «въ лѣта Діоклегіана». Въ этомъ житіи разсказывается, какъ св. епископъ тайно скрывался въ «скровнѣ мѣстѣ сидя, въ пещерѣ пребываше, нарицаемой Дѣвическая» (*Παρθενών*), какъ въ это время умеръ сынъ старѣйшины града и былъ погребенъ «внѣ града», а плачущіе родители уснули на его могилѣ и увидѣли во снѣ сына, который заставилъ ихъ искать св. Василевса, чтобы онъ воскресилъ его: «Дни бывшу (родители) влѣзша въ градъ, ... начала искати святого епископа и обрѣтоша его въ пещерѣ, идѣже бѣаше моляся», «изъ города

придоша на гробъ и отваливъ камы, влѣзоша въ гробъ идѣже бѣаше оумрый сынъ ихъ». Св. Василевсъ воскрешаетъ юношу, крестить его и родители съ сыномъ возвращаются домой. Между тѣмъ жиды и еллины воздымають преслѣдованіе на святого «и пришедше въ пещеру идѣже житіе имѣаше святыи епископъ и обрѣтше его и поверзше и за нозѣ влачаху и по гостинцу градному» (*διὰ τῆς πλατείας*). Пришедше же на то мѣсто, идѣ-же нынѣ крестьяни столпъ поставиша, животворящій крестъ имущъ на себѣ, самъ той епископъ отдасть душу. Тѣмъ-же влекше внѣ вратъ слышаштихъ «иера», извлекше повергоша песомъ на ядь». Вѣрующіе же «погребоша ноштію святое его тѣло внѣ стѣнъ на западъ града, близъ тоя же стѣны¹⁾».

Топографическія подробности житія крайне поучительны, такъ какъ отдѣльные эпизоды чуда и мученической кончины св. Василевса прикрѣплены къ извѣстнымъ

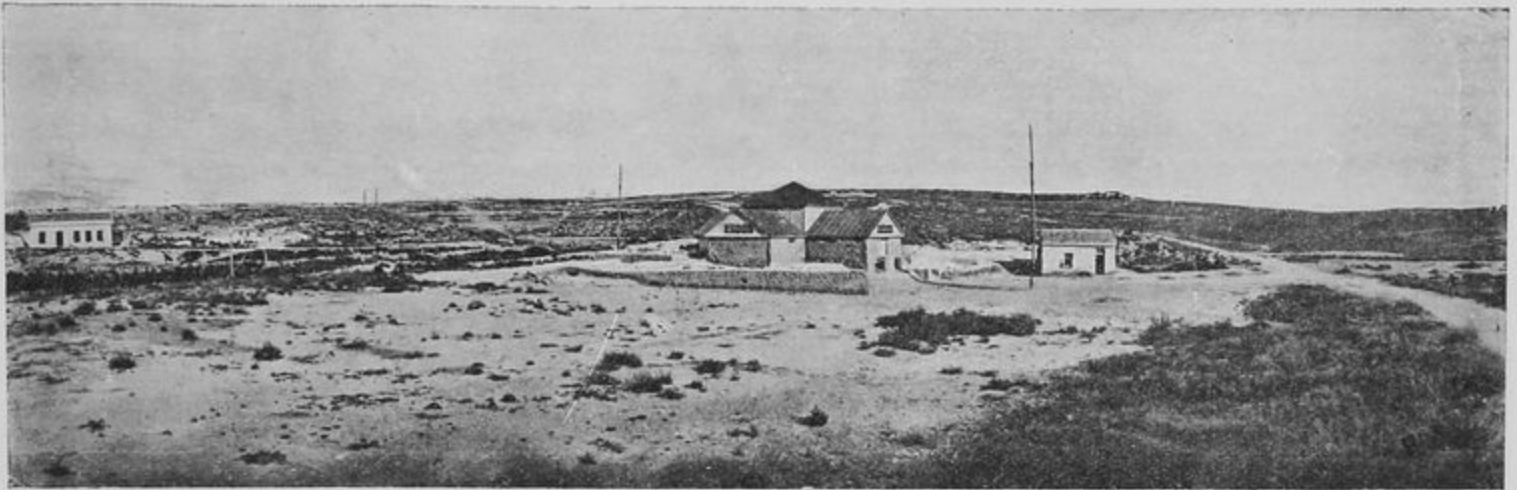

Рис. 18. Видъ мѣстности съ крестообразнымъ храмомъ.

мѣстамъ города, точно называемымъ по именамъ. Точность этихъ топографическихъ показаній указываетъ на полную освѣдомленность составителя житія съ городомъ Херсонесомъ и его святынями. Поэтому слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что языческое кладбище у него показано внѣ града и что на этомъ кладбищѣ былъ похороненъ сынъ старѣйшины града въ склепѣ, заложеномъ камнемъ.

Но особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что св. Василевсъ скрывается въ пещерѣ Пареевона внутри города. Родители умершаго сына находятъ его молящимся въ этой пещерѣ, равно какъ и возмущившіеся язычники. Святого извлекаютъ изъ пареевонской пещеры, влекутъ черезъ площадь къ тому мѣсту, гдѣ въ эпоху написанія житія стоялъ столпъ съ крестомъ для обозначенія мѣста кончины св. Василевса, и направляются съ тѣломъ его къ западнымъ воротамъ, носившимъ названіе «Иера». Здѣсь, т.-е. на западѣ, у западной стѣны внѣ города былъ погребенъ святой мученикъ вѣрующими, вблизи самой стѣны.

¹⁾ С. Северьяновъ, Супрасльская рукопись. Т. I. С.-Пб., 1904, 532—538.

Въ минейной редакціи Дмитрія Ростовскаго эти топографическія указанія греческой и славянской Супрасльскаго версіи частью опущены, частью измѣнены въ связи съ какой-то новой интерполляціей текста. Здѣсь св. Василевсъ приходитъ въ Херсонесъ, но жители «избиша и изгнаша его отъ града. Онъ же отшедь въ нѣкую гору, сѣдѣше въ пещерѣ. Отстояше же та гора отъ Херсона яко сто стадій и нарицаема бѣ Паренонъ, сіестъ Дѣвича, понеже на горѣ той бѣ капище

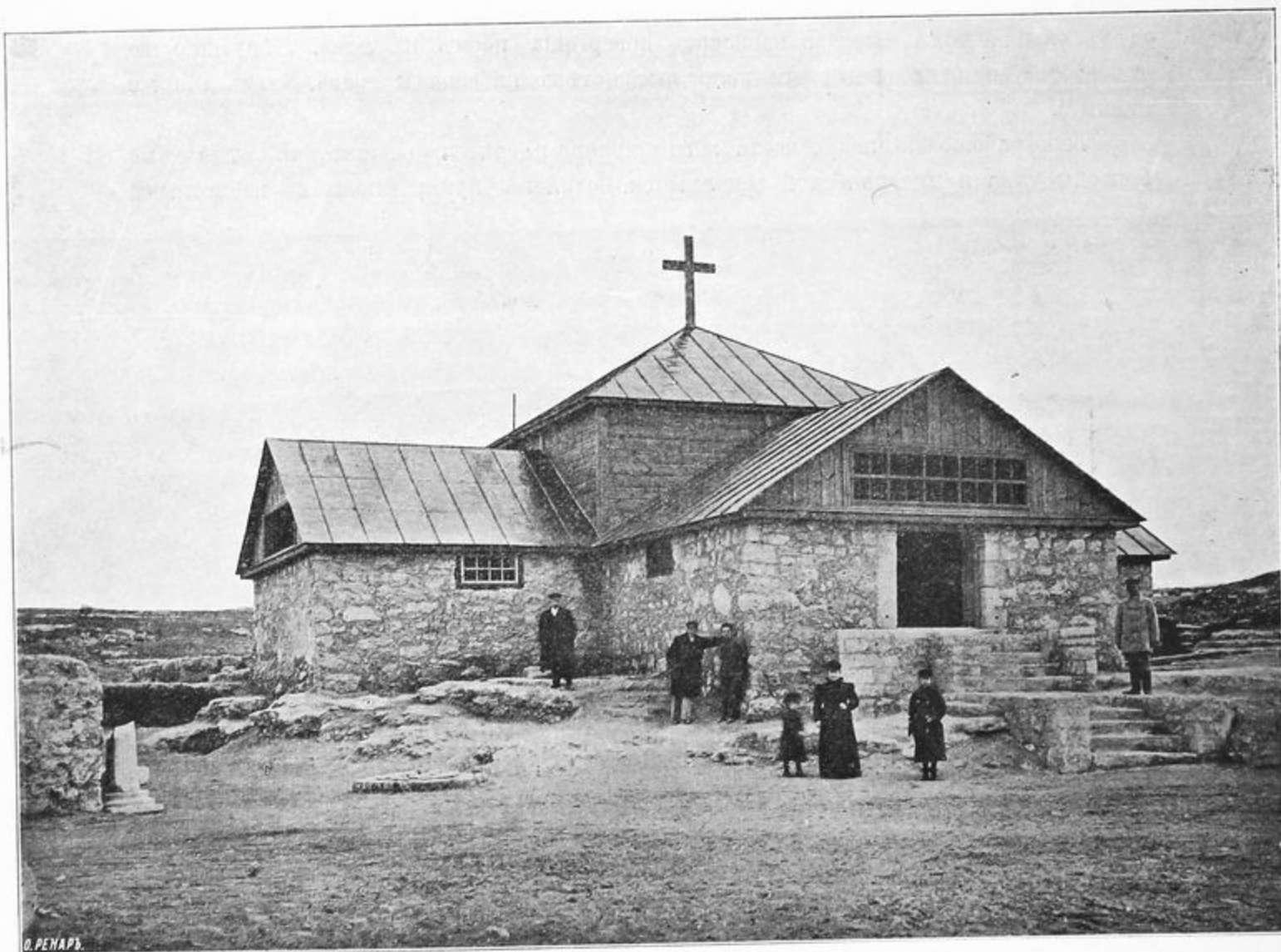

Рис. 19. Крестообразный храмъ.

и идолъ нѣкія дѣвицы еллинскія богини»¹⁾). Послѣ крещенія князя Херсонитскаго, сынъ котораго былъ воскрешенъ св. Василевсомъ, народъ извлекаетъ его не изъ пещеры, а уже изъ дома: «извлекше его изъ храмина его, связаша ему позѣ» и проч. Его хоронятъ съ честью, но мѣсто погребенія не указано. Въ изложеніи минейной редакціи, такимъ образомъ, замѣтно явное забвеніе топографіи Херсонеса

¹⁾ Минейн. Четви, подъ 7 марта.

и его святынь, а Парёенонъ съ идоломъ еллинской богини дѣвицы, отнесенной за сто стадій отъ Херсонеса, повидимому, смѣшался съ миеомъ о мысѣ Парёеніонѣ и превратился въ храмъ Артемиды, въ то время какъ Парёенонъ намекаетъ на почитаніе Аѣины.

Топографическія данныя житія св. Василевса даютъ извѣстную послѣдовательность пути отъ пещеры Парёенона внутри города къ площади, затѣмъ къ столбу

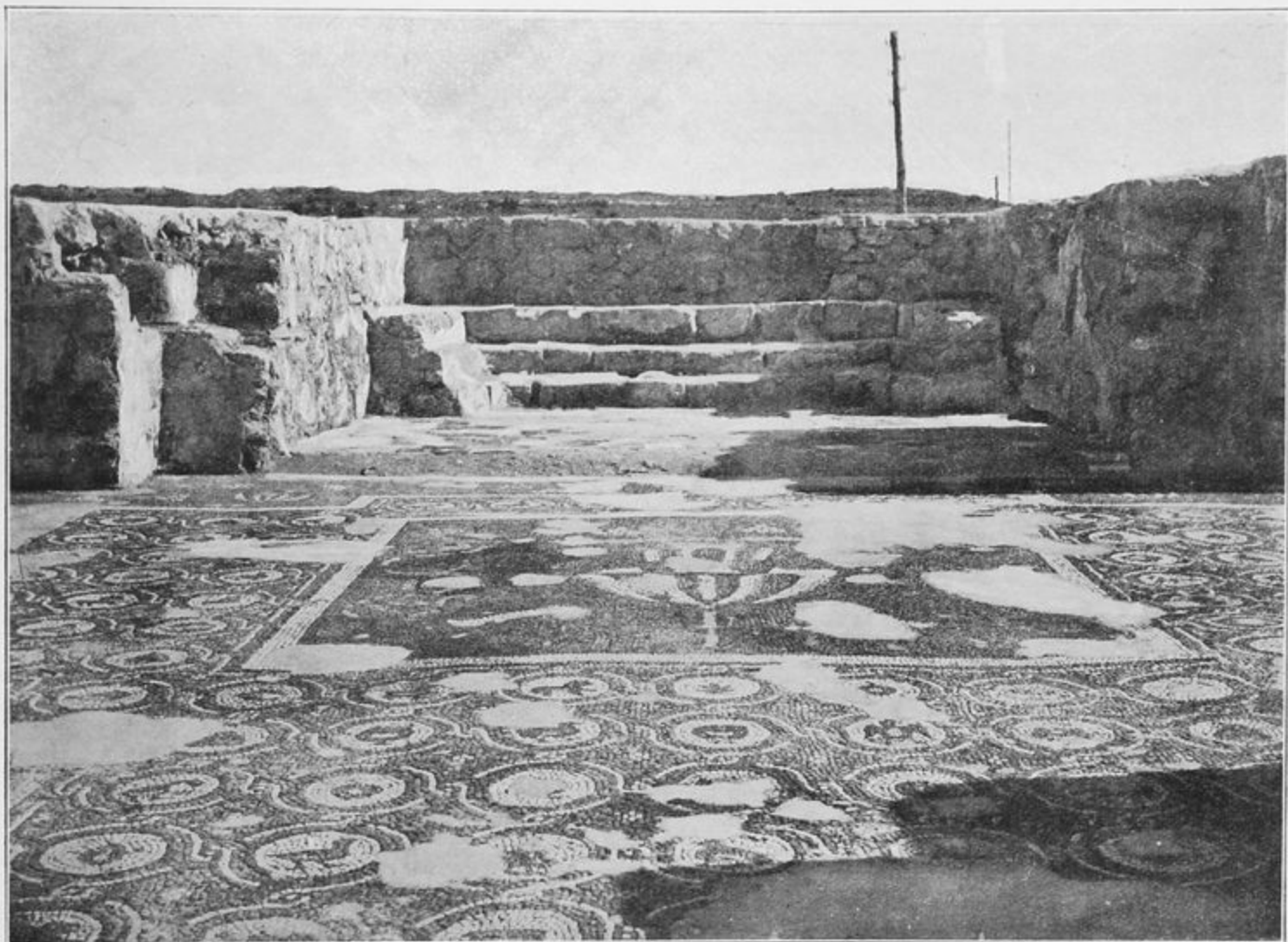

Рис. 20. Алтарная часть и мозаика пола крестообразнаго храма.

съ крестомъ [и] отсюда къ западнымъ воротамъ, носившимъ названіе «Іера». Отсюда слѣдуетъ, что мученичскій путь св. Василевса въ Херсонесѣ шель съ востока на западъ. Я оставляю для другой статьи доказательства того, что пещера Парёенона до сихъ поръ существуетъ на лѣвой сторонѣ главной улицы Херсонеса, пересекающей городъ съ востока на западъ. Эта таинственная пещера не разъ была уже описана археологами, и я самъ еще видѣлъ остатки лѣстницы, ведшей внутрь пещеры. Я описалъ ее подробно въ первомъ выпускѣ «Христ. Древностей Херсонеса» подъ № 35

(§ XV, стр. 121—2) и обѣщаль дать надлежащее объясненіе ей, что и постараюсь сдѣлать при обзорѣ исторической топографіи Херсонеса. Въ данномъ случаѣ обращаю вниманіе лишь на то обстоятельство, что площадь Херсонеса дѣйствительно есть второй западный пунктъ мученическаго пути, а указываемый житіемъ столбъ съ крестомъ, какъ и площадь и самые западные пункты, городскія ворота Іера и западная городская стѣна, неукоснительно заставляютъ предполагать существованіе внутри Херсонеса

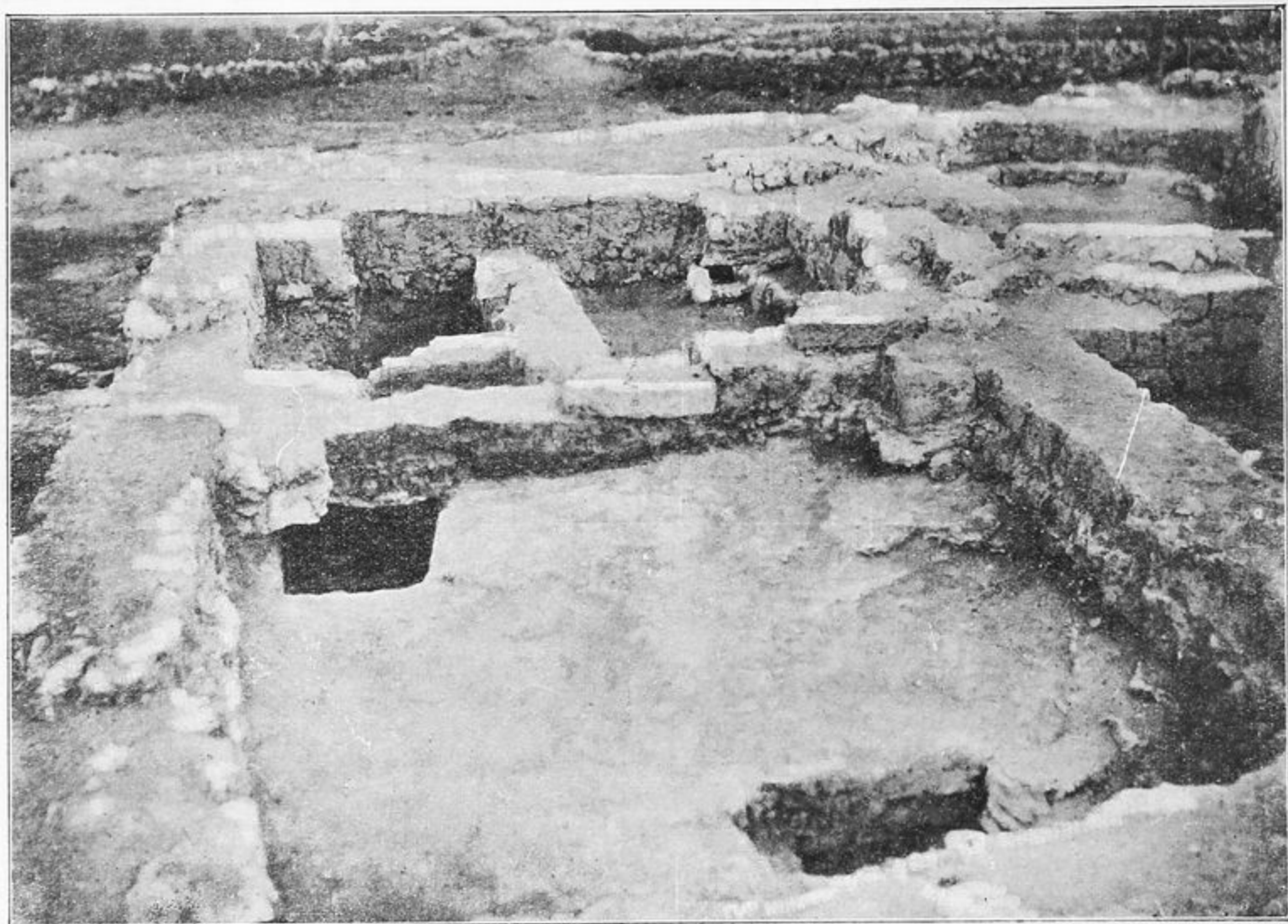

Рис. 21. Жилыя помѣщенія слѣва отъ усыпальницы.

пещеры Пареннона и почитаніе ея, какъ мѣста пребыванія перваго херсонесскаго просвѣтителя и мученика. Указывая на послѣдовательность топографіи мученическаго пути св. Василевса и особенно выдѣляя тотъ фактъ, что житіе знаетъ пещеру Пареннона внутри города, я хочу пока только доказать, что подземный коридоръ крестообразнаго храма съ его пещерой не можетъ имѣть никакого отношенія къ пещерѣ Пареннона, въ которой пребывалъ и скрывался св. Василевсъ, и затѣмъ также и то, что могила его, находившаяся у западной городской стѣны, не имѣетъ

никакого отношенія къ могиламъ крестообразнаго храма, который какъ бы совершенно неизвѣстенъ житію, и лишь языческое кладбище внѣ города вызываетъ предположеніе, не есть ли кладбище вокругъ крестообразнаго храма то самое, которое упомянуто въ житіи.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ топографическими показаніями житія папы Мартина I (647—654). Хотя данныя, приводимыя ниже, и не рѣшаютъ всѣхъ вопросовъ, касающихся крестообразнаго храма, однако, онѣ заставляютъ сдѣлать важныя заключенія относительно другой, очень извѣстной въ свое время меморіи Херсонеса.

Въ подробномъ житіи св. Мартина, извѣстномъ мнѣ по редакціи, приведенной Манзи въ вариантахъ и по редакціи, изданной Суріемъ, написанной анонимнымъ авторомъ, повидимому, спутникомъ св. Мартина, находится довольно точное указаніе на мѣсто погребенія этого святого. Редакція, приведенная Суріемъ, даетъ послѣсловіе, значительно разнящееся отъ редакціи Манзи. Вотъ оно:

«Positus est autem in tumulis sanctorum Chersonitarum civitatis extra murum quasi stadio uno, carus et dignus Deo, et pretiosissimis odoramentis sepultus est, angelicis canentibus choris... Est autem gloriosum ejus sepulcrum, ubi pro sanctitatis ejus magnitudine tumulatus est, in monasterio perpetuae Virginis Mariae Matris Domini nostri Jesu Christi, quod magnifico constat decore ornatum. Ibi quippe ejus inclyta merita et tunc, et nunc, et quamdiu coelum volvetur, coelestium beneficiorum evidentissima declarant indicia. Quia ut verum fatear, omnia humanorum corporum incommoda ibi frequenter inveniunt optatae salutis certissima medicamenta... nullusque miser invenitur quem de suo mausoleo moestam redire patiatur»¹⁾.

Редакція Манзи кратче, яснѣе и даетъ новую подробность: «Positus est autem in tumulis sanctorum extra muros Chersonitarum civitatis, quasi stadio uno in pretiosissimo et reverendissimo templo sanctissimae et immaculatae... Dei Genitricis semper Virginis Mariae, quae cognominatur Blachernas»²⁾.

Изъ указаній двухъ приведенныхъ редакцій явствуетъ, что за стѣнами города Херсонеса, на разстояніи какъ бы одного стадія, находились «tumuli sanctorum», съ драгоценнымъ, богато украшеннымъ храмомъ (magnifico decore ornato) Богородицы Влахернской.

Изъ первой редакціи слѣдуетъ, что этотъ храмъ представлялъ собою монастырь и находился на кладбищѣ (in tumulis sanctorum), при чемъ обѣ редакціи помѣщаютъ это кладбище какъ бы въ разстояніи одного стадія отъ города. Обѣ редакціи согласно показываютъ, что св. Мартинъ былъ погребенъ въ монастырѣ или въ храмѣ Богородицы. Въ монастырѣ находился его мавзолей, не упомянутый въ редакціи Манзи.

¹⁾ Surius, Hist. sev vitae sanctorum; Vol. XI, p. 440.

²⁾ Migne, Patr. lat. T. 87, p. 120. О кончинѣ, равно какъ и о жизни св. Мартина, говорятъ многіе авторы, иногда не упоминая о Херсонесѣ. См. Muralt, Essai de chronogr. byz. подъ 654 г. и стран. 709. Здѣсь, однако, не приведено извѣстіе Теофана: «τῷ δὲ αὐτῷ ἔτει ἐξωρίσθη Μαρτίνος ὁ ἀγιώτατος πάπας Ῥώμης ὑπὲρ τῆς ἀληθείας γενναίως ἀγωνισάμενος, καὶ ὁμολογητὴς γενόμενος ἐν τοῖς κλίμασι τῆς Ἀνατολῆς τελευτήσας». Ранѣе Теофанъ поясняетъ, что св. Мартинъ былъ на поселеніи: «ἐν Χερσονήκοις κλίμασιν». Patr. gr. t. 108, p. 709, 681.

Древности. Т. XXV.

Мощи св. Мартина обладали цѣлебной силой и привлекали болящихъ къ его гробницѣ. Послѣсловіе редакціи Сурія передаетъ дѣло такъ, что гробница св. Мартина была широко извѣстна среди населенія. Это данное подтверждается Авденомъ, авторомъ жизнеописанія св. Елигія, его современника. Св. Елигій скончался въ 659 году, и этотъ годъ хорошо датируетъ постройки крестообразнаго храма, служа для нихъ въ качествѣ *terminus ante quem*. Авденъ уже употребляетъ слово «*memoria*» для обозначенія того сооруженія, которое авторъ редакціи Сурія называетъ мавзолеемъ: «*ut tam eximii viri memoria, qui utique collegis meis in urbe Romana impendit bona, quamvis in Oriente frequentatur, non usquequoque in Occidente obliviam traditur*»¹⁾. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ, что «*memoria*» св. папы Мартина пользовалась извѣстностью на востокѣ и на западѣ. Объ этомъ же свидѣлствуетъ и папа Григорій II въ письмѣ ко Льву Исавру: «*Τὸν δὲ μακάριον Μαρτῖνον καὶ Βόλορος, καὶ ὄλος ὁ Βορρᾶς, καὶ οἱ οἰκῆτορες τοῦ Βορρᾶ εἰς τὸ μνημα αὐτοῦ κατατρέχοντες καὶ τὰς ἰάσεις λαμβάνοντες*»²⁾.

Григорій II называетъ гробницу св. Мартина «*μνημα*», т.-е. памятникомъ, а это указываетъ, что и ему извѣстно существованіе мавзолея.

Приведенная выдержка показываетъ, что меморія св. Мартина была посѣщаема вѣрующими востока и сѣвера въ VIII вѣкѣ. Затѣмъ у меня недостаетъ прямыхъ свѣдѣній о почитаніи меморіи св. Мартина вплоть до 1598 года, и лишь загадочное упоминаніе о церкви Богородицы нашихъ лѣтописныхъ и иныхъ редакцій сказанія о крещеніи св. Владиміра въ Херсонесѣ въ церкви этого имени одиноко стоитъ и свидѣлствуетъ о цѣлости храма, въ которомъ чтились мощи св. Мартина въ X столѣтіи (см. ниже).

Бароній для 1598 года сообщаетъ, что изъ разговоровъ съ однимъ человѣкомъ, вѣрнымъ католической церкви, но жившимъ на востокѣ, онъ узналъ, что «*memoria*» св. Мартина въ это время, т.-е. въ концѣ XVI вѣка, еще посѣщалась паломниками. Онъ говоритъ: «*Asseri quidem ab orientali homine pro viro catholicae communionis, fide integro, in hanc usque diem a graecis frequentari memoriam s. Martini Papae, confluereque populos frequenti coetu ad sepulcrum ejus gratias curationum accipere, et alia justa patita impetrare solere*»³⁾. Не лишнимъ будетъ прибавить, что Бароній отъ себя сдѣлалъ догадку о томъ, что мощи св. Мартина въ неизвѣстное время были перенесены въ Римъ лишь частью, и что греки оставили часть ихъ у себя. Онъ утверждалъ также, что почитаніе гробницы св. Мартина не прекращалось и въ его дни, на что у него были неукоснительныя данныя, которыя онъ, однако, не привелъ. Манзи присоединился къ предположенію Баронія о перенесеніи мощей св. Мартина въ Римъ, но доказательствъ этого перенесенія не привелъ⁴⁾.

Выраженія приведенныхъ историческихъ источниковъ, посредствомъ которыхъ опредѣляется мѣсто Влахернской церкви въ Херсонесѣ, крайне характерны для той мѣстности, среди которой расположенъ крестообразный храмъ. Разстояніе его

¹⁾ Surius, o. c. Vol. XII, Aug. Taurinor. MDCCCLXXX, p. 25.

²⁾ Mansi, Consilia, t. XII, p. 971; Harduini, t. IV, p. 12; Duchesne, Lib. Pontificalis I, p. 340, примѣч. 17.

³⁾ Baronius, Ann. eccl. ad ann. 654, p. 445.

⁴⁾ Migne, Patr. lat. T. 87, p. 110, прим.

отъ стѣнъ города, дѣйствительно, очень хорошо можетъ опредѣляться словами: «quasi stadio uno». Далѣе выраженіе: «positus in tumulis sanctorum» вполне отвѣчаетъ существованію вокругъ крестообразнаго храма и подъ нимъ множества погребеній, образующихъ цѣлое кладбище, и само по себѣ крайне характерно, такъ какъ представляетъ обычное въ эпитафійкѣ обозначеніе кладбища словами «могилы святыхъ», т.-е. христіанъ¹⁾. Мало того, это выраженіе показываетъ, что могила папы Мартина находилась среди могилъ другихъ христіанъ и пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе на ряду съ другими выраженіями, посредствомъ которыхъ описывается его мавзолей или «меморія». Не менѣе важно, что храмъ называется... «templum... pretiosissimum et reverendissimum». Самое устройство крестообразнаго храма и сохранившіяся внутреннія украшенія его вполне оправдываются этими выраженіями. По плану онъ очень сходенъ съ мавзолеемъ Галлы Платидіи, церкви св. Апостола и церкви Вознесенія въ Іерусалимѣ. Мозаики украшали не только полъ церкви, но и алтарную часть, такъ какъ при раскопкахъ найдено было множество разноцвѣтныхъ кубиковъ смальты отъ настѣнныхъ мозаикъ. Найдены также и очень интересные остатки мраморныхъ украшеній, которые будутъ изданы въ особомъ выпускѣ «Христіанскихъ Древностей Херсонеса». Эти украшенія, повидимому, хорошо были извѣстны современникамъ, что слѣдуетъ изъ вводнаго слова «constat» редакціи Сурія.

Въ виду того обстоятельства, что въ окрестности стѣнъ Херсонеса до сихъ поръ не открыто другого кладбища съ храмомъ столь примѣчательнымъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ крестообразномъ храмѣ мы имѣемъ остатки Богородичнаго Влахернскаго храма, знаменитаго своей меморіей папы Мартина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенное извѣстіе анонима и особенно выраженіе, употребленное имъ для характеристики храма, «reverendissimum», т.-е. «весьма чтимый», показываютъ, что храмъ этотъ возникъ и пользовался особеннымъ почитаніемъ, повидимому, задолго до погребенія въ немъ св. Мартина, т.-е. до 654 года.

Если придать прямой смыслъ словамъ анонима «tumulatus est in monasterio perpetuae Virginis Mariae Matris», или выраженію редакціи Манзи: «positus... in pretiosissimo templo» etc., то придется заключить, что «меморія» св. Мартина находилась внутри храма. Однако, тѣ же тексты допускаютъ и другое предположеніе. Выраженіе «positus est in tumulis sanctorum» анонима и «tumulatus» редакціи Манзи буквально могутъ означать, что св. Мартинъ былъ похороненъ не внутри церкви, а въ одной изъ могилъ кладбища Влахернскаго храма, и въ виду того, что гробница его называется «мавзолеемъ» и «меморіей», можно думать, что тѣло было похоронено въ одномъ изъ склеповъ того рода, который былъ описанъ ранѣе и замѣчательные остатки котораго сохранились за восточной стѣной крестообразнаго храма, отдѣльно отъ него, съ примыкающими къ этому склепу жилими помѣщеніями хранителей меморіи.

Въ первомъ выпускѣ «Христіанскихъ Древностей Херсонеса», при разборѣ конструкціи стѣнъ храма, я выразилъ недовѣріе къ тому, что въ восточной вѣтви

¹⁾ Напр., на эпитафій могилы архидіакона Севера:... «tumulis haerere piorum sanctorum» etc. Kraus, Gesch. d. christ. Kunst, I, p. 20.

креста церкви была дверь, ведущая наружу и выходящая къ упомянутой только что меморіи и къ жилымъ помѣщеніямъ. Однако, А. Л. Бертъе-Делагардъ вновь обследовалъ восточную часть, и такъ какъ самъ не вѣрилъ такому странному явленію въ христіанскомъ крестообразномъ храмѣ, то просилъ покойнаго К. К. Косяшкова-Валюжинича разобрать снова стѣну на мѣстѣ предполагаемой двери. Онъ убѣдился, что дверь была, но безъ обычныхъ откосовъ внутрь, и такимъ образомъ подтвердилъ оставшееся почти безпримѣрнымъ обстоятельство въ архитектурѣ крестообразнаго храма¹⁾. Едва ли, однако, и теперь можно допустить существованіе двери въ восточной вѣтви креста при первоначальномъ замыслѣ плана этого храма, а лишь окно, какъ и въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи въ Равеннѣ, или въ другомъ крестообразномъ храмѣ Херсонеса, находящемся близъ монастырской гостиницы. Присутствіе упомянутой меморіи въ непосредственной близости отъ восточной стѣны, могло вызвать пробитіе здѣсь двери для непосредственнаго сообщенія церкви съ меморіей св. Мартина, при чемъ алтарь могъ быть перенесенъ въ одну изъ боковыхъ вѣтвей креста (напр. южную), чѣмъ и могло быть вызвано заложеніе соответственной двери. Это пробитіе восточной двери могло, слѣдовательно, имѣть мѣсто послѣ 654 года.

Интересно, что Мартинъ Броневскій, побывавшій въ Крыму въ 1578 году и разговаривавшій съ мѣстными христіанами, отъ которыхъ онъ узналъ, что большія стѣны монастыря внутри города представляли собою остатокъ церкви, въ которой крестился Владиміръ, ничего не говоритъ о почитаніи ни св. Климента, ни св. Мартина. Можно думать, поэтому, что свѣдѣнія, сообщаемыя Бароніемъ, послѣднія, въ которыхъ слышится вѣсть о меморіи св. Мартина, и что свѣдѣнія о почитаніи мощей его и о чудесахъ при гробѣ, сообщаемыя двумя приведенными ранѣе редакціями житія св. Мартина, относятся къ тому времени, когда церковь Богородицы Влахернской и меморія св. Мартина стояли въ цѣлости.

Не такъ давно уважаемый ученый сотоварищъ нашъ по изученію древностей Херсонеса проф. С. П. Шестаковъ высказался въ томъ смыслѣ, что церковь св. Богородицы Влахернской, въ которой лежали мощи св. Мартина, можетъ быть отождествлена съ «церковью святое Богородицы», въ которой, сообразно корсунской легендѣ о крещеніи св. Владиміра, крестилась дружина Владиміра. О крещеніи многихъ изъ дружины Владиміра въ церкви Богородицы говорится въ «Словѣ о томъ, како крестися Владиміръ, возмя Корсунь»²⁾. Н. К. Никольскій считаетъ это «Слово» за самостоятельный источникъ лѣтописной версіи сказанія о крещеніи Владиміра, а А. А. Шахматовъ, раздѣляя мнѣніе Н. К. Никольскаго о самостоятельности извода этого памятника, пришелъ къ выводу, что «Слово» представляетъ изъ себя извле-

¹⁾ А. Л. Бертъе-Делагардъ, О Херсонесѣ. Извѣстія Имп. Археол. Комиссіи, XXI. С.-Пб. 1907 г., стран. 1—12.

²⁾ См. А. А. Шахматовъ, Корсунская легенда о крещеніи Владиміра. С.-Пб. 1906 г., 36 сл. С. Шестаковъ, Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра. Казань, 1908, стран. 46—47; Его же статья въ «Ж. М. Н. Пр.» 1908, январь, стран. 238; также Исторія Херсонеса, въ изд. Памяти. христ. Херсонеса. Вып. II, стран. 89 и сл. Н. К. Никольскій, Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. №№ I—XXIII, стран. 1—21.

ченіе изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», свѣренное съ особой повѣстью о крещеніи Владиміра и по ней дополненное¹⁾. Значительный историческій интересъ этого «Слова» и его древность заставляютъ снова пересмотрѣть вопросъ объ упоминаемой въ немъ церкви святой Богородицы. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ упоминается эта церковь:

«Епископъ же херсонскій съ попы царицны (т.-е. Анны, прибывшей въ Корсунь) огласивъ крести Владиміра».

Совершается чудо исцѣленія Владиміра: «се же видѣвши дружина его мнози крестися въ церкви святыя Богородица». Такъ какъ «Слово» не называетъ по имени церковь, въ которой крестился Владиміръ, какъ, напримѣръ, поступаютъ лѣтописи, то приходится заключать, что «Слово» представляетъ дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ оно обрисовывается въ лѣтописяхъ. Дружина видитъ крещеніе Владиміра и совершившееся чудо и крестится, очевидно, въ той же церкви, въ которой крестился Владиміръ, т.-е. въ церкви святой Богородицы. Такъ, повидимому, понимали событіе крещенія Владиміра и переписчики тѣхъ лѣтописныхъ изводовъ, въ которыхъ не указывается особой церкви для крестившейся дружины, а самъ Владиміръ принимаетъ крещеніе въ церкви «св. Богородицы» вмѣсто того, чтобы креститься въ церкви св. Василія, Іакова, св. Софіи и т. д. «Се же видѣвши (т.-е. чудо исцѣленія) дружина его мнози крестися. Крести же ся въ церкви святое Богородицы. И есть церкви стоящи въ Корсуні граде на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣютъ корсуняне» (или: «идѣже торгъ есть»). Эти интересные варианты читаются въ Радзивиловскомъ и Академическомъ спискахъ лѣтописи и представляютъ несомнѣнно интерполляцію въ наименованіи церкви. Объ этомъ можно заключить уже потому, что какъ церковь Богородицы, такъ и церковь св. Василія и другія церкви, упоминаемыя въ разныхъ случаяхъ, описываются обычно «посреди града, идѣже торгъ дѣютъ корсуняне». Это указываетъ на забвеніе древней топографіи Херсонеса, тѣмъ болѣе, что въ лѣтописныхъ текстахъ обычно прибавляется: «полата же Владимірова съ края церкви стоитъ и до сего дне, а царицна за олтаремъ». Въ «Словѣ» топографическія указанія отсутствуютъ, и это особенно обращаетъ на себя вниманіе въ связи съ нѣкоторыми другими данными.

Уже А. А. Шахматовъ предположилъ, что церковь, въ которой крестился Владиміръ, и церковь, въ которой крестилась его дружина, представляли два разныхъ храма²⁾, а С. П. Шестаковъ отождествилъ церковь св. Богородицы, упоминаемую въ «Словѣ», съ крестообразнымъ храмомъ св. Богородицы Влахернской, въ которомъ хранились мощи св. Мартина. Онъ рѣшился на такое отождествленіе потому, что если внутри Херсонеса намъ и неизвѣстны всѣ церкви имени Богородицы, то все же «весьма вѣроятно, что дружина Владиміра продолжала жить, во время пребыванія его въ Корсуні, въ станѣ, за городомъ», гдѣ находился этотъ храмъ. «Здѣсь и могли быть крещены дружинники Владиміра»³⁾.

¹⁾ А. А. Шахматовъ, Корсунская легенда, стран. 43. Оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1906.

²⁾ Корс. лер., 95.

³⁾ Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра, 17.

Я склоняюсь къ этому мнѣнію еще и на основаніи другихъ данныхъ. Если составитель «Слова» дѣйствительно пользовался лѣтописью и какой-то особой повѣстью о крещеніи Владиміра, что весьма вѣроятно, и опустилъ топографическія указанія, касающіяся церкви св. Василія и палатъ Владиміра и царицы Анны, опустилъ самую церковь св. Василія и назвалъ храмъ церковью «святыя Богородица», то для такихъ отступленій отъ лѣтописи онъ долженъ былъ имѣть особыя основанія, повидимому, въ той версіи сказанія о крещеніи Владиміра, на существованіе котораго указываетъ А. А. Шахматовъ.

Однако, не только это обращаетъ на себя вниманіе въ краткой, но рѣзкой по своей опредѣленности версіи «Слова». Церковь «святыя Богородица» названа въ такой формѣ, которая сама по себѣ крайне краснорѣчива, такъ какъ не имѣетъ ближайшаго обычнаго для X вѣка опредѣленія. Обычно богородичныя церкви называются по мѣсту нахождения: Богородица Фара, или Влахернская, или Печерская; по реликвіямъ: Богородица жезла, Живоноснаго источника, или же по празднику, которому посвящены: церковь Благовѣщенія, Успенія Пресв. Богородицы, Рождества Богородицы. Въ данномъ случаѣ названіе храма «святая Богородица», упрощенное и не знающее своего праздника, имѣетъ въ словѣ особый смыслъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ же видѣ, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій оно вошло въ Радзивилловскій и Академическій списки лѣтописи. Естественно предположить, что такое названіе церкви, повидимому, и не нуждалось въ дальнѣйшемъ поясненіи влѣдствіе своей общеизвѣстности, такъ какъ никого не могло ввести въ заблужденіе. Русское названіе храма «святая Богородица» не является одинокимъ. Въ приведенной ранѣе версіи Сурія о погребеніи св. Мартина церковь Богородицы обозначена такъ: «sepulcrum ejus (id est S. Martini) in monasterio perpetuae Virginis Mariae Matris Domini nostri Jesu Christi». Только въ редакціи Манзи храмъ является со своимъ прозвищемъ: «Positus... in templo sanctissimae... Dei Genitricis semper Virginis, quae cognominatur Blachernas». С. П. Шестаковъ привелъ текстъ греческаго Синаксаря Моск. Синод. Библ. № 390, въ которомъ подъ 20-мъ сентября читается о св. Мартинѣ слѣдующее: «*ἐν Χερσῶνι πρὸς Κύριον μεθίσταται τὸ δὲ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον ἐτέθη ἔξω τοῦ κάστρου Χερσῶνος, ἐν τῷ ναῷ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Βλαχερνῶν*». Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ корсунскій храмъ называется «пре-святой Богородицей» безъ обозначенія праздника и въ двухъ случаяхъ является съ прозвищемъ Влахернскаго. Это прозвище ведетъ непосредственно къ цареградскому знаменитому Влахернскому храму, который въ источникахъ также называется то «*ἡ ἀγία Θεοτόκος τῶν Βλαχερνῶν*», то «*ναὸς τῆς Θεοτόκου*», или же распространено: «храмъ преблагословенныя Дѣвы Богородицы во Влахернахъ»¹⁾, при чемъ нигдѣ неизвѣстно ближайшаго опредѣленія храма по его празднику. Я полагаю, поэтому, что обозначеніе корсунскаго храма именемъ «святая Богородица» въ русскихъ источникахъ ведетъ насъ непосредственно къ Влахернскому храму святой Богородицы въ Корсуни, а черезъ него къ тому крестообразному храму за городомъ, который описанъ выше.

¹⁾ J. P. Richter, Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte, p. 164—170.

Достаточно вспомнить Влахернскій храмъ въ Царьградѣ и его особенное значеніе для древней Руси, какъ тотчасъ же церковь «святой Богородицы» въ Корсуни, упоминаемая въ нашихъ источникахъ, принимаетъ особый смыслъ и входитъ въ опредѣленный кругъ зрѣнія. Если допустить на основаніи сказаннаго, что церковь «святая Богородица», въ которой крестилась дружина Владимира, сливается съ церковью Богородицы Влахернской въ Корсуни, то получается новое звено въ цѣпи тѣхъ данныхъ, которыя ведутъ насъ вглубь почти легендарной исторіи древней Руси.

Извѣстіе хроникъ Симеона Магистра и Амартола, занесенное въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, о походѣ Аскольда и Дира на Царьградъ и о томъ, какъ царь и патріархъ отправились «къ сущей церкви святой Богородицѣ Влахернѣ, всю ночь молитву створиша... и затѣмъ святыя Богородицы ризу съ пѣснями изнесше въ рѣку (море) омочиша, вслѣдствіе чего часть кораблей была истоплена бурей, а другая возвратилась обратно, открываетъ собою начало тѣхъ крайне важныхъ отношеній Влахернскаго храма къ древней Руси, которыя не получили еще надлежащаго историческаго освѣщенія. Упомянутое о церкви «святой Богородицы» въ «Словѣ о томъ, какъ крестился Владиміръ, взявъ Корсунь», если принять во вниманіе все сказанное выше, могло бы явиться новымъ звеномъ для объясненія того вліянія Влахернскаго храма на созданіе Печерской церкви, которое такъ явственно выражено Печерскимъ Патерикомъ. Если дружина Владимира приняла крещеніе во Влахернскомъ корсунскомъ храмѣ, а это была частью варяжская дружина, то понятнѣе становится рассказъ объ основаніи Печерскаго монастыря въ варяжскихъ пещерахъ и участіе варяга Шимона въ построеніи Печерскаго Успенскаго храма. Три инициативы соединились въ одномъ стремленіи построить этотъ храмъ, на нѣсколько столѣтій ставшій особо чтимой святыней древней Руси: русская съ Антоніемъ и Θεодосіемъ, Ярославомъ и Святославомъ во главѣ, греческая при посредствѣ Влахернскаго храма и варяжская съ Шимономъ и его родомъ во главѣ. Сама Богородица Влахернская послала въ Кіевъ мастеровъ, давъ имъ намѣстную икону, мощи святыхъ и золото. Она избавила отъ потопленія на морѣ варяга Шимона, она, раньше потопившая варяжскія ладьи Аскольда и Дира, она же избавила его отъ гибели на полѣ битвы съ тѣмъ, чтобы (по гласу отъ Распятія) онъ шелъ въ Кіевъ и отнесъ вѣнецъ золотой и поясъ съ отцовскаго Распятія строящемуся храму Богородицы въ Кіевѣ. Антоній и Θεодосій встрѣчаютъ приходящихъ изъ Царьграда мастеровъ и варяга Шимона съ дарами. Самъ Святославъ копаетъ ровъ для фундаментовъ церкви, размѣры которой обозначены золотымъ поясомъ отъ Распятія, принесеннымъ Шимономъ. Сама Богородица даетъ названіе церкви: «Богородичина будетъ церковь» и желаетъ прійти на Русь, чтобы видѣть церковь, «въ ней же хочу жити». Несомнѣнно, въ этихъ показаніяхъ Патерика съ полной ясностью выступаетъ снова починъ Влахернскаго храма въ связи съ варяго-русскими отношеніями. Такъ какъ Шимонъ и его родъ крестились и оставили «латинскую буюсть», то нельзя не сопоставить этого факта съ крещеніемъ дружины Владимира въ церкви св. Богородины Влахернской въ Корсуни. Не эта ли задача примиренія латиновъ-варяговъ и соединенія ихъ съ коренной Русью, крещеной по

греческому обряду, выполнена была знаменитымъ Влахернскимъ храмомъ? И не по этой ли причинѣ Печерскій храмъ сталъ надолго объединителемъ правящихъ классовъ и народныхъ массъ? Послѣдующіе факты не менѣе краснорѣчивы, но требуютъ нѣкоторыхъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что Печерскій храмъ въ Кіевѣ былъ посвященъ празднику Успенія Пресвятыя Богородицы, между тѣмъ Влахернскій храмъ такого посвященія не имѣлъ. Однако, въ немъ хранился гробъ пресв. Богородицы, привезенный изъ Палестины Львомъ Великимъ (457—474), вслѣдствіе чего церковь называлась «Святымъ Гробомъ». При томъ же Львѣ I изъ Палестины была привезена изъ Палестины и риза Богородицы, положенная въ этомъ храмѣ въ серебряномъ саркофагѣ. Все это близко напоминало объ Успеніи Богородицы, и я не могу найти иной причины посвященія Печерскаго храма празднику Успенія Богородицы, кромѣ указанныхъ реликвій Влахернскаго храма¹⁾, Корсунскій Влахернскій храмъ также не называется Успенскимъ въ русскихъ источникахъ, а несомнѣнно Влахернскій Успенскій Печерскій храмъ не называется Влахернскимъ. Однако, крайне поучителенъ фактъ, что въ Кловѣ выходцемъ изъ Печерскаго храма Стефаномъ былъ основанъ храмъ во имя Божіей Матери Влахернской.

Начиная съ эпохи Владиміра Святого, на русской почвѣ начинаютъ пользоваться особеннымъ значеніемъ, именно, Успенскіе храмы Пресвятой Богородицы. Соборный Кіевскій храмъ, знаменитая Десятинная церковь была посвящена Успенію Богородицы и имѣла намѣстную икону Пресвятой Богородицы, какъ передаетъ Несторъ въ Житіи свв. Бориса и Глѣба: Глѣбъ передъ бѣгствомъ изъ Кіева идетъ въ Десятинную церковь «и ту падъ поклонися со слезами и цѣловавъ образъ святыя Богородицы, ти тако изыде изъ церкви». За Десятинною Успенскою церковью послѣдовалъ Успенскій Печерскій храмъ, а за нимъ, и въ полной зависимости отъ него, Успенскій храмъ въ Ростовѣ, выстроенный по мѣрѣ, подобію въ широту и долготу съ повтореніемъ всей росписи Печерскаго Успенскаго храма Владиміромъ Мономахомъ и подобный же храмъ въ Суздальѣ, выстроенный Георгіемъ, сыномъ Владиміра Мономаха. Во Владимірѣ и въ селѣ Боголюбовомъ возникаютъ два Успенскихъ храма Пресвятой Богородицы, выстроенные Андреемъ Боголюбскимъ, затѣмъ Успенскій храмъ въ Звенигородѣ и особенно въ Москвѣ (первый храмъ выстроенъ Іоанномъ Калитой), какъ бы заканчиваютъ собою традицію главенства Успенскихъ Богородичныхъ храмовъ въ Великихъ княженіяхъ. Эта традиція восходитъ черезъ посредство Печерскаго Успенскаго храма къ почитанію знаменитаго цареградскаго Влахернскаго храма, но мнѣ представляется возможнымъ эту традицію усмотрѣть въ болѣе раннихъ варяго-русскихъ отношеніяхъ къ Влахернскому храму и считать церковь «Святыя Богородицы» въ Херсонесѣ за тотъ храмъ Богородицы Влахернской, который упоминается за городомъ съ мощами св. папы Мартина, развалины котораго открыты.

С.-Пб. 1913. 14 октября.

¹⁾ Richter, o. c., стр. 164.

Д. В. Аймаловъ.

Экскурсія на Малабарскій берегъ.

Юго-западный берегъ Индіи давно обратилъ на себя вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей оригинальнымъ устройствомъ семьи. Португальцы, первые изъ европейцевъ, утвердившіеся въ этой мѣстности, описали бытъ населенія, признающаго лишь родство матери, проводящаго наслѣдованіе по женской линіи и незнакомаго съ институтомъ брака въ смыслѣ постоянного союза между мужемъ и женою¹⁾. Голландцы и англичане подтвердили правильность этихъ извѣстій и прибавили различныя подробности. Въ пятидесятихъ годахъ Баховенъ издалъ свою знаменитую книгу о «Материнскомъ правѣ»²⁾, онъ подчеркнул значеніе этихъ данныхъ и воспользовался примѣромъ Найаровъ, чтобы иллюстрировать реальную обстановку обществъ, основанныхъ на родствѣ по матери. Послѣдующіе изслѣдователи вновь и вновь возвращались къ любопытнымъ подробностямъ малабарской организаціи³⁾.

Когда счастливая случайность открыла мнѣ дорогу въ Индію, я рѣшилъ воспользоваться путешествіемъ, между прочимъ, чтобы познакомиться воочию съ бытомъ малабарскаго общества. Оно казалось мнѣ особенно интереснымъ, потому что въ данномъ случаѣ приходилось имѣть дѣло не съ зачаточными формами, какія наблюдаются у дикарей, а съ народомъ, значительно подвинувшимся впередъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, приспособляющимся къ сложнымъ условіямъ жизни, выработавшимъ разнообразныя юридическія формы и тѣмъ не менѣе строящимъ свой общественный бытъ на основахъ рѣзко отличающихся отъ обычной патріархальной или договорной семьи. Для историка права представлялось заманчивымъ прослѣдить, какъ оперировали на своеобразной основѣ материнства современные европейски образованные юристы — англичане и природные индусы.

Благодаря предупредительности и дѣятельной поддержкѣ, какъ англійскихъ властей, такъ и представителей туземнаго населенія — мнѣ удалось познакомиться съ изданнымъ матеріаломъ и получить цѣнныя свѣдѣнія путемъ опроса на мѣстахъ. Считаю себя особенно обязаннымъ товарищу Статсъ-Секретаря Индіи Сиру Томасу *Гольдернессъ*, Губернатору Мадраса Лорду *Пентланду*, Магараджѣ *Траванкора*, Финансовому Секретарю Мадрасской области *Эвансу*, Члену Мадрасской Судебной Палаты *Санкара Найару*, Секретарю Траванкорскаго правительства *Віейра*, Судьѣ Траванкорскаго Высшаго Суда *К. Пандалай*.

Древности. Т. XXV.

Ближайшимъ образомъ мнѣ удалось познакомиться съ бытомъ Найаровъ въ столицѣ Траванкора — Тривандрумѣ и его окрестностяхъ. Относительно Кочина и Британскаго Малабара я пользовался печатнымъ матеріаломъ и въ особенности записками и отчетами о преніяхъ въ законодательномъ Совѣтѣ Мадрасской области въ связи съ проведеніемъ Акта 1896 года о брачномъ союзѣ въ Малабарѣ⁴⁾. Аналогичный матеріалъ представляетъ Отчетъ Комиссіи, выработавшей Траванкорскій законъ 1912 года⁵⁾ и неопубликованные отчеты по обсужденію проектовъ законовъ о благопріобрѣтенномъ имуществѣ (self acquired property) и о семейныхъ раздѣлахъ, внесенныхъ въ Мадрасскій Законодательный Совѣтъ въ 1910 году. Судебные отчеты о дѣлахъ, возникавшихъ въ Мадрасской Судебной Палатѣ и въ Высшемъ Судѣ Траванкора и въ Судебной Комиссіи Тайнаго Совѣта освѣщаютъ различныя стороны предмета съ юридической стороны.

Въ настоящемъ очеркѣ я не имѣю въ виду, конечно, представить обстоятельное изложеніе вопроса въ его современной постановкѣ и исторіи, но мнѣ хотѣлось бы выяснитъ главныя хозяйственныя и правовыя условія, въ зависимости отъ которыхъ развивается своеобразная семейная и наслѣдственная система Малабарскаго берега.

Отмѣчу прежде всего, что, несмотря на политическое раздробленіе на три области (Траванкора, Кочина и Брит. Малабара) и обусловливаемая ими разницы въ подробностяхъ, классы, признающіе такъ называемый порядокъ Magumakkatayam наслѣдованіе племянниковъ) слѣдуютъ по существу одинаковымъ обычаямъ своей семейной организаціи.

Съ точки зрѣнія кастоваго строя, классы, съ которыми приходится имѣть дѣло — Найары и Тайаны (Иллавары) въ своихъ различныхъ подраздѣленіяхъ⁶⁾. Брамины, какъ западнаго происхожденія (Намбудри) такъ и пришлецы съ Востока (Паттары и т. п.) живутъ въ патріархальномъ порядкѣ. Низшія касты колеблются между матриархальными и патріархальными обычаями. Найары представляютъ военный классъ туземнаго происхожденія съ значительной примѣсью арійской крови, влѣдствіе своеобразнаго сожительства найарскихъ женщинъ съ браминами, о чемъ рѣчь впереди.

Знатнѣйшіе изъ найарскихъ родовъ, въ особенности семейства раджей, считаютъ себя потомками Кшатріевъ. Въ подробностяхъ невозможно, конечно, провѣрить такого рода притязанія, но коренное различіе въ организаціи семьи между арійскими Кшатріями, представленными, напримѣръ, современными Раджпутами, и Найарами⁷⁾ свидѣтельствуетъ о принадлежности къ другому культурному кругу. Отдѣльные члены арійской военной касты, конечно, проникали на Малабарскій берегъ, но оборонительная линія Западныхъ Готовъ (Western Sháts), повидимому, обезпечила мѣстному дравидскому населенію гораздо болѣе вліятельное и прочное положеніе, нежели на Востокѣ или на Сѣверѣ Индіи. Съ точки зрѣнія строгаго браманизма, Найары должны быть зачислены въ разрядъ Судра. Эта неясность положенія иллюстрируетъ невозможность подчинять реальные классы индійскаго общества — знаменитой классификаціи на основѣ четырехъ «варна», которая явилась искусственнымъ обобщеніемъ

браминовъ: она была чужда древнѣйшему обществу эпохи Ведъ и непримѣнима къ безчисленнымъ современнымъ развѣтвленіямъ кастовой системы⁸⁾. Въ настоящее время Найары перестали быть воинами, хотя изъ числа ихъ все еще преимущественно набираются солдаты туземной бригады. Въ общемъ, теперешнихъ Найаровъ можно назвать помѣщиками, — имъ и браминамъ принадлежитъ большая часть земли на Малабарскомъ берегу. Признакомъ военного образа жизни, который они вели въ прежнее время, служатъ гимнастическія залы, составляющія обычную принадлежность зажиточной найарской усадьбы: здѣсь найарскіе мальчики учились гимнастическимъ упражненіямъ и фехтованію⁹⁾.

Тайаны и Иллавары¹⁰⁾ причисляютъ себя къ группѣ «ваисья» — ремесленниковъ и торговцевъ. Дравидійскій элементъ среди нихъ представленъ еще сильнѣе чѣмъ среди Найаровъ. Насколько черты материнства въ ихъ бытѣ составляютъ исконное наслѣдіе предковъ и насколько они сложились въ подражаніе порядкамъ найарскаго сословія, опредѣлить трудно. Въ количественномъ отношеніи распространеніе материнства на Тайановъ обезпечиваетъ ему значеніе преобладающаго института въ обычномъ правѣ Малабарскаго берега, такъ какъ Найары и Тайаны въ совокупности составляютъ около половины населенія въ этой области. Но въ качественномъ отношеніи важно держаться при наблюденіи явленій материнства найарской группы, такъ какъ въ ея средѣ порядокъ получилъ наиболѣе систематическое и законченное выраженіе.

Прибавлю, что наслѣдственное право, о которомъ намъ придется такъ часто говорить, въ техническомъ отношеніи осуществляется въ двухъ различныхъ формахъ. Рядомъ съ «Марумакатайамъ», господствующимъ въ большей части области, на сѣверѣ ея — въ сѣверномъ Малабарѣ (Южная Канара) дѣйствуетъ нѣсколько иной порядокъ — такъ называемый *Aliya Santana*. Отличія между этими двумя разновидностями несущественны и могутъ быть опущены въ нашемъ общемъ очеркѣ.

Начнемъ съ описанія положенія дѣлъ въ настоящее время, и затѣмъ поставимъ отдѣльные вопросы, касающіеся даннаго строя. Я имѣлъ случай наблюдать разнообразныя примѣры семейной организаціи Найаровъ и остановлюсь на слѣдующихъ двухъ, которые кажутся мнѣ достаточно характерными.

1. Я встрѣтилъ въ Квилонѣ инженера *С. Говинда-Пиллай*, командированнаго желѣзной дорогой для осмотра и оцѣнки земель, намѣченныхъ къ отчужденію въ виду расширенія станціонныхъ зданій. Это былъ человекъ лѣтъ 40, Найаръ, членъ развѣтвленной семьи. Онъ любезно выразилъ готовность сообщить данныя относительно положенія своей семьи. Родители его живы; матери 63 года; вышла замужъ 18 лѣтъ. Отецъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы оставался въ семьѣ своей матери, но затѣмъ поселился у своей жены — матери нашего инженера. Отъ этого брака произошло пять человекъ дѣтей — трое сыновей и двѣ дочери; всѣ живы и всѣ въ настоящее время поженились или вышли замужъ. Мой знакомый старшій — у него пятеро дѣтей; у второго брата — шестеро; третій бездѣтекъ; у старшей сестры шесть человекъ дѣтей; у младшей дѣтей нѣтъ. Отецъ, хотя

живетъ съ матерью, но помогаетъ по хозяйству своимъ сестрамъ. Точно такъ же мой знакомый, инженеръ, состоитъ завѣдующимъ хозяйствомъ (карнаваномъ) при своихъ сестрахъ и матери, а его собственныя дѣти числятся при матери и зависятъ въ хозяйственномъ отношеніи отъ дяди, брата матери.

Всѣ члены материнской семьи сообща владѣютъ значительнымъ имѣніемъ (около 1000 акровъ), но помимо этого еще сохранились кое-какіе остатки общаго владѣнія родства, пошедшаго отъ бабушки (20 акровъ) и даже остатки «*тарвада*» (общины), пошедшей отъ прабабушки (30 акровъ). Такимъ образомъ, одновременно существуетъ нѣсколько этажей или концентрическихъ круговъ владѣнія. Круги эти выдѣлились послѣдовательно путемъ добровольныхъ раздѣловъ, по общему соглашенію между членами семейныхъ общинъ — двоюродными или троюродными братьями. Каждый изъ этихъ членовъ имѣлъ право на содержаніе изъ семейнаго имущества¹¹⁾ и на общій счетъ жило такимъ образомъ около 20 лицъ, но въ случаѣ отъѣзда изъ семейнаго дома обязательное содержаніе прекращалось и отъ карнавана зависѣло, будетъ ли выдаваться члену материнскаго шарвада паекъ или нѣтъ. Мой собесѣдникъ имѣлъ, конечно, самостоятельныя средства, какъ человѣкъ служащій, и согласно Траванкорскому закону 1912 года, онъ имѣлъ право распорядиться этимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ въ пользу жены и дѣтей, и послѣднія должны были получить половину по закону¹²⁾, въ случаѣ смерти отца безъ завѣщанія. Но это постановленіе является признаніемъ обычая, установившагося лишь въ новѣйшее время. По старому праву имущества умершаго члена шарвада шло въ шарвадъ.

Разсчетъ родства производится исключительно по женской линіи и мужчины числятся при родѣ матери. Извѣстная римская формула можетъ быть примѣнена къ Найарскимъ родамъ съ соответствующимъ измѣненіемъ: *filius finis familiae*. Поминки (срадда) совершаются племянникомъ по дядѣ — брату матери, а не сыномъ по отцу. Сынъ не присутствуетъ на похоронахъ отца и не носитъ траура по его смерти. Въ послѣдніе годы эти порядки стали, однако, измѣняться подъ вліяніемъ роста благопріобрѣтенныхъ имуществъ и развитія индивидуальной предприимчивости.

Хотя юридически владѣніе землею и имуществомъ, связаннымъ съ землею, приурочены къ женщинамъ, управленіе этимъ имуществомъ находится въ рукахъ мужчинъ, такъ называемыхъ карнавановъ. Обыкновенно карнаваномъ является братъ женщины, которая признается главой шарвада, но иногда эти обязанности могутъ перейти въ руки сына или племянника.

2. Возьмемъ второй примѣръ изъ окрестности Тривандрума, резиденціи Магараджи Траванкорскаго. При осмотрѣ этихъ окрестностей я, между прочимъ, заѣхалъ въ имѣнье Кандаля (большой домъ) въ толукѣ (округъ) Нейатукара (Neyathukara). Карнаванъ шарвада, мужчина лѣтъ 55, очень темнаго цвѣта кожи, одѣтый въ кусокъ кисеи, обмотанной вокругъ ногъ, съ совершенно обнаженной верхнею частью тѣла, принялъ насъ въ строеніи, предназначенномъ для гостей. Усадьба состояла изъ шести или семи такихъ строеній, срубленныхъ изъ дуба и

утвержденных на поставахъ (платформахъ) въ $\frac{3}{4}$ аршина высоты. Данная усадьба служитъ хозяйственнымъ центромъ имѣнья въ 500 акровъ и расположена въ 14 миляхъ отъ Тривандрума. Населеніе Траванкора, замѣчу кстати, живетъ въ хуторахъ, а не въ деревняхъ, но оно такъ многочисленно, что поселки слѣдуютъ другъ за другомъ вдоль дорогъ съ небольшими перерывами. Имѣнье «Кандала» состоитъ изъ пятидесяти шести мелкихъ участковъ, занятыхъ арендаторами; они живутъ на нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и воздѣлываютъ главнымъ образомъ рисъ, который снимаютъ два раза въ годъ — въ іюлѣ и въ февралѣ. Кромѣ того, источниками дохода являются кокосовыя пальмы. Имѣніе находится во владѣніи шарвада (семейной общины) происшедшей отъ одной прародительницы: эта родоначальница умерла, но 4 семьи, испещшія отъ нея, продолжаютъ хозяйство сообща. Это, во-1-хъ, семья старшей сестры, овдовѣвшей (при ней 8 человѣкъ дѣтей), во-2-хъ семья младшей сестры, вдовы, семь человѣкъ дѣтей; въ-3-хъ старшій братъ — карнаванъ; показывавшій намъ усадьбу; дѣти (пятеро) при женѣ, но одна дочь, вышедшая замужъ за чиновника въ Травандрумѣ, живетъ одна съ своимъ ребенкомъ; въ-4-хъ, младшій братъ, женатый, имѣетъ 4 дѣтей, которые содержатся при матери. Въ общемъ въ настоящее время 32 лица имѣютъ право на содержаніе изъ этого шарвада и случается, что все собираются и садятся за общій столъ. Женщины держатся очень самостоятельно и съ чувствомъ достоинства. Невѣстка карнавана вышла къ намъ съ ребенкомъ на рукахъ и принимала участіе въ разговорѣ.

Познакомившись съ общимъ характеромъ семейнаго быта Найаровъ, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сторонъ этого быта. Прежде всего остановимся на заключеніи брака, который составляетъ ключъ ко всемъ прочимъ отношеніямъ найарскаго быта и, кромѣ того, былъ выдвинутъ на первый планъ обсужденіемъ двухъ законодательныхъ актовъ — закона 1896 года, изданнаго Мадраасскимъ законодательнымъ собраніемъ для британскаго Малабара, и закона 1912 года, разработаннаго и обнародованнаго въ Траванкорскомъ вассальномъ княжествѣ. И тотъ, и другой акты имѣютъ цѣлью юридически закрѣпить форму брачнаго сожительства, сложившуюся въ обычномъ правѣ этихъ областей подъ названіемъ *Sambandham*¹³⁾. Инициаторы того и другого закона исходили изъ мысли, что по существу эта форма сожительства аналогична браку, который практикуется среди христіанъ, магометанъ и индусовъ, живущихъ по общему браминскому праву, и что слѣдуетъ путемъ регистраціи этихъ союзовъ придать имъ окончательную санкцію законности. Въ пользу такого пониманія¹⁴⁾ приводилось соображеніе, что въ большинствѣ случаевъ найарскія семьи развиваются на основѣ постоянныхъ отношеній между однимъ мужчиной и одной женщиной и что переходъ къ новымъ комбинаціямъ сожительства обусловливается обыкновенно смертью одного изъ супруговъ или, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, разводомъ между ними. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время существуетъ сильное теченіе, нацѣленное къ возможному уравненію брачнаго права найаровъ съ юридическимъ строемъ брака другихъ цивилизованныхъ обществъ. Но это, очевидно, поздавшая стадія развитія, и какъ разъ инициаторы современныхъ законодательныхъ реформъ не

одинъ разъ выражали мнѣніе, что настоящаго брака у Найаровъ не существуетъ и что необходимо прогрессивное законодательство, чтобы подвинуть бытъ Найарскаго общества въ направленіи, указанномъ этикой образованныхъ народовъ¹⁵). Матеріалы, собранныя при подготовкѣ актовъ 1896 и 1912 гг., а также свѣдѣнія о примѣненіи перваго изъ этихъ законовъ на практикѣ свидѣлствуютъ о двухъ обстоятельствахъ: 1) сожительство между Найарами по народному праву выливается въ формы прочныхъ quasi-моногамическихъ отношеній; 2) процедура формальной регистраціи браковъ съ ея юридическими послѣдствіями принимается плохо — случаи регистраціи по закону 1896 года можно перечесть по пальцамъ¹⁶).

Для насъ особенно интересны черты народныхъ вѣрованій и обычаевъ, связанные съ заключеніемъ браковъ.

Подготовительныя комиссіи занимались соответствующимъ матеріаломъ съ цѣлью выяснить рѣшающій моментъ при заключеніи найарскаго брака. При этомъ пришлось считаться съ двумя церемоніями — съ завязываніемъ шнура (tali) и съ одареніемъ сукномъ. Первая изъ этихъ церемоній имѣетъ мѣсто незадолго до достиженія дѣвухой половой зрѣлости... Браминь, вліятельный сосѣдь или пользующійся уваженіемъ родственникъ «обручается» съ дѣвухой, при чемъ главнымъ признакомъ обрученія служитъ завязываніе шнура вокругъ шеи дѣвухи ея нареченнымъ. Церемонія эта, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, не можетъ считаться приготовленіемъ къ брачному сожительству¹⁷): навязываютъ шнурокъ часто люди преклоннаго возраста, причемъ иногда по соображеніямъ дешеvizны одинъ «женихъ» обходитъ цѣлый рядъ дѣвочекъ, желающихъ получить шнурокъ. Повидимому, въ теперешнемъ ея видѣ это фиктивное обрученіе является замѣной раннихъ браковъ, которые рекомендуются религіозными обычаями остальныхъ индусовъ. Умирать незамужней считается величайшимъ несчастіемъ для индусской женщины и въ общемъ порядкѣ всякій индусъ отецъ семейства считаетъ священнымъ долгомъ пристроить дочь къ покровителю-мужу съ самаго ранняго возраста. Эти воззрѣнія, возникшія на почвѣ патріархальнаго быта, комбинируются довольно страннымъ образомъ съ своеобразнымъ матриархатомъ Найаровъ. Такого рода неорганическія комбинаціи нерѣдки въ быту Малабарскаго берега вслѣдствіе столкновенія браминизма съ туземными воззрѣніями и обычаями, коренящимися въ обстановкѣ, совершенно чуждой ведійской патріархальности. Позволительно высказать предположеніе, что въ данномъ случаѣ обрядъ «обвязыванія шнура» сложился благодаря вліянію двухъ церемоній — ранняго обрученія, обычнаго въ индійскомъ обществѣ и магическаго допущенія или посвященія (initiation) въ виду приближенія половой зрѣлости, свойственнаго первобытнымъ формамъ анимизма¹⁸). Заключение договора брачнаго сожительства въ современномъ найарскомъ быту связано непосредственно съ обрядомъ одаренія сукномъ (giving of cloth), который соответствуетъ свадьбѣ другихъ народовъ. Онъ совершается въ присутствіи родственниковъ съ той и съ другой стороны, при активномъ участіи матери невесты въ руководствѣ церемоніями, и состоитъ въ передачѣ женихомъ невестѣ куска матеріи. Послѣ этого одаренія женихъ и невеста садятся вмѣстѣ на помостъ въ «красномъ» углу комнаты.

Такимъ образомъ начинается «Sambandham» настоящей свадебной церемоніей. Но даже въ наше время есть немало указаній на то, что сожительство, возникающее изъ *Sambandham* значительно слабѣе брака, какъ мы себѣ его представляемъ или какъ онъ практикуется по общему праву индусовъ.

Самой рѣзкой иллюстраціей контраста воззрѣній служатъ союзы между браминами и найарскими женщинами. Такъ называемые Намбудри-брамины, т.-е. члены браминскихъ родовъ, издавна поселившихся на Юго-Западномъ берегу, слѣдуютъ чрезвычайно строгому кодексу религіозныхъ и бытовыхъ предписаній. Они живутъ закрытыми семейными общинами, во главѣ которыхъ стоятъ старшіе въ родѣ. Въ видахъ сохраненія неприкосновенности семейныхъ участковъ, лишь старшіе сыновья этихъ браминовъ вступаютъ въ законный бракъ съ женщинами своей касты согласно обрядамъ, установленнымъ въ Сутрахъ¹⁹⁾. Младшіе братья остаются холостыми или же вступаютъ въ сожительство съ найарскими женщинами. Последнія считаютъ честью вступать въ подобный союзъ, и потомки, происходящіе отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, занимаютъ первое мѣсто среди найарской аристократіи²⁰⁾. Съ точки зрѣнія браминовъ *Sambandham* такого рода не болѣе какъ конкубинатъ. Отецъ не заботится о дѣтяхъ и предоставляетъ попеченіе о нихъ всецѣло матери. Наслѣдованіе регулируется въ этомъ случаѣ найарскимъ, а не браминскимъ правомъ²¹⁾. Брамины-мужья заключаютъ эти союзы большею частью по соображеніямъ матеріальной выгоды и часто покидаютъ своихъ найарскихъ сожительницъ, когда онѣ надоѣдаютъ имъ, или если представляется случай устроиться болѣе выгоднымъ образомъ. При обсужденіи проекта закона 1896 года въ Мадраасскомъ законодательномъ собраніи, нѣкоторыми членами собранія была сдѣлана энергичная попытка упорядочить эти отношенія путемъ регистраціи на одинаковыхъ основаніяхъ съ чисто найарскими браками²²⁾. Противъ этого были, однако, представлены рѣшающія возраженія съ той точки зрѣнія, что правительство не имѣетъ въ виду и не можетъ законодательствовать въ измѣненіе религіозныхъ вѣрованій и кастоваго права, а навязываніе браминамъ гражданскаго брака съ его послѣдствіями было бы по существу такого рода законодательнымъ вмѣшательствомъ²³⁾.

Наблюденія надъ смѣшанными браками подтверждаютъ тѣмъ, что въ случаѣ *Sambandham* между Найрами расторгеніе этого союза не представляло никакихъ затрудненій и не сопровождалось никакими особенными формальностями. Жена могла когда угодно отказаться отъ дальнѣйшаго сожительства съ отцомъ своихъ дѣтей и онъ, съ своей стороны, могъ покинуть ее и вступить въ новый союзъ²⁴⁾. Общественное мнѣніе, однако, не благопріятствовало неустойчивымъ отношеніямъ въ этой области и на практикѣ за последнее время найарскіе союзы отличались постоянствомъ. Тайяны относились гораздо снисходительнѣе къ новымъ уклоненіямъ и на памяти у представителей настоящаго поколѣнія европейцы обыкновенно вербовали себѣ сожительницъ на срокъ среди тайанскихъ дѣвушекъ²⁵⁾. Притомъ и относительно найаровъ имѣются вѣскія свидѣтельства, показывающія, что въ прошломъ союзъ *Sambandham* являлся малоустойчивымъ и иногда приводилъ къ полнандріи. Португальскій путешественникъ Дуарте Барбоза, посѣтившій Малабарскій берегъ

въ первые годы XVI вѣка и отличающійся точностью и достовѣрностью своихъ наблюденій, пишетъ о Найарахъ:

«Они не вступаютъ въ браки и не содержатъ женъ и дѣтей. Племянники, сыновья сестеръ, наследуютъ имъ. Найарскія женщины, согласно обычаю, могутъ вступать въ сношенія съ кѣмъ угодно изъ браминовъ или Найаровъ, но не съ людьми низшихъ кастъ: сношенія съ послѣдними наказываются смертью. Когда дѣвочка достигаетъ десяти или двѣнадцати лѣтъ, ея мать устраиваетъ ей свадьбу по слѣдующему обряду. Она приглашаетъ родственниковъ и друзей почтить ея дочь своимъ присутствіемъ и проситъ кого-нибудь изъ нихъ вступить въ бракъ съ этой дочерью. Мать заказываетъ золотое украшеніе приблизительно въ полъ-дуката цѣнности; въ серединѣ этого украшения продѣлано отверстіе, въ которое пропускаютъ нить бѣлаго шелка. Мать стоитъ съ разодѣтой дочерью среди многочисленныхъ дѣтей, причемъ играетъ музыка и поютъ пѣсни... Избранный родственникъ подходитъ съ большой торжественностью и совершаетъ обрядъ бракосочетанія какъ еслибы онъ женился на дѣвушкѣ: на шею жениха и невесты набрасываютъ золотую цѣпь, и онъ надѣваетъ на нее вышеупомянутое украшеніе, которое она должна съ тѣхъ поръ носить постоянно, въ знакъ того, что она можетъ располагать собою. Затѣмъ женихъ удаляется, не прикоснувшись къ ней, если онъ съ ней въ родствѣ. Если между ними нѣтъ родства, онъ можетъ остаться съ ней, если хочетъ, но не обязанъ этого дѣлать. Послѣ совершенія этого обряда мать старается уговорить какого-нибудь молодого человѣка лишить дочь невинности: они считаютъ, что лишеніе невинности оскверняетъ. Когда дочь стала женщиной, мать прискиваетъ мужчину, который согласился бы жить съ ней. Если она красива, три или четыре Найара составляютъ компанію, чтобы содержать ее и жить съ ней. Чѣмъ больше у ней сожителей, тѣмъ болѣе почета для женщины. Каждый изъ сожителей имѣетъ право быть съ нею отъ полудня одного дня до того же часа на слѣдующій день, и такъ они проживаютъ безъ всякаго осужденія. Если кто-либо изъ сожителей желаетъ оставить ее, онъ уходитъ и вступаетъ въ сношенія съ другой; если ей кто-либо изъ сожителей не нравится, она увольняетъ его. Дѣти остаются на попеченіи матери и ея братьевъ; послѣдніе воспитываютъ ихъ, такъ какъ неизвѣстно, кто ихъ отецъ. — Говорятъ, что цари устроили такой порядокъ, чтобы Найары не были корыстолюбивы и не пренебрегали царской службой» (The Coaste of East Africa and Malabar, Hakluyt Society, 1866; p.124, translated by M. E. J. Stanley). Это описаніе вѣроятно подчеркиваетъ слишкомъ рѣзко черты найарскаго быта, которыя поражали португальскаго наблюдателя, какъ уклоненія отъ христіанской общественности. Какъ многоженство *допускается* исламомъ и браманизмомъ, но не составляетъ обычнаго условія въ магометанскихъ и индускихъ семьяхъ, такъ и полиандрія Найаровъ, судя по даннымъ болѣе поздней эпохи, являлась возможностью, а не обычнымъ порядкомъ въ найарскомъ быту. Но самое существованіе такого рода возможностей въ высшей степени характерно.

При описанныхъ условіяхъ найарская семья естественно сложилась вокругъ матери. Отецъ является чужимъ и постороннимъ элементомъ. Въ настоящее время

подъ вліяніемъ формъ семьи, наблюдаемыхъ среди прочихъ индусовъ, среди магометанъ и христіанъ, а также вслѣдствіе экономическаго развитія, которое выдвигаетъ индивидуальныя интересы, Найары вырабатываютъ новыя черты въ своемъ быту. Жены часто перекочевываютъ къ мужьямъ, супруги заводятъ самостоятельное хозяйство, воспитываютъ и содержатъ дѣтей при себѣ, отказываютъ имъ благопріобрѣтенное имущество по завѣщанію²⁴). Но это теченіе носитъ явныя слѣды позднѣйшаго происхожденія и выдѣляется на общемъ фонѣ архаической материнской общины — шарвада. Съ точки зрѣнія народнаго права, эта община имѣетъ преимущественное право на заработки отдѣльныхъ членовъ семьи²⁵). Мадрасское законодательное собраніе разсматриваетъ какъ разъ теперь два законопроекта, внесенные въ 1910 году съ цѣлью регулировать право владѣнія благопріобрѣтеннымъ имуществомъ и способа выдѣленія изъ шарвадовъ²⁶). Но и та, и другая мѣра наталкивается на значительное сопротивленіе найарскаго общества; въ особенности проектъ раздробленія шарвадовъ. Ни то, ни другое предложеніе не рѣшается, однако, затронуть кореннаго начала наслѣдованія по женской линіи. Въ частности *тайважи* — вѣтви, на которыя имѣется въ виду раздѣлить шарвадъ, составлены изъ потомковъ матери по женской линіи. Если отъ этихъ проектовъ реформъ обратиться къ обычному праву, то окажется, что дифференціація шарвадовъ совершается путемъ фактическаго расселенія и образованія самостоятельныхъ хозяйствъ. Если семья поселилась отдѣльно и въ теченіе четырехъ поколѣній (4 descents), эта раздѣльность поддерживается, предполагается, что шарвадъ распался и необходимы положительныя доказательства, что распаденіе не имѣло мѣста. Расчлененіе облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что Найары живутъ не деревнями, а дворами.

Обращаясь къ хозяйству материнской общины, шарвады, отмѣтимъ прежде всего, что оно представляетъ точную параллель семейной общинѣ патриархальнаго строя. Малабарскій шарвадъ соотвѣтствуетъ семейной общинѣ, организованной согласно ученію Митакшара, которое дѣйствуетъ въ большей части областей сѣверной, западной, центральной и юго-западной Индіи²⁷). Отличія отъ бенгальской формы семейной общины (Дайабгага) не существенны и касаются скорѣе юридическаго построенія, нежели дѣйствительнаго примѣненія. Во всякомъ случаѣ въ современной судебной практикѣ шарвадъ долженъ быть сопоставленъ именно съ общиной на началахъ Митакшары. Цѣль учрежденія въ обоихъ случаяхъ одна и та же — доставленіе содержанія всѣмъ наличнымъ членамъ семьи. Эта цѣль признается настолько господствующей, что для формальнаго расторженія шарвада требуется единогласное рѣшеніе его участниковъ²⁸). Еще важнѣе то обстоятельство, что раздѣльныя интересы членовъ шарвада безусловно подчинены интересамъ объединяющей организаціи. Представителемъ послѣдней является мужчина — карнаванъ старшей родоначальницы или его замѣститель. Онъ распоряжается имуществомъ шарвада безконтрольно и не обязанъ давать отчета въ своемъ управленіи остальнымъ членамъ. Во избѣжаніе злоупотребленій выработалась форма обращенія къ суду въ случаяхъ, когда члены шарвада считаютъ, что карнаванъ ведетъ дѣло не въ интересахъ общины, а съ своекорыстными цѣлями или же неумѣлымъ образомъ. Отсюда

цѣлый рядъ исковъ къ карнаванамъ, въ которыхъ судамъ трудно разбираться²⁹). Это обстоятельство вызвало внесеніе въ мадрасскій законодательный совѣтъ уже упомянутыхъ законопроектовъ о регулированіи правъ на благопріобрѣтенное имущество и объ условіяхъ раздѣла между членами шарвада. Въ мотивахъ этихъ законопроектовъ указывается, между прочимъ, что семейный абсолютизмъ карнавановъ сложился до извѣстной степени искусственно подъ вліяніемъ рѣшеній Мадрасскаго Высшаго Суда, подсказанныхъ авторитетнымъ судьей — *Halloway*, который, примѣняя къ карнаванамъ шарвада признаки римской *patria potestas*. Довольно курьезный случай воздѣйствія крайностей патриархальной доктрины на общество, живущее по праву материнства!

Самое положеніе карнавана является до нѣкоторой степени новшествомъ въ этой обстановкѣ. Она сложилась, конечно, влѣдствіе необходимости обезпечить права женскаго родства поддержку сильной мужской руки. Но первоначальная форма организаціи лучше сохранилась въ Южной Канарѣ и въ порядкѣ *Aliya Santana* нежели въ прочихъ областяхъ малабарскаго берега при порядкѣ *Марума-катайамъ*. Въ Южной Канарѣ женщины являются не только носительницами права собственности и наслѣдованія, но сохраняютъ также права распоряженія имуществомъ семейной общины, а ихъ родственники мужчины служатъ имъ помощниками и исполнителями. Извѣстія путешественниковъ о древнемъ бытѣ Найаровъ показываютъ, что такова была исконная бытовая организація семейныхъ общинъ въ этомъ краѣ.

Остается спросить, какимъ образомъ могла явиться и удержаться среди грубаго и воинственнаго общества соціальная организація, предоставляющая такую широкую и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преобладающую роль слабѣйшему полу. На малабарскомъ берегу странность такого рода положенія не осталась незамѣченной. Объясненіе, которое даютъ этому явленію сами Найары, отправляется какъ разъ отъ воинственности мужской половины населенія. Найарамъ некогда и неохота была заниматься домашнимъ хозяйствомъ и заботиться о воспитаніи малыхъ дѣтей: они предоставляли эти дѣла женщинамъ. Такимъ образомъ, найарское общество распалось на двѣ, тѣсно связанныя между собою организаціи — на семейныя общины вокругъ женщинъ и на лагеря призванныхъ носить оружіе мужчинъ. Жизнь Найара проходила чрезъ три періода — младенчество подъ надзоромъ женщинъ, военная служба и, наконецъ, отшельничество въ старческомъ возрастѣ. Это объясненіе, хотя и проведенное съ преувеличенной до извѣстной степени систематичностью, заключаетъ въ себѣ значительную долю истины и невольно вызываетъ сопоставленіе съ другими проявленіями материнства. *Морганъ* обратилъ вниманіе на подобныя же явленія въ результатѣ изученія быта сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, напр. ирокезовъ, у которыхъ также мужчины выдѣлились въ особый классъ воиновъ и охотниковъ. Въ Спартѣ не существовало матриархата или материнскаго наслѣдованія, но раздѣленіе занятій между полами было проведено съ большою послѣдовательностью и взрослый мужчина появлялся дома лишь изрѣдка и какъ бы тайкомъ. Отношенія его къ семьѣ напоминали положеніе Намбудри, брамина, примкнувшаго къ найарскому дому.

Какъ бы то ни было, изученіе материнскаго строя Найаровъ и слѣдующихъ ихъ примѣру кастъ приводитъ къ нѣсколькимъ, не безынтереснымъ заключеніямъ:

- 1) Организація общественныхъ отношеній на основѣ материнства жизнеспособна не только на первоначальныхъ, но и на сравнительно высокихъ степеняхъ культуры.
- 2) Она осуществляется въ Индіи въ формѣ семейной общины, аналогичной тѣмъ, которыя развиваются при господствѣ патриархальнаго строя.
- 3) Усовершенствованіе администрацій и вліянія англійскихъ судовъ привели скорѣе къ закрѣпленію, нежели къ разложенію этихъ формъ.
- 4) Главная опасность грозитъ шарвадамъ отъ успѣховъ индивидуалистической культуры и связаннаго съ нею развитія благопріобрѣтеннаго имущества.
- 5) Роль карнавана въ шарвадѣ интересна какъ показатель значенія мужского элемента при материнскомъ строѣ. Современное положеніе этого института обусловливается, однако, искусственными причинами, въ особенности вліяніемъ судовъ.
- 6) Фактомъ, сопутствующимъ материнству, и отчасти обусловливающимъ послѣднее, является организація мужского элемента на военномъ началѣ.

Павелъ Виноградовъ.

Оксфордъ.

Подстрочныя примѣчанія.

- 1) Camoens, *Lusiada*, VII. 37 sqq.
 - 2) Bachofen, *Das Mutterrecht*, Stuttgart. 1861.
 - 3) Kohler, *Urgeschichte der Ehe* (1897) p. 144; Frazer, *Lectures on the Early History of the Kingship* (1905), pp. 293. sqq.
 - 4) Malabar Marriage Act, 1896.
 - 5) A Regulation relating to marriage, succession, and family management among certain classes of Marumakkathayees, 1908: see *Travancore Nair Regulation*, Trivandrum, 1908.
 - 6) *The Cochin Castes and Tribes*, by L. K. Anantha Krishna Iyer (Madras, Higginbotham and Co, 1909), *passim*.
 - 7) Malabar District Gazetteer: Malabar and Anjengo: by C. A. Innes and F. B. Evans (Madras, 1908), pp. 114 sqq.
 - 8) Sénart, *Les Castes dans l'Inde*, pp. 244 sqq. and cf. Thurston, *Castes and Tribes* (Madras, 1909).
 - 9) *Malabar District Gazetteer*.
 - 10) Mateer, *Native Life in Travancore*, pp. 91 sqq.
 - 11) *Digest of the Travancore Law Reports* p. 1026:
 1. In a Marumakkatayam family, a woman living under the protection of her husband and members not living in the family house are not entitled to maintenance from the Karnavan. (I. 55).
 2. In a suit for maintenance, the Court could not, according to Marumakkatayam law, make a division of family property but can only accord maintenance out of the Tarwad income.
- P. 1027, 7. No separate maintenance to a member of a Marumakkatayam Tarwad can be allowed, when that member lives out of the Tarwad house, without justifying cause, such as misconduct or ill-treatment of the Karnavan, or inconvenience of all the members living together, in which case, there should be the consent of the Karnavan to the separate living.

The fact that the claimant for maintenance lives in a house belonging to the Tarwad, would not entitle him to separate maintenance, where the Karnavan is opposed to his separation from the rest of the family.

(Sembler) — That a member suing for maintenance is able to work and earn for his subsistence, is not a ground to disallow his claim. (XII. 51).

12) *Travancore Nair Regulation*, Trivandrum, 1908, Extracts from the Proceedings of the meeting of the Legislative Court held on Jan. 8-th 1912, Part IV. § 13, p. 5:

«On the death of a Nair male, leaving him surviving a widow or children or both, she or they shall, if he has undivided Marumakkathayam heirs, be entitled to a half share of his self-acquired or separate property left undisposed of at his death and, if there are no such heirs, such widow or children or both shall be entitled to the whole of such property».

Cf. *ibid.* Report of the Committee, 1908, p. 27.

13) *Travancore Nair Regulation*, p. 9: «The husband is in common parlance called «Gunnadoshakaran», the man who is to share good and evil alike, which is an ideal as high as that of the best type of monogamous society. In a judgment already cited, the learned Chief Justice of our High Court, though of opinion that some provision for formal dissolution was necessary to make Sambandham a marriage recognizable by the courts (see par. 14), yet says in a passage already cited that «having regard also to the customs and to the increasing consciousness of the people, and to the fact that a Sambandham-wife is always called «Bharya» and that she is maintained if she lives in her husband's home and gets money for cloth, oil and other expenses even if she resides in her Tarwad house, I would hesitate very much to use the word «illegitimate» to the offspring of Sambandham, unless I am compelled to do so for the purpose of an actual civil decision and by the strength of overwhelming arguments (XXII Travancore L. R. 222, at p. 233)».

14) *Malabar Inheritance Bill, 1910: Government of Madras, Legislative Department: Enclosure Minutes. Mr. Justice Sankaran Nayar:*

...«The Marumakkathayam system does not exclude the son so much as refuse to recognize his existence. Marriage was no part of that system. The sexual relation did not give rise to rights and duties, and there was therefore no sonship. I do not think that the Government would be justified in giving legislative sanction to a system which recognizes and can be justified only by assuming, even if it were the fact, concubinage as the permanent sexual relation amongst the community to which the law is to apply; as it is opposed to English and Hindu notions of morality and to the sentiments of the community generally except those of one well-defined but numerically small section of it».

15) *Malabar Gazetteer*, p. 99.

16) *Ibid.*, pp. 101 sqq.: cf. *Cochin Castes and Tribes*, I. 74, 288: II. 22, etc.

17) Gennep, *Rites de Passage*, pp. 93 sqq.

18) Mateer, *Native Life in Travancore*, pp. 67, 82, 89 etc.: *Cochin Castes and Tribes*, II. 364 sqq.: cf. I. 102, 173.

19) *Travancore State Manual*, II. 296.

20) *Ibid.*, II. 321.

21) *Malabar Marriage Bill*, p. 18:

The Hon. Mr. Crole:.. With regard to the Nambudri class, for reasons of their own, they arrange that none but the senior member of the family should marry, and thus the property remains entailed. The unfortunate women of the family remain in enforced celibacy as a rule, and the young men go out and form connection with wealthy and princely Nayar and other ladies. Every princely and noble house in the West Coast is propagated and continued by these alliances... I will cite for instance the case of a Nambudri — it has become too common now — who enters into union with a Nayar lady, and having been kindly treated, supplied with funds, and treated in all

respects as a husband, and finding after the birth of one or two children that her charms have become impaired, deserts her probably because a richer lady has bribed him to enter her family. This has been the case in more than one instance. The deserted spouse cannot resort to the civil court for redress, because she is not recognized there as a wife, but only as a concubine. She has to resort to the Magistrate like any waif and stray from the bazaar, and ask that her children may be treated as illegitimate children, and that the Nambudri should be called to pay for their maintenance. Such cases are in existence in Malabar.

22) *Malabar Marriage Bill*, p. 26:

The Hon V. Bhashyam Aiyangar:... I shall refer only to sons. If they are the legitimate sons of a Nambudri, then they become of course the legitimate grandsons of the Nambudri husband's father who may not have been a party to this marriage; they become the nephews of the Nambudri husband's brother who was no party to this marriage, and these legitimate sons become entitled by the operation of the Hindu law to become joint members—I mean for civil purposes—of the family of their father and to claim inheritance, not simply from their father and mother, but they become entitled to inherit the property of all the relations of the father—agnate sapindas and cognate sapindas of the father, as if they were parties to this marriage. I submit it is a most fallacious argument to say that, if two persons wish to contract a marriage, the law should permit them to contract a valid marriage. This is one of the most fallacious propositions that can ever be asserted. By their becoming legitimate offspring, the persons who are affected thereby and who are concerned therein are not simply the parties to the marriage, but in fact a considerable section of the community extending under the Hindu law, to distant samanodakas, distant sapindas, distant agnates and distant cognates. Legislature cannot affect caste; but secure only the civil rights of legitimate offspring. Their caste will be the caste of the mother.

23) *Report of Malabar Marriage Commission* (Madras, 1891), par. 47.

24) *Malabar Gazetteer*, p. 125.

25) *Malabar Inheritance Bill, 1910, Self—Acquired Property*:

Raja Vasudeva Raja:

Mr. Logan, in his *Manual of Malabar*, says that the right of inheritance goes in the direction of the nephews. He says further that the property acquired by a tavazhi has been usually regarded as the separate property of the members who compose the tavazhi and not as part of the common stock of the tarwad, even where there has been no formal deed as to what is and what is not common property. But the High Court has of recent years held otherwise and the tendency of the Court is now to regard all property as common property until a formal division thereof has taken place. Mr. Strange, a judge of long experience in Malabar who finally became a judge of the Sadar Court, says in his *Manual of Hindu Law* that a man's heirs are his sisters, sisters' sons, sisters' daughters, sisters' daughters' sons and daughters, mother, mothers' sisters, etc. Kerala Varma Tirumalpad, a Travancore writer, says, in his work on Kerala Avakasa Kramam, that the heirs are the mother, brothers and sisters and the issue of sisters how-low-soever in the first instance; and in default, his grandmother, her brothers and sisters and such sisters' issue in the issue line up to three degrees of descent and so on (see paragraphs 218 to 221 of the work); and that a woman's heirs are her issue how-low-soever; and in default, those who take the property of a male speaking broadly (see paragraphs 226 to 230 of *ibid*). The followers of Marumakkathayam law themselves have always entertained opinions similar to those of these writers.

26) Mayne, *Hindu Law*, 7 th. edit., p. 690.

27) *Report of Malabar Marriage Commission*, 55, 57.

28) *Digest of Travancore Law Reports*, p. 955:

2. Any member of a Tarwad is entitled to dispute the necessity and the good faith of a mortgage of family property by the Karnavan, even if he was supported by the chief Anandravars. The presumption of family necessity by their taking part in the alienation, though strong, is rebuttable. A mortgage of Tarwad property for a term of years requires the consent of all the members of the Tarwad in the same manner as sales. (III. 44).

Ibid. p. 964:

5. A and B, and the Karnavan and senior Anandaravan respectively of a Malabar Tarwad, sell certain property for raising money to meet the funeral expenses of C, their mother D, the adult junior member of the Tarwad, seeks to set aside the sale on the ground that without his (D's) consent, A and B (his senior kinsmen) are incompetent to alienate the Tarwad property permanently.

Held, (by a majority of a Full Bench) that, as a matter of law, every Seshakaran who is *sui juris*, has a right to be consulted before permanent alienations of Tarwad property are concluded; that it makes no difference that the sale was to pay off a family debt or not; and that, hence, the sale impeached by D is void for want of his assent. (VI. 49).

Приложение.

Sakthi Kerulan (2-nd Defendant) — Appellant.

V.

Sakthi Sakthi (1-st Plaintiff) — Respondents and 25 others.

A. S. 328 of 1084.

Sakthi Sakthi (Plaintiff) — Appellant and 5 others.

Sakthi Kerulan (2-nd Defendant) — Respondent and 29 others.

Marumakkathayam Law — *Self acquisitions of a member of a branch Tarwad.* — *Lapsing to the nearest Thaivazhy.*

Held Per Sadasiva Iyar, C. J. and Hunt, J. (Muttanayagam Pillai, J. dissenting) that the self acquisitions of a member of a branch Tarwad lapse on his death to his nearest Thaivazhy and not to the common Tarwad.

15 T. L. R. 57 and 22 T. L. R. 278 so far as it affirms 15 T. L. R. 57 over-ruled.

The material facts and pleadings are as follows:

a) The parties are Illathu Nairs who belong to a respectable family of chieftains called Vakkathuzhayatha Illom Tarwad. The residence of the Karanavan is known as Palakkal Kottaram (or Palace); the ladies are called by their nativity stars like the ladies of Malabar Royal families; the husbands of the ladies are invariably either Malayali Brahmins or Kshathriyas; they do not travel out of the family compound; their husbands reside in houses within the compound, where they visit their wives and are entertained with their servants at the expense of the Tarwad, and the ladies did not formerly cook meals for the family, but Elayathus were employed as cooks;

b) There are three branches in the Tarwad. The 6 th plaintiff and defendants 16 to 21 belong to one branch which may be called «plaintiffs' branch». Defendants 1 to 12 belong to the 2-nd branch which may be called «1-st defendant's branch» Defendants 13 to 15 belong to the third branch to be called «13-th defendant's branch». There has been no division among the three branches which have been under a common Karanavan for generations, though residing in separate houses (in the same compound) and getting maintenance allowances separately;

c) The plaintiffs' contention is that the A schedule properties are common Tarwad properties, the B schedule properties belong to the 1-st defendant's branch, separately, the C schedule properties belong to 13-th defendant's branch separately, and the plaintiff properties (which may be called D schedule properties and which are 74 items in number) belong to plaintiffs' branch separately. The dispute in this case is only about these D schedule properties. The three branches claim their respective descents from three sisters. 1st plaintiff is 5 degrees in descents from the 1-st sister who was the original ancestress; 1-st defendant is 2 degrees in descent from the 3-rd sister; and 4-th defendant is 2 degrees in descent from the 2-nd sister;

d) There was a common Karanavan called K. Govindan (who may be called K. Govindan I) before the three branches separated in residence, that is, before 1,000 Malayali Era. After him, the brother of the three sisters (Kerulan Raman) was Karanavan till 1,002. These two persons, K. Govindan I and K. Raman, did not, of course, belong to any particular branch of the three branches. The next two common Karanavars, Kerulan Sakti I who died in 1037 and K. Govindan II who died in 1056, belonged to plaintiffs branch. K. Govindan II was a gambler who squandered the Tarwad income and encumbered its properties. On his death in 1056, K. Sakti II of plaintiffs' branch and 1-st defendant were rival claimants for the Karanavastanom. The dispute was finally settled by 1-st defendant taking oath, in 1062 in the Thiruvella temple, that he was senior in age to Kerulan Sakti II and was hence entitled to the Stanom. K. Sakti II died in 1063. The headship of plaintiffs' branch on K. Sakti II's death devolved on plaintiffs' elder brother K. Govindan III who died in the end of 1072. Plaintiffs' case in the plaint is that the D schedule properties (74 in number) belonged to, and were acquired by, the branch Karanavars of the plaintiffs' branch alone with funds supplied by the husbands of the ladies of plaintiffs' branch alone, that there is also a custom in the family by which self-acquisitions of a branch member are inherited by that branch alone at his death, that plaintiffs' branch alone was in possession of these 74 items all along till 1072, that 1-st defendant took wrongful possession of the properties in 1073, and the 1-st defendant has neglected to maintain the six plaintiffs for more than three years before suit. The plaintiffs therefore claim the following reliefs:

1. Deposition of 1-st defendant from the Karanavastanom (for his alleged misfeasances and malfeasances) after settling his maintenance at a particular rate;
2. Recovery of three years' past maintenance for plaintiffs at 1630 paras per annum;...

1. The principal question (a) has to be sub-divided into four minor issues as follow:

a1) Were the D schedule properties acquired by plaintiffs' branch members out of the funds supplied by the husbands of the ladies of that branch?

a2) Were they self-acquisitions of the males of that branch when they were junior members?

a3) If they were self-acquisitions, did they lapse to the plaintiffs' branch alone by family custom? and

a4) Even if there is no such family custom, did the properties lapse to plaintiffs' branch alone by the general Marumakkathayam law, whether they were Makkathayam acquisitions or self-acquisitions of individual male members of their branch? Is the decision in 15 T. L. R. 57 sound law and ought the decision to be followed or has it to be over-ruled as regards self-acquisitions of the member of the Thaivazhi?

8. The questions a 1, a 2 and a 3 might be considered together. The ladies of plaintiffs' branch had, no doubt, husbands like Mithran Potti (a Judge), a Varanakottu Nambudiri, a Palikara Raja, and a Moovadem Potti; but the common Tarwad had a sort of Royal tradition attached to it; the husbands of the ladies were entertained and maintained at the Tarwad expense; and we see no reason to disbelieve 1-st. defendant's evidence (as plaintiff's witness 48) that it was considered at least till 1056 (when Govindan II died after reducing by waste and extravagance the Tarwad properties) derogatory to the *respectability of the Tarwad for the ladies to accept moneys from their husbands for themselves and their children* (though, of course, jewels and silks etc., might be accepted as presents). There is not a scrap of documentary evidence to show that gifts of money were made by the Brahmin or Kshathria consorts of the ladies of plaintiffs' branch for purchase of any of these 74 items of D schedule properties, and the one or two witnesses who speak to such gifts are evidently speaking from hearsay. We agree with the Zilla Judge in his conclusion that the D schedule items are not proved to have been the Makkathayam acquisitions of any of the plaintiffs' branch Karanavars...

12. The legal question (a4), namely whether the self-acquisitions of a male member of a branch Tarwad lapses on his death to his nearest Thaivazhy or goes to the common Tarwad made up of all the Thaivazhies, arises quite neatly for our decision on the above findings of fact. In 15 T. L. R. 57 (Travancore Full Bench) it was held that such acquisitions would go to the main Tarwad. Their Honors refer to the observation in 9 T. L. T. 42 that «the popular opinion is that» such self-acquisition goes «to his (acquirer's) own direct line» but, following precedents beginning with 2 Madras High Court Reports 166, hold that the logical consequence of a common Tarwad's and undivided Anandaravan's positions is that the self-acquisitions go to the common Tarwad. This ruling had been followed with hesitation till 22 T. L. R. 278. I myself in 1082 Kanni followed it in A. S. 303 of 1081 when my practical acquaintance with the community and the litigation of Malabar was not of long duration. In A. S. 258 & 279 of 1083, however, after I had read the Judgment in 22 T. L. R. 278, I said on 1—12—1083 (for myself and my learned brother Mr. Justice Sankara Menon) that «we would have been inclined to refer the question» of the soundness of the decision in 15 T. L. R. 57 to a Full Bench if it was necessary for disposing of these appeals. In A. S. 269 and 275 of 1083, Mr. Justice Ramachandra Rao and I followed 22 T. L. R. 278 in which the majority held that, if a sub-tarwad holding Makkathayam properties existed between the acquirer and the common Tarwad as nearer in degree to the acquirer than the common Tarwad, his acquisitions will lapse to that sub-tarwad and not to the common Tar-

wad. The question whether, if no Makkathayam sub-tarwad but only a branch Thaivazhy intervened, the acquisitions will go to that branch Tarwad (which owns no Makkathayam properties) or to the common Tarwad, has, as I said before, now arisen neatly, and I am glad that it has to be decided. It is clear from the considered Judgment of Mr. Justice Hunt in 22 T. L. R. 278 that His Honor was prepared to hold that whether the intervening branch was a sub-tarwad in the technical sense (that is, as holding Makkathayam properties) or in the ordinary sense of a branch or Thaivazhy, the nearer Thaivazhy was entitled to inherit the acquisitions. As His Honor Mr. Justice Muttunayagam Pillay points out in para 15 of his dissentient judgment in 22 T. L. R. pages 307 and 303 «there is no essential difference in status between a member of a 'sub-tarwad' and a member of a 'branch Tarwad' in relation to the sommon Tarwad. Both alike keep up their rights to the common Tarwad properties and enjoy the privileges of the communion. The accidental circumstance that a particular member happens to possess some property as Makkathayam cannot affect this status as a member. The Makkathayam property may be extensive or insignificant, or it may have been given to the member before he made his own acquisitions or long afterwards. How is the principle of the rule as to the devolution of his self-acquisitions affected by this circumstance? The *ratio decidendi* of the ruling in T. L. R. 15 is that «if the members living separately choose to retain their hold on the property of their original Tarwad they cannot escape from the obligation imposed by law of leaving all their acquisitions not disposed of by them during their life-time to their original Tarwad». If this *ratio* is not touched (as I hold it is not) by the accidental and variable circumstance of possessing some 'sub-tarwad' Makkathayam properties, I submit that the question of the devolution of the self-acquisition of a member of a 'sub-tarwad' is as much governed by precedents as that of a member of an ordinary Tarwad. The matter is not in my opinion *res integra* as contended». I am also of opinion that either 15 T. L. R. 57 has to be ruled as not law (the *ratio* of the decision of the majority in the case in 22 T. L. R. being inconsistent with 15 T. L. R.) and the cases following it should be treated as having enunciated bad law, or we have to over-rule 22 T. L. R. case. I am unable (with the greatest deference) to accept the reconciliation sought to be made by that very learned Judge (Mr. Justice Govinda Pillai) between 15 T. L. R. 57 and 22 T. L. R. 278, to both of which His Honor was a party.

13. I am clearly of opinion that the glamour of the deservedly very high authority of that very eminent Judge Mr. Justice Holloway has prevented the Courts from following hitherto the long established custom, law, and judicial consciousness among the Marumakkathayam community that the self-acquisitions of a man go to his nearest Thaivazhy (see Wigram and Moore, Chapter VII). The Aliyasanthana community alone has been able to stick to that reasonable and equitable law, notwithstanding the result of the logical reasonings of the Courts. Without in any way conceding that the logical result of the Tarwad system is that self-acquisitions should

go to the common Tarwad and not to the nearest Thaivazhy, it may be remarked (as Lord Halsbury remarked in *Quinn v. Leatham* L. R. A. C. 1901 at page 506) that law is not always logical, and nothing is more dangerous than to ignore the rules followed by a community as law in certain matters (which we might call A) simply because the reason of the rules which they follow in other matters (which we might call B) ought, if pushed to its logical conclusions, to make them follow a different set of rules in those matters (called A) from what they have really adopted as law. If a man, so far as his self-acquired property is concerned, should be treated as a stranger to, and divided in interest from, both his Thaivazhy and his common Tarwad and if a divided Tarwad's properties, at the extinction of the Tarwad by the death of the last survivor, go to the nearest Koottukar Tarwad (17 T. L. R. 69) and if, therefore, propinquity is the test for deciding the heirship even in Marumakkathayam law to a property left by a Marumakkathayee last survivor, who had absolute power of disposal during his life-time over that property, the logical result seems to me to be that the law of inheritance as to self-acquisitions should also be based on propinquity of relationship, the only limitation imposed by the Marumakkathayam system being that the legal person who inherits should be or represent a Thaivazhy and not inherit as a mere individual.

14. As regards what the law has been as accepted by the general consciousness of the community, I need quote only from paras 92 to 95 of the Report of the Marumakkathayam Committee Appendix as follows:

1) «Speaking of the Judgment of the Madras High Court the late Sub-Judge, Mr. K. R. Krishna Menon, a high authority on questions of Marumakkathayam law, observes: 'The High Court, thinking that the right of Anandaravan to hold, encumber and dispose of his self-acquired property is a mere personal privilege accorded to him, as it was the case to a *filius familias* under the Roman Law before Justinian, has ruled that it should incorporate itself with the Tarwad estates and pass to the management of the Karanavan, who, as a rule, is a distant relative possessing no religious merit for performing the obsequial ceremonies with any spiritual efficacy even under the Kerala Mahathmyam. For all practical purposes the Court-made law has thus already taken the heritage from the nephew'.

2) «In actual practice, self-acquisitions pass to the nearer heirs in preference to the head of the family. Mr. Cook, as Sub-Judge of Calicut, had recognised this in Malabar so far back as 1858. Mr. Strange, whose merits as a staunch supporter of the Malabar joint family system have been so highly extolled by Mr. Justice Holloway, adopted the rule laid down by Mr. Cook. But Mr. Justice Holloway himself would not assent to it, though Buchanan had already recorded, almost half a century previously that, 'a man's movable property after death, is divided equally among the sons and daughters of all his sisters. His landed estate is *managed* by the eldest male of the family but each *individual has a right to a share of the income*' (Canara and Malabar. Vol. II p., 96); Mr. Wigram points out, in his book on *Malabar Law and Custom*, that traces of the practice alluded to by Mr. Justice Strange and

Mr. Cook still occasionally come under the notice of the Courts. The evidence given before the Malabar Marriage Commission refers to it. Mr. Imbichunni Nair, then a First Grade Pleader and now a subordinate Judge, observed in his letter to the Malabar Marriage Commission: 'Under the immemorial custom of Malabar, the private property of any individual member devolves on his immediate heirs, viz., brothers and sisters after his death, and does not lapse to the Tarwad'. 'The acquisitions of an Anandaravan' wrote Sub-Judge Mr. Kammaran Nair, 'were inherited by his sister and nephew, and these formed subordinate branches with distinct rights, and a good Karanavan never interfered with them'. It is worthy of note that the Madras High Court itself has held that under the Aliyasanthana Law of Canara which, as already pointed out, is Marumakkathayam Law of a more pronounced type, the self-acquisitions of an individual member devolve on his death not upon his family but upon his immediate representatives. (I. L. R. VII Madras 575.)

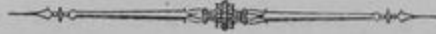
3) «In Cochin also, the custom has been all along the same though the Court-made law shuts its eyes against it. The practice obtaining in the Cochin Royal family is a prominent instance of self-acquisitions devolving on nearest heirs in preference to the family».

4) «In Travancore the practice was never different. (See 'Kerala Avakasa Kremom' by Gopalan Kerala Verman Thirumulpad, page 89, paras 217 to 220.) Many of the witnesses refer to it and speak of the rule of lapse as the law of the Courts. In their quiet domestic circle no such rule is known. The Community is unaware of it. Every household will bear out the assertion that the nearer heirs take such acquisitions without demur from the Karanavan or any other member of the Tarwad. But Our High Court still continues to adhere to its once expressed opinion (XXII. T. L. R. 278), perhaps yielding to the force of what it considers to be inexorable logic, the Tarwad being, if anything, indissoluble and indivisible (See IX T. L. R. page 44). In IX T. L. R., speaking of the legal rights of an individual member in a Tarwad, Their Honors say that they 'were merged in and identified with those of his Tarwad and his acquisitions were consequently, in the eye of law, the acquisitions of the Tarwad'. They however added that 'the severity of this rule has since been relaxed by common consent to suit the exigencies of the times'. They further refer to 'the popular opinion that the self-acquisition of an individual member of a Marumakkathayam Tarwad descends to his own direct nephews in preference to the members of the Tarwad collectively'. In XXII. T. L. R. 278, Mr. Justice Hunt observes that the rule of lapse is not simply contrary to the 'popular opinion' but 'it is most inequitable' (at page 295). Mr. Justice Holloway had long before condemned the rule as 'fruitful in mischief', but thought that he was bound to follow it». (Moore page 181).

15. I am further fortified in my opinion as to the real law followed by the people by the statements in the order of reference to a Full Bench written by His Lordship Mr. Justice Sankaran Nair (himself a member of the Malayali community) in S. A. 101 of 1906 (Madras High Court¹) and by the dissenting opinion of His

Lordship Mr. Justice Miller in the same case before the Full Bench. Their Lordships show how not only Messrs. Cook and Strange (before Justice Holloway) differed from Mr. Justice Holloway's view but how every Malayali subordinate Judge and every Malayali witness before the Malabar Marriage Commission contended that the community could not bring themselves to accept the view of the Courts as binding customary law (see the reports of the Judgments in *Indian Cases*, Vol. II, part I page 183 *et seq.*¹).

16. In the result I hold that the acquirer's nearest Thaivazhy (mother's descendants, grandmother's descendant and so on) inherit a man's self-acquisitions in preference to the common Tarwad.

¹) Since reported in 32 Madras at 351.

Кольчуга Виленскаго Музея.

Къ Виленской Публичной Библиотекѣ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка былъ присоединенъ Музей древностей, основанный графомъ Е. П. Тышкевичемъ. Въ настоящее время Музей этотъ является центральнымъ для всего Сѣверо-Западнаго края. Несмотря на то, что многіе предметы Виленскаго Музея были переданы въ Москву, онъ все-таки заключаетъ въ себѣ весьма значительныя цѣнности въ историко-археологическомъ отношеніи. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежитъ одинъ доспѣхъ, кольчуга, такъ называемая Оршанская. Въ каталогѣ Музея (изд. 1893 г.) она описана подъ № 336 (отд. Ж., стран. 58) слѣдующимъ образомъ: «Кольчуга, состоящая изъ множества плоскихъ колець, на которыхъ, по обѣимъ сторонамъ, замѣтны какіе-то письменные знаки; найдена въ городѣ Оршѣ, Могилевской губ., въ нишѣ при передѣлкѣ монастыря» (см. рис. 22). Здѣсь можно отмѣтить, что подобныя кольчуги изъ плоскихъ колець носили особое названіе байданъ. П. И. Савваитовъ въ своемъ трудѣ «Описаніе старинныхъ русскихъ утварей», стран. 7, разъясняетъ, что байдана или бадана, — слово арабскаго происхожденія и означаетъ «доспѣхъ въ видѣ рубахи, изъ плоскихъ, довольно крупныхъ колець, длиною до колѣнъ, съ рукавами до локтей и ниже. Если этотъ доспѣхъ былъ въ длину немного ниже пояса и съ рукавами выше локтей, то назывался полубайданомъ, полубоданьемъ». Однако Э. Э. Ленцъ, хранитель Императорскаго Эрмитажа, описывая оружіе и доспѣхи изъ собранія Эрмитажа, не дѣлаетъ различія между байданами и кольчугами. Онъ придаетъ большее значеніе способу выдѣлки того или иного типа кольчугъ. Отмѣчая, что кольчуга, т.-е. несплошной пластинчатый доспѣхъ, имѣла на Востокѣ болѣе важное, самостоятельное значеніе, нежели на Западѣ, гдѣ она играла роль вспомогательную, мѣстами облегчая тяжесть рыцарской брони, ученый изслѣдователь раздѣляетъ кольчужныя кольца по способу выдѣлки на три вида, а а именно: «кованныя, преобладавшія какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ до XVII в., проволочныя, около этого времени замѣнившія кованныя, въ легкихъ кольчугахъ средняго достоинства, и штампованныя изъ цѣльнаго листа, обыкновенно украшенныя какимъ-либо узоромъ или надписью, вытѣсенными тою же матрицею»¹⁾. Этотъ-то послѣдній видъ колець и имѣемъ мы въ Оршанской кольчугѣ Виленскаго Музея. Прежде такія кольца носили еще названіе сѣченыхъ. Такъ, напр., о кольчугѣ-байданѣ царя Бориса Годунова, хранящейся въ Московской Оружейной Палатѣ говорится въ описи: «Байдана мисюр-

¹⁾ Указат. отд. Средн. Вѣковъ и эпохи Возрожд. Имп. Эрм., ч. I, стран. 20.

ская; с сѣченымъ кольцомъ». Замѣтимъ, кстати, что эта кольчуга вполне сходна съ описываемой здѣсь. Надписи молитвеннаго содержанія одинаковы; только сохранность значительно хуже.

Рис. 22.

Обращаясь къ описанію издаваемой кольчуги, отмѣтимъ, что впервые она была обследована покойнымъ хранителемъ Музея *Θ. В. Покровскимъ*, данными котораго при этомъ мы отчасти пользуемся.

Кольчуга сдѣлана изъ плоскихъ желѣзныхъ колецъ. Длина ея около одного аршина съ четвертью, ширина нѣсколько болѣе одного аршина. Всѣхъ доспѣха равенъ

31 фунту. Кольца, составляющія кольчугу, выбиты изъ желѣзнаго листа толщиною почти въ одинъ миллиметръ. Ширина ободка равна 3 миллим., а діаметръ кольца около 17 миллим. Кольца такихъ размѣровъ — штампованныя и вполнѣ замкнутыя. Они, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ленцъ, «не могли, конечно, сплетаться между собою, а соединялись черезъ рядъ кольцами открытыми и скрѣплявшимися на гвоздь». Въ нашей кольчугѣ эти открытыя кольца имѣютъ въ діаметрѣ 20 миллиметровъ (см. *рис. 23*). Скрѣпленіе на гвоздь состояло въ томъ, что «сквозь приплюснутые концы согнутаго въ кольцо кованнаго прутика пробивается одна, иногда двѣ и даже три заклепки»¹⁾. Такимъ образомъ кольчуга представляетъ ряды колець штам-

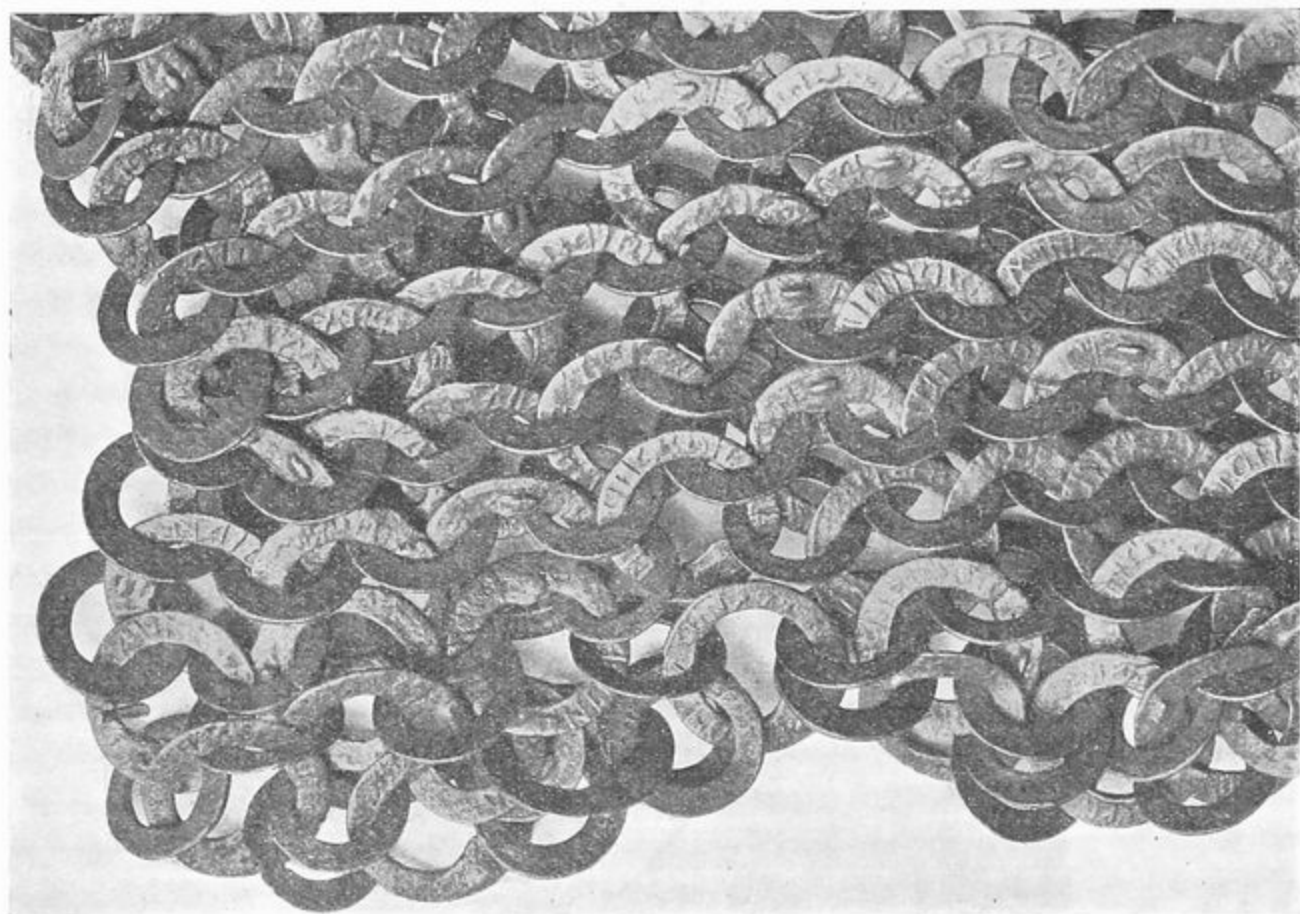

Рис. 23.

пованныхъ и склепанныхъ «на гвоздь». Какъ тѣ, такъ и другія кольца покрыты съ обѣихъ сторонъ надписями. Вслѣдствіе недостаточной для всѣхъ колець отчетливости исполненія надписей и порчи ихъ, эти послѣднія оставались непрочитанными, даже отрицалась самая возможность ихъ прочтенія. Тѣмъ не менѣе, среди нѣсколькихъ тысячъ колець можно указать два-три такихъ экземпляра, на которыхъ буквы сохранились болѣе или менѣе удовлетворительно, и надпись, такимъ образомъ, читается безъ труда. На одной сторонѣ штампованныхъ колець видны слѣдующія сочетанія буквъ:

Бгъ снми нѣктоже на ны, т.-е. «Богъ съ нами, — никтоже на ны» (см. *рис. 24*, слѣва).

¹⁾ Э. Ленцъ, *ib.*, стран. 21.

На оборотной же сторонѣ колець слѣдующая надпись:

Маті Бжія буди с нами, т.-е. «Мати Божія, буди съ нами».

Отдѣльныя части этихъ надписей и цѣлыя фразы можно наблюдать на всѣхъ штампованныхъ кольцахъ. Въ надписяхъ заключаются палеографическіе признаки, позволяющіе опредѣлить время происхожденія кольчуги, а сходство надписей по внѣшнему виду и по содержанию съ надписями на кольцахъ кольчуги царя Бориса Годунова даетъ возможность отнести доспѣхъ, издаваемый нами, къ XVI вѣку.

Что касается факта замураванія кольчуги въ церковной нишѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ свидѣлствуетъ о высокой цѣнѣ, какую придавали этому, малоцѣнному по своему матеріалу, предмету и можетъ вызывать предположеніе о принадлежности кольчуги какому-либо историческому лицу.

Въ описаніи кольчуги, сдѣланномъ для Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ въ 1893 году, указано, что на кольцахъ замѣтны только двѣ надписи, а именно: «Богъ съ нами, — никтоже на ны» и «Мати Божія, буди съ нами». При дополнительномъ изслѣдованіи намъ удалось замѣтить на нѣкоторыхъ, скрѣпленныхъ «на гвоздь», кольцахъ также инныя сочетанія буквъ, которыя не даютъ двухъ упомянутыхъ выше молитвенныхъ выраженій. Такъ, на примѣръ, встрѣчаются кольца съ буквами, составляющими обрывки словъ: «роткова», «рдков», «ивна», «вана», «грѣвѣча», «вырд» и т. п. Буквы довольно отчетливы, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что буквы на штампованныхъ кольцахъ выполнены значительно лучше, яснѣе; это, кажется, можно объяснить тѣмъ, что матрицы для колець открытыхъ заказывались для опредѣленной кольчуги, тогда какъ матрица для штампованнаго кольца изготовлялась въ мастерскихъ для цѣлаго ряда кольчугъ. Это замѣчаніе получаетъ подтвержденіе изъ попытки прочесть возможно точно и полно тѣ элементы надписей, какія оказались для насъ новыми и непонятными.

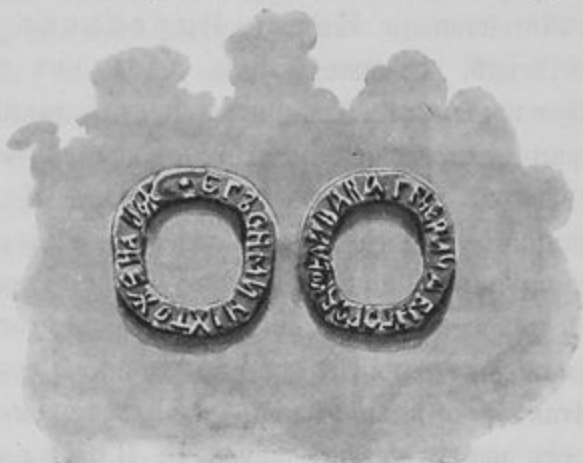

Рис. 24.

Спустя нѣкоторое время удалось опредѣлить съ очевидностью, что новыя надписи на кольцахъ (см. рис. 24, справа) должны быть читаемы слѣдующимъ образомъ:

1. Ивана Грѣвѣча Выроткова, т.-е. Ивана Григорьевича Выроткова.
2. ..ванова Грѣвѣвича Вырдкова, т.-е. Иванова Григорьевича Выродкова.

Принимая во вниманіе замѣчаніе Э. Э. Ленца¹⁾, что въ Россіи личныхъ клеймъ оружейниковъ въ употребленіи не было, можно заключить, что Иванъ Григорьевичъ Выродковъ былъ не мастеромъ кольчуги, а несомнѣннымъ ея владѣльцемъ.

¹⁾ Ib., стран. 19.

Древности. Т. XXV.

Какъ выше замѣчено, по объясненію Савваитова, доспѣхъ нашъ, по формѣ колець, называется байданю, но въ послѣдующемъ изложеніи будемъ называть его болѣе принятымъ выраженіемъ — кольчугою, ничѣмъ кромѣ колець не отличающейся отъ байданы.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію личности собственника кольчуги, я долженъ сказать, что стоящая на кольцахъ фамилія, несмотря на ея неодинаковую орфографію — то Выротковъ, то Выродковъ — должна относиться несомнѣнно къ одному и тому же лицу.

Обращаясь къ нашимъ историческимъ источникамъ, мы встрѣчаемъ въ Актахъ Археологической Комиссіи слѣдующее: «Царскій архивъ XVI вѣка. Ящикъ 181. А въ немъ выписи разрядные, воеводы по полкамъ и разрядъ Смоленской и приговоры (лѣта 7073 октября 17 взялъ государь къ себѣ). Да Емино дѣло Никитина; да грамоты Андрея Щепотева о Вышневетцкомъ, да грамоты Ивана Выродкова; да опала Великія Княгини Волошенки (лѣта 7074 августа въ 13 день взялъ государь къ себѣ) да грамота царя и великаго князя, которая послана къ Вышневетцкому да грамота Вышневетцаго къ митрополиту»¹⁾. Такимъ образомъ оказалось, что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно Иванъ Выродковъ существовалъ. Остается убѣдиться въ его отчествѣ, а также узнать, кѣмъ онъ былъ на государственной службѣ. Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Калачева, мы находимъ правую грамоту по спорному дѣлу о земельномъ владѣніи между Иваномъ Шереметевымъ и княземъ Андреемъ Ноздроватымъ, которая хранитъ въ себѣ подпись Ивана Григорьевича Выродкова, именующаго себя «великаго государя царя великаго князя Ивана Васильевича Всея Руси» діакомъ. Это было въ 7050-мъ году, 13 августа. Такое совпаденіе имени и отчества допускаетъ полную возможность видѣть въ собственникѣ кольчуги дьяка, подписавшаго правую грамоту. Итакъ, владѣльцемъ кольчуги оказался московскій человѣкъ время Грознаго, бывший, какъ извѣстно, изъ труда Н. П. Лихачева, разряднымъ дьякомъ съ 1547 года.

Однако, возникаетъ невольный вопросъ, какимъ образомъ кольчуга царскаго дьяка могла попасть въ одинъ изъ оршанскихъ монастырей²⁾ и сохраняться тамъ столь долго, какая причина заставила, быть можетъ, еще самого владѣльца браннаго доспѣха очутиться въ чужихъ краяхъ, и почему, наконецъ, дьякъ могъ заботиться о приобрѣтеніи такого красиваго и дорогого воинскаго одѣянія, будучи скорѣе человѣкомъ мирнымъ, однимъ изъ представителей гражданской бюрократіи. Чтобы получить отвѣты на всѣ эти вопросы, намъ слѣдуетъ предварительно представить себѣ положеніе дьячества и его развитіе на Руси вообще, и, кромѣ того, обратить вниманіе на усиленіе дьяковъ въ государственной жизни XVI вѣка, когда, именно, жилъ и дѣйствовалъ дьякъ Иванъ Григорьевичъ Выродковъ.

¹⁾ Акты Археогр. Ком., т. I, стран. 348.

²⁾ Первый хранитель Музея, *Киркоръ*, не указалъ или, что возможно, не могъ указать, изъ какого именно монастыря г. Орши поступила эта кольчуга. Въ черновыхъ замѣткахъ, сохраняющихся въ архивѣ Музея мы также не нашли никакихъ на этотъ счетъ указаній, кромѣ свѣдѣнія, что доспѣхъ приготавливали на выставку при предполагавшемся въ 1857—8 гг. Высочайшемъ посѣщеніи Вильны и Музея. Попытки выяснить въ настоящее время мѣсто находки кольчуги въ Оршѣ не имѣли успѣха.

«Дьяки — письменные люди нашей древности», замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, «изъ неважнаго придворнаго чина (со второй половины XVI вѣка), становятся правительственнымъ классомъ, дѣятельность котораго обнимаетъ все важнѣйшія дѣла и на пространствѣ всего Московскаго государства»¹⁾. Дѣйствительно, по судебнику великаго князя Ивана Васильевича дьяки судятъ и рядятъ вмѣстѣ съ боярами и окольными. Такое постепенное усиленіе дьячества въ государствѣ легко объясняется самымъ происхожденіемъ дьяковъ. Это, въ большинствѣ случаевъ, люди незнатные, безъ всякихъ притязаній на первое мѣсто. И въ будущемъ правительство смотритъ на дьяка, какъ на худороднаго и не разрѣшаетъ ему мѣстничать. Но эта неродовитость, которая, казалось бы, должна удерживать дьяка на его незначительной роли писца и дала ему наибольшее значеніе въ окрѣпшемъ Московскомъ государствѣ. «У нихъ не было преданій старой вольности», какъ у вольныхъ людей, говоритъ проф. Сергѣевичъ, и, кромѣ того, «при назначеніи ихъ въ должность государю не нужно было стѣсняться соображеніями объ ихъ отеческой чести». Въ концѣ концовъ дьяки получили столь большое вліяніе, что ихъ несогласіе съ рѣшеніемъ боярѣ или окольныхчихъ останавливало и самое рѣшеніе вопросовъ. Постепенный ростъ силы дьяковъ отразился и въ ихъ отношеніяхъ къ представителямъ дворянства. Случались грубыя выходки со стороны дьяковъ, направленные противъ людей, стоявшихъ на служебной лѣстницѣ не ниже, если не выше дьячества. Но, ставя дьяковъ высоко по службѣ, и не считая возможнымъ давать имъ мѣстничать, государи не находили нужнымъ непременно ставить боярѣ исключительно на высокое мѣсто. Для этого прибѣгали къ обычному приему московскихъ правителей, а, именно, объявляли, напримѣръ, такъ: «Быть воеводомъ князю Булгакову и Сабурову съ дьякомъ Битяговскимъ безъ мѣсть». Наконецъ, мы встрѣчаемъ дьяковъ не только товарищами боярѣ и воеводѣ, но даже самостоятельными начальниками. Такъ, напримѣръ, дьякъ Ржевскій, ходившій въ царствованіе Грознаго на татаръ крымчаковъ и бывший, какъ можно думать, соратникомъ дьяка Выродкова, занималъ постъ Черниговскаго намѣстника, успѣшно дѣйствуя противъ непріятеля вмѣстѣ съ Димитріемъ Вишневецкимъ²⁾.

Характерно еще и косвенное указаніе на усилившееся значеніе дьяковъ, получавшихъ постепенно все большее и большее число мѣсть на торжественныхъ государевыхъ свадьбахъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія дьяки почти не упоминаются въ церемоніалахъ придворныхъ свадебъ, а въ 40—50-хъ годахъ того же столѣтія они участвуютъ уже въ большомъ числѣ и занимаютъ почетныя мѣста. Любопытно, кстати, отмѣтить, какъ косо смотрѣли бояре и княжата на этихъ новыхъ людей, выскочекъ, сумѣвшихъ незамѣтно оттѣснить боярство, сдѣлаться необходимыми и желанными для государя великаго князя, а вскорѣ и царя. Въ разговорѣ съ бояриномъ Морозовымъ «отъѣзжикъ» на Литву, нѣкто Тетеринъ, слѣдующими яркими штрихами обрисовываетъ дьяковъ: «Есть у великаго князя новые люди (вѣрники), которые его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ, которыхъ

¹⁾ Рус. Юридич. Древн., т. I.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, изд. «Общ. Пользы» (1894 г.), кн. II, стран. 103.

отцы вашимъ отцамъ въ холопство не годились, а теперь не только землю владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ». Таковы были дьяки въ Московскомъ государствѣ.

Если мы теперь обратимся къ дьяку Ивану Григорьевичу Выродкову, то увидимъ, что онъ былъ яркимъ представителемъ своего сословія, играя видную роль въ наиболѣе интересную эпоху царствованія Іоанна IV. Мы, впрочемъ, имѣемъ весьма немного данныхъ для біографіи дьяка Выродкова, но, къ счастью, эти данныя падаютъ на самый яркій моментъ правленія Грознаго, а именно, съ 1547 г. по 1565 г. Это время отмѣчено пребываніемъ у власти партіи Сильвестра и Адашева. Оно то и освѣщено имѣющимися у насъ свѣдѣніями относительно Ивана Выродкова. Быть можетъ, здѣсь было бы не лишнимъ упомянуть еще объ одномъ дьякѣ, вѣроятно, старшемъ родственникѣ Ивана Григорьевича — Данилѣ Выродковѣ, бывшемъ въ 1535—42 гг. дьякомъ. Очень возможно, что онъ, пользуясь своимъ положеніемъ при юномъ царѣ, во времена боярскаго правленія, выдвинулъ молодого родича при посредствѣ новыхъ дѣятелей Адашевой группы. Мы дѣлаемъ такое предположеніе на основаніи извѣстія о томъ, что въ 1538 году, въ августѣ, выѣхалъ изъ Москвы царскій «ближній человекъ» Иванъ Выродковъ съ дипломатическимъ порученіемъ къ ногайскому мурзѣ Кошуму. Это и есть первое, намъ извѣстное, свѣдѣніе о дьякѣ. Какъ упомянуто было выше, въ 1547 году Выродковъ впервые встрѣчается въ качествѣ царскаго дьяка. Его приказная служба была удачной. Такъ 22-го января 1549 года Выродковъ принималъ участіе въ пріемѣ пословъ польскаго короля Станислава-Августа, при чемъ сидѣлъ противъ посольскаго писаря, а затѣмъ былъ посланъ царемъ на посольское подворье потчивать пословъ.

Позже начинается видная служба Выродкова¹⁾, когда въ 1550 году, послѣ неудачнаго похода на Казань, во время котораго Выродковъ былъ при нарядѣ, молодой царь со своими совѣтниками рѣшилъ построить наблюдательный пунктъ за непокойными казанцами, а именно, Свіяжскъ, то выборъ правительства палъ на дьяка Ивана Григорьевича, какъ на наиболѣе подходящаго исполнителя. «И начинаетъ государь и дѣлу касается», сообщаетъ Никоновская лѣтопись, «призываетъ къ себѣ діака своего Ивана Григорьевича сына Выродкова, и посылаетъ его, а съ нимъ дѣтей боярскихъ на Волгу, въ Углицкій уѣздъ въ Ушатыхъ вотчину церковей и города рубити и въ судѣхъ съ воеводами на Низъ вести, еже и бысть».

Въ февралѣ — мартѣ 1550 года отправился Выродковъ исполнять царское порученіе, а уже 24 мая того же года княземъ Булгаковымъ и Данилой Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи, былъ выстроенъ новый оплотъ Русскаго государства на Востокѣ. Плохо пришлось казанцамъ отъ такого сосѣдства, и вотъ, въ 1551 году, 16 августа, мы видимъ Шигъ-Алея на казанскомъ престолѣ въ качествѣ ставленника Московскаго государя. Почетную и отвѣтственную службу пришлось нести дьяку Ивану Григорьевичу и въ этомъ случаѣ. Ему вмѣстѣ съ бояриномъ Хабаровымъ было приказано совершить церемонію возведенія на пре-

¹⁾ Пол. Собр. Рус. Лѣт., т. XIII, стран. 163.

столю Шигъ-Алея и остаться при новомъ ханѣ въ качествѣ уполномоченныхъ чиновниковъ русскаго правительства «для полону и иныхъ управныхъ дѣлъ»¹⁾. Трудно, какъ видно, приходилось оставшимся представителямъ Москвы во враждебной Казани. Весьма тяжкія условія мира, на какія вынуждены были согласиться поневолѣ казанцы, потерявшіе правый берегъ Волги, сильно волновали Казань и способствовали росту враждебной Москвѣ партіи.

«Оставленные при новомъ ханѣ бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ», говоритъ С. М. Соловьевъ, «уже въ сентябрѣ увѣдомили государя, что плѣнные освобождены не все, что Шигъ-Алей вынужденъ смотрѣть на происходящее сквозь пальцы, опасаясь возмущенія». Московское правительство, отправивъ посольство въ Казань со спеціальною миссіею, вернуло Хабарова и Выродкова въ Москву, куда они и пріѣхали въ октябрѣ съ докладомъ о тревожномъ состояніи дѣлъ на нашей восточной окраинѣ того времени. Какъ всеѣмъ извѣстно, было рѣшено покоить съ мятежнымъ царствомъ, и для этой цѣли предпринять былъ знаменитый походъ, въ которомъ видная роль выпала и на долю Ивана Григорьевича. Оставляя въ сторонѣ хорошо извѣстное описаніе осады и взятіе Казани, мы коснемся только тѣхъ моментовъ борьбы, когда особенно выдвинулся Выродковъ.

Время шло къ концу августа 1552 года и осажденный городъ медленно, но неуклонно сжимало кольцо укрѣпленій, все болѣе и болѣе стѣснявшее казанцевъ. 27 августа прибылъ съ нарядомъ, т.-е. съ артиллеріей, бояринъ М. Я. Морозовъ, а съ нимъ и Выродковъ. Къ этому же числу туры окружили почти всю Казань и оставалось только окончательно преградить малѣйшій выходъ врагу на волю. Для этой цѣли, рассказываетъ лѣтописецъ, «гдѣ нельзя туромъ быти, государь пересмотря мѣсто, повелѣ діаку своему Ивану Григорьевичу промежь туръ тынъ ставити». Но, когда и это не особенно помогло, когда озлобленные татары изо всеѣхъ силъ сопротивлялись московскому войску, тогда Грозный приказалъ рыть подкопы и «повелѣ, Выродкову башню поставити у князь Михайловыхъ туръ Воротынскаго противъ Казани Царевыхъ воротъ». Опытный, по замѣчанію историка кн. Щербатова, въ осадной наукѣ дьякъ, живо принялся за дѣло, и вскорѣ въ двухъ верстахъ отъ города выросла боевая башня въ шесть саженой высоты для наиболѣе удобнаго обстрѣла города. Эта башня и сыграла громадную, почти рѣшающую роль въ казанской осадѣ. Вотъ какъ описываетъ С. М. Соловьевъ ходъ дальнѣйшихъ событій, приведшихъ Казань къ паденію²⁾. «Внесли на башню много наряду, пищали полуторныя и затинныя стрѣльцы побивали много народу. Осажденные укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ городскими стѣнами, воротами и рыли норы подъ тарасами. Выползая изъ норъ, какъ змѣи, бились они безпрестанно, день и ночь, съ осаждающими; особенно жестоко бились они, не давая придвигать туръ ко рву». Князь Курбскій замѣчаетъ, что было поставлено 10 пушекъ и 50 гаковницъ на башню, придвинутую ночью къ стѣнамъ Казани и причинявшую «великою шкоду во градѣ»³⁾.

¹⁾ Царственная книга.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Рос., кн. II.

³⁾ Устряловъ, Соч. кн. Курбскаго.

Такая энергичная дѣятельность дьяка Выродкова, въ связи съ работой инженеровъ, ведшихъ подкопы, привела къ паденію Казани, которое, какъ извѣстно, закончилось штурмомъ стѣнъ города.

Намъ неизвѣстно, что получилъ за походъ Выродковъ, но, вѣроятно, его не забыли, такъ какъ въ будущемъ мы встрѣчаемъ указанія на довольно крупныя земельныя угодія, владѣльцемъ которыхъ являлся обладатель издаваемой кольчуги.

Послѣ Казанскаго похода Иванъ Григорьевичъ жилъ, вѣроятно всего, въ Москвѣ, успѣшно подвигаясь по служебной лѣстницѣ. Такъ въ 1555—1556 гг. мы встрѣтимъ одиннадцать грамотъ, подписанныхъ Выродковымъ въ качествѣ Разряднаго дьяка, т.-е., весьма важнаго и виднаго сановника въ Московскомъ государствѣ. Разрядный дьякъ былъ ближайшимъ дѣлопроизводителемъ Боярской Думы, а чѣмъ на Москвѣ былъ Разрядный Приказъ, хорошо выяснено Н. П. Лихачевымъ¹⁾.

Признавая, что «приказный строй корнями своими уходитъ глубоко въ XV вѣкъ», ученый авторъ замѣчаетъ, что Разрядъ по обширной своей компетенціи, судя по свѣдѣніямъ Котошихина, былъ какъ бы государственной канцеляріей. Выродковъ, будучи по положенію первымъ дьякомъ въ Разрядѣ, занималъ вліятельное мѣсто, рѣшая наиболѣе серьезныя дѣла, относительно которыхъ было трудно высказываться почему-либо младшимъ дьякамъ. Выродковъ сопровождаетъ царя, являясь, какъ видно, отличаемымъ чиновникомъ своего времени. Наступаетъ 1557 годъ, когда начинается разъѣздная служба дьяка, преимущественно дипломатическаго характера, на которой Выродковъ успѣлъ зарекомендовать себя раньше. Въ этомъ году онъ ставитъ городъ у рѣки Неровы, какъ прежде принималъ участіе въ построеніи Свияжска. Въ апрѣлѣ 1558 года Выродковъ дѣйствуетъ уже въ Астрахани въ званіи воеводы, назначенный туда, по всей вѣроятности, на основаніи опыта его прежней службы въ молодости, въ 1532 году, и позже, въ сношеніяхъ съ Казанью. Изъ грамоты царя къ ногайскому мурзѣ Измаилу мы узнаемъ, что государь посылаетъ въ Астрахань «своего доброго челоуѣка дворетцкого своего Углецкова и Колужсково Ивана Григорьевича Выродкова» вмѣсто Ивана Черемисинова, который раздражилъ своими неправильными дѣйствіями ногайскихъ мурзъ, бывшихъ вѣрными московскому государю²⁾. Но уже въ ноябрѣ Измаиль жалуется и на Выродкова, что тотъ не бережетъ перевозовъ черезъ Волгу, благодаря чему крымчаки наносятъ вредъ сторонникамъ Москвы. Въ іюнѣ 1559 года Измаиль-мурза съ раздраженіемъ пишетъ Грозному, что «Иванъ не чтитъ» его, князя, слова.

Послѣ многочисленныхъ жалобъ мурзы царь отправилъ боярскаго сына Игнатія Заболоцкаго разслѣдовать дѣло и разобрать пререканія воеводы съ мурзой. Къ этому времени Выродковъ еще сильнѣе успѣлъ поспориться съ Измаиломъ и тотъ присылаетъ 15 октября 1559 года грамоту царю съ жалобой, что Иванъ Выродковъ съ нимъ, мурзой, войну устраиваетъ и съ царемъ ссоритъ, и что это ему, мурзѣ, непріятно, такъ какъ ставитъ его въ тяжелое положеніе: «отъ своего рода отсталъ еси меня для, и язъ тѣмъ учинился въ просмѣхъ, все они мнѣ смеютца,

¹⁾ Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI в., стран. 20 сл.

²⁾ Новиковъ, Др. Рос. Вивліоенка.

видя войну Ивана Выродкова. Недругомъ своимъ учинился еси въ укорѣ...» обидчиво заявляетъ мурза. Результатомъ его жалобы было, вѣроятно, неблагоприятное для воеводы заключеніе Заболоцкаго, ревизовавшаго по царскому повелѣнію дѣятельность Выродкова. Послѣдній былъ отправленъ изъ Астрахани въ Москву, при чемъ Грозный доводитъ до свѣдѣнія мурзы о своемъ рѣшеніи въ слѣдующихъ словахъ: «Язъ тебя для на Ивана Выродкова опалу свою положилъ: велѣлъ еси его изымати и держати до весны скована, а на веснѣ велѣлъ еси его къ себѣ привести». Это событіе имѣло мѣсто 25 октября 1560 года. Однако, принимая во вниманіе, что Выродковъ уже въ 1561 году снова состоитъ на службѣ, мы можемъ сдѣлать съ достаточнымъ основаніемъ предположеніе, что дьякъ или нашелъ въ Москвѣ друзей и благожелателей, выручившихъ его изъ бѣды, или же опала была дипломатическимъ маневромъ со стороны правительства для успокоенія раздражительнаго, но въ то же время и весьма полезнаго мурзы. Наконецъ Выродковъ могъ и просто доказать свою невиновность. Видя въ этой непріятной для дьяка исторіи только лишь дипломатическій приемъ, мы основываемся на поведеніи сына Выродкова, который, при отъѣздѣ изъ Астрахани въ моментъ опалы, постигшей отца, силкомъ захватилъ нѣкоторыхъ изъ слугъ самого Измаила-мурзы, какъ о томъ пишетъ царю пострадавшій. Какъ бы то ни было, въ 1561 году мы узнаемъ въ командирѣ именно ногайскихъ вспомогательныхъ отрядовъ нашего дьяка Ивана Григорьевича. Итакъ царскій дьякъ снова на войнѣ...

Не въ этой ли, издаваемой нами кольчугѣ, былъ Выродковъ, когда отправлялся воеводой въ Торопецъ вмѣстѣ съ ногайскими людьми въ 1561, а затѣмъ въ 1562 году въ походъ на Полоцкъ съ царемъ въ качествѣ начальника «посохи», т.-е. во главѣ ратниковъ, набранныхъ въ селахъ и деревняхъ Московскаго государства на временную государеву службу подъ Полоцкъ¹⁾. Такихъ воиновъ въ этомъ походѣ было около 5900 чел. При этомъ Выродковъ, какъ и подъ Казанью, былъ у «наряда». Очевидно, замѣчаніе кн. Щербатова о специальныхъ знаніяхъ дьякомъ осаднаго дѣла вполне справедливо. Въ декабрѣ 1562 года Выродковъ выступилъ въ походъ, а 15 февраля 1563 года Полоцкъ былъ взятъ Грознымъ.

Неизвѣстно, когда вернулся дьякъ съ войны, но изъ одной записи въ книгахъ Троицкой Лавры видно, что въ 1565 году Иванъ Григорьевичъ былъ, вѣроятно, въ Москвѣ, когда сдѣлалъ довольно значительный вкладъ въ обитель преп. Сергія. Въ писцовой книгѣ 1593 года, хранящейся въ Лаврѣ подъ № 609, упоминается по Дмитровскому уѣзду «пустошь, что была полдеревни Борисовки, а Новинки тожь, а другая половина той деревни Ивана Выродкова... пустошь, что была село Думино: пашни худей земли лѣсомъ заросло 123 чети въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 150 копенъ, лѣсу пашеннаго 5 десятинь, а въ цустѣ 12 вытей съ третью. Да къ селу жъ Думину приписано по даной грамотѣ деревня Дехтерево селищи и та деревня заросла лѣсомъ большимъ и окладъ ей четвертной пашнѣ вѣвѣдомъ. А въ даной грамотѣ 7073 года написано: далъ въ домъ къ Живоначальной Троицѣ

¹⁾ Новиковъ, Др. Рос. Вивл., т. XIII.

то село Думино да деревню Дехтереву съ сетище Иванъ Григорьевъ сынъ Выродковъ»¹⁾).

Намъ нѣведома причина, побудившая дьяка сдѣлать въ 1565 г. вкладъ въ Лавру, но можно предположить, что обстоятельства къ этому году стали складываться для дьяка угрожающе. Этотъ роковой годъ, повлекшій за собой полную перемѣну въ составѣ Московскаго правительства, долженъ былъ неминуемо сказаться и на судьбѣ нашего дьяка. Если припомнимъ, что царь съ 1547 года по 1560 былъ окруженъ людьми партіи Сильвестра и Адашева, то можемъ быть увѣрены, что и дьякъ Выродковъ принадлежалъ къ той же политической группѣ, такъ какъ его наиболѣе блестящая дѣятельность относится именно къ 1547—1561 годамъ. Его совмѣстная работа съ Адашевыми извѣстна, а на близость дьяка къ этой фамиліи намекаетъ и то сосѣдство, какое подмѣчается къ упоминаніи писцовой книги о земельныхъ угодіяхъ Выродкова и Θεодора Григорьевича Адашева.

Къ 1561 году умираетъ въ Ливоніи Адашевъ, въ 1566 году кончаетъ свою жизнь въ опалѣ Сильвестръ, и, наконецъ, 1565 годъ, годъ учрежденія опричины. Этотъ же годъ послѣдній, когда упоминается Выродковъ. Въ этомъ году мы еще встрѣчаемъ грамоты къ царю отъ Выродкова, при чемъ можно предположить, что онѣ были посланы изъ Литвы, вѣроятно, по слѣдующему поводу: По просьбѣ польской королевской рады Іоаннъ IV приостановилъ военныя дѣйствія до августа 1563 года. Въ то же время Димитрій Вишневецкій перешелъ на сторону Польши, покинувъ службу Грозному. Это послѣднее обстоятельство было весьма неприятно для Москвы, потерявшей хорошаго союзника. Судя по наименованію дѣлъ Царскаго Архива въ ящикѣ № 181 можно считать нашу мысль правильной. Тамъ, какъ уже знаемъ, хранились грамоты по литовскимъ дѣламъ. Отмѣтимъ кстати, что среди документовъ было еще и дѣло объ опалѣ великой княгини Елены Волошенки. Любопытно, что мы еще разъ встрѣтимъ рядомъ эти имена — Выродкова и княгини Елены, при чемъ не будетъ никакого сомнѣнія въ участи, постигшей дьяка Ивана Григорьевича.

Въ 1583 году царь Грозный посылаетъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь 2200 рублей, приказывая въ субботу сыропустую панихиду пѣть соборомъ «по опальныхъ, избіенныхъ, потопленныхъ и сожженныхъ съ жены ихъ, и со чады и домоладцы»²⁾. И здѣсь то, на ряду съ именами княгини Волошенки, князей Старицкихъ и другихъ читаемъ знакомую фамилію Выродковыхъ, съ перечисленіемъ именъ сына и сродниковъ царскаго дьяка и его самого: «Василія, Нагая, Никиту Марію, Алексѣя дву человекъ да жену Θεодору. Иванна. Димитрія. Иванна. Петра Веригу. Гавріила. Θεодора, да дву женъ», монотонно перечисляетъ синодикъ. Это и есть, вѣроятно, послѣднее упоминаніе о славномъ дьякѣ и его ближнихъ, погибшихъ, какъ замѣчаетъ Устряловъ, за свое родство съ опальнымъ дьякомъ. Первое имя Іоанна принадлежитъ, вѣроятно, самому несчастному дьяку, а второе — его родственнику, тому, возможно, Ивану Аванасьевичу Выродкову, который

¹⁾ Писц. кн., изд. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. I.

²⁾ Соч. Курбскаго, изд. Устрялова.

въ 1563 году ручался вмѣстѣ съ другими за князя Воротынскаго, подозрѣваемого въ намѣреніи бѣжать на Литву¹⁾. Замѣтимъ кстати, что въ 1594 году упоминается еще одинъ Выродковъ, — Архипъ Сидоровичъ, мелкій землевладѣлецъ, относительно котораго неизвѣстно, былъ ли онъ дворяниномъ или сыномъ боярскимъ. Возможно, что онъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ и перешедшихъ въ прежнее состояніе сродниковъ дьяка²⁾.

Такова краткая, но, къ счастью, сохраненная для насъ сѣдою стариною, въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ, повѣсть о жизни и дѣятельности соратника князя Курбскаго и сотрудника самого Грознаго. Приходится лишь пожалѣть, что намъ невѣдомо въ точности, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ погибъ Выродковъ. Это, конечно, было бы весьма желательно знать для полноты свѣдѣній о жизни интереснаго человѣка XVI столѣтія.

Въ заключеніе намъ остается рѣшить еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ кольчуга дьяка попала въ Оршу. Здѣсь, кажется, не будетъ большой натяжкой сдѣлать предположеніе, не участвовалъ ли Выродковъ послѣ взятія Полоцка въ несчастномъ для русскихъ бою подъ Оршею, на рѣкѣ Улѣ, когда Литовскій гетманъ Радзивиллъ разбилъ наголову князя Петра Ивановича Шуйскаго, при чемъ послѣдній вмѣстѣ съ другими воеводами лишился жизни, а весь обозъ достался побѣдителю. Въ числѣ захваченной добычи легко могла оказаться и кольчуга дьяка Выродкова, бывшая, вѣроятно, какъ по крайней мѣрѣ извѣстно о другихъ доспѣхахъ, въ то время въ обозѣ, на саняхъ и приобрѣтенная кѣмъ-либо изъ враговъ, доставившимъ ее въ Оршу. Здѣсь она могла быть передана въ храмъ или костелъ въ качествѣ трофея.

Отмѣтимъ попутно, что кольчуга знаменитаго современника Выродкова князя П. И. Шуйскаго хранится въ Оружейной Палатѣ; на мѣдной заповѣ этого доспѣха имѣется надпись: Кнзѣ Петровъ Ивановичѣ Шуйскова. Кольца княжеской кольчуги большія, правленныя «на гвоздь». Всѣ и размѣры кольчуги сходны почти точно съ размѣрами и вѣсомъ кольчуги Выродкова³⁾.

Итакъ, мы имѣемъ въ Виленскомъ Музеѣ кольчугу русской работы XVI вѣка, когда, по замѣчанію С. М. Соловьева, на Москвѣ бывали столь искусные мастера, что ихъ произведенія отправлялись на продажу въ Литву, и кольчуга эта несомнѣнно принадлежитъ царскому дьяку Ивану Григорьевичу Выродкову, достойному сподвижнику царя Ивана Васильевича въ лучшую пору его царствованія.

П. Рыковъ.

¹⁾ С. Г. Гр. и Дог., ч. I., № 179.

²⁾ Писц. кн., изд. Имп. Рус. Геогр. О-мъ, ч. I, стран. 170.

³⁾ Опись Оружейной Палаты, ч. III, стран. 55, № 4466.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ РОССИИ ВЪ XVIII В. „ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ НАУКИ“

и

ГРАФЪ Ф. САНТИ.

Въ числѣ наукъ, входящихъ въ составъ исторической археологіи, очень рано появляется на Западѣ Европы такъ называемая геральдика. Какъ это доказываетъ авторомъ новѣйшаго изслѣдованія по указанной наукѣ Ю. В. Арсеньевымъ, «гербы стали особенно распространяться въ З. Европѣ въ теченіе XII и XIII вѣка», при чемъ, по мнѣнію почтеннаго автора, «въ этомъ ясно сказалось вліяніе крестовыхъ походовъ»¹⁾. У насъ, наоборотъ, «геральдическая наука» является поздно и, какъ многое другое, впервые насаждается оффициально и отъ велѣній верховной власти получаетъ то или иное направленіе и развитіе. Въ одномъ изъ пунктовъ знаменитой «Табели о рангахъ» 24 января 1722 г., мы читаемъ, что, несмотря на то, что «никому, кромѣ Насъ (т.-е. Государя) и другихъ коронованныхъ главъ принадлежитъ кого въ дворянское достоинство гербомъ и печатью пожаловать и насупротивъ того многократно оказалось, что нѣкоторые себя дворянами сами называли, а подлинно несутъ дворяне, иные-же своевольно гербы приняли, котораго предки ихъ не имѣли, ниже отъ предковъ Нашихъ, или отъ иностранныхъ коронованныхъ главъ, имъ данъ и при томъ смѣлость приемятъ иногда такой гербъ изобразить, который владѣющіе государи и иногда знатнѣйшіе фамиліи дѣйствительно имѣютъ: того ради Мы тѣмъ, до которыхъ сіе касается, черезъ сіе милостиво напоминаемъ, чтобъ каждый отъ такого непристойнаго поступка и отъ того воспослѣдующаго безчестья и штрафованія впредь остерегался. Каждому объявляется, что для сего дѣла опредѣлили мы герольдмейстера: и такъ надлежитъ всѣмъ до того дѣла къ нему приходитъ и доношенія подавать и рѣшенія требовать...»²⁾ Изъ этой цитаты видно, что, въ данномъ случаѣ (какъ нерѣдко и въ другихъ), жизнь шла впереди закона и послѣднему приходилось лишь оформливать и давать свою санкцію общественному явленію, такъ или иначе сказывавшемуся уже въ жизни. Сближеніе съ Западомъ Европы, начавшееся обозначаться ясно уже со 2-й половины XVII вѣка, не могло не отразиться прежде всего на воспріятіи внѣшнихъ формъ его культуры. Высшій служилый классъ (шляхетство — по терминологіи первой половины XVIII столѣтія), конечно, былъ наиболѣе чуткимъ проводникомъ этого сближенія, что и дало, между прочимъ,

¹⁾ «Геральдика» (М., 1908 г.), стр. 19 и сл.

²⁾ Полное Собр. Законовъ Р. Имперіи, т. VI, № 3890, пунктъ 16.

поводъ къ перенесенію имъ къ намъ давняго западно-европейскаго обычая — составленія гербовъ дворянскимъ родамъ. Обиліе «выѣзжихъ» дворянскихъ фамилій, желавшихъ и въ ихъ новомъ отечествѣ пользоваться старыми привиллегіями, а въ томъ числѣ и гербами, должно было сильно повліять уже въ XVII вѣкѣ на утвержденіе этого обычая, какъ явнаго, нагляднаго знака благородства данныхъ родовъ¹⁾. Государство, — вообще въ началѣ XVIII вѣка энергично принявшееся за организацію службы какъ стараго, такъ и новаго (неродовитаго) дворянства, — не могло пройти мимо этого обычая, проникавшаго къ намъ съ Запада Европы, первоначально черезъ Польшу, и не могло пройти не только по той причинѣ, которая указана въ «Табели о рангахъ» (въ вышеприведенномъ пунктѣ), но и потому, что правила многовѣковой науки о гербахъ, или геральдики, отличались сложностью и запутанностью и отражали въ себѣ многообразные мотивы западной символики, намъ, въ общемъ, чуждой и весьма отъ насъ далекой. Чтобы разобраться въ этой символикѣ, чтобы избѣжать вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и злоупотребленій, необходимо было самому государству взяться за это дѣло. Поэтому, назначивъ еще 18 января 1722 г. первымъ герольдмейстеромъ Степана Андреевича Колычева, Петръ Великій, — какъ въ указанномъ уже 16-мъ пунктѣ «Табели о рангахъ», такъ и въ данной 5-го февраля инструкціи герольдмейстеру, — не могъ не коснуться и вопроса о гербахъ. Правда, вопросъ этотъ въ указанныхъ актахъ затронуть лишь слегка, практическій геній Петра Великаго не склоненъ былъ слишкомъ углубляться во всю эту символику, почему среди многочисленныхъ обязанностей герольдмейстера²⁾ гербовѣдѣніе играетъ лишь второстепенную роль, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ ставится теперь впервые вполне официально, что даетъ ему возможность въ послѣдующее время окрѣпнуть и развиться. Нашъ очеркъ и имѣетъ въ виду остановиться на первыхъ шагахъ въ Россіи «геральдической науки», коснувшись при этомъ одного изъ ея первыхъ у насъ дѣятелей — графа Фр. Санти.

Что же содержатъ первыя законодательныя опредѣленія XVIII вѣка о гербахъ и обязанностяхъ герольдмейстера? Прежде всего надо сказать, что 16-й пунктъ «Табели о рангахъ», — отмѣтивъ «своевольное» присвоеніе гербовъ, — требуетъ, чтобы желающіе имѣть гербы приходили къ герольдмейстеру и доказывали, что «они, или предки ихъ, отъ какого надданія (дворянство свое и гербы) имѣли, или черезъ предковъ Нашихъ, или Нашею милостію во оную честь приведены». Тому, «кто того подлинно вскорѣ доказать не можетъ», дается полтора года сроку на представленіе доказательствъ, при чемъ непредставленіе доказательствъ по уважительнымъ причинамъ («а объявитъ зачѣмъ», т.-е. почему, «подлинно») вызываетъ переносъ дѣла въ Сенатъ, который, по разсмотрѣніи дѣла, переноситъ

¹⁾ Объ этомъ см. «Русскую геральдику» *А. Лакиера*, кн. II (С.-П. 1855 г.), стр. 335 и сл. О появленіи частныхъ гербовъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ см. у *Ю. В. Арсеньева* «Геральдика», стр. 44 сл., и у *В. Лукомскаго* «О геральдическомъ художествѣ въ Россіи» («Старые годы», 1911 г., февр., стр. 5-35).

²⁾ Подробности объ обязанностяхъ герольдмейстера при Петрѣ Великомъ см. въ моемъ изслѣдованіи: «Пр. Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ». (С.-Пб. 1911 г.), стр. 207—222, или въ «Исторіи Пр. Сената за двѣсти лѣтъ» (С.-Пб., 1911 г.), т. I, стр. 249—264.

его, въ свою очередь, со всеподданнѣйшимъ докладомъ, государю. Тотъ же порядокъ соблюдается при прошеніяхъ кого-либо о дачѣ «гербовъ по заслугамъ, въ случаѣ полученія оберъ-офицерства, будь то русскій, или иноземецъ какъ изъ дворянства, такъ и не изъ дворянства». При этомъ, «которые, хотя въ воинской службѣ и не были, и ничего не заслужили, а могутъ доказать (дворянство) не меньше сталѣтъ, и такимъ гербы давать-же». Иностранцы, обрѣтающіеся на русской службѣ, «имѣютъ, или своими дипломами, или публичными свидѣтельствами отъ правительства ихъ отечества, свое дворянство и гербъ доказать». Затѣмъ, обращаясь къ инструкціи герольдмейстеру отъ 5 февраля 1722 г., въ ея послѣднемъ пятомъ пунктѣ, мы находимъ такое опредѣленіе обязанностей герольдмейстера по отношенію къ гербоводству. Герольдмейстеръ долженъ былъ вписывать въ дворянскіе списки изъ воинскихъ чиновъ тѣхъ, «которые дослужились до оберъ-офицерства не изъ дворянъ», равно какъ и ихъ дѣтей, при чемъ инструкція добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова по вопросу о гербахъ: «а понеже сіе дѣло новаго основанія, того ради надлежитъ ему ко управленію герольдмейстерской должности искать всякаго способа, а именно: какимъ образомъ, или порядкомъ, знатныхъ и прочихъ фамилій въ родословныхъ и прочихъ гербахъ содержаны быть имѣютъ и для того къ тому пристойныя книги другихъ государствъ прискивать и переводить; и что по тому изображено будетъ, о томъ ему, герольдмейстеру, обстоятельно доносить Сенату, а Сенату, разсмотря, докладывать Его Императорскому Величеству (П. С. З., т. VI, № 3896). Вскорѣ уже дѣло о составленіи гербовъ было поставлено на практическую почву, а именно, въ бытность свою въ Прав. Сенатѣ 12 апрѣля того же 1722 г., Петръ Великій повелѣлъ, между прочимъ, «иноземца графа Францышка Салти (Санти) опредѣлить полковникомъ и быть ему у дѣлъ въ товарищахъ у герольдмейстера¹⁾, при чемъ на обязанности этого товарища герольдмейстера лежало составленіе гербовъ. Это неоспоримо доказуется однимъ сообщеніемъ въ Кабинетъ министровъ изъ Пр. Сената отъ 29 октября 1838 г., которое начинается словами: «въ поданномъ въ Сенатъ изъ герольдмейстерской конторы экстрактѣ показано: въ прошломъ-де 1722 г., по именному блаженной вѣчно-достойной памяти Его Имп. Величества Петра Великаго указу, опредѣленъ былъ къ герольдмейстеру въ товарищи иноземецъ, полковникъ гр. Санти, и въ бытность свою въ той конторѣ сочинялъ Россійской имперіи провинціямъ и городамъ, на полковыя знамена и разнымъ фамиліямъ, гербы и былъ въ той конторѣ по июньмѣсяць 727 г., и, за отбытіемъ его отъ той конторы, многимъ провинціямъ и городамъ гербовъ не сочинено, а которые имъ и сочинены и тѣ не опробованы и въ которомъ какая фигура изображена какого ради случая, тому описанія не учинено»²⁾.

¹⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XI, стр. 467, пунктъ 7 й.

²⁾ Сообщеніе это см. въ изданныхъ нами «Бумагахъ Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны» (ibidem, томъ СXXX, стр. 533).

Приведенныя данныя говорятъ, во-первыхъ, за то, что первые опыты насажденія у насъ, на основаніи «геральдической науки» Запада, гербовъ были не вполне удачны, во всякомъ случаѣ — не получили о ф ф и ц і а л ь н а г о признанія, а во-вторыхъ, что эти опыты, — вопреки мнѣнію извѣстнаго автора «Русской геральдики»¹⁾ — начались уже при Петрѣ Великомъ, тотчасъ же по учрежденіи должности товарища герольдмейстера, которымъ былъ назначенъ упомянутый уже выше гр. Санти. Что это такъ, видно изъ того, что, когда гр. Санти въ 1724 г. доложилъ Петру Великому, что ему «въ бытность свою въ службѣ Его Величества однимъ опредѣленнымъ жалованіемъ 1200 руб. содержать себя ему невозможно, отчего (онъ) одоужалъ», государь, не любившій даромъ тратить деньги, но, принявъ, однако, во вниманіе его интенсивную дѣятельность, повелѣлъ получать «ему, Сантию, жалованье, противъ Фика (Фикъ долженъ былъ получить, по капитуляціи, «800 червонныхъ спеціевъ»²⁾), и дать (ему) домъ на квартиру и для отправленія герольдическаго художества»; при чемъ, если «кому изъ партикулярныхъ новый гербъ дается, тотъ бы обязанъ былъ дать ему (Санти) два рубля на краску и прочія къ тому гербу потребности»³⁾. Такимъ образомъ, «главная дѣятельность» гр. Санти относится еще къ царствованію Петра Великаго, продолжается въ царствованіе Екатерины I и заканчивается весьма печально въ половинѣ 1727 г. Въ виду того, что первые шаги «герольдическаго художества» у насъ тѣсно связаны съ личностью гр. Санти, необходимо остановиться на важнѣйшихъ данныхъ его біографіи⁴⁾.

Графъ Францъ Санти родился въ Пьемонтѣ въ 1683 г., учился въ Парижѣ, гдѣ изучалъ исторію и науки, близкія къ генеалогіи, затѣмъ служилъ у ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, отъ котораго перешелъ на службу въ Россію, гдѣ, 12 апрѣля 1722 г., по докладу графа Брюса, былъ назначенъ товарищемъ герольдмейстера, а затѣмъ, уже въ царствованіе Екатерины I — оберъ-церемоніймейстеромъ, при чемъ продолжалъ составленіе гербовъ, какъ городамъ, такъ и частнымъ лицамъ. Мы уже указывали, что первые были «не опробованы», за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями (напр., гербъ С.-Петербурга). Немало было у гр. Санти хлопотъ и съ гербами частныхъ лицъ. Такъ, напр., 18 января 1727 г. Верховный Тайный Совѣтъ разсматривалъ челобитную лифляндскихъ фазаловъ — капитана Іоанна Кристова Гацера съ товарищами и при томъ «копіи съ данныхъ имъ двухъ дипломовъ при шведскомъ владѣніи на данныя имъ шляхетства и гербовъ и что оные просятъ, чтобъ помянутыми гербами дѣйствительно они пользовались, при томъ же упоминаютъ, что оберъ-

¹⁾ Именно, у *Лакіера* читаемъ: «въ царствованіе императрицы Екатерины I въ главѣ занятій по герольдіи видимъ челоуѣка, сколько можно судить по оставшимся отъ того времени слѣдамъ, въ дѣлѣ этомъ свѣдущаго и потому пользовавшагося особыми отличіями и преимуществами, графа Сантия (де-Санти). Онъ былъ опредѣленъ въ герольдію въ 1724 г., для отправленія геральдическаго художества», но главная его дѣятельность относится къ позднѣйшему времени («Русская геральдика», кн. II, стр. 357).

²⁾ Сборн. Имп. Ист. Р. Общ., т. LVI, стр. 16; указанная сумма равнялась 1600 руб. на наши деньги.

³⁾ П. С. Зак., т. VII, № 4831.

⁴⁾ Довольно подробная его біографія помѣщена въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», томъ «Сабанъевъ-Смысловъ» (С.-Пб. 1904 г.), стр. 197 и сл.

церемоніймейстеръ графъ Сантій даетъ имъ тѣ гербы съ убавкою противъ того, какъ имъ даны при шведскомъ владѣніи. Разсуждено гр. Сантію призвать въ В. Т. Совѣтъ и спросить, для чего онъ такіе гербы даетъ имъ не противъ тѣхъ, каковы имъ даны во время шведскаго владѣнія». (Сбор. Имп. Р. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 43 и сл.). Или, напр., въ апрѣлѣ 1726 г., Сенатъ вошелъ въ В. Т. Совѣтъ съ доношеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что въ разныхъ городахъ Лифляндской губ. употребляются шведскія, одинаковыя для всѣхъ городовъ, печати, отчего происходятъ «конфузіи». В. Т. Совѣтъ, возвративъ это доношеніе Сенату, потребовалъ отъ него справокъ, какія печати были при шведскомъ владѣніи, какія употреблялись послѣ завоеванія, и какія слѣдовало-бы употреблять нынѣ, по мнѣнію Сената. Когда въ апрѣлѣ 1728 г., т. е. черезъ 2 года послѣ этого указа, Сенатъ доставилъ, наконецъ, Совѣту нужныя справки, послѣдній повелѣлъ замѣнить на печатяхъ изображеніе шведскаго герба и «написаніе королевскаго имени» російскимъ гербомъ, «съ написаніемъ имени императорскаго величества» (ibid., томъ LXXXIV, стр. 651), сдѣлавъ при томъ различныя печати. Изъ одного архивнаго документа узнаемъ, что еще 8 апрѣля 1725 г., по именному указу, состоявшемуся въ Сенатѣ, повелѣно было лифляндцу ф. Дитмару и его 12 товарищамъ дать шляхетство и «на оное обычайныя дипломы, какъ при владѣніи шведскомъ давались и гербы, освидѣтельствовавъ герольдмейстеру, въ тѣ дипломы внести». Гр. Санти, согласно этому указу, гербы лифляндцевъ разсматривалъ и нарисовалъ новыя, «противъ прежнихъ съ отмѣною,—представивъ въ своемъ мнѣніи Сенату, въ пользу этой отмѣны «нѣкоторые резоны». А именно, онъ указывалъ, что лифляндскіе гербы сочинены «противно герольдическимъ правиламъ». Лифляндцы, однако, просили оставить имъ прежнюю форму гербовъ. Сенатъ, повидимому, этимъ споромъ былъ поставленъ въ нѣкоторое затрудненіе и, чтобы выйти изъ него, рѣшилъ отправить, какъ новую, такъ и прежнюю форму гербовъ въ Академію Наукъ, гдѣ былъ тогда профессоромъ д-ръ Бекенштейнъ, обучавшій студентовъ «герольдической наукѣ». Сенатъ потребовалъ 8 декабря 1727 г., т. е. послѣ удаленія гр. Санти отъ должности, отъ него мнѣнія о спорныхъ гербахъ, чтобы все дѣло подать затѣмъ, при доношеніи, въ В. Т. Совѣтъ, «по обстоятельствамъ разностей формы»¹⁾. Изъ цѣлаго ряда данныхъ надо вообще вывести то заключеніе, что составленіе гербовъ городамъ и частнымъ лицамъ доставляло немало затрудненій и гр. Сантію, и Сенату, заставляя послѣдняго, послѣ Петра Великаго, входить за разъясненіемъ недоразумѣній то въ Академію Наукъ, то въ В. Т. Совѣтъ, а Совѣтъ принужденъ былъ вызывать для объясненій гр. Санти, въ виду невозможности самому судить о «герольдическихъ заслугахъ». Интересно, что и Академія Наукъ оказывалась иногда въ затруднительномъ положеніи. Такъ, изъ сообщенія Пр. Сената Кабинету министровъ отъ 29 октября 1738 г. узнаемъ, что «послѣ него же, Сантія, осталась книга печатная

¹⁾ См. мое изслѣдованіе «Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета», ч. I (Юрьевъ, 1895 г.), стр. 299 и сл. Указанному выше проф. Бекенштейну принадлежитъ изданная въ 1731 г. впервые у насъ геральдика (по-нѣмецки). См. у В. Лукомскаго, ibid., стр. 31, прим. 28.

регуловъ герольдическихъ на французскомъ языкѣ, которая для перевода на російскій языкъ была отослана (Сенатомъ) въ Академію Наукъ, а доношеніемъ въ Сенатъ Академія объявляетъ: за безмѣрною-де обширностью матеріи, также для незнанія переводчиковъ сей науки, оной перевести невозможно». Академія такимъ образомъ не могла притти въ данномъ случаѣ на помощь Пр. Сенату. А между тѣмъ послѣ удаленія гр. Санти отъ должности, дѣло составленія гербовъ находилось, по утвержденію Сената, въ довольно плачевномъ состояніи. Такъ, Сенатъ сообщаетъ Совѣту слѣдующее: «понеже-де многие города своихъ гербовъ не имѣютъ, того ради представляетъ (Сенатъ), на мѣсто бывшаго герольдмейстерскаго товарища графа Сантиа, иноземца Іоанна-Конрада Генигера, который-де въ герольдической наукѣ и въ знаніи чужестранныхъ языковъ, а особливо латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и въ англійскомъ искусенъ, также исторію, географію, политику, генеологию (sic), церемоніаль и рисованіе знаетъ, который могъ бы недостающіе гербы дополнить, фамиліямъ новыя сдѣлать, или старыя въ порядокъ привести и шляхетскую юность сей науки обучить». Кромѣ указаннаго лица, Сенатъ представилъ еще и другого кандидата на мѣсто гр. Санти «для сочиненія гербовъ», а именно нѣкоего Ягана-Готфрида Гейсельмана, который уже «при Оренбургской экспедиціи употребленъ былъ къ учрежденію гербовъ новозаложеннымъ городамъ и полковымъ знаменамъ, также сочинялъ съ старшимъ совѣтникомъ Кирилловымъ генеральную генеологию татарскихъ хановъ изъ древней исторіи и арабской хроники, доколѣ оныя съ древними временами Россіи сличность имѣютъ». Утвержденъ былъ Анною Іоанновною первый изъ названныхъ кандидатовъ¹⁾ и «герольдическая наука», послѣ небольшой заминки, вызванной удаленіемъ ея перваго, на практикѣ, насадителя у насъ въ началѣ XVIII вѣка, вновь получила возможность развиваться. Мы не будемъ касаться ея дальнѣйшихъ шаговъ. Замѣтимъ лишь, что въ 1738 г. Сенатъ приказываетъ «сочиненные гр. Санти гербы хранить въ герольдической конторѣ, пославъ ихъ копіи въ Академію Наукъ»²⁾, чѣмъ свидѣтельствуется извѣстное уваженіе къ его трудамъ, съ одной стороны, а съ другой, дается любителямъ отечественной геральдики возможность обозрѣть характеръ и особенности трудовъ одного изъ ея работниковъ, хотя и иностранца, при первыхъ шагахъ этой науки у насъ, буде гербы эти сохранились, хотя въ копіяхъ, въ Академіи Наукъ.

¹⁾ «Бумаги Кабинета министровъ» и пр. (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. СXXX, стр. 533—535).

²⁾ Указъ Пр. Сената отъ 18 ноября 1737 г. представляетъ данныя, неоспоримо свидѣтельствующія о томъ, что было сдѣлано *гр. Санти*. А именно, изъ него видно, что Пр. Сенатъ, заслушавъ экстрактъ (поданный изъ герольдмейстерской конторы) «объ имѣющихся во оной конторѣ, сочиненныхъ бывшимъ герольдмейстерскимъ товарищемъ гр. Сантиемъ російскимъ городамъ и на полковыя знамена гербахъ о присланныхъ, для сочиненія оныхъ, изъ губерній и провинцій описаніе городамъ, приказали: со оныхъ гербовъ, срисовавъ а со описаній снявъ копіи, отослать въ Академію Наукъ; а которые гербы прежь сего отосланы въ Академію, съ тѣхъ, оставя въ той Академіи копіи, подлинныя отослать для храненія-жъ въ герольдмейстерскую контору» (П. С. З., томъ X, № 7442).

Мы нѣсколько разъ указывали, что въ 1727 г. гр. Санти, долженъ былъ прервать свою дѣятельность по насажденію «герольдической науки» въ Россіи, такъ какъ онъ былъ удаленъ отъ должности и сосланъ въ Сибирь. Хотя обстоятельства этого удаленія не имѣютъ прямого отношенія къ его дѣятельности, но они, однако, заслуживаютъ вниманія, въ виду того трагическаго значенія, какое они имѣли въ жизни этого лица, посильно порабатывшаго въ Россіи надъ геральдикой; кромѣ того, они характерны весьма для сужденія о томъ, какъ расправлялись тогда съ своими политическими противниками сильные люди. Какъ извѣстно, 27 мая 1727 г., былъ объявленъ «манифестъ о винахъ Антона Девіера съ товарищами», обвинявшихся въ намѣреніи лишить престола Петра II и возвести на престолъ герцогиню Голштинскую Анну Петровну (П. С. З., т. VII, № 5084); между участниками заговора былъ извѣстный гр. П. А. Толстой, къ которому былъ близокъ гр. Санти. Этой близости, повидимому, было достаточно врагу гр. Толстого всесильному Меншикову, чтобы безъ слѣдствія и суда сослать гр. Санти въ Сибирь. Офиціальныя данныя удостовѣряютъ, что 3 августа того же года кн. Меншиковъ написалъ Сибирскому губернатору кн. М. В. Долгорукому письмо, въ которомъ было сказано, что «понеже-де оберъ-церемоній-мейстеръ гр. Санти явился въ важномъ дѣлѣ весьма подозрителенъ, того ради Его Имп. Величество указалъ его отправить изъ Москвы въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ дальнюю сибирскую крѣпость и содержать его тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы не ушелъ». Гр. Санти былъ водворенъ въ Якутскѣ, откуда въ 1731 г. былъ переведенъ въ Верхоленскій округъ, гдѣ пробылъ до 1734 г., откуда «былъ», — повидимому, самовольно — «взятъ въ Иркутскъ» бывшимъ тамъ вице-губернаторомъ Сытинымъ. Когда объ этомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ столицѣ, его повелѣно было перевести въ Средній Вилюйскій острогъ, гдѣ онъ долженъ былъ содержаться подъ крѣпкимъ карауломъ, при чемъ приказано «никого къ нему не пускать»; онъ, впрочемъ, не попалъ въ указанный острогъ, а былъ отправленъ въ 1738 г., въ Усть-Вилюйское зимовье. Каково было здѣсь житье, это картинно описано въ донесеніи караульнаго при немъ солдата, поданномъ въ Сибирскій приказъ, а оттуда поступившемъ въ Пр. Сенатъ: «тотъ Сантіи», говоритъ доношеніе, «и караульные, подпрапорщикъ и солдаты, обрѣтаются при томъ зимовьѣ и отъ тамошняго пустыннаго мѣста и отъ недовольнаго къ житію строенія, живутъ съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ, понеже въ томъ зимовьѣ, кромѣ одной юрты, никакого строенія нѣтъ, да и та-де ветхая и безъ печи; и въ зимнее время жить съ великою нуждою и хлѣбовъ печь негдѣ, отчего-де оный подпрапорщикъ и солдаты и съ нимъ, Сантіемъ, безъ печенаго хлѣба претерпѣваютъ великій голодъ и принуждены имѣть себѣ пропитаніе весьма нужное, разводя муку на водѣ, отчего-де солдаты всегда больны и карауль содержать съ нуждою... а въ прочія-де мѣста перевезть его, Сантія, невозможно, понеже мѣста безмѣрно отдаленныя и ко онымъ-де пути, черезъ многіе пустыни, и горы, и болота, много-

трудныя»... Такъ какъ содержаніе гр. Санти въ отдаленной мѣстности оказалось не только очень затруднительнымъ, но и угрожало «немалымъ казеннымъ убыткомъ», то его повелѣно было перевести въ Енисейск¹⁾. Гр. Сантий пробылъ въ ссылкѣ до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, а затѣмъ, по указу 28 августа 1742 г., ему былъ возвращенъ прежній его придворный чинъ оберъ-церемоніймейстера. Такова была превратность судьбы этого пьемонтскаго дворянина, насаждавшаго у насъ «геральдическое художество» въ началѣ XVIII вѣка....

Заканчивая нашъ небольшой очеркъ и отсылая интересующихся вопросомъ о дальнѣйшемъ развитіи у насъ геральдики къ упоминавшейся уже интересной статьѣ В. Лукомскаго «О геральдическомъ художествѣ въ Россіи»²⁾, замѣтимъ въ заключеніе, что наши историки-юристы, вообще удѣляютъ мало вниманія геральдикѣ, какъ и наукѣ. У одного изъ видныхъ представителей исторіи русскаго права Н. П. Загоскина мы находимъ и объясненіе этого явленія. Перечисляя «вспомогательныя для исторіи знанія» — «столь же необходимыя для историка вообще, какъ и для историка права въ частности» — авторъ, разумѣется, указываетъ и на геральдику, но, характеризуя затѣмъ послѣдовательно отдѣльныя отрасли этихъ «вспомогательныхъ знаній» (какъ, напр., архивовѣдѣніе, древности письменности и языка, хронологію и пр.), онъ относительно геральдики говоритъ слѣдующее: «геральдика, или ученіе о гербахъ, большого значенія въ Россіи не имѣетъ, такъ какъ гербы у насъ (за исключеніемъ государственнаго герба, гербовъ нѣкоторыхъ древнихъ городовъ и старинныхъ княжескихъ родовъ) не имѣютъ исторической подкладки, какую имѣютъ они въ Западной Европѣ, будучи тамъ переживаніемъ древняго феодализма и рыцарства, и явились у насъ простымъ подражаніемъ чужимъ странамъ»³⁾. На это утвержденіе можно, какъ намъ кажется, возразить слѣдующее. Удѣльный вѣсь отдѣльныхъ отраслей археологіи (какъ и другихъ, конечно, наукъ) нѣрѣдко стоитъ въ зависимости отъ состоянія нашихъ знаній данной отрасли и мы склонны придавать меньшее значеніе той наукѣ, которая меньше разработана, что и относится, между прочимъ, къ геральдикѣ. Въ указанной нами выше статьѣ В. Лукомскаго, авторъ ея ставитъ, напр., себѣ (при обзорѣ исторіи составленія гербовъ у насъ) задачею установленіе «соотношенія геральдики и искусства» и обѣщаетъ при этомъ дать особое изслѣдованіе о «значеніи геральдики въ искусствѣ и особенно — въ прикладномъ искусствѣ» (ibid., стр. 30, прим. 2), чего, разумѣется, нельзя не привѣтствовать. Если одинъ авторъ коснется мало разработанной и важной темы о значеніи геральдики въ искусствѣ, — освѣживъ свое изслѣдованіе цѣлымъ рядомъ новыхъ архивныхъ данныхъ (какъ это дѣлается указаннымъ авторомъ), — а другой займется внимательнымъ изученіемъ юридической и бытовой исторіи нашихъ гербовъ, рассматривая вопросъ во всей сложной политико-соціальной его обстановкѣ, то, навѣрное, и въ этой области археологіи обнаружится (да и обнаруживается уже и теперь) много такого, что возвыситъ

¹⁾ «Бумаги Кабинета министровъ» (Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., томъ СXXXVIII, стр. 425 и сл. Ср. также ibidem, томъ СXXXIV, стр. 129.

²⁾ «Старые годы», 1911 г., февраль, стр. 5—35.

³⁾ «Исторія права русскаго народа» (Казань, 1899 г.), т. I, стр. 248 и сл., стр. 270 и сл. Курсивъ въ цитатѣ принадлежитъ намъ.

Древности. Т. XXV.

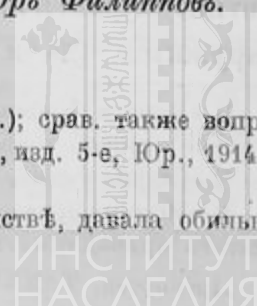
удѣльный вѣсь данной науки. Затѣмъ, соглашаясь, что «гербы на Западѣ Европы были переживаніемъ (или говоря правильнѣе—аттрибутомъ) древняго феодализма и рыцарства», мы, однако, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, что они «у насъ не имѣютъ исторической подкладки и являются простымъ подражаніемъ чужимъ странамъ». Гербы, во-первыхъ, и у насъ имѣютъ за себя почтенную древность, являясь на Москвѣ уже со 2-ой половины XVII вѣка; затѣмъ, во 2-хъ, феодализмъ—явленіе, далеко не чуждое и нашей исторіи, какъ это неразъ указывалось въ русской ученой литературѣ и какъ это съ особенною энергіею въ недавнее время доказывалось молодымъ ученымъ Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ¹⁾. Наша сословная монархія XVIII вѣка перенесла къ намъ многое изъ государственнаго и общественнаго быта З. Европы; она же взяла оттуда и всѣ атрибуты сословности, въ ея даже внѣшнихъ чертахъ. «Историческая подкладка» геральдики имѣется, такимъ образомъ, налицо и у насъ, худо это или хорошо. Но даже, если согласиться съ авторомъ, что гербы являются у насъ «простымъ подражаніемъ чужимъ странамъ», то и въ такомъ случаѣ ихъ изученіе заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ цѣлый рядъ другихъ подражаній, коими такъ богата наша, такъ наз., «европеизація» XVIII—XIX вѣковъ. Какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ не выкинешь изъ исторіи нашей и этихъ подражаній чужимъ странамъ, или придется выкидывать ужъ слишкомъ многое и тѣмъ оголять нашу, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю культуру. Скорѣе, кажется, слѣдуетъ отнестись къ «герольдической наукѣ» у насъ, какъ къ наукѣ о ффициально насажденной (въ силу, впрочемъ, естественной необходимости, какъ на это указывалось выше), а, слѣдовательно, и признать не отсутствіе «исторической подкладки» въ ея основаніи, а своеобразіе ея генезиса, откуда происходитъ и своеобразіе ея дальнѣйшаго въ Россіи развитія. Затѣмъ сама степень ея культивированія въ однѣ эпохи, пренебреженіе къ ней—въ другія, создаетъ этой наукѣ особое положеніе въ средѣ другихъ археологическихъ наукъ, сообщая ей нерѣдко (подобно ея родной сестрѣ—генеалогіи) политическій характеръ²⁾, столь мало, вообще говоря, свойственный остальнымъ отраслямъ археологіи, какъ наукѣ о древностяхъ... Но этотъ характеръ долженъ быть ей чуждъ, какъ и всякой наукѣ и, во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ вліять на установленіе ея значенія среди другихъ археологическихъ наукъ.

Нашъ небольшой очеркъ, не претендуя на полноту, имѣлъ своею цѣлью, во-первыхъ, указать на нѣкоторые исходные пункты, которые обозначались при появленіи у насъ геральдики и которые предопредѣлили ея дальнѣйшее развитіе, а, во-вторыхъ, посмотрѣть на эту науку съ историко-юридической точки зрѣнія, что такъ рѣдко пока еще дѣлается...

Александръ Филипповъ.

¹⁾ «Феодализмъ въ удѣльной Руси» (Сочиненія, томъ III, С.-Пб., 1910 г.); срав. также вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси въ нашемъ «Учебникѣ исторіи русскаго права», изд. 5-е, Юр., 1914 г., стр. 187 и сл., гдѣ указана его литература.

²⁾ «Страсть къ геральдикѣ» въ XVIII вѣкѣ, проявлявшаяся въ дворянствѣ, давала обильную пищу для сатирическихъ журналовъ того времени, напр., «Трутня» и др.

УСТЮЖСКОЕ ИЗВЯЯНІЕ СВЯТОГО ГЕОРГІЯ

МОСКОВСКАГО БОЛЬШОГО УСПЕНСКАГО СОБОРА.

Въ Успенскомъ соборѣ, на южной стѣнѣ Петропавловскаго придѣла, у гроба святителя Θεогноста уже болѣе двухъ столѣтій виситъ каменное рѣзное изображеніе коннаго св. Георгія, поражающаго дракона. Этому грубо изваянному и еще грубѣе раскрашенному рельефу западнаго характера не удѣлено, повидимому, среди многочисленныхъ высокочтимыхъ иконъ собора ореола чудотворности, и описатели московскихъ святынь упоминають о немъ скорѣе какъ объ историческомъ памятникѣ, нежели какъ о чтимой иконѣ.

Въ археологической же нашей литературѣ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія это изображеніе «чуда св. Георгія о зміи», представленное согласно болѣе позднимъ изводамъ сказанія о чудѣ, — т.-е. не какъ чудесное укрощеніе страшнаго змія силою молитвы святого, а какъ удалая схватка рыцаря съ дракономъ, — и воспроизводящее къ тому же западные образцы не ранѣе конца XV-го вѣка, толковалось, да и теперь иногда толкуется, какъ римскій рельефъ IV в. по Р. Х., символически представляющій, якобы, не св. Георгія, а Константина Великаго, который низвергаетъ язычество и освобождаетъ Церковь или Римъ... Столь странное толкованіе вызывало естественно и предположенія о привозѣ рельефа въ Москву Софіею Палеологъ, и рельефъ становился, такимъ образомъ, какъ бы источникомъ изображеній всадника, а затѣмъ св. Георгія, въ Московскомъ гербѣ.

Такое вниманіе, — какъ увидимъ, совсѣмъ незаслуженное, — къ этому рельефу отодвинуло на второй планъ монументальное и древнее, 1464 года, рельефное же изображеніе св. Георгія работы В. Д. Ермолина, которое нѣкогда красовалось на Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротахъ, а теперь скрывается въ Вознесенскомъ монастырѣ подъ множествомъ благочестивыхъ приношеній, оставаясь доселѣ достойнымъ образомъ не изданнымъ и не изученнымъ. Народная вѣра изъ двухъ рельефныхъ изображеній св. Георгія въ Московскомъ кремлѣ сдѣлала, оказывается, выборъ болѣе вѣрный, чѣмъ наша научная литература о Московскихъ древностяхъ.

Uspenskiy Soborъ 2

№ 5. Стр. 281

Рис. 25. Гравюра, приложенная къ статьѣ И. М. Снегирева 1833 года.

I.

Исторія и толкованія рельефа въ Москвѣ.

Въ настоящее время реставраціонныя работы, производящіяся въ Успенскомъ соборѣ, вызвали снятіе рельефа съ его постояннаго мѣста и временный переносъ его въ помѣщеніе Московской Синодальной конторы, гдѣ, благодаря любезности г-на прокурора, Ф. П. Степанова, я и имѣлъ возможность осмотрѣть это изваяніе.

Прекрасная фотографія П. П. Павлова (см. табл. XII), дѣлаетъ излишнимъ подробное описаніе внѣшняго вида рельефа. Грубая раскраска его поверхности возбудила въ реставраціонной Комиссіи вопросъ объ удаленіи ея совершенно, но пробы расчистки обнаружили нѣсколько слоевъ красокъ одинъ на другомъ: ниже мы встрѣтимъ извѣстія о трехъ окраскахъ: въ 1839 г., въ 1742 или 1746 г. и въ 1697 г. Переписанными же оказались и иконописныя изображенія на прямоугольной деревянной рамѣ, въ которую вставленъ каменный рельефъ, прямоугольный снизу и полукруглый сверху. Рельефъ этотъ, около 0,91 м. высоты и 0,6 шириною, вытесанъ

изъ одной плиты бѣлаго, сѣроватаго, пористаго известняка, которая однако лопнула; на оборотной сторонѣ ясно видно какъ трещину, наклонно проходящую отъ одного бока плиты до другого, такъ и породу камня, не дающую никакихъ основаній называть его мраморомъ и тѣмъ болѣе базальтомъ, какъ то дѣлали ранѣе.

На лицевой сторонѣ деревянной рамы, на золотомъ фонѣ ея, написаны поясной деиусъ въ срединѣ вверху, по двѣ фигуры святыхъ въ два яруса по сторонамъ рельефа, а именно: въ верхнемъ ярусѣ святые князья Борисъ и Глѣбъ, а въ нижнемъ Устюжскіе святые Прокопій и Іоаннъ; яснѣе, чѣмъ на издаваемой фототипіи, ихъ можно видѣть на красочной таблицѣ Ѳ. Гр. Солнцева въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» (атласъ, отд. I, № 21); по авторитетному сообщенію намъ П. П. Покрышкина всѣ эти изображенія переписаны; поэтому они представляютъ теперь значеніе лишь историческое, какъ явное свидѣтельство о привозѣ рельефа изъ Великаго Устюга.

Самый рельефъ, представляющій коннаго св. Георгія въ битвѣ съ дракономъ и спасаемую отъ послѣдняго царевну, по содержанію своему совершенно ясенъ и находитъ себѣ, какъ увидимъ ниже, въ главѣ III, много аналогій въ итальянскомъ искусствѣ эпохи Возрожденія; единственною странною, можно сказать даже непонятною, особенностью его является таблица съ латинскою надписью, помѣщенная надъ головою св. Георгія, надъ вершиною дерева, тамъ поднимающагося. Причина появленія ея здѣсь будетъ объяснена въ концѣ нашей статьи, а содержаніе надписи было правильно опредѣлено, какъ копія съ надписи Константиновой арки въ Римѣ, еще въ 1833 г. И. М. Снегиревымъ; правда, здѣсь надпись не вполне соответствуетъ оригиналу: число строкъ здѣсь иное, нѣкоторыя слова переданы невѣрно (см. ниже, на *рисункѣ 27*, точное изображеніе оригинала), но въ общемъ объясненіе, данное Снегиревымъ, совершенно вѣрно; однако непонятное появленіе этой надписи надъ изображеніемъ св. Георгія и было главною причиною построенія Снегиревымъ же вышеупомянутаго, столь невозможнаго, толкованія этого рельефа.

Въ описяхъ Успенскаго собора, начала XVII вѣка и 1627 и 1638 годовъ, каменнаго образа св. Георгія не упоминается; предполагать же его въ какомъ-либо изъ иныхъ упоминаемыхъ образовъ этого святого мы не имѣемъ, конечно, никакихъ прочныхъ основаній. Вопросъ о времени появленія его въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ оставался бы, слѣдовательно, неразрѣшимымъ, если бы не имѣлось положительныхъ данныхъ 1678 года объ отправкѣ въ Москву какой-то «древняго начертанія иконы великомученика и побѣдоносца Георгія, которая стоитъ на Усть-Югѣ въ церкви Бориса и Глѣба, высѣчена на камени, и подписана на имя греческаго великаго царя Константина»¹⁾. Весьма существенно, что въ патріаршей

1) Грамота патріарха Іоакима отъ 15 марта 1678 г. «на Устюгъ-Великій Архангельскаго монастыря, архимандриту Арсенію», изданная Императорскою Археографическою Комиссіею въ XII томѣ «Русской Исторической Библіотеки» (С.-Пб., 1890, столб. 491—492), содержащая приказаніе «свести честно» эту икону «съ добрымъ и искуснымъ священникомъ того же града (т. е. Устюга) соборныя церкви», подана была въ Устюгъ 19 апрѣля 1678 года; такъ что привозъ иконы въ Москву можно предполагать состоявшимся еще въ первой половинѣ 1678 года. Устюжскія извѣстія объ отсылкѣ рельефа мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

грамотѣ о присылкѣ рельефа изъ Устюга въ Москву никакихъ объясненій о причинѣ и цѣли перевозки этой не содержится; грамота начинается словами: «въ нынѣшнемъ въ 186 [т.-е. 1678] году марта въ 12 день вѣдомо намъ святѣйшему патриарху учинилось древняго начертанія о иконѣ» и т. д. [см. выше]; отсутствие упоминанія объ особой славѣ чудотворности этой иконы, быстрота рѣшенія, въ три дня, привезти икону одною патриаршею властью въ Москву и упоминаніе о томъ, что икона носила на себѣ имя Константина Великаго, — все это позволяетъ предполагать, что рельефъ выписанъ былъ въ Москву именно какъ историческая реликвія, т.-е. изъ интереса въ сущности скорѣе археологическаго, нежели чисто-религіознаго; хотя, разумѣется, разъ дѣло шло объ иконѣ, да еще съ именемъ равноапостольнаго царя, то не могло быть забыто и религіозное значеніе выписываемаго предмета, что и выражалось въ предписаніяхъ, «взявъ тое икону съ подобающею честію»... «везти честно». Намъ представляется, что приказъ о перевозѣ въ Москву какой-либо иконы, пользовавшейся на мѣстѣ особымъ почитаніемъ и громкою славою чудотвореній, составленъ былъ бы въ иныхъ выраженіяхъ и съ бѣльшими подробностями.

Косвеннымъ доказательствомъ тому можетъ быть, пожалуй, и то, что въ Москвѣ, повидимому очень скоро, какъ увидимъ ниже, забыли объ Устюжскомъ происхожденіи рельефа: имъ, очевидно, здѣсь мало кто интересовался. Совсѣмъ иное было съ привезеннымъ изъ того же Устюга еще въ 1567 году образомъ Благовѣщенія Божіей Матери, который доселѣ носитъ имя Устюжскаго и, стоя въ томъ же Успенскомъ соборѣ, всегда пользовался общимъ почитаніемъ и извѣстностью, какъ древній русскій чудотворный образъ; если бы и Устюжскій рельефъ, явнаго западнаго характера, вытребованъ былъ въ Москву, какъ образъ чудотворный, и если бы онъ сохранялъ славу эту и здѣсь, то не забылось бы, конечно, и Устюжское его происхожденіе и не замѣнилось бы являющимся въ концѣ XVIII в., очевидно, подъ вліяніемъ латинской надписи, «преданіемъ» о происхожденіи рельефа изъ Рима. Намъ представляется поэтому вѣроятнымъ предположеніе, что рельефъ привезли въ Москву только потому, что онъ былъ «подписанъ на имя греческаго великаго царя Константина». А въ такомъ случаѣ не простою случайностью окажется, быть можетъ, тотъ фактъ, что вскорѣ послѣ того, какъ патриархъ въ половинѣ марта 1678 г. потребовалъ изъ Устюга въ Москву этотъ рельефъ, связывавшійся съ именемъ Константина Великаго, въ томъ же 1678 году въ маѣ въ сѣняхъ Грановитой палаты на стѣнѣ было изображено стѣннымъ письмомъ: видѣніе царя Константина, какъ явился крестъ, написанное для «встрѣчи и вѣзду польскихъ пословъ»¹⁾. Естественно является вопросъ: не стояли ли между собою въ

¹⁾ *И. Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей. Часть I. Москва 1878, стр. 134. О томъ, какъ могло быть изображено это событіе, даетъ представленіе хранящееся въ Оружейной палатѣ знамя времени Алексѣя Михайловича, датированное 9 апрѣля 1664 г. (Опись Оружейной палаты, *Е. Дм. Филимонова*, ч. III, стр. 41-44, № 4070; см. Рисунки одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, т. I, табл. 123), гдѣ надъ изображеніемъ коннаго, стоящаго, какъ статуя, на какомъ-то пьедесталѣ (Мильвійскій мостъ??), царя находится надпись: «Благовѣрный царь Константинъ Константиновичъ показуеъ войску своему

какой-либо связи эти два одновременных случая проявления в Москвѣ вниманія къ памяти царя Константина?

О томъ, какая память объ увезенномъ въ 1678 г. въ Москву рельефѣ св. Георгія осталась въ Устюгѣ Великомъ, рѣчь будетъ ниже, въ главѣ II; теперь же мы переходимъ къ извѣстіямъ о судьбахъ рельефа этого въ Москвѣ.

Патріаршая грамота предписывала тому Устюжскому соборному священнику, который повезетъ икону, «явитца въ нашемъ розрядѣ Чюдова монастыря архимандриту Павлу, да боярину нашему Тимоѣю Петровичю Савелову съ товарищи»; быть можетъ, въ дѣлахъ патріаршаго архива и найдутся еще какія-либо данныя по этому дѣлу. Намъ же, благодаря любезному указанію П. П. Покрышкина, слѣдующее по времени извѣстіе о рельефѣ извѣстно лишь отъ 1697 года, а именно, что «прошлаго 206 г., въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, по указу святѣйшаго патріарха (Іоакима же) живописецъ Иванъ Петровъ сынъ Ареуецкой древній образъ великомученика Георгія рѣзной на камени, который прежь сего стоялъ и нынѣ стоитъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ въ придѣлѣ Дмитрія Селунскаго, по старой рѣзбѣ изъ своего золота и красокъ прописалъ вновь, а отъ того мастерства и за товаръ ему Ивану изъ домовья казны 5 рублей даны¹⁾».

Въ этомъ, ближайшемъ по времени къ появленію рельефа въ Москвѣ, извѣстіи насъ удивляютъ два обстоятельства: съ одной стороны, рельефъ въ этой чисто дѣловой, казначейской, отмѣткѣ опредѣляется какъ «древній образъ», стоявшій до и послѣ

на явившійся на небеси крестъ Господень и гласъ изъ облака глаголющъ: Повѣдай имъ» (вмѣсто «Побѣждай симъ»!), вдали войско, въ небесахъ погрудное изображеніе Христа и русскаго креста.

На другомъ знамени того же царя (ранѣе 1675 г.) въ молитвенной надписи около креста встречаемъ слова: «... како же древле первому христіанскому царю Константину на одоленіе воинства Максентіева» (Опись Оруж. палаты, ч. III, стр. 45 № 4071).

На саадакѣ большого наряда 1656 года, въ греческой надписи вокругъ герба, приводимой въ описи (ч. IV, стр. 323-324, № 6339), къ сожалѣнію, лишь въ русскомъ переводѣ, между прочимъ говорится: «даруй побѣду и какъ нѣкогда царь Константинъ, такъ и нынѣ князь Алексій, да возвратится со славою побѣдоносца».

Патріархи, Московскій Никонъ и Антиохійскій Макарій, при напутствіи и встрѣчѣ царя въ это именно время Литовскаго похода Алексѣя Михайловича сравнивали его также съ Константиномъ Великимъ (Путешествіе Макарія въ Россію... Переводъ Муркоса вып. III, стр. 142 и 145, вып. IV, стр. 96).

¹⁾ Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Московскихъ церквей, собранные изъ дѣлъ прежде бывшихъ патріаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забллина. Москва, 1884, 4^о, стр. 49, № 170.

«Польскія породы иноземецъ» Иванъ Арефусицкій «приведенъ къ истинному обѣщанію» въ соборѣ Рождества Пресв. Богородицы, что на Сѣняхъ, и сталъ иконописцемъ Оружейной палаты (см. А. И. Успенскій, Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка. Словарь. Москва, 1910. [Записки Московскаго Археологическаго Института. Томъ II], стр. 17, гдѣ однако это свидѣтельство о работѣ Ареуусицкаго въ 1697 г. пропущено, равно какъ и нижеслѣдующія данныя о немъ же).

Въ 1686 г. Іоаннъ Реуустскій, — конечно надо читать Реуустскій, — писалъ вмѣстѣ съ другими мастерами мѣстный образъ сѣдящаго Спасителя для собора Суздальскаго Покровскаго монастыря (Д. А. Равинскій, Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка. Зап. Имп. Археол. Общ. VIII. С.-Пб., 1856, стр. 153, = Д. А. Равинскій, Обзорніе иконописанія въ Россіи. С.-Пб. 1902, стр. 54, 142 и 158).

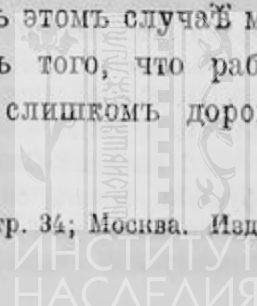
Въ I выпускѣ Словаря Русскихъ Художниковъ Н. Л. Собко, С.-Пб., 1893, стр. 231, при фамиліи «Арефусскій, Иванъ, живописецъ XVII—XVIII в.» сдѣлана ссылка на написаніе «Реуустскій», но изданіе не дошло до буквы Р.

Ржевускій — была, очевидно, настоящая фамилія живописца.

раскраски его, — для которой онъ былъ, слѣдовательно, выносимъ изъ собора, — въ Димитріевскомъ придѣлѣ, но ни о привозѣ его изъ Устюга, ни объ имени Константина Великаго не упоминается; а съ другой стороны, рѣчь идетъ только о прописаніи его вновь «по старой рѣзбѣ», о поновленіи же иконописныхъ изображеній на деревянной рамѣ и, какъ увидимъ ниже, на кіотѣ, въ который она была тогда вставлена, нѣтъ ни слова. Изъ перваго обстоятельства мы узнаемъ, что рельефъ не сразу по привозѣ его въ Москву попалъ на нынѣшнее его мѣсто, а что ранѣе помѣщеніемъ ему избранъ былъ другой, противолежащій Петропавловскому, крайній съ Юга, придѣлъ св. Димитрія Солунскаго, основаніемъ чему могла быть какъ славная память побѣдителя татаръ, основавшаго придѣлъ этотъ въ честь своего ангела, такъ, что кажется намъ вѣроятнѣе, и находженіе въ этомъ придѣлѣ гробницы кн. Георгія Даниловича, надъ которою вполне уместно было повѣсить вновь привезенное изображеніе св. Георгія. Отсутствие упоминанія именъ Устюга и Константина, какъ обстоятельство отрицательнаго характера, не даетъ, разумѣется, достаточно надежныхъ основаній, чтобы настаивать на весьма возможныхъ сами по себѣ предположеніяхъ, что въ 1697 году, т.-е. менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ послѣ привоза рельефа, успѣли уже забыть, откуда онъ привезенъ, и перестали вѣрить въ былую принадлежность его императору Константину. Если второе еще было бы возможно послѣ чьихъ-либо компетентныхъ и убѣдительныхъ разъясненій, то первое допустимо лишь въ томъ случаѣ, если рельефъ стоялъ болѣе или менѣе въ забвеніи, если отсутствіе вниманія къ нему со стороны богомольцевъ не возбуждало интереса и младшаго духовенства; но патріархъ, который его выписалъ изъ Устюга, не могъ, вѣроятно, о томъ позабыть.

Также отрицательный характеръ носить и второе обстоятельство: обозначеніе указанной патріархомъ работы Арѣуситскаго (Рееусицкаго или, можетъ быть, Ржевускаго, какова бы ни была его настоящая фамилія), какъ раскраска «по старой рѣзбѣ вновь», не достаточно точно опредѣляетъ объемъ работы и вовсе не указываетъ цѣли ея. Изъ этого опредѣленія съ несомнѣнностью слѣдуетъ лишь, что въ 1697 году раскрашенъ, позолоченъ и посеребренъ былъ самый каменный рельефъ, но какъ понимать «вновь»? Намъ кажется, что здѣсь имѣется въ виду не поновленіе и ранѣе уже крашеннаго рельефа, а именно окраска его вновь по открытой дотолѣ сѣрой или бѣлой поверхности камня. Въ этомъ случаѣ нужно будетъ согласиться и съ объясненіемъ И. М. Снегирева, что рельефъ «росписанъ красками, вѣроятно, для того, чтобы онъ подходилъ ближе къ иконѣ»¹⁾. Совершенно умалчиваетъ извѣстіе 1697 года о томъ, расписывался ли или поновлялся ли тогда и деревянный окладъ рельефа, т.-е. сохранившаяся доселѣ рама его и тотъ складень, въ который она была тогда, какъ увидимъ ниже, вставлена. Въ этомъ случаѣ молчаніе документа мы предпочитали бы считать доказательствомъ того, что работа ограничивалась раскраской самого рельефа, — если только не слишкомъ дорогою

¹⁾ Древности Россійскаго Государства. Отдѣленіе I. Москва. 1849, 4^о, стр. 34; Москва. Изданіе А. Мартынова. Томъ II, 1873, стр. 153.

окажется при этомъ предположеніи плата въ 5 рублей за матеріаль и работу, — изготовленіе и роспись деревяннаго кіота вѣроятноже относить ко времени отправки рельефа изъ Устюга въ Москву и черезъ двадцать лѣтъ едва ли могла уже оказаться нужда въ поновленіи кіота.

Подробности объ этомъ кіотѣ намъ даетъ опись Успенскаго собора 1701 года, въ которой при описаніи Петропавловскаго уже придѣла объ интересующемъ насъ рельефѣ сказано: «на гробѣ [Феоноста митрополита] кивоть деревянной съ затворы, а въ кіотѣ образъ великомученника Георгія, вырѣзанъ на камени, а на поляхъ на верхнемъ полѣ написано образъ Спасовъ, Богородичень, Предтечевъ, по сторонамъ на поляхъ образы Бориса и Глѣба, да Прокопія и Іоанна Устюжскихъ, а на затворахъ написаны образы царя Константина да мученика Феодора Стратилата, кіотъ и затворы съ лица оклеены кожею»¹⁾.

Такимъ образомъ, въ 1701 году весь рельефъ представлялъ иной видъ, нежели нынѣ: это была не одна деревянная расписная снаружи рама со вставленною въ нее каменной плитой, а цѣлый складень большихъ размѣровъ, въ которомъ рама съ рельефомъ составляла лишь средину, т.-е. была вставлена въ другую, большую раму кіота съ двумя створками; что эти створки не были прикрѣплены непосредственно къ теперешней рамѣ, на то указываетъ отсутствіе на боковыхъ граняхъ ея вырѣзовъ или иныхъ какихъ-либо слѣдовъ отъ шарнеровъ. Деревянные створки съ одной стороны носили крупныя изображенія св. равноапостольнаго Константина и св. Феодора Стратилата, а съ другой стороны онѣ, какъ и самъ кіотъ, обтянуты были кожею. Последнее съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что весь этотъ складень съ тяжелымъ каменнымъ рельефомъ внутри или былъ, несмотря на явную его для того непригодность, образомъ походнымъ или же, что гораздо вѣроятнѣе, что его приходилось, хотя бы однажды, везти въ далекій путь, ради чего этотъ неудобопереносимый рельефъ и обдѣляли въ форму походнаго складня.

Сохранившіяся понынѣ, хотя и переписанными, изображенія на деревянной рамѣ двухъ наиболѣе славныхъ Устюжскихъ святыхъ Іоанна и Прокопія ясно указываютъ на отправной пунктъ этого пути, изображенія тамъ же свв. Бориса и Глѣба опредѣляютъ ту Устюжскую церковь, откуда согласно патріаршей грамотѣ 1678 г. рельефъ св. Георгія былъ взятъ, а исчезнувшія вмѣстѣ съ кіотомъ изображенія на створкахъ представляли предполагаемаго создателя образа, который былъ, какъ мы видѣли, «подписанъ на имя греческаго великаго царя Константина» и святаго патрона того Московскаго царя, при державѣ котораго образъ вытребованъ былъ въ Москву²⁾.

¹⁾ Русская Историческая Библіотека, издаваемая Археографическою Комиссіею. Томъ III. С.-Пб. 1876, ст. 846.

²⁾ Царь Феодоръ Алексѣевичъ праздновалъ день своего ангела 8-го іюня на память св. Феодора Стратилата (*Бергъ*, Царствованіе царя Феодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлцкаго бунта. Часть I. С.-Пб. 1834, стр. 62; Выходы... царей Михаила Феодоровича, Алексія Михайловича и Феодора Алексѣевича... Москва. 1844, стр. 638), какъ и царь Феодоръ Ивановичъ (Записки Отд. Рус. Арх. И. Р. А. О. кн. I, стр. 79, 80; *Хавскій*, Историч. изслѣд. о родословіяхъ. Москва. 1862, стр. 59, — за указанія эти приношу благодарность проф. С. О. Платонову), а Феодоръ Борисовичъ — на св. Феодора Тирона (*А. Дмитріевскій*, Архіепископъ Елассонскій Арсеній. Кіевъ. 1889, стр. 222). Ростовскіе князья, носившіе имена Феодора, Константина, Бориса и Глѣба, всѣ жили ранѣе того времени, конца XV или

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, позволяютъ настаивать на высказанномъ выше предположеніи, что обдѣлка каменнаго рельефа въ деревянный кіотъ, обтянутый снаружи кожей, а внутри украшенный соответственными обстоятельствамъ обдѣлки этой иконописными изображеніями, произведена была, по всему вѣроятію, еще въ самомъ Устюгѣ, въ 1678 году, передъ тѣмъ какъ отправить требуемый патріархомъ рельефъ въ Москву: изготовленіе такого кіота-складня вполне соответствовало и патріаршему приказу «тое икону великомученика Георгія везти честно», и естественному желанію Устюжанъ закрѣпить на ней навѣки память о происхожденіи ея изъ Борисоглѣбской церкви Устюга Великаго, и одинаковому почтенію, какъ къ предполагаемому древнему равноапостольному создателю рельефнаго образа, такъ и къ современному царю, на пресвѣтлыя очи котораго Устюжскій св. Георгій долженъ былъ предстать въ Москвѣ.

Это предположеніе, которое, несмотря на всю его естественность и вѣроятность, все-таки остается лишь нашимъ домысломъ, не нуждалось бы въ точномъ документальномъ доказательствѣ, если бы, какъ мы увидимъ ниже, мѣстныя Устюжскія, хотя и позднѣйшія и менѣе надежныя, данныя о рѣзномъ образѣ св. Георгія, отправленномъ въ Москву, не содержали въ себѣ нѣкоторыхъ неясностей, которыя могутъ дать лицамъ, склоннымъ къ крайнему скепсису, поводы усомниться въ тождествѣ рельефа Успенскаго собора съ рельефомъ Устюжскимъ. Отлагая подробности до разсмотрѣнія этого Устюжскаго свидѣтельства, мы теперь замѣтимъ лишь одно: предполагать смѣшеніе двухъ разнородныхъ рельефныхъ изображеній св. Георгія — невозможно, разъ на единственномъ, реально существующемъ, мы находимъ всѣ вышеупомянутыя иконописныя фигуры, вполне соответствующія привозу изъ Устюга этого именно рельефа; признавая даже возможность того, что всѣ онѣ были написаны не въ Устюгѣ, а уже въ Москвѣ, мы все же не можемъ допустить смѣшенія двухъ каменныхъ рельефовъ: присутствіе Устюжскихъ святыхъ указывало бы на желаніе отмѣтить Устюжское происхожденіе того именно рельефа, который имѣется налицо; написаніе ихъ должно было бы относить самое позднее, — вопреки высказаннымъ выше соображеніямъ за 1678 годъ, — къ 1697 году, т.-е. предполагать смѣшеніе одного рельефа съ другимъ всего лишь черезъ двадцать лѣтъ послѣ привоза перваго и при томъ еще самомъ патріархѣ, который его выписалъ изъ Устюга. Говоря короче, при отсутствіи возможности, при такихъ условіяхъ, нечаяннаго смѣшенія пришлось бы предполагать умышленный подмѣнъ, допускать возможность котораго въ этомъ случаѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Еще черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ рельефъ упоминается снова: «1721 году декабря въ 20 день по словесному приказу синодальныхъ архіепископовъ Новгородскаго Θεодосія, Псковскаго Феофана... образъ Георгія Великомученика, что

начала XVI вѣка, къ каковому принадлежитъ, какъ увидимъ ниже, несомнѣнный оригиналъ Устюжскаго рельефа, и потому сблизать какимъ-либо образомъ изображенія святыхъ на рамахъ и кіотѣ съ ихъ именами было бы очень трудно, такъ какъ послѣ конца XV вѣка связь двинскихъ земель съ Ростовомъ сохранилась лишь въ іерархіи церковной, почему, напримѣръ, и патріаршую грамоту 1678 г. привезъ на Устюгъ «великаго господина преосвященнаго Іоны, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, сынъ боярскій Василей Сумароковъ».

стоялъ на гробѣ Θεогноста митрополита, приказали спрятать въ ризницу, а гробъ покрыть покровомъ, также и посохъ Петра митрополита»¹⁾).

Это распоряженіе, данное предъ праздникомъ Рождества Христова замѣстителями Московскихъ патріарховъ въ бытность въ Москвѣ самого Петра Великаго, проистекало изъ характернаго для начала синодской дѣятельности рационалистическаго «упорядоченія» прежнихъ церковныхъ обычаевъ, которое сказалось въ цѣломъ рядѣ синодскихъ указовъ 1720-хъ годовъ.

Для нашей темы особенно важно опредѣленіе св. Синода 21 мая 1722 года, поражающее грубостью мысли и выраженной и продолжающее дѣйствовать и доселѣ: вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого акта противъ скульптуры: «въ храмахъ многая неисправность, и даже обрѣтается противное Самому Богу, а именно: рѣзныя или истесанныя, издолбленныя, изваянныя иконы, которыя аще и не суть просто противны благочестію, обаче за недостатки искуснаго мастера весьма церковному благолѣпію противны...» «а дерзають истесывати ихъ сами неотесанныя невѣжды и вмѣсто сообразныхъ святыхъ и благообразными лицами образовъ безобразныя, на которыя смотрѣти гадко, болваны и щуды поставляютъ... «принужденъ есть св. Синодъ запретить сіе»²⁾).

Конечно, съ художественной точки зрѣнія Устюжскій рельефъ довольно близко подходилъ къ этой суровой оцѣнкѣ рѣзныхъ образовъ св. Синодомъ, но мы не знаемъ точно, постигло ли гоненіе это Устюжскій образъ только изъ-за этого общаго нерасположенія тогдашнихъ членовъ св. Синода къ рѣзнымъ образамъ вообще, или же они имѣли для удаленія этого рельефа какія-либо и частныя основанія, вродѣ, напримѣръ, явнаго несоотвѣтствія его тому отнесенію его ко временамъ Константина Великаго, которое было причиною появленія рельефа въ Москвѣ: поводомъ къ удаленію ими посоха Петра митрополита было, вѣроятно, то, что онъ былъ «возобновленъ» патр. Іоакимомъ.

Когда рельефъ вернулся изъ ризницы на свое старое, въ сущности второе уже, мѣсто, мы точныхъ извѣстій не знаемъ.

Большой пожаръ 1737 года повредилъ Успенскій соборъ лишь снаружи; коронація императрицы Елизаветы Петровны и естественное при этомъ приведеніе внутренности собора въ чистоту и порядокъ могли быть поводомъ къ водруженію рельефа, совершенно неумѣстно стѣснявшаго собою ризницу, на его прежнемъ мѣстѣ, у гроба митрополита Θεогноста.

¹⁾ Древняя Россійская Вивліоѳика... изданная Николаемъ Новиковымъ. Изданіе второе. Часть X. Москва. 1789, стран. 119: припись въ Уставѣ Московскаго большого Успенскаго собора.

²⁾ См. *Н. И. Петровъ*, О русской религиозной и церковной скульптурѣ (Руководство для сельскихъ пастырей. Журналъ, издаваемый при Кіевской Духовной семинаріи. 1904, стр. 277—278; ср. 446—447, 448). О запретительныхъ распоряженіяхъ св. Синода противъ рѣзныхъ образовъ писалъ еще *И. М. Снегиревъ* на стр. 444—447, VI части Ученыхъ Записокъ Имп. Моск. университета (Годъ II, 1834, №№ V и VI) въ статьѣ своей: «О стилѣ Византійскаго художества, особенно ваянія и живописи, въ отношеніи къ Русскому» (у. с., стр. 272—286, 418—449). См. теперь еще статью *Н. Ю. Соболева*: Рѣзныя изображенія въ Московскихъ церквахъ (Старая Москва. Изданіе Комиссіи при Имп. Моск. Арх. Общ., вып. 2, Москва. 1914, стр. 86—118).

Поэтому, встрѣчая (см. ниже) равно необосновываемыя ссылки на источникъ указанія на 1742 и 1746 годъ, какъ на время новой окраски рельефа, которая предполагаетъ, конечно, и выносъ его изъ ризницы, мы должны предпочесть, пока не будутъ указаны документальныя данныя, первый годъ, какъ болѣе вѣроятный, хотя указанія на него и явились позднѣе, чѣмъ на 1746 годъ.

Въ обширной исторической и иной литературѣ XVIII вѣка найдутся, навѣрное, неоднократныя упоминанія объ интересующемъ насъ рельефѣ Успенскаго собора, но мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, ни времени, ни возможности предпринимать достаточно прилежныя поиски для ихъ разысканія и ограничиваемся пособиями болѣе или менѣе случайными.

Къ концу XVIII в. истинное происхожденіе рельефа было забыто, и вмѣсто того явилось въ очевидной связи съ присутствіемъ на немъ латинской надписи «преданіе» о привозѣ рельефа изъ Рима.

Прот. Ал. Г. Левшинъ въ 1783 г. писалъ: «въ придѣлѣ Петропавловскомъ по правую сторону на стѣнѣ образъ Георгія Великомученика высѣченъ изъ камня высокою работою: привезенъ сей образъ изъ Рима, въ которое жъ лѣто и кѣмъ, того не значить»¹⁾. Последняя оговорка лишаетъ силы категорическое утвержденіе о привозѣ рельефа изъ Рима; можно предполагать, что категоричность эта обусловливалась именно присутствіемъ на рельефѣ латинской надписи и явно западнымъ характеромъ всего рельефа.

Анонимный «Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ» (Москва, 1792 г.) упоминаетъ и образъ «Георгія Великомученика въ придѣлѣ Петропавловскомъ..., высѣченъ изъ камня высокою работою, привезенъ изъ Рима, но которой послѣ въ 1746 году раскрашенъ, и чрезъ то лишился прежней доброты» (ч. I, стр. 3) и, повторяя, такимъ образомъ, Левшина, съ опущеніемъ однако весьма существенной оговорки, прибавляетъ къ нему почерпнутое откуда-то показаніе на окраску рельефа въ 1746 году и собственное, вполнѣ справедливое, порицаніе окраски этой, хотя, какъ мы видѣли выше, испорченъ окраскою рельефъ былъ еще въ 1697 году, а позднѣе продолжали лишь чужую ошибку.

О судьбѣ рельефа въ 1812 году Снегиревъ опредѣленно писалъ, что «разрушительная рука враговъ его пощадила» (Зап. Одесск. Общ. т. II, стр. 479), рельефъ оставался, слѣдовательно, на своемъ мѣстѣ.

Анонимный авторъ трехтомнаго изданія: «Москва или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ Россійскаго Государства», во II части его (Москва, 1827, 8^о, стр. 75, § 4 с) распространяется о рельефѣ въ такихъ выраженіяхъ:

«[Образъ] великомученика Георгія изсѣченъ изъ камня; образъ сей доставленъ изъ Рима и 1746 года раскрашенъ, чѣмъ, по словамъ знатоковъ, хотя онъ и обезображенъ, однако же искусство рѣзца довольно еще примѣтно. По отшибленному

¹⁾ Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма Московскаго большаго Успенскаго собора..., сочиненное протоіереемъ Александромъ Георгіевымъ Левшинымъ. Москва, 1783, 8^о, стр. 25, глава II, § 14.

краешку съ правой стороны можно видѣть и достоинство камня, это, кажется, базальтъ. По верху образа около изображенія святаго, сѣдящаго на конѣ, есть латинская надпись, но трудно разобрать оную. Вотъ что только видно изъ нее: *Caes. Imp. Constan. P. R. Augusto...* Нѣтъ сомнѣнiя, что образъ сей принадлежитъ къ вѣкамъ среднимъ, то-есть когда уже Римъ славился искусствами, но когда именно и по какому случаю привезенъ въ Москву, неизвѣстно. Церковная область весьма съ древнихъ лѣтъ имѣла сношенiе съ отечествомъ нашимъ, папы давно уже имѣли въ виду своемъ присоединенiе Россiи къ латинской вѣрѣ и всевозможными средствами старались достигнуть сей цѣли; часто присылали они пословъ своихъ и, можетъ быть, образъ сей находился въ числѣ подарковъ которому-нибудь изъ Великихъ Князей нашихъ; палеографы наши при разборѣ сей надписи открыли бы, можетъ быть, и время перенесенiя образа сего въ Россiю».

На этотъ призывъ вскорѣ отозвался И. М. Снегиревъ, бывший тогда профессоромъ латинскаго языка въ Московскомъ университетѣ; но еще ранѣе его барельефъ этотъ связали уже съ исторiей женитьбы Ивана III; Снегиревъ въ одной изъ статей своихъ говоритъ, приводя утверженiе Левшина о привозѣ рельефа изъ Рима: «къ этому послѣ того другiе гадательно прибавили «Софiею Ѳоминачною» (Древн. Росс. Госуд. Отд. I, стр. 33). Къ сожалѣнiю, фактическая невозможность ознакомиться въ достаточной степени со всею литературою начала XIX в. о древностяхъ Москвы не позволяетъ намъ назвать по имени того, кого разумѣлъ Снегиревъ, но имена Софiи и Иоанна воспоминались сами собою при чтенiи «Историческаго путеводителя» 1827 года.

Итакъ, И. М. Снегиревъ, въ качествѣ латиниста, взялся за изученiе рельефа Успенскаго собора. Къ величайшему сожалѣнiю та часть дневниковъ его, изъ которой мы могли бы почерпнуть цѣнные свѣдѣнiя о ходѣ этой работы, осталась не изданной¹⁾, и мы имѣемъ лишь окончательный ея результатъ въ видѣ напечатанной въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета» (часть II, Москва, 1833 г., № V, ноябрь, стр. 281—305) статьи: «Объясненiе латинской надписи на древнемъ барельефѣ въ Успенскомъ соборѣ».

Статья эта сопровождается и первымъ, насколько намъ извѣстно (см. рис. 25), небольшимъ и неособенно точнымъ воспроизведенiемъ памятника, безъ деревянной рамы, гравированнымъ въ штрихахъ на мѣди, на таблицѣ предъ стр. 281; въ явное противорѣчiе самому заглавию статьи надпись рельефа передана тутъ особенно неточно: не маюскулами, а минускулами, и безъ соблюденiя строкъ оригинала. Какъ бы то ни было, но И. М. Снегиревъ съ честью выполнилъ главную цѣль

¹⁾ А именно часть, обнимавшая 1826—33 гг., которую «зачиталъ» у А. И. Суворина бывший библиотечаръ Имп. Публ. Библиотеки *Ант. Дом. Ивановскiй* (см. «Русскiй Архивъ», 1902, кн. II, стр. 177).

А. Д. Ивановскiй въ 1871 г. въ началомъ было имъ сборникъ «Старина Русской Земли. Исслѣдованiя и статьи И. Снегирева». Томъ I, книжка I (и послѣдняя). С.-Пб., 1871, 8^о, перепечаталъ изъ «Русск. Архива», 1866 г., ст. 513 сл., 735 сл., «Воспоминанiя» Снегирева съ краткимъ биографическимъ введенiемъ («Старина Русской Земли», стр. 137—204). Имъ же издана книга «Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и дневникъ его воспоминанiй. Биографическiй очеркъ». С.-Пб., 1871, 8^о, 496 стр.

статьи: онъ опредѣлилъ, что латинская надпись надъ изображеніемъ св. Георгія представляетъ собою ни что иное, какъ копію надписи, — точнѣ одной изъ двухъ тождественныхъ надписей, — на триумфальной аркѣ императора Константина Великаго въ Римѣ: правъ былъ, слѣдовательно, въ сущности и тотъ, отъ кого патріархъ Іоакимъ еще въ 1678 году узналъ, что Устюжскій рельефъ «подписанъ на имя греческаго великаго царя Константина»...

Если бы позднѣе самъ Снегиревъ и наша послѣдующая археологическая литература ограничились лишь повтореніемъ этого правильнаго и цѣннаго заключенія работы 1833 года, то мы могли бы не задерживаться на разборѣ прочей, явно не состоятельной части ея, которая явилась результатомъ весьма естественнаго стремленія установить хоть какую-либо разумную связь между изображеніемъ змѣборца Георгія и посвятителной надписью Константиновой арки. Если насъ теперь попытки эти удовлетворить не могутъ, въ томъ нѣтъ, конечно, ничего обиднаго для памяти нашихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе, что представляемое ниже рѣшеніе загадки Московскаго (Устюжскаго — тожъ) рельефа явилось результатомъ не нашихъ размышленій, а простой случайности.

Какъ бываетъ обыкновенно, предположенія, достигнутыя при окончаніи научнаго разсужденія, въ изложеніи этихъ разсужденій отражаются уже въ самомъ его началѣ: назвавъ «барельефъ Св. Великомученика Георгія», Снегиревъ сейчасъ же добавляетъ: «котораго имя впрочемъ не написано и ликъ не ознаменованъ вѣнцемъ» (у. с., стр. 281). Сообщивъ свидѣтельство А. Е. Левшина, «основавагося на старинныхъ описяхъ и преданіяхъ», о привозѣ барельефа въ Москву изъ Рима, онъ находитъ, что латинская надпись «дѣлаетъ сіе свидѣтельство вѣроятнымъ» (стр. 282). Невѣрно опредѣливъ форму рельефа, какъ «усѣченнаго эллипсиса», ни словомъ не упомянувъ о деревянной рамѣ и ея росписи, авторъ сообщаетъ о раскраскѣ самого рельефа въ 1746 году и признаетъ, что «разныя краски скрываютъ достоинство ваанія и препятствуютъ распознать вещество доски, впрочемъ не похожее на мраморъ». слѣдуетъ описаніе композиціи, «представляющей въ себѣ сочетаніе формъ языческаго и хрістіанскаго міра»; воинскіе доспѣхи всадника признаются «болѣе похожими на Етрурскіе и Греческіе, чѣмъ на древнеримскіе» (стр. 282), но наличность шпоръ заставляеть видѣть въ нихъ «свойственное IV вѣку смѣшеніе Римскаго съ Греческимъ и Германскимъ не только въ доспѣхахъ, но и въ языкѣ и нравахъ» (стр. 283). «Глава всадника осѣняется деревомъ, повидимому, лавровымъ, на вершинѣ коего утверждена небольшая досечка четырехугольная съ примкнутыми къ бокамъ тригольниками, въ коихъ изображена буква О» (стр. 284); какъ это ошибочное объясненіе буквами О овальныхъ украшеній на мѣстѣ гвоздей въ боковыхъ частяхъ обычной въ римское время формы обрамленія надписей, такъ и ошибки въ слѣдующей за тѣмъ передачѣ самой, находящейся на рельефѣ, надписи для насъ теперь не важны; такъ уже въ первой ея строкѣ Снегиревъ пишетъ CONSTANTINO MAGNO, тогда какъ въ оригиналѣ CONSTIANO MA////, однако въ текстѣ ея (на стр. 284) соблюдено распредѣленіе словъ по строкамъ, согласное съ оригиналомъ, но искаженное на гравюрѣ.

Частности толкованія надписи на рельефѣ и сличенія ея съ тогдашними изданіями римскаго оригинала (у. с., стр. 284—289 для насъ несущественны¹⁾), тѣмъ болѣе, что копія Снегирева во многомъ не соотвѣтствуетъ подлиннику; важно лишь, что въ общемъ объясненіе надписи дано было вѣрное: надпись на римской аркѣ Константина дѣйствительно «совершенно сходна съ надписью на... барельефѣ въ Успенскомъ соборѣ, кромѣ нѣкоторыхъ вариантовъ» (стр. 287). «При обзорѣ сего барельефа, соединяющаго въ себѣ памятникъ Римскаго искусства и письменности, два великія и освященныя имени съ великими подвигами, представляются слѣдующіе вопросы, довольно затруднительные: къ какому времени и мѣсту оный принадлежитъ, какое лицо и событіе изображаетъ, и какое могутъ имѣть отношеніе то и другое къ содержанію надписи, потомъ подлинникъ ли онъ, или снимокъ, часть ли какого памятника, или цѣлое; наконецъ, если можно, когда онъ принесенъ въ Москву, наименованную послѣ взятія Царьграда, сего втораго Рима, третьимъ Римомъ» (стр. 289—290). Эти вопросы пополняются и болѣе опредѣленнымъ, столь естественно при вышеприведенной постановкѣ ихъ возникающимъ: Аристотель Фіоравенти «не былъ ли творцемъ сего барельефа, или по крайней мѣрѣ, не снялъ ли противень съ древняго какого барельефа въ своемъ отечествѣ, ибо изъ лѣтописи видно, что онъ истеса Ляцкій крыжъ на камени для Успенскаго собора...» (стр. 290—291). Ставя этотъ вопросъ и допуская, совершенно неосновательно, что Аристотель, изображенный въ росписи Благовѣщенскаго собора, «едва ли не относится къ замыслу Венеціанскаго Аристотеля», Снегиревъ не счелъ, нужнымъ прибавить, что упомянутый «Ляцкій крыжъ» былъ по требованію митрополита Геронтія тогда же стесанъ.

«Георгій Лиддскій и Константинъ были современниками и оба служили трибунами подъ знаменами Діоклетіана, и оба изъ язычниковъ сдѣлались Хрістіанами и причислены къ лику Святыхъ — одинъ съ мученическимъ, а другой съ царскимъ вѣнцомъ; оба они наименованы побѣдоносцами (*тропαιοφόρος*), одинъ Церковію, а другой Государствомъ. Рѣзецъ и кисть изображаютъ перваго почти всегда въ бронѣ, на конѣ и подъ нимъ дракона, коего Георгій поражаетъ (стр. 292) копьемъ, потому что онъ, по мнѣнію однихъ, освободилъ дѣвицу отъ змія, а по мнѣнію другихъ, защитилъ городъ отъ дьявола. Такъ изображенъ сей святой на вышеозначенномъ нами барельефѣ» (стр. 293).

Странная параллель между Георгіемъ и Константиномъ на этомъ и кончается; далѣе рѣчь идетъ объ изображеніяхъ св. Георгія. Двойное объясненіе изображеній битвы св. Георгія со зміемъ, — историческое и символическое, — при очевидной искусственности и натянутости послѣдняго, нужно было Снегиреву для толкованія

¹⁾ Въ примѣч. f на стр. 288 Снегиревъ указываетъ на помощь Ст. П. Шевырева: «по возвращеніи его изъ ученаго путешествія въ Римъ, я обзорѣвалъ въ мѣстѣ съ нимъ М. У. С. барельефъ, и повѣрялъ надпись, для объясненія коихъ съ добротствомъ онъ сообщилъ мнѣ Италіанъ, соинненія Нибби, Нардини и Пистолези, здѣсь мною упоминаемая». Такъ какъ кромѣ нихъ Снегиревъ цитируетъ еще и Гревія, то мы не рѣшаемся честь объясненія надписи отнять у него въ пользу Шевырева. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь неизданныю частью дневника Снегирева, который въ статьѣ своей писалъ: «сію надпись нашли мы у Гревія, Нибби и... Пронти» (стр. 286).

фигуры св. Георгія, какъ изображенія императора Константина; это второе объясненіе восходитъ, очевидно, прямо или косвенно еще къ разсужденію болландиста Папепброха (*Acta Sanctorum. Aprilis tomus III, pp. 105—108*), который самое сказаніе о св. Георгіи и змѣи считалъ возникшимъ изъ изображеній святыхъ, поражающихъ змѣя, имѣвшаго, однако, лишь символическое, якобы, значеніе: грѣха, дьявола и т. п. Тогда же, т.-е. еще въ XVII вѣкѣ, установленъ былъ важнѣйшій, но постоянно забываемый при разсужденіяхъ о сказаніяхъ о св. Георгіи, фактъ отсутствія чуда Георгія со змѣемъ въ древнѣйшихъ житіяхъ святого. Теперь появленіе на Востокѣ этого сказанія въ примѣненіи къ св. Георгію относятъ къ IX—XI вѣку, еще позднѣе является оно на Западѣ; этотъ не всеми, правда, принимаемый результатъ историко-литературныхъ изслѣдованій согласуется и со свидѣтельствомъ памятниковъ: однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній чуда св. Георгія со змѣемъ является фреска XII вѣка Старо-Ладожской церкви; св. Георгій на ней изображенъ, какъ извѣстно, не поражающимъ змѣя, а спокойно вѣзжающимъ въ городъ вслѣдъ за царевною, которая ведетъ на привязи змѣя, потерявшаго силу послѣ молитвы святого; композиціи же подобныя той, какую видимъ на рельефѣ Успенскаго собора, или же такія, гдѣ св. Георгій поражаетъ змѣя, ведомаго дѣвою, относятся ко временамъ относительно позднѣйшимъ и зависятъ отъ болѣе древнихъ изображеній иныхъ конныхъ святыхъ, поражающихъ драконовъ. Мы не можемъ здѣсь, конечно, входить въ подробности о происхожденіи житій, сказаній о чудесахъ и изображеній св. Георгія, тѣмъ болѣе, что недавно появилось нѣсколько и русскихъ работъ по этому сложному и имѣющему уже обширную литературу на всехъ языкахъ вопросу¹⁾.

И. М. Снегиревъ въ своихъ статьяхъ на *Acta Sanctorum* не ссылается, но онъ, видимо, зналъ заключенія Папепброха; радикально, хотя и невѣрно, толкуя рельефъ, какъ изображеніе не чуда святого, а символическій портретъ императора, Снегиревъ выражался, однако, очень осторожно, вѣроятно и по своему характеру, и по должности цензора и по требованіямъ времени, особенно же когда говорилъ

¹⁾ Литература о св. Георгіи столь обширна, что мы принуждены ограничиться указаніями лишь на новѣйшіе научные труды.

А. И. Кирпичниковъ. Св. Георгій и Егорій Храбрый С.-Пб. 1879 (изъ «Ж. М. Н. Пр.» за 1878 и 1879 гг.).

А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. С.-Пб. 1880, («Сборникъ отдѣл. Русск. Языка и Словесн. Имп. Акад. Наукъ», томъ XXI. № 2).

А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературѣ. Одесса. 1909 (изъ «Записокъ Имп. Новоросс. Университета». Томъ СХІІ).

Joh. B. Aufhauser. Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Ueberlieferung. Leipzig. 1911 (*Byzantinisches Archiv*. Heft 5.).

K. Krumbacher. Der heilige Georg in der griechischen Ueberlieferung. Aus dem Nachlasse des Verfassers, herausgegeben von A. Ehrhard. München. 1911 (*Abhandl. d. Kön. Bayer. Akad. d. Wissensch. Philos.-philol. u. histor. Klasse*. Bd. XXV. Abh. 3).

Хр. М. Лопаревъ. Новѣйшая литература о св. Георгіи Побѣдоносцѣ («Византійскій Временникъ». XX. 1913, отд. II, стр. 25—50: рецензіи на три послѣднихъ научныхъ работы и на одну популярную книгу: *C. St. Hulst*. *St. George of Cappadocia in legend and history*. London. 1909).

Обширную, признаваемую однако далеко не полной, библиографію о св. Георгіи дасть *A. Ehrhard* во введеніи къ посмертному труду *K. Krumbacher'a* (о. с., SS. XVI—XXXVII).

о святомъ Георгіи, отсюда получались постоянно противорѣчія, неясности и недомолвки, за которыя судить Снегирева строго было бы едва ли справедливо.

Изъ упоминаемыхъ (на стр. 292—294) Снегиревымъ изображеній св. Георгія два первыхъ примѣра взяты изъ италіанскаго искусства XIV вѣка: миниатюръ къ Исторіи св. Георгія, написанной кардиналомъ Іаковомъ Стефанески, діакономъ римской базилики San Giorgio in Velabro, представляющихъ коннаго святого пронзающимъ дракона¹⁾, и Феррарскихъ монетъ, на которыхъ пѣшій Георгій съ копьемъ попираетъ мертваго уже дракона.

«Всадники, поражающіе змія», которые «стали появляться съ XV вѣка на Великокняжескихъ печатяхъ въ Россіи», опредѣленно св. Георгіемъ не названы, изъ чего видно, что Снегиревъ не всѣхъ ихъ считалъ изображеніями св. Георгія. Для Византіи указано лишь свидѣтельство [псевдо-]Георгія Кодина, что «въ праздникъ Рождества Христова къ императору въ палаты приносили между прочими св. иконами образъ Св. Георгія коннаго (*τὸν ἅγιον Γεώργιον ἑφιπλον*) и съ дракономъ (*ἄλλο δρακόντιον*)» (у. с., стр. 294), но свидѣтельство это понято Снегиревымъ не вполне вѣрно: рѣчь идетъ тутъ о принесеніи не иконъ, а воинскихъ знаменъ, и потому, если въ первомъ случаѣ на знамени и былъ изображенъ св. Георгій коннымъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что онъ представленъ былъ непременно въ борьбѣ съ дракономъ, хотя само по себѣ и такое изображеніе въ XIV вѣкѣ въ Византіи уже возможно, но во второмъ случаѣ разумѣется, очевидно, просто знамя съ дракономъ или въ формѣ дракона, безъ всякаго, вѣроятно, отношенія къ подвигу св. Георгія. Но, неправильно понявъ выраженіе Кодина, Снегиревъ немедленно же вслѣдъ за симъ говоритъ: «впрочемъ замѣчательно то, что въ греческихъ Минеяхъ, на древнемъ и простомъ языкахъ, не помѣщено вышеписанной легенды, и въ монастыряхъ Аѳонской горы [по свидѣтельству о. архим. Григенія изъ Аѳонской горы] С. Георгій весьма рѣдко изображается на конѣ, поражающій дракона; тамъ только упоминается, что сей Святой являлся на конѣ для спасенія невольника. Въ Западныхъ легендахъ, изъ коихъ почерпалъ свѣдѣнія и С. Димитрій Туптало, напротивъ того включено чудо о спасеніи Царевны отъ дракона» (стр. 294—295). Слѣдующее затѣмъ сообщеніе, что «Понтанъ и другіе еретики даже выдавали, будто мученикъ Георгій не иной кто былъ, какъ Аріанскій Епископъ сего имени, который послѣ низложенія Аѳанасія, заступивъ его мѣсто, тѣмъ самымъ освободилъ дѣву, т.-е. церковь, отъ дракона, т.-е. Аѳанасія, котораго они обыкновенно называли дракономъ», — хотя бы и признавать съ однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей сказаній о св. Георгіи, что «все еще не ясны отноше-

¹⁾ Рукопись находится въ Archivio Capitolare di San Pietro въ Римѣ; вмѣсто указываемой Снегиревымъ XLVIII таблицы *E. Pistolesi*, см. теперь *Ad. Venturi*, Storia dell'arte italiana. V. 1907, fig. 790, cf. fig. 788, pp. 1022 sqq.; вмѣсто прежняго опредѣленія, повторяемаго Снегиревымъ, исполнителя миниатюръ, какъ *Dzsiotto*, согласно припискѣ XVII вѣка (см. ее у *A. В. Рыстенко*, Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературѣ. Одесса. 1909, стр. 174, прим. 1—*Apalecta Bollandiana*. XXIV, 1905, p. 40—41) ихъ приписываютъ теперь *Симону Мартини*, или иному сѣнскому художнику, работавшему въ Авиньонѣ незадолго до 1343 г., года смерти Іакова Стефанески (*Venturi*, о. с., V. p. 1030); текстъ этой Исторіи св. Георгія изданъ у *Рыстенко* (у. с. стр. 133—145).

нія св. Георгія Побѣдоносца къ александрійскому аріанскому епископу Георгію»¹⁾),— никакого значенія въ настоящее время имѣть не можетъ, такъ какъ, даже допустивъ тождество Георгія Побѣдоносца съ Георгіемъ аріаниномъ, все же придется откинуть всякое значеніе для толкованія Московскаго рельефа символическихъ отождествленій освобождаемой дѣвы съ Церковью и дракона съ Аванасіемъ Великимъ, такъ какъ отъ тѣхъ временъ мы не имѣемъ ни художественныхъ ни литературныхъ изображеній «чуда св. Георгія о зміи». Снегиреву же это явно искусственное построеніе иконоборствующихъ протестантовъ понадобилось какъ лишній, хотя бы и «еретическій», аргументъ въ пользу принимаемаго имъ символическаго толкованія рельефа.

Далѣе рѣчь идетъ о томъ, какъ «Хрістіанство среди борьбы съ упадавшимъ язычествомъ стало заимствовать отъ него нѣкоторыя его формы... Языческіе символы превращались въ хрістіанскіе, капища въ церкви, идолы боговъ и богинь въ лики святыхъ... Самъ Константинъ Великій... на своихъ монетахъ означаетъ имена боговъ Римскихъ вмѣстѣ съ знаменіями хрістіанства» (стр. 295 и сл.). «Не рѣдко случалось, что въ древнѣйшую готовую форму отливаемо было происшествіе позднѣйшее, такъ какъ иногда послѣднее принимало обликъ перваго, особливо когда представлялось какое-либо сходство и отношеніе. Чему найдемъ свидѣтельства не только въ вѣкѣ Константиновомъ, но и въ послѣдующихъ. Въ Капитоліи находится древній барельефъ, представляющій Персея, освобождающаго Андромеду отъ морскаго чудовища» (стр. 296).

Послѣдній примѣръ идетъ, очевидно, далѣе внѣшняго сходства (или вѣрнѣе зависимости) между хрістіанскими и языческими композиціями, такъ какъ между обычными изображеніями чуда (коннаго) Георгія со зміемъ и этой миеологической композиціей прямого сходства нѣтъ; Снегиревъ желалъ, видимо, дать понятъ о возможной зависимости и самого хрістіанскаго сказанія отъ аналогичныхъ древнихъ языческихъ миеовъ и выродившихся изъ нихъ народныхъ сказокъ и легендъ. Въ этой зависимости, при позднемъ сравнительно появленіи самого сказанія о чудѣ св. Георгія со зміемъ (см. выше стр. 144), теперь никто, конечно, не станетъ сомнѣваться и авторы многочисленныхъ статей на тему о происхожденіи этого сказанія отъ безчисленныхъ у всѣхъ народовъ міра легендъ о змѣборцахъ, если и ошибались, то лишь въ томъ, что сказаніе о св. Георгіи и змѣѣ, считали неотъемлемою и древнѣйшею частью его житій, тогда какъ оно, повидимому, лишь позднѣе связалось съ именемъ высоко чтимаго уже въ VI вѣкѣ въ хрістіанскомъ мірѣ святого²⁾).

¹⁾ *Рыстенко*, у. с., стр. 450. *A. Ehrhard* (см. выше, стр. 144, примѣч. 1) указываетъ (S. XXXV), что авторомъ этой, опровергаемой *Krumbacher'*омъ (SS. 304—307) догадки былъ не самъ Понтанъ (1611 г.), а протестанты и кальвинисты еще XVI в. (о. с., S. XXXVI, cf. XXXIII). Вся фраза о Понтанѣ является переводомъ изъ указаннаго *Снегиревымъ* пособія: *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste*. Bd. X. Halle und Leipzig. 1735, Sp. 973.

²⁾ Обширная миеологическая и фольклористическая литература касается нерѣдко и сказанія о св. Георгіи и зміи. Вотъ нѣкоторыя бібліографическія указанія, не претендующія указать даже важнѣйшее въ необъятной литературѣ о змѣборцахъ:

P. Cassel. *Drachenkämpfe*. I. *Archäologische und mythologische Auslesungen*. Berlin. 1868.

Вслѣдъ за сопоставленіемъ св. Георгія съ Персеемъ Снегиревъ утверждаетъ, что «имя великомученика Георгія было въ вѣкъ Константина I славно въ Христіанскомъ и языческомъ мірѣ...» «Мать Константина Великаго прислала къ сыну своему главу св. Георгія въ Римъ, бывший свидѣтелемъ его мученій, смерти и чудесъ» (стр. 297). Прямыхъ указаній на культъ св. Георгія въ эпоху Константина пока нѣтъ; мученичество его относится древнѣйшими житіями ко времени «персидскаго царя Дадіана», неопредѣлимое имя котораго превращается затѣмъ въ Діоклетіана; показанія греческихъ миней о построеніи Константиномъ Великимъ церкви св. Георгія въ Лиддѣ (Діосполѣ) не восходятъ ранѣе X вѣка (Krumbacher, о. с., S. 239); но еще менѣе основательны претензіи Рима, выраженные Снегиревымъ во фразѣ, содержащей противорѣчія въ самой себѣ.

Снегиревъ извѣстіе о присылкѣ главы св. Георгія въ Римъ взялъ, вѣроятно, изъ большой нѣмецкой энциклопедіи (Bd. X. 1735. Sp. 973) безъ всякой провѣрки, но ни Папebroхъ, ни Чіампини¹⁾ не содержатъ показанія этого. Римская церковь San Giorgio in Velabro основана была несомнѣнно греками,

Hans Schmidt. Jona. Eine Untersuchung zur vergleichenden Religionsgeschichte. Göttingen. 1907. (Forschungen zur Religion und Literatur des A. und N. Testaments, herausg. v. Bousset und Gunkel. Heft. 9) SS. 87—91: Welterschöpfung und Drachenkampf im Alten Testament.

M. Mayer. Ueber die Verwandtschaft heidnischer und christlicher Drachentödter. (Verhandlungen der XL. Versammlung Deutscher Philologen und Schulmänner in Görlitz. Leipzig. 1890. SS. 336—348).

Edw. Sidn. Hartland. The legend of Perseus. London. 1894—96. 3 voll.; о св. Георгии — III, pp. 38—45, 175. (*Ehrhardt*, о. с., S. XXXII).

E. Siecke. Drachenkämpfe. Untersuchungen zur indogermanischen Sagenkunde. Leipzig. 1907. (Mythologische Bibliothek, herausgegeben von der Gesellschaft für vergleichende Mythenforschung. Bd. I. Heft 1): о св. Георгии не упоминаетъ (*Рыстенко*, стр. 452).

Frazer. The Golden Bough. A study in Magic and Religion. Part III. The Dying God. London. 1912, pp. 105—112: The Slaughter of Dragon.

W. Hengstenberg. Der Drachenkampf des heiligen Theodor (Oriens Christianus. N. S. II, 1912. SS. 78—106, 241—280).

Отдѣльныя попытки отождествить св. Георгія съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ богомъ или героемъ являются лишь примѣрами произвольныхъ и натянутыхъ сопоставленій, свидѣтельствующихъ о большемъ или меньшемъ остроуміи авторовъ, но также мало выдерживаютъ научную критику, какъ и сами житія и сказанія о чудесахъ. Тожество св. Георгія съ Миерой доказывалъ *A. v. Gutschmid.* Ueber die Sage vom H. Georg als Beitrag zur iranischen Mythengeschichte. 1861 (= *A. v. Gutschmid's* Kleine Schriften. III. 1892. SS. 173—204) — см. отрицательный разборъ *Krumbacher's* (Der heil. Georg. S. 303—304, ср. *Ehrhardt* — *ibid.* S. IX, XXXII); — съ Горомъ — *Clermont Ganneau* въ цѣломъ рядѣ статей и замѣтокъ см. *Ehrhardt*, о. с., S. IX, XXVII, 297; — съ набатейскимъ богомъ Таммузомъ — *S. Baring-Gould.* Curious Myths of the Middle-Ages. London. 1877 (new. ed. 1881), pp. 266—316, (ср. *Ehrhardt*, о. с., S. XXII—XXIII); — съ Персеемъ — *N. Г. Πολίτης.* *Νεοελληνική μυθολογία. Περσεὺς καὶ ἅγιος Γεώργιος.* (*Ἀττικὸν Ἡμερολόγιον Εἰρ. Ἀσωνίου.* VI. 1872, σσ. 174—193) и *E. S. Hartland* (см. *Ehrhardt*, о. с. S. XXXII, XXXV).

Иное дѣло возможность особаго развитія культа того или другого святаго въ такихъ мѣстахъ, гдѣ предыдущія языческія вѣрованія народа способствовали по тѣмъ или другимъ причинамъ воспріятію культа именно опредѣленнаго святаго, какъ у насъ, на примѣръ, пророкъ Илья явился, повидимому, наслѣдникомъ Перуна, а св. Георгій въ Грузіи, по предположенію кн. *И. А. Дослугаева*, языческаго бога Мѣсяца (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О. XVII. 1907. стр. XXX; ср. *Веселовскій*, у. с. стр. 51—70 *Рыстенко*, у. с., стр. 108, 115—117, 459, 462, 464—466).

¹⁾ De sacris aedificiis a Constantino Magno constructis, synopsis historica *Ioannis Ciampini.* Romae. 1693. *C. St. Hulst* (о. с., p. 154) указываетъ книгу: *F. Federigo di San Pietro Agostiniano Scalzo.* Memorie Istoriche di San Giorgio in Velabro. Roma. 1791, намъ недоступную, гдѣ, судя по *Hulst*, p. 43, говорилось и о Константинѣ, какъ объ основателѣ церкви.

вѣроятно лишь въ концѣ VII в., глава св. Георгія найдена была въ Латеранѣ лишь въ VIII вѣкѣ, съ какого времени и хранилась въ церкви Велабра до 1600 года, когда была перенесена въ Феррару¹⁾. Говорить о культѣ св. Георгія въ Римѣ въ IV вѣкѣ представляется, поэтому, невозможнымъ. Но Снегиревъ, послѣ нѣкоторыхъ данныхъ о распространеніи культа св. Георгія въ Европѣ (стр. 297—298), излагаетъ гипотезу свою въ такихъ словахъ: «Итакъ мудро ли, что побѣдитель Максенція, даровавшей побѣдой своей миръ угнетенной Имперіи и гонимой Церкви, захотѣлъ соединить свое имя съ ликомъ побѣдоносца Христіанскаго и ознаменовать свой триумфъ изображеніемъ побѣды его надъ дракономъ, тѣмъ болѣе, что въ ономъ видѣлъ сходство съ подвигомъ своимъ; ибо въ немъ символически представлялось возстановленіе Христіанства и паденіе язычества. Лицо ратоборца могло легко примѣнено быть къ самому Константину, дѣва освобожденная къ Риму, обоженному подъ видомъ богини (Roma dea), или къ Церкви, сравниваемой въ С. Писаніи съ дѣвою. Кому приличнѣе уподобить пораженнаго дракона, какъ не побѣжденному Максенцію, врагу христіанства и тирану Рима? На лавровомъ древѣ, знаменіи побѣды, осѣняющемъ побѣдоносца, видна надпись въ честь Константина; она донинѣ читается на Константиновыхъ триумфальныхъ вратахъ въ Римѣ»... (стр. 298). Далѣе сообщаются нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о вратахъ этихъ (стр. 299) и дается краткая эстетическая характеристика рельефа. Она начинается осторожною оговоркою: «хотя по одному памятнику (положимъ, что оный вѣка Константинова) нельзя заключать о достоинствѣ штиля искусствъ, господствовавшего въ это время; однако, сравнивая барельефъ сей съ другими произведеніями оныхъ, замѣчаемъ, что онъ представляетъ собою смѣшеніе древней простоты съ принужденностію, грубостію и даже уродливостію, какая особенно замѣтна въ женской фигурѣ барельефа, по видимому, произведенія другого рѣзца, чѣмъ всадникъ. Въ обрисовкѣ фигуръ есть нѣчто грубое и тяжелое, нѣтъ живой и трогательной выразительности въ лицахъ, скрытыхъ въ одеждѣ, въ самомъ изображеніи движенія группы видна какая-то неподвижность. Таковъ характеръ произведеній искусства временъ Константинова!» (стр. 300).

Послѣ совершенно лишняго разсужденія объ извѣстномъ выраженіи надписи: «*instinctu divinitatis*», которое Снегиревъ, какъ и многіе въ его время, считалъ позднѣйшею передѣлкою (стр. 300—301), рѣчь переходитъ къ вопросу о появленіи «Римскаго рельефа» въ Москвѣ. Къ принятому на вѣру свидѣтельству о принесеніи его изъ Рима (стр. 281 сл., 290, 301) теперь прибавляется еще заключеніе, что это было «безъ сомнѣнія тогда, когда Россія вошла въ тѣсныя сношенія съ вѣчнымъ градомъ» въ концѣ XV вѣка (стр. 301—302), и догадка: «весьма можетъ статься, что смѣтливые Италіанцы, или Греки представляя сіе изображеніе, напоминающее двухъ великихъ побѣдоносцевъ побѣдителю кичливаго Новгорода и низложителю

¹⁾ См. *Pierre Batiffol. Inscriptions byzantines de Saint-Georges au Vélabre (Mélanges d'archéologie et d'histoire. VII année. 1887. Paris-Rome, pp. 419—431; исторія церкви, 419—421); ср. Mar. Armellini. Le chiese di Roma dalle loro origini sino al secolo XVI. Roma. 1887, pp. 253—256; Acta Sanctorum. Aprilis, tom. III, pp. 110—111; Platner und Bunsen. Beschreibung der Stadt Rom. Bd. III. 1. 1837. SS. 375—378.*

Татарскаго могущества, желали онымъ сдѣлать примѣненіе лицъ и дѣйствій къ особѣ Іоанна III» (стр. 302).

Какъ бы въ подтвержденіе этой догадки о третьей уже степени символическаго значенія столь яснаго изображенія чуда св. Георгія со змѣемъ, приводится указаніе на поставленное на Спасскихъ воротахъ «въ увеличенномъ видѣ (стр. 302) изсѣченное изъ камня изображеніе св. Георгія, нынѣ находящееся въ Вознесенскомъ монастырѣ» (стр. 303), т.-е. на забытое до послѣдняго времени нашими археологами изваяніе 1464 года¹⁾. Слѣдуютъ упоминанія о двуглавыхъ орлахъ, объ античныхъ рѣзныхъ камняхъ, служившихъ русскими печатями, объ итальянскихъ мастерахъ въ Москвѣ: «здѣсь вѣялъ духъ Рима и Греціи, положившій знаменіе свое на храмахъ... и на другихъ памятникахъ искусства, и въ томъ числѣ на разсматриваемомъ нами» (стр. 304). Такимъ образомъ, авторъ допускалъ, видимо, и изготовленіе рельефа въ самой Москвѣ пришлыми итальянскими мастерами въ концѣ XV вѣка, не настаивая на древнеримскомъ его происхожденіи.

Въ заключеніе предлагается догадка, почему рельефъ занимаетъ мѣсто надъ мощами св. Θεогноста: при перестройкѣ Успенскаго собора Аристотелемъ Фіоравенти «гробъ Князя Георгія Даниловича, по свидѣтельству лѣтописца, поставленъ былъ на гробѣ Θεогноста, а ликъ ангела его С. Георгія побѣдоносца осѣнялъ гробъ его, какъ то велось въ обычаѣ. При перенесеніи гроба Княжескаго въ придѣлъ С. Дмитрія Селунскаго, образъ соименнаго ему ангела могъ остаться при гробницѣ преемника Петра Митрополита» (стр. 304—305). Изложеніе догадки не совсемъ точное: лѣтописныя извѣстія ограничиваются фактомъ перенесенія гроба, объ иконѣ же надъ послѣднимъ не упоминаютъ ни словомъ и постановка ея надъ гробомъ князя Георгія Даниловича входитъ уже въ составъ догадки И. М. Снегирева.

«Что сей барельефъ несомнѣнно западное произведеніе, какъ и большая часть подобныхъ памятниковъ подлинныхъ или снимковъ, или противней, между прочими свидѣтельствами, на кои здѣсь можно было бы сослаться», Снегиревъ доказывалъ указомъ Петра I, 1722 г. апрѣля 12, о рѣзныхъ иконахъ, гдѣ обычай устроить ихъ выводится «отъ иновѣрныхъ, а наипаче отъ Римлянъ и отъ послѣдующихъ имъ порубежныхъ намъ Поляковъ» (стр. 305). Въ концѣ статьи утверждаются права «Римскаго барельефа» на вниманіе и уваженіе: «подлинникъ ли онъ вѣка Константина, коему соотвѣтствуетъ качество штиля своего, или подражательное произведеніе Аристотеля, столь знаменитаго художника XV вѣка» (стр. 305), все равно, — рельефъ представлялся проф. И. Снегиреву достопримѣчательнымъ въ различ-

¹⁾ Снегиревъ писалъ о немъ въ «Памятникахъ Московской Древности», стр. 214, 329; а самъ исполнитель этого древнѣйшаго, вѣроятно, изъ русскихъ рельефныхъ изображеній св. Георгія, поражающаго змѣя, Ермолинъ упоминаетъ о немъ въ своей лѣтописи подъ 6972 (1464) годомъ: «того же лѣта мѣсяца іюля 15 поставленъ бысть святой великій мученикъ Георгій на воротехъ на Флоровскихъ, рѣзанъ на камени, а нарядомъ Васильевымъ, Дмитреева сына, Ермолина» (Полное собраніе лѣтописей, т. XXIII. С.-Пб. 1910, стр. 158) Въ «Старой Москвѣ», вып. 2 (1914 г.). Изд. Имп. Моск. Арх. Общ., П. Н. Соболевъ помѣстилъ недавно статью: Русскій зодчій XV вѣка Василій Дмитріевичъ Ермолинъ (у. с. стр. 16—23) и издалъ (рис. н стр. 16) фотографію рельефа въ его теперешнемъ, безобразно завращенномъ, видѣ, съ нѣкоторыми краткими о немъ замѣчаніями (у. с., стр. 17—18, 23 и 38).

ныхъ отношеніяхъ, и, между прочими, «сближеніемъ просвѣщеннаго Запада съ нашимъ Сѣверомъ».

Сколь ни много возраженій возбуждаютъ нынѣ разсужденія Снегирева, но за нимъ все же остается заслуга правильнаго истолкованія надписи московскаго рельефа, какъ копіи съ римской надписи на аркѣ Константина. Странность присутствія ея надъ изображеніемъ св. Георгія и довѣріе къ «преданію» о привозѣ рельефа изъ Рима были причиной того, что естественное желаніе отыскать какую-либо связь между Георгіемъ и Константиномъ завело изслѣдователя по столь излюбленнымъ въ его время путямъ символизма въ дебри предположеній, нисколько для насъ теперь не удовлетворительныхъ.

Но современникамъ аргументація эта казалась убѣдительной. Снегиревъ въ своемъ дневникѣ подъ 13 января 1834 г. съ явнымъ удовольствіемъ записалъ: «заѣхалъ къ Ю. П. Бартеву, который хвалилъ мою статью о древнемъ барельефѣ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и вызывалъ меня на археологическіе труды» (Русскій Архивъ, 1902, кн. III, стр. 7); самъ ученый митрополитъ Кіевскій Евгеній (Болховитиновъ) писалъ ему 20 апрѣля 1834 г.: «читалъ въ ученыхъ запискахъ вашего университета прекрасную статью вашу о древней картинѣ. Спасибо вамъ. Продолжайте постыжать завистниковъ хорошими сочиненіями»¹⁾; принято было Снегиревское толкованіе и митрополитомъ Филаретомъ, какъ можно заключать изъ разсказа Андрея Н. Муравьева объ осмотрѣ 8 августа 1837 г. Успенскаго собора цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ²⁾. Догадки извѣстнаго археолога принимались, какъ доказанные факты. Такъ, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ въ своей анонимной книжкѣ: «Взглядъ на старинную русскую поэзію» (Москва, 1837, in. 12°), въ примѣчаніи (31-мъ, стр. 107—112), посвященномъ Оружейной Палатѣ, «долго размышлялъ надъ однимъ не стариннымъ, но прямо древнимъ племомъ Греческаго стили съ рельефами лучшихъ временъ искусства, не зная какому случаю приписать доставленіе его въ Россію, которая, впрочемъ, хвалится обладаніемъ кравиі Августа Кесаря, и, со временъ Софіи Палеологовой, поклоняется древнему изваянію всадника, освященнаго у насъ именемъ святаго Георгія, дару, привезенному ею вмѣстѣ съ мечемъ царя Константина, съ вѣнцемъ нашей Ольги и рѣдкими рукописями»... «Этотъ антикъ, — пояснялъ онъ въ примѣчаніи на той же (111) страницѣ, — съ Римской Константиновой арки, мы видимъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ малой церкви св. Петра Митрополита. Къ сожалѣнію, онъ испещренъ красками, которыя трудно снять, не изгладивъ на мраморѣ слѣдовъ

¹⁾ Старина Русской Земли. Изслѣдованія и статьи И. Снегирева. Изданіе А. Д. Ивановскаго. Томъ I, книжка I. С.-Пб. 1871, стр. 127; ученый авторъ письма имѣлъ въ виду подъ статью «о древней картинѣ», — которую издатель письма безъ всякой оговорки и обѣщался напечатать «въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ», — несомнѣнно, статью Снегирева о древнемъ рельефѣ, такъ какъ въ «Ученыхъ Запискахъ» въ 1833 и въ началѣ 1834 г. никакой статьи «о древней картинѣ» не оказывается.

²⁾ «Надъ гробомъ Теоноста преосвященный Филаретъ показалъ изваянную изъ камня икону великомученика Георгія, которая по преданію принесена изъ Рима; судя по латинской надписи, она посвящена Константину Великому, и, можетъ быть, подъ видомъ Георгія, поражающаго змѣя, и спасаемой имъ царевны, хотѣли изобразить избавленіе Церкви отъ гоненій равноапостольнымъ царемъ». (Воспомяніи о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ. С.-Пб., 1838, 8°, стр. 71—72.)

древности», но ни словомъ не указалъ, откуда ему стало извѣстно, что Софія Омнинишна привезла съ собою всѣ исчисленныя, апокрифическія конечно, реликвіи; только относительно меча «греческій работы и съ надписью греческою» онъ глухо указываетъ на Карамзина¹⁾.

Самъ И. М. Снегиревъ не только не пересталъ интересоваться рельефомъ и вообще изображеніями св. Георгія, какъ то видно изъ ряда замѣтокъ въ его дневникѣ²⁾, но даже задумалъ новое и лучшее воспроизведеніе въ первомъ же выпускѣ уже въ 1839 г. задуманнаго кружкомъ любителей изданія «Московскихъ Древностей»³⁾, которое начало выходить въ свѣтъ, однако, лишь въ 1842 году, но еще ранѣе того послалъ особую статью «Римскій барельефъ, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ» въ Одесское Общество Исторіи и Древностей, членомъ котораго онъ состоялъ съ самаго его основанія.

Статья эта была напечатана, или, по крайней мѣрѣ, вышла въ свѣтъ лишь въ 1850 г., но писана она, повидимому, гораздо ранѣе, такъ какъ въ ней совершенно отсутствуетъ упоминаніе объ Устюжскомъ происхожденіи рельефа, которое стало извѣстно въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 г.; въ дневникѣ Снегирева мы нашли

¹⁾ Шлемъ, привлечшій своею античностью вниманіе *Писарева*, былъ, конечно, тотъ западно-европейской работы, шлемъ XVI—XVII в., который значится въ «Описи Московской Оружейной Палаты» *Филимонова*, подъ № 4417; мечемъ же оказывается сабля царя Іоанна Алексѣевича, № 5913. *Карамзинъ*, упомянувъ мечъ Андрея Боголюбскаго, принадлежавшій нѣкогда св. Борису («Истор. Гос. Росс.», т. III, столб. 18, изд. Эйнерлинга), въ примѣчаніи (22, столб. 12) указываетъ на мечъ Оружейной Палаты и ставитъ вопросъ: «не сей ли мечъ принадлежалъ св. Борису и Андрею?», вопросъ, на который теперь, послѣ статьи *В. А. Прохорова* въ «Трудахъ II Археол. Съѣзда», вып. 2, стр. 195—202 (см. еще «Визант. Временникъ», VI, 1899, стр. 327; *Э. Ленцъ*. Собраніе оружія Императорскаго Эрмитажа. С.-Пб., 1908, стр. 278 сл.), нельзя, конечно, отвѣчать иначе, какъ отрицательно: мечи и сабли этого рода едва ли могутъ восходить даже до XVI вѣка: слѣдовательно привезенъ Софіей Палеологъ онъ не могъ быть ни въ дѣйствительности, ни по гипотезѣ *Карамзина*, который только объ одной печати Ивана III, прилагавшейся съ 1472 до 1497 г. (левъ, терзающей змѣю), говоритъ, что это — «работа греческая и, какъ вѣроятно, подарокъ Софійинъ» (т. VI, прим. 98, столб. 22). Не о Софійи, но вообще о грекахъ говорилъ онъ (т. VI, столб. 45), что они «обогатили спасенными отъ турецкаго варварства книгами Московскія церковныя бібліотеки»; но бібліотека, которую видѣлъ у Грознаго *Веттерманъ*, состояла, по мнѣнію *Карамзина* (т. IX, столб. 52) изъ «рѣдкихъ книгъ, привезенныхъ нѣкогда изъ Рима, вѣроятно, царевною Софіею». Тѣмъ большее значеніе получаетъ молчаніе *Карамзина* о рельефѣ Успенскаго собора: очевидно, ни мѣстныя «преданія», ни построенія *Снегирева* не могли убѣдить критическій умъ историка.

²⁾ 19 іюля 1834 г.: «Послѣ обѣда навѣстилъ я жену и сына *И. Н. Царскаго*, описалъ у нихъ русскій барельефъ св. Георгія» («Русск. Архивъ» 1902, кн. III, стр. 28). Это, рѣзное изъ камня изображеніе чуда св. Георгія со змѣемъ въ обычномъ его позднемъ типѣ издано было у *Корн. Тромонина* («Очерки съ лучшихъ произведеній живописи и т. д.», Москва. 1839—40, стр. 228 сл.) *Снегиревымъ* же; оно описывается и упоминается въ послѣдующихъ статьяхъ его о св. Георгіи и переиздано *И. Сахаровымъ*, въ его Запискахъ о русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ, С.-Пб. 1856, табл. I, рис. 3.

12 января 1836 г.: «Раннюю обѣдню стоялъ въ Егорьевскомъ монастырѣ, гдѣ видѣлъ... образъ мѣстный св. Георгія...» («Русск. Архивъ», 1902, кн. III, стр. 162, гдѣ описывается это изображеніе чуда со змѣемъ). 20 сентября 1836: Я ему [*Лоеву-Веймару* французско-путешественнику, называемому въ другомъ мѣстѣ *Лѣве-Веймаръ*]... сообщилъ надписи на Спасскихъ воротахъ, на Никольскихъ, на барельефѣ св. Георгія въ Успенскомъ соборѣ» (ibid., стр. 182).

³⁾ *Снегиревъ* 27 сентября, 1839 г.: «Въ Успенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ *Солнцевымъ* сдѣлалъ по вѣрку своему описанію Римскаго барельефа и надписи» («Русскій Архивъ», 1902, II, 478), а 14 октября того же года, «у *А. Д. Черткова*... видѣлъ *Фишера* съ *Гейманомъ* и *Солнцова*; послѣ обѣда толковали объ изданіи 1-й книги «Московской Древности» и положили въ I кн. помѣстить... [между прочимъ]... барельефъ св. Георгія» (ibid. 480).

отмѣтку лишь о томъ, что онъ 14 декабря 1839 «отослалъ на почту въ Одесское Общество Исторіи и Древностей рисунокъ Римскаго барельефа» («Русск. Арх», 1902. III, 485), но въ отчетѣ Общества за 1840 годъ (Одесса. 1841, стр. 15) сообщеніе Снегирева значится въ числѣ прочитанных¹⁾.

Поэтому мы и разсматриваемъ эту статью на этомъ мѣстѣ прежде двухъ другихъ, вышедшихъ въ свѣтъ ранѣе ея.

По существу статья эта является сокращеннымъ повтореніемъ изложенной выше, хотя и написаннымъ вновь, съ сохраненіемъ, однако, нѣкоторыхъ прежнихъ фразъ и выраженій, не говоря уже о содержаніи; но являются и нѣкоторыя отличія и добавленія, на которыхъ мы только и остановимся.

Матеріаль рельефа опредѣляется теперь точно, какъ бѣлый камень; размѣры даны точнѣе: лишь высота, 1 арш. $4\frac{1}{2}$ в., осталась прежнею, къ опредѣленію ширины прибавлена дробь: $13\frac{3}{8}$ в., добавлена толщина доски $\frac{6}{8}$ в.; послѣднее позволяетъ предполагать, что рельефъ снимали со стѣны или вынимали изъ рамы. Судя по упоминанію о ней и о написанныхъ на ней фигурахъ святыхъ (стр. 470) рисунокъ, сопровождавшій докладъ Снегирева, изображалъ рельефъ вмѣстѣ съ рамою и, слѣдовательно, онъ могъ быть тождественнымъ съ изданнымъ позднѣе въ «Памятникахъ Московской Древности». Въ символическомъ толкованіи деталей рельефа объясняются и «цвѣты и кости человѣческія, на крестѣ лежащія, какъ встрѣчается и въ христіанскихъ памятникахъ; можетъ быть, послѣднія означаютъ смерть, а первыя новую жизнь, возникающую изъ тлѣнія» (стр. 471), тогда какъ и здѣсь, и на цѣломъ рядѣ аналогичныхъ композицій временъ Возрожденія (см. ниже гл. III), кости эти лишь чисто реалистическая подробность, вытекающая изъ самого сказанія: это останки прежнихъ жертвъ дракона.

Надпись рельефа дается (стр. 471) какъ и прежде въ исправленномъ, безъ всякой о томъ оговорки, видѣ и сопровождается переводомъ и комментариемъ (стр. 472—473); въ первой строкѣ надписи вмѣсто MAGNO правильно дано теперь МАХИМО. Исправлены и другія ошибки копій 1833 г., но въ общемъ все же и теперь надпись является скорѣе надписью на Константиновой аркѣ, нежели ошибочной копіей ея на Московскомъ рельефѣ; комментарий перепечатанъ почти буквально, но все же съ нѣкоторыми добавленіями; одно изъ послѣднихъ, знакомство Снегирева съ книгою Антонія Августина (см. ниже), оказалось роковымъ, такъ какъ вовлекло его въ рядъ ошибочныхъ, какъ увидимъ ниже, утверждений, отъ которыхъ свободна была первая статья, но которыя вошли во все послѣдующія и повторяются послѣдователями Снегирева даже понынѣ.

Въ нескладномъ пассажѣ (стр. 474) охарактеризованъ «штиль барельефа», который «обнаруживаетъ безвкусіе и грубость, какими ознаменовали себя художества

¹⁾ Рисунокъ, присланнаго Снегиревымъ, въ Обществѣ, судя по «Каталогу картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ музеѣ Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.», изданному А. Л. Б[ертъ] Д[елагардомъ] въ 1888 г., не сохранилось. Къ статьѣ изображенія рельефа не приложено, оно замѣнено, корректурною очевидно, ссылкой на «Памятникъ Московской Древности. Москва, 1844» (въ примѣчаніи 3); есть еще ссылка на одну книгу 1849 г. (прим. 21), если только это не опечатка, каковыхъ въ статьѣ (Записки Одесскаго Общ. Ист. и Древн. Томъ II, отд. 2 и 3. Одесса. 1850, стр. 470—475) очень много.

вѣка Константина великаго»... «Образцы [этой группы] имѣлъ художникъ и въ греческихъ мѣоахъ, коими украшались произведенія ваятельнаго искусства, ибо не рѣдко случалось, что въ древнѣйшія готовыя формы отливались позднѣйшія событія, такъ какъ иногда послѣднимъ придавался видъ первыхъ» (стр. 474), но указанныя аналогіи: Персей, освобождающій Андромеду, и Посидонъ *γερουός* «въ картинѣ Филостратовой» (*Imagines*, II, 14—17), къ разсматриваемой группѣ не подходятъ: первый изображается пѣшимъ, а второй пахаремъ; имѣлось въ виду, очевидно, намекнуть на возможность происхожденія и сказанія и самого имени святого изъ языческихъ мѣоовъ. Усилено и отрицаніе христіанскаго значенія барельефа: «Римскій барельефъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ только по преданію почитается за изображеніе чуда, совершеннаго по кончинѣ своей Св. Великомученикомъ Георгіемъ».

Кромѣ ссылки на Четыи Минеи Дмитрія Ростовскаго приводится и иная версія изъ Макарьевскихъ Четыхъ Миней, не соотвѣтствующая рельефу: «отъ различныхъ описаній сего чуда произошли и различныя изображенія» его (стр. 474), но этихъ различій въ изображеніяхъ точно не указывается: описывается лишь рельефъ Царскаго (см. рис. 30), не соотвѣтствующій рельефу Успенскаго Собора. «Но чудо это приписывается не одному св. Георгію», что Снегиревъ и доказываетъ примѣрами изъ христіанскихъ лишь сказаній о змѣборцахъ Италіи, Франціи, Германіи, Скандинавіи и Финляндіи (стр. 475); тутъ же приводятся и указанія на два рельефныхъ изображенія св. Георгія въ Судакѣ (см. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XIII. 1837, стр. 666) и Θεοδοσίи. «Впрочемъ побѣда надъ дракономъ, одержанная разными святыми мужами, въ особенности приписывается св. Георгію»... «Западные историки намъ свидѣтельствуютъ, что легенда о Св. Георгіѣ побѣдоносцѣ съ Востока перенесена крестовыми рыцарями въ Западную Европу» (стр. 476). Слѣдуютъ сравненіе св. Георгія съ Константиномъ, дополненное новой догадкой¹⁾, упоминаніе о присылкѣ св. Еленю главы св. Георгія въ Римъ и, послѣ нѣсколькихъ словъ о распространеніи культа св. Георгія, свидѣтельство Кодина (см. выше, стр. 147).

«Такое общее преданіе и изображеніе побѣды надъ дракономъ, приписываемое разнымъ лицамъ и особенно С. Георгію, побуждаетъ насъ искать и общаго начала этому вѣрованію. Слова Св. Евсевія представляютъ намъ объясненіе»... «Драконъ, какъ сказано выше, означалъ геній язычества» (стр. 477). Приведенная здѣсь Снегиревымъ по-латыни цитата, якобы, изъ посланія Евсевія Кесарійскаго къ Константину Великому, заимствована была, видимо, изъ вторыхъ рукъ: на это указываетъ и латинскій языкъ ея и наименованіе Евсевія «святымъ»; въ дѣйствительности же оригиналъ ея греческій и находится въ письмѣ Константина къ Евсевію (*Vita Constantini*, II, 46), а подъ дракономъ разумѣется тамъ скорѣе всего Лициній.

Приступивъ, наконецъ, къ разсмотрѣнію вопроса: «точно ли, какъ полагаютъ, нашъ барельефъ Римскій изображаетъ побѣду С. Георгія надъ дракономъ?...», повторивъ, что надпись рельефа взята съ триумфальной арки Константина и что,

¹⁾ «...одинъ церковію, другой государствомъ (см. выше, стр. 148), вѣроятно потому, что перваго низложеніе дракона привело къ истребленію язычества въ Палестинской землѣ, а другаго побѣда надъ Максенціемъ къ сокрушенію идолопоклонства, прообразуемаго также дракономъ», и т. д. (стр. 476).

якобы, «изображеніе побѣды всадника надъ дракономъ соотвѣтствуетъ содержанію надписи», а также сообщивъ нѣкоторыя подробности о самой аркѣ (стр. 477), Снегиревъ приходитъ къ рѣшительному заключенію: «Кажется, не нарушая благоговѣнія къ имени Св. великомученика Георгія, ни уваженія къ древности барельефа, можно съ достовѣрностію предположить, что лице ратоборца представляетъ Константина великаго, драконъ — врага христіанства и тирана Рима Максенція, а дѣва «вѣчный градъ», которому поклонялись подъ видомъ богини (Dea Roma), или церковь, сравниваемую въ Св. Писаніи съ дѣвою» (стр. 477—478).

Рѣшительность заявленія этого, по сравненіи съ осторожнымъ и темнымъ, пожалуй искусственно затемненнымъ, выраженіемъ той же мысли въ первой статьѣ, представляется намъ не случайной: благочестивый Снегиревъ, осторожный цензоръ, свой радикальный взглядъ на изображеніе, признаваемое церковною традиціей, — на сей разъ вполнѣ соотвѣтствующей истинѣ, — за чудо св. Георгія со змѣемъ, какъ на античное, свѣтское, символическое изображеніе императора, рѣшился ясно выразить лишь въ иногороднемъ специальномъ археологическомъ органѣ. Но, съ другой стороны, его утверждалъ теперь въ этомъ ошибочномъ взглядѣ еще новый, неизвѣстный, видимо, ему ранѣе, аргументъ, къ сожалѣнію, однако, также несостоятельный.

«Мнѣніе это подтверждается, — пишетъ онъ (стр. 478), — свидѣтельствомъ Антонія Августина, архіепископа Таррагонскаго: «Константиновы врата амфитеатра сооружены по смерти Максенція. На нихъ не видно слѣдовъ христіанской вѣры; Евсевій упоминаетъ о поставленномъ тамъ изваяніи Цесаря съ копіемъ въ рукахъ съ надписью, изъ коей значится, что Римъ освобожденъ отъ тирана знаменіемъ спасительнаго креста ¹⁾».

Ясно, что никакого подтвержденія толкованію рельефа Снегиревымъ, приводимый фактъ не содержитъ, но мало того при повѣркѣ невѣрнымъ оказывается и самый фактъ: здѣсь имѣются въ виду извѣстныя свидѣтельства Евсевія (Histor. Eccles. IX. 9; Vita Constant. I. 40; Laudat. Const. IX. 8) о томъ, какъ Константинъ велѣлъ вложить крестъ въ правую руку своей статуи, воздвигнутой ему сенатомъ «на наиболѣе видномъ мѣстѣ города», но, разумѣется, не на триумфальной аркѣ ²⁾.

«По сходству въ изображеніи подвига Константинова съ чудомъ св. Георгія легко могли и первый примѣнить къ послѣднему и ликъ одного святаго принять за ликъ другого, тѣмъ болѣе, что подъ такимъ видомъ св. Георгій занялъ мѣсто въ гербѣ, а потомъ съ 1769 г. въ военномъ орденѣ Россійскомъ» (стр. 478). Конечно, сама

¹⁾ «Antiquitatum Romanarum Hispanarumque in nummis veterum dialogi XI. Antverpiae. 1653, (pag. 60). Это латинскій переводъ Schott'a испанской книги, вышедшей въ Таррагонѣ еще въ 1587 г., см. *C. B. Stark*, Handbuch der Archäologie. I. Leipzig. 1880. S. 106), почему показанія ея и не слѣдовало бы принимать безъ провѣрки.

²⁾ Объ этой статуй см., напримѣръ, *C. W. King*, Early christian numismatics, and other antiquarian tracts. London. 1873, p. 63—66; *Jules Maurice*, Numismatique Constantinienne. Tome II. Paris. 1911, pp. XLVI, LVI—LVII. Конная статуя Константина на высокомъ пьедесталѣ стояла среди Римскаго форума (*Hartmann Grisar*, S. J. Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter. I. Freiburg im Br. 1901. S. 202, § 171), но надпись подъ нею (Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. VI, № 1141; *J. B. de Rossi*, Inscriptiones christianaе urbis Romae. II. 1; p. 5, № 1) не соотвѣтствуетъ приводимой Евсевіемъ; свидѣтельства его о статуѣ этой разобраны *V. Schultze* (Zeitschrift für Kirchengeschichte. VII. 1884, SS. 343—352).

по себѣ такая возможность смѣшенія сходныхъ композицій допустима: мнѣ, напримеръ, самому случилось видѣть въ Малой Азій языкескій алтарь съ изображеніемъ Посидона съ трезубцемъ, скачущаго на конѣ надъ двумя дельфинами, который считали за изображеніе св. Георгія¹⁾, и подобныхъ примѣровъ можно привести не мало, такъ что логически гипотеза Снегирева могла бы быть и справедливой, если бы только существовала какая-либо возможность возводить рельефъ Успенскаго собора

¹⁾ Это было въ 1895 въ Иконіи; домъ, гдѣ находился этотъ рельефъ, принадлежалъ турку, который, сдавая его въ наймы, ставилъ условіемъ, чтобы въ праздники предъ рельефомъ зажигали свѣчу; огарокъ ея и стоялъ въ выдолбленной въ алтарѣ печуркѣ. Надпись на алтарѣ издана по указанію покойнаго д-ра *Саввы Эфенди Діамантиди*, которому и я обязанъ знакомствомъ съ рельефомъ и рассказомъ о волѣ хозяина, *Sterrett*'омъ въ *Papers of the American School at Athens*. II. 1883—84, Boston. 1888. p. 195, № 205.

Конныя изображенія Посидона въ центральной Малой Азій извѣстны и изъ другихъ мѣстъ, см. напр. «Археологич. Извѣстія и Замѣтки». II. Москва. 1895, стр. 111, № 7, но въ специальныхъ статьяхъ о Посидонѣ въ *W. H. Roscher's*, *Ausführliches Lexikon d. griech. und römisch. Mythologie*. (Bd. III. Sp. 2788—2898) *E. H. Meyer*'а и *H. Bulle* указаній на малоазійскія конныя изображенія Посидона въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ не имѣется (о. с., Sp. 2825—26, 2853—54, 2858), а между тѣмъ Малая Азій представляетъ намъ особенно многочисленныя примѣры изображеній разныхъ и мѣстныхъ и греческихъ боговъ въ видѣ всадниковъ.

Здѣсь, вѣроятно все, явились впервые и конныя изображенія св. Георгія, какъ змѣборца (ср. *Рыстенко*, у. с., стр. 412—417). Здѣсь же по всей видимости сохранилось и древнѣйшее датированное изображеніе этого типа, а именно въ пещерной церкви св. Варвары въ Соанлы-дере, датированной именами царей Константина и Василія (976—1025) (см. «Ж. М. Н. Пр.» 1900, 4.328, отд. кл. фил., стр. 35, № 54). На ряду съ изображеніемъ св. Георгія въ типѣ стоящаго воина мною въ 1895 г. былъ отмѣченъ еще «конный ГЕОРГИОСЪ», безъ упоминанія о змѣи, но позднѣйшій описатель этой церкви обозначаетъ его, какъ «*Saint George à cheval perçant le dragon de sa lance*» (*Guillaume de Jerphanion*, *Revue Archéologique*. 4-e série. Tome XII. 1908, p. 7); не рѣшаясь сомнѣваться въ точности этого показанія, мы должны устранить нашу записью имени этого всадника сомнѣнія, высказанныя по поводу значенія его *Aufhauser*'омъ (о. с., S. 169—170) и *K. Krumbacher*'омъ (о. с., S. 299). Слѣдующимъ по времени датированнымъ изображеніемъ коннаго змѣборца Георгія является монета Рогерія I, князя Антиохійскаго (1112—1119), указываемая *Aufhauser*'омъ (о. с., S. 176). Фреска Старой Ладогги документально — не датирована, но относима обыкновенно къ XII вѣку.

Но прочія возраженія *Aufhauser*'а (о. с., S.S. 163—176: Anhang II. Das Drachenwunder des Hl. Georg in der byzantinischen Kunst) и *Krumbacher*'а (о. с., S.S. 296—299) противъ попытокъ объяснять св. Георгіемъ различныхъ свв. всадниковъ на египетскихъ и иныхъ памятникахъ мы вполне раздѣляемъ. Такъ двухъ всадниковъ надъ боковою дверью древнѣйшей церкви Ани (см. рис. этого исчезнушаго нынѣ рельефа — у *Brosset*, *Ruines d'Ani*, St.-Petersbourg, 1860—61, pl. XXXVII, p. 33—34) мы назвали бы двумя Θεодорами (ср. *Рыстенко*, стр. 414).

Но вообще вопросъ о древнѣйшихъ изображеніяхъ св. Георгія пѣшимъ, коннымъ безъ змѣи и коннымъ со змѣею требуетъ специальной разработки, а пока см. старую работу *Ар. Ар. Куника*: «О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича». С.-Пб. 1860, стр. 121—136, табл. А—Д, диссертацию *бар. Таубе*: *Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst*. Halle. 1910. §§ 1—32, и новѣйшее сопоставленіе литературы у гр. *А. А. Бобринскаго*, Русскія деревянныя издѣлія. 2-е изд. Москва, 1914, общій указатель всѣмъ 11 выпускамъ, стр. 4 и 5. Кромѣ литературы, тамъ приведенной, см. еще нашу статью: «Двѣ бронзовыхъ статуэтки всадниковъ» и т. д. въ «Археол. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ» за 1895 г., стр. 93—122; книгу *Henri Grégoire*, *Saints Jumeaux et dieux cavaliers*. Paris, 1905; статью *М. И. Ростовцева*: Представленіе о монархической власти въ Скиѣи и на Боспорѣ («Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи», вып. 49. С.-Пб., 1913, стр. 1—62, см. особенно стр. 30—62, гл. II: Конный Мнѣра и памятники его культа), и новѣйшія изданія изображеній конныхъ святыхъ: коптскія (*Mémoires de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. Tome XII. Le Caire, pl. XXXIX, LIII—LVII, LXXXVIII—IX; Tome XIII, fasc. 1, 1911, pl. III—IV), сирійскія (Извѣстія Русск. Археол. Института въ Константинополѣ, т. VII, вып. 2—3, 1902, табл. № 17—19; *Conrad Preusser*. Nordmesopotamische Baudenkmäler altchristlicher und islamischer Zeit. Leipzig. 1911, Taf. 6, 9, 10) и армянскія (*Walter Bachmann*, *Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan*. Leipzig. 1913. Taf. 21, 37).

до временъ Константина. Но невозможности этой, ясной для всякаго мало-мало знакомаго съ памятниками поздняго антика и возрожденія, не видѣлъ ни Снегиревъ, ни его сотоварищи. Кажущаяся невозможность объяснить какъ-либо иначе, помимо выставленной Снегиревымъ гипотезы, присутствіе на рельефѣ надписи Константиновой арки являлась, очевидно, рѣшающимъ аргументомъ въ пользу его толкованія.

«Теперь еще остается вопросъ: когда изъ Рима принесенъ въ Москву сей памятникъ западнаго искусства? За недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ позволимъ себѣ разрѣшить вѣроятною догадкой, съ коюю согласуется и самое преданіе» (стр. 478). Догадка о привозѣ рельефа при Софїи Палеологъ остается прежнею: «Покорителю Нова города [напечатано: новаго рода!], освободившему Россію отъ ига Татарскаго, этотъ образъ напоминалъ собственный его подвигъ; въ побѣдоносцѣ онъ видѣлъ себя, въ драконѣ низложенное владычество поганыхъ, а въ спасенной дѣвѣ — спасенную Россію». Далѣе оказывается, якобы «по преданію этотъ барельефъ стоялъ на Спасскихъ воротахъ», что изъ упоминанія тутъ же рельефа Вознесенскаго монастыря, объясняется, очевидно, лишь путаницей между ними. «До нынѣ еще намъ неизвѣстно, когда барельефъ перенесенъ въ Успенскій соборъ и поставленъ надъ ракою св. Θεогноста, надъ коюю стоялъ при послѣдней перестройкѣ Успенскаго собора въ XV вѣкѣ, при гробѣ князя Георгія Даниловича» (стр. 478): такимъ образомъ то, что въ первой статьѣ излагалось какъ предположеніе, теперь, при сокращеніи, стало утвержденіемъ, котораго не ослабляетъ слѣдующее признаніе, что въ описи 1627 г. «не упоминается объ этомъ памятникѣ».

Послѣ свидѣтельства о выносѣ рельефа въ 1721 году, слѣдуетъ категорическое, надо думать основанное на какихъ-либо прочныхъ данныхъ, сообщеніе: «Въ 1742 г., при поновленіи соборовъ предъ коронаціею императрицы Елизаветы Петровны, это изваяніе поставлено было на прежнее мѣсто и расцвѣчено красками. Разрушительная рука враговъ пощадила его и въ 1812 году. Въ прошломъ 1839 г. его вновь раскрыли [sic] колерами и мѣстами позолотили» (стр. 479).

На этомъ статья и кончается: новое повтореніе только усилило и умножило ошибочность прежнихъ догадокъ, исправлена была только копія надписи, да и то весьма недостаточно, но зато введена ошибочная возможность нахождения рельефа на самихъ триумфальныхъ вратахъ Константина.

Насколько мало наши любители древности того времени разбирались въ стилѣ древнихъ памятниковъ, видно изъ сочувственнаго письма Снегиреву Н. Д. Иванчина-Писарева, написаннаго, какъ правильно, повидимому, полагаетъ издатель, по полученіи гравюры Е. Скотникова, приготовленной къ описанію Успенскаго собора въ I выпускѣ «Московскихъ Древностей¹⁾»; содержаніе письма таково, что можно лишь радоваться, что оно осталось въ свое время не напечатаннымъ, и,

¹⁾ Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. А. Модзалевскаго («Извѣстія Отдѣл. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ», т. VII, 1902, кн. 4, стр. 66—127, и отдѣльно, С.-Пб. 1902 г., 67 стр., съ указателемъ).

что Снегиревъ въ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ о рельефѣ не счелъ нужнымъ ничѣмъ изъ него воспользоваться, на что авторъ любезно давалъ согласие¹⁾.

Съ 1842 г. начали выходить у Авг. Семена «Памятники Московской Древности, съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы», въ первомъ же выпускѣ которыхъ согласно рѣшенію еще 1839 г. (см. выше стр. 151 пр. 2) И. М. Снегиревъ издалъ рельефъ св. Георгія въ гравюрѣ Е. Скотникова, по хорошему рисунку Ф. Солнцева (таблица безъ №, по реестру рисунковъ — 7-я) съ краткимъ (стр. 17—18) текстомъ, помѣщеннымъ среди описанія Успенскаго собора²⁾.

Краткость способствуетъ ясности аргументаціи. Уже въ самомъ началѣ, какъ и въ «реестрѣ», барельефъ не признается изображеніемъ чуда Георгія со змѣемъ,

¹⁾ Вотъ оно: «...Скажу Вамъ, какъ упрекъ дружбы, что я получилъ св. Егоря на конѣ, до сихъ поръ не зная отъ Васъ о трудѣ вашемъ. Онъ срисованъ и выгравированъ отлично хорошо. Этотъ барельефъ я видѣлъ еще въ первой юности и, полбнясь еще разъ на него посмотрѣть, приписалъ его къ антикамъ времени цвѣтущаго древняго Греческаго или Римскаго ваянія (см. «Взгляды на старинную русскую поэзію», стр. 111); но рассмотрѣвъ его съ большимъ вниманіемъ, увидѣлъ, что Софія привезла изъ Рима произведеніе времени христіанства, времени Константина, т.-е. когда скульптура была уже въ совершенномъ упадкѣ (см. *D'Argenville, Montfaucon, Winkelmann, Mengs* и другихъ), а также и всѣ древніе барельефы всѣхъ музеумовъ, да и мои въ числѣ 13 антиковъ [*Б. Л. Моздалевскій*, стр. 70—71, прим. 3, указываетъ на краткое описаніе коллекціи этой въ «Очеркахъ» *К. Я. Тромбина*. 1839, стр. 119—123]. Женщина (уродливо изображенная) также доказываетъ позднее время искусства (Фидій, Пракситель, Скопасъ и Лизиппъ ужаснулись бы ея): она, при томъ, и объясняетъ, что это св. Георгій, ибо это царица, видѣвшая чудо. Итакъ, Софія привезла изъ Рима снятый съ вратъ Константиновыхъ барельефъ времени христіанскихъ. Не помню только, былъ ли тогда во святыхъ св. Георгій? Только мнѣніе мое неоспоримо: это св. Георгій, дѣланъ въ IV вѣкѣ послѣ Рождества Христова, а не идеаль древнихъ. Готико-византійско-варварскій стиль, вялость въ движеніи, дурной конь, шлемъ не самый древній, тяжелая драпировка и уродливая женщина, — все это, несходное съ древнимъ стилемъ первыхъ временъ, удостовѣряютъ всякого. Но этотъ барельефъ важенъ, достопамятенъ, освященъ тѣмъ, что, со времени доставленія его въ Москву, [стр. 103] Московскій гербъ сталъ означать св. Георгія съ копіемъ вмѣсто прежняго всадника съ саблею, котораго мы видимъ отъ времени Калиты до середины царствованія Іоанна III на мелкихъ монетахъ серебрянныхъ. Итакъ, Софія этимъ барельефомъ дала св. Георгія нашему гербу. Простой всадникъ не переставалъ до того быть гербомъ нашихъ великихъ князей: даже и на Олеговомъ щитѣ былъ этотъ всадникъ. Если что изъ изложеннаго покажется Вамъ истиннымъ и достойнымъ вашего вниманія, то за честь и удовольствіе поставлю себѣ помѣщеніе онаго въ ваше описаніе Успенскаго собора, труда, повторю, о которомъ я отъ васъ не слыхалъ. Закраска этого барельефа не дала мнѣ узнать камня: думаю, что это Пантелическій мраморъ, но не Паросскій, ибо тогда уже и Пантелическій былъ рѣдкимъ по истощенію горы Пантелисъ (близъ Аѳинъ) или Салинскій. Кто-то мнѣ сказалъ, что это базальтъ, — и я смѣялся, ибо базальтъ черный и изъ него не дѣлаютъ фигуръ по его крѣпкости, а только вазы. Серпантинъ еще крѣпче, — итакъ это мраморъ. Не бывъ палеографомъ, я никакъ не умѣлъ разобрать надписи: вы, вѣрно, переведете ее съ совершенною точностію».

Свѣдѣнія о гербѣ Олега авторъ почерпнулъ, вѣроятно, изъ *Карамзина* («Ист. Госуд. Росс.», т. I, прим. 315, ст. 89, по изд. *Эйнерлинга*), приводящаго, — съ надлежащими возраженіями, конечно, — извѣстіе о немъ *Стрыйковскаго*; въ изданіи 4-мъ Смирдина, 1833 г., примѣчаніе это (306, стр. 94) короче, но того же смысла.

²⁾ Съ этой статьей надо, вѣроятно, связывать слѣдующія замѣтки въ дневникѣ *Снегирева*:

О томъ, что митрополитъ Филаретъ «самъ читалъ съ замѣтками при мнѣ 1 тетрадь «Московскихъ Древностей» и 2 тетради описанія Московскаго Успенскаго собора» («Русскій Архивъ», 1903, кн. I, стр. 105 28 июня 1840; стр. 108 9 сентября; стр. 109 — дочитали 11 сент. 1840.)

5 апрѣля 1842: «Навѣстилъ Я. И. Санглена и прочелъ съ нимъ свою статью о барельефѣ св. Георгія». («Русск. Арх.» 1903, I, стр. 376).

8 апрѣля 1842: «Утромъ былъ у [гражданскаго] губернатора И[вана] Г[ригорьевича] Сѣнявина и отдалъ ему статью о св. Георгіи, которую онъ принялъ съ благодарностію» (*ibid.*, стр. 376).

Возможно, что это было не поднесеніе статьи, а отдача новой еще редакціи ея для помѣщенія ея въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», какъ и многихъ другихъ статей (см. тамъ же, стр. 370, 371, 375, 378).

а называется, то «извѣстнымъ подъ именемъ образа св. Георгія», то «подъ именемъ св. великом. Георгія».

Приведя надпись и переводъ ея, со ссылкой на первую свою статью, Снегиревъ продолжаетъ: «по преданію, сохраненному описями собора, сей барельефъ привезенъ изъ Рима, а по надписи, снятой съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ, скорѣе можно почестъ изображеніе ратоборца за Константина Великаго, чѣмъ за св. Георгія». Къ сожалѣнію здѣсь не указано время упоминаемыхъ описей собора: до или послѣ книги прот. Левшина онѣ составлены. Опять приводится извѣстіе Евсевія, со ссылкой на книгу Августина Таррагонскаго, о статуѣ Константина съ копьемъ на его триумфальныхъ воротахъ. «Западная Церковь, нерѣдко смѣшивая историческое съ иносказательнымъ, подъ видомъ пораженія дракона изображала истребленіе язычества, а подъ ликомъ дѣвы избавленную отъ гоненій Церковь или вѣчный градъ Римъ. По сходству сего подвига Константина съ чудомъ современнаго ему св. Георгія... въ барельефѣ принимали одно современное лицо за другое и соединяли аллегорическое изображеніе съ историческимъ; ибо имя всадника не обозначено»... «Сіе древнее изваяніе извѣстно было болѣе подъ именемъ св. Георгія»... «Стиль памятника, показывающій упадокъ ваянія, принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ». Вслѣдъ за краткими замѣчаніями вооруженія всадника слѣдуетъ выписка объ удаленіи рельефа въ 1721 г., свидѣтельства объ окраскѣ рельефа въ 1742 году. Времени изготовленія рельефа Снегиревъ точно не опредѣляетъ: упоминаніе объ этомъ же рельефѣ во «Введеніи» выражено такъ, что кажется, будто бы авторъ допускаетъ принадлежность его не къ римскому времени, а къ XV вѣку¹⁾.

Въ концѣ 1842 г. или въ началѣ 1843 г. П. И. Савваитовъ издалъ Устюжскую записку, — о которой см. ниже гл. II, — содержащую извѣстіе объ привозѣ рельефа въ Москву изъ Устюга и о переводѣ П. С. Потоцкимъ греческой, якобы, надписи на рельефѣ, и Снегиревъ перепечаталъ эту «выписку изъ сказанія, наполненнаго несообразностями», — которыя онъ и отмѣтилъ вопросительными знаками, — въ «пояснительныхъ примѣчаніяхъ» (стр. 3 Д), явившихся, вѣроятно, лишь, при окончаніи изданія въ 1845 г.; ссылки на источникъ не указано, отмѣчено лишь, что «эта повѣсть записана въ октоихѣ», тогда какъ уже одно нахожденіе Устюжскихъ чудотворцевъ на рамѣ рельефа, подтверждающее свидѣтельство записки, требовало бы, казалось, большаго вниманія къ этому новому свидѣтельству, явно противорѣчащему старымъ положеніямъ о Римскомъ происхожденіи рельефа.

Живой интересъ Снегирева къ рельефу не пропадалъ: будучи назначенъ лѣтомъ 1844 г. членомъ Комитета для описанія Русскихъ Древностей («Русск. Архивъ», 1903, кн. II, стр. 91) онъ принялся за новую обработку все той же темы²⁾ и въ резуль-

1) «Памятники Московской Древности» (стр. XXII): «Въ XIV и XV в. они (памятники ваянія) состоятъ болѣе въ произведеніяхъ чужеземныхъ Восточнаго и Западнаго искусства, къ коимъ можно причислить Римскій барельефъ изъ камня въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ Аристотель изваялъ было Лидійскій крестъ, какъ символъ католицизма, который, повидимому, и художества покушался обратить въ орудія для достиженія своихъ цѣлей».

2) 13 октября 1846: «На вечерѣ у Г. И. Спасскаго, который указывалъ мнѣ... на медали Константина, гдѣ изображенъ всадникъ, какъ подкрѣпленіе моихъ доказательствъ» («Русск. Арх.» 1903.

татѣ появилось новое и наилучшее изданіе рельефа въ краскахъ въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» по рисунку *Θ. Солнцева*, на 21-й таблицѣ I отдѣленія, каковая и является лучшимъ доселѣ его воспроизведеніемъ; объяснительный текстъ (отд. I, Москва, 1849, 4^о, стр. 32—39) безъ подписи автора составленъ былъ, конечно, *Снегиревымъ*.

Въ этой новой статьѣ на прежнюю тему, несмотря на включеніе въ нее Устюжскаго свидѣтельства и неизбежное послѣ того устраненіе разсужденій и догадокъ о приносѣ рельефа изъ Рима *Ивану III*, *Снегиревъ* продолжалъ держаться своего радикальнаго и парадоксальнаго мнѣнія о значеніи изображенія; мало того, самое заглавіе, — «Барельефъ, извѣстный подъ именемъ образа св. *Георгія*», — объяснительнаго текста къ таблицѣ показываетъ, что мнѣніе *Снегирева* раздѣляемо было и прочими членами Комитета по изданію «Древностей».

Вслѣдъ за краткимъ описаніемъ рамы и рельефа слѣдуетъ латинскій, исправленный, текстъ надписи, русскій переводъ ея и, по Устюжской записи, «старинный русскій переводъ этой надписи» воеводою *П. С. Потоцкимъ*. Затѣмъ свидѣтельство прот. *А. Левшина* о привозѣ рельефа изъ Рима опровергается изображеніями на рамѣ Устюжскихъ чудотворцевъ и выпискою изъ Устюжской записи, при чемъ явно ошибочное упоминаніе въ ней патріарха *Филарета* опущено; слѣдуютъ упоминанія о выносѣ рельефа въ 1721 г. и о возвращеніи и окраскѣ его «въ началѣ царствованія *Елисаветы Петровны*» (стр. 33—34).

Въ концѣ болѣе подробнаго описанія всадника и замѣчаній, сходныхъ съ первою статьею 1833 г., объ его вооруженіи утверждается, якобы «ликъ юнаго ратоборца, еще безбрадаго, сходствуетъ съ изображеніями *Константина Великаго* на медаляхъ» (стр. 34). Повторяется замѣчаніе, что «фигура дѣвы, какъ будто послѣ приставленная къ группѣ, повидимому — произведеніе другого рѣзца» (стр. 34). «Стиль рельефа относится къ эпохѣ упадка искусствъ..., хотя въ сочиненіи группы замѣтно подражаніе классическимъ образцамъ цвѣтущаго вѣка», при чемъ въ примѣчаніи 7-мъ находимъ и указаніе образцовъ этихъ: «особенно рельефовъ и статуй *Беллерофона* и *Химеры*, *Персея* и *Андромеды*, *Посейдона*, прозваннаго *γερουός*, кои, будучи далеки своимъ знаменованіемъ отъ нашего рельефа, близки къ нему своимъ сочиненіемъ или формою»; изъ этихъ трехъ указаній умѣстно только первое, такъ какъ второе можетъ касаться лишь сходства сюжетовъ, а третье лишь созвучія именъ.

II, 454). Существуетъ монета *Констанція Второго*, (337—361) на которой онъ представленъ скачущимъ вправо, поднявъ кверху невооруженную раскрытую руку, надъ змѣею съ пѣтушинымъ гребнемъ, съ надписью *debellator hostium* вокругъ этого изображенія (*H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'empire... romain. VI, 1862, p. 276, pl. IX, 7*): знай *Снегиревъ* эту монету, онъ не забылъ бы включить ее въ число своихъ аргументовъ.

21 октября 1846: «Съ [протоіер.] *П. М. Терновскимъ* я прочелъ разсужденіе свое о барельефѣ *Георгія* въ *Успенскомъ соборѣ*» («Русск. Арх.» 1903. II, 455).

9 января 1847: «Я ѣздилъ къ *гр. Строганову* въ засѣданіе Комитета Русскихъ Древностей, гдѣ были *Загоскинъ* и *Вельтманъ*; разсуждали объ изданіи текста и рисунковъ; положили издать отдѣленіе иконъ. *Вельтманъ* читалъ о коронахъ, я о барельефѣ св. *Георгія*. Графъ отдалъ предпочтеніе моему сочиненію, сказавъ, что мои статьи весьма важны и любопытны по содержанию» (*ibid.*, 566).

2 апрѣля 1847: «Съ *Θ. Θ. Рихтеромъ* я осматривалъ барельефъ св. *Георгія* въ *Успенскомъ соборѣ* и самое зданіе» (*ibid.*, 572).

Повторены символическія толкованія (стр. 34—35) лавроваго дерева, цвѣтовъ и костей — побѣдою, жизнью и смертю и заявлено, что «изъ всѣхъ подобныхъ атрибутовъ группы открывается подлинное ея значеніе» (стр. 35), а затѣмъ и рассматривается значеніе это, начиная съ наименованія рельефа «образомъ св. Георгія въ старыхъ описяхъ собора и въ Октоихѣ Устюжской церкви».

Изложеніе сказанія о чудѣ со зміемъ и о различныхъ мѣстныхъ его приуроченіяхъ повторяетъ собранныя въ предыдущихъ двухъ статьяхъ данныя и заключается выводомъ: «хотя различны мѣста этого подвига и время его не опредѣлено; но только истина событія неоспоримо подтверждена разнообразными сказаніями на Западѣ и Востокѣ» (стр. 36).

Вслѣдъ за свѣдѣніями о распространенности культа св. Георгія слѣдуютъ указанія на Георгія Кодина, упоминающаго якобы «образъ Св. Георгія на конѣ съ дракономъ», — хотя приводимый тутъ же, съ опечатками, текстъ говоритъ, какъ видѣли мы уже выше (см. стр. 145) совсѣмъ иное, — на барельефы въ Судакѣ, въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ (см. рис. 28), въ соборѣ города Дмитрова (см. рис. 29) и на фреску Староладожской церкви, а далѣе еще и на барельефъ Царскаго (см. рис. 30), со ссылкой на «Очерки» К. Тромонина.

Всѣ эти столь ясныя аналогіи не убѣдили однако автора въ вѣрности традиціоннаго толкованія рельефа: по его словамъ все же «барельефъ»... лишь «по видимому сходствуетъ съ изображеніемъ чуда св. Георгія и потому выдается подъ его именемъ» (стр. 37); «но вокругъ главы св. ратоборца нѣтъ вѣнца, съ какимъ онъ изображается не только на иконахъ, но даже на барельефахъ, какъ напр. на Солдайскомъ; нѣтъ въ облакахъ благословляющаго Спасителя и парящихъ ангеловъ съ вѣнцами, какъ на Дмитровскомъ и Царскомъ барельефахъ; наконецъ, не видно надписи его имени. вмѣсто такихъ священныхъ атрибутовъ, на Московскомъ барельефѣ представляется вамъ лавровое дерево, какъ символъ побѣды, и на немъ латинская надпись, что «Сенатъ и народъ Римскій посвящаютъ триумфальныя врата Цесарю Константину, за побѣду его надъ тираномъ», т.-е. Максенціемъ «въ 312 г. по Р. Х.» (стр. 37).

Если въ размѣщеніи ковычекъ послѣдней фразы и видѣтъ опечатку, такъ какъ годъ въ надписи является лишь въ «переводѣ» Потоцкаго, то неудачна и слѣдующая цитата изъ статьи Brotier, гдѣ прибытіе Константина въ Римъ датируется 914 годомъ Рима. Драконъ въ посланіи якобы Евсевія Константину (въ дѣйствительности наоборотъ, см. выше), цитируемомъ опять по-латыни, объясняется теперь вѣрнѣе: Максенціемъ. Приводится текстъ Псалма (ХС. 13): «попереси змія», подходящий пожалуй къ извѣстнымъ изображеніямъ змія пронзеннаго древкомъ лабарума на монетахъ Константина¹⁾ и легшій въ основаніе изображеній Христа, попирающаго василиска, которыя возникнувъ, по всей видимости, въ Александріи, извѣстны намъ только на нѣкоторыхъ стоящихъ въ тѣсной связи съ нею памятникахъ древне-христіанскаго и Каролингскаго періодовъ.

¹⁾ См. напр. *C. W. King. Early christian numismatics. 1873, p. 58 sqq.*; *Jules Maurice. Numismatique Constantiniennne. III. Paris. 1912, p. 309 sqq.*

«Хотя,— продолжаетъ Снегиревъ,— по свидѣтельству исторіи, дѣйствительно были чудовищные драконы, родъ удавовъ (*python neugosum*), производившіе опустошеніе въ разныхъ странахъ; но въ священной символикѣ драконъ знаменовалъ древняго врага первобытной Церкви, сатану, язычество и ересь. Изображеніемъ дракона украсили знамена своего воинства Траянъ и Аврелианъ, гонители Христіанъ» (стр. 37). А позднѣе послѣдними былъ «вѣроятно, по образцу Михаила Архангела, поразившаго сатану въ видѣ дракона, представленъ равноапостольный Царь, низложившій язычество» (стр. 38); Снегиревъ не зналъ, видимо, извѣстнаго свидѣтельства Евсевія (*Vita Const.* III. 3), о живописномъ изображеніи на фасадѣ дворца въ Константинополѣ, гдѣ надъ низвергающимся въ бездну зміемъ, пронзеннымъ копьемъ, т.-е., конечно, лабарумомъ, стояли, попирая его, Константинъ съ тремя сыновьями, вѣроятно, въ молитвенной позѣ¹⁾.

Вмѣсто этого рѣчь идетъ о Константиновыхъ вратахъ въ Римѣ и о свидѣтельствѣ Евсевія якобы о надписи на нихъ и «о поставленномъ на нихъ изваяніи цесаря съ копьемъ въ рукѣ». Указывая на конныя изображенія Константина на монетахъ,— на которыя указалъ Снегиреву Г. И. Спасскій (см. выше стр. 158 прим. 2),— на лавровое или пальмовое дерево и на пронзеннаго древкомъ знамени дракона, Снегиревъ не зналъ, видимо, монеты съ изображеніемъ Констанція II, скачущаго надъ зміемъ.

Но и безъ того «такія данныя ведутъ» его «къ заключенію, что витязь на барельефѣ ни кто иной какъ Константинъ Великій, драконъ — погрязшее язычество, а дѣва — освобожденная Церковь, или Римъ (*urbs aeterna*), который, какъ извѣстно, олицетворенъ былъ въ образѣ богини (*Roma dea*)» (стр. 38).

...«Мудрено ли, что по сходству аллегорическаго изображенія подвига Константина Великаго... съ чудомъ Св. Георгія... одно лицо приняли за другое... Историческое взяло верхъ надъ символическимъ; ибо чудо, совершенное св. Георгіемъ, было ближе къ понятію народа, чѣмъ символическое изображеніе великаго подвига равноапостольнаго Константина. Посему-то побѣдитель дракона названъ св. Георгіемъ...» (стр. 38). «Такъ точно всадникъ, поражающій дракона на древнихъ русскихъ печатяхъ и монетахъ выдается за Св. Георгія, между тѣмъ какъ» первоначально это были изображенія государей (стр. 39).

Кончается статья признаніемъ, якобы «этотъ драгоцѣнный памятникъ торжества Вѣры Христіанской и низложенія язычества не безъ основанія названъ въ описяхъ собора Римскимъ; ибо изображеніе и надпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ» и предположеніемъ, что «этотъ снимокъ вѣроятно составлялъ украшеніе фронтона или фриза какого-либо храма или воротъ, ибо драконы во время владычества Лонгобардовскаго, изображались на фасадѣ или внѣшней ороеграфіи [sic] храмовъ» (стр. 39).

Итакъ, Снегиревъ при всѣхъ, вынужденныхъ вѣроятно, оговоркахъ продолжалъ, очевидно, считать рельефъ античнымъ изображеніемъ императора Констан-

¹⁾ См. ук. соч. *King'a*, p. 59—60, и *J. Maurice*, III, pp. LXXVII—VIII.

тина, а не св. Георгія. Попавъ въ оффиціальное, монументальное изданіе, столь невѣроятное толкованіе стало мнѣніемъ болѣе или менѣе общепринятымъ, облеклось въ глазахъ многихъ въ ореолъ авторитетности, и потому нечего удивляться, если его повторяли позднѣе безъ всякихъ оговорокъ оффиціальныя путеводители по Успенскому собору или компиляторы книгъ о Московскомъ Кремлѣ; удивительнѣе, что нѣкоторые повторяютъ и понынѣ...

Самъ Снегиревъ въ статьѣ: «О Московскомъ гербѣ»¹⁾, помѣщенной въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи» за 1853 г. № 69, продолжая держаться прежняго толкованія рельефа Успенскаго собора, упоминаетъ о немъ лишь мимоходомъ.

Простою перепечаткою изъ «Памятниковъ Московской Древности» явилось то, что сказано о рельефѣ на стр. 28, № 3, въ книгѣ Снегирева: «Успенскій соборъ въ Москвѣ», изданной въ 1856 году (fol.); здѣсь не упомянуто даже объ Устюжскомъ происхожденіи рельефа; изображенія рельефа не дано.

Наконецъ, уже не задолго до смерти, И. М. Снегиревъ еще разъ повторилъ, въ новой переработкѣ, хотя и съ буквальныймъ сохраненіемъ многихъ фразъ прежнихъ статей, свое толкованіе Московскаго рельефа для изданія А. Мартынова «Москва»²⁾; это послѣднее, оказавшееся уже загробнымъ, — Снегиревъ умеръ 10 декабря 1868 г.; — повтореніе все того же сложнаго символическаго толкованія совершеннаго яснаго, — если бы не непонятное присутствіе надписи Константиновой арки, — по содержанію рельефа не принесло, конечно, ничего новаго.

Вслѣдъ за краткимъ описаніемъ рельефа, слѣдуетъ, въ исправленномъ, конечно, видѣ надпись, ея переводъ, указаніе на ея оригиналъ на триумфальной аркѣ Константина, ссылка на свидѣтельство Евсевія о статуѣ Константина, якобы, «на сихъ воротахъ». Буквально повторяется изъ «Памятниковъ» фраза: «Западная Церковь» и т. д. (см. выше, стр. 158) и утвержденіе о смѣшеніи Константина съ Георгіемъ (см. выше, стр. 154 и 158).

Далѣе слѣдуетъ реальная исторія рельефа: приводится свидѣтельство Левшина о принесеніи образа изъ Рима, «къ чему другіе гадательно... прибавили: «царевною Софією Ѳоминичною», но ему противопоставляется приводимая полностью и со ссылкой на «Москвитянинъ» Устюжская приписка въ октоихѣ. Относительно «перевода» П. С. Потоцкаго И. М. Снегиревъ пишетъ: «Въ такомъ переводѣ обнаруживается совершенное невѣжество переводчика, который не зналъ и языка, съ котораго воображалъ догадками переводить, и разобралъ въ надписи одно только слово Константинъ. Какъ вѣроятно, такой переводъ перешелъ изъ Устюга Великаго въ Москву, то здѣсь и стали почитать это изображеніе за ликъ св. Георгія» (стр. 152—153). Въ концѣ приведены свидѣтельства о томъ, какъ рельефъ былъ

¹⁾ Замѣтка въ дневникѣ Снегирева подъ 15 апрѣля 1851 г.: «проѣхалъ къ П. М. Теридескому, съ которымъ прочелъ свою статью съ изображеніемъ евангелистовъ и св. Георгія» («Русск. Архивъ», 1903. III, 527) можетъ относиться къ этой именно статьѣ.

²⁾ «Москва. Полное историческое и археологическое описаніе города». Изданіе А. Мартынова. Текстъ составленъ И. М. Снегиревымъ. Томъ II. Москва. 1873. 4^о, стр. 151—153.

убранъ въ 1721 г. и по водвореніи на прежнее мѣсто «рописанъ красками вѣроятно для того, что бы ближе подходилъ къ иконѣ» (стр. 153).

Столь упорно, хотя бы и однимъ и тѣмъ же, но авторитетнымъ, лицомъ, повторяемое превратное толкованіе рельефа все же не могло найти себѣ общаго признанія. Такъ, Лакіеръ въ своей «Русской Геральдикѣ» (Записки Импер. Археол. Общ. VII, С.-Пб. 1854, стр. 127—8) «на древнемъ Римскомъ барельефѣ» Успенскаго собора видитъ, повидимому, только Георгія, среди изображеній котораго его и упоминаетъ, хотя и указываетъ на «розысканіе о его значеніи» во II т. «Записокъ Одесскаго Общества» и въ «Древностяхъ Россійскаго Государства».

Равнымъ образомъ и Сахаровъ въ своихъ «Запискахъ о русскихъ гербахъ» (I. Московскій гербъ. С.-Пб. 1856. 8^о, на стр. 19) въ списокъ изображеній коннаго Георгія, поражающаго дракона, первымъ помѣщаетъ находящееся «въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею святителя Феофота. Это изваяніе принадлежитъ къ Римскимъ произведеніямъ... Храмователь этого собора Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ помѣстилъ его тамъ въ 1479 году. Тотъ же самый Великій Князь въ первый разъ изобразилъ на Государственной печати всадника въ 1497 году. Не служилъ ли Московскій барельефъ образцомъ для печати?»

Никакихъ обоснованій утвержденію о времени постановки рельефа въ Успенскомъ соборѣ не дано, но оно явно проистекаетъ изъ первой статьи Снегирева (см. выше стр. 149); но послѣдній вопросъ не понятенъ, такъ какъ Сахарову былъ уже извѣстенъ фактъ принесенія рельефа въ Москву изъ Великаго Устюга, какъ видно изъ ссылки на статью П. И. Савваитова на ряду со ссылками на И. М. Снегирева и изъ перепечатки (стр. 29—30) Устюжской записи.

Къ статьѣ Сахарова приложенъ и рисунокъ рельефа (табл. I, рис. 1), но въ сокращенномъ видѣ: безъ рамы, безъ дерева за всадникомъ и безъ надписи, о послѣдней почему-то не сказано ни слова и въ краткомъ описаніи рельефа въ текстѣ самой статьи. Древность рельефа Сахарову кажется, повидимому, неподлежащей сомнѣнію, такъ какъ онъ помѣщаетъ его въ своемъ исчисленіи рельефныхъ изображеній св. Георгія на первомъ мѣстѣ, ранѣ Судакскаго рельефа, относимаго «къ греческимъ изваніямъ глубокой древности». Но хорошо и то, что Георгій остается Георгіемъ.

Толкованія Снегиревымъ Устюжскаго рельефа оказали вліяніе и на объясненіе иныхъ ни мало съ нимъ не связанныхъ памятниковъ; напримѣръ, по словамъ А. Вельтмана (Московская Оружейная Палата, 2-е изд. Москва, 1860, стр. 229, прим. 3), «царь на конѣ поражающій змія» на царскомъ саадакѣ 1656 г. (см. выше, стр. 135, прим.) и на многихъ знаменахъ «безъ сомнѣнія представляетъ царя Константина, поражающаго воинство Максентіево въ видѣ змія», тогда какъ значеніе этого всадника, конечно, то же, что и «вздеца» на Московскомъ гербѣ, называть котораго Константиномъ можно, только стоя подъ вліяніемъ Снегиревскихъ толкованій.

Мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, найти чьи-либо возраженія на утвержденное многократнымъ повтореніемъ толкованіе И. М. Снегиревымъ рельефа Успенскаго собора. Если вполнѣ естественно, что мнѣнія его повторяются и иногда не точно

компиляторами¹⁾, то, гораздо удивительнѣе и прискорбнѣе встрѣчать отголоски этихъ многократныхъ повтореній Снегиревымъ его неудачной гипотезы въ трудахъ нашихъ ученыхъ археологовъ.

Такъ въ диссертациі А. И. Кирпичникова: «Св. Георгій и Егорій Храбрый» (С.-Пб. 1879) оказывается и повтореніе неправильнаго пониманія текста Георгія Кодина (стр. 51) и даже самое возникновеніе легенды о Георгіи и зміи объясняется въ духѣ и въ явной зависимости отъ гипотезы Снегирева: «Необыкновенное сходство изображеній Константина (по Евсевию) съ извѣстными намъ изображеніями Георгія можетъ повести къ предположенію: обожаніе императоровъ пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы исчезнуть сразу послѣ объявленія христіанства господствующей религіей. Изображенія Константина Драконоубійцы должны были быть сильно распространены и народъ несомнѣнно воздавалъ имъ божескія почести. Не поста-

¹⁾ Вотъ нѣкоторые примѣры, число которыхъ можно было бы навѣрное при досугѣ умножить. Лучше прочихъ тѣ, гдѣ оказывается полное невѣдѣніе или отрицаніе статей *Снегирева*.

[И. Милотинъ?] Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей. Книга I. Москва, 1850, стр. 105, № 9: «[образъ] великомученика Георгія. Въ придѣлѣ Петра и Павла, подлѣ иконы Влахернскія Б. М. этотъ образъ изсѣченъ изъ камня; онъ привезенъ изъ Рима неизвѣстно когда и по какому случаю. Въ 1746 г. его раскрасили, чѣмъ много обезобразено искусство художника; на немъ есть латинская надпись, которую трудно разобратъ, кромѣ словъ: Caes. Imper. Constant. P. P. Augusto...»

[Гермонахъ?] *Иосифъ*, Московскіе соборы и монастыри, изд. 4-е, Москва, 1875 [есть и дальнѣйшія] стр. 11: «і) Каменный барельефъ, на коемъ изображенъ св. Георгій Великомученикъ, поражающій копіемъ дракона. По преданію эта икона привезена была изъ Рима».

Хуже, когда сокращаютъ *Снегирева* и получаютъ еще большія, чѣмъ у него, нелѣпости.

Ф. И. Рычинъ, Путеводитель по Московской святынь, 5-е изд. Москва, 1890, стр. 29: «з) Каменный барельефъ, принадлежащій, судя по работѣ, къ среднимъ вѣкамъ; на немъ изображенъ вооруженный всадникъ на конѣ, поражающій копіемъ крылатаго дракона, съ латинскою надписью, изъ которой видно, что изображеніе сіе было на триумфальныхъ воротахъ, устроенныхъ въ Римѣ и посвященныхъ сенатомъ и римскимъ народомъ императору Константину Великому, по освобожденіи имъ церкви христіанской отъ гоненія язычниковъ. Изображеніе это извѣстно подъ именемъ св. Георгія Побѣдоносца. Онъ привезенъ сюда изъ Рима, но когда именно, свѣдѣній нѣтъ. Слѣдовательно, этому замѣчательному археологическому памятнику болѣе полутора тысячелѣтій».

Свщ. Гр. Истомина, Указатель святынь и достопримѣчательностей Московскаго большого Успенскаго собора, изд. 5-е, Москва, 1910, стр. 52—53: «г) Римскій барельефъ, высѣченный на каменной доскѣ, изображаетъ всадника въ ратныхъ доспѣхахъ и съ лавровымъ деревомъ на головѣ, который поражаетъ копьемъ извивающагося предъ нимъ крылатаго змія или дракона; позади всадника дѣва съ прижатыми къ персямъ руками; на деревянной рамѣ изображенія разныхъ святыхъ. Размѣръ 5 и 3 четверти. На основаніи историческихъ данныхъ и латинской надписи [въ примѣчаніи данъ переводъ] надъ симъ барельефомъ, слѣдуетъ признать, что настоящее изображеніе, въ числѣ прочихъ подобныхъ ему, было посвящено Импер. Константину Великому, который какъ истинный воинъ Христовъ, освободилъ Церковь (дѣву) отъ гоненія язычества (дракона). По сходству же такого подвига Константина съ чудомъ современнаго ему св. великомуч. Георгія, спасающаго царевну изъ челюстей дракона, въ барельефѣ смѣшали иносказательное съ историческимъ, приняли одно лицо и событіе за другія и стали почитать настоящее изображеніе за образъ св. великомуч. Георгія Побѣдоносца. Признаютъ, что барельефъ этотъ присланъ изъ Рима, но когда и кѣмъ — о томъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что онъ взятъ изъ Велико-Устюжской Георгіевской церкви по указу царя Алексѣя Михайловича». (Москва, изд. Март. 151—153.)

М. П. Фабриціусъ, Кремль въ Москвѣ. Очерки и картины прошлаго и настоящаго. Москва, 1883, стр. 243: «...изображеніе всадника, поражающаго змія, которое принимаютъ за икону Георгія Побѣдоносца; но *Снегиревъ* приводитъ доводы, что это есть изображеніе Константина Великаго, такъ какъ, по преданію, барельефъ привезенъ изъ Рима, гдѣ находился на воротахъ триумфальныхъ, воздвигнутыхъ народомъ Константину Великому, о чемъ свидѣлствуетъ сохранившася на немъ надпись по-латыни».

ралось ли духовенство положить предѣлъ соблазну, подставивъ вмѣсто Константина имя святого, уже популярнаго въ Сиріи?» (у. с. стр. 115).

Правда, положеніе (4-е) изслѣдователя, якобы «аллегорическое изображеніе Георгія драконоубійцы предшествовало чуду и породило его» соответствуетъ болѣе теоріи Папebroxa, но какъ введеніе имени Константина, такъ и несовсѣмъ ясная, правда, ссылка на рельефъ, указываютъ и на вліяніе Снегирева¹⁾.

Н. В. Покровскій въ 1892 г. считалъ Московскій рельефъ памятникомъ грекоримскимъ, превращеннымъ лишь, якобы умышленно, въ икону св. Георгія²⁾.

Н. И. Петровъ въ 1904 г., ссылаясь на это мнѣніе Н. В. Покровскаго, увѣренно повторяетъ Снегиревскую гипотезу, усложняя ее своею догадкою о приходѣ рельефа въ Устюгъ черезъ Новгородъ и повторяя утвержденіе о передѣлкѣ рельефа³⁾.

Въ недавнее время (1909 г.) Н. В. Покровскій⁴⁾, констатируя общепризнанный теперь фактъ, что «ни въ древнѣйшую эпоху христіанства, ни въ древнѣйшій періодъ византійскаго искусства Георгій Побѣдоносецъ не изображался въ видѣ

¹⁾ Стр. 51, прим. 2: «Ср. о барельефномъ изображеніи Георгія, освобождающаго дѣвицу, съ греческою, хотя попорченною русскимъ художникомъ надписью у *Корн. Тромонина*. Очерки съ лучшихъ произведеній живописи и пр. М. 1839, стр. 228 и сл.». Того же взгляда на «иконописное происхожденіе чуда св. Георгія о змѣѣ» держался *А. И. Кирпичниковъ* и позднѣе: см. «Труды VIII Археол. Съѣзда въ Москвѣ». Томъ II, 1895, стр. 221—222.

²⁾ Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемая Импер. Археолог. Коммиссіей, № 8. Древности Южной Россіи. Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 году. С.-Пб., 1892, стр. 29: «Однимъ изъ наглядныхъ подтвержденій близости христіанскаго типа [всадниковъ, поражающихъ враговъ, чудовищъ, звѣрей и т. п.] къ греко-римскому является фактъ превращенія послѣдняго въ первый на одномъ изъ памятниковъ Московскаго Успенскаго собора: здѣсь находится мраморный рельефъ съ изображеніемъ всадника, поражающаго чудовище, съ латинской надписью, указывающей на то, что этотъ всадникъ есть Константинъ Великій; но этотъ всадникъ при помощи весьма незатѣйливыхъ поправокъ превращенъ догадливимъ русскимъ иконописцемъ въ св. Георгія. Очевидно близкое сходство двухъ типовъ внушило иконописцу мысль приспособить частности перваго типа къ привычному для русскаго народа представленію о св. Георгіи. И намъ кажется, что если иконографическій типъ св. Георгія долженъ имѣть свои прототипы, то ихъ нужно искать въ грекоримской иконографіи, а не въ изображеніи Горуca, поражающаго Тифона, какъ склоненъ думать *Клермонъ-Ганно*».

³⁾ Въ статьѣ, — весьма полезной и обстоятельной, — «О русской религіозной и церковной скульптурѣ» въ журналѣ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемомъ при Кіевской духовной семинаріи, за 1904 годъ, стр. 395—396: «Вѣроятно черезъ Новгородъ попалъ изъ Рима въ Устюгъ каменный барельефъ императора Константина Великаго, въ настоящее время находящійся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею святителя Феоноста. На каменной плитѣ вырѣзана группа, состоящая изъ всадника, дѣвы и крылатаго дракона. Плита вставлена въ деревянныя рамы, на которыхъ написаны Деисусъ, благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ, святые Прокопій и Іоаннъ, Устюжскіе чудотворцы. Всадникъ барельефа считается за великомученика Георгія, но на самомъ дѣлѣ это — св. Константинъ, какъ видно изъ латинской надписи на барельефѣ; драконъ, по объясненію нѣкоторыхъ, обозначаетъ попорченное язычество, а дѣва освобожденную церковь или Римъ. Изображеніе и подпись взяты съ Константиновыхъ воротъ въ Римѣ на Священной дорогѣ между Колизеемъ и церковью св. Григорія. Но русскій мастеръ при помощи весьма незатѣйливыхъ поправокъ превратилъ Константина Великаго въ св. великомученика Георгія».

⁴⁾ Церковно-археологическій музей С.-Петербургской духовной академіи. С.-Пб. 1909, стр. 25—26, въ описаніи одного мѣднаго образка съ изображеніемъ чуда св. Георгія со змѣею (табл. VIII, рис. 4), который отнесенъ, почему-то къ XII вѣку, вмѣсто болѣе вѣроятной датировки его вѣкомъ XVI; образецъ въ Собраніи древностей *г-р. А. С. Уварова*, (отдѣлы VIII—XI. Москва, 1908) приводимый въ качествѣ «подобнаго», въ дѣйствительности иной (у. с. стр. 79—80, рис. 60) и также не можетъ быть относимъ ко времени ранѣе XIV в.

всадника, и указывая какъ древнѣйшій примѣръ такого изображенія перегородчатую эмаль, XI-го якобы вѣка, въ собраніи М. П. Боткина, признаетъ, что «самыя формы всадника побѣдителя извѣстны были въ отдаленнѣйшую эпоху искусствъ, а въ періодъ древне-христіанскій и византійскій примѣнялись къ изображеніямъ императоровъ: одинъ изъ такихъ примѣровъ — барельефъ въ Петровскомъ придѣлѣ Успенскаго собора въ Москвѣ», который, слѣдовательно, онъ во слѣдъ И. М. Снегирева не признаетъ за изображеніе чуда св. Георгія со змѣемъ и относитъ къ Константинову вѣку.

Однако въ томъ же 1909 году явилось, наконецъ, хотя все же недостаточно рѣшительное въ положительной его части, мнѣніе А. В. Рыстенко, осудившее гипотезу и доказательства И. М. Снегирева. Возражая на гипотезу А. И. Кирпичникова, допускавшаго вслѣдъ за Папebroхомъ возникновеніе самой легенды о змѣборствѣ св. Георгія изъ неправильно понятыхъ художественныхъ памятниковъ, авторъ обширнаго спеціальнаго изслѣдованія о легендѣ этой¹⁾ полагаетъ, «что, встрѣчая композицію съ дракономъ, изслѣдователь прежде всего долженъ обратиться къ Георгіевской»... Правильно сблизивъ затѣмъ съ этою композиціей изображенія Петра Великаго, поражающаго шведскаго льва, онъ ставитъ вопросъ: «И не находился ли много вѣковъ тому назадъ подъ вліяніемъ той же композиціи мастеръ, сдѣлавшій «римскій барельефъ, что нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ?» Хотя надпись его выводитъ его какъ-будто изъ круга Георгіевской легенды, но подробности (царевна, кости и пр.) настолько реальны, что весьма возможно видѣть въ композиціи съ этою надписью традицію Георгіевскую. Снегиревъ указываетъ, что этотъ барельефъ вовсе не Георгіевскій и не зависитъ отъ Георгіевской традиціи, но доказательства страдаютъ извѣстной натяжкой, свойственной таковымъ, когда они предпринимаются съ тою цѣлью, чтобы опровергнуть краснорѣчивый матеріалъ» (у. с., стр. 471, примѣчаніе).

Какъ видно изъ этихъ словъ, и А. В. Рыстенко, при всемъ справедливомъ отрицаніи имъ Снегиревской гипотезы, все же не рѣшился прямо назвать Московскій рельефъ изображеніемъ чуда св. Георгія со змѣемъ, несмотря на всю очевидность для него содержанія рельефа, и причинами тому, очевидно, являлись недоумѣнія, возбуждаемыя присутствіемъ на рельефѣ копій съ надписи Константиновой арки.

Наконецъ еще въ прошломъ году Н. Н. Соболевъ въ спеціальной статьѣ о рѣзныхъ изображеніяхъ въ Московскихъ церквахъ²⁾ проявилъ при разсмотрѣніи

¹⁾ А. В. Рыстенко, Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературѣ. Одесса, 1909.

²⁾ См. «Старая Москва». Изданіе Имп. Моск. Арх. Общ., вып. 2. Москва, 1914, стр. 86—107: рассказавъ судьбу Ермолинскаго горельефа и высказавъ положеніе, что «спеціально иконъ рельефныхъ въ это время дѣлать еще не рѣшались», авторъ правильно называетъ рельефъ Успенскаго собора изображеніемъ св. Георгія, но заявляетъ: «Оно не можетъ итти въ счетъ. Этотъ барельефъ представляетъ собою итальянское произведеніе второстепеннаго мастера, привезенное въ Москву откуда-то изъ Италіи» (стр. 89). Давъ затѣмъ краткое описаніе рельефа и объясненіе его надписи по первой статьѣ Снегирева, а затѣмъ, въ кавычкахъ, и объясненіе значенія его Снегиревымъ въ «Московскихъ Древностяхъ» авторъ не счелъ нужнымъ ни добавить какія-либо замѣчанія по поводу объясненія этого, ни привести указанія на ближайшее происхожденіе рельефа изъ Вел. Устюга, а не изъ Италіи.

рельефа Успенскаго все ту же излишнюю зависимость отъ толкованій И. М. Снегирева; эта зависимость выразилась въ приведеніи латинской надписи рельефа не по оригиналу, а по исправленному чтенію ея Снегиревымъ, и въ буквальномъ, въ кавычкахъ, повтореніи Снегиревскаго символическаго толкованія изображенныхъ на рельефѣ фигуръ; между тѣмъ самъ Н. Н. Соболевъ называетъ рельефъ просто (и вѣрно) «изображеніемъ св. Георгія» и считаетъ его «итальянскимъ произведеніемъ второстепеннаго мастера»: очевидно, что отвергнуть рѣшительно толкованія Снегирева и ему помѣшало загадочное присутствіе на рельефѣ копій съ надписи Константиновой триумфальной арки...

Необъятность русской и иностранной литературы о Москвѣ и ея памятникахъ дѣлаютъ вышеприведенныя литературныя справки и выдержки въ значительной мѣрѣ случайными и, несомнѣнно, далеко не полными. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы толкованія Снегирева не нашли себѣ болѣе ясныхъ и болѣе рѣзкихъ опроверженій; но намъ не удалось, къ сожалѣнію, найти ихъ, и прочность, можетъ быть лишь намъ кажущаяся, установленнаго Снегиревымъ толкованія побудила насъ столь пространно излагать и разбирать его.

Лично же для насъ, какъ и для многихъ, кому сразу ясно видна и невозможность относить рельефъ къ IV в. по Р. Х. и безнадежность усмотрѣть на немъ что-либо иное, кромѣ чуда св. Георгія со зміемъ, единственнымъ непонятнымъ, а потому и интереснымъ, вопросомъ являлось присутствіе здѣсь копій съ надписи на аркѣ Константина. Этотъ вопросъ въ отрицательной его части рѣшается, конечно, быстро и безповоротно: никакой разумной связи надпись эта съ изображеніемъ не имѣетъ, а слѣдовательно и присутствіе ея можетъ объясняться лишь какой-то случайностью, не поддающейся обсужденію, да, пожалуй, и не заслуживающей его. Но такимъ утвержденіемъ нельзя положить конца контроверсѣ, такъ какъ оно многими было бы сочтено слишкомъ опрометчивымъ и радикальнымъ, и они предпочли бы хотя бы и невѣроятныя объясненія Снегирева столь отрицательному ихъ разбору. Приходится, слѣдовательно, итти далѣе. Но тутъ, на пути къ прямому отысканію какихъ-либо указаній на мѣсто и время изготовленія рельефа, мы встрѣчаемъ преграду въ видѣ вопросовъ, связанныхъ съ нахожденіемъ рельефа ранѣе Москвы въ Великомъ Устюгѣ и съ тѣмъ толкованіемъ надписи, которое давалъ тамошній воевода, Петръ Степановичъ Потоцкій.

Разсмотрѣнію того, что извѣстно о судьбѣ рельефа въ Великомъ Устюгѣ и о личности названнаго воеводы, мы и посвящаемъ слѣдующую главу.

подвѣсти свѣтлы и златны иконъ

На устѣдѣтѣ великомѣ по поучену большоу
 слободѣ естѣ икона древяная теплая
 свѣта великомѣина и свѣтотерпца
 Христова Георгия. и на той иконѣ стоя
 ликтобразъ его великомѣина Георгия
 многообразной двѣрзавъ на трехъ наливъ
 драгимъ мастертвомъ тогда рѣзе не
 спозная, и гдѣсь ради дваселѣхъ стоя
 свѣта иконъ по указу цря. и великаго князя
 Алексея Михайловича прапавшаго тогда
 свѣтцы Россійскаго Свѣтотерпца
 и по блаженію великаго князя свѣтца
 хрѣста Патриарха Филарета и митрополита
 та дѣсти свѣтцы изъ гора усть-¹⁷⁴¹
 на двѣтаселѣхъ гора Моску до стѣнъ
 соборныхъ и свѣтцѣхъ иконъ успенія Протѣ
 бы и поставленіи дѣсти въ той же со-
 борной иконѣ двѣтаселѣхъ свѣта Лестра
 митрополита Моску и цря Росси
 гдѣтпорца.

на той же стѣнѣ иконѣ великомѣина Христова
 Георгия въ верху естѣ надпись древнимъ
 языкомъ, а по переводу зѣ древнаго язы-
 на великаго на устѣдѣтѣ двѣтаселѣхъ ¹⁶⁴³
 воеводи Лестра Степановича Лотозного
 на Россійскыи написано тако
 Великий Црь Константинъ Римскій и
 Прегескій моляся великомѣину и побдо-
 носцу Георгию за побѣду на праги дѣя су-
 тави и сарматъ, и двѣтаселѣхъ палъ тѣ
 двѣтаселѣхъ иконѣ постави о воплощеніи
 гдѣ ижего иса Христа двѣтаселѣхъ 333 годѣ

Рис. 26. Запись въ оконхѣ Георгіевской церкви въ Великому Устюгѣ (въ $\frac{3}{4}$ натур. велич.).

II.

Рельефъ въ Устюгѣ и воевода П. С. Потоцкій.

Наши изслѣдователи письменныхъ и устныхъ сказаній о св. Георгии неодно-
 кратно высказывали¹⁾ положеніе объ особомъ его почитаніи на Сѣверѣ: въ обла-

¹⁾ И. М. Снегиревъ, Русскіе престолярные праздники и суевѣрные обряды. I, 1837, стр. 48; III, 1838, стр. 74—77, 80; IV, 1839, стр. 196; въ главѣ о Юрьевѣ днѣ (III, стр. 65—80) говорится о культѣ св. Георгия и внѣ Россіи; повторяется ошибочная латинская цитата изъ Евсевія, но о рельефѣ Успенскаго собора не упоминается. А. П. Шаповъ, Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія

стяхъ Новгородской, Двинской и Вятской, и въ доказательство этого указывали на многочисленность тамъ церквей, ему посвященныхъ, на соотвѣтствіе представленій о немъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ, какъ о землеустроителѣ, колонизаторской дѣятельности русскихъ на Сѣверо-востокѣ Россіи, наконецъ, на сказанія, въ которыхъ онъ является прямымъ защитникомъ и помощникомъ Новгородскимъ выходцамъ въ борьбѣ ихъ съ Заволочскою Чудью: такова, напримѣръ, «повѣсть о градѣ Вяткѣ», въ которой св. Георгій съ копьемъ въ рукѣ является верхомъ на бѣломъ конѣ на кровлѣ церкви свв. Бориса и Глѣба въ осажденномъ Чудью городкѣ¹⁾, въ память чего до половины XVIII в. въ крестныхъ ходахъ изъ с. Волкова въ Хлыновъ (Вятку) носили вмѣстѣ съ иконою св. Георгія и какія-то окованныя желѣзомъ стрѣлы²⁾; подобный же рассказъ передавали объ одномъ поселеніи на р. Югѣ, гдѣ нѣкогда «видѣлся на крышѣ часовни воинъ, сидящій на бѣломъ конѣ и грозящій копьемъ своимъ разъяренной Чуди», которая при вторичномъ нападеніи опять видѣла «того же воина съ копьемъ, только не на лошади, а стоящаго просто», т.-е. и тотъ и другой разъ согласно двумъ типамъ изображеній св. Георгія на иконахъ³⁾.

(«Ж. М. Н. Пр.», 1863, т. 117 = Сочиненія А. П. Шапова. Томъ I. С.-Пб., 1906, стр. 47—172; о св. Георгіи, стр. 63—70; о культѣ его на Сѣверѣ Россіи, стр. 66—69).

И. П. Калинин, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси [«Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи», т. VII, С.-Пб., 1877, стр. 269—480], стр. 388—398; А. И. Кирпичниковъ, у. с. (см. выше, стр. 14, прим. 1) стр. 12; А. Н. Веселовскій, у. с. (ibid.), стр. 9, прим. 2; И. Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. I—V. С.-Пб., 1895, стр. 273, 275, 276; А. В. Рыстенко, у. с. (см. выше стр. 14, прим. 1), 203, 337, 430—431.

Ал. Макаренко, Сибирскій народный календарь въ этнографическомъ отношеніи. Енисейская губернія. С.-Пб., 1913. («Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. XXXVI) стр. 67—72, 123.

Интересна молитва св. Георгію на одномъ современномъ образѣ, гдѣ его роль земскаго строителя, характеризуется выраженіями, взятыми едва ли не изъ статьи Шапова, — С. П. Буренинъ, Двоевѣрческій образъ («Этнографич. Обзорніе», кн. X, 1891, № 3, стр. 237—238).

¹⁾ Указанія Калининскаго (стр. 394, прим. 2), Веселовскаго (стр. 9, прим. 2) и Рыстенко (стр. 337) на Архангелогородскій лѣтописецъ (М. 1919, стр. 131—192) невѣрно: въ указанномъ мѣстѣ «Повѣсти о градѣ Вяткѣ» нѣтъ. Изданія ея въ «Казанскомъ Вѣстникѣ», 1824. II, и «Вятскихъ Губери. Вѣдом.», 1866 г. указаны И. Ждановымъ (стр. 273, прим. 1), равно какъ и спеціальныи историческій разборъ этого сказанія В[ерецаг]инымъ: Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ. Вологда, 1887; въ изложеніяхъ сказанія П. Рычковымъ, также указанныхъ Ждановымъ, сказанія о явленіи св. Георгія — нѣтъ. Указанная выше ложная цитата идетъ видимо отъ Шапова (Сочин. I, стр. 68, гдѣ ссылка на «Архангельскую Лѣтопись». М., 1819, стр. 132 и 192).

²⁾ Объ обрядѣ этомъ уже, какъ объ отмѣненномъ, упоминалъ Рычковъ (Продолженіе журнала или дневныхъ записокъ... С.-Пб., 1772, стр. 41) и по нему Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., III, стр. 24, прим. 31—33, изд. Эйнерл.), который пользовался рк. Хлыновскаго лѣтописца въ портфеляхъ Г. Миллера, И. Ждановъ (у. с.), А. В. Рыстенко (у. с., стр. 431); о плохомъ христіанствѣ Хлыновцевъ см. Е. Е. Голубинскаго, Ист. Русск. Церкви, т. I, 1 (М., 1906), стр. 342—3, прим.; т. II, 1 (М., 1900), стр. 495—497, 558.

³⁾ Е. Кичинъ, Извѣстія объ основаніи четырехъ Халевскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда («Вологодскія Губери. Вѣдом.», 1845, № 11, прибавл., стр. 114—116). Изложеніе этой статьи даетъ и И. К. Степановскій (стр. 413—415), книга котораго («Вологодская Старина». Историко-археологическій сборникъ. Вологда, 1890) представляетъ драгоценный сборникъ свѣдѣній по Вологодской губерніи, собранныхъ изъ мѣстныхъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей, Памятныхъ Книжекъ и т. п. Но, такъ какъ изложеніе соотвѣтственныхъ статей дается составителемъ сборника нерѣдко въ сокращеніи, то при ниже слѣдующихъ ссылкахъ нашихъ на мѣстныя «Вѣдомости», мы сочли излишнимъ добавлять указанія и на книгу Степановскаго, гдѣ изложеніе той или другой статьи по оглавленію и указателю очень легко найти тѣмъ, кому недоступны крайне рѣдкіе комплекты «Вѣдомостей».

Въ данномъ случаѣ справка съ книгою Степановскаго оказалась весьма полезна, такъ какъ смъ Древности. Т. XXV.

Съ другой стороны, однако, и Иванъ III, идя въ 1471 г. на Новгородъ, призывалъ, по словамъ составителя Повѣсти объ этомъ походѣ, въ числѣ другихъ святыхъ помощниковъ во браняхъ и «Егорья Храбраго»¹⁾, и украшалъ рельефнымъ его изображеніемъ Флоровскія ворота своего кремля (см. выше стр. 149, прим. 1).

Сѣверное же, новгородское, происхождение усвоется и большей части изданныхъ въ послѣдніе годы древнихъ и старыхъ русскихъ иконъ, изображающихъ св. Георгія коннымъ побѣдителемъ страшнаго змія²⁾.

Деревянные рѣзные изображенія чуда св. Георгія о змѣи, какъ и прочія старорусскія рѣзные иконы, также признавались за издѣлія преимущественно сѣверной Россіи³⁾. И дѣйствительно, для нѣкоторыхъ изъ нихъ происхождение это устанавливается съ несомнѣнностью⁴⁾. Сѣвернаго же происхожденія, конечно, и многіе изъ мѣдныхъ литыхъ образковъ съ изображеніемъ св. Георгія, поражающаго змія: хорошій складень этого рода пожертвованъ въ музей Петроградской Духовной Академіи гр. С. Гр. Строгановымъ⁵⁾.

Такимъ образомъ изученіе и литературныхъ и вещественныхъ памятниковъ приводитъ специалистовъ въ двухъ разныхъ областяхъ знанія къ одинаковому заключенію объ особомъ почитаніи св. Георгія вообще, и какъ змѣборца въ частности,

не только исправляетъ имя «Халевскихъ» приходовъ въ «Халезскіе», но прибавляетъ еще изложеніе другой статьи, гдѣ приведено упоминаніе «городка Халезецъ» въ Старо-Георгіевскомъ приходѣ, изъ писцовой книги 1626 года (*Степановскій*, у. с., стр. 415).

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, т. VI. С.-Пб., 1853. Продолж. Софійск. I лѣтописи, стр. 9.

²⁾ Древнѣйшая, вѣроятно, изъ нихъ такъ наз. Погодинская икона св. Георгія, съ житіемъ, хранящаяся нынѣ въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III въ Петроградѣ, издана, но лишь въ деталяхъ *А. В. Прюхоровымъ*. «Русскія Древности», I. 1871. Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ, стр. 53—56, съ тремя таблицами; часть житія и въ «Русской иконѣ». Сборникъ 3. 1914, стр. 172. Вотъ еще нѣкоторыя иконы въ хорошихъ, современныхъ, воспроизведеніяхъ; мы помѣщаемъ въ скобки указанія на вторичныя воспроизведенія тѣхъ же иконъ, оставляя безъ скобокъ лишь лучшее изъ воспроизведеній.

Н. П. Лихачевъ, Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. С.-Пб., 1906, табл. CLIV, 268, табл. CCCIV, 570 и 71 (1827 года).

Исторія Русскаго Искусства, издаваемая *Иг. Грабаремъ*, томъ VI, 1, рисунки на стр. 35, (63), 193 (стоящая фигура), 254, (259), и табл. въ краскахъ къ стр. 208.

Русская Икона. Сборникъ 2. С.-Пб., 1914, стр. 127, въ краскахъ; Сборникъ 3. С.-Пб., 1914, стр. (194).

П. Муратовъ, Древнерусская иконопись въ собраніи И. С. Остроухова. Москва, 1914, рис. на стр. 15, табл. 6, (7), (9).

³⁾ *П. Н. Петровъ* («Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», 1890, стр. 58: «... Въ древней Руси — если разумѣть подъ этимъ больше Сѣверо-Востокъ, чѣмъ Юго-Западъ Европейской Россіи, мы готовы видѣть въ круглыхъ рѣзныхъ иконахъ времени христіанства видоизмѣненіе тѣхъ типовъ, которые имѣли кумиры первобытной славянской религіи»... «Таковы, между прочимъ, дошедшія до насъ отъ отдаленныхъ вѣковъ, близкихъ къ принятію Русью христіанства [??, sic!], рѣзные изображенія пророка Іліи со снопомъ, св. Власія съ домашнимъ рогатымъ скотомъ, св. Георгія на конѣ и Николая Чудотворца съ мечомъ въ десницѣ».

А. П. Новицкій (Исторія Русскаго Искусства. I. Москва. 1903, стр. 151—153) повторяетъ мнѣніе и фразы *П. Н. Петрова*, но гр. *А. А. Бобринской* (Народн. русск. деревян. издѣлія. 2-е изд. М. 1914, Общій указатель, стр. 3) прибавляетъ къ предположенію этому и нѣкоторыя оговорки.

⁴⁾ Наиболѣе виднымъ ихъ представителемъ является, отысканный нынѣ *Н. П. Сычевымъ* въ кладовыхъ Русскаго Музея Императора Александра III, всадникъ, — внѣ сомнѣнія св. Георгій, — изъ Новгородскаго Софійскаго собора, изданный въ «Древностяхъ Россійскаго Государства». Отдѣл. 1, № 4. (Гр. *А. А. Бобринской*, Народныя русскія деревянныя издѣлія. Изд. 2-е. Москва. 1914, табл. 115, 1). Рядъ рѣзныхъ деревянныхъ изображеній св. Георгія см. у гр. *А. А. Бобринскаго*, у. с., табл. 114, 1—9, табл. 115, 2; «Ист. Русск. Иск.», изд. *Иг. Грабаремъ*. Томъ VI, стр. 19; *Сахаровъ*. Моск. гербъ, т. II, р. 14.

⁵⁾ *Н. В. Покровскій*. Музей С.-Пб. Духовной Академіи. С.-Пб. 1909, стр. 29, табл. IX, 1.

на русском Сѣверѣ. Мы не можемъ, конечно, приниматься здѣсь за тщательную провѣрку и всестороннюю критику этого положенія, для чего было бы необходимо прежде всего собрать обширныя статистическія данныя о наименованіяхъ церквей въ разныхъ частяхъ Россіи и другихъ православныхъ странъ, соображая данныя эти и съ хронологіей и съ такими историческими случайностями, какъ личныя имена князей и иныхъ строителей храмовъ, и т. д., и т. д.

Сохранность на Сѣверѣ относительно большаго числа иконъ св. Георгія можетъ, напримѣръ, объясниться большими разореніями южной и западной Россіи, чѣмъ сѣверной и восточной, меньшимъ тамъ въ XVII и XVIII вв. вліяніемъ Запада, болѣею приверженностью жителей къ старинѣ, и т. д., и т. д. Съ другой стороны, явились бы, можетъ быть, и новыя данныя въ пользу этого положенія, такъ, напр., удалось бы, надо думать, установить какую-либо связь между русскими изображеніями коннаго св. Георгія, поражающаго змія, и такъ наз. «чудскими образами» въ видѣ всадника, нерѣдко попирающаго змія, съ одной стороны¹⁾, и скандинавскими сказаніями о змѣборцахъ и изображеніями ихъ — съ другой. Такимъ образомъ, не простою случайностью окажется, быть можетъ, нахожденіе одного изъ древнѣйшихъ изображеній чуда св. Георгія о змѣи въ одной изъ крайнихъ къ сѣверу русскихъ порубежныхъ твердынь. Замѣтимъ, однако, что мы вовсе не склонны къ предположенію, что Староладожская фреска есть самостоятельное русское произведеніе, не имѣвшее греческихъ источниковъ, и что мы рѣшительно не признаемъ возможности видѣть въ русскихъ рѣзныхъ иконахъ какого-либо наслѣдія нашей языческой старины (см. на предыдущей стр., прим. 3): если и будетъ доказана невозможность самостоятельнаго появленія ихъ на русско-православной почвѣ, то гораздо болѣе близкіе и болѣе вѣроятные источники для нихъ найдутся на христіанскомъ же Западѣ или Югѣ, чѣмъ въ древне-русскомъ язычествѣ. Мы говоримъ, разумѣется, только о художественныхъ формахъ, а не о религіозныхъ представленіяхъ, въ которыхъ осторожный изслѣдователь можетъ вполне убѣдительно указать и присутствіе элементовъ до-христіанскихъ. Всѣ эти вопросы, связанныя съ культомъ св. Георгія на Руси и внѣ ея, завлекли бы насъ далеко отъ нашей темы, занимаясь которою мы не могли, однако, умолчать о существующемъ уже въ нашей литературѣ мнѣніи объ особомъ распространеніи почитанія св. Георгія въ тѣхъ областяхъ, откуда привезено было въ Москву въ 1678 г. каменное рельефное изображеніе св. Георгія.

Въ Великомъ Устюгѣ церковь во имя св. Георгія впервые упоминается въ концѣ XV вѣка въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о пожарахъ, во время которыхъ она раздѣляла участь стоявшихъ подлѣ нея Успенскаго собора и церквей свв. Бориса и Глѣба, Козьмы и Даміана и св. Прокопія²⁾.

¹⁾ См. объ этихъ «образахъ» работы *Д. Н. Анучина* въ III томѣ «Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній». М. 1899, стр. 87—160, и *А. А. Спицына*: «Записки Имп. Русск. Археол. Общ.», т. IX, вып. 1—2. С.-Пб. 1899, стр. 166—176, и «Зап. Отд. Русск. и Слав. Арх. И. Р. Арх. Общ.», т. VIII, вып. 1. С.-Пб. 1906, стр. 29—117.

²⁾ Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ російскую исторію отъ 6360 (852) до 7106 (1598) года. Москва. 1819, стр. 199 и 204; въ 6998 (1490) г. «погорѣ на Устюгѣ посадъ отъ Скоморошнъ мовницы, и церкви соборная Успеніе святыя Богородица и три церкви Борисъ и Глѣбъ, Егорей святый, Козма

Въ этихъ извѣстіяхъ для нашей темы имѣетъ значеніе сосѣдство церквей Бориса и Глѣба и Георгіевской съ церковью, воздвигнутой на мѣстѣ погребенія Христа ради юродиваго св. Прокопія Праведнаго, славнаго на всемъ Сѣверѣ заступника Великаго Устюга: извѣстіе о пожарѣ 1490 г. ясно указываетъ, что около собора было еще три отдѣльныхъ церкви; въ 1496 г. ихъ оказывается уже четыре, и, дѣйствительно, та же лѣтопись (стр. 204) сообщаетъ, что въ 7003 (1495) г. «поставили на Устюзѣ церковь святаго Прокопія юродиваго Христа ради»; но эта ясная, повидимому, послѣдовательность фактовъ сталкивается, съ одной стороны, съ хронологическимъ показаніемъ Житія св. Прокопія, якобы надъ гробомъ его построена была уже въ 1471 г. церковь во имя св. Прокопія¹⁾, а, съ другой стороны, съ вопросомъ о самой возможности построения церкви во имя не канонизированнаго еще святаго, хотя онъ въ концѣ XV вѣка на Устюзѣ несомнѣнно уже чтился.

и Домьянъ, и посадъ погорѣ, Августа въ 1 день», и въ 7004 (1496) «мѣсяца Іюля въ 29 день на память Каллиника, въ третій часъ ночи, загорѣся церковь Успеніе изнутри, невѣсть отчего загорѣся, со всѣми иконами чудотворными и съ кузью и сосуды и книги, и не сняли и замка, ины церкви на площадѣ Борисъ и Глѣбъ, Прокопей святыи, Егорей святыи, Козма и Даміанъ, и дворовъ много».

Мы приводимъ ссылки лишь на извѣстія этого, такъ наз. Архангелогородскаго, лѣтописца, — который по многочисленнымъ извѣстіямъ объ Устюзѣ правильнѣе было бы называть Устюжскимъ, — въ виду его относительной древности по сравненію съ такъ наз. «Устюжскими лѣтописцами», составленными во второй лишь половинѣ XVIII в. и поздиѣ; они издавались неоднократно, въ послѣдній разъ *А. А. Титовымъ* («Лѣтопись Великоустюжская». Изданіе *А. К. Трапезникова*. Москва. 1889), который не считъ нужнымъ напечатать особо имѣвшійся въ его собраніи Устюжскій лѣтописецъ XVII в. (№ 1), составленный, быть можетъ, еще въ первой половинѣ XVII в. архіепископомъ Вологодскимъ Варлаамомъ (см. *А. Титовъ*, стр. 60, подъ 1642 г.: «далъ есмь вкладыше» и т. д.), который ранѣе былъ архимандритомъ Архангельскаго монастыря, возстановившимъ въ 1625 г. каменный крестъ на мѣстѣ кончины св. Прокопія Устюжскаго (*ibid.*, стр. 58); послѣдняя выписка изъ этого лѣтописца у *Титова* (у. с., стр. 63) относится къ 1649 г.

Статья о лѣтописяхъ города Устюга Великаго у *И. К. Степановскаго* («Вологод. Старина», стр. 530—531, по «Вологодск. Губерн. Вѣдом.». 1857 г.), весьма неполна; указанія на рукописи и печатныя изданія Устюжскихъ лѣтописцевъ см. у *В. И. Срезневскаго* въ его отчетахъ о поѣздкахъ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи въ 1901 и 1902 гг. (см. «Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ», т. VII, 1902, кн. 2-я, стр. 249—251; т. VIII, 1903, кн. 3, стр. 127—145).

Одинъ Устюжскій лѣтописецъ (Изв. О. Р. Я. и С. И. А. Н., т. VIII, 1903, кн. 3, стр. 131) подъ 1489 г. сообщаетъ «того жъ года сгорѣ на Устюзѣ Великомъ отъ скоморошья избы посадъ и соборная церковь и другія многія». Въ выпискѣ изъ неуказаннаго источника у *Карамзина* («Ист. Гос. Росс.», т. VI, прим. 629 ст. 99, изд. Эйнерл.) подъ 1490 г.: «погорѣ на Устюзѣ посадъ отъ скоморошья мовницы и соборная церковь Августа 1». Въ обоихъ извѣстіяхъ рѣчь идетъ, очевидно, о пожарѣ 1490 г. по Архангелогородской лѣтописи, но отсутствіе поименнаго перечисленія церквей наводитъ на мысль, не вставлены ли имена ихъ въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ въ извѣстіе 1490 г. изъ извѣстія 1496 г.

¹⁾ См. «Житіе преподобнаго Прокопія Устюжскаго». С.-Пб. 1893. Изданія Имп. Общ. Любителей Древн. Письменности, № СIII, л. 60—64 об., стр. 35—36 (вмѣсто этой двойной пагинаціи изданія мы будемъ ниже цитировать его по печатнымъ страницамъ, замѣняя славянскія буквы цифрами). *В. Шляпкинъ* [см. на слѣд. стр., прим. 2] указалъ (у. с., стр. 25, прим.) на ошибочность наименованія Прокопія въ этомъ, единственномъ (въ 1894 г. Московская духовная цензура печатать Житіе не разрѣшила: см. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ», т. VII, 1902, кн. 4, стр. 153) печатномъ изданіи его Житія — «преподобнымъ», каковымъ онъ никогда не именовался и именоваться не могъ. Объ исторической ненадежности Житія этого см. *В. О. Ключевскаго*, Древне-русскія житія святыхъ, какъ исторической источникъ. Москва, 1871, стр. 277, 387—388, и *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. Москва, 1903, стр. 78—79. Послѣдній сомнѣвается даже въ указываемомъ Житіемъ годѣ (1303), когда скончался св. Прокопій, «на самомъ дѣлѣ, какъ кажется, жившій гораздо поздиѣ, — въ концѣ XIV — началѣ XV вѣка» (у. с., стр. 78). Стихиры и канонъ ему были уже при царѣ Иванѣ III *Anzien, Сергій*. Полный мѣсяцесловъ Востока. Владиміръ, 1901, т. II, стр. 205).

Разбирать этотъ вопросъ, какъ и многіе иные, связанные съ исторіей Устюга до начала XVI в., здѣсь, конечно, не мѣсто: ихъ разъяснять когда-нибудь при специальной научной разработкѣ исторіи этого столь важнаго нѣкогда центра Сѣверо-Восточной Руси; разъяснятся тогда, надѣмся, и извѣстія объ удивительномъ, кругломъ о двадцати стѣнахъ, деревянномъ соборѣ, воздвигнутомъ, вѣроятно, въ подражаніе круглымъ каменнымъ церквамъ скорѣе Скандинавіи, чѣмъ Арменіи¹⁾.

А пока намъ приходится довольствоваться весьма вѣроятной гипотезой мѣстныхъ историковъ Устюжскихъ церквей²⁾, что церковь, воздвигнутая надъ могилою св. Прокопія и потому носившая въ просторѣчьи его имя, освящена была во имя свв. Бориса и Глѣба, хотя въ Житіи св. Прокопія въ разказахъ о чудесахъ, совершавшихся надъ его гробомъ, церковь, гдѣ находилась рака святого, постоянно именуется церковью во имя св. Прокопія. Аналогіей можетъ служить показаніе житія св. Іоанна Устюжскаго о построеніи Ѳедоромъ Тутыгинимъ церкви «надъ мощми бл. Іоанна во имя Происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня». Была ли церковь свв. Бориса и Глѣба тождественна съ церковью св. Прокопія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ находеніе въ Устюгѣ подлѣ Успенскаго собора Борисоглѣбской церкви объяснялось, по весьма вѣроятному предположенію Шляпина (у. с., стр. 59—60), подражаніемъ Ростову Великому, въ политической, а позднѣе лишь въ церковной, зависимости отъ котораго стоялъ Устюгъ. Построеніе тутъ же церкви во имя св. Георгія связывалось, вѣроятно, съ особымъ почитаніемъ этого святого на Сѣверѣ, о чемъ рѣчь была выше.

Дальнѣйшая исторія деревянныхъ церквей близъ деревяннаго же собора знаменуется опять-таки лишь пожарами. Въ 7060 (1552) года «мѣсяца іюля въ 18 день, въ день святого Леонтія, въ субботу полдень передъ вечернею поднялася церковь соборная отъ грома отъ молніи, а стояла 50 лѣтъ, а высота была до большихъ зубцовъ, сто зубцовъ безъ пяти» (Архангелогор. Лѣтоп., стр. 227). Хранившійся нѣкогда въ Устюгѣ антиминсъ Борисоглѣбской церкви, помѣченный 11 сентября 1552 г.³⁾, позволяетъ заключить, что вмѣстѣ съ соборною церковью въ тотъ же по-

1) Первое построеніе собора въ Устюгѣ относится къ 1290 г.; на возможную зависимость круглаго зданія, построеннаго въ 1397 г. отъ скандинавскихъ церквей, а равно и на существованіе на Руси иныхъ круглыхъ деревянныхъ церквей указывалъ уже *Е. Е. Голубинскій* («Ист. Русск. Церкви», т. I, 2, Москва, 1881, стр. 113—116), но напрасно онъ говорилъ о возможности языческаго еще происхожденія этого типа: круглая, каменная нерѣдко, церкви Скандинавіи, какъ и Чехіи и Моравіи, явились, конечно, какъ христіанскія подражанія ротондѣ Гроба Господня.

2) Описаніе Великоустюжскаго Успенскаго собора, составленное протоіереемъ *Н. Румовскимъ*. Вологда, 1862. 8°, 136 стр.; по *Степановскому* (у. с., стр. 168—172) изъ Волог. Губерн. Вѣдом. 1851 г.

Описаніе Великоустюжскаго Прокопьевскаго собора, составленное Великоустюжской Спасо-Серафимской церкви священникомъ *Арсеніемъ Поповымъ*. Вологда, 1859, 8°, 56 стр.; см. стр. 9.

Его-же. Великоустюжскій Прокопьевскій соборъ («Вологодская Епархіальная Вѣдомости», 1874, прибавл., стр. 311—318, 333—342), см. стр. 312—313.

Его-же. Георгіевская церковь въ Устюгѣ («Волог. Епарх. Вѣдом.», 1878, прибавл., стр. 250—258), см. стр. 25.

В. Шляпинъ, Житіе праведнаго Прокопія, Устюжскаго чудотворца, и историческое описаніе Успенскаго Прокопьевскаго собора. С.-Пб., 1903. 8°, II+198+XIV стр., съ 13 табл. и 1 планомъ; см. стр. 59.

3) *А. Поповъ* (Опис. Прокоп. соб., 1859, стр. 9, и «Вологод. Епарх. Вѣдом.», 1874, приб., стр. 314) сообщилъ даты антиминсовъ съ явною ошибкою или опечаткою: «7060 (1552) сентября 11» и «7098

жаръ пострадали и сосѣднія. Чѣмъ объяснялась выдача новаго антиминса въ Борисоглѣбскую церковь въ 1590 (или 1589?) году остается не извѣстнымъ, равно какъ не знаемъ мы, существовала ли въ XVI вѣкѣ Георгіевская церковь отдѣльно, или какъ придѣлъ иной церкви, или же ея временно не было вовсе: Устюжскіе акты въ концѣ XVI и началѣ XVII в. упоминаютъ особо «поповъ Прокопѣвскихъ» и «поповъ Борисоглѣбскихъ» (см. В. Шляпинъ, у. с., стр. 150, 162), изъ чего, однако, нельзя еще заключить о раздѣльности церквей, такъ какъ въ 1630 году упоминаются священники и Прокопѣвскій и Борисоглѣбскій, а между тѣмъ въ это время всѣ три церкви составляли одно зданіе.

Сотная книга Устюга Великаго 7138 (1630) года, составленная по писцовымъ книгамъ 7131—7134 (1623—1626) годовъ, описываетъ церковь эту такъ: «въ острогѣ же церковь Прокопія праведнаго Устюжскаго чудотворца, древяна о пяти верхахъ, да въ придѣлахъ св. страстотерпцовъ Бориса и Глѣба, да страстотерпца Христова Георгія¹⁾»; ни въ Прокопѣвской, ни въ другихъ церквахъ Устюга, рѣзныхъ иконъ св. Георгія опись 1630 года не упоминаетъ.

Дальнѣйшая судьба и этой церкви точно не извѣстна: можно предполагать, что и она сгорѣла въ большой пожаръ 28 апрѣля 1649 года, когда обгорѣлъ и даже разсѣлся каменный уже тогда Успенскій соборъ, который послѣ того отстраивался долгое время; сохранился и антиминсъ, данный «къ церкви св. праведнаго Прокопія, Устюжскаго чудотворца. Священа бысть церковь сія въ лѣто 7157 (1649) іюля въ 1 день»²⁾. Ни въ этой церкви, — о которой мы, правда, никакихъ иныхъ свѣдѣній не имѣемъ, — ни въ смѣнившейся ей въ 1668 каменной церкви св. Прокопія придѣловъ свв. Бориса и Глѣба и св. Георгія не упоминается и можно думать, что въ

(1690) декабря 15»; въ обоихъ случаяхъ вычестъ слѣдовало 5509, а не 5508, что и давало бы 1551 и 1589 гг. В. Шляпинъ (у. с., стр. 62—63) повторилъ даты о. Арс. Попова, безъ всякой оговорки. Связь выдачи новаго антиминса съ пожаромъ столь вѣроятна, что мы предполагаемъ у о. Арс. Попова опечатку или описку вм. 7061.

¹⁾ Описью 1630 г. пользовался уже о. Арс. Поповъ (Опис. Прокоп. Соб., 1859, стр. 10—18); полнотію сотная книга издана Н. А. Н[айденовымъ] въ книгѣ: Устюгъ Великій. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. Москва, 1883, 4°. Изданіе А. К. Трапезникова. Опись Прокопѣвской церкви см. тамъ на стр. 6—8.

Въ иконостасѣ этой церкви упомянуть «образъ мѣстной съ притворы, въ кіотѣ, великаго чудотворца Николы, рѣзной, на притворѣхъ написано житіе святаго Николы»: этотъ образъ, конечно, деревянный, былъ по своему устройству въ видѣ складня съ изображеніями изъ житія Николая Чудотворца на створкахъ подобенъ тому виду, какой имѣлъ Устюжскій рельефъ св. Георгія въ Москвѣ въ 1701 г.; (см. описаніе еще рѣзного образа Николая же Чуд. — тамъ же, стр. 75); въ описи придѣлы Борисоглѣбскій и Георгіевскій болѣе не упоминаются; не упомянуто ни одной иконы свв. Бориса и Глѣба, но «образъ свящеіномученика Власія, да великомученика Георгія на одной доскѣ, житіе писано обоихъ святыхъ» является въ описаніи образовъ иконостаса главной церкви.

Соединеніе на одномъ образѣ св. Георгія и св. Власія позволяетъ думать, что и тогда уже, какъ теперь (см. о. Арс. Поповъ въ «Вологодск. Епарх. Вѣдом.», 1878 г., стр. 257) пригоняли къ церкви въ Юрьевъ день 23 апрѣля лошадей. Рѣзныхъ иконъ св. Георгія не оказывается и въ прочихъ церквахъ Устюга, описанныхъ въ 1630 году, но опись эта далеко не включаетъ въ себѣ всей наличности иконъ въ церквахъ Великаго Устюга, а потому возможность нахождения въ одной изъ нихъ каменнаго рельефа св. Георгія молчаніемъ этимъ, строго говоря, не исключается.

²⁾ О пожарѣ и антиминсѣ см. Шляпина, у. с., стр. 65, приводящаго выписку изъ Устюжскихъ актовъ (Русск. Историч. Библіотека. XII, 1890, ст. 235) болѣе обстоятельную, чѣмъ свѣдѣнія о томъ же пожарѣ въ Устюжскихъ лѣтописцахъ.

возобновленной въ 1649 г. церкви св. Прокопія ихъ и не было, такъ какъ въ 1659 г. въ Устюгѣ является новая отдѣльная церковь, посвященная этимъ святымъ и построенная уже на иномъ мѣстѣ, внѣ городской стѣны, на старомъ кладбищѣ. В. Шляпинъ (у. с., стр. 66—67) весьма основательно предполагаетъ, что кладбище это ранѣе принадлежало, вѣроятно, приходу Прокопьевской церкви.

Возстановленіе престоловъ свв. Бориса и Глѣба и св. Георгія, — которые стали, какъ мы видѣли, изъ самостоятельныхъ церквей лишь придѣлами при церкви славнаго Устюжскаго чудотворца, — вновь какъ особой церкви можетъ, какъ намъ кажется, стоять въ нѣкоторой зависимости и отъ тѣхъ сказаній о чудесахъ отъ иконы свв. Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго, которыя составляютъ обыкновенно въ рукописяхъ непосредственное продолженіе Житія св. Прокопія: мѣстомъ чудесъ этихъ являлась церковь свв. Бориса и Глѣба въ монастырѣ того же имени въ Сольвычегодскѣ, гдѣ на указанномъ чудесными свѣтовыми явленіями мѣстѣ и была выстроена особая церковь во имя св. Прокопія послѣ чуда 1548 г., иначе говоря, немедленно послѣ того, какъ Московскій соборъ 1547 года призналъ Прокопій мѣстнымъ святымъ, постановивъ «праздновати и пѣти ему на Устюгѣ».

Чѣмъ бы ни руководились посадскіе люди Великаго Устюга посвящая новую церковь святымъ Борису и Глѣбу и св. Георгію, но для нашей темы важно то, что изъ нея именно и увезено было въ 1678 г. рельефное изваяніе св. Георгія въ Москву.

О мѣстѣ и времени построенія этой церкви мы имѣемъ совершенно точныя данныя, сохранившіяся въ записяхъ въ печатномъ октоихѣ каменной Георгіевской церкви, выстроенной на мѣстѣ Борисоглѣбской церкви въ 1735—1738 годах¹⁾ и существующей съ передѣлками доселѣ.

Исключительной любезности и просвѣщенному содѣйствію нашей работѣ со стороны настоятеля этой церкви, о. Вячеслава Ильинскаго, мы обязаны многими свѣдѣніями, какъ объ этомъ октоихѣ, такъ и о другихъ частностяхъ, остававшихся для насъ неясными по однимъ книжнымъ даннымъ.

Въ октоихѣ въ двухъ томахъ, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1666 г. и приложенномъ въ церковь свв. Бориса и Глѣба въ 1567 г. нѣкимъ Демидомъ²⁾, находятся двѣ записи объ ея построеніи, тождественныя по общему содержанию, но разнаго времени и разной, въ мелочахъ, формы: болѣе краткая, древнѣйшая и принадлежащая, судя по любезно изготовленному о. Вячеславомъ Ильинскимъ факсимиле, еще къ XVII вѣку, написана скорописью на нижней, пустой части

¹⁾ *Свящ. Арс. Поповъ* въ своей исторіи Георгіевской церкви («Вологод. Епарх. Вѣдом.» 1878, приб., стр. 250—258) приводитъ документальныя даты: постройка была начата по грамотѣ Великоустюжскаго архіепископа Сергія отъ 24 апрѣля 1735 г., Георгіевскій придѣлъ освященъ 19 ноября 1738 г., а Борисоглѣбскій 25 октября 1743 г. (у. с., стр. 253).

²⁾ Запись по листамъ второго тома сообщена мнѣ о. Вячеславомъ Ильинскимъ; она частью обрѣзана при переплетѣ; возстановляемое заключаемъ въ скобки: «Лѣта | (7175) 23.06 (т. е. отъ Р. Х., 1667) | іюня | [въ ...] день | [индикта?] въ 1 | положилъ | въ церковь | благовѣрнымъ | [княземъ Бориса] | и | Глѣба | нареченныхъ во святомъ | [крещеніи Рома]н-а | и Давида | и святаго | великаго | [мученика] | и побѣдоносца | Георгія | страстотерца | въ вѣчное | поминовеніе | по своимъ | [родителямъ?] | подписалъ | я Демидко | своею | рукою». Была подпись, вѣроятно подобная же, и по листамъ I тома октоиха, но она при переплетѣ срѣзана.

страницы передъ 6-мъ гласомъ, другая же, нѣсколько болѣе пространныя, тщательно выведенная полууставомъ, калиграфическимъ почеркомъ, на обратной сторонѣ гравюры передъ началомъ 1-го гласа въ нижней части страницы, верхняя часть которой занята другою записью, сдѣланною иною рукой и касающеюся исторіи другой церкви, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Приводимъ здѣсь, основываясь на любезныхъ сообщеніяхъ о Вячеслава Ильинскаго, болѣе пространныю запись объ основаніи церкви, при чемъ тѣ слова ея, которыхъ не оказывается въ краткой, болѣе древней записи, мы заключаемъ въ прямыя скобки¹⁾.

[«Въ лѣто ~~ж~~рѣз (т.-е. 1659 по Р. Х.) года Іюня въ г' день обложили церковь во имя страстотерпцовъ Христовыхъ [Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи] Романа и Давида да страстотерпца Христова Георгія на новыхъ мѣстехъ по конецъ Песьи слободы. А крестъ поставленъ во рѣн (т.-е. 1659) году, Ноября въ кї' день. А освятили предѣль [святыхъ] благовѣрныхъ [великихъ] князей Романа и Давида рѣн (т.-е. 1659) году, Ноября въ кз' день [на память святаго великомученика Іакова Перскаго]. А другой предѣль великомученика Георгія освятили рѣа (т.-е. 1660) году Декабря въ г' день [на память святаго пророка Софонія. Подписаль той же церкви дьячекъ Ивашко Даниловъ Пустозерецъ»].

Ясно, что составитель болѣе подробной записи пользовался болѣе древнею, краткою, которая была, вѣроятно, внесена въ книгу по свѣжей еще памяти о построеніи церкви, вскорѣ послѣ поступленія въ церковь книги, т.-е. послѣ 1667 года, и потому является документомъ вполне надежнымъ.

Песья Слобода, въ концѣ которой поставлена была новая церковь, является уже въ описи Устюга 1630 года (см. Найденовъ, у. с., стр. 19-20, 36), какъ тянущаяся на 100—110 сажень за острогомъ, что по плану современнаго Устюга (см. у В. Шляпина, табл. къ стр. XII) и даетъ такое приблизительно протяженіе, что Георгіевская церковь (на планѣ № 16) придется дѣйствительно въ концѣ ея. Улицу того же имени находимъ и въ писцовой книгѣ 1676-83 годовъ; мѣсто находенія ея оставалось, конечно, то же: въ нижнемъ, считая по теченію Сухоны, посадѣ, за озеромъ, рядомъ съ Георгіевской и Красной слободами, близъ Мироносицкой площади²⁾, но длина ея, повидимому, увеличилась и имѣла уже около 140—125 сажень; по обѣ стороны улицы, въ семь сажень шириною, стояло около пятидесяти дворовъ, и въ одномъ изъ нихъ обиталъ «Георгіевской церковной дьячекъ Ивашко Даниловъ» (Найденовъ, у. с., стр. 116), у котораго, по переписной книгѣ 1677-78 г. (ibid., стр. 160), были «племянники: Васька 13 лѣтъ, Ивашко 9 лѣтъ, Даниловы». Это и былъ, конечно, составитель болѣе пространный записи о построеніи церкви.

Эта, воздвигнутая въ 1659—1660 гг., церковь описывается писцовой книгою 1676-83 гг. такъ: «за острогомъ на новыхъ мѣстехъ церковь св. страстотерпцевъ

¹⁾ Записи писаны, конечно, съ титлами; въ позднѣйшей имена Романа и Давида въ началѣ записи правильно поставлены въ именительномъ падежѣ.

²⁾ Н. Суворовъ, Устюгъ Великій въ концѣ XVII столѣтія. Вологда. 1864 (изъ Памятной книжки Вологодской губерніи на 1864 г.), стр. 27; Найденовъ, у. с., стр. 36, 115—116, 142.

Христовыхъ Бориса и Глѣба, нареченныхъ во св. крещеніи Романа и Давида, и св. великомученика Георгія Побѣдоносца, построена послѣ прежнихъ писцовъ» [т.-е. послѣ 1630 г.] (Найденовъ, стр. 74). «Колокольня рубленая съ шатромъ, глава и крестъ обиты желѣзомъ, а колоколовъ на ней большихъ и малыхъ 8, вѣсомъ 37 пудовъ 25 фунтовъ; а то все церковное строеніе мірское приходскихъ людей, а причетники церковные питаются подаваніемъ приходскихъ людей, около той церкви старого кладбища».... [слѣдуютъ размѣры] (ibid., стр. 75). Опись самой церкви очень мало сообщаетъ о церкви св. Бориса и Глѣба, которая была, вѣроятно, гораздо меньше «Георгиевской службы»: въ послѣдней стояла и икона свв. Бориса и Глѣба въ дорогомъ окладѣ, другая икона благовѣрныхъ князей съ житіемъ, также въ серебряномъ окладѣ, находилась въ трапезной; среди книгъ упомянута «книга житіе Бориса и Глѣба и Георгія въ полдестъ письменная», которая и подтверждаетъ увѣренность А. В. Рыстенко (у. с., стр. 203), «что въ церквахъ, посвященныхъ св. Георгію, гдѣ совершались въ честь его службы, несомнѣнно, читались его житіе и его чудеса». Новая церковь являлась, слѣдовательно, преемницей старой Борисоглѣбской церкви, но теперь въ ней главное и, вѣроятно, большее мѣсто занималъ Георгіевскій придѣлъ, сообразно чему въ другихъ мѣстахъ писцовой книги и церковь и находившаяся за нею слобода назывались только Георгіевскими; равнымъ образомъ и въ перечнѣ Устюжскаго духовенства въ переписной книгѣ 1677-78 гг. Борисоглѣбскаго не оказывается вовсе и упоминаются лишь (у. с., стр. 160): «Георгиевскій поць Аникией Аванасьевъ», «Георгиевскій дьячекъ Ивашко Даниловъ», «Георгиевскій пономарь Савка Венедиктовъ»; книга эта составлялась между 27-го іюня 1677 г. и 31-го января 1678 г., а слѣдовательно этимъ же самымъ лицамъ пришлось, вѣроятно, исполнять патриаршій указъ отъ 17 марта 1678 г. объ отсылкѣ въ Москву каменнаго рѣзного изображенія св. Георгія изъ ихъ церкви, которая въ указѣ этомъ именуется, какъ мы видѣли выше (стр. 133), ея официальнымъ, такъ сказать, именемъ Борисоглѣбской. Подобно тому, какъ на старомъ мѣстѣ Борисоглѣбская первоначальная церковь стала постепенно св. Прокопія, такъ и «на новыхъ мѣстахъ» слава св. Георгія Побѣдоносца вытѣснила изъ общаго употребленія основное наименованіе церкви Борисоглѣбскою, хотя Георгіевскій придѣлъ былъ освященъ позднѣе; въ Устюжскихъ актахъ 1694 г. (Русск. Ист. Библ. XII, ст. 1137—39) оказывается однако и «Борисоглѣбской дьячекъ Володка Бушуевъ».

Намъ думается, что причины этого могли быть и общія, напримѣръ, тѣ особые церковно-мірскіе обряды, которые связаны были въ старой Руси съ почитаніемъ св. Георгія, какъ общинные пиры при церкви и молебствія надъ лошадьми и инымъ скотомъ въ весенній Юрьевъ день, и частныя, какъ напримѣръ, особая извѣстность въ городѣ какого-либо образа св. Георгія, въ этой именно церкви находившагося, т.-е., быть можетъ, того именно рельефа, который является предметомъ нашихъ изысканій.

Къ сожалѣнію, въ писцовой книгѣ Великаго Устюга, составлявшейся съ 1676 года по 1683, въ промежуткѣ между которыми произошло не мало измѣненій, особенно вслѣдствіе пожаровъ 1677 и 1679 годовъ, въ Георгіевской церкви описывается лишь одинъ,

Древности. Т. XXV.

стоявшій, очевидно, въ иконостасѣ, какъ мѣстный, и писанный, конечно, на деревѣ, «образъ великомученика Георгія, вѣнецъ и цата серебряныя золочены, въ вѣнцѣ и цатѣ камень вареничное, ожерелье жемчужное небольшое, поля обложены серебромъ басмяннымъ; пелена въ срединѣ комка лазоревая травчатая, окладка дороги красныя, вышитъ крестъ золотомъ» (Найденовъ, у. с., стр. 75). Святой на этомъ образѣ былъ представленъ, вѣроятно, не коннымъ, а или стоящимъ во весь ростъ или, еще вѣроятнѣе, погрудно¹⁾.

Былъ ли этотъ образъ главнымъ образомъ церкви съ самаго ея построения или же онъ сталъ таковымъ лишь послѣ увоза въ Москву рельефнаго образа, никакихъ прямыхъ указаній на то мы не имѣемъ; выше (стр. 174 прим. 4) мы видѣли примѣры, что мѣстными образами бывали и рѣзные со створками образа Николая Чудотворца, слѣдовательно, мѣстнымъ образомъ могъ бы быть и рельефъ каменный. Но намъ все же представляется болѣе вѣроятнымъ думать, что вышеописанный деревянный, въ серебряномъ окладѣ, образъ былъ мѣстнымъ съ самого освященія церкви въ 1660 г. и, вѣроятно, даже происходилъ еще изъ стараго Георгіевскаго придѣла Прокопьевской церкви: ему стоять въ иконостасѣ и быть носиму въ крестныхъ ходахъ было, очевидно, гораздо приличнѣе и удобнѣе, нежели тяжелому каменному рельефу, къ тому же ясно выраженнаго западнаго характера.

Впрочемъ мѣстное Устюжское извѣстіе утверждаетъ противное и прямо называетъ увезенный въ Москву рельефъ мѣстнымъ и притомъ чудотворнымъ образомъ.

Къ разбору этого-то, упоминавшагося уже выше (см. стр. 151), свидѣтельства намъ и надлежитъ теперь приступить, такъ какъ даже внесенное въ одинъ изъ позднихъ Устюжскихъ лѣтописцевъ (Титова № 2) извѣстіе объ увозѣ рельефа основано всецѣло на патріаршей грамотѣ 1678 г., и потому ничего новаго не даетъ²⁾.

Наоборотъ, другое Устюжское свидѣтельство объ увезенномъ въ Москву рельефѣ отъ патріаршей грамоты, къ ущербу исторической точности его, не зависитъ и даетъ о немъ неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ подробности.

Этимъ свидѣтельствомъ является запись въ томъ же октоихѣ Георгіевской церкви, сдѣланная во 2-мъ томѣ его, на оборотѣ гравюры, изображающей св. Іоанна

¹⁾ Этотъ образъ нельзя, по всей видимости, отождествить ни съ однимъ изъ двухъ образовъ св. Георгія, находящихся нынѣ въ церкви и описываемыхъ о. Вячеславомъ Ильинскимъ такъ: «Въ тепломъ храмѣ св. Великомученикъ на иконѣ изображенъ сидящимъ на конѣ и поражающимъ змія съ лѣвой руки. Вверху его благословляющій Спаситель и ангелъ въ облакѣ, царица изображена стоящей сзади со сложенными на груди руками». «Въ холодномъ храмѣ икона святаго Великомученика тоже съ чудомъ, письма древняго, какъ видно изъ подписи на иконѣ. Угодникъ поражаетъ змія съ правой руки, царица стоитъ впереди коня со сложенными на груди руками. Икона безъ ризы. Подъ конемъ надпись: *зсіі мѣа августа въ мѣ дѣ. П. Ф. С. П. Ф. Г. Ж.* Икона величиною до двухъ аршинъ, шириною 5 четвертей».

²⁾ А. А. Титовъ, Лѣтопись Великоустюжская. 1889, стр. 68: «Въ то же лѣто [1677 вмѣсто 1678] по указу святѣйшаго патріарха Іоакима, архимандритъ Архангельскаго монастыря Арсеній изъ церкви Бориса и Глѣба икону св. великомуч. и побѣдоносца Георгія, что высѣчена на камени и подписана на имя греческаго великаго даря Константина, взялъ и отправилъ въ Москву, въ Чудовъ монастырь, къ святѣйшему патріарху». Всѣ слова этой замѣтки заимствованы изъ грамоты 1678 г.; авторъ ея сдѣлалъ, очевидно, то же заключеніе о немедленномъ послѣ полученія грамоты увозѣ рельефа, какъ и мы въ началѣ нашего изслѣдованія, т.-е. заключеніе весьма вѣроятное, но не болѣе. Такъ, вышеупомянутый Георгіевскій свящ. Іоанникій въ 1681 г. возвращался почему-то изъ Ростова въ Устюгъ; цѣль этой поѣздки не указана; повидимому, онъ отвозилъ митрополиту «десятину» (см. «Русск. Ист. Вѣст.» XII, ст. 543).

Дамаскина, т.-е. въ самомъ началѣ книги. Эта запись, носящая явно несоотвѣтствующее ни краткости ея, ни чисто фактическому содержанию, заглавіе: «Повѣсть о святѣй и честнѣй иконѣ», издана была П. И. Савваитовымъ, который посѣтилъ Великій Устюгъ лѣтомъ 1841 года, сопровождая преосв. Иннокентія (Борисова), бывшаго тогда Вологодскимъ епископомъ¹⁾.

Значительно позднѣе запись напечатана была вторично о. Арс. Поповымъ въ его исторіи Устюжской Георгіевской церкви; но эта копія оказывается расходящейся съ изданіемъ П. Савваитова въ нѣкоторыхъ словахъ, а кромѣ того сопровождается еще какъ бы продолженіемъ той же «Повѣсти» (см. ниже, стр. 181 пр. 1).

Сличеніе этихъ двухъ изданій одной и той же записи повергло меня въ такія неразрѣшимыя сомнѣнія и недоумѣнія, что я рѣшился просить о содѣйствіи къ разрѣшенію ихъ теперешняго настоятеля Георгіевской церкви въ Великому Устюгъ и встрѣтилъ со стороны о. Вячеслава Ильинскаго полное и чрезвычайное вниманіе къ моимъ вопросамъ, за что и приношу ему искреннѣйшую благодарность. Разногласіе П. И. Савваитова и о. Арс. Попова онъ объяснилъ мнѣ тѣмъ, что первый списывалъ запись съ оригинала, а второй съ церковной лѣтописи, составленной въ 1866 году. Его же исключительной любезности обязанъ я возможностью представить здѣсь (см. рис. 26) уменьшенное въ $\frac{3}{4}$ линейной величины факсимиле этой записи, которое нуждается лишь въ одномъ поясненіи.

При переплетѣ книги, вѣроятно не первомъ, правое поле страницы съ записью обрѣзано было такъ, что оказалась отрѣзанной часть послѣдней цифры одной изъ двухъ приписокъ, сдѣланныхъ на полѣ иною рукою и иными чернилами, чѣмъ самый текстъ. Приписки эти не одновременны: нижняя, 1643, дающая переводъ стоящаго противъ нея въ текстѣ года отъ сотворенія міра на годъ отъ Рождества Христова, написана болѣе свѣтлыми чернилами, чѣмъ урѣзанная верхняя. Послѣдняя, несмотря на порчу послѣдней цифры, читается несомнѣнно, какъ 1747, и обозначаетъ, очевидно, также годъ, но, къ чему годъ этотъ относится, остается неяснымъ: въ тѣхъ двухъ строкахъ, противъ которыхъ она приходится, упомянуто имя патріарха Филарета († 1633) и увозъ рельефа изъ Устюга (1678). Ни къ тому ни къ другому 1747 годъ относиться не можетъ. Въ исторіи Великаго Устюга годъ этотъ отмѣченъ принесеніемъ изъ Москвы копіи чудотворнаго образа Благовѣщенія Б. М. Устюжскаго, взятаго въ Москву въ 1567 г. и стоящаго въ томъ же Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находится и Устюжскій рельефъ св. Георгія; возможно, слѣдовательно, что, читая о взятіи образа изъ Устюга въ Москву, кто-то пожелалъ отмѣтить на поляхъ годъ возвращенія его, хотя бы въ копіи, въ Устюгъ, не сообразивъ, что рѣчь идетъ совсѣмъ объ иномъ образѣ²⁾. Но такое объясненіе приписки 1747 года

¹⁾ Статья П. И. Савваитова: «Дорожныя замѣтки отъ Вологды до Устюга», напечатана *Погодинымъ*, въ его журналѣ «Москвитянинъ», 1842 г., ч. VI, стр. 310—336; запись находится на стр. 334—335. «Воспоминанія о пребываніи въ г. Устюгъ, въ 1841 году [28-30 Іюля и 4-7 Августа] преосвященнаго Иннокентія, епископа Вологодскаго, впоследствии архіепископа Херсонскаго и Таврическаго» напечаталъ А. Гр... въ «Вологод. Епарх. Вѣдом.», 1884, приб., стр. 264—274.

²⁾ Составитель (въ 1780 г.) одной изъ Устюжскихъ лѣтописей о. Левъ Вологодинъ написалъ особую «Исторію или самаго дѣйствія описаніе» о принесеніи списка съ Устюжской иконы Благовѣщенія

на поляхъ «Повѣсти» особенно надежнымъ намъ не кажется и мы предпочитали бы видѣть въ ней какую-либо случайную помѣтку, сдѣланную для чего-либо въ самомъ 1747 году, если бы мѣсто, ею занимаемое, не указывало, по всей видимости, на какую-то связь этого года съ текстомъ.

Помѣщенное въ началѣ этой главы факсимиле записи (см. рис. 26) позволяет не утруждать читателей точною передачей орфографіи «Повѣсти».

Повѣсть о святѣй и честнѣй иконѣ.

«На Устюгѣ Великомъ по конецъ большой слободы есть церковь деревянная теплая Святаго Великомученика и Страстотерпца Христова Георгія, и въ той церкви стоялъ мѣстной образъ его, великомученика Георгія, многоцѣлебной, вырѣзанъ на трехъ каменяхъ драгимъ мастерствомъ, точію рѣзь несквозная, и чудесь ради бываемыхъ отъ тоя святяго иконы по указу Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, правящаго тогда скупетры Россійскаго Самодержавства, и по благословенію Великаго Господина Святѣйшаго Курь Патріарха Филарета Никитича взята бысть съ великою честію изъ града Устюга въ Богоспасаемый градъ Москву во святую соборную и апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и поставлена бысть въ той же соборной церкви въ предѣлѣ Святителя Петра, Митрополита Московскаго и всея Россіи чудотворца».

«На той же святой иконѣ Великомученика Христова Георгія въ верху есть надпись Греческимъ языкомъ, а, по переводу съ Греческаго языка бывшаго на Устюгѣ въ лѣта 7151 [1643] воеводы Петра Степановича Потоцкого, на Россійстѣмъ написано тако:

«Великій Царь Константинъ Римскій и Греческій моляся Великомученику и побѣдоносцу Георгію за побѣду на враги вся Султаны и Сармяны и въ вѣчную пам(я)ть въ большей церкви постави отъ воплощенія Господа нашего Исуса Христа въ 333 году».

П. И. Савваитовъ въ своемъ изданіи этой «Повѣсти» пропустилъ слова «деревяная, теплая» и «Римскій и», а вмѣсто «Московскаго» написалъ «Ростовскаго»; послѣ этого слова поставилъ въ скобкахъ восклицательный знакъ, а также указалъ въ примѣчаніи время смерти патріарха Филарета: «1 октября 1633 г.»¹⁾

Значительно болѣе измѣненій въ текстѣ сдѣлалъ въ 1866 г. составитель церковной лѣтописи Георгіевской церкви и во слѣдъ за нимъ прот. Арс. Поповъ

изъ Москвы въ Устюгъ (см. А. Титовъ, Лѣтопись Великоустюжская. 1889, стр. 142—161); запись П. Суворова («Устюжскій Лѣтописецъ». Вологда. 1874, перепечатанный изъ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1873 и 1874 годы, стр. 132—133; А. Титовъ, у. с., стр. 84—85) основана всецѣло на этой «Исторіи».

¹⁾ П. И. Савваитовъ предваряетъ копію такими словами: «въ Георгіевской церкви случайно открылъ слѣдующую замѣчательную «Повѣсть о святѣй и честнѣй иконѣ» (у. с., стр. 334), и заключаетъ: «Эта повѣсть записана въ октоихѣ. Вотъ какъ важно заглядывать во всякія книги: въ нихъ можно иногда находить точно важныя свѣдѣнія. Въ той же церкви запрестольный крестъ вырѣзанъ такимъ же «драгимъ мастерствомъ», какъ и образъ Георгія» (у. с., стр. 335).

въ своей исторіи этой церкви¹⁾. Нѣкоторыя слова прибавлены въ ней для ясности, другія переставлены, инныя замѣнены синонимами, инныя опущены, годъ переведенъ на эру отъ Р. Х., и т. п. Наиболѣе существенны замѣна обозначенія «большой» слободы — «Песьей», опредѣленія «большой церкви» выраженіемъ «велицѣй». Видимое противорѣчіе въ духѣ этихъ двухъ измѣненій легко объясняется: «Песья слобода» явилась изъ приведенной выше (стр. 176) записи Ивана Пустозерца о построеніи Борисоглѣбской, Георгіевской тожь, церкви, а подставляя вмѣсто «большой церкви» обычный книжный терминъ «велицѣй церкви», опредѣляющій св. Софію Константинопольскую, составитель лѣтописи также не измѣнилъ, а уяснилъ лишь смыслъ копируемаго оригинала. Въ описаніи образа онъ вставилъ слово «круглый» и замѣнилъ опредѣленіе рѣзи «не сквозная» словами «не сквозникъ». Самымъ же существеннымъ является добавленіе къ концу «Повѣсти», начинающееся словами «Преданіе говоритъ», написанное инымъ, болѣе современнымъ, языкомъ, безъ риторическихъ украшеній, и производящее поэтому впечатлѣніе или сокращеннаго изложенія своими словами окончанія «Повѣсти», котораго мы теперь не имѣемъ и которое показалось автору церковной лѣтописи недостойнымъ того, чтобы переписывать его полностью, или же записи дѣйствительно слышанныхъ составителемъ лѣтописи «преданій» или, вѣрнѣе, чьихъ-то личныхъ домысловъ объ иконѣ, прочная и живая народная память о которой въ Устюгѣ до половины XIX вѣка сохраниться, конечно, не могла.

Нечего говорить, сколь важна для нашей темы была бы возможность, если не отыскать предполагаемое окончаніе «Повѣсти», то хотя бы признать, что добавленіе къ «Повѣсти» дѣйствительно излагаетъ ея утраченный конецъ. Къ сожалѣнію, ни мы здѣсь, ни о. Вячеславъ Ильинскій въ Устюгѣ, не могли найти какихъ-либо прочныхъ доказательствъ вѣрности послѣдняго предположенія.

¹⁾ Вотъ копія соответствующаго мѣста церковной лѣтописи, любезно сообщенная мнѣ о. Вячеславомъ Ильинскимъ:

«На Устюгѣ Великомъ, по конецъ Песьей слободы, церковь деревянная теплая святаго Великомученика страстотерпца Христова Георгія, и въ той церкви стоялъ мѣстный Его образъ Георгія многоцѣлебный, вырѣзанъ на трехъ камняхъ, круглый, драгимъ мастерствомъ, точію рѣзь не сквозникъ, и ради чудесъ бывшихъ отъ тоя иконы святыя, по указу Царя Великаго Князя Алексѣя Михайловича, правяща тогда скиптръ Самодержавства, и по благословенію Великаго Господина Святѣйшаго Кирь Патріарха Филарета Никитича, взята бысть съ великою честію изъ града Устюга въ богоспасаемый градъ Москву, перенесена во святую соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и поставлена въ той соборной церкви въ придѣлѣ Петра Митрополита Московскаго и въ сенъ Россіи Чудотворца».

«На той святой иконѣ великомученика Христова Георгія вверху находится Греческая надпись, въ коей по переводу бывшаго на Устюгѣ въ 1643 году воеводы Петра Степановича Потоцкаго написано: «Великій Царь Константинъ Римскій и Греческій моляся великомученику и побѣдоносцу Георгію за побѣду на враги, и вся Султаны и съ Армяны и въ вѣчную память въ велицѣй церкви постави сей образъ отъ воплощенія Господа нашего І. Христа въ 333 году».

«Преданіе говоритъ, что эта икона до постройки Борисоглѣбской и Георгіевской церкви на новыхъ мѣстахъ находилась въ Прокопьевскомъ соборѣ. Приложена она въ Прокопьевскій соборъ будто бы чудесно, на защищеніе и избавленіе граду Устюгу отъ бѣдствій, неизвѣстнымъ военнымъ чиновникомъ, въ коемъ одни предполагають барона Строганова, а другіе самого Угодника въ видѣ военнаго человѣка».

Указывать незначительныя отличія между этой копіей и спискомъ, напечатаннымъ о. Арс. Половымъ въ «Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1878, приб., стр. 251), было бы излишне.

Прежде чѣмъ разбирать содержаніе «Повѣсти» попробуемъ опредѣлить время какъ внесенія ея въ октоихъ Георгіевской церкви, такъ, если окажется возможнымъ, и ея составленія.

По любезному сообщенію о. Вячеслава Ильинскаго отъ 22 января с. г., тою же самою, повидимому, рукою и тѣми же чернилами, какъ «Повѣсть» на пустой сторонѣ гравюры въ началѣ II тома октоиха, сдѣлана и другая запись на лицевой, т.-е. чистой, сторонѣ листа съ другою гравюрою въ началѣ I тома того же октоиха; эта запись содержитъ хронологическія данныя о каменной церкви преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, понынѣ стоящей близъ Георгіевской церкви¹⁾.

Счетъ отъ сотворенія міра, при употребленіи уже цифръ, да и самыя даты, касающіяся постройки церкви, указывали бы скорѣе всего на времена близкія къ нимъ, т.-е. на первую четверть XVIII вѣка, если бы не послѣднія двѣ строки о пожарѣ 1772 г. и о возстановленіи церкви въ 1781 г., которыя заставляютъ эту запись относить лишь къ концу XVIII вѣка; но при значительномъ сходствѣ почерка и чернилъ этой записи съ «Повѣстью» (см. рис. 26) оказываются и нѣкоторыя между ними различія: такъ буква д въ записи имѣетъ форму *d*, въ «Повѣсти» же *A* и *q*; тождество руки, писавшей «Повѣсть», съ рукою записи конца XVIII вѣка такимъ образомъ не несомнѣнно.

Между тѣмъ палеографически «Повѣсть», по любезному и компетентному сообщенію намъ Н. П. Лихачева, опредѣляется первой половиной XVIII вѣка. Присутствіе приписаннаго на полѣ, т.-е. позднѣе написанія текста, 1747 (года?) указываетъ, — если не считать года этого стоящимъ въ какой-либо связи съ текстомъ «Повѣсти», — на написаніе текста ранѣе этого года. Но значеніе этого года, какъ видѣли мы выше, для насъ остается не яснымъ.

Что же касается времени самого составленія повѣсти, то оно опредѣляется точнѣе. Надежную грань, ранѣе которой составлена повѣсть, говорящая въ настоящемъ времени о деревянной церкви св. Георгія, представляетъ 1735 годъ, когда, какъ мы видѣли выше (см. стр. 175), началось сооруженіе каменной Георгіевской церкви. Другою внѣшнею гранью является 1678 годъ, когда рельефный образъ св. Георгія потребованъ и, по всему вѣроятію, увезенъ былъ въ Москву. Но, разумѣется, предполагать составленіе «Повѣсти» въ скоромъ времени послѣ увоза рельефа изъ Устюга мы не имѣемъ права: такія грубыя хронологическія несообразности, какъ появленіе вмѣсто Θεодора Алексѣевича Алексѣя Михайловича, да еще какъ современника Филарета Никитича, показываютъ, что истинную дату увоза рельефа ко времени составленія повѣсти въ Устюгѣ, очевидно, успѣли уже забыть такъ же, какъ въ

¹⁾ Вотъ эта запись: «по благословенію Александра архіепископа»

«203 году къ церквѣ къ холодной каменной стали борозды копать».

«204 году обложили каменну церковь преподобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ».

«212 а отъ рождества 1704 году освящена сія церковь».

«1772 году апрѣля 9 погорѣла совсѣмъ»,

«а 781 году августа 3 паки освящена».

Записью этою пользовался и приводитъ ее въ своей исторіи Георгіевской церкви и о. Арс. Поповъ (см. «Вологод. Епарх. Вѣд». 1878, приб., стр. 255), который однако, мѣсто ея нахожденія ошибочно указавъ «на заглавномъ листѣ 5-го гласа»: можетъ быть, — опечатка вм. 1-го.

Москвѣ вскорѣ послѣ привоза его, забыли его Устюжское происхождение. Выше (стр. 135) мы видѣли, что въ 1697 г. рельефъ не висѣлъ еще въ Петропавловскомъ придѣлѣ, но что опись 1701 г. находитъ его уже тамъ. Устюжская повѣсть не могла быть, слѣдовательно, составлена въ XVII вѣкѣ и принадлежить, вѣроятно, первой трети XVIII столѣтія¹⁾.

Вопросъ объ источникахъ «Повѣсти» усложняется неразрѣшимымъ, по отсутствію данныхъ, сомнѣніемъ: имѣемъ ли мы въ записи октоиха Георгіевской церкви всю «повѣсть» полностью, или же лишь начало или половину ея, и не является ли сокращеннымъ изложеніемъ ея окончанія «преданіе», вписанное въ церковную лѣтопись вслѣдъ за «Повѣстью» (см. выше стр. 181 прим. 1). Эти сомнѣнія могутъ быть разрѣшены, очевидно, лишь находкою новаго списка «Повѣсти»; мы не имѣли, къ сожалѣнію, времени предпринять широкіе поиски иного списка ея по рукописнымъ собраніямъ и ихъ каталогамъ, но едва ли такіе поиски и увѣнчались бы успѣхомъ: «Повѣсть» эта не пользовалась извѣстностью внѣ Георгіевской церкви даже въ самомъ Устюгѣ, и о ней не зналъ никто изъ составителей многочисленныхъ Устюжскихъ лѣтописцевъ, изданныхъ и описанныхъ (см. выше, стр. 172, прим.); весьма возможно, что другого списка «Повѣсти» никогда и не существовало.

О времени увоза рельефнаго изображенія «чуда св. Георгія о змѣи» въ Москву составитель «Повѣсти» точныхъ данныхъ, очевидно, не имѣлъ; зная, что церковь св. Георгія выстроена была при Алексѣѣ Михайловичѣ и что икона была взята изъ нея, онъ и увозъ иконы отнесъ къ тому же царствованію. Причины требованія иконы въ Москву, не изложенныя, какъ мы видѣли, и въ подлинномъ патріаршемъ, а не царскомъ, какъ полагалъ составитель «Повѣсти», указѣ, оставались, вѣроятно, и ему неизвѣстными: проще и естественнѣе всего было, разумѣется, предполагать ихъ въ чудотворности иконы, что и сдѣлалъ авторъ, знавшій, вѣроятно, что другая прославленная чудесами Устюжская икона Благовѣщенія Б. М.²⁾ увезена была нѣкогда изъ Устюга въ Московскій Успенскій соборъ, гдѣ находился и Устюжскій

¹⁾ Остающийся такимъ образомъ періодъ между 1700—1735 гг., когда должна была быть написана «Повѣсть», могъ бы сузиться еще болѣе, если бы нашлись какія-либо прочныя доказательства того, что «преданіе», слѣдующее въ церковной лѣтописи за «Повѣстью» (см. выше, стр. 181, прим. 1), было, дѣйствительно, лишь позднѣйшимъ сокращеннымъ изложеніемъ утраченнаго теперь окончанія «Повѣсти», какъ то предполагали мы выше (стр. 181): новая хронологическая несообразность въ наименованіи таинственного вкладчика иконы въ Прокопѣевскій соборъ «барономъ Строгановымъ» могла возникнуть лишь послѣ 1722 года, когда *Григ. Дм. Строгановъ* получилъ этотъ титулъ, который почтительный Устюжскій повѣствователь не замедлилъ распространить и на его предковъ. Время сочиненія «Повѣсти» опредѣлялось бы такимъ образомъ 1725—1735 годами, или въ среднемъ около 1730 года.

²⁾ Времени увоза ея въ Устюгъ точно, повидимому, не знали: 1567 годъ является лишь въ лѣтописцѣ, составленномъ *Н. Суворовымъ* («Устюж. Лѣт.», стр. 109, *А. Титовъ*, у. с., стр. 48) и заимствованъ имъ изъ Описанія Московскаго Успенскаго Собора *прот. Левшина*. М. 1783, стр. 17. Въ составленной же *о. Львомъ Вологдинымъ* «Исторіи» (см. выше, стр. 179, пр. 2) время увоза иконы точно не опредѣляется (см. *Титовъ*, стр. 145). Въ Устюгѣ эта икона Благовѣщенія Б. М. славилась тѣмъ, что передъ нею св. Прокопій Устюжскій молился о спасеніи Устюга отъ каменной тучи и что отъ нея тогда же истекло цѣлебное миро (см. Житіе Прокопія Устюжскаго, С.-Пб., 1893, стр. 26, 30, 31, 32, 34, 41, 44, 236, 247). Унесенная въ Москву икона не можетъ, какъ видно изъ показанія Архангелогородскаго лѣтописца о пожарѣ 1496 г. (см. выше, стр. 172, примѣчаніе), быть древнѣе XVI вѣка. Изображеніе ея на гравюрѣ см. у *Д. Ровинскаго*, Русск. Нар. Карт., т. IV С.-Пб., 1881, стр. 702; а по фотографіи — у *В. Шляпина*, у. с., табл. 4.

рельефъ: одинаковая судьба иконъ естественно приводила къ заключенію и объ одинаковыхъ причинахъ ихъ увоза изъ Устюга. Вліяніе на составителя «Повѣсти» Житія Прокопія Устюжскаго, въ которомъ Устюжскій соборъ неоднократно называется «святою соборною и апостольскою церковью Успенія Пресвятыя Богородицы» (Житіе, стр. 22, 22, 27, 29, 65, 71, 126, 141 и т. д., и т. д.), сказывается въ такомъ же обозначеніи въ «Повѣсти» и Московскаго Успенскаго собора; въ Устюгѣ неумѣстное прибавленіе «апостольская» ко всякому упоминанію о «соборной церкви», столь естественное въ устахъ церковниковъ, привыкшихъ къ повторенію Символа Вѣры, встрѣчаемъ мы даже въ писцовой книгѣ 1676—83 гг.¹⁾

Церковно-славянскія и книжныя выраженія въ языкѣ «Повѣсти» позволяютъ также авторомъ ея предполагать какого-либо церковника и всего вѣроятно, конечно, изъ состава причта Георгіевской именно церкви: послѣднее естественнѣе всего и по самому содержанію «Повѣсти» и по выраженію «по конецъ большой слободы» въ началѣ ея, которое тождественно съ выраженіемъ записей о построеніи Борисоглѣбско-Георгіевской церкви въ томъ же октоихѣ ея «по конецъ Песыи Слободы»: разница только въ замѣнѣ неблагозвучнаго и вульгарнаго имени слободы обозначеніемъ ея «большею», что могло вызываться и стремленіемъ къ возвышенности и литературности языка и, быть-можетъ, соотвѣтствовало дѣйствительному измѣненію названія слободы; къ сожалѣнію, въ изданныхъ Найденовымъ книгахъ 1-й ревизіи 1721 года (у. с., стр. 165—200) перепись велась не по улицамъ, но позднѣе въ извѣстіи о пожарѣ 1772 г. слобода около Георгіевской церкви называется «большею» (Титовъ, у. с., стр. 104; Изв. Отд. Русск. Яз. и Сл. Имп. Акад. Наукъ, т. VIII, 1903, кн. 3, стр. 141).

Самого предмета, о которомъ писалась «Повѣсть», т.-е. Устюжскаго рельефа Успенскаго собора, сочинитель ея лично, какъ увидимъ ниже, по всему вѣроятію, не видалъ. За то была, надо думать, какая-то старая, XVII еще вѣка, запись, содержащая, вѣроятно, только самый текстъ «перевода» надписи на рельефѣ воеводою П. С. Потоцкимъ и точную дату, когда «переводъ» былъ сдѣланъ.

Эту дату «Повѣсть» передаетъ такъ: «въ лѣта 7151»; странная постановка родительнаго падежа вмѣсто внимательнаго позволяетъ, кажется, предполагать механическое превращеніе стараго выраженія даты: «лѣта 7151» въ новое прибавленіемъ предлога «въ», если дѣло не сводилось къ простой орфографической ошибкѣ, что, впрочемъ, въ данномъ случаѣ менѣе вѣроятно. Въ самомъ числѣ 7151, при передачѣ буквеннаго обозначенія его въ старой записи XVII вѣка цифровымъ въ «Повѣсти» XVIII вѣка, сдѣлана была ошибка; хронологическія данныя о воеводствѣ П. С. Потоцкаго въ Устюгѣ опредѣляютъ, какъ увидимъ ниже, пребываніе его тамъ воеводою 1661—1665 гг. годами: слѣдовательно вмѣсто 7151 читать должно 7171, каковое число въ буквенномъ его написаніи ~~ЗРО(□)Я~~ даетъ возможность, при прямоугольномъ начертаніи буквы О и нѣкоторомъ поврежденіи записи, принять его за 7151 — ~~ЗРНА~~.

¹⁾ Найденовъ, у. с., стр. 47: «На берегу у Сухоны рѣки близъ соборной и апостольской церкви, церковь холодная каменная... св. праведнаго Прокопія Устюжскаго чудотворца».

Подлинникъ этой записи былъ бы для нашей темы, конечно, дороже всей «Повѣсти»; особенно же важно было бы знать, было ли и въ самой записи XVII вѣка утверженіе якобы «переведенная» П. С. Потоцкимъ надпись была греческая, а не латинская, каковую видимъ мы теперь на рельефѣ. Рѣшеніе вопросовъ: кто и почему объявилъ латинскую надпись греческою, могло бы, какъ увидимъ ниже, быть полезнымъ и для рѣшенія вопроса о начальной судьбѣ рельефа; къ сожалѣнію при молчаніи патріаршей грамоты 1678 г. о томъ, на какомъ языкѣ требуемая въ Москву икона была «подписана на имя греческаго великаго царя Константина», мы лишены теперь возможности рѣшить, было ли это ложное опредѣленіе языка надписи сдѣлано умышленно «переводчикомъ» ея или же оно явилось лишь ошибочнымъ умозаключеніемъ автора «Повѣсти», которому языкъ «переведенной» П. С. Потоцкимъ надписи благовѣрнаго царя Константина представлялся не инымъ, какъ греческимъ.

Гдѣ нашелъ составитель «Повѣсти» запись «перевода», сдѣланнаго въ 1663 г. П. С. Потоцкимъ, мы не знаемъ, но проще всего думать, что она сохранялась до временъ составленія «Повѣсти» въ какихъ-либо бумагахъ или приписяхъ на книгахъ Георгіевской церкви, и было бы, конечно, весьма счастливой случайностью, если она окажется сохранившейся и доселѣ гдѣ-либо въ ста слишкомъ старыхъ книгахъ, которыя по показанію о. Арс. Попова хранились въ Георгіевской церкви.

Таковы были, насколько можемъ мы строить о нихъ предположенія, тѣ немногіе письменные источники, которые нашелъ для своей «Повѣсти» въ записяхъ Георгіевской церкви церковникъ, слагавшій во славу этой церкви «Повѣсть о святѣй и честнѣй иконѣ», нѣкогда въ церкви этой пребывавшей. Что же могло побудить его къ сочиненію этой «Повѣсти», столь краткой и столь мало соответствующей понятію «Повѣсти», — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ въ какомъ мы ее имѣемъ¹⁾?

¹⁾ Если бы удалось доказать, что «преданіе», слѣдующее за «повѣстью» въ церковной лѣтописи (см. выше, стр. 181 прим. 1), есть дѣйствительно сокращенное изложеніе утраченнаго нынѣ конца повѣсти, то «Повѣсть» по справедливости могла бы именоваться таковою.

Предполагаемое тамъ происхожденіе рельефной иконы изъ прежняго Георгіевского придѣла Прокопѣвской церкви, будучи возможно и вѣроятно и само по себѣ, соответствовало бы и общей презумпціи о невозможной древности всякой чудотворной иконы и, что было для автора «Повѣсти» еще дороже, связывало бы ее съ мѣстомъ, гдѣ почиваетъ столь славный по всему Сѣверу Устюжскій чудотворецъ; слѣдоваль вопросъ, откуда икона появилась въ Прокопѣвской церкви, — называемой соборомъ, каковымъ она стала съ 1691 года, см. *Шляпинъ*, у. с., стр. 151, — который и рѣшался, какъ то и приличествуетъ повѣсти о чудотворной иконѣ, утвержденіемъ о чудесномъ появленіи ея тамъ, какъ вклада невѣдомаго, таинственнаго, воинскаго человѣка, принесшаго ее въ церковь «на защищеніе и избавленіе граду Устюгу отъ бѣдствій»: икона св. Георгія приравнивалась такимъ образомъ къ чудотворнымъ иконамъ Б. М. Благовѣщенія и Одигитріи, прославленнымъ иными Устюжскими сказаніями; оставалось опредѣлить личность неизвѣстнаго вкладчика и тутъ, почему-то, являлась дилемма: это могъ быть имѣ «баронъ Строгановъ», т.-е. одинъ изъ именитыхъ людей, столь щедрыхъ, какъ видно по писцовымъ книгамъ, къ церквамъ Устюга, или же, по смѣлому, хотя и смягчаемому предыдущую возможностью, домыслу автора «Повѣсти», никто иной, какъ самъ Прокопій Праведный, защитникъ и покровитель Устюга. Повѣсть оказывалась бы дѣйствительно «Повѣстью» и получала бы эффектное и удачное, въ литературномъ, конечно, лишь смыслѣ, заключеніе.

Если бы все это было такъ, то являлся бы вопросъ, для чего автору было допускать эти двѣ возможности, а не остановиться на одномъ Прокопій Праведномъ? Столь цѣлесообразному развитію его фантазіи стояла, очевидно, какая то непреодолимая преграда, не допускавшая односторонняго отвѣта на вопросъ о вкладчикѣ. Этою преградой могла бы быть, всего естественнѣе, какая-либо, извѣстная чита-

Наиболѣе вѣроятнымъ поводомъ представляется, конечно, рассказъ какого-либо Устюжанина о видѣнномъ имъ въ Москвѣ рельефномъ образѣ св. Георгія, Устюжское происхожденіе котораго для него было ясно по изображеніямъ на рамѣ Устюжскихъ святыхъ св. Іоанна и св. Прокопія съ его тремя кочергами въ рукахъ¹⁾. Этотъ рассказъ въ связи съ памятью объ увозѣ образа изъ Устюга и нашедшимся «переводомъ» надписи и могли побудить автора «Повѣсти» къ написанію ея. Еще вѣроятнѣе было бы думать, что «Повѣсть» объ образѣ, увезенномъ въ Москву изъ Георгіевской церкви, явилась тогда, когда на Устюгѣ заговорили о предстоящемъ принесеніи изъ Москвы копии Устюжскаго же образа Благовѣщенія Б. М.; тогда-то причту Георгіевской церкви и было самое подходящее время вспомнить, что и изъ ихъ церкви унесенъ нѣкогда въ Москву рѣзной образъ св. Георгія. Но это принесеніе копии образа Благовѣщенія состоялось лишь въ 1747 г. по мысли архіепископа Великоустюжскаго Гавріила (1738—1748), такъ что такое предположеніе о времени написанія «Повѣсти» будетъ противорѣчить настоящему времени, въ которомъ она говоритъ о деревянной Георгіевской церкви и которое придется объяснять намѣреніемъ автора сочинить свою «Повѣсть», такъ сказать, заднимъ числомъ...

Послѣ этихъ малоуспѣшныхъ попытокъ выяснить происхожденіе и время написанія «повѣсти» обратимся къ тѣмъ реальнымъ подробностямъ, которыя она сообщаетъ о рельефѣ. Здѣсь письменныхъ источниковъ авторъ, повидимому, не имѣлъ. Въ писцовой книгѣ 1676—1683 г., по крайней мѣрѣ въ окончательной ея редакціи, рѣзного образа св. Георгія не упоминается ни въ Борисоглѣбской, ни въ иныхъ церквахъ Устюга; была ли церковь, стоявшая на концѣ Песей слободы, описана ранѣе унесенія оттуда образа, мы не знаемъ; но, даже допустивъ это, а равно и то, что сдѣланная при этомъ опись рѣзного образа сохранилась какимъ-либо образомъ при церкви, мы все же не можемъ признать описаніе образа въ «Повѣсти» заимствованнымъ съ сухихъ столбцовъ писцовой книги.

«Мѣстный образъ великомученика Георгія многоцѣлебный вырѣзанъ на трехъ камняхъ, — («круглый» добавляетъ къ этому церковная лѣтопись), — драгимъ мастерствомъ, точію рѣзь несквозная» («не сквозникъ» въ церковной лѣтописи)... «вверху есть надпись греческимъ языкомъ» — такъ описываетъ его «Повѣсть». Ясно, что, если считать описаніе это во всѣхъ его подробностяхъ вѣрнымъ и точнымъ, то признать тождество его съ рельефомъ Московскаго Успенскаго собора оказалось бы невозможнымъ и, если мы попытались бы, забывая о Московскомъ рельефѣ, пред-

телямъ «Повѣсти», запись о томъ, что каменный рѣзной образъ св. Георгія былъ приложенъ въ церковь нѣкимъ воинскимъ человѣкомъ, его же имя, Ты, Господи, всѣи.

Впрочемъ воинское званіе вовсе не соответствовало св. Прокопію, а потому возможно, что подъ не названнымъ по имени «Угодникомъ» нужно разумѣть, не Прокопія, а самого св. Георгія.

¹⁾ Эти три кочерги, обычный атрибутъ изображеній св. Прокопія, въ Житіи его являются то пророческими жезлами, по положенію которыхъ узнавали, урожайное или неурожайное будетъ лѣто (Житіе, изд. 1893 г., стр. 57—58), то орудіемъ, которымъ онъ закалываетъ бѣса (ibid., стр. 190), то символомъ Пресвятыя Троицы (стр. 242); мы упоминаемъ о нихъ потому, что онѣ кажутся намъ возможною аналогіей Хлыновскимъ «окованнымъ желѣзомъ стрѣламъ» (см. выше, стр. 169); къ той же широчайшей области чудодѣйственныхъ жезловъ и прутьевъ относится и «вѣтвь нѣкая, всякимъ цвѣтомъ червленнымъ и бѣлороснымъ исполнена» (стр. 54), которою свѣтозарный юноша спасъ св. Прокопія отъ замерзанія.

ставить себѣ описываемый словами этими образъ св. Георгія, то наиболѣе подходящей къ нимъ оказалась бы одна изъ многочисленныхъ и въ Византіи, и въ Италіи въ эпоху Возрожденія камей¹⁾ изъ цвѣтного трехслойнаго камня, вырѣзанная поистинѣ «драгимъ мастерствомъ». Единственное возможное возраженіе, что такая малаго, конечно, размѣра иконка не могла бы быть названа образомъ, да еще мѣстнымъ, легко могло бы быть устранено указаніемъ на нѣкоторыя извѣстныя чудотворныя иконы Божіей Матери, какъ, на примѣръ, Купятицкая и Жировицкая, которыя, въ сущности, оказываются вовсе не иконами, въ обычномъ смыслѣ этого слова, а маленькимъ рѣзнымъ образкомъ одна и половиною креста-складня другая, вставленными лишь въ доску, подобную иконѣ; при такой камей вполне естественна была бы и греческая надпись, разумѣется, не на ней самой, а на ея оправѣ...

Однако, какъ уже указано было выше (стр. 138), такое пониманіе описанія рельефа въ «Повѣсти» повлекло бы за собою предположеніе объ умышленной замѣнѣ въ Москвѣ воображаемой дорогой камей большимъ грубымъ рельефомъ, да еще явно западнаго характера, каковое и явилось бы съ нашей стороны явною гиперкритикой.

Мы предпочитаемъ поэтому видѣть въ описаніи «Повѣсти» плодъ риторическаго творчества ея автора, который, можетъ быть и даже вѣроятно, самъ вовсе не видалъ рельефа, а слышалъ лишь о немъ отъ бывавшихъ въ Москвѣ Устюжанъ. Это предположеніе не противорѣчитъ возможности (см. выше, стр. 134), что въ самой Москвѣ объ Устюжскомъ происхожденіи рельефа въ то время уже забыли: Устюжане долѣе помнили объ увозѣ его въ Москву, а присутствіе на рамѣ рельефа изображеній свв. Прокопія и Іоанна Устюжскихъ имъ говорило больше, чѣмъ причту собора. Но, признавая тождество описываемаго «Повѣстью» образа съ Московскимъ рельефомъ, мы не можемъ дать удовлетворительнаго объясненія свидѣтельству «Повѣсти» о «трехъ камняхъ», на которыхъ онъ былъ, якобы, вырѣзанъ: камень его, хотя и треснулъ надвое, но одинъ; догадка Снегирева (см. выше, стр. 148 и 159) якобы фигура дѣвы иной работы, нежели прочій рельефъ, — откуда можно было бы предполагать о приставкѣ ея, какъ вырѣзанной изъ другого камня, и думать, что на особомъ третьемъ, приставномъ же, камнѣ вырѣзана надпись, — не находятъ себѣ въ оригиналѣ никакихъ основаній. Слишкомъ искусственнымъ было бы и предположеніе, что авторъ повѣсти имѣлъ въ виду еще какіе-либо два, отсутствующіе нынѣ, камня, на примѣръ, каменное же обрамленіе рельефа, которое могло бы быть оставлено при отправкѣ самого рельефа, въ Устюгъ: такая каменная рама состояла бы, конечно, не изъ двухъ, а изъ трехъ или четырехъ кусковъ, т.-е. всѣхъ камней оказывалось бы четыре или пять. Замѣчаніе «точію рѣзь не сквозная» имѣло въ виду, очевидно, дать ясное представленіе о рельефности изображенія, т.-е. о примыканіи

¹⁾ Слову «круглая» въ церковной лѣтописи не слѣдуетъ придавать рѣшающаго въ пользу камня значенія, такъ какъ этимъ словомъ обозначаютъ вообще рельефную, хотя бы и не en ronde bosse, рѣзбу; въ этомъ смыслѣ, на примѣръ, употреблялъ это слово П. Н. Петровъ (см. выше стр. 170, прим. 3). Такой дорогой образецъ малаго размѣра лучше бы подходилъ, конечно, и къ свидѣтельству о чудесномъ принесеніи его въ церковь св. Прокопія невѣдомымъ воинскимъ человѣкомъ въ «преданіи» церковной лѣтописи, чѣмъ большой и тяжелый каменный рельефъ.

фигуръ къ фону, въ отличіе отъ тѣхъ, извѣстныхъ сочинителю «Повѣсти», рѣзныхъ деревянныхъ образовъ, гдѣ фигура вырѣзается изъ толстой доски отдѣльно, фономъ же служатъ доски задней стѣнки кіота, и отъ литыхъ мѣдныхъ, у которыхъ фонъ нерѣдко отсутствуетъ, такъ что образокъ является ажурнымъ¹⁾.

Опредѣленіе образа «мѣстнымъ» возбуждаетъ въ насъ, въ виду слишкомъ явнаго западнаго характера рельефа, большія сомнѣнія въ томъ, что этотъ тяжелый каменный рельефъ, необычной для иконъ, полукруглой сверху, формы, стоялъ когда-либо въ иконостасѣ: если онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ и оказался въ церкви, то все-же едва ли могъ быть сопричисленъ тамъ ко святымъ иконамъ иконостаса.

Намъ кажется, что, не будь на рельефѣ надписи съ именемъ Константина, или, точнѣе, не будь она истолкована, какъ свидѣтельство о вкладѣ этого рельефа равноапостольнымъ царемъ Константиномъ во храмъ св. Софіи, то едва ли вообще когда-либо рельефъ этотъ былъ допущенъ въ православную старо-русскую церковь; синодальные архіепископы въ 1721 г. правильно, въ сущности, усмотрѣли явное несоотвѣтствіе его нашей церковной традиціи.

Намъ остается, слѣдовательно, рассмотреть тотъ «переводъ» греческой, якобы, надписи на рельефѣ, который сдѣланъ былъ въ 1663 году на Устюгѣ Великомъ воеводою П. С. Потоцкимъ и сохраненъ намъ «Повѣстью», вписанной въ октоихъ Георгіевской церкви; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ именно переводъ, ставъ тѣмъ или инымъ путемъ извѣстенъ патриарху Іоакиму, и былъ настоящей причиною того, что рельефное изображеніе западнаго характера, какъ священную реликвию Константина Великаго, потребовали изъ Устюга въ Москву.

Текстъ «перевода», сохраненный «Повѣстью», гласилъ: «Великій царь Константинъ Римскій и Греческій моляся великомученику и побѣдоносцу Георгію за побѣду на враги вся, Султаны и Сармяны, и въ вѣчную память²⁾ въ Большой Церкви постави, отъ воплощенія Господа нашего Иисуса Христа въ 333 году».

Если бы мы не знали латинскаго оригинала «переводимой» этими словами надписи, то не имѣли бы въ сущности никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности перевода греческой надписи подобнаго содержанія, которая могла находиться на какой-либо иконѣ св. Георгія, привезенной на Русь изъ любой части бывшей Византійской имперіи: и изъ самого Константинополя, и съ Балканскаго полуострова, и изъ Анатолиі, и изъ Молдавіи и изъ Крыма. Что на образѣ, живописномъ или рельефномъ, могла находиться подобная греческая надпись, возводящая его ко временамъ Константина Великаго, это — вполне въ природѣ вещей. Для тѣхъ позднихъ временъ, на которыя указывала бы датировка отъ Р. Хр., греческія изображенія коннаго св. Георгія, поражающаго дракона, — также на рѣдкость³⁾.

¹⁾ Подобный образокъ св. Георгія, поражающаго змія, см., на примѣръ, въ Каталогѣ собр. древн. гр. А. С. Уварова. Отд. VIII—XI. М. 1908, рис. 63.

²⁾ На факсимиле (см. рис. 26) въ словѣ этомъ есть лакуна, произведенная небольшою дырочкой въ оригиналѣ; но восстановленіе слова не представляетъ, конечно, никакихъ сомнѣній.

³⁾ Не рѣдки и камни съ греческими надписаніями имени святого (см., напр., *Archaeologia*. Vol. XLV. London, 1877. p. 12, № 210, pl. II); есть и мозаика, на примѣръ, извѣстная Луврская (*E. Müntz, Les mosaïques byzantines portatives* см. «Bulletin Monumental», Caen. 1886, pl. ad pag. 223; *G. Schlumberger, Nice*

Тѣми или другими путями рельефное изображеніе съ греческою надписью вышеприведеннаго содержанія могло зайти въ далекій Устюгъ. Но въ самой надписи встрѣчаются такія частности, которыя нельзя признать вѣрнымъ переводомъ съ греческаго: не говоря уже о наивномъ упоминаніи въ числѣ враговъ Константина Великаго «Султановъ», — что могло бы объясняться искаженіемъ какого-либо иного имени народа, подобно тому, какъ «Сармяны» явились, вѣроятно, вмѣсто Сарматовъ, — титулъ Константина въ этой послѣдовательности и формѣ въ греческой, даже ново-греческой, надписи стоять не могъ: имя стояло бы, конечно, впереди, титулъ читался бы «ὁ μέγας βασιλεὺς Ῥωμαίων» и только, такъ какъ подъ Ромеями грекъ разумѣлъ бы и грековъ и римлянъ. Слишкомъ невѣжественно для грека было бы и датировать надпись, относящуюся якобы ко временамъ Константина Великаго лѣточисленіемъ отъ Р. Х. Напротивъ того терминъ «великая церковь», т.-е. св. Софія Константинопольская, вполне умѣстенъ въ греческой надписи, но обыченъ и извѣстенъ и въ русскомъ церковномъ языкѣ. Поэтому-то «переводъ» и самъ по себѣ представляется нѣсколько подозрительнымъ и становится явную выдумкой, разъ мы знаемъ, что надпись, смыслъ которой онъ, якобы, передаетъ, вовсе не греческая, а латинская, и притомъ совсѣмъ иного содержанія. Является, слѣдовательно, не переводъ, хотя бы и ошибочный, а умышленное сочиненіе.

phogé Phocas, p. 415) не говоря уже о многочисленныхъ рельефахъ: напримѣръ, рельефъ изъ Θεοδοσίη, датированный 1660 или скорѣе 1550 годомъ (Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея за 1907 г. Москва. 1908, стр. 82), рельефная икона XV в. въ Иракліи (Перинѣ), упоминаемая *Н. В. Покровскимъ*. Очерки памятн. христ. иконогр. и искусства. С.-Пб., 1900, стр. 310.

Образецъ позднегреческихъ иконъ — *Н. П. Лихачевъ*, Матеріалы, и т. д., табл. XXI. 43; позднегреческая гравюра — *Aufhauser*, о. с., Taf. V, ср. русскія лубочныя гравюры *Д. Ровинскій*, Русскія народныя картинки. III. С.-Пб. 1881, стр. 568—571, 710, №№ 1408—10, 1414, 1703. Въ зависимости отъ позднегреческихъ стоять и изображенія битвы св. Георгія со змѣемъ у Сирійцевъ (Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ, т. VII, вып. 2—3, 1902, табл. 19), у Абиссинцевъ (*Aufhauser*, о. с., Taf. IV b) и Арабовъ (*Лихачевъ*, у. с., табл. XV. 28).

Мы должны остановиться здѣсь на одномъ изображеніи подобнаго же поздняго типа, которое находилось, якобы, какъ и Устюжскій рельефъ, въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ той книги, гдѣ оно было впервые, повидимому, издано, — а именно *E. O. Gordon*, St. George, Champion of Christendom and Patron Saint of England. London. 1907. 2 edition. 1909, — и судимъ о немъ по воспроизведенію въ книгѣ *C. St. Hulst*, St. George of Cappadocia in legend and history. London. 1909, pl. 10, ad pag. 22, cf. p. 23, 43, (книга эта переполнена ошибками, см. выше, стр. 144). Здѣсь на старинномъ рисункѣ, принадлежащемъ Ashmolean Museum'у въ Оксфордѣ представленъ юный, курчавый св. Георгій, скачущій вправо и пронзающій копьемъ страннаго дракона со львинымъ туловищемъ, который напоминаетъ поэтому скорѣе химеру.

Подпись подъ рисункомъ говоритъ, что это изображеніе св. Георгія взято изъ одной книги въ Кабинетѣ Тредесканта (не XIV в., какъ пишетъ *Hulst*, а XVII, см. ниже), въ которой изображены окна св. Софіи въ Константинополѣ. И дѣйствительно въ этомъ собраніи находилась: a book all the stories in the glass-windows of Sancta Sophia limned in vellum by a Jew (Musaeum Tradescantianum or A Collection of rarities preserved at South Lambeth near London, by *John Tradescant*. London. 1656, p. 41). О росписныхъ окнахъ въ св. Софіи Константинопольской мы ничего не знаемъ, но рисунокъ сдѣланъ несомнѣнно съ какого-то поздне-византійскаго изображенія св. Георгія; собраніе же вышеупомянутыхъ рисунковъ на пергаменѣ заслуживаетъ, если оно не утрачено, спеціальнаго изученія.

О Тредескантахъ (отцѣ и сынѣ) и ихъ музеѣ см. Dictionary of National Biography, edited by *Sidney Lee*. Vol. XX. London. 1909, p. 1070—1074; *J. Hamel*, Tradescants Testament and Ashmole's Museum zu Oxford (Bulletin de l'Acad. d. Sc. à St.-Petersbourg. Sect. phys. math. X. 1852, № 11); *J. Hamel*, Tradescant der altere 1618 in Russland. St.-Petersbourg. 1847. *I. X. Гамель*. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Санктпетербургъ. 1865. 1869, стр. 120—154, 251—253.

Возможно, конечно, было бы еще предположеніе, что переводъ сдѣланъ вовсе не съ той латинской надписи, къ которой мы его относимъ, а съ какой-либо иной, можетъ быть, и дѣйствительно греческой, которая въ 1663 году находилась на томъ же рельефѣ или же на совсѣмъ иномъ. Но о невѣроятности послѣдняго предположенія рѣчь была уже выше, а допускать, что при томъ же рельефѣ, который мы имѣемъ, была еще и другая, греческая, надпись, хотя само по себѣ и возможно, но также крайне невѣроятно: допустимъ, что П. С. Потоцкій видѣлъ и понималъ, что латинская надпись рельефа по содержанію ея къ нему вовсе не относится, почему онъ и оставилъ ее безъ всякаго толкованія, и далъ дѣйствительно переводъ лишь другой греческой надписи, при томъ же рельефѣ находившейся, на примѣръ, на деревянной или каменной рамѣ его или гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ.

Но такое предположеніе не можетъ быть принято потому, что въ этомъ случаѣ совершенно невѣроятно было бы, чтобы греческая надпись, гдѣ бы она ни была, не была доставлена въ Москву вмѣстѣ съ рельефомъ; вѣдь она, помимо дѣйствительнаго или воображаемаго ея содержанія, и въ Устюгѣ и въ Москвѣ находила бы, конечно, бѣльшее уваженіе и вниманіе къ себѣ, нежели латинская, уже потому одному, что она греческая, т.-е. православная, и едва ли пропала бы безслѣдно.

По всему этому видно, что если не предполагать въ исторіи Устюжскаго рельефа какихъ то необычайныхъ и невѣроятныхъ случайностей и совпаденій, подмѣнъ и метаморфозъ, т.-е., если стоять на томъ простѣйшемъ и естественнѣйшемъ положеніи, что то рельефное изображеніе св. Георгія, которое потребовали изъ Устюга, и было оттуда послано, и, что тотъ самый рельефъ, который привезенъ былъ въ Москву, тотъ въ Успенскомъ соборѣ теперь и сохраняется, то отъ безграничныхъ фантазій мы перейдемъ къ болѣе узкому и простому вопросу о человѣческой добросовѣстности, т.-е. къ вопросу: круглое ли невѣжество при склонности къ мистификаціи побудило Устюжскаго воеводу дать столь смѣлое толкованіе латинской надписи надъ рельефомъ или же онъ руководился при этомъ, если не болѣе почтенными, то болѣе глубокими и важными для него личными мотивами?

Отвѣчать на такой вопросъ можно, разумѣется, лишь зная человѣка, въ тайныя мысли котораго мы должны проникнуть. Къ счастью и вопреки видимой невозможности такой задачи мы имѣемъ для того нѣкоторыя данныя.

Кто же былъ Петръ Степановичъ Потоцкій?

Къ сожалѣнію, отвѣтить на вопросъ этотъ кратко, ссылкой на существующую литературу, оказывается невозможнымъ, такъ какъ то, что писано было объ этомъ лицѣ, оказывается для цѣлей нашего розысканія далеко недостаточнымъ, да и вообще довольно неудовлетворительнымъ; такъ, во всѣхъ его біографіяхъ¹⁾, — насколько онѣ

¹⁾ Въ полномъ собраніи сочиненій Павла [= Петра Степановича] *Потоцкаго* (Opera omnia Pauli Comitiss in Aureo Potok Pilavitate Potocki... edidit... J. Andr., Comes in Zaluskie, Zaluski. Varsaviae. 1747. f.) помѣщены разныя генеалогіи Потоцкихъ (pp. 271—345; о Павлѣ—р. 306—337).

Herbarz Polski *Kaspra Niesieskiego* S. J... wydany przez Jana Nep. Bobrowskiego, VII. W Lipsku. 1841, str. 457.

Julian Bartoszewicz, Stefan i Pawel Potoccy, dziad i ojciec prymasa (Snopek Literacki. Dzieło zbiorowe ułożone staraniem Pauliny z L. Wilkońskiéj. Poznań. 1857. 8°, str. 422—467).

намъ извѣстны, — читатель не нашелъ бы ни упоминанія о воеводствѣ Потоцкаго на Устюгѣ, ни разказа о перемѣнѣ вѣры, ни принятаго при этомъ новаго имени Петра; а послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется то, что интересуясь Петромъ мы должны начинать съ Павла.

Отцомъ его былъ Стефанъ Потоцкій (1568—1631), воевода Брацлавскій (съ 1629 г.), жившій большею частью въ Галичской землѣ, въ городѣ Златомъ Потокѣ, созданномъ въ XVI в. Яковомъ Потоцкимъ изъ пожалованныхъ ему королемъ Сигизмундомъ III имѣній на лѣвомъ берегу Днѣстра, на южныхъ предѣлахъ Польскаго королевства, въ той своеобразной съ пестрымъ населеніемъ и бытомъ, порубежной между двумя государствами и тремя, или даже четырьмя, народностями странѣ, которая въ наши дни стала вновь игрищемъ исторіи.

Стефанъ Потоцкій родился кальвинистомъ; женившись (въ 1606 г.) на православной, на Маріи, дочери Молдавскаго господаря Іереміи и двоюродной сестрѣ Кіевскаго митрополита Петра Могилы¹⁾, онъ, по свидѣтельству его біографа (Бартошевича, у. с., стр. 426) мечталъ даже временами о Молдавскомъ господарствѣ; но одно изъ такихъ вмѣшательствъ въ Молдавскія дѣла кончилось (въ 1612 г.) для него турецкой неволей, освобожденіе изъ которой имѣло послѣдствіемъ переходъ Стефана Потоцкаго въ католичество: рассказывали даже объ избавленіи его изъ плѣна, не польскимъ золотомъ и стараніями молдавскихъ бояръ, а чудесною помощью св. Доминика. Въ Златомъ Потокѣ основалъ онъ кляшторъ для Доминиканцевъ во имя св. Стефана; послѣ его смерти и православная вдова его, вышедшая вскорѣ замужъ за кальвиниста Николая Фирлея, и три сына Стефана: Петръ, Павелъ и Янъ, усердно поддерживали эту фундацію, за что и прославлялъ ихъ историкъ Доминиканцевъ, Симеонъ Окольскій, который и сообщаетъ о намѣреніяхъ Павла Потоцкаго сдѣлаться духовнымъ лицомъ²⁾.

Молодой Павелъ Потоцкій отправился по желанію матери, какъ утверждаетъ Бартошевичъ (о. с., стр. 435), учиться и просвѣщаться въ Италію; сперва изучалъ онъ философію и богословіе въ Римѣ, потомъ слушалъ лекціи въ знаменитомъ Падуанскомъ университетѣ (*idem*, о. с., стр. 436—439). Науки, особенно элоквенція, давались ему, надо думать, успѣшно и ему поручали произнесеніе публичныхъ рѣчей и проповѣдей; но появленіе ихъ въ печати нужно приписывать, конечно, не ихъ высокому качеству, — «единственное достоинство ихъ—крат-

T. M. S[obieszczański], Paweł Potocki. Encyklopedyja Powszechna. Nakład... S. Orgelbanda. Tom. XXI. Warszawa. 1865, стр. 428—429.

Александръ Петровъ, Графъ Павелъ Стефановичъ Потоцкій. «Русскій Біографическій Словарь», Плавильщиковъ—Примо. С.-Пб. 1905, стр. 698—699.

¹⁾ См. «Труды XIII Археолог. Съѣзда въ Екатеринославѣ», т. II, стр. 218, пр. 2; «Труды XIV Археол. съѣзда въ Черниговѣ», т. III, стр. 416—417; Pierre Movila (Mogila), notice par *Emile Picot*, въ «Bibliographie Hellenique par *Emile Legrand*». Tome IV. Paris. 1896, pp. 104—159; біографія и бібліографія *Петра Могилы* съ генеалогической таблицей, впрочемъ, небезупречной.

²⁾ Извлеченіе изъ книги *Окольскаго* «*Russia Florida*», 1646 г., касающееся услугъ оказанныхъ Потоцкими Ордену Проповѣдниковъ, перепечатано въ *Opera Omnia Pauli Potocki*, 1747 г. въ концѣ книги съ особой пагинаціей; тутъ на стр. а. 2, читаемъ: *Alter Paulus ad spiritualem vitam suo bene placito adstrictus.*

кость», пишет (str. 438) Бартошевичъ, — а лишнимъ деньгамъ у автора; порядокъ ихъ появленія: въ 1642 г. въ Венеціи, въ 1643 въ Римѣ, противорѣчить, по видимому, утверженію Бартошевича о томъ, что пребываніе Павла Потоцкаго въ Римѣ предшествовало ученію въ Падуѣ, но возможно, конечно, и двукратное посѣщеніе Рима; для нашей темы важно лишь то, что Потоцкій въ Римѣ былъ, и то, что онъ изучалъ преимущественно латинскую литературу и исторію; Бартошевичъ правильно говоритъ (str. 448), что встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ ссылки на греческихъ авторовъ, напримѣръ на Аристотеля, не свидѣтельствуютъ еще о знаніи имъ и греческаго языка; нѣкоторое знакомство съ послѣднимъ скорѣе можно предполагать еще до заграничной поѣздки отъ родныхъ матери или ея греческаго духовника, если только она имѣла такового.

Въ своихъ рѣчахъ Потоцкій прославлялъ императора, польскаго короля, польскую націю, польскихъ святыхъ¹⁾.

Результаты заграничнаго ученія Павла Потоцкаго сказались вскорѣ послѣ возвращенія его на родину, — гдѣ его, очевидно, какъ стяжавшаго уже славу человѣка книжнаго, ждало пожалованіе королевскимъ секретаремъ, — въ появленіи въ 1646 г. книги «Историко-Политикъ»²⁾, посвященной, разумѣется, королю. Въ этомъ, написанномъ довольно вычурно по-латыни, трактатѣ на основаніи трехъ книгъ первой декады Тита Ливія развивались, — но, по признанію біографа (Bartoszewicz, str. 447), весьма безсвязно и нелогично, — различныя благія мысли о государствѣ, гражданахъ и правителѣ: разсужденія обильно уснащались цитатами и ссылками и на другихъ латинскихъ авторовъ, въ общемъ же, по заключенію того же біографа, авторъ не показалъ себя ни историкомъ, ни политикомъ, но проявилъ большую начитанность въ латинской, исторической по преимуществу, литературѣ и потому по справедливости могъ между современниками считаться за человѣка весьма ученаго. Черезъ три года послѣ изданія книги появился и польскій ея переводъ³⁾. Обязанностей королевскаго секретаря Потоцкій, видимо, на дѣлѣ не несъ, а жилъ, облеченный лишь этимъ почетнымъ званіемъ, въ своихъ владѣніяхъ въ Подоліи, отло-

¹⁾ *Exercitationes Oratoriae a Paulo in Potok Potocki, Palatinide Braclaviense, Consiliario Inclytæ Nationis Polonae Pataviae Commorantis Lucubratae in Secessu Pataviano. Venetiis. Apud Heredes Imbertis. 1642. 4°. 28 pp.* содержатъ похвальныя слова королю Владиславу IV, императору Фердинанду III, польской націи Patavii institutae и св. Станиславу, сказанное 7 мая 1642 г. въ церкви св. Антонія Падуанскаго. (*Bibliografia Polska Karola Estreichera. Ogólnego zbioru tom XXV. Kraków. 1913, p. 152*).

Sanctitas Peregrina, Sive Oratio In Laudem Divi Hyacinthi Regni Poloniae Patroni Ordinis Praedicatorum in Polonia Propagatoris Habita Die Anniversario ejusdem Patroni A Paulo in Potok Potocki Palatinide Braslaviense Patritio Polono Ad Aedes Divi Stanislai de Urbe 16 Augusti 1643. Romae Apud Tres Pilas Aureas. 1643. Apud Christophorum Brandanum. 8°. 8 pp. (*Bibliografia Polska, tom XXV, str. 152, 153*).

²⁾ *Historico-Politicus siue Quaestiones Historicae et Civiles. Ex Libris III. T. LIVI. Pat. Hist. Rom: Dec. Primae Concinnatae. Autore Pavlo à Potok Potocki Secretario S. R. M. Cracoviae. Apud Lyscam Kypisz Anno Dni 1646. 16°. 15+198 pp.* (*Bibliografia Polska Karola Estreichera. T. XXV, p. 152*).

³⁾ *Historykopolitik z Liwiusza nowo zebrany i na język polski przelożony. W Krakowie, druk Kypisza. 1649, 16°. 62 str., съ посвященіемъ типографа Александру Любомірскому.* (*Bibliogr. Polska. XXI. 1906, str. 357; ibid. XXV. 1913, str. 152, указывается на то, что ни одного экземпляра книги у составителей библиографіи въ рукахъ не было*).

живъ былия мечты о духовномъ санѣ и женившись на Маріаннѣ Ярмолинской изъ православной русской семьи греческаго происхожденія, члены которой пользовались поэтому титуломъ «деспотовъ».

Казацкія возстанія при Богданѣ Хмельницкомъ оторвали Павла Потоцкаго отъ его классическо-схоластическихъ штудій и потребовали отъ него, какъ отъ богатаго шляхтича, участія въ постоянныхъ ополченіяхъ, если не всегда лично, то хоть содержаніемъ особаго личного отряда: въ 1651 году въ исчисленіи польскаго войска историкъ говоритъ объ *solis Potocijs novem turmarum ductoribus, velut Romae contra Volscos Fabiis, gentili odio adversum rebelles consurgentibus*¹⁾, среди которыхъ былъ и Павелъ Потоцкій съ собственною казацкою хоругвью въ полку Станислава Потоцкаго²⁾. Но о военныхъ подвигахъ Павла Потоцкаго мы у современныхъ историковъ упоминаній не встрѣчаемъ и, если въ Московскихъ документахъ того времени является иногда имя Павла Потоцкаго, какъ коронаго гетмана («Акты Ю. и З. Россіи». XIV. 1889, стр. 44), то это, равно какъ и утвержденіе новаго русскаго біографа его, якобы Павелъ Потоцкій сжегъ городъ Баръ и перерѣзалъ всѣхъ его жителей, являются лишь смѣшеніемъ многочисленныхъ современныхъ Потоцкихъ; Павелъ Потоцкій, по всей видимости, склоненъ былъ болѣе къ мирнымъ занятіямъ, предоставляя военные лавры своимъ братьямъ Петру и Яну и другимъ многочисленнымъ родственникамъ; но, конечно, въ бурные годы казацкихъ возстаній ему неоднократно приходилось выѣзжать со своимъ отрядомъ, если не на самый бой, то хотя бы на смотры и въ походы, покидая свой Златой Потокъ и близкій къ нему укрѣпленный городъ Чертковъ, стоящій на р. Середѣ, лѣвомъ притока Днѣстра.

Въ этомъ-то городѣ осенью 1655 года онъ и былъ осажденъ московско-казацкимъ войскомъ, шедшимъ отъ Каменца-Подольскаго ко Львову. Современные польскіе источники сообщаютъ, что послѣ четырехдневной защиты Потоцкій былъ схваченъ его собственными хлопами и насильственно выданъ осаждающимъ³⁾,

¹⁾ *Vespasianus a Kochow Kochowski. Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV climacteres. Vol. I. Cracoviae. 1683. p. 277.*

²⁾ *Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus XIX. Stanisława Oświęcimsa Dyaryusz 1643—1651. Kraków. 1907, str. 288, 27 мая 1651; а 14 іюня 1651 г. упоминаются kozacy J. M. P. Pawła Potockiego, т.-е., можетъ быть, уже безъ самого Павла (str. 310).*

³⁾ *Pamiętnik Mikołaja Jemiółowskiego... obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679. Lwów. 1850, str. 61: Zbliżył się Chmielnicki tym czasem do Buczacza, do Potoka, Jagelnicy, Tarłowca i innych fortec na Podolu szturmuąc, one częścią przez akord, częścią przez zdradę Rusi w fortecach będącej odbierał, palił i pustoszył. Między innymi wzięwszy poniewolnie przez decyzją chłopską Pawła Potockiego wojewodzica braclawskiego z żoną i z dziećmi w Czortkowskim zamku dziedzicznym jego, dostało się tego i wielu innym szlachcie, których wzięwszy Szeremet z Chmielnickim zaraz do Kijowa a ztamtąd aż na stolicę moskiewską odsyłali. Колебания Емеловскаго (str. 62: Jan Potocki, wojewodzie braclawski, brat Pawła w Czortkowie czy w Potoku wziętego) о мѣстѣ, гдѣ взять былъ Павелъ, рѣшаются согласіемъ всѣхъ прочихъ свидѣтельствъ.*

Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza z rękopismu wydał K. Wł. Wojciecki. Warszawa. 1853. I. str. 172: (Шереметьевъ и Хмельницкій пошли отъ Каменца ко Львову) а naprzód do Husiatyna, odtąd do Czortkowa w którym P. Piotra Potockiego wojewodzica Braclawskiego z żoną i dziećmi i czeladzią wzięli, który się w zamczku dni 4 bronił im. Петра Потоцкаго, брата Павла, въ это время не было уже въ живыхъ, такъ что здѣсь Ерличъ или ошибается или же, что, впрочемъ, менѣе вѣроятно, умысленно ставитъ, какъ православный, православное имя Павла Потоцкаго, полученное тѣмъ поздне въ Москвѣ.

тогда какъ московскіе документы говорятъ просто о сдачѣ Потоцкаго и его пріясгѣ царю Алексѣю Михайловичу¹⁾).

Это различное изложеніе одного событія не содержитъ въ себѣ, однако, противорѣчія: по доброй ли волѣ или по принужденію вышелъ на царское имя изъ своего замка Павелъ Потоцкій, — для воеводъ было безразлично; для него же съ семьею это былъ, надо думать, единственно возможный выходъ, помимо риска жизнью, и едва ли мы теперь имѣемъ право морализировать насчетъ избраннаго ими рѣшенія.

Неясно лишь, почему семья его, жена и сынъ Станиславъ, оказываются позднѣе въ Польшѣ, а не въ Москвѣ: остались ли они по условію сдачи въ своихъ владѣніяхъ, или имъ удалось задержаться въ Кіевѣ и вернуться потомъ въ Польшу, мы не знаемъ; архивные документы, касающіеся отправки Павла Потоцкаго изъ-подъ Каменца-Подольскаго съ головою Ѡ. И. Муромцевымъ въ Кіевъ, а оттуда въ Путивль, содержатъ, быть можетъ, какія либо о томъ указанія²⁾; во всякомъ случаѣ къ царю Алексѣю Михайловичу въ Смоленскъ Потоцкаго привезли, повидимому, одного: «того жъ [15 ноября, 1655 г.] дни былъ у Государя у руки Павелъ Степановъ сынъ Потоцкій. А приставъ былъ у него Андрей Семеновъ сынъ Коптевъ» (Доп. къ тому III «Дворц. Разр.», С.-Пб., 1854 г., стр. 12).

Съ этого момента бывшій секретарь польскаго короля становился дворяниномъ царя Московскаго, переходилъ, говоря современнымъ намъ языкомъ, на Московскую службу, а вовсе не отправлялся въ Московскій плѣнъ, какъ то полагаютъ польскіе историки и какъ, конечно, склоненъ былъ объяснять свое положеніе соотечествен-

И *Бартошевичъ* (у. с., стр. 451) и *Н. И. Костомаровъ* (Собраніе сочиненій, изд. «Литературнаго Фонда». Кн. IV, С.-Пб. 1904, стр. 594, гдѣ ошибочно написано: въ «Чортковскомъ замкѣ») слѣдуютъ Емеловскому.

¹⁾ Дополненія къ тому III «Дворцовыхъ Разрядовъ». С.-Пб. 1854, стр. 8: «Того же Мѣсяца Сентября [1654—1655] въ 15 день... пригнали сеунщики, что, Божіею милостію, а его государевымъ счастьемъ, коруннаго гетмана Потоцкаго братъ, Павелъ Степановъ сынъ Потоцкой, ему Государю добилъ челомъ, и городъ Чертковъ сдалъ и поѣхалъ къ нему Государю, да ваяли пять городовъ: Гуситинъ, Баръ, Зинковъ, Краснополя, Яголницы».

«Акты Ю. и З. Россіи». Томъ XV. С.-Пб., 1892, стр. 292—293: «Въ 164 (1655) году, сентября въ 15 день писали къ великому государю... бояринъ и дворянкой и воеводы Василей Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, что они бояринъ и воеводы сподчися его царскаго величества войска Запорожскаго съ гетманомъ зъ Богданомъ Хмельнитцкимъ... во многихъ мѣстахъ полскихъ и литовскихъ людей побили и языки многіе поймали, и города Баръ и Зинковъ и Чертковъ ему великому государю доби́ли челомъ и въ городѣ въ Чертковѣ Павелъ Потоцкой и многая шляхта и мѣщаня ему великому государю доби́ли челомъ и вѣру дали».

О томъ же см. и «Акты Московскаго Государства», изданные Импер. Акад. Наукъ, т. I. С.-Пб., 1894, стр. 683, № 1160: «и города Борзиковъ [конечно, не Борзна, какъ предполагали издатели, а «Баръ и Зинковъ» — см. выше] и Чертковъ ему, государю доби́ли челомъ и въ городѣ Чертковѣ Павелъ Потоцкій и многая шляхта ему, государю, доби́ли челомъ и вѣру дали».

Сдача Черткова послѣдовала послѣ ухода московскаго и казацкаго войска изъ-подъ Каменца и ранѣе осады Львова, т.-е., надо думать, въ августѣ 1655 года.

²⁾ См. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кн. XII, Москва 1901, стр. 435, столб. 382. I; кн. XV, 1908, стр. 93, столб. 70. V; кн. XVIII, 1913, стр. 222, столб. 179. I. 11: «Отпускъ изъ Путивля въ Москву Станислава Потоцкаго, въ крещеніи Петра съ товарищи [1654—1656 г.]. Неожиданное имя Станислава могло бы явиться лишь какъ результатъ смѣшенія Павла съ великимъ гетманомъ короннымъ, примѣры чего см. ниже».

никамъ и самъ Потоцкій послѣ своего возвращенія, черезъ двѣнадцать съ половиною лѣтъ, на родину.

Въ Москвѣ вышеприведенному извѣстію о плѣненіи Павла Потоцкаго придали, смѣшивая его, очевидно, съ гетманомъ, преувеличенное значеніе: 8-го октября двумя патриархами, московскимъ и антиохійскимъ, «совершенно было молебствіе съ молитвой за царя, потому что пришло отъ него письмо съ извѣстіемъ, что онъ завоевалъ десять крѣпостей въ землѣ ляховъ и что его бояре, бывшіе съ нимъ, взяли пять, а Бутурлинъ съ Хмелемъ, со стороны Каменца, четыре крѣпости, при чемъ они захватили въ плѣнъ великаго гетмана, одного изъ четырехъ, находящихся въ странѣ ляховъ. Онъ изъ семейства Потоцкихъ и имя его Павелъ. Его взяли со всеѣмъ его имуществомъ и дѣтьми и отправили къ царю» (Путешествіе Антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію, описанное Павломъ Алеппскимъ. Переводъ Г. Муркоса. Вып. 4-й, Москва, 1898, стр. 88). Такое же точно смѣшеніе Павла Потоцкаго съ великимъ гетманомъ короннымъ Станиславомъ Реверой Потоцкимъ оказывается у Павла Алеппскаго и далѣе: послѣ разсказа о взятіи Люблина (15—27 октября) онъ продолжаетъ: «они побѣдили великаго гетмана ляховъ именемъ Павла Потоцкаго, который при ихъ удаленіи отъ Каменца вышелъ, чтобы напасть на нихъ съ десятитысячнымъ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, московиты вернулись назадъ, и часть войска засѣла въ засаду на пути гетмана въ лѣсахъ и горахъ. Когда онъ проходилъ мимо, они напали на него со всеѣхъ сторонъ, и ему ничего не оставалось кромѣ бѣгства. Его настигли и захватили въ плѣнъ, а войско его истребили. Говорятъ, что жена его, узнавъ, что онъ попался въ плѣнъ, скоропостижно умерла отъ горя. Гетмана вмѣстѣ съ сыномъ отправили къ царю» (Павелъ Алеппскій, IV, стр. 115).

Битва, здѣсь описываемая, — вѣроятно, та, которая была подъ Слонигродкомъ или Гродкомъ (см. подробности о ней у Н. И. Костомарова, Сочиненія. Кн. IV. 1904, стр. 594) и послѣ которой коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій на самомъ дѣлѣ бѣжалъ, въ плѣнъ же казакамъ попался дѣйствительно «воеводичъ Брацлавскій», но младшій братъ Павла, Янъ¹⁾, который превратился въ гетмана также и въ

¹⁾ Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej dalszy ciąg siedmnastego wieku przez Jędrzeją Moraczewskiego [t. VIII]. Poznań, 1853, str. 188—189: «a ze znakomitszych których wtedy wzięto odesłano pod Lwów Chmielnickiemu Potockiego wojewodzica braclawskiego i Wykowskiego sieradzianina». Ср. реляцію московскихъ воеводъ, въ «Актахъ Южной и Западной Россіи». Томъ XIV. С.-Пб., 1889, ст. 881: «коруннаго гетмана побили и многіе языки поимали, а взяли де на бою гетманскаго племянника Павла Потоцкаго меншого брата, да пана Балабана и иныхъ».

Одновременное почти плѣненіе двухъ Потоцкихъ вызывало путаницу даже у польскихъ современныхъ писателей, такъ *Рудавскій* (ed. *Mizler*, Varsaviae. 1755, p. 201) пишетъ: eodem tempore caesus ad Sloni Grodek summus belli imperator Potocius, capti Polonorum praecipui duo Potocii nepotes, Balaban, Golinski, Machowski et alii plerique ordinum ductores. Incidit haec Polonorum clades in Septembris diem XXVIII, quarta a Leopoli lapide. Между тѣмъ гетманъ спасся бѣгствомъ, а въ плѣнъ попался лишь Янъ Потоцкій, родной братъ Павла, и онъ то и спорилъ съ Московскими воеводами о ходѣ этой битвы въ шатрѣ Хмѣльницкаго подъ Львовомъ (см. *Н. И. Костомарова*, Собраніе сочиненій. Кн. IV. 1904, стр. 594—595, 597, гдѣ Потоцкій по имени не названъ, и *D. Zubrzyckiego*, Kronika miasta Lwowa. Lwów. 1844, str. 355); эти плѣнные вскорѣ были, по однимъ извѣстіямъ, отбиты поляками, по другимъ, отпущены Хмѣльницкимъ.

царской грамотѣ, отъ 23 ноября 1655 г., къ венеціанскому дожу, гдѣ исчислялись успѣхи московскихъ войскъ¹⁾).

И еще разъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій Павла Потоцкаго: «на этой недѣлѣ (въ концѣ января 1656 года, въ Москвѣ) явилось много вельможъ изъ ляховъ съ выраженіемъ покорности царю отъ себя и своихъ земель и съ просьбой о пощадѣ. Въ числѣ ихъ былъ великій гетманъ изъ дома Потоцкихъ, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ семь тысячъ ратниковъ. Когда его окрестили, при чемъ тестъ царя былъ его воспріемникомъ, царь пожаловалъ его правителемъ принадлежавшей ему области, но лишь послѣ того какъ заставили его присягнуть и взяли отъ него въ заложники, изъ опасенія измѣны съ его стороны, нѣсколькихъ членовъ его семейства и родственниковъ, которые и остались во власти царя» (Павелъ Алеппскій, пер. Г. Муркоса, IV, стр. 135—136).

Помимо ошибочнаго отождествленія Павла Потоцкаго съ гетманомъ, его дядею, невѣроятно и количество его воиновъ: выше мы видѣли, что онъ выставялъ всего лишь одну казачью хоругвь, т.-е. не болѣе двухъ-трехъ сотъ человекъ; не могло набраться столь большого гарнизона и въ его замкѣ; эта цифра 7000 взята скорѣе всего изъ рассказовъ о пораженіи гетмана Потоцкаго подъ Слонигородомъ. Неясно и выраженіе о пожалованіи Потоцкому какой-то области въ управленіе: если это было лишь подтвержденіе за нимъ его прежнихъ владѣній на Подоліи, то оно не имѣло, конечно, никакого практическаго значенія, разъ Потоцкій оставался въ Москвѣ. Если же область данная въ управленіе Потоцкому была царская, то это противорѣчило бы надежному извѣстію, что воеводою Потоцкій назначенъ былъ лишь въ 1661 году.

Къ сожалѣнію, тѣ подробности о положеніи и жизни Потоцкаго въ Москвѣ, которыя сообщаютъ его біографы, не подтверждаются, за исключеніемъ одного приводимаго нами ниже факта, никакими указаніями на современные источники²⁾; ри-

¹⁾ Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Томъ X. С.-Пб. 1871, ст. 924: въ спискѣ взятыхъ городовъ является и Барзинковъ, Бутурлинь и Хмѣльницкій «гетмана Потоцкаго и Балабана и иныхъ многихъ знатныхъ, начальныхъ людей взяли живыми».

²⁾ Въ польской біографіи его (*Bartoszewicz*, о. с., str. 452) читаемъ: «по славѣ имени Потоцкихъ нашъ молодой воеводичъ нашель въ Москвѣ гостепримство и благожелательство, которыхъ онъ вовсе не ожидалъ; ему позволено было жить въ столицѣ, вступить въ сношенія съ боярами, приятно проводить съ ними время по своему вкусу, однимъ словомъ, ему оставили полную свободу, кромѣ свободы мысли, и закрыто ему было только возвращеніе на родину. Царь Алексѣй хотѣлъ имѣть въ Павлѣ Потоцкомъ заложника для будущихъ сношеній своихъ съ Польшей». «Хоть и ласкаемый боярами, хоть и бывая при дворѣ и въ царскихъ покояхъ, хоть и пользуясь всюду почетомъ и уваженіемъ за свое образованіе и происхожденіе онъ тосковалъ, однако, по своимъ» (о. с., str. 455). «Царь Алексѣй охотно говорилъ съ Потоцкимъ» (*ibid.*, str. 457).

Русскій біографъ Потоцкаго сообщаетъ, что «благодаря своему уму и дипломатическимъ способностямъ, а также благодаря поддержкѣ со стороны извѣстнаго боярина Ае. Л. Ордина-Нащокина, графъ П. П. сталъ пользоваться благосклонностью и довѣріемъ царя Алексѣя Михайловича, передъ которымъ сумѣлъ несмотря на свое положеніе плѣнника, отстаивать польскіе интересы. Царь принялъ участіе въ П. и, когда умерла въ Польшѣ жена послѣдняго, посваталъ за него одну изъ самыхъ близкихъ ко двору московскихъ боярышень — Елену Петровну Салтыкову... Этотъ бракъ еще болѣе упрочилъ положеніе П., и съ тѣхъ поръ онъ сталъ своимъ человекомъ въ придворномъ обществѣ. Одаренный тонкимъ умомъ и рѣдкою наблюдательностью онъ вникалъ во всѣ подробности тогдашней московской жизни по-

суемое біографами столь необычное, по сравненію съ печальной и жестокой судьбой другихъ плѣнныхъ поляковъ, привеллигированное положеніе въ Москвѣ Потоцкаго объяснялось тѣмъ, о чемъ они вовсе не упоминають, а именно перемѣною Потоцкимъ не только подданства, но и религіи.

Въ небольшой запискѣ о Московіи капеллана Севастіана Главинича сохранилось латинское письмо Павла Потоцкаго патриарху Никону¹⁾, заключающее въ его изысканныхъ періодахъ льстивую просьбу совершить надъ нимъ таинство крещенія, которое, какъ извѣстно, въ Москвѣ, согласно постановленію мѣстнаго собора 1620 года, совершали тогда не только надъ переходившими въ православіе католиками и уніатами, но даже надъ западнорусскими, крещенными чрезъ обливаніе, православными. «Верхомъ моего благополучія, — начиналъ его Потоцкій, — которое послѣ столькихъ превратностей моей жизни и счастья щедрѣйше даровала мнѣ царственная милость святаго и блаженнѣйшаго царскаго Величества, было то, что благочестивѣйшее Вашего Святѣйшества благословеніе, которое я недавно воспріялъ съ низжайшимъ почтеніемъ, сдѣлало Божественное Существо милостивымъ ко мнѣ, приступающему къ этому православному таинству»²⁾. Прося патриарха принять его въ лоно православія, Потоцкій, между прочимъ, писалъ такъ: «сію мою низжайшую просьбу Ваше Святѣйшество не презреть, если соблаговолитъ принять въ уваженіе, что я всосалъ православную вѣру съ молокомъ матери, будучи рожденъ сестрою Петра Могилы, который нынѣ, какъ уповаю, пребываетъ среди небожителей и которому Кіевъ вручилъ пастырскій жезлъ, между тѣмъ какъ чужимъ вѣрованіямъ слѣдовалъ я не по собственному влеченію, а слѣдуя отеческому вліянію и велѣнію»... «Но возстани, вновь возродившійся, древнимъ патриархомъ подобнѣйшій, — да уподобишься имъ и долгоденствіемъ, — и какъ Исаакъ пожри нѣчто отъ ловитвы Блаженнѣйшаго и Августѣйшаго Императора, который не себѣ, но Богу, новья стяжаетъ имперіи, который будучи почти равенъ апостоламъ, не столько чуждые добываетъ міры, сколько наши души, не столько обильные военные трофеи или богатую добычу съ собою приносить, сколько насъ ко служенію Божеству Христіанскому приводитъ», и т. д., и т. д.

Къ копіи этого письма, во всемъ блескѣ представляющаго латинскую элоквенцію Потоцкаго, Главиничъ (о. с., р. 357) прибавляетъ и краткія о немъ свѣдѣнія: «Упомянутый Петръ Потоцкій въ Римѣ клирикомъ усердно учился въ Германскомъ, если не ошибаюсь, Коллегіумѣ, будучи родственникомъ по крови, которая принадлежитъ одной изъ важнѣйшихъ фамилій, великому гетману королевства Польскаго. Онъ же послѣ принятія крещенія, если (только) можно такъ сказать, получилъ

сколько онѣ были ему доступны и интересовался всѣмъ, начиная съ законовъ и религіозныхъ обрядовъ и кончая обычаями домашней жизни» (у. с., стр. 698).

1) Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs, herausgegeben von B. von Wichmann. I Band. Berlin, 1820, SS. 354—357.

2) «Pertinebat hoc ad cumulandam felicitatem meam, quam mihi post tot vitae et fortunae meae naufragia Sacrae ac Serenissimae Caesariae Majestatis Regnatricis Beneficentia liberalissime indulgit, ut religiosissima Sanctitatis Vestrae benedictio, quam nuper humilissime sum veneratus, ad haec orthodoxa sacra accedenti mihi, Divinum propitiaret Numen» (о. с., р. 354).

имя Павла». Это извѣстіе Главинича, хотя и спутавшаго старое имя Потоцкаго съ новымъ и называющаго Никона Никитою, является для насъ драгоцѣннымъ указаніемъ на самый фактъ перемѣны Потоцкимъ одного имени на другое, о чемъ также умалчиваютъ всѣ его біографы.

Умолчалъ о перемѣнѣ имени, очевидно какъ объ естественномъ послѣдствіи крещенія, и Павелъ Алеппскій: «царь простилъ гетмана Павла Потоцкаго, — пишетъ онъ (у. с., IV, стр. 116), — и послѣдній, по его приказанію пробылъ въ Чудовомъ монастырѣ шесть недѣль, т.-е. сорокъ дней въ степени оглашеннаго. По окончаніи этого срока, патріархъ окрестилъ его, при чемъ воспріемникомъ былъ царскій тестъ [т.-е. Илья Даниловичъ Милославскій]. Царь наградилъ гетмана чинами, почетными подарками, содержаніемъ и пр. Гетманъ ежедневно являлся во дворецъ вмѣстѣ съ сановниками государства съ большою пышностью, по свойственному ляхамъ высокомѣрію. И не онъ одинъ, но и многіе вельможи ляховъ выразили покорность и подчинились царю, и онъ возстановилъ ихъ въ ихъ степеняхъ».

Потоцкій окончателью, какъ и ему самому, вѣроятно, казалось, сталъ, такимъ образомъ, однимъ изъ московскихъ бояръ. По новому своему положенію онъ принималъ участіе въ придворныхъ торжествахъ: такъ, уже 4 мая 1656 г. при отпускѣ цесарскаго посла Аллегретти въ числѣ московскихъ вельможъ, пившихъ «про Цесарево здоровье», упоминаются «Поляки Потоцкой и Калиновской съ товарищи» (Пам. Диплом. Сношен. III, 1854, ст. 437 сл.). Связь его съ Москвою и боярскими кругами была скрѣплена еще и бракомъ его съ Еленою Петровною Солтыковой, по расчету Бартошевича (о. с., стр. 458) не позднѣе, чѣмъ въ началѣ 1662 года, а по сображенію съ русскими данными, вѣроятно, еще въ 1660 году, и самъ царь былъ воспріемникомъ сына его Θεодора¹⁾, будущаго извѣстнаго архіепископа Гнѣзненскаго, примаса Польши († 1738).

Намъ не удалось точно опредѣлить, когда крестился Потоцкій; судя по мѣсту, гдѣ рассказываетъ объ этомъ Павелъ Алеппскій, это было въ началѣ 1656 г.²⁾ Нѣкоторыя существенныя для темы нашей данныя о положеніи и истинныхъ чувствахъ Павла (отнынѣ уже Петра) Потоцкаго въ Москвѣ находимъ мы въ двухъ надежныхъ польскихъ источникахъ.

Одинъ польскій гонецъ, ѣздившій въ Москву, живо описываетъ полученіе имъ тайной записки отъ Потоцкаго въ февралѣ 1658 года: «когда челядь моя на

¹⁾ Свѣдѣніе это сообщается безъ указанія источника *П. Матпьевымъ* въ статьѣ его объ Артамонѣ Сергѣевичѣ Матвѣевѣ (см. журналъ «Русская Мысль» 1901, кн. 8, августъ, отдѣлъ 2-й, стр. 5, примѣчаніе, очень краткое, о Павлѣ Потоцкомъ). Между тѣмъ по даннымъ у *Залускаго* (*Opera omnia Pauli Potocki, 1747, p. 340*) Θεодоръ умеръ 75 лѣтъ, т.-е. родился въ 1663 г., и былъ третьимъ сыномъ Павла; старше его былъ Александръ, который могъ родиться еще въ Москвѣ; въ Устюгѣ въ половинѣ 1663 г. упоминаются уже «дѣтишки» *Потоцкаго* отъ второго, очевидно, брака.

²⁾ Митроп. *Макарій* (Исторія Русской Церкви. XII, 1883, стр. 196, пр. 1) относитъ вторичное крещеніе «великаго гетмана Павла Потоцкаго» къ концу января 1656 г., но онъ ссылается при этомъ только на англійскій переводъ Павла Алеппскаго и самый фактъ приводитъ, какъ свидѣтельство неисполненія на практикѣ постановленій Московскаго собора 25—31 марта 1655 г. (*ibid.*, стр. 172—174, 195—197).

крышѣ надъ моимъ домомъ, играя на двухъ скрипичахъ, выбивала меланхолію изъ головы царскимъ пожалованьемъ, то устерегши это паны Салтыковы и его милость панъ Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, начали имъ шапками махать; любезно принявъ ихъ у себя и напоивъ написали они ко мнѣ записки»¹⁾. Короткую записку Потоцкаго, подписанную именемъ Павла и содержащую, кромѣ вопроса о двухъ лицахъ, сожалѣнія о невозможности бесѣдовать съ гонцомъ лично, чего не позволяетъ «досадительная осторожность этихъ странъ», Медекша скопировалъ, полностью, содержаніе же другихъ излагаетъ своими словами: «при этой запискѣ, какъ самъ онъ, такъ и всѣ, при немъ бывшіе, просили мою челядь, чтобы Его Королевская Милость и Рѣчь Посполитая не сердилась на нихъ, что онъ долженъ былъ окреститься въ московскую вѣру». «Всѣ бывшіе при немъ написали мнѣ записку, чтобы я старался о выпущеніи ихъ; выписавъ всѣ свои имена, они излагали, что цѣлованіе креста было насильственнымъ, такъ какъ заперевъ ихъ въ одно мѣсто имъ долгое время не давали никакого провіанта, и, наконецъ, вырубивши на рѣкѣ прорубь, вывели и самихъ ихъ и женъ и дѣтей, и тѣхъ, кто не хотѣлъ креститься, грозили бросить въ воду. Глядя на этотъ стонъ и жалостный плачь пришлось имъ, бѣднымъ, всѣмъ и самимъ и женамъ и дѣтямъ креститься, начиная съ самого его милости пана Потоцкаго и кончая самымъ меньшимъ изъ нихъ. (Они были взяты) не на полѣ (битвы), но сдались въ крѣпости, изъ которой (москвичи) обѣщали ихъ выпустить, въ чемъ и присягу принимали. Вотъ какую хитрость дѣлаютъ они со всѣми, кого принуждаютъ къ крещенію: вынудивши у нихъ согласіе, они сперва вымогаютъ у нихъ челобитницы къ царю, чтобы тотъ перекрестилъ ихъ въ (свою) вѣру, а потомъ ихъ прячутъ, чтобы показать потомъ нашимъ, якобы они не принужденіемъ ихъ крестили, а по ихъ добровольному челобитью» (о. с., стр. 130).

Съ одной стороны, мы имѣемъ московскіе документы, изъ которыхъ ясно видно, какъ сидѣвшимъ въ заключеніи полякамъ и литовцамъ предлагались за согласіе креститься свобода, въ предѣлахъ Московіи конечно, и царское жалованье, а упорствующимъ рабство и ссылка²⁾.

Съ другой стороны, однако, сочиненное по всѣмъ правиламъ риторики письмо Потоцкаго патриарху Никону ясно указываетъ на писаніе его совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ то просили рассказать на родинѣ его слуги и сотоварищи по несчастью. Такъ и Главиничъ (о. с., р. 357) называетъ двухъ лицъ, взятыхъ вмѣстѣ съ Петромъ Потоцкимъ врача его Александра Лецивина, родомъ изъ Рима, и о. Людовика, капеллана вѣроятно, которые «ambo Ruthenicum Scisma, ut aiebant coacte, quod minus credibile, susceperant»... и которымъ онъ противопоставляетъ твердость въ вѣрѣ отцовъ іезуитовъ (о. с., р. 358).

Если Потоцкій не устоялъ въ вѣрѣ, то не боялся онъ рисковать, если не жизнью, то во всякомъ случаѣ и своимъ новымъ благосостояніемъ и свободою,

¹⁾ *Scriptores Rerum Polonicarum*, № 7. III. St. Fr. z Prószeza Medekszy... księga pamiętnicza 1654—1668. Kraków. 1875, str. 130.

²⁾ См., напримѣръ, «Русская Историческая Библиотека». X. С.-Пб., 1886, стр. 567.

ведя тайныя сношенія съ польскими гонцами, какъ Медекша, котораго онъ еще въ другомъ случаѣ убѣждалъ, черезъ своихъ людей, быть осторожнымъ съ москвичами и «этому народу не во всемъ вѣрить» (о. с., str. 147), а особенно съ важнѣйшимъ изъ плѣнниковъ, литовскимъ польнымъ гетманомъ, Викентіемъ Корвиномъ Гонсѣвскимъ, просидѣвшимъ въ Москвѣ подъ стражею, хотя и не въ тюрьмѣ, три года (1659—1662). Плѣнъ этотъ прекрасно описанъ секретаремъ его Самуиломъ Венславскимъ и сравненіе между Гонсѣвскимъ и Потоцкимъ оказывается далеко не въ пользу послѣдняго. Книга Венславскаго¹⁾ ясно показываетъ сколь ошибочны представленія Бартошевича²⁾ объ этихъ сношеніяхъ въ Москвѣ Потоцкаго съ Гонсѣвскимъ: его рассказъ совсѣмъ не похожъ на то, что читаемъ мы у Венславскаго; да совсѣмъ различны были, повидимому, и люди: Гонсѣвскій былъ не только стойче къ предложеніямъ перемѣнить вѣру, но и по умственному своему складу и по научнымъ интересамъ былъ гораздо основательнѣе Потоцкаго; конечно, сидя подъ стражею, онъ долженъ былъ довольствоваться лишь книгами, но лѣтопись, находящаяся въ концѣ книги Венславскаго, давала для исторіи Россіи гораздо болѣе, чѣмъ вся книга о Московіи Потоцкаго, о которой рѣчь будетъ ниже.

Самуиль Венславскій сообщаетъ любопытныя подробности этой тайной переписки Гонсѣвскаго, котораго бояре напрасно мечтали привести подъ царскую руку и крестить въ русскую вѣру (о. с., р. 68), съ Потоцкимъ.

Переписка шла черезъ одного вѣрнаго человѣка родомъ русскаго, «поклонягося по отеческому обычаю, поцѣловавъ крестъ и поѣвъ земли» (р. 71); въ началѣ іюня 1659 г. «вѣрный этотъ москвичъ представился продавцомъ и принесъ на продажу бѣлыя шкуры волковъ [песцевъ?]. Когда мы отказались ихъ купить, онъ началъ ихъ расхваливать и предлагать пощупать ихъ снаружи и внутри; и когда щупали внутри, то онъ очень ловко передалъ изъ руки въ руку записку, посланную Павломъ Потоцкимъ, жившимъ тамъ же. Онъ, будучи схваченъ въ подобныхъ же случайностяхъ войны, столь же долго терпѣлъ, что слава его рода затмѣвалась московскимъ плѣномъ, но такъ какъ жилъ онъ свободнѣе, то въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ поддерживалъ переписку съ Корвиномъ» (Węsławski, о. с., р. 79).

¹⁾ Victor et victus Vincentius Corvinus Gosiewski... a Samuele Węsławski... 1644 atque... a Michaele Węsławski... Anno 1691.

Съ 29-го марта н. с. 1660 г. и до обмѣна съ нимъ же находился и Михаилъ Обуховичъ, стражникъ Вел. Кн. Литовскаго, см. его Дневникъ, изданіе редакціи газеты «Кіевскій Телеграфъ». Кіевъ, 1862 г.

²⁾ Bartoszewicz, о. с., str. 454: «Тоскуя по родинѣ и желая смягчить сердечныя печали гетманъ занимался въ Москвѣ поэзіей и литературой; очень пріятно было ему товарищество Павла Потоцкаго. Воеводичъ Брацлавскій зналъ уже тогда хорошо Москву и ея общество. Гетманъ не грустилъ о болѣе свободной жизни, чѣмъ какую имѣлъ; будучи крѣпче сторожимъ, чѣмъ Потоцкій, онъ довольствовался тѣмъ, что нашель въ молодомъ землякѣ вѣрнаго товарища по несчастью. Они часто видались и оба горевали надъ судьбами Рѣчи Посполитой». Потоцкій хотѣлъ служить родинѣ хоть перомъ и рѣшилъ описать Московію, «кажется, что онъ предвидѣлъ всю будущность края, надъ которымъ правило семейство Романовыхъ. Гетманъ Гонсѣвскій поощрялъ его къ этой работѣ».

Когда въ томъ же 1659 г. Гонсѣвскій узналъ отъ одного изъ москвичей о поражении Трубецкаго подъ Конотопомъ, то «въ тотъ же день слухъ этотъ подтвердилъ другой москвичъ, принесшій письма отъ Павла Потоцкаго, положивъ ихъ въ сапоги» (Węsławski, о. с., р. 87).

И Медекша, и Гонсѣвскій и, позднѣе, самъ Потоцкій не забывали, конечно, говорить въ Польшѣ объ услугахъ, оказанныхъ отечеству этими тайными сообщеніями Потоцкаго, стоявшаго и по новой роднѣ своей и по личному положенію въ курсѣ текущихъ дѣлъ московскаго двора.

Съ другой стороны, и московское правительство пользовалось освѣдомленностью Потоцкаго о польскихъ дѣлахъ и требовало отъ него соотвѣтственныхъ показаній, которыя онъ и представлялъ на польскомъ еще языкѣ; къ сожалѣнію, они остаются неизданными¹⁾.

Нельзя, конечно, думать, чтобы москвичи относились къ нему вполне довѣрчиво, но самая судьба Потоцкаго, относительно благополучная, показываетъ, что тайна его сношеній съ пріѣзжими поляками осталась въ Москвѣ не разоблаченной.

Однако ему пришлось, повидимому, поплатиться почетною ссылкой на дальнее воеводство за свою польскую родню послѣ того, какъ въ октябрѣ 1660 г. В. Б. Шереметевъ съ московскимъ войскомъ вынужденъ былъ сдаться подъ Чудновымъ польскому коронному гетману Станиславу Потоцкому²⁾. Этотъ погромъ произвелъ въ Москвѣ большое уныніе; по словамъ Венславскаго (о. с., р. 149), самъ царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ, было, лично бесѣдовать по поводу неудачъ съ плѣннымъ Гонсѣвскимъ, «но отложенный по совѣту бояръ разговоръ сообразно постепенному разсѣянію страха не состоялся, о чемъ Потоцкій, какъ и прежде, предворялъ такъ и объ этой новости сообщилъ (въ такихъ словахъ): «Nihil tam mutationi obnoxium quam Moschovitica aura. Ludicra sollicitis fervet Respublica curis». «Испыталъ и самъ Потоцкій Московскую жестокость, такъ какъ былъ сосланъ въ изгнаніе изъ-за побѣды, одержанной надъ врагами его дядею подъ Чудновымъ» (о. с., р. 149)³⁾.

Наиболѣе краткое и наиболѣе точное извѣстіе объ отъѣздѣ Потоцкаго изъ Москвы, не связываемое притомъ, какъ и у Павла Алеппскаго, съ Чудновскою битвой, находимъ у С. Главинича (о. с., р. 357): «послѣ крещенія ему (Потоцкому) по царской милости данъ былъ въ управленіе, какъ воеводѣ (palatino) того края, Устюгъ (Ustiugha) въ шестьдесятъ первомъ году».

¹⁾ Описаніе докум. и бумагъ Москов. Архива Минист. Юстиціи. Кн. XV. 1908, стр. 332, столб. 307 (1656—58 гг.), лл. 89. 122. 143. 233 и 248: Сказки иноземца Петра Потоцкаго на польскомъ языкѣ.

²⁾ Исторію этой длительной военной операціи см. напримѣръ, у Н. И. Костомарова, Собраніе сочиненій. Кн. V. С.-Пб., 1905, стр. 117—134.

³⁾ У позднѣйшихъ біографовъ эта краткая замѣтка современника развивается уже далѣе: *Zaluski* (о. с., р. 337) пишетъ: «послѣ побѣды, одержанной въ кровавой битвѣ подъ Чудновымъ дядею Потоцкаго тираннъ едва не лишилъ его жизни, чтобы выместить понесенное поражение»; *Bartoszewicz* (о. с., стр. 454): «когда вѣсть о Чудновѣ пришла въ Москву жизнь Потоцкаго была нѣкоторое время въ опасности, такъ какъ народъ возмутился противъ Потоцкаго»; *Ал. Петровъ* (у. с. стр. 698): «послѣ побѣды, одержанной подъ Чудновымъ его родственниками, П. едва не сдѣлался жертвою народнаго раздраженія». Источниковъ никто изъ нихъ не указываетъ.

Отъездъ его изъ Москвы, состоялся однако, повидимому, лишь въ концѣ года, такъ какъ имѣются такія извѣстія: «великій государь царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ дворянъ и дьяковъ, велѣлъ имъ на праздникъ на Свѣтло Христово Воскресеніе Апрѣля въ 14 день нынѣшняго 169 (т.-е. 1661) года свои очи видѣть въ комнатѣ», при чемъ однимъ изъ первыхъ въ спискѣ дворянъ являются «Петръ Степановъ сынъ Потоцкій, Петръ Александровъ сынъ Калиновскій» (другой польскій, ставшій московскимъ, дворянинъ)¹⁾, а въ августѣ 1661 г. документы (Русск. Истор. Библ. XII, ст. 332; Пам. Диплом. Сношен. X. 1871, ст. 512) Устюжскимъ воеводой называютъ еще Н. В. Кафтырева. Потоцкій могъ выѣхать изъ Москвы, слѣдовательно, не ранѣе, надо думать, начала зимы 1661 г., т.-е. спустя почти годъ послѣ Чудновской сдачи, а потому и прямая связь между этою неудачей Московскаго войска и посылкою Потоцкаго на воеводство въ Устюгъ, гдѣ тогда поляковъ привыкли видѣть только ссыльными²⁾, не вполне несомнѣнна.

Но 1661 годъ, указываемый Главиничемъ, какъ годъ посылки Потоцкаго на воеводство, вполне согласуется съ русскими данными объ Устюжскихъ воеводахъ³⁾, и даже пополняетъ данныя эти.

Такимъ образомъ, пребываніе П. С. Потоцкаго воеводою на Устюгѣ Великомъ оказывается, даже если предполагать, что въ 1666 г. его тамъ уже не было, значительно, почти вдвое, дольше обычныхъ двухъ-трехъ лѣтъ, на которые назначались въ то время русскіе воеводы «подобно римскимъ проконсуламъ», какъ не упустилъ случая провести ученую параллель въ своей книгѣ о Московіи Потоцкій⁴⁾. Этотъ нѣсколько затянувшійся, противъ обычнаго, срокъ воеводства Потоцкаго въ дальнемъ Устюгѣ весьма вѣроятно можетъ быть объясняемъ подозрительностью Московскаго правительства и желаніемъ подольше продержать Потоц-

¹⁾ «Акты Московскаго Государства», изданные Имп. Акад. Наукъ, т. III, С.-Пб. 1901., стр. 354, № 388.

²⁾ См., напримѣръ, «Акты Москов. Государства», томъ II. 1894, стр. 393, № 627. Отписка Устюжскаго воеводы кн. *Ефима Мышецкаго* въ концѣ 1654 или самомъ началѣ 1655 года: «А того Кричевскаго подстаростья Симона Ольшевскаго и челядинка его, по твоему государеву указу, велѣлъ я поставить на особомъ дворѣ, а въ приставѣхъ велѣлъ быть у нихъ устюжскимъ стрѣльцамъ по 4 человѣка на сутки и велѣлъ ихъ беречь накрѣпко, а стороннихъ людей къ нему припускать, и говорить, и чернить и бумаги давать, и писемъ никакихъ и посылныхъ грамотокъ писать не велѣлъ».

Тамъ же, стр. 402, № 643, боярскій приговоръ о ссылкѣ плѣнныхъ литовцевъ 19 марта 1655 г.: «А языковъ послать на Устюгъ и велѣтъ посадить въ тюрьму, а корму давать по двѣ деньги на день».

³⁾ Списки намѣстниковъ, воеводъ и губернаторовъ Великаго Устюга прилагаются къ нѣкоторымъ изъ Устюжскихъ лѣтописцевъ, см. *А. Титовъ*, у. с., стр. 139—140; «Извѣстія Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ» VIII. 1903, кн. 3, стр. 142—143; въ нихъ Петръ Степановичъ *Потоцкій* помѣщается между Никитой Васильевичемъ *Кафтыревымъ* и кн. Гавриломъ Матвѣевичемъ *Мышецкимъ*, что согласно и съ показаніемъ документовъ: см. Списки городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія Московскаго государства XVII столѣтія по напечатаннымъ правительственнымъ актамъ составилъ *Александръ Барсуковъ*. С.-Пб., 1902; Устюжскіе воеводы перечислены на стр. 260—262, документы указаны на стр. 410—411. Предшественникъ *Потоцкаго* упоминается въ августѣ 1661 г., преемникъ 20 февраля 1667 г., самъ *Потоцкій* съ 14 апрѣля 1663 г. до 15 марта 1665 г.

⁴⁾ «Praefecturas biennales aut triennales ut olim Romae proconsularia imperia, illis tantum attribuit, quos vel bellica virtus, vel perspecta probitas, vel consilii maturitas insignivit» (Opera omnia Pauli... Potocki, ed. Zalusci. Varsaviae, 1747, p. 174). Самуилъ *Венславскій* (Victor et Victus, 1691, p. 246) также говоритъ, что воеводы назначались лишь на два года; то же писали и другіе иностранцы: *В. Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ (Приложенія къ Московскимъ Университетскимъ Извѣстіямъ. Томъ II. Москва, 1866), стр. 133.

каго вѣ столицѣ, гдѣ все это время шли параллельно военнымъ дѣйствіямъ въ Литвѣ и Украинѣ и дипломатическія сношенія съ Польшею и прямыя и черезъ посредниковъ.

О пребываніи П. С. Потоцкаго на Устюжскомъ воеводствѣ мы имѣемъ рядъ упоминаній въ изданныхъ недавно Устюжскихъ актахъ¹⁾ и одно, восходящее къ нимъ же, въ одномъ изъ позднихъ Устюжскихъ лѣтописцевъ (Титова, № 2)²⁾. Изъ этихъ документовъ для насъ особенно интересенъ одинъ: подписка на постройку каменнаго Успенскаго собора въ Устюгѣ, все еще не возстановленнаго послѣ пожара 1649 года (см. выше, стр. 174): «171 [т.-е. 1663 г.] іюля въ 2 день въ Устюгѣ Великомъ великого государя и всѣхъ православныхъ христіанъ къ богомолью, на соборную каменную церковь пречистыя Богородицы воевода Петръ Степановичъ Потоцкой да Ерофей Сахаровъ и монаст... душевнаго ради спасенія и тѣлеснаго здравія, на созданіе церкви пожаловали»:

«Петрунка Потоцкой зъ зенишкоиу и зъ диетишками челомъ биеть на строенія сѣдмдѣсоть рубли серебранихъ денегъ».

«Петръ Стефановичъ уплатилъ 50 рублей. Взято». А затѣмъ слѣдуютъ вклады подъячаго Ерофея Сахарова и другихъ жертвователей³⁾.

На челобитной соборнаго протопопа Владиміра, просившаго объ исполненіи старостою Прокопьевской церкви постановленія Устюжанъ о займѣ на достройку собора изъ денегъ церкви св. Прокопія, Потоцкій положилъ благоприятную резолюцію тѣмъ же ужаснымъ, переполненнымъ полонизмами, языкомъ и ореографіей:

«171 (1663) іюліа въ 31 день поставитъ въ зиѣжджей ижбіѣ. — По мірскому приговору, денги дать взаими бежволокитно, да кабалу вжнать въ кажниу чудотворца» (ibidem, ст. 383, № LXXXV).

Итакъ Потоцкій былъ или казался въ Устюгѣ добрымъ православнымъ, подававшимъ, какъ воевода, примѣръ щедрымъ пожертвованіемъ на достройку собора. Мы не видимъ основаній считать все это лишь притворствомъ: надежды на возвращеніе въ Польшу послѣ присяги на вѣрность Московскому царю и принятія православія онъ имѣлъ тогда, вѣроятно, очень мало, какъ и тѣ тысячи польскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ плѣнныхъ, которыхъ нагнали тогда въ Московскую Русь и которые, то какъ вольные люди, — тѣ кто крестился, — то какъ рабы, захваченные или покупные, разсѣялись до отдаленныхъ предѣловъ Сибири. Прочное съ дѣтства религиозное чувство Потоцкаго могло найти себѣ полное удовлетво-

¹⁾ См. «Русская Историческая Библиотека», издаваемая Археограф. Комиссіей, томъ XII, часть I. С.-Пб., 1890, ст. 370 (14 апрѣля 1663 г.), 375 (8 мая и 2 іюля 1663 г.); «Акты Археограф. Экспедиціи», т. IV, № 146, стр. 195, и В. П. Шляпнигъ. Акты Великоустюжскаго Михайло-архангельскаго монастыря. Часть II. Вел. Устюгъ. 1913, стр. 138, (декабрь 1663); «Русск. Ист. Библ.», т. XII, ч. 1, ст. 391 (15 марта 1665), т. XXV, 1908, ст. 327 (1665 г.).

²⁾ «Въ то же (1663) лѣто, съ мая 5, стали дѣлать каменные работы въ Успенскомъ соборѣ при протопопѣ Владимірѣ, да при воеводѣ Петрѣ Степановичѣ Потоцкомъ, а каменщики были Ярославцы» (Титовъ, у. с., стр. 66); извѣстіе это такъ же, какъ и запись объ увозѣ рельефа св. Георгія въ Москву (см. выше, стр. 178) заимствовано изъ церковныхъ бумагъ, см. «Русская Историч. Библиотека», т. XII, ст. 373—375, № LXXXIII.

³⁾ «Русская Историческая Библиотека», т. XII. 1890, ст. 375—376, № LXXXIV.

рение и въ православномъ обрядѣ, тѣмъ болѣе, что послѣдній съ дѣтства былъ не чуждъ ему и по вѣрѣ его матери и по мѣсту обычной жизни его въ Подоліи. Однажды, 17 января 1664 года, Потоцкій явился даже свидѣтелемъ одного изъ чудесъ, внесенныхъ въ Житіе св. Прокопія Устюжскаго, или, по крайней мѣрѣ, разказа нѣкоей Сольвычегодской горожанки Февроніи Вышеславцевой о ночныхъ видѣніяхъ ей св. Прокопія, который посылалъ ее на богомолье ко своей гробницѣ въ Великомъ Устюгѣ¹⁾.

Надо думать все же, что польскій магнатъ, ставшій превратностью судьбы московскимъ воеводою на далекомъ Устюгѣ, многимъ отличался отъ русскихъ своихъ сотоварищей и въ образѣ жизни, хотя бы среди многочисленной уже къ тому времени новой русской семьи своей, и во внѣшней своей дѣятельности.

Къ сожалѣнію, намъ извѣстно о томъ одно лишь свидѣтельство въ описаніи проѣзда мимо Устюга осенью 1663 года англійскаго посла въ Москву лорда Карлейля. Описатель этого путешествія и участникъ въ немъ, Guy Miège, говорить, что Устюгъ былъ наибольшимъ и наилучшимъ городомъ, который видѣло посольство на всемъ пути отъ Архангельска до Москвы, хотя онъ и былъ весь деревянный и вымощенъ лишь деревомъ²⁾. Посольство стояло тамъ два дня, но воевода отличился вѣжливостью и заботливостью объ иностранныхъ гостяхъ, хотя по русскому обычаю того времени онъ и не осмѣлился привѣтствовать посольство

1) «Житіе св. Прокопія», изд. 1893 г., стр. 129—132, чудо 24-е. «Въ лѣто 7172 году генваря въ 17 день Соли Вычегодской съ посаду приде на Устюгъ великій ко церкви св. и праведнаго Чюдотворца Прокопія нѣкоторая жена именемъ Февронія мужа себѣ имѣ именемъ Михаила прозваніе Вышеславцова, и повѣда о себѣ збывшаяся блаженнаго Прокопія іереомъ при Устюжскомъ воеводѣ при Петрѣ Потоцкомъ», и т. д. Такова редакція рукописи Прокопіевскаго собора въ Устюгѣ, изъ которой личное присутствіе Потоцкаго при разказѣ Февроніи Вышеславцевой, строго говоря, еще не вытекаетъ, такъ какъ «при» можетъ имѣть и временное лишь значеніе. Но рук. Московскаго Публичнаго Музея № 362, по которой «Житіе» напечатано, говоритъ прямо: «прилучи же ся быти ту и градцкому намѣстнику и воеводѣ Петру Потоцкому». День 17 января въ 1664 г. былъ воскреснымъ и потому присутствіе воеводы въ церкви св. Прокопія, — соборъ еще достраивался, — въ этотъ день болѣе чѣмъ вѣроятно.

Въ самомъ изложеніи этого чуда странно слѣдующее обстоятельство: послѣ перваго видѣнія параличную Февронію на носилкахъ отнесли въ церковь св. Прокопія въ Сольвычегодскѣ и на носилкахъ же принесли обратно. Слѣдуетъ второе видѣніе и повелѣніе: «пойди ты къ Устюгу... и отпой молебень со звономъ и будеши здорова»... «Священники же слышавше сія глаголы отъ тоя жены Февроніи и грацкій воевода и возвѣстиша архимандриту и всему освященному собору», собравшіеся снова слушали ея разказъ, «како являяся ей святой и за помощію его и моленіемъ, како дарова ей Господь здравіе и изцѣленіе», велѣли «довольно звонити», молились, цѣловали образа на гробѣ святого «и разидошися вси кійждо въ дома своя хваляще и славяще Господа Бога». Такимъ страннымъ образомъ осталось не описаннымъ самое чудесное изцѣленіе расслабленной, которое, судя по тому, что въ Устюгъ она пришла, а не была принесена, какъ въ Сольвычегодскую церковь св. Прокопія, должно было произойти ранѣе, и тогда Потоцкій могъ слышать лишь разказы женщины, или же изцѣленія не произошло и въ Устюгѣ, и чудесными остались лишь явленія святого.

На иконѣ св. Прокопія съ дѣяніемъ и чудесами 1669 года (см. *В. Шляпникъ*, Житіе праведнаго Прокопія и т. д., стр. 111—116, и табл. къ стр. 112) это чудо, повидимому, не изображено.

2) A relation of three embassies... performed by the R. H. the Earl of Carlisle. London. 1669. 8°. p. 88: we saw newer a Town considerable enough to have any particular Description. Ustiga (which is the principale of a Province of that name) is the greatest we saw, but [p. 89] it is built of wood, as the rest are, and paved only with piles of Firr [=сосна, ель, пихта, словомъ хвойное дерево].

La relation des trois ambassades de M-r le Comte de Carlisle... nouvelle édition revue et annotée par le prince Augustine Galitzin. Paris. 1857, p. 32:... Ustiga, qui est la plus belle ville que nous vîmes dans toute la route. Посольство покинуло Устюгъ 2 октября 1663 г.

лично, но обильно снабдилъ англичанъ всѣмъ нужнымъ, далъ имъ двухъ приставовъ, которыми они остались довольны, и былъ, въ свою очередь, вознагражденъ за это тремя дюжинами бутылокъ канарскаго и французскаго вина, которыя ему отправилъ при отъѣздѣ Карлейль съ однимъ изъ своихъ кавалеровъ¹⁾; послѣднему, впрочемъ, осталось, надо думать, неизвѣстнымъ и польское происхожденіе воеводы, и его европейская образованность, иначе о томъ не преминулъ бы, вѣроятно, упомянуть описатель путешествія.

Потоцкому болѣе, чѣмъ кому-либо, нужно было, наблюдая московскій обычай, избѣгать личной встрѣчи съ англійскимъ посломъ; можно, однако, думать, что ему, также болѣе чѣмъ кому-либо, хотѣлось бы поговорить съ «европейцемъ» и блеснуть своимъ латинскимъ языкомъ и цитатами изъ «Тристій» Овидія на замерзшихъ уже струяхъ Сѣверной Двины; ближайшій сотоварищъ его по должности воевода Тотемскій, Ѳед. Корн. Беклемишевъ, не выдержалъ строгости этого запрета и провинціальной скуки, явился лично на ладью Карлейля и... напился²⁾.

Вотъ то немногое, что удалось намъ узнать о пребываніи Петра Степановича Потоцкаго на Устюжскомъ воеводствѣ; къ этому немногому интересную и характерную черту прибавляетъ и разобранная выше Устюжская записка о «переводѣ» имъ греческой якобы надписи на рѣзномъ изображеніи св. Георгія. Но для болѣе яснаго сужденія о личности Павла (или Петра) Потоцкаго мы должны продолжить рассказъ о немъ далѣе.

Точно время возвращенія его съ Устюжскаго воеводства, — или изъ почетнаго изгнанія, если это было таковое, — въ Москву мы не знаемъ. Преемникъ его кн. Гавр. Матв. Мышецкій впервые упоминается, какъ Устюжскій воевода, уже 20 февраля 1667 года.

Мы не знаемъ при какомъ случаѣ упомянуто имя Петра Степановича Потоцкаго, какъ дворянина Московскаго, въ боярскихъ книгахъ подъ 7176 годомъ³⁾,

¹⁾ A relation... of three embassies. London. 1669 p. 91—92: The Governor of Ustiga expressed great Civilities to my Lord Ambassador, and was clearly of another humor, than the Governor of Arsinoia [нынѣ село Моржеропское]; yet it was without violating a Custom they have to see no foreign Ambassadors themselves. Nevertheless tendred his service and all that he was able to do by one of his Gentelmen, and provided us abundantly with all things necessarily for our voiage by means of two honest officers which he deputed Pristaffs in the place of Bogdan [Ивана Богдановича Милославскаго] lately deceased.

For this reason his Excelence would not depart from thence till he had made him some acknowledgment, and presented him by one of his Gentlemen with three douzain bottels of Canary and French wine. We staid only two days in this Town, and from thence made all possible hast because the Rever began be frozen.

Французское изданіе (о. с., р. 36) говоритъ объ Устюжскомъ воеводѣ гораздо кратче. О различныхъ изданіяхъ этой реляціи и объ авторѣ ея см. статью бар. М. А. Корфа, Библиографическіе отрывки. IV. Посольство въ Россію графа Карлейля («Отечественныя Записки», т. СІІІ. С.-Пб., 1855, ноябрь, отд. II, стр. 47—86).

²⁾ Французское изданіе (о. с., pp. 36—38) излагаетъ встрѣчу посольства съ Тотемскимъ воеводою гораздо подробнѣе, чѣмъ англійское (о. с., р. 94). Имя Тотемскаго воеводы мы беремъ изъ «Списковъ» А. Барсукова (см. выше, стр. 202 прим. 3), стр. 249 (Дворц. Разр. I, 743).

³⁾ Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ, хранящихся въ I отдѣл. Москов. Архива Минист. Юстиціи. Москва, 1853, стр. 336, со ссылкой на 6-ю книгу, стр. 403.

но тогда онъ былъ, очевидно, уже не на Устюгѣ, а въ Москвѣ, и притомъ наканунѣ возвращенія на родину, гдѣ его не забывала вліятельная родня и откуда неоднократно шли ходатайства о возвращеніи изъ плѣна; такъ, въ договорѣ 19 октября 1655 года, сдавая Краковъ, Стефанъ Чарнецкій просилъ шведскаго короля въ обмѣнъ на передаваемыхъ ему плѣнныхъ Москвичей требовать выдачи Яна и Павла Потоцкихъ, Балабана, Маховскаго и другихъ¹⁾. Много позднѣе, въ іюнѣ 1664 года поляки предлагали обмѣнить Павла Потоцкаго на одного плѣннаго русскаго²⁾. Только по Андрусовскому договору, заключенному 13 января 1667 года и утвержденному царемъ въ октябрѣ 1667 года, Потоцкій вмѣстѣ съ многими иными польскими плѣнными, кромѣ пашенныхъ людей, получилъ право вернуться на родину.

На торжественномъ обѣдѣ въ честь польскаго посла Казимира Бѣневскаго 12 ноября 1667 г. въ числѣ сидѣвшихъ «въ скамьѣ» московскихъ дворянъ упоминается и «Павель Потоцкой»³⁾; неожиданное возвращеніе прежняго его имени мы полагаемъ возможнымъ ставить въ связь съ соборнымъ постановленіемъ 15 марта 1667 г. о неперекрещиваніи католиковъ.

Въ концѣ декабря 1667 года или въ началѣ январѣ 1668 года Потоцкій уже переѣхалъ съ женою и дѣтьми черезъ тогдашнюю границу⁴⁾.

Отъѣздъ его на родину со всею семьею не былъ, повидимому, въ Москвѣ разсматриваемъ, какъ измѣна, такъ какъ его лѣтомъ 1668 года московскій посолъ на пути изъ Константинополя, очевидно, какъ добраго стараго знакомаго, навѣстилъ въ его помѣстьяхъ⁵⁾.

1) *Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus XV. Stanisława Temberskiego Roczniki 1647—1656. Wydał Wiktor Czermak. Kraków, 1897. str. 321, § 10; L. J. Rudawski, Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem Olivensemque libri IX, edidit L. Mizlerus, Varsaviae. 1755, p. 196, § XI. Текстъ различенъ по формѣ, но одинаковъ по содержанию. Поименованные плѣнники, кромѣ Павла Потоцкаго, вскорѣ освободились, будучи, по однимъ освобождены самимъ Хмѣльницкимъ (Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego od roku 1648 do 1679. Lwów, 1850, str. 61) а по другимъ отбиты Петромъ (Николаевичемъ) Потоцкимъ (см. напр. *Zaluskі, Opera Omnia Pauli Potocki, p. 67, 334*).*

2) «Русск. Истор. Библ.», т. XI. 1889, ст. 271: «іюня въ 24 день писалъ къ велико у государю изъ Смоленска кн. О. О. Куракинъ съ товарищи..., что писалъ къ нимъ изъ Шклова Янъ Станиславъ Яблонской о размѣнѣ Ивана Монастырева, чтобы прислать Павла сына [ошибка, вмѣсто суповса, т.-е. племянника] Потоцкаго Станислава, и онъ де Иванъ нынѣ въ Шкловѣ». Помѣта дьяка Дементья Башмакова: «выписать къ великому государю въ докладъ».

3) Дополненія къ тому III Дворцовыхъ разрядовъ. С.-Пб., 1852, ст. 412; въ Соборныхъ Дѣяніяхъ 1667 г. (см. Матеріалы для исторіи раскола. Томъ II. Москва. 1876, стр. 343—361) вопросъ о перемѣнѣ имени однако не затрагивался. О женѣ Потоцкаго Еленѣ Петровнѣ, урожденной Салтыковой и приходившейся теткою императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, извѣстно, что въ Польшѣ ее именовали Элеонорой; протворѣчивыя утвержденія русскихъ біографовъ П. Потоцкаго, что она приняла католичество (П. Матвеевъ, у. ст., стр. 5) и что она сохранила православіе (А. Петровъ, у. с.), равно не подтверждены никакими ссылками на свидѣтельства современниковъ. Мы не представляемъ себѣ нужды мѣнять имя, равно славное въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ, если бы она оставалась православною.

4) *Dyaryusz woyewody Witepskiego Jana Antoniego Chrapowickiego... wydany z autentyku przez J. Rusieckiego z Trajanki. Warszawa, 1845, str. 3: Anno 1668 Janur. 13: «Odebrałem list z poszty od P. Referendarza Litt. data 29 X-bris iusz z Smoleńska pisany... pisze tesz że P. Potocki jedzie z żoną i dziećmi z Moskwy uwolniony».*

5) Объ этомъ сообрается въ письмѣ Яна Собыскаго вел. гетману Любомірскому отъ 12 іюня 1668 г. изъ Блудова въ Луцкомъ повѣтѣ: «.....Moskal pewny byt u P. Woiewodzica Braclawskiego Potockiego niedawno z Moskwy oswobodzonego; był u u mnie. Ale ten człowiek jedzie z Constantinopola, który tam dla wykupna jeździł więźniów. Zwał się Manwiło u iam mu dał list przeizdny nazad do Moskwy; miał

Вернувшись на родину Павелъ (или Петръ) Потоцкій снова взялся за перо и притомъ съ цѣлями отчасти, повидимому, апологетическими: двѣнадцать съ половиною лѣтъ московской, строго говоря, службы ему желательно было представить длинной и тяжкой неволей, въ теченіе которой онъ не забывалъ о своей родинѣ и ея пользахъ. Но, конечно, при живыхъ современникахъ и свидѣтеляхъ его московской карьеры о такомъ полномъ извращеніи истины нельзя было и мечтать и оставалось лишь кое о чемъ умалчивать.

Въ 1670 году въ Гданскѣ напечатаны были новое изданіе трактата «Historico-Politicus»¹⁾ и новое произведеніе Потоцкаго, результатъ его Московскаго плѣна, «Moschovia sive Brevis Narratio de Moribus Magnae Russorum Monarchiae»²⁾.

Книгу свою о Московіи Потоцкій посвятилъ отрешенному уже тогда отъ престола королю Яну Казиміру, какъ «suo ex tredecennali Moschovitica servitute vindici ac liberatori». Въ напыщенныхъ и льстивыхъ фразяхъ предисловія прославляются доблести польскихъ королей, ихъ побѣды и великодушіе, дозволившее Московіи имѣть собственныхъ государей; прославляются личныя добродѣтели Яна Казиміра, его военное счастье (sic!) и увѣнчавшее царствованіе его отреченіе отъ власти: «стыдилась явиться на глаза вѣчно вооруженнаго, пока онъ царствовалъ, короля (моя), давно лишенная и украшеній своихъ и, что еще горше, свободы, Минерва; но она знала, что ты, благодѣтельное свѣтило, не только жителямъ прежнихъ (областей) твоихъ свѣтишь, но и разсѣяннѣмъ повсюду гражданамъ, особенно тѣмъ, которыхъ оторвали несчастный жребій и вражеское свирѣпство, а не (ихъ собственная) воля, и писаніе (это) замѣнило ей, чтобы не краснѣть ей еще болѣе, траурныя одежды».

Происхожденіе своей книги объяснялъ онъ желаніемъ быть полезнымъ родинѣ и въ неволѣ, хотя бы перомъ, описывая чужую страну, разъ судьба лишила его возможности мечомъ служить своему королю, вѣрности которому онъ, якобы, не нарушалъ; признавая себя «какъ бы рабомъ», онъ подчеркивалъ, что рука его не обращалась противъ отечества, и сужденіе о себѣ предпочиталъ предоставить мудрому

z sobą niemało niewolników (Acta Historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus II. 1. Acta Joannis Sobieski. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. 1629—1671. Kraków. 1880, str. 394, № 163).

¹⁾ Подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и первое; Dantisci imprimebat David Frid. Retius. 1670. 104 pp. (Bibliogr. Polska. XXV, str. 152).

²⁾ Далѣе въ заглавіи слѣдуетъ: «Animadversationibus Civilibus et Politicis Documentis moderno Regnorum et Rerumpublicarum Statui Accommodata. Auctore Paulo à Potok Potocki, Palatinida Braslaviense duobus annis et dimidio supra decennium in Principe illius Imperii Urbe, retinentibus eum belli juribus, nuper Commorante. Dantisci. Imprimebat David-Fridericus Rhetius. Reip. et Gymnassi Typograph: 1670. 4°. 1+104 pp. (Bibliografia Polska, t. XXV, str. 152).

Въ изданіи *Залусскаго* книжка эта перепечатана на стр. 160—200. Въ оригинальномъ изданіи на гравюрѣ заглавнаго листа работы Joh. Denstheimer'a представленъ слѣва стоящій на пьедесталѣ человекъ въ мѣховомъ кафтанѣ и высокой боярской шапкѣ, средняго возраста (не портретъ ли *Потоцкаго* — воеводою?), показывающій правою рукою развернутую карту Россіи (Succincta Moschoviae delineatio) или точнѣе лишь Сѣверо-восточную ея часть отъ Каргополя, Бѣлоозера, Мологи, Твери, и къ Востоку, и къ Югу нѣсколько южнѣ Саратовско-Рязанской засѣчной линіи (но есть Астрахань) и къ В. до Березова, Тобольска, Тюмени, «Bela Wolga fl.» и Булгара; есть Arska, но нѣтъ Казани, такъ что Ostinga Veliki приходится почти въ центрѣ ея. Въ среднѣхъ на Ледовитомъ океанѣ гербъ: двуглавый орелъ съ Георгіемъ въ округломъ щитѣ на груди.

потомству, нежели завистливымъ соперникамъ¹⁾. Погрѣшалъ онъ противъ исторической точности и утверженіемъ въ самомъ заглавіи книги якобы онъ всё двѣнадцать съ половиною лѣтъ своего плѣна провелъ въ самой Москвѣ: упоминать о бытности своей царскимъ воеводою, очевидно, было бы не политично. Личный элементъ поэтому въ книгѣ отсутствуетъ; такъ, восхваляя рѣдкіе де въ Москвѣ добродѣтели своего зятя, Петра Михайловича Солтыкова (о. с., р. 195—196), онъ ни словомъ не упоминаетъ о своемъ свойствѣ съ нимъ, хотя оно было всеѣмъ извѣстно.

Въ общемъ, какъ показываетъ уже само полное заглавіе книги, она является не столько реальнымъ описаніемъ Московской дѣйствительности, сколько разсужденіемъ, насколько дѣйствительность эта соотвѣтствуетъ современному, — «европейскому» сказали бы мы, — гражданскому и политическому идеалу королевствъ и республикъ, а потому большая, пожалуй, половина книги является разсужденіями, обильно одобренными цитатами изъ классиковъ, объ этихъ идеалахъ древности, которые представлялись автору, проникнутому латинской схоластикой того времени, вполне соотвѣтствующими и требованіямъ его современности.

«Historico-Politicus» остается вѣрнымъ себѣ и въ этой описательной, казалось бы по заглавію, книгѣ, фактическія сообщенія которой о Московіи и ея исторіи весьма мало прибавляютъ къ тому, что сообщали иные западные писатели. Едва ли не единственною важною для русской исторіи частью книги Потоцкаго является его списокъ и характеристики современныхъ ему московскихъ вельможъ²⁾. Вполнѣ правъ поэтому польскій биографъ Потоцкаго, когда онъ пишетъ: «умѣлъ выбрать интересную тему Потоцкій, но не умѣлъ сдѣлать изъ нея ничего интереснаго»..., «а еслибы не это свихнутое схоластическое воспитаніе, никто не могъ бы такъ хорошо, какъ Потоцкій нарисовать интересную для насъ картину» (Bartoszewicz, о. с., str. 461). Мы видѣли однако, что помимо поистинѣ свихнутаго классиками направленія мыслей Потоцкаго, были и инныя причины, которыя отъ фактической передачи лично пережитаго въ московской неволѣ, точнѣе на московской службѣ, направляли его въ сторону историко-политическихъ умствованій и фразерства, съ постоянными ссылками на свой трактатъ «Historico-Politicus» и на латинскихъ авторовъ, которыя владѣли имъ столь сильно, что онъ и самъ не замѣчалъ, вѣроятно, какъ фальшиво звучали, выходя изъ подъ его «servili quasi, sed non parricida manu», такія фразы какъ, на примѣръ: «nulla genus projectius servit, quam Moschovitica, cum tamen homini ingenue nato et educato, optabilius sit ut eripiatur vita, quam libertas (Opera Omnia, ed. 1747, p. 170; ed. 1670, p. 26).

¹⁾ Servilis quasi fateor mea, sed non parricidalis manus est: cui mitiora studia, sicut omne contra patriam (proh nefas et piaculum) excussere ferrum; ita sub alieno caelo vectigale Tibi non exui obsequium ut judicet prudens posteritas, sive improbus adversariorum meorum livor, Potocianam manum aut pro Majestate Regum suorum esse pugnacem; aut si commodo Regni Poloni cedet, in describendo alieno regno, etsi in remotiora aula, obsequentem (Pauli Potocki Opera Omnia, 1747, p. 161; ed. 1670, p. 2).

²⁾ Въ изданіи Залускаго — pp. 192—200; о русскомъ неполномъ переводѣ ихъ и о пользованіи ими С. М. Соловьева см. П. Матвѣева («Русская Мысль», 1901, № 8, отд. 2, стр. 5 прим.)

Если въ области гражданской политики возвращеніемъ Потоцкаго на родину, вопросъ о предшествовавшей многолѣтней Московской «неволѣ» или «службѣ» рѣшался тѣмъ, что становился явно излишнимъ, то сложнѣе былъ вопросъ вѣроисповѣдный: одной реальной переменѣ мѣста жительства и обряда, тутъ было мало не только для окружающихъ, но, что важнѣе, и для самаго Потоцкаго. Конечно, въ книгѣ его о вторичномъ крещеніи автора, хотя бы и насильственномъ, какъ увѣрялъ онъ соотечественниковъ въ Москвѣ, нѣтъ ни слова; но начало главы о религіи Московитовъ *Religio et ejus cultus* (ed. 1670, pp. 18—26; ed. 1747, p. 167—170) сквозь запутанныя и темныя фразы поражаетъ насъ отказомъ отъ разсужденій о догматической сторонѣ ея, какъ о предметѣ, къ которому должно относиться съ величайшей осторожностью¹⁾, при чемъ самъ авторъ опасается за гробнаго возмездія за такія разсужденія. Хотя онъ называетъ прямо вѣру царя Алексѣя Михайловича чужою²⁾, хотя рѣзко отзывается о народной вѣрѣ, о чрезмѣрныхъ постахъ, о суевѣрїи и жестокости народа, о господствѣ свѣтской власти надъ духовною (въ длинномъ разсказѣ о низложеніи Никона, склоннаго, по его словамъ, къ католицизму), словомъ, хотя его отзвы о религіозномъ состояніи Московїи подобны отзывамъ большинства иностранцевъ³⁾, но намъ представляется, что онъ писалъ будучи въ неясномъ сознаніи того, къ какой изъ двухъ вѣръ самъ онъ принадлежитъ: и та и другая удовлетворяла его религіозныя потребности столь долго, что вернуться сразу къ прежней ему едва ли казалось возможнымъ. Поэтому не пустою фразой были, вѣроятно, его сожалѣнія въ концѣ главы этой о кровопролитіяхъ изъ-за религіозныхъ разногласій: *Libet intueri hanc magnam Europae aut orbis totius scenam: numquam frequentius bellorum quam ob inermi Religione classicum est.*

Единственнымъ событіемъ изъ дальнѣйшей жизни Потоцкаго, отмѣчаемымъ его биографами, является посольство въ Римъ отъ вновь избраннаго въ 1669 г. короля Михаила Корибута Вишневецкаго; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что для самого Потоцкаго поѣздка эта имѣла весьма важную личную цѣль: успокоеніе религіозныхъ сомнѣній полученіемъ папскаго прощенія за переходъ въ православіе; биографы Потоцкаго объ этомъ, правда, ничего не говорятъ, какъ не говорятъ они ни о переменѣ вѣры, ни о переменѣ имени, они свидѣтель-

¹⁾ Quo parcius de Religione Moschovitica, et omnium ulterioris Aquilonis incolarum scribam; ipsorum vitae rationes, ab omni purioris Religionis cultu remotae obstitere. Cum prope etiam norim, acriter et penitius de Religione, praesertim aliena, quaerentibus, optime responderi non respondendo. Mysterium antea Religio erat, nunc ars haberi caepta: et ille supremus rerum Arbiter, humanis non circumscriptus cancellis, multorum declamantium in scholis, otiosorum (quod dolendum) in circulis est argumentum. Quid enim Divinam scientiam, quae humana excedit ingenia, ut rem incertissimam, in dubium vocare audeam: quam si firmissime non tenuero, aeternis procul dubio suppliciis luam. Nam Vicaria Dei olim sancivit Majestas: Credere iubemur, discutere prohibemur (Innocentius III in Bulla). (Opera Omnia, 1747, p. 167; ed. 1670, p. 18—19.)

²⁾ Nunc regnatrix pietas (si eo nomine alienus ritus appellandus est) pro sacrilega ac nefaria populorum excubat superstitione. (Opera Omnia, ed. 1747, p. 169.)

³⁾ *Левъ Руцинскій* («Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ». Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. при Импер. Моск. универс., 1871, кн. III) сочиненіемъ *Потоцкаго* не пользовался; но у него именно нашли мы указаніе, на изданное *Гласунимъ* письмо Потоцкаго къ Никону.

ствуютъ только, что онъ стяжалъ въ Римѣ общія симпатіи своими личными качествами.

Умеръ Павелъ Потоцкій въ санѣ своего отца, Брацлавскимъ воеводою, проживъ всю жизнь съ именемъ лишь воеводича и получивъ эту должность, связанную съ кресломъ въ сенатѣ, отъ короля Яна Собѣскаго лишь въ годъ своей смерти, въ 1674¹⁾ году; умеръ онъ, оставивъ большую семью: одного сына отъ первого брака и семь сыновей и двухъ дочерей отъ второго.

Осталось неизданнымъ еще одно сочиненіе его, такъ же какъ все прочія, писанное по-латыни; сочиненіе это напечатано было лишь въ 1702 году, и оно является, пожалуй, наиболѣе полезнымъ для потомства изъ всѣхъ его произведеній (*Bar-toszewicz, o. c., str. 464*); это — «*Centuria clarissimorum virorum Polonorum et Lithuanorum*» — сто краткихъ, очень риторично, конечно, изложенныхъ біографій наиболѣе славныхъ военныхъ (60) и гражданскихъ (40) дѣятелей болѣе или менѣе современныхъ Потоцкому, что и дѣлаетъ книжку эту однимъ изъ источниковъ для польско-литовской исторіи XVII вѣка²⁾.

Вотъ кто и каковъ былъ Устюжскій истолкователь надписи на рельефѣ Московскаго Успенскаго собора. Это длинное отступленіе необходимо для возможныхъ предположеній, за отсутствіемъ какихъ-либо свидѣтельствъ, о происхожденіи сохраненнаго «Повѣстью» въ октоихѣ Георгіевской церкви «перевода съ греческаго».

Знакомство съ личностью переводчика опровергаетъ слишкомъ поспѣшное заключеніе И. М. Снегирева (см. выше, стр. 162) о полномъ невѣжествѣ его: научная компетенція Потоцкаго для XVII вѣка и для Устюга была не ниже, чѣмъ самого Снегирева для Москвы начала XIX вѣка!

Конечно, Павелъ Потоцкій не былъ ученымъ, его начитанность въ трехъ книгахъ Ливія и нѣкоторыхъ иныхъ латинскихъ авторахъ не сдѣлали его, разумѣется, антикваромъ и эпиграфистомъ настолько, чтобы онъ могъ безъ всякихъ пособій подъ руками по мелкой, недостаточно ясно вырѣзанной³⁾, копіи съ другой ошибочной, какъ увидѣли ниже (*ср. табл. XII съ табл. XIII и рис. 3*), копіи надписи Константиновой арки въ Римѣ правильно возстановить испорченныя и неясныя мѣста копіи и опредѣлить такимъ образомъ оригиналъ ея.

Главнымъ препятствіемъ къ тому являлась, несомнѣнно послѣдняя, особенно искаженная, строка надписи (правильно прочесть которую не удалось даже Снеги-

¹⁾ Но *Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego... od roku 1648 do... 1679... Lwów. 1850. str. 247*, годомъ смерти Потоцкаго называетъ 1675-ый.

²⁾ «*Bibliografia Polska*» (tom XXV, 1913, 153—154) знаетъ лишь два экземпляра этого сгорѣвшаго вскорѣ по напечатаніи изданія; оба не имѣютъ титульнаго листа. *Залусскій* перепечаталъ сочиненіе съ такимъ заглавіемъ: «*Saeculum Bellatorum et Togatorum seu Centuria Elogiorum Clarissimorum Virorum Polonorum et Lithuanorum*».

Надъ страницами оригинальнаго изданія надпись: *Centuria Clariss. Virorum. Cracoviae, 1702, 4°. 490 pp.*; первая 299 заняты біографіями 60 воеводъ; на стр. 300 особое предисловіе ко второй части: *Quadragesima viri togati*.

³⁾ Впрочемъ, раскраска рельефа препятствуетъ судить о томъ, насколько ясно читалась надпись до наложенія на нее нѣсколькихъ слоевъ краски.

реву въ его первой статьѣ: см. рис. 25, гдѣ вмѣсто *arcum triumphis insignem dicavit* написано: *arcum triumphalem dicavit*).

Въ оригиналѣ не безъ труда можно теперь разобрать: *ARCVMTRIVMIFOS-ISINEICAVIT*, при чемъ первая буква весьма неясна (см. таб. XII). Неудивительно, что въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы должны себѣ представлять разборъ надписи воеводою, истинный смыслъ ея остался для него неясенъ, если даже онъ и имѣлъ усердіе дочитать надпись до конца.

Лишь понявъ эту строку, могъ бы онъ вспомнить тотъ неожиданный и далекій Римскій оригиналъ, который онъ видѣлъ когда-то лѣтъ двадцать предъ тѣмъ, обозрѣвая достопримѣчательности Рима.

Потоцкій могъ не помнить подлинной надписи, даже навѣрное не помнилъ ея, такъ какъ въ противномъ случаѣ понялъ бы и всю надпись рельефа по довольно ясно читаемому началу ея; но если бы онъ, правильно понявъ въ искаженномъ словѣ *CONSTIANO* первой строки имя Константина, разобралъ и послѣднюю строку, то, внѣ всякаго сомнѣнія, не могъ бы онъ не вспомнить объ аркѣ Константина, которая и по сохранности ея, и по видному положенію и по особому интересу ея для христіанъ была тогда однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ памятниковъ Рима, о чемъ ясно свидѣлствуютъ многочисленныя воспроизведенія ея на рисункахъ и на картинахъ, о чемъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ.

Обучавшійся въ Римѣ богословію Потоцкій могъ не помнить наизусть надписи на этой аркѣ, но не могъ, конечно, забыть о самомъ существованіи столь виднаго и славнаго памятника древности.

Итакъ, несомнѣнно, что истинный смыслъ искаженной надписи Устюжскаго рельефа оставался Потоцкому, несмотря на всю его латинскую ученость, непонятнымъ. Но въ частности онъ правильно прочелъ въ первой строкѣ въ искаженномъ написаніи ея имя императора Константина, и въ этой частности, какъ его чтеніе, такъ и зависящія, по всей вѣроятности, отъ него же слова патріаршей грамоты, что икона «подписана на имя великаго царя Константина», совершенно вѣрны.

Но это является лишь крупицей истины въ томъ невѣроятномъ «переводѣ», которой съ именемъ Потоцкаго и точною датой 1663 г. сохранила намъ Устюжская «Повѣсть». Какъ же мы должны смотрѣть на переводъ этотъ и на утверждение, якобы надпись греческая?

Не повторяя сказаннаго выше (см. стр. 188 сл.), мы теперь, познакомившись съ Потоцкимъ и его русскимъ языкомъ, должны, кажется, признать, что «переводъ» не является точною передачей собственноручной записки Потоцкаго, а въ лучшемъ случаѣ записанъ лишь со словъ его кѣмъ-либо изъ причта Георгіевской церкви, а если такъ, то и всѣ послѣдующія разсужденія наши принимаютъ характеръ лишь возможностей и предположеній.

Такъ, наиболѣе поразительное утверженіе, что надпись сдѣлана была греческимъ языкомъ, представляется намъ домысломъ позднѣйшаго составителя «Повѣсти», не имѣвшаго уже надписи предъ глазами: невѣроятность присутствія при рельефѣ иной, утраченной, греческой надписи мы обсуждали уже выше; налицо свѣ-

дѣнія объ учености Павла (Петра) Потоцкаго не даютъ основаній предполагать знанія имъ греческаго языка; отличить же латинскую надпись отъ греческой могъ, разумѣется, даже въ далекомъ Устюгѣ не одинъ лишь ученый воевода, а потому объявленіе латинской, и по этому одному уже подозрительной въ глазахъ православныхъ, надписи греческою было бы даже со стороны воеводы, но съ римско-католическимъ прошлымъ, весьма рискованною неосторожностью, такъ какъ его легко могли обличить и нѣкоторые, правда рѣдкіе, русскіе и многіе принявшіе въ то время, какъ и онъ, православіе плѣнники и переселенцы изъ Литвы. Мы думаемъ поэтому, что языкъ надписи въ подлинной записи 1663 года обозначенъ вовсе не былъ.

Для чести и ученой репутаціи Потоцкаго было бы проще всего предположить, что его научная экспертиза ограничилась при посѣщеніи имъ Борисоглѣбской церкви въ 1663 г., вѣроятно же всего въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ ея, т.-е. 23 апрѣля или 24 іюля, лишь краткимъ и вполне вѣрнымъ сообщеніемъ причту, что въ непонятной для него надписи есть имя императора Константина Великаго, но, къ сожалѣнію, противъ такого простѣйшаго предположенія можно выставить нѣсколько соображеній.

Едва ли причтъ сталъ бы записывать съ точною датою столь краткое и удобное запоминаемое сообщеніе ученаго воеводы, а позднѣйшій составитель «Повѣсти» развивать одно имя императора Константина въ сообщаемый имъ «переводъ».

Приблизительная длина этого «перевода» соотвѣтствуетъ длинѣ подлинной надписи, особенно, если предположить, что опредѣленіе даты: «отъ воплощенія Господа Нашего Иисуса Христа» являлось лишь прибавочнымъ поясненіемъ, введеннымъ въ воображаемый текстъ надписи, къ краткой датѣ: «въ 333 году».

Наконецъ, разстановка словъ первой строки даетъ собственному имени Константина то именно, среднее въ строкѣ, положеніе, которое и занимаетъ въ оригиналѣ испорченное, но ясно читаемое, слово CONSTIANO: «переводчикъ» предполагалъ, слѣдовательно, возможность нѣкоторой, правда очень скромной, проверки своего «перевода», хотя для этого еще цѣлесообразнѣе было бы размѣстить слова такъ: Царь Константинъ Великій; но все дальнѣйшее предполагаетъ уже полное невѣжество контролеровъ.

Общее содержаніе измышленной «переводчикомъ» надписи имѣетъ ясную и опредѣленную идею: выдать рельефное изображеніе св. Георгія западнаго типа за образъ, поставленный Константиномъ Великимъ въ «большую церковь», т.-е. въ св. Софію, ради побѣды надъ всѣми врагами, каковыми оказываются «Султаны и Сарманы».

Выраженіе «большая церковь» (*ἡ μεγάλη ἐκκλησία*) для обозначенія св. Софіи перешло къ намъ отъ Грековъ, употребленіе его здѣсь является очевиднымъ желаніемъ «переводчика» поддѣлаться подъ нашу церковную терминологию; выраженіе «большая» вмѣсто болѣе обычнаго въ этомъ сочетаніи «великая» объяснялось, быть можетъ, неумѣстнымъ въ данномъ случаѣ желаніемъ избѣжать кажущагося полонизма: «великая» было бы «не по-русски», какъ тождественное слову «wielka»...

Странныя имена враговъ Константина Великаго въ «переводѣ» Потоцкаго могли бы имѣть также «историко-политическое» объясненіе: совершенно неумѣстные «султаны» являются, видимо, не искаженіемъ въ русской записи какого-либо латинскаго имени варваровъ Константинова вѣка, а скорѣе объявлены врагами Равноапостольнаго царя въ угоду той, усердно развивавшейся и русскими и польскими сторонниками прочнаго мира между воевавшими тогда братскими странами, идеи, что истинная и неотложная задача Москвы и Польши это — союзъ противъ «общаго врага христіанства», современное имя котораго и перенесено здѣсь на воображаемый памятникъ основателя Цареграда; наоборотъ въ имени «Сармяне» мы предположили бы ошибочную, подъ влияніемъ «армянъ», запись исторически вѣрнаго, но неизвѣстнаго въ Устюгѣ, имени Сарматовъ, особенно излюбленнаго Поляками, почитавшими себя ихъ потомками.

Наконецъ, датировка надписи 333 годомъ отъ Р. Х., а не отъ сотворенія міра, опять-таки является подтвержденіемъ указанія на Потоцкаго, какъ на автора «перевода»; ему только, а не Устюжанамъ, могло казаться, что памятникъ Константинова вѣка долженъ былъ быть датированъ по римскому, а не по греческому лѣтоисчисленію; дѣйствительная же невозможность и того и другого оставалась, очевидно, равно неизвѣстною и Устюжанамъ и ихъ воеводѣ, ученику Римскаго коллегіума и Падуанскаго университета.

Годъ избранъ былъ, очевидно, съ цѣлью приурочить постановку рельефа Константиномъ въ св. Софію къ самому основанію Константинополя, которое обыкновенно относится къ 5388, т.-е. 330 году, и какъ «обновленіе Цареграда» празднуется 11 мая¹⁾, «обновленіе» же, т.-е. освященіе, храма св. Софіи Константинопольской празднуется 23-го декабря, но это было освященіе Іустиніановскаго храма, день же освященія Константиновой св. Софіи опредѣляется въ Александрійской (или Пасхальной) хроникѣ 15 марта 360 года, т.-е. уже при имп. Констанціи, причемъ основаніе церкви относится за 35 лѣтъ ранѣе, т.-е. къ 326 году²⁾.

Почему вмѣсто 330, указано 333, мы, конечно, не знаемъ; возможно, что имѣлось въ виду дать время на построеніе церкви подобно тому, какъ приходится три года на построеніе древнѣйшей св. Софіи Кіевской, если принимать догадку архіеп. Сергія (Полн. Мѣсяц. Востока. Изд. 2-е. Владиміръ, 1901, стр. 139), или же годъ этотъ явился просто, какъ ошибка въ датѣ построенія Константинополя; во всякомъ случаѣ, это введеніе числовой даты въ «переводѣ» надписи, въ которой нѣтъ никакого числа, свидѣтельствуетъ о полной независимости этого «перевода», кромѣ первой строки и общей длины фразы, отъ «переводимаго» оригинала. Говоря проще, мы имѣемъ передъ собой грубый обманъ и притомъ, по всей видимости, не безцѣльный: «переводчикъ» имѣлъ въ виду авторитетомъ своей учености и служебнаго положенія утвердить за рельефомъ западнаго характера славу православной иконы Равноапостольнаго царя и, какъ показала послѣдующая исторія рельефа, цѣли своей онъ достигъ.

¹⁾ *Arzien. Serгий*, Полный Мѣсяцесловъ Востока. Изд. 2-е, т. II, Владиміръ, 1901, стр. 139.

²⁾ *J. Ciampini*, De sacris edificiis a Constantino Magno constructis. Roma. 1691, p. 165.

Остается лишь вопрос о мотивах столь малопочтеннаго пользованія авторитетомъ «европейской» науки. Намъ представляется двѣ возможности: или это было случайное и малодушное желаніе скрыть свое неумѣніе разобрать латинскую надпись, которую его просили растолковать при посѣщеніи имъ Георгіевской церкви въ 1663 году, или же «переводъ» былъ сочиненъ съ нарочитою цѣлью открыть рельефу дорогу въ церковь, куда его, по его ясному западному характеру, не допускали. Въ послѣднемъ случаѣ Потоцкій долженъ былъ имѣть какія-либо особыя основанія для того, чтобы погрѣшить противъ истины и подвергаться хотя бы и неособенно большому риску быть разоблаченнымъ, иначе говоря рельефъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ пользоваться его особымъ покровительствомъ. Причины къ тому могли бы, конечно, разныя, но простѣйшая и вѣроятнѣйшая была та, что рельефъ могъ быть вкладомъ въ Георгіевскую церковь самого Потоцкаго или близкихъ ему лицъ.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы остановиться на той или другой изъ многихъ высказанныхъ и могущихъ быть еще придуманными возможностей. Во всякомъ случаѣ, то, что мы узнали о личности Устюжскаго воеводы Петра, а прежде и послѣ Павла, Степановича Потоцкаго, даетъ намъ нѣкоторыя основанія вѣрить, что фантастическій переводъ латинской надписи на рельефѣ, сохраненный намъ Устюжскою «повѣстью» въ октоихѣ Георгіевской церкви, дѣйствительно, передаетъ то толкованіе надписи, которое далъ ей въ 1663 году ученый воевода.

Сколь ни несоизмѣримо и въ реальномъ и въ моральномъ отношеніи это Устюжское истолкованіе надписи на рельефѣ съ объясненіемъ ея Московскимъ профессоромъ, но оно все же имѣетъ одно преимущество: Потоцкій видѣлъ на рельефѣ то, что есть въ дѣйствительности, — изображеніе св. Георгія, — и сочиняя «переводъ» непонятой имъ, несмотря на то, что онъ видѣлъ когда-то оригиналъ ея, и неумѣстной по содержанію ея надписи онъ не вводилъ никакихъ вымысловъ въ толкованіе самого изображенія, хотя и придумалъ для рельефа наиболѣе славное quasi-историческое прошлое.

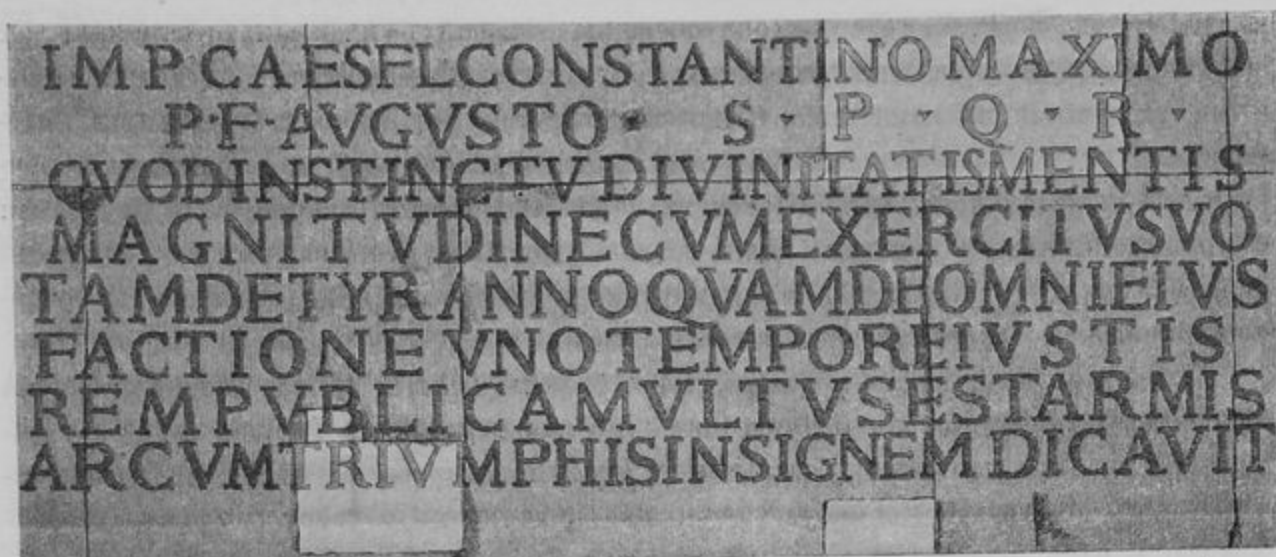

Рис. 27. Надпись на сѣверной сторонѣ триумфальной арки Константина Великаго въ Римѣ.

III.

Итальянскій источникъ Устюжскаго рельефа.

Ни воспитаннику германскаго, — по свидѣтельству Главинича, — коллегіума въ Римѣ, — П. С. Потоцкому, въ XVII вѣкѣ, ни профессору латинскаго языка въ Московскомъ университетѣ, И. М. Снегиреву, въ XIX — не удалось, какъ видѣли мы выше, установить правильную связь между изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца и надписью съ именемъ Константина Великаго, которые помѣщены другъ надъ другомъ на Устюжскомъ рельефѣ.

Первый изъ нихъ связь эту объяснялъ, при помощи беззастѣнливаго искаженія смысла надписи, тѣмъ, якобы это изображение св. Георгія поставлено было Константиномъ, а второй, вѣрно читая надпись, совершенно несостоятельными доводами доказывалъ, будто бы Константина же, а вовсе не Георгія, рельефъ и изображаетъ.

Насколько мало добросовѣстности проявилъ первый въ толкованіи ясной надписи, настолько сильно погрѣшилъ второй противъ очевидной истины; но оба они сходились въ одномъ наименѣе для насъ теперь пріемлемомъ предположеніи, якобы рельефъ является произведеніемъ временъ Константина Великаго, т.-е. именно въ томъ, что и было, повидимому, причиною принесенія рельефа изъ Великаго Устюга въ Москву патриархомъ Іоакимомъ.

Лишь теперь въ XX вѣкѣ, — если мы въ литературѣ рельефа чего-либо не упустили, — явилось болѣе правильное хронологическое опредѣленіе рельефа, какъ «итальянскаго произведенія второстепеннаго мастера» (Н. Н. Соболевъ, 1914 г.), но уже безъ всякой попытки уяснить связь между изображеніемъ и надписью, что, въ сущности, и вполне разумно, такъ какъ никакой связи между столь разнообразными элементами нѣтъ и быть не можетъ, а потому всякія попытки связь эту измыслить заранѣе осуждены на неудачу.

Напротивъ того невозможность относить Устюжскій рельефъ св. Георгія къ началу IV вѣка по Р. Х. теперь столь очевидна для всѣхъ, имѣющихъ мало-мальское знакомство съ исторіей искусства, что доказывать невозможность эту отрицательными указаніями на памятники Константинова вѣка и на соотвѣтственную литературу о нихъ представляется намъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что приводимыя ниже аналогіи изъ области итальянскаго искусства время Возрожденія столь несомнѣнны и очевидны для всякаго зрячаго, что сравнивать Устюжскій рельефъ съ несходными съ нимъ памятниками позднееримскими явилось бы совершенно нецѣлесообразнымъ удлинениемъ работы.

Обстоятельныя, недавно появившіяся, работы нашего соотечественника барона Оттона Ф. Таубе¹⁾, специально посвященныя иконографіи св. Георгія въ Итальянскомъ искусствѣ, но затрогивающія и важнѣйшіе вопросы и частности изображеній его въ византійскомъ искусствѣ и на памятникахъ Сѣверной Европы, освобождаютъ насъ отъ обязанности давать здѣсь, въ дополненіе къ существующимъ²⁾, новый общій очеркъ иконографіи св. Георгія.

Однако въ указанныхъ трудахъ читатель не нашелъ бы того непосредственнаго итальянскаго источника, по которому вырѣзанъ былъ Устюжскій рельефъ и который сталъ намъ извѣстенъ лишь благодаря счастливой случайности.

Просматривая однажды томы безсистемнаго изданія проф. Georg'a Hirth'a «Der Formenschatz» (оно же и L'Art Pratique), мы наткнулись на воспроизведеніе итальянской гравюры (о. с., 1893, Taf. 131—132), которое, несмотря на нѣкоторое искривленіе при фотографической репродукціи верхней части гравюры, мы здѣсь

¹⁾ Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst. Inaugural-Dissertation... von Otto Freiherrn von Taube von der Isen aus Weimar. Halle a. S., 1910. 8°. X+165 SS. На стр. 136—165 помѣщенъ списокъ итальянскихъ и нѣкоторыхъ иныхъ изображеній св. Георгія, при чемъ, однако, гравюра, переиздаваемая нами на табл. XIII, ускользнула отъ вниманія автора.

Zur Ikonographie St. Georgs in der italienischen Kunst von Otto Freiherr von Taube (Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst. 1911. SS. 186—203, mit 25 Abbildungen und IV Tafeln).

Объ работы, изъ которыхъ вторая является краткимъ изложеніемъ части первой, но снабженнымъ значительнымъ числомъ (42) рисунковъ, даютъ гораздо болѣе, чѣмъ опредѣляютъ ихъ заглавія: и въ той и другой подробно разсматриваются и византійскія и восточно-христіанскія изображенія св. Георгія и иныхъ конныхъ святыхъ, почему знакомство съ этими работами необходимо для научнаго изученія и русскихъ иконъ и иныхъ изображеній св. Георгія.

²⁾ Кромѣ указанныхъ выше работъ А. А. Жулика (см. выше, стр. 155, прим. 1) и бар. Таубе, см.: Mrs. Jameson, Sacred and Legendary Art. London. 1866. 8°. Vol. II, pp. 398—411.

R. P. Ch. Cahier, S. J. Caractéristiques des saints dans l'art populaire. Paris. 1867, pp. 162, 210, 211, 320, 407, 408, 733, 791.

Heinrich Detzel, Christliche Ikonographie. Ein Handbuch zum Verständniss der christlichen Kunst. Freiburg im Breisgau. Bd. II. 1896. SS. 368—381.

Cornelia Steketeer Hulst (St. George of Cappadocia in legend and history. London. 1909), не разсматривая иконографіи св. Георгія, дала въ приложеніи (pp. 135—149) списокъ 277 изображеній св. Георгія и иныхъ, до каррикатуръ включительно; столь же разнообразны и 21 таблица, приложенныя къ этой книгѣ; примѣромъ русскихъ изображеній св. Георгія является (табл. 21, къ стр. 117) новѣйшая икона въ русско-греческой церкви въ Нью-Йоркѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались недоступными статья в. Kretschmar'a, Die Legenden vom hl. Georg und ihre Darstellungen (Mitth. des Sächsischen Altertumsverein. 21 Heft. 1871. SS. 32—48) и книга Salvatore Borrelli, S. J. Il megalomartire S. Giorgio. 2 ed. Napoli. 1903, бесполезная, по отзыву Alb. Ehrhard'a (о. с., s. XXV—XXVI) по содержанию, но снабженная многими изображеніями.

(см. табл. XIII) и воспроизводимъ въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, такъ что на нашей таблицѣ гравюра является въ точномъ уменьшеніи приблизительно вдвое противъ (линейной) величины самой гравюры, хранящейся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Одинъ взглядъ на эту гравюру рѣшаетъ безнадежный вопросъ о причинѣ появленія на Устюжскомъ рельефѣ надъ головою св. Георгія копии съ надписи Константиновой арки въ Римѣ: этотъ щитокъ съ надписью является единственнымъ на рельефѣ остаткомъ полнаго изображенія триумфальной арки Константина, которая на гравюрѣ занимаетъ весь второй планъ композиціи!

Нѣтъ нужды доказывать эту очевидную истину: общая композиція изображенія, позы Георгія, царевны, коня и змія, детали сбруи и вооруженія, черепъ и кости, травы и дерево — все это имѣетъ столь близкое сходство на гравюрѣ и на рельефѣ и настолько естественнѣе и лучше изображено на первой, что зависимость отъ нея второго, какъ грубой копии отъ хорошаго оригинала, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Интереснѣе нѣкоторыя отличія рельефа отъ гравюры. Изъ нихъ первое — обратное направленіе всей композиціи и связанное съ нимъ измѣненіе въ позѣ всадника: на рельефѣ всаднику дано обычное на греческихъ и русскихъ изображеніяхъ конныхъ святыхъ, а многимъ ранѣе того еще на древне-греческихъ изображеніяхъ побѣдителей и пѣшихъ и конныхъ, направленіе слѣва направо, направленіе, обусловливаемое, конечно, прежде всего желаніемъ художника показать во всемъ великолѣпнн богатырскій размахъ побѣждающей десницы. Давъ всаднику иное, чѣмъ на его образцѣ, болѣе привычное направленіе скульпторъ долженъ былъ измѣнить самый способъ удара копьемъ; на гравюрѣ копье св. Георгія предполагается всаживаемымъ въ пасть змія одною правою рукою всадника; держать древко копья онъ долженъ былъ такъ, какъ держали копья на турнирахъ, т.-е., такъ, чтобы правая рука отъ кисти до локтя плотно лежала вдоль древка; правда, и на гравюрѣ реальной возможности для такого положенія правой руки не оказывается, но это есть лишь результатъ ошибочности рисунка; художественное же намѣреніе мастера предполагаетъ именно такое положеніе невидимой правой руки; лѣвая вполне видимая рука держитъ поводъ и въ ударѣ не участвуетъ. Многочисленные, современные гравюры, западноевропейскіе художественные памятники, о которыхъ отчасти придется упомянуть ниже, подтверждаютъ наше толкованіе гравюры въ этой подробности о способѣ нанесенія удара змію св. Георгіемъ.

Совсѣмъ иной ударъ видимъ мы на рельефѣ: всадникъ держитъ древко обѣими руками и медленно, — такъ какъ быстрого удара при такомъ положеніи рукъ быть не можетъ, — вонзаетъ его въ пасть змія. Это измѣненіе, поскольку оно было сознательно, объясняется, очевидно, тѣмъ, что способъ нанесенія удара, изображенный на гравюрѣ, былъ скульптору непонятенъ и потому онъ, не видя на своемъ оригиналѣ положенія скрытой тамъ правой руки всадника, представилъ обѣ руки по обычнымъ для него композиціямъ греческимъ и русскимъ, гдѣ св. Георгій держитъ обыкновенно копье сбоку одною лишь кистью руки, отведя локоть отъ древка,

и колеть змія сверху внизъ одною или нерѣдко обѣими руками. Такимъ образомъ, въ направленіи движенія и въ положеніи рукъ св. Георгія западный оригиналъ оказывается здѣсь передѣланнымъ по восточному. Въ зависимости отъ положенія, даннаго правой, невидимой на оригиналѣ, рукъ всадника, скульпторъ измѣнилъ и поворотъ туловища его, представивъ его въ профилъ, тогда какъ при болѣе точной и умѣлой передѣлкѣ оригинала онъ долженъ былъ бы изобразить всадника повернутымъ грудью въ три четверти къ зрителю, что дало бы и болѣе эффектный размахъ правой рукъ его и позволило бы мастеру, — если бы онъ поднялъ руку эту кверху, — приблизиться еще болѣе къ обычнымъ греческимъ и русскимъ изображеніямъ св. Георгія. Такая рабская зависимость отъ оригинала и боязнь болѣе смѣлыхъ, хотя и необходимыхъ, его измѣненій ясно свидѣтельствуютъ о полной художественной беспомощности скульптора и о значительномъ превосходствѣ надъ нимъ копируемаго имъ чуждаго оригинала, который онъ передавалъ безъ всякой попытки осмыслить художественныя формы его, что особенно ясно выступаетъ въ искаженіи складокъ плаща св. Георгія и платья царевны и въ передачѣ листовнаго дерева какимъ-то отдаленнымъ подобіемъ пальмы.

Съ особою очевидностью убожество скульптора выступаетъ въ передачѣ имъ фигуры царевны: изъ художественной фигуры въ духѣ Боттичелли или Гирландайо у него получилась какая-то жалкая кукла.

Передавая детали оригинала въ общемъ, по мѣрѣ силъ своихъ, точно онъ опустилъ, однако, дракона, увѣнчивающаго гребень на шлемѣ св. Георгія, взамѣнъ чего значительно, и даже безобразно, увеличилъ самый гребень; это отступление могло быть и случайнымъ: на примѣръ, часть тонкаго извива дракона могла при работѣ отломиться и мастеръ разсудилъ поэтому уничтожить и остальные части его; но болѣе вѣроятнымъ кажется намъ опущеніе умышленное: скульптору змій на шлемѣ святого змѣборца могъ казаться неумѣстнымъ, такъ какъ всякій змій представлялся ему не иначе, какъ символомъ и воплощеніемъ діавола и, если о немъ, какъ объ украшеніи оружія или знаменъ, ему и приходилось когда-либо слышать, то это было лишь въ ратахъ невѣрныхъ, на примѣръ, на воинствѣ проклятаго пророка Вавилона и царей Вавилонскихъ¹⁾).

Наиболѣе существенное и наиболѣе наивное отступление отъ оригинала скульпторъ сдѣлалъ, сохранивъ въ видѣ особой таблички надпись опущенной имъ совершенно арки Константина, на фонѣ которой представленъ св. Георгій на гравюрѣ.

Вполнѣ понятно, что гравюра являлась для него лишь какъ оригиналъ для изображенія чуда св. Георгія со змѣемъ и кромѣ этого сюжета всѣ прочія детали гравюры его ни мало не интересовали; кости онъ передалъ какъ существенную часть композиціи: это были остатки прежнихъ жертвъ змія; травы можно было бы, конечно, опустить, но онѣ являлись, можетъ быть, въ глазахъ скульптора обозначеніемъ того прибрежнаго луга близъ озера, на который являлся змѣй за

¹⁾ См. *И. Н. Ждановъ*, Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князѣхъ Владимірскихъ «Ж. М. Н. Пр.» 1891, ч. 276, отд. II, стр. 247, 248, 265, 269, 281, 282; ч. 277, отд. II, стр. 363—365. Статья эта перепечатана въ книгѣ: *И. Н. Ждановъ*, Русскій былевой эпосъ. С.-Пб., 1895.

своей данью. Арку Константина нельзя было принять за городъ, обитаемый родителями царевны; чисто декоративное значеніе ея вѣрно понято было скульпторомъ, и онъ съ полнымъ правомъ опустилъ ее. Единственно что отъ нея, помимо надписи, осталось, это полукруглая въ верхней части форма камня, на которомъ рельефъ вырѣзанъ¹⁾.

Перемѣщая надпись на крону дерева, въ непосредственную близость къ св. Георгію, скульпторъ ясно показалъ тѣмъ полное непониманіе этой надписи: онъ не понималъ ни того, что это лишь деталь декоративнаго фона, ни того, что она не имѣетъ никакого отношенія къ изображенію св. Георгія. Наоборотъ, не понимая латинской надписи, считая ее, можетъ быть, даже греческой, скульпторъ полагалъ, очевидно, что она имѣетъ какую-то важность, какое-то тѣсное отношеніе къ изображенію битвы св. Георгія съ дракономъ; словомъ, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на пояснительный текстъ, какъ на «сказанія», столь обычныя при каждомъ изъ многочисленныхъ изображеній, окружающихъ русскія иконы «съ житіемъ» какого-либо святого, изображаемаго въ срединѣ. Привыкши видѣть «чудо со зміемъ» преимущественно въ числѣ прочихъ мелкихъ изображеній «житія» около стоящихъ во весь ростъ иконныхъ изображеній св. Георгія, онъ и гравюру понималъ, очевидно, какъ подобное отдѣльное изображеніе изъ житія св. Георгія, и семистрочную надпись считалъ, вѣроятно, изложеніемъ исторіи скорѣе чуда, чѣмъ самой иконы, какъ растолковалъ ее Устюжанамъ въ 1663 г. воевода П. С. Потодкій (см. выше стр. 188). Поэтому, вѣроятно, онъ и счелъ своимъ долгомъ скопировать непонятную ему надпись елико возможно точнѣе по гравюрѣ и, какъ часто бываетъ при копированіи надписей непонимающими ихъ лицами, скопировалъ ее очень точно. Поэтому то, на что не обратилъ должнаго вниманія И. Снегиревъ, надпись на Московскомъ рельефѣ значительно отступаетъ отъ первоисточника ея на Константиновой аркѣ²⁾ нѣкоторыми

¹⁾ Едва ли допустимо предположеніе, чтобы архитектурными деталями арки Константина скульпторъ, копировавшій гравюру, воспользовался для украшенія обрамленія рельефа, — если только такая каменная рама когда-либо существовала, — если бы это было такъ, то и копія надписи помѣщена, очевидно, была бы на рамѣ же этой, а не на вершинѣ дерева. Ясно, что скульпторъ смотрѣлъ на гравюру только какъ на оригиналъ для изображенія св. Георгія, нисколько не интересуясь архитектурной раздѣлкою ея фона; а надпись оттуда взята и насильственно прибавлена къ фигурной части композиціи, очевидно, именно по непониманію ея содержанія и предположенію, что она относится къ изображенію.

²⁾ Въмѣсто старыхъ изданій и изображеній надписи, на которыя указывалъ И. М. Снегиревъ, теперь нужно сослаться на *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol I. pars I. Berolini. 1876. №, p. 236, № 1139; Vol. VI, pars IV, fasc. 2. Berolini. 1902, p. 3079, № 31245 ad n. 1139, гдѣ исчислены старыя изданія и копіи надписи, — кромѣ однако разбираемой ниже гравюры, — и на спеціальныя статьи *G. B. de Rossi*, «Una questione sull'arco trionfale dedicato a Costantino» и «L'iscrizione dell'arco trionfale di Constantino» (*Bullettino di archeologia cristiana*. 1863, p. 49—53, 57—60, опровергающія старое мнѣніе скептиковъ, якобы равно приемлемое и для христіанъ и для язычниковъ (см. объ этомъ, напримѣръ, *Gaston Boissier*, *La fin du paganisme*. Tome I, Paris. 1891, p. 31, 44, 45. 60) выраженіе «instinctu divinitatis» вырѣзано позднѣе по сглаженнымъ словамъ языческой формулы. Правильность наблюдений *G. B. de Rossi* подтверждается и другими (напримѣръ, *G. Henzen*, *Bullettino di Corrispondenza Archeologica*. 1863, pp. 183—185; 1864, pp. 156—157; *Rohault de Fleury* — *Revue Archéologique*, 1863. II, p. 250 —; *C. W. King*, *Early christian numismatics*. London. 1873, pp. 20—21, и т. д.) и теперь общепринята, однако иногда, подъ влияніемъ *Burckhardt*'а, повторяется и прежняя фантазія (напримѣръ, *Θ. И. Успенскимъ*, *Исторія византийской Имперіи*, томъ I. С.-Пб., 1913, стр. 84 (но ср. 81); въ этой книгѣ есть хорошія изображенія арки

ошибками, пропускомъ послѣдняго слова четвертой строки и перенесеніемъ не умѣстившагося конца третьей строки во вторую. Всѣ эти отступленія отъ первоисточника находятъ себѣ основаніе именно въ итальянской гравюрѣ и тѣмъ лишній разъ доказываютъ тѣснѣйшую зависимость рельефа отъ этой гравюры непосредственно.

На фотографіи рельефа (см. табл. XIII), да и на немъ самомъ, зазолоченная теперь надпись читается не особенно ясно, но зависимость ея отъ гравюры никакому сомнѣнію подлежать не можетъ: и тутъ и тамъ вмѣсто имени Константина читается CONSTIANO, и тутъ и тамъ не умѣстившіяся въ третьей строкѣ двѣ буквы IS поставлены надъ концомъ этой строки, при чемъ на гравюрѣ имъ даны, какъ то и подобаетъ, меньшіе сравнительно съ прочими буквами строки размѣры, на рельефѣ же, гдѣ рѣзчикъ не понималъ ихъ значенія, онъ далъ имъ почти такіе же размѣры, какъ и прочимъ буквамъ второй строки. Въ остальномъ между рельефомъ и гравюрою оказываются нѣкоторыя мелкія различія, но въ общемъ эти различія между ними ничтожны по сравненію съ отличіемъ ихъ отъ первоисточника¹⁾.

Еще одно существенное отличіе въ надписи на рельефѣ отъ гравюры представляютъ горизонтальныя линіи между всѣми строками. Эта очевидная предосторожность, чтобы не перепутать строкъ и не сбить въ одну кучу всей надписи, а равно и бѣлая, сравнительно, вѣрность надписи по гравюрѣ ясно указываютъ, что надпись для скульптора была, по всей вѣроятности, совершенно непонятна.

Такимъ образомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ скульпторъ передалъ надпись, она едва ли была бы понятна и для человѣка даже знающаго латинскій языкъ, но не знающаго, что передъ нимъ копія съ надписи на аркѣ Константина; знать же эту надпись на память могли, конечно, лишь немногіе антиквары, а далеко не всякій учившійся въ Римѣ. Мы не рѣшаемся поэтому усугублять вину П. С. Потоцкаго предположеніемъ, что онъ свое фантастическое толкованіе надписи Устюжанамъ давалъ, вполне понимая самъ настоящій смыслъ надписи.

Найдя оригиналъ, по которому тесалъ свой рельефъ каменотесъ, мы можемъ указать и время, ранѣе котораго рельефъ не могъ быть исполненъ.

Константина (рис. 5: южная сторона ея) и части ея рельефовъ (рис. 6 и 7: нижняя часть сѣверной стороны). На рис. 5 указанной книги можно видѣть въ мелкомъ видѣ и надпись; по фотографіи же воспроизведена она у *René Cagnat*, Cours l'épigraphie latine. 4-e édit. Paris, 1914, pl. XX, fig. 1.

Мелкіе размѣры этихъ воспроизведеній побудили насъ повторить (см. рис. 27) старый рисунокъ *G. B. de Rossi*, обѣ статьи котораго перепечатаны были къ недавнему юбилею Миланскаго эдикта въ *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*. Anno XIX, 1913, pp. 7—19, 21—28.

¹⁾ Вотъ эти различія насколько я могу разобрать надпись рельефа по фотографіи: строка 1: рельефъ—въ концѣ послѣ MAS неразборчиво; строка 3: рельефъ INSTINTV MNT, гравюра INSTINCTV MENT; строка 4: рельефъ EXERCIV, гравюра EXERCHV; строка 5: рельефъ TIRAMIO, гравюра TIRANO; строка 6: рельефъ IACTIONE, IVSTIIS, гравюра FACTIONE, IVSTIS; строка 7: рельефъ REMPVBIОАМОІОІОІ далѣе неясно, гравюра REMRVBIORVMVLTVSESTARMI; строка 8: TRIVMIFOS слѣдующія слова очень неясны но, повидимому, точно по гравюрѣ, гравюра TRIVMIPHIS.

Мы увѣрены, что по очисткѣ надписи отъ толстаго слоя послѣдовательныхъ раскрасокъ разница между надписями на рельефѣ и на гравюрѣ не увеличится, а уменьшится, и жалѣемъ, что въ бытность въ Москвѣ не рассмотрѣли надписи рельефа съ должнымъ вниманіемъ.

На надписи же самой арки всѣ слова эти вырѣзаны совершенно правильно. Въ углубленіяхъ буквъ на аркѣ первоначально были бронзовыя позолоченныя буквы, прикрѣплявшіяся особыми штифтами, отверстія для которыхъ и сохранились въ этихъ углубленіяхъ.

Проф. G. Hirth, переиздавая гравюру, обозначалъ (текстъ, столб. XIII) ее произведеніемъ Флорентійскаго мастера XV вѣка, указывалъ размѣры оригинала, 0,525 м. × 0,42 м., принадлежность его Британскому Музею и зависимость своей репродукціи отъ изданія «Международнаго Халкографическаго Общества», 1892 года; къ сожалѣнію это изданіе намъ осталось недоступнымъ.

J. D. Passavant¹⁾, также цитируемый Hirth'омъ, помѣщаетъ гравюру также среди произведеній старыхъ Флорентійскихъ мастеровъ; послѣ описанія гравюры онъ говоритъ: «Рѣзьба ея очень сходна съ рѣзьбою Поллайuolo, особенно дерева и кустарники совершенно въ его манерѣ. Голова царевны и складки ея одежды имѣютъ, однако, болѣе аналогіи съ работами Доменико Гирландайо».

Намъ не удалось, однако, найти подтвержденія указываемымъ столь опредѣленно частностямъ сходства между гравюрою и произведеніями двухъ названныхъ мастеровъ Флорентійской школы конца XV вѣка; тѣмъ не менѣе различныя ея частности дѣйствительно находятъ себѣ болѣе или менѣе близкія аналогіи на произведеніяхъ флорентійскихъ художниковъ конца XV и самого начала XVI вѣка.

Орнаментация фриза Константиновой арки очень близка къ узорамъ на мраморномъ подножіи Мадонны со свв. Іоанномъ и Амвросіемъ на картинѣ Сандро Боттичелли въ Берлинѣ²⁾; на его же фрескѣ въ Ватиканѣ укажемъ мы ниже и аналогичное заполненіе узорами, но иными, того же, гладкаго въ дѣйствительности, фриза.

Для характерныхъ растений съ торчащими стеблями цвѣтовъ и отвисающими листьями ближайшей аналогіи у флорентійцевъ найти мнѣ не удалось, но подобнаго рода растенія являются на картинахъ Пьеро ди Козимо: «Похищеніе Гиласа» и «Смерть Прокриды»³⁾, и позднѣе у Франчіа Биджіо въ картинѣ «Святое Семейство» (Bilderschatz, № 956); такіе же кустики травъ встрѣчаемъ мы и на флорентійскихъ гравюрахъ⁴⁾.

Фигура царевны съ молитвенно сложенными руками, являющаяся на многихъ итальянскихъ изображеніяхъ битвы св. Георгія съ дракономъ уже въ первой половинѣ XV вѣка⁵⁾, и покроемъ одежды, и отдѣлкою складокъ ея и развѣвающимися волосами сходна со многими произведеніями флорентійскихъ живописцевъ конца XV вѣка: такъ, напримѣръ, побѣдно шествующая «Юдиѣ» Сандро Боттичелли (Venturi, o. c., VII. 1, fig. 337), несмотря на иную позу и болѣе спокойное движеніе, имѣетъ много общаго съ испуганною царевною гравюры.

Впрочемъ сходство не ограничивается произведеніями флорентійскихъ художниковъ и отдѣльныя частности, близкія къ гравюрѣ, встрѣчаются и на гравюрахъ

¹⁾ Le peintre-Graveur par J. D. Passavant. Tome V. Leipzig. 1864. (Additions à Bartsch. XIII. 69—142), p. 70, № 70.

²⁾ Ad. Venturi, Storia dell'arte italiana. VII. 1, fig. 353; F. v. Reber et Ad. Bayersdorfer, Les chefs d'oeuvre de l'art classique=Klassischer Bilderschatz. München, № 711.

³⁾ G. Dehio, Kunstgeschichte in Bildern. III. Leipzig, 1898. Taf. 66, Abb. 2; Venturi, o. c., VII. 1, fig. 405.

⁴⁾ Напримѣръ, Eug. Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. I, 1889, p. 160, 679.

⁵⁾ См. указанія бар. О. Таубе. Die Darstellung des h. Georg, SS. 60, 76, 86, 95, 150.

и картинахъ иныхъ мѣстностей Италіи, но въ то же время: конецъ XV и начало XVI вѣка¹⁾.

Фигура царевны на гравюрѣ и позою и движеніемъ и отчасти одеждою сходна съ фигурою бѣгущей (правда, въ другую сторону) св. Варвары на фрескѣ Пинтуриккіо²⁾, а овалъ и положеніе ея головы представляютъ нѣкоторое сходство съ головою «Риторики» на картинѣ Умбрійской школы Джусто ди Гандъ или Мелоццо да Форли³⁾.

Люди болѣе насъ свѣдующіе въ исторіи итальянскаго искусства найдутъ, вѣроятно, немало и иныхъ аналогій этой гравюрѣ, мы же не рѣшаемся ни принять на вѣру положеніе о принадлежности гравюры Флорентійской школѣ, ни опровергать его; хронологическое же опредѣленіе ея концомъ XV вѣка, повидимому, несомнѣнно.

Весьма важенъ, конечно, вопросъ, какъ должны мы смотрѣть на гравюру: какъ на воспроизведеніе картины или иного художественнаго произведенія какого-либо извѣстнаго мастера того времени или же какъ на болѣе или менѣе вольное созданіе самого гравера-рисовальщика.

Чтобы гравюра эта передавала болѣе или менѣе точно и дѣликомъ какое-либо извѣстное произведеніе хорошаго художника, это кажется намъ весьма невѣроятнымъ по той очевидной несоразмѣрности между группою, представляющею собою главное содержаніе всей художественной композиціи, битву св. Георгія со змѣемъ, и архитектурною декораціей второго плана ея, аркою Константина; послѣдняя столь велика относительно всадника, что подавляетъ его своею массою и дѣлаетъ такимъ образомъ неяснымъ общее содержаніе гравюры; что это: арка Константина и битва св. Георгія со змѣемъ или же битва св. Георгія со змѣемъ и арка Константина? Что здѣсь главное? Отвѣтить едва ли возможно.

Ниже мы укажемъ многочисленные примѣры изображеній на картинахъ именно этой арки, но вездѣ она будетъ занимать лишь второстепенное, чисто декоративное или пейзажное, мѣсто. Можно, правда, указать и картины, гдѣ архитектурная обстановка занимаетъ слишкомъ видное относительно самой сущности картины мѣсто, напримѣръ на двухъ картинахъ Мантеньи⁴⁾ развалины какой-то, триумфальной же, арки господствуютъ надъ главною фигурою св. Севастіана, но все же далеко не въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь, на гравюрѣ.

¹⁾ Такое же самое скалистое строеніе почвы съ отдѣльно разбросанными по ней кустиками травъ видимъ на сѣверо-итальянской гравюрѣ (*Eug. Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. I, 1889, p. 252,*); болѣе или менѣе близкіе къ нашей гравюрѣ кустики травы встрѣчаются на гравюрахъ венеціанскихъ (напримѣръ, *Müntz, o. c., I, p. 277, 340, 603, 683*) и иныхъ (*Müntz, o. c., II, p. 29, 815*), и на картинахъ и венеціанскихъ художниковъ, напримѣръ *Vittore Carpaccio (G. Ludwig e P. Molmenti. Vittore Carpaccio. Milano, 1906, p. 146)* и у *Рафаэля: «Мадонна Альба»* въ Императорскомъ Эрмитажѣ (Альбомъ картинной галлерей, часть I. С.Пб., 1912, стр. 199; Каталогъ картинной галлерей, часть I. С.Пб., 1889, табл. къ стр. 148; *Bilderschatz, № 92*) и у *Леонардо да Винчи (Müntz, o. c., II, pl. ad pag. 670)*.

²⁾ Въ *Appartamenti Borgia* въ Ватиканѣ см. *Bilderschatz, № 1197; Venturi, o. c., VII, 2, fig. 480*.

³⁾ *Venturi, o. c., VII, 2, fig. 136; Bilderschatz, № 272*. Доказательства въ пользу перваго живописца см. у *Вентури, o. c., стр. 158 сл.*

⁴⁾ Въ Вѣнѣ (*Venturi, o. c., VII, 3, fig. 114*) и Парижѣ (*Venturi, o. c., VII, 3, fig. 141*).

Последняя представляется намъ поэтому скорѣе самовольнымъ соединеніемъ граверомъ на одномъ рисункѣ арки Константина съ битвою св. Георгія съ дракономъ, нежели точною копіей съ какой-либо картины, гдѣ то и другое соединены были вмѣстѣ и въ такой именно несоразмѣрности сюжета съ обстановкою какимъ-либо извѣстнымъ художникомъ; если бы и такая картина и существовала, то она исполнена была бы художникомъ далеко не изъ лучшихъ.

Если же гравюра явилась результатомъ неудачнаго съ эстетической точки зрѣнія соединенія двухъ отдѣльныхъ, ничѣмъ въ сущности не связуемыхъ сюжетовъ: чуда св. Георгія о змѣи и вида Константиновой арки, то граверъ долженъ былъ, очевидно, имѣть передъ собой два различныхъ оригинала: какое-либо художественное изображеніе св. Георгія и рисунокъ римскихъ триумфальныхъ вратъ.

Хотя мы и не можемъ прямо указать такіе непосредственные источники, чтобы сразу стало яснымъ и очевиднымъ чисто механическое соединеніе ихъ рисовальщикомъ-граверомъ, но существованіе нѣкогда такихъ оригиналовъ представляется намъ несомнѣннымъ и доказуемымъ весьма близкими аналогіями для обѣихъ составныхъ частей композиціи, что и является реальнымъ основаніемъ для предположенія о сочиненности гравюры самимъ ея исполнителемъ въ дополненіе вышеизложеннаго соображенія эстетическаго.

Триумфальная арка, воздвигнутая въ честь императора Константина въ Римѣ въ 315 году¹⁾, являлась однимъ изъ наиболѣе видныхъ остатковъ древности въ Римѣ и своею сохранностью привлекала къ себѣ особое вниманіе изучавшихъ античные памятники художниковъ, чѣмъ и объясняется частое появленіе ея, въ цѣломъ или въ деталяхъ, какъ въ альбомахъ и наброскахъ итальянскихъ и иностранныхъ художниковъ, такъ и на ихъ картинахъ. Естественно, что насколько рисунки перваго рода стремились къ возможно точному воспроизведенію древняго памятника или его деталей, настолько же вольно воспроизводился онъ цѣликомъ или же въ отдѣльныхъ лишь мотивахъ на художественныхъ произведеніяхъ втораго рода.

Въ извѣстномъ подѣ именемъ *Codex Escorialensis*²⁾ собраніи рисунковъ 1480—1491 гг., исполненныхъ однимъ изъ учениковъ Доменико Гирландайо, находится общій видъ арки Константина, названной средневѣковымъ именемъ ея

¹⁾ Какъ памятникъ римскаго искусства, и притомъ сборный, арка нашей темы ближайшимъ образомъ не касается; ограничимся поэтому указаніемъ на краткое описаніе арки *P. Graef*'омъ (въ «*Denkmäler des Klassischen Altertums*» *A. Baumeister*'а. Bd. III. München und Leipzig, 1888; SS. 1881, Abb. 1965, 1968, 1985, 1989), который съ ошибочной ссылкой на *Escevia* повторяетъ старое мнѣніе, якобы статуя Константина съ крестомъ поставлена была на аркѣ, на специальныя статьи о рельефахъ арки *Petersen*'а (*Römische Mittheil. d. K. Deutsch. Instituts*. IV. 1889, SS. 314—339; V. 1890, SS. 73—76), *H. Stuart Jones*'а (*Papers of British School at Rome*, III, 1905, pp. 229—268) и *A. J. B. Wace* (*ibidem*, IV. 1907, pp. 270—276, pl. XXXV—XXXVII: рельефы Диоклетіана и Константина) и на новѣйшее, къ юбилею Константина, ея описаніе *J. Leufkens*'омъ: *Der Triumphbogen Konstantins (Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien. Festgabe... herausgegeben von Dr. Franz Joseph Dölger. Freiburg im Br. 1913. 8°, SS. 191—216. Tafeln III—VI).*

²⁾ Изданъ въ факсимилѣ, какъ 5-й томъ *Sonderschriften des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien: Codex Escorialensis. Ein Skizzenbuch aus der Werkstatt Domenico Ghirlandajo's. Unter Mitwirkung von Christian Hülsen und Adolf Michaelis herausgegeben von Hermann Egger. Wien, 1906. 4°.*

Arco di Trassi¹⁾, который представляет не только арку съ Ю. В. угла ея, но и Колизей и фонтанъ передъ нимъ, такъ наз. *Meta Sudans*; рисунокъ этотъ²⁾, не сходенъ ни по положенію на немъ арки, ни по деталямъ ея, болѣе близкимъ къ дѣйствительности, съ разсматриваемою гравюрою. Точною передачей части арки является и другой рисунокъ того же альбома, представляющій лѣвую половину южной стороны арки³⁾ и другой подобный, хранящійся во Флоренціи и приписываемый то Доменико, то Давиду Гирландайо⁴⁾. Къ точности передачи деталей древняго памятника стремятся и другіе старые рисунки и гравюры Константиновой арки⁵⁾, относящіяся уже ко временамъ позднѣйшимъ, нежели гравюра, послужившая оригиналомъ для Устюжскаго рельефа.

Въ отличіе отъ такихъ, болѣе или менѣе точныхъ, рисунковъ съ арки Константина изображеніе ея на разсматриваемой гравюрѣ въ цѣломъ рядѣ частныхъ представляет не только упрощеніе или неточную передачу оригинала рисоваль-

¹⁾ По фамиліи римскаго знатнаго рода, устроившаго изъ нея свой замокъ или, по крайней мѣрѣ, столь обычную въ тѣ времена въ Италіи, свою башню для убѣжища на случай междуусобицы въ городѣ; см. объ исторіи арки Константина въ средніе вѣка, о расхищеніи ея скульптурныхъ украшеній и о реставраціи ея папами, кромѣ текста къ указываемымъ старымъ рисункамъ ея, еще *Rodolfo Lanciani*, *Ruins and Excavations of ancient Rome*. Boston, 1897, p. 193 ff.; *R. Lanciani*, *The Destruction of Ancient Rome. A sketch of the history of the monuments*. New-York, 1899, pp. 30—36, 201; *R. Lanciani*, *Storia degli scavi di Roma*. Vol. II. Roma, 1903, pp. 28—29, III, p. 110.

²⁾ Cod. Escorial. fol. 28 v.; текстъ, S. 92; переизданъ въ альбомѣ: *Cente vedute di Roma Antica*, raccolte e illustrate da *Alfonso Bartoli*. Firenze, 1911, fol., p. 19, fig. 3, cf. pp. 26, 27.

³⁾ *Bernhard Berenson*, *The drawings of the Florentin painters*. London. Vol. I, p. 121; II, p. 41, № 781.

По *Egger*'у (Cod. Escorial., S. 28—29) рисунокъ этотъ восходитъ къ одному оригиналу съ рисункомъ Эскуриальскимъ: см. у *Egger*'а Fig. 12 и Fig. 13.

⁴⁾ Codex Escorialensis, fol. 45, текстъ *Michaelis*'а и *Egger*'а, S. 118—119.

⁵⁾ См., напримѣръ, рисунокъ нач. XVI в. съ копій (съ ошибками) надписи, но безъ передачи рельефовъ, изданный въ *Papers of British School at Rome*. Vol. II. London. 1904. Pl. 53, cf. p. 35; рисунокъ южной стороны XVI в. (см. *ibid.* Vol. III. 1906, pl. XX); въ изданіи *Alf. Bartoli* (см. выше примѣч. 2), tav. XV: рисунокъ *Дж. Ант. Дозіо*, половины XVI в.; *ibidem*, tav. A—на общемъ видѣ Рима 1550 года; на рисункахъ этихъ, какъ и въ Cod. Escorial. надпись арки не скопирована. На таблицѣ 30 альбома: *Urbis Romae aedificiorum illustrium quae supersunt reliquiae...* а *Ioanno Antonio Dosio...* descriptae et a *Io. Baptista de Cavalleriis* aeneis tabulis incisus repraesentatae. MDLXIX—въ надписи ошибочно: TAN DE и QVAM DE, вм. TAM DE и QVAM DE; на табл. 64 альбома: *Antiquae Urbis Splendor...* *Iacobi Lauri Romani...* Romae Anno MDCXII (на заглавіи же 1630, а текстъ MDCXLI) надпись раздѣлена на семь строкъ вмѣсто восьми, правильная разстановка словъ по строкамъ нарушается съ пятой строки; на табл. 138 того же изданія арка Константина изображена въ перспективѣ вмѣстѣ съ другими зданіями.

Въ первомъ томѣ изданія: *Ch. Hülsen und H. Egger*, *Die Römischen Skizzenbücher der Martens v. Heemskerck im Kgl. Kupferstichkabinet zu Berlin*. Berlin, 1913, общаго изображенія Константиновой арки нѣтъ; изданіе же *H. Egger*'а, *Römische Veduten. Handzeichnungen aus dem XV—XVIII Jahrh.* Bd. I. Wien, 1911, q. f. осталось мнѣ недоступнымъ.

Исчислять различныя гравированныя изображенія арки Константина XVII и XVIII вѣка для нашей темы излишне; всѣ эти изображенія стремятся, разумѣется, къ возможно точной передачѣ памятника, особенно же тѣ, которыя основаны уже на болѣе или менѣе точныхъ образцахъ арки и которыя являлись для своего времени научными ея публикаціями.

О столь излюбленномъ впоследствии пейзажномъ примѣненіи руинъ Рима см. статью *Leandro Ozzola*, *Le govine romane nella pittura del XVII et XVIII secolo* («L'Arte», Anno XVI. 1913, pp. 1—17, 112—130). Болѣе раннимъ примѣромъ является полуфантастическій видъ Целія на фрескѣ школы *Таддео Цуккарі* въ виллѣ папы Юлія III, середина XVI в., около Рима, см. рис. у *А. Бенуа*, *Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ*. Томъ II, стр. 309.

цикомъ, но даже и совершенно вольную фантазію его, неимѣющую никакихъ основаній въ дѣйствительности.

О наиболѣе для нашей темы существенномъ, о копіи надписи, мы говорили уже выше (см. стр. 220) и указали многочисленныя отступленія гравюры отъ оригинала, повторенныя по большей части и Устюжскимъ рельефомъ. Отступленіемъ отъ дѣйствительности является и помѣщеніе надписи въ особую рамку или, точнѣе, на особую дощечку, такъ наз. *titulus*, съ обычными характерными боковыми выступами и лентами, какъ бы продѣтыми въ два отверстія въ каждомъ изъ выступовъ, что и даетъ на нихъ вертикальную, округлую сверху и снизу, полосу вмѣсто обычныхъ круглыхъ шляпокъ гвоздей или замѣняющихъ ихъ розетокъ; на самой аркѣ надпись безъ всякой рамки занимаетъ все пространство между средними пилястрами аттика.

Фантастическимъ украшеніемъ арки являются четыре бородатые маски надъ колоннами, болѣе обычныя, конечно, въ архитектурной орнаментации ренессанса, между прочимъ и на нѣкоторыхъ картинахъ, напримѣръ, на фризѣ надъ колоннами фантастическихъ развалинъ триумфальной арки¹⁾ на картинѣ «Поклоненіе волхвовъ» Чезаре да Сесто, нежели въ архитектурѣ античной; столь же неантичнаго характера и фризъ, также находящій себѣ аналогіи, какъ указано выше (стр. 221) въ живописи конца XV в.

Если мелкимъ, относительно, отступленіемъ отъ дѣйствительности является замѣна фигуры, стоящей на обычномъ двойномъ завиткѣ замочнаго камня средней арки, какимъ-то страннымъ листованнымъ узоромъ, то болѣе существенно превращеніе скульптурнаго пояса рельефовъ надъ боковыми арками въ карнизъ, какъ бы продолжающій карнизы надъ пятами средней арки.

Хотя требовать отъ рисовальщика точной передачи изображеній въ круглыхъ и прямоугольныхъ поляхъ рельефовъ и было бы непомѣрно строго для рисунка, не преслѣдующаго спеціально-археологической точности въ передачѣ памятника, но все же свобода рисовальщика въ этомъ отношеніи оказывается такою, что мы не можемъ даже съ перваго взгляда сказать, которую сторону арки хотѣлъ онъ изобразить: южную, къ Тибру, или сѣверную, къ Колизею, и лишь по тщательномъ сравненіи гравюры со скульптурною декорацией арки Константина оказывается, что рисовальщикъ перепуталъ на изображенномъ имъ фасадѣ порядокъ рельефовъ сѣверной стороны арки, не говоря уже о томъ, что переданы они весьма неточно, лишь въ существеннѣйшихъ чертахъ, такъ что самое отождествленіе деталей гравюры съ оригиналомъ является до нѣкоторой степени гадательнымъ, но не настолько, чтобы считать нижеслѣдующія заключенія произвольными.

Круглые рельефы, размѣщенные попарно надъ боковыми арками, оказываются вольными воспроизведеніями соответственныхъ рельефовъ сѣвернаго фасада арки²⁾,

¹⁾ *Eug. Müntz*, о. с., III, 1895, p. 685.

²⁾ См., напримѣръ, у *Θ. И. Успенскаго*, *Исторія Византіи*, томъ I. С.-Пб., 1913 г., рис. 6 и 7 (рельефы круглые, взятые изъ старыхъ триумфальныхъ вратъ, и Діоклетіановскій или Константинскій фризъ подъ ними); общій видъ сѣвернаго фасада см., напримѣръ, у *A. Baumeister'a*, *Denkmäler des*

при чемъ, однако, каждая пара нарисована перевернутою справа налѣво. Такъ, напримѣръ, правый медальонъ лѣвой (на гравюрѣ) пары, представляющей двухъ всадниковъ, скачущихъ влѣво надъ поверженнымъ врагомъ, въ дѣйствительности (на аркѣ) является лѣвымъ рельефомъ надъ лѣвою боковою аркою и представляетъ трехъ охотниковъ, скачущихъ вправо, преслѣдуя бѣгущаго въ ту же сторону кабана.

Четыреугольные рельефы аттика передаютъ на гравюрѣ болѣе или менѣе точно соотвѣтственные рельефы сѣвернаго же фасада арки, но переставлены еще болѣе сложнымъ образомъ, чѣмъ нижніе рельефы: лѣвая пара сдѣлана правою, а правая — лѣвою; но кромѣ того въ первой парѣ рельефы переставлены такъ, что правый рельефъ лѣвой (на аркѣ) пары на гравюрѣ оказывается лѣвымъ рельефомъ правой пары; но направленіе фигуръ въ каждомъ рельефѣ остается правильнымъ, а не перевернуто справа налѣво, какъ въ воспроизведеніи рельефовъ нижняго ряда. Такъ, оригиналомъ для лѣваго въ лѣвой (на гравюрѣ) парѣ изображенія шести ангеловъ, стоящихъ въ два ряда, другъ надъ другомъ, на какихъ-то ступеняхъ и столь напоминающихъ излюбленные прерафаэлитами ангельскіе хоры, на самой аркѣ оказывается лѣвый рельефъ правой пары, гдѣ въ верхнемъ ряду изображенъ сидящій императоръ со свитою около него, а въ нижнемъ — рядъ гражданъ, внимающихъ милостивою рѣчи и принимающихъ щедроты императора¹⁾.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть какъ свободно относился къ всему оригиналу рисовальщикъ и сколь мало преслѣдовалъ онъ, какъ художникъ, археологическую точность въ передачѣ древняго памятника; при такомъ отношеніи его къ передачѣ оригинала нечего удивляться ни тому, что статуи плѣнныхъ варваровъ, стоящія передъ пилястрами аттика, вышли у него тѣми мнимо-античными воинами, какихъ мы привыкли встрѣчать обыкновенно на памятникахъ временъ Возрожденія, ни тому, что надпись Константиновой арки передана имъ столь неточно и съ такими ошибками, за что однако намъ, при занятіяхъ нашей темой, приходится быть ему благодарными, такъ какъ именно эти-то неточности и ошибки, довольно точно воспроизводимые Устюжскимъ рельефомъ, и доказываютъ съ полною очевидностью, зависимость рельефа непосредственно отъ гравюры, а не отъ какого-либо промежуточнаго ея воспроизведенія, въ которомъ могли бы сохраниться многія детали гравюры въ изображеніи битвы св. Георгія со змѣемъ, но при которомъ въ непонятную ваятелю надпись вкралось бы, конечно, гораздо болѣе отступленій отъ передачи надписи на гравюрѣ, чѣмъ то оказывается на рельефѣ.

При столь вольномъ отношеніи гравера-художника къ воспроизведенію сѣвернаго фасада Константиновой арки намъ нечего, конечно, искать чего-либо реальнаго въ томъ пейзажѣ, который виднѣется на дальнемъ планѣ гравюры въ проле-

klassischen Altertums. Bd. III, 1888, Abb. 1968. Хорошія изображенія круглыхъ рельефовъ арки см. въ *Antike Denkmäler*, herausgeg. vom K. Deutsch. Arch. Institut. Band I, Taf. 42 (Nordseite), Taf. 43 (Südseite) и въ *Papers of British School at Rome*. Vol. III, pl. XXI (the Southside), pl. XXII (the North side); *Brunn-Bruckmann's Denkmäler griechischen und römischen Sculptur*. Tafeln 555, 559, 560, 565.

¹⁾ Изображенія четырехугольныхъ рельефовъ сѣверной стороны Константиновой арки см. въ *Papers of British School at Rome*. Vol. III. 1905, pl. XXIII, II; XXIV, II, IV; XXVII, XI.

тахъ арки и по бокамъ ея. Справа и слѣва поднимаются горы, въ срединѣ за св. Георгіемъ, видимо, ложбина между ними, гдѣ по ту сторону арки и растетъ дерево, крона которой столь неизящнымъ образомъ поднимается надъ гребнемъ шлема св. Георгія. При соответствіи дѣйствительной топографіи Рима правый холмъ долженъ бы быть Палатиномъ съ развалинами Септисонія у его подошвы, а лѣвый Целіемъ съ монастыремъ св. Григорія. На гравюрѣ же никакихъ развалинъ не видно; на лѣвомъ холмѣ у самого края гравюры плохо различается лишь какая-то башня, а на склонѣ праваго въ большомъ отдаленіи виднѣется цѣлый городокъ: очевидно тотъ городъ, носящій въ сказаніяхъ о чудѣ св. Георгія со змѣемъ самыя разнообразныя названія, гдѣ царствовалъ отецъ спас. емой Георгіемъ царевны; деталь эта имѣетъ явную связь, слѣдовательно, съ изображеніемъ св. Георгія, а не съ изображеніемъ арки Константина¹⁾.

Итакъ, рисунокъ арки Константина на разсматриваемой гравюрѣ не является археологически-точнымъ ея воспроизведеніемъ, но все же, несмотря на всѣ, указанныя выше, сокращенія, измѣненія и дополненія оригинала, остается ясно и опредѣленно выраженнымъ изображеніемъ именно этого памятника, а не является лишь болѣе или менѣе вольнымъ пользованіемъ имъ для чисто-декоративныхъ цѣлей, съ соответствующими, посторонними самому памятнику, умышленными измѣненіями его деталей, въ каковой роли мы находимъ арку Константина на цѣломъ рядѣ произведеній итальянскихъ художниковъ конца XV и начала XVI вѣка.

Намъ извѣстны, отчасти благодаря любезному содѣйствію А. Н. Кубе, ниже слѣдующіе примѣры чисто-декоративнаго примѣненія арки Константина въ различныхъ, ни мало по содержанію съ нею не связанныхъ, композиціяхъ; число этихъ примѣровъ, вѣроятно, можетъ быть и умножено, но для нашей темы его вполне достаточно.

Въ общинномъ дворцѣ Перуджіи въ одной изъ фресокъ изъ житія св. Лудовика епископа Тулузскаго Бенедетто Бонфилли, работавшій надъ ними во второй половинѣ XV вѣка, изобразилъ на заднемъ планѣ арку Константина²⁾.

Въ Сикстинской капеллѣ Ватикана въ изображеніи передачи Христомъ ключей апостолу Петру, написанномъ Перуджино въ 1481—84 гг., въ фантастическомъ,

¹⁾ Эти, кажущіяся излишними, соображенія мы привели ради того, что въ видимомъ за аркою сооруженіи можно было бы предполагать какую-либо церковь или монастырь во имя св. Георгія, находившійся близъ арки Константина, что и дѣлало бы естественнымъ появленіе предъ аркою изображенія святого. Но таковой церкви тамъ — неизвѣстно. Упоминавшаяся выше, едва ли не древнѣйшая въ Римѣ церковь во имя св. Георгія, San Giorgio in Velabro (см. выше, стр. 145, 147, 148), находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ триумфальною аркою аргентаріевъ и близъ тетрапила, такъ наз. Janus Quadrifrons (см. старинные рисунки въ указанныхъ выше изданіяхъ Bartoli, tav. XXVII; Marten van Heemskerck, I, fol. 29. г.; ср. на его же панорамахъ Рима 1536 г. — Antike Denkmäler. Bd. II, Taf. 12— въ правомъ концѣ; Jacobus Laurus, о. с., tab. 139; Federico Hermanin. Die Stadt Rom im 15. und 16. Jahrhundert. 52 Ansichten. Leipzig, 1911. Taf. XI по рисунку Etienne du Pérac, около 1570 г.), но предполагать столь невѣроятное для видѣвшихъ Римъ смѣшеніе этого квадратнаго тетрапила съ тройною аркой Константина намъ представляется совершенно невозможнымъ, не говоря уже о томъ, что городъ на гравюрѣ не имѣетъ ничего общаго съ церковью св. Георгія въ Велабрѣ.

²⁾ О фрескахъ этихъ см. W. Bombe, Benedetto Bonfigli. Berlin. 1904. SS. 32—39; Venturi, о. с., VII, 1, p. 540—541. Мы не нашли изображенія фрески съ аркою Константина и не можемъ судить о точности ея воспроизведенія художникомъ. Bombe (S. 36) называетъ точность эту достойною удивленія.

но не совсѣмъ оторванномъ отъ дѣйствительности, представленіи объ Иерусалимскомъ храмѣ, какъ о купольномъ октогонѣ среди обширнаго двора, мы видимъ вмѣсто небольшихъ и легкихъ воротъ, стоящихъ на краю верхней террасы Харамъ-Эш-Шерифа у лѣстницъ на нижнюю террасу, двѣ арки Константина¹⁾, справа и слѣва отъ октогона; арки эти передаютъ оригиналъ довольно точно, если не требовать, конечно, археологической точности отъ весьма вольной передачи рельефовъ. Надъ боковыми арками правильно показаны длинные барельефы, фризъ подъ колоннами — гладкій; измѣнена, конечно, надпись: на лѣвой аркѣ читаемъ: *imensu* (т.-е. *immensum*) *Salamo templum tu hoc quarte sacrasti*, на правой: *Sixti opibus dispar religioni prior*. Въ отступление отъ оригинала на обѣихъ аркахъ надъ аттикомъ помѣщенъ еще какой-то лишній ярусъ, украшенный, повидимому, инкрустаціею разноцвѣтными камнями, на которомъ стоитъ по три высокихъ канделябра съ гирляндами между ними. Основаніемъ для этой добавки могли быть остатки стѣнъ отъ замка, который устроили себѣ на аркѣ Константина Трасси (см. выше, стр. 224); эти остатки передаетъ и упомянутый выше рисунокъ и нижеслѣдующая фреска Боттичелли.

Въ Сикстинской же капеллѣ Ватикана въ изображеніи гибели сонма Кореева (кн. Числъ, гл. XVI), исполненномъ въ 1482—84 гг. Сандро Боттичелли, въ центрѣ композиціи на второмъ планѣ помѣщена арка Константина, изображенная какъ и на разсматриваемой гравюрѣ съ сѣверной стороны. Положеніе арки на ступенчатой платформѣ, на фонѣ моря — фантастично, но въ портикѣ и развалинахъ вправо отъ нея можно видѣть остатки Септизонія; барельефы арки переданы въ правильномъ порядкѣ; есть и барельефный поясъ надъ боковыми арками, при чемъ онъ идетъ надъ такими же боковыми продолженіями карниза, что подъ пятами главной арки, какъ и на гравюрѣ, равнымъ образомъ и фризъ надъ колоннами украшенъ изгибающимся побѣгомъ съ пальметками, но иного, чѣмъ на гравюрѣ, рисунка; надпись Константина замѣнена соответственнымъ библейскимъ текстомъ: *Nemo sibi assummat honorem nisi vocatus a Deo tamquam Aron*, въ четыре строки; полуразобранную стѣну надъ карнизомъ аттика объясняютъ реальнымъ изображеніемъ остатковъ замка²⁾.

Въ Ватиканѣ же въ покояхъ Борджіа, расписанныхъ въ 1493—94 гг. Пинтуриккіо въ изображеніи св. Екатерины предъ императоромъ Максиминомъ помѣстилъ въ центрѣ композиціи на второмъ планѣ арку Константина въ довольно

¹⁾ Die Sixtinische Kapelle, herausgegeben von *Ernst Steinmann*. Bd. I. München. 1901 sqq., Taf. XXXII, S. 332 ff.; *Fritz Knapp*, Perugino, 1907. Abb. 2; *Boyer d'Agen*. Pinturicchio, Paris, 1898, pl. ad p. XVI. *Venturi*, o. c., VII. 2, fig. 372, p. 492 sq.; *Müntz*, o. c., II, pl. ad pag. 716; *J. X. Kraus*, Geschichte der christlichen Kunst. II. 2, 1908. Fig. 125.

²⁾ Die Sixtinische Kapelle, herausgegeben von *Ernst Steinmann*. Bd. I. München. 1901. Taf. XXVI, SS. 497—498; набросокъ этой же композиціи, съ лишеннымъ деталей изображеніемъ арки, въ собраніи рисунковъ въ Uffizi, *Steinmann* (o. c., Bd. I, S. 262) издаетъ, какъ принадлежащій самому *Боттичелли*; между тѣмъ *Hermann Ullmann*, *Sandro Botticelli*. München, 1894, S. 99, считалъ его принадлежащимъ *Филиппино Лунни*, участіе котораго предполагалъ и въ созданіи самой фрески. Но *B. Berenson* (*The Drawings of the Florentine painters* Vol. II. London. 1903, p. 70, № 1289) видитъ въ рисункѣ этомъ бѣглый набросокъ *Филиппино Лунни* съ фрески *Боттичелли*, отрицая, однако, участіе его въ созданіи ея. Изображенія фрески весьма многочисленны, напримѣръ: *Ernst Steinmann*, *Botticelli*. 1903, Abb. 50; *Venturi*, o. c., VII. 1, fig. 349, p. 618 sq.

вольномъ воспроизведеніи: пропорціи зданія вытянуты вверхъ; вмѣсто рельефныхъ поясовъ надъ боковыми арками продолженіе карниза, чтò надъ пятами средней арки; четыре круглыхъ рельефа и два лишь, вмѣсто четырехъ, рельефа аттика не зависятъ отъ оригинала; надписи въ три строки: *Pacis cultori*; на верху стоятъ четыре канделябра, связанныхъ попарно гирляндами, а по срединѣ золотая статуя быка, обращенная вправо: гербъ Борджіа¹⁾).

На находящейся въ *Galleria Colonna* въ Римѣ картинѣ, украшавшей лицевую сторону сундука для приданого, работы конца XV в. ученика Доменико Гирландайо, съ изображеніемъ примиренія Римлянъ съ Сабинянами, въ срединѣ на заднемъ планѣ изображены пирамида Цестія, Колизей и арка Константина; послѣдняя не особенно точно: слишкомъ вытянута вверхъ и безъ надписи²⁾, но двѣ пары круглыхъ рельефовъ надъ боковыми пролетами и двѣ пары удлиненныхъ кверху рельефовъ на аттикѣ, не говоря уже о сосѣдствѣ Колизея, указываютъ на тѣснѣйшую зависимость этой арки именно отъ Константиновой.

На картинѣ неизвѣстнаго живописца конца XV в., перенесенной изъ монастыря Пресв. Троицы въ общинный музей города Вероны и представляющей Сивиллу, которая показываетъ Августу на небесахъ свѣтъ грядущаго Христа, на заднемъ планѣ слѣва видно небольшое изображеніе арки Константина въ перспективномъ видѣ съ праваго бока; арка стоитъ на самомъ краю композиціи, такъ что видны лишь одна узкая сторона ея, одна (правая) боковая арка и средняя арка, послѣдняя, видимая *en face*. Два круглыхъ рельефа надъ боковымъ пролетомъ и два вытянутыхъ вверхъ четырехугольныхъ рельефа на правой части аттика позволяютъ назвать воспроизведеніе Константиновой арки довольно точнымъ, хотя вмѣсто рельефной полосы надъ боковымъ пролетомъ и идетъ двойной карнизъ, на продолженіе котораго влѣво опирается правая пята средней арки. На единственномъ извѣстномъ намъ воспроизведеніи этой картины въ весьма значительномъ уменьшеніи (по сторонѣ вмѣсто 1,50 м. лишь 0,09 м.)³⁾ нельзя разобрать скопирована ли на картинѣ надпись Константиновой арки или нѣтъ. Послѣднее особенно досадно потому, что эта именно картина представляетъ особый интересъ при сужденіи о разсматриваемой гравюрѣ.

¹⁾ *Boyer d'Agen*. Le peintre de Borgia. Pinturicchio. Paris. 1891, p. IX; *Ch. Yriarte*. Autour des Borgia. Paris. 1891, pl. ad p. 48; *Ernst Steinmann*, Pinturicchio. 1898. Abb. 51; *Venturi*, o. c., VII. 2, fig. 481, p. 610, 626—629, и мн. др.

²⁾ *Jahrbuch der königl. Preussischen Kunstsammlungen*. XVII, 1896, S. 59 (малое изображеніе съ отнесеніемъ *Давиду Гирландайо*); лучшее воспроизведеніе см. на табл. къ 11 стр. «*The Burlington Magazine for Connoisseurs*». Vol. I. London. 1903, pp. 6—20; *Alunno di Domenico by Bernhard Berenson*. Авторъ упомянутую картину, точнѣе переднюю доску для сундука съ брачными одеждами, относитъ ко времени ок. 1488 г.; нашелъ онъ и имя, но не полное: *Bartolomeo di Giovanni*, этого живописца и иллюстратора книгъ, который начавъ свою художественную дѣятельность, какъ ученикъ и послѣдовательно *Доменико Гирландайо*, подпалъ затѣмъ подъ вліяніе *Сандро Боттичелли*. Статья *Berenson's* является выдержкой изъ его же книги «*The Drawings of the Florentine Painters*». Vol. I. London, pp. 100—108, Vol. II, p. 181.

Указаніемъ на памятникъ и литературу я обязанъ любезности *А. Н. Кубе*, облегчавшаго мнѣ и инныя справки въ чуждой области Ренессанса.

³⁾ *Georg Biermann*. Verona. Leipzig, 1904, Abb. 77, SS. 126—127, гдѣ картина приписывается *Дж. М. Фальконетто*, противъ чего возражаетъ, однако, официальный каталогъ музея, соответственный листъ котораго любезно сообщенъ мнѣ *А. Н. Кубе*.

Дѣло въ томъ, что передъ помѣщенной на дальнемъ планѣ аркою Константина повторены въ соотвѣтственно уменьшенномъ размѣрѣ обѣ главныя фигуры картины и такимъ образомъ эта боковая часть картины представляетъ собою ближайшую аналогію гравюрѣ: отношенія величины фигуръ къ размѣрамъ арки приблизительно таковы же, какъ на гравюрѣ, такъ что если бы арку эту въ тѣхъ же пропорціяхъ художникъ помѣстилъ за главными, крупными, фигурами картины, то получилась бы такая же эстетически неудачная композиція, какъ на гравюрѣ. Единственное отличіе во взаимоотношеніи этого уменьшеннаго повторенія фигуръ къ аркѣ, — не полное и не фронтальное изображеніе ея фасада, — отъ гравюры объясняется тѣмъ, что тутъ вся арка является лишь второстепенною боковою частью пейзажнаго фона картины, на гравюрѣ же она занимаетъ главное и центральное мѣсто. Если бы кто-либо вздумалъ копировать эту лишь часть картины отдѣльно, то ему естественно было бы изобразить и недостающую часть арки и перенести перспективный центръ въ средину своей копіи, и въ результатѣ получилась бы ближайшая аналогія разсматриваемой гравюрѣ, иного лишь содержанія.

Къ этимъ болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніямъ триумфальной арки Константина въ концѣ XV вѣка итальянскими художниками разныхъ школъ присоединяются и инныя триумфальныя арки, являющіяся лишь болѣе отдаленнымъ подобіемъ Константиновой и потому для нашей темы менѣе важныя¹⁾.

¹⁾ Вотъ нѣкоторые примѣры триумфальныхъ арокъ, имѣющихъ больше или меньшее сходство съ Константиновой.

Арка обѣ одномъ пролетѣ на второмъ планѣ фрески *Мантеньи* около 1452 г. въ Падуѣ, при изображеніи ап. Іакова предъ судьей (см. *Venturi*, о. с., VII. 3, fig. 65), напоминаетъ Константинову двумя круглыми медальонами между колоннами боковой части ея; медальоны эти помѣщены, однако, ниже карниза, являющагося продолженіемъ того, на который опираются пяты арки; надъ карнизомъ рельефъ, такъ что вліяніе Константиновой арки сказалось лишь въ двухъ дискахъ.

Доменико Гирландайо въ изображеніи триумфальной арки въ три пролета, осложненной еще двумя широкими арками, примыкающими къ ней съ боковъ, въ сценѣ избіенія младенцевъ на фрескѣ въ церкви *Santa Maria Novella* во Флоренціи вдохновлялся, можетъ быть, и аркою Константина, но эта фантастическая арка съ тремя четырехугольными рельефами на аттикѣ, съ двумя такими же рельефами надъ боковыми, меньшими пролетами (см. *Ernst Steinmann*, Ghirlandajo, 1897, Abb. 32), не представляетъ ближайшаго сходства именно съ Константиновой аркой.

Нѣчто вродѣ триумфальной арки о трехъ пролетахъ видно среди иныхъ зданій на заднемъ планѣ композиціи Крещенія Господня, на фрескѣ *Перуджино* въ Сикстинской капеллѣ (см. *Ernst Steinmann*, Die Sixtinische Kapelle, Taf. XXVIII; *Boyer d'Agen*, Le peintre de Borgia, Pinturicchio. Paris, 1898, pl. ad pag. XLII; *Fritz Knapp*, Perugia. 1907. Abb. 7); но эта арка имѣетъ лишь одинъ пролетъ, по сторонамъ котораго по одной нишѣ, надъ ними карнизы, тянущіеся подъ пяты средней арки; выше ихъ по одному круглому рельефу; колоннъ только двѣ по сторонамъ средней арки; на аттикѣ скульптурныя гирлянды. Такимъ образомъ сходство съ Константиновой аркой лишь отдаленное.

Фантастическая въ верхней своей части арка о трехъ пролетахъ въ центрѣ второго плана изображенія смерти Лукреціи на передней доскѣ свадебнаго сундука работы *Сандро Боттичелли* въ собраніи *Гарднера* въ Бостонѣ (см. *Allgemeine Kunstgeschichte* von *H. Knackfuss* und *M. E. Zimmermann*. II, 1900. Abb. 275; *Venturi*, о. с. VII, 1, p. 637); отсутствіе круглыхъ медальоновъ не позволяетъ считать ее зависящей непременно отъ арки Константина.

На другомъ свадебномъ сундукѣ также конца XV в. неизвѣстнаго мастера Умбрійской школы, хранящемся въ Національной галереѣ въ Лондонѣ, въ центрѣ композиціи изъ сказанія о Гривельдѣ на заднемъ планѣ помѣщена арка о трехъ пролетахъ; на аттикѣ ея три большихъ четырехугольных рельефа, а надъ карнизами, тянущимися надъ боковыми, меньшими, пролетами, помѣщенъ по одному круглому рельефу, которые и позволяютъ предполагать и тутъ вліяніе Константиновой арки; надъ епистидіями колоннъ четыре выдающихся переднихъ части коней, очевидно бронзовыхъ, какъ и четыре

Всѣ эти болѣе или менѣе точныя или вольныя воспроизведенія Константиновой арки въ различныхъ композиціяхъ итальянскихъ художниковъ конца XV и начала XVI вѣка, нисколько не связанныя съ самимъ содержаніемъ композицій, указываютъ лишь на ту общезвѣстность и заслуженный интересъ, которыми арка эта пользовалась у художниковъ того времени, какъ одинъ изъ наиболѣе сохранныхъ памятниковъ древняго Рима.

Очевидно, что такое же точно, чисто-декоративное, значеніе имѣетъ арка эта и на рассматриваемой нами гравюрѣ: здѣсь, какъ и въ исчисленныхъ выше композиціяхъ того же приблизительно времени, она не имѣетъ никакой связи съ изображеніемъ освобожденія царевны отъ змія св. Георгіемъ, и для заполнения задняго плана этой композиціи Константинова арка избрана была художникомъ-граверомъ совершенно произвольно и случайно.

Единственною мало-мальски допустимою гипотезою о возможности логической связи между аркою императора Константина и изображеніемъ святого Георгія представлялись бы намъ какія-либо комбинаціи, связанныя съ именемъ одного изъ рыцарскихъ орденовъ Италіи, а именно того, который носилъ одновременно имя и Константиновскаго и Георгіевскаго.

Фантастическія претензіи этого ордена на то, якобы основателемъ его былъ самъ Константинъ Великій, основывались на какомъ-то мраморномъ, найденномъ будто бы при раскопкахъ, рельефѣ съ изображеніемъ Константина, дарующаго рыцарское ожерелье группѣ воиновъ, и съ латинскою надписью: «Constantinus Maximus imperator, postquam mundatus a lepra per medium baptismatis, milites sive equites deauratos creat in tutelam christiani nominis».

Излишне прибавлять, что историческая цѣнность какъ этой надписи, такъ и тѣхъ писемъ папы Льва I, на которыхъ орденъ основалъ свои псевдоисторическія притязанія на старѣйшинство предъ всѣми прочими рыцарскими орденами, была не больше, чѣмъ того «перевода» надписи на Устюжскомъ рельефѣ, который далъ воевода П. С. Потоцкій. Уже Папebroхъ по поводу этихъ притязаній ордена писалъ, что принимать ихъ за истину могутъ лишь тѣ, кто fallunt aut volentes falluntur (Acta SS. Aprilis tomus III, изд. 1866 г., p. 156. E.).

статуи, стоящія на аттикѣ. См. *O. v. Gerstfeldt*, Hochzeitsfeste der Renaissance in Italien (Führer zur Kunst, herausgegeben von Dr. *Herm. Popp*. Bd. VI. Esslingen, 1906) Einschlagblatt II, SS. 39, 41.

Арка о трехъ пролетахъ равной высоты съ четырехугольными рельефами (животныя), правый верхній уголъ которой разрушенъ, стоитъ на горѣ второго плана на картинѣ *Луки Синьорелли* въ Читта ди Каstellо, изображающей мученія св. Севастіана (см. *Girolamo Mancini*, Vita di Luca Signorcelli. Firenze, 1903, p. 96); хотя арка сама по себѣ и не сходна съ Константиновой, но присутствіе на вершинѣ противоположащей справа горы развалинъ Колизея, позволяетъ упомянуть о ней въ настоящей связи.

Арка съ тремя пролетами, у которой надъ боковыми, меньшими, тянется карнизъ, а выше его помѣщено по одному (а не по два) круглому рельефу, изображена стоящей на берегу рѣки въ изображеніи благословенія Христомъ хлѣбовъ на фрескѣ въ монастырѣ св. Анны въ Кампрена близъ Пьенны, написанной *Содомой* въ 1503 г. (см. «Revue de l'art Chrétien», 1900, pp. 312 fig., 318; *J. X. Kraus*, о. с., II. 2, Fig. 274; *Emil Jacobsen*, Sodoma und das Cinquecento in Siena. Strassburg, 1910, Taf. VI. 2).

Арка съ тремя пролетами и развалинами (Колизея?) около нея видна на заднемъ планѣ въ изображеніи крещенія бл. Августина св. Амвросіемъ на фрескѣ въ церкви св. Фредіана въ Луккѣ, исполненной *Амико Аспертини* послѣ 1506 г. (см. *Venturi*, о. с., VII. 3, fig. 756, pag. 1010).

Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности воображаемой и дѣйствительной, ознаменованной рядомъ судебныхъ процессовъ, исторіи этого ордена, тѣмъ болѣе что знакомы съ нею лишь по энциклопедіямъ¹⁾, и ограничимся лишь тѣмъ фактомъ, что первымъ документальнымъ упоминаніемъ о немъ являлось подтвержденіе 17 іюля 1551 года папою Юліемъ III правъ, признанныхъ за магистрами этого ордена якобы еще въ 1484 году папою Иннокентіемъ VIII. Исторія ордена въ Италіи начиналась появленіемъ тамъ греческихъ эмигрантовъ, вѣроятно авантюристовъ, объявившихъ себя потомками Комниновъ и великими магистрами Константиновско-Георгіевскаго ордена, около того же времени, къ которому относится и разсматриваемая нами гравюра.

Но этими совпаденіями двухъ именъ и хронологіи дѣло и ограничивается: на гравюрѣ нѣтъ никакихъ признаковъ того, чтобы композиція имѣла какое-либо отношеніе къ рыцарскому ордену, нѣтъ ни рыцарскаго креста, ни сигль IHSV (т.-е. in hoc signo vinces) ордена, ни монограммы Константина. Фантастическая исторія ордена, включая въ составъ его членовъ многихъ святыхъ и властителей, св. Георгія среди нихъ не упоминаетъ, такъ какъ онъ пострадалъ, по обычному мнѣнію, еще

¹⁾ Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, Halle und Leipzig. VI Band. 1733, Sp. 1061—1062.

Acta Sanctorum. Mensis Aprilis, tomus III, pag. 156. E. F, 161 C—F, 162 A.

Псевдо-историческія претензіи ордена дали ему первое мѣсто въ нѣкоторыхъ старинныхъ исторіяхъ орденовъ, такъ въ русскомъ изданіи (оригинальные изданія голландское и французское въ Амстердамѣ въ 1688 г.) «Исторія о ординахъ или чинахъ воинскихъ» Адриана Шонбека, Москва, 1710, фронтосписомъ служить гравюра: «Гербъ Великаго Магистера ордина Константинскаго, фамиліи Ангела Флавіа Комнина всегда принадлежащій», а самому ордену удѣлено первое послѣ предисловія мѣсто: стр. 71—107, ср. стр. 24, съ тремя гравюрами, изображающими костюмы магистра и рыцарей иныхъ степеней этого ордена.

Тѣ же костюмы и рисунки орденскихъ знаковъ различныхъ степеней см. также въ изданіяхъ:

Et. Dambreville, Abrégé chronologique de l'histoire des ordres de chevalerie. Paris. 1807, 4°, pp. 59—68, pl. III. 2.

Ferd. Freiherr von Biedenfeld. Geschichte und Verfassung aller... Ritterorden. II Band. Weimar. 1841. 4°. SS. 47—50. Taf. XXIII, XXXV: 11—14; *Auguste Wahlen*, Ordres de Chevalerie. Bruxelles. 1844, 8°, pp. 59—61, 164—165, p. XXII, LI; Rys historyczny zgrupowań zakonnych obojey płci wraz z gycerskimi zakonami i orderami państw... przez *J. K. Wietz* i *P. Bohmann*... pszelożony na język polski... przez księdza Beniamina. Tom III. Warszawa. 1849. Str. 6, c, 34—36, tabl. VII.

Болѣе подробно и критически, но все же не въ достаточной мѣрѣ относительно утверженій о реформѣ ордена якобы въ концѣ XII византійскимъ императоромъ Исаакомъ II Ангеломъ, исторія ордена излагается въ словаряхъ:

Dizionario di erudizione Storico-Ecclesiastica da S. Pietro sino ai nostri giorni compilazione *Gaetano Moroni* Romano. Vol. II. Venezia, 1840, p. 77; Vol. XVII, 1842, pp. 313—317: Costantino o Costantiniano, ordine equestre; Vol. LXVIII, 1854, pp. 238—259: Sperone d'oro, Equestris Auratae Militiae ordo.

Encyclopédie Théologique... par M. l'abbé *Migne*. Tome XX. Dictionnaire des ordres religieux. I. Paris, 1847, col. 1097—1104: Chevaliers de l'ordre de Constantin appelés aussi Dorés, Angeliques, de St. Georges; рисунки орденскихъ одѣяній и знаковъ: fig. №№ 271—278.

Corn. St. Hulst, St. George of Cappadocia in legend and history. London, 1909, p. 59—60.

Къ сожалѣнію, намъ недоступной осталась книга *Marchionis Scipione Maffei*, Dissertatio de fabula equestris ordinis Constantiniani contra Gisbertum Cuperum. Tiguri. 1712, и 1714, и анонимная (?) In epistolam Scipionis Marchionis Maffei ad Gisbertum Cuperum de fabula ordinis Constantiniani. Tiguri. 1702, а также изданная въ Прессбургѣ въ началѣ XVIII в. *Anacephalaeosis, seu brevis res diplomatica ordinis Constantiniani*, и нѣкоторыя другія старыя изданія, касающіяся этого ордена и указываемыя въ приведенной литературѣ о немъ. Особенно интересно было бы, разумѣется, видѣть вышеупомянутый мнимо-Константиновскій рельефъ, если онъ гдѣ-либо сохранился.

при Диоклетіанѣ; помѣщать св. Георгія предъ аркою Константина въ реальномъ ея видѣ, т.-е. съ Константиновой надписью, даже не стали бы тѣ, кто заказывалъ вышеупомянутое вещественное доказательство мнимой древности ордена.

Мы не отрицаемъ возможности, что столь странный на первый взглядъ составъ гравюры изъ двухъ никакъ, на нашъ взглядъ, не связуемыхъ между собою элементовъ, какъ арка Константина и подвигъ св. Георгія, когда-либо и кѣмъ-либо и будетъ исторически объясненъ, но едва ли объясненіемъ этимъ явится конное изображеніе съ надписью: «S. Georgius Militiae Constantinianae protector ac titularis» на печати вышеназваннаго ордена¹⁾. Ключъ къ смыслу этого соединенія, если только смыслъ этотъ былъ, дастъ скорѣе девизъ «reg forza», который читается на сбруѣ коня св. Георгія, если только это дѣйствительно девизъ и если отыщется его былой носитель.

Итакъ, пока мы продолжаемъ считать арку Константина при изображеніи чуда св. Георгія о змѣи лишеннымъ всякаго смысла декоративнымъ фономъ: итальянскій граверъ, вѣроятно, столь же мало предполагалъ, что найдутся люди, которые будутъ ломать себѣ голову надъ его произволомъ, какъ мало думалъ о затрудненіяхъ въ пониманіи и толкованіи рельефа будущими археологами тотъ каменотесъ, который отъ всей Константиновой арки гравюры сохранилъ на Устюжскомъ рельефѣ одну лишь табличку съ надписью.

Принужденные изъ-за этой таблички сдѣлать столь длинное отступленіе о роли Константиновой арки въ итальянской живописи конца XV и начала XVI вѣка, мы должны теперь разсмотрѣть и самое изображеніе битвы св. Георгія съ дракономъ.

Композиція, которую мы видимъ на гравюрѣ, входитъ въ число тѣхъ, которыя бар. О. Таубе ставитъ, вослѣдъ за W. Vöge²⁾, въ зависимость отъ небольшого, всего около полуаршина высотой, изображенія св. Георгія на базисѣ ниши для знаменитой флорентійской статуи св. Георгія 1416 года работы Донателло. Въ этомъ небольшомъ рельефѣ видятъ источникъ всѣхъ многочисленныхъ въ итальянскомъ искусствѣ изображеній св. Георгія, бьющагося со змѣемъ, пригнувшись лицомъ къ шеѣ коня, поднятаго на дыбы; насколько правильна такая теорія возведенія всей обширной группы скульптурныхъ и живописныхъ изображеній св. Георгія въ этой позѣ, извѣстной по цѣлому ряду рельефовъ, преимущественно въ Генуѣ, и картинъ различныхъ школъ XV и XVI вѣковъ, непременно къ этому одному источнику, который, будучи второстепенной декоративной деталью, представляется намъ мало подходящимъ для столь крупной приписываемой ему въ исторіи развитія типа изображеній св. Георгія

¹⁾ Мы не можемъ умолчать здѣсь о томъ, что на рисункѣ знака ордена Подвязки, изданномъ *Ashmole*’емъ 1672 г., на заднемъ планѣ коннаго изображенія св. Георгія видно, правда, не въ центрѣ, а слѣва, нѣчто подобное триумфальной аркѣ. Къ сожалѣнію, оригинальной книги (*Ashmole, Order of the Garter, 1672*) мы въ рукахъ не имѣли, а на уменьшенной репродукціи таблицы цинкографіей черезъ сѣтку у *C. St. Hulst* (о. с., pl. ad pag. 80) деталь эта неразборчива.

²⁾ *Raffael und Donatello. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der italienischen Kunst von Wilhelm Vöge. Strassburg, 1896. 4°, SS. 2—6: 1. Die Georgsbilder; рельефъ Донателло см. S. 1, Abb. 1; лучшее воспроизведеніе — въ изданіи: *Denkmäler der Renaissance Skulptur in Toscana in historischer Anordnung... von W. Bode. Lief. IX. München. Bruckmann. 1898. Taf. 41. b. Otto v. Taube, o. c., SS. 62—65, 93—94. Зависимость Рафаэля въ этой картинѣ отъ Донателло признавалъ еще ранѣе Eug. Müntz, o. c. II. 1891, p. 748, 751.**

роли, — это вопросъ для нашей темы посторонній; для насъ важно лишь несомнѣнное сходство композиціи св. Георгія со змѣемъ на гравюрѣ, а черезъ нея и на Устюжскомъ рельефѣ, съ цѣлою группою итальянскихъ произведеній конца XV и начала XVI вѣка, въ которую входятъ и обѣ маленькихъ картины Рафаэля Санти: 1504 г., хранящаяся въ Луврѣ, и 1504—06 г., хранящаяся въ Эрмитажѣ и написанная по заказу герцога Гвидобальдо Урбинскаго для англійскаго короля Генриха VII, который сдѣлалъ герцога кавалеромъ ордена Подвязки; къ обѣимъ картинамъ сохранились и этюды карандашомъ (см. ихъ, напр., у Venturi, o. c., VII, 2, fig. 651, 653).

Эрмитажная картинка, гдѣ св. Георгій пронзаетъ дракона копьемъ (на Луврской онъ рубитъ его саблею, копье же, сломанное, торчитъ уже въ змѣи), при значительномъ отличіи ея отъ разсматриваемой гравюры, по композиціи представляетъ, однако, нѣкоторыя сходныя детали: и тамъ и тутъ вслѣдствіе направленія всадника влѣво древко его копья, дабы ясно показать ударъ, проходитъ слѣва отъ шеи коня, что, хотя это встрѣчается и на иныхъ картинахъ, является практически невѣроятнымъ: всадникъ лишается возможности освободить свое копье и продолжать движеніе впередъ; дѣйствуя пикою, врага имѣютъ, конечно, справа, какъ то и изображается всегда на русскихъ изображеніяхъ св. Георгія (см. рис. 28, 29 и 30), гдѣ всадникъ скачетъ направо.

Такое невѣроятное и не реальное, казалось бы, изображеніе св. Георгія на рядѣ западныхъ композицій можно, однако, объяснять, съ одной стороны, стремленіемъ дать всаднику направленіе влѣво, требуемое для гербовыхъ фигуръ непреложнымъ закономъ геральдики, чтобы фигура на щитѣ, носимомъ на лѣвой рукѣ, не бѣжала отъ врага, но шла на него, а съ другой, желаніемъ показать во что бы ни стало самый ударъ копьемъ, который при болѣе реальномъ положеніи копья справа отъ шеи лошади оказывался бы при направленіи всадника влѣво скрытымъ отъ зрителя.

Бываютъ, однако, изображенія и болѣе реальныя, но тогда, дабы ударъ копья былъ виднѣе, копье дѣлали гораздо длиннѣе, дракона отставляли дальше отъ всадника, такъ что самый ударъ не закрывался переднею частью копья; однако, иногда при такомъ отдѣленіи дракона отъ всадника длинное копье изображалось все же идущимъ слѣва отъ шеи коня, а не справа, т.-е. оказывалось, вопреки вѣроятной дѣйствительности, не закрытымъ шеей лошади¹⁾.

Помимо этого между Эрмитажной картиной Рафаэля и гравюрой есть нѣкоторое сходство и въ убранствѣ коня: на груди его на картинѣ идетъ широкій ремень и также съ надписью на немъ, но эта надпись тамъ, безграмотное написаніе имени художника, признается позднѣйшею прибавкою. На гравюрѣ же ясно читается на переднемъ и заднемъ ремнѣ: PER FORZA, т.-е., очевидно, девизъ или дѣйствительный какого-либо опредѣленнаго историческаго лица, или вымышленный художникомъ для самого св. Георгія; думать, что находящіяся на такихъ же ремняхъ

¹⁾ См. примѣры того и другого, наприм., у G. Ludwig e P. Molmenti. Vittore Carpaccio, Milano. 1906, p. 182, tav. ad p. 180, tav. ad p. 201.

спереди и сзади отъ чепрака буквы D и OO принадлежать къ составу средней части девиза, намъ не представляется возможнымъ, такъ какъ это затрудняло бы чтеніе девиза; если буквы эти имѣли какое-либо значеніе, то могли обозначать сокращенно имя художника, хотя двойное O и для этого невѣроятно; къ сожалѣнію, найти девизъ «per forza» намъ не удалось.

Исчислять здѣсь многочисленныя изображенія св. Георгія, болѣе или менѣе близкія къ Рафаэлевскимъ, для нашей ближайшей цѣли излишне, тѣмъ болѣе, что бар. Таубе собралъ уже въ его диссертациі обильныя указанія, по которымъ какое-либо изъ нашихъ историко-археологическихъ учреждений, ближе всего Императорскій Россійскій Историческій Музей, легко можетъ составить себѣ интересную коллекцію изображеній св. Георгія, хотя бы лишь въ типѣ коннаго змѣборца, какъ поучительный матеріалъ для исторіи Московскаго герба.

Лишь имѣя предъ глазами такое собраніе нѣсколькихъ сотъ воспроизведеній съ одинаковыхъ по художественному типу, а иногда и по религіозному содержанию¹⁾, памятниковъ можно будетъ съ достаточными основаніями и достаточной прочностью разбираться въ отдѣльныхъ частностяхъ русскихъ рѣзныхъ и иконописныхъ изображеній св. Георгія.

Лишь владѣя всѣмъ этимъ обширнымъ матеріаломъ можно будетъ дать правильный художественно-историческій разборъ рельефнаго изображенія св. Георгія, исполненнаго въ 1464 году году В. Д. Ермолинымъ, которое занимаетъ въ ряду русскихъ рельефныхъ изображеній святого столь же важное мѣсто, какъ рельефъ надъ воротами св. Георгія во Флоренціи (ок. 1286 г.) среди рельефовъ итальянскихъ²⁾; объ изваяніи этомъ намъ приходилось уже упоминать выше (стр. 149, 165, 166), а здѣсь мы даемъ его изображеніе (рис. 28), чтобы наглядно показать ту рѣзкую разницу, которая оказывается между русскимъ рельефомъ и итальянской гравюрой, принадлежащими второй половинѣ XV вѣка; впрочемъ возможно, что и въ Ермолинскомъ рельефѣ окажутся, при специальномъ его изученіи, признаки

¹⁾ При всемъ кажущемся сходствѣ художественныхъ типовъ содержаніе изображеній можетъ быть различно: такъ, напримѣръ, змѣю, имѣющую одно направленіе со скачущимъ надъ нею всадникомъ на вышеупомянутыхъ (стр. 159 примѣч.) монетахъ императора Констанція II (см. рис. у бар. Таубе, *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst*, 1911, S. 187, Abb. 4), какъ и при многихъ такъ наз. «Фракийскихъ всадникахъ» (напр., *ibid.*, Taf. I, Abb. 3. 4) мы не можемъ считать съ бар. Таубе (*ibid.* S. 187; *Die Darstellung d. h. Georgs*, S. 25) «противникомъ» всадника: она представляется намъ скорѣе союзникомъ его или, по крайней мѣрѣ, показателемъ героизированія всадника; равнымъ образомъ и на таинственныхъ «Дакійскихъ табличкахъ» видя двухъ противостоящихъ всадниковъ (см. напр. рис. *ibid.* Taf. II, Abb. 2), одного надъ змѣею, другого надъ рыбою, мы, допуская возможность, что это могли быть дѣйствительно, какъ полагають бар. Таубе (*ibid.* S. 188, Anm. 8; *Die Darstellung d. h. Georgs*, S. 25) и М. И. Ростовцевъ (Изв. Имп. Арх. Комиссіи, Вып. 49, стр. 55—57) противники, не можемъ однако закрывать глаза и на другую возможность, что это могли быть и религіозные атрибуты этихъ невѣдомыхъ боговъ, знаменующіе собою власть одного надъ землею, и другого надъ водами. Если несомнѣнны и легки заимствованія, переносы и приспособленія художественныхъ типовъ, то спорно и трудно толкованіе изображеній, относящихся къ мистеріямъ невѣдомыхъ культовъ, и Московскій гербъ является яркимъ примѣромъ перваго изъ этихъ положеній, а вопросъ о происхожденіи сказаній и изображеній змѣборства св. Георгія таится въ значительной мѣрѣ въ области второго.

²⁾ *Otto v. Taube, Darstellung, etc.* S. 47—48; *Münchener Jahrbuch d. bild. Kunst*, 1911, S. 192, Abb. 8.

итальянскаго вліянія: такъ передняя часть змія не лишена сходства съ вышеупомянутымъ рельефомъ конца XIII вѣка надъ воротами Флоренціи, а мотивъ обвитія хвостомъ змія заднихъ ногъ лошади находитъ себѣ многочисленныя аналогіи на памятникахъ Италіи XIII вѣка и позднѣе, и даже ранѣе¹⁾).

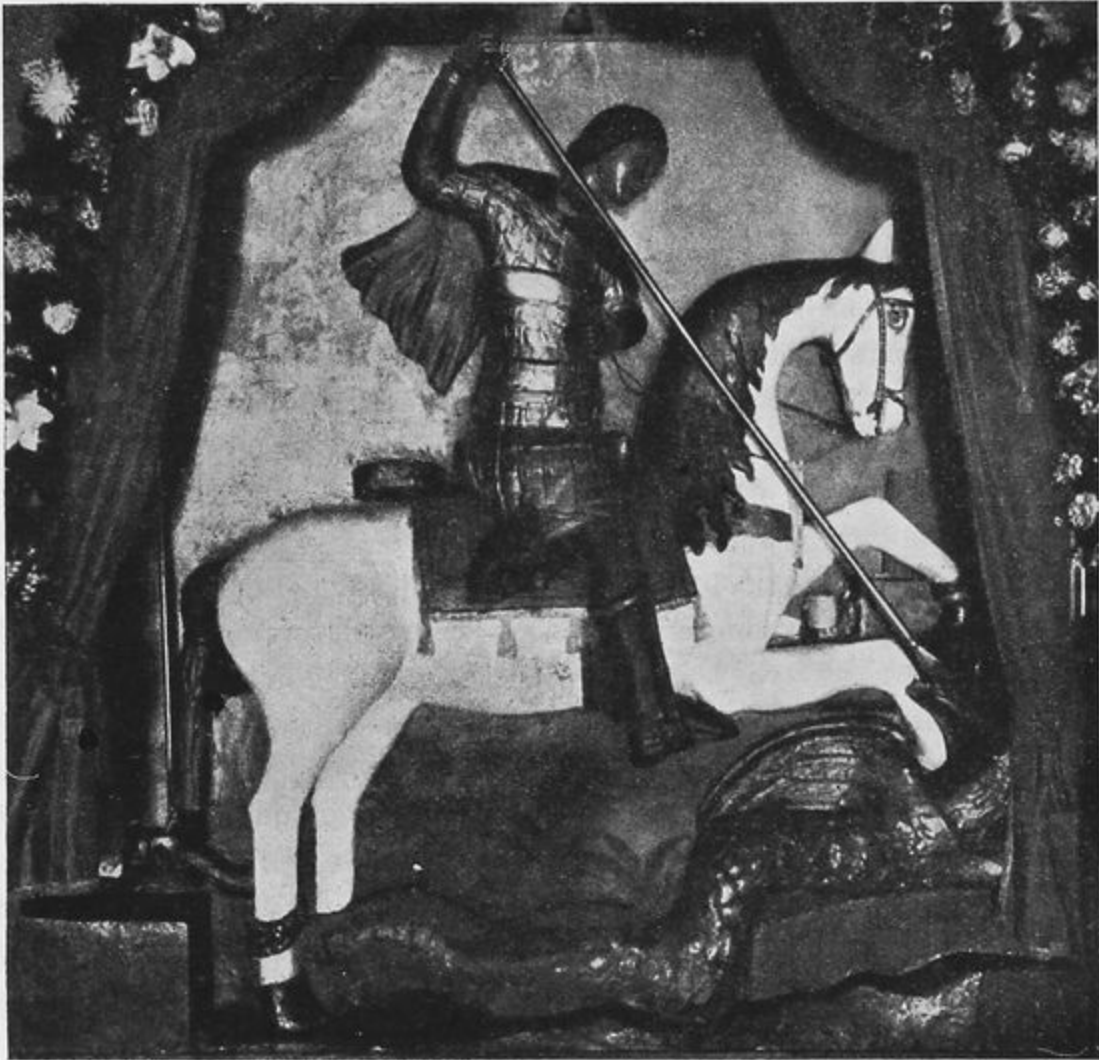

Рис. 28. Рельефное изображеніе св. Георгія работы В. Д. Ермолина, 1464 года.

¹⁾ *Otto v. Taube, Darstellung etc. S. 46, 54, 86, 88; Münchner Jahrbuch. 1911. Abb. 7, 11, 12, Taf. II. 4; III. 2, 4; IV. 2. Venturi, o. c., VII. 3, fig. 259.*

Отъ итальянскихъ же, вѣроятно, изображеній св. Георгія зависитъ и другой реалистическій мотивъ, — лѣвая рука съ поводями, приподнятая кверху и поднимающая, такимъ образомъ, коня на дыбы. *К. Тропининъ* въ своихъ «Очеркахъ съ произведений живописи, гравированія, ваянія и зодчества» (1839—40 г., стр. 235, очеркъ 84) издалъ прорисъ царскаго иконописца XVII в. *Петра Федорова*, принадлежавшую *И. М. Снегиреву* и представляющую св. Георгія скачущимъ вправо, поражая змія копьемъ въ пасть, пригнувшись къ шеѣ коня и поднимая лѣвую руку съ поводями надъ его головою; подъ задними ногами коня валяется кость, ступня ноги, рука до локтя, безглавое туловище въ женской, повидимому, одеждѣ и непомѣрно большая мужская, кажется, голова; какъ эти реалистическія детали, встрѣчающіяся на изображеніяхъ итальянскихъ (наприм. см. у *Карпаччіо*, см. *G. Ludwig* e *P. Molmenti. Vittore Carraccio. Milano. 1906, tav. ad pag. 180*) и французскихъ (см., напр., рельефъ первой половины XVI в. въ *Documents de sculpture Française, publiés par MM. Vitry et Brière. Renaissance I, pl. LXXXVI. 8*), такъ и типъ дракона явно указываютъ на вліяніе Запада; мотивъ подниманія коня на дыбы мы находимъ, напримѣръ, на картинѣ *Космы Тура* (*Venturi, o. c., VII. 3, fig. 798*) или, съ меньшею ясностью, на фрескѣ въ замкѣ Фенись (*Münchner Jahrbuch. 1911, Taf. III. 4*); иной вариантъ, не

Сравненіе Устюжскаго рельефа съ Ермолинскимъ ясно показываетъ, — если бы мы даже не знали источника перваго изъ нихъ, — насколько отклоняется первый отъ византійской традиціи. Но ни изъ этого очевиднаго факта, ни даже изъ отыскавшагося итальянскаго источника нельзя еще заключать объ итальянскомъ происхожденіи самого Устюжскаго рельефа: слишкомъ плоха его работа, слишкомъ искажены формы и драпировки, чтобы допускать возможность изготовленія его въ Италіи или итальянцемъ, хотя бы даже «второстепеннымъ мастеромъ», какъ предполагаетъ Н. Н. Соболевъ (см. выше, стр. 166—167).

Далеко не первостепеннымъ мастеромъ былъ и исполнитель гравюры, но насколько выше Устюжскаго рельефа стоитъ она въ художественномъ отношеніи! Каково же было то художественное произведеніе, которое воспроизводилъ или которымъ вдохновлялся рисовальщикъ-граверъ, изображая битву св. Георгія со змѣемъ?

Что у исполнителя этой гравюры былъ для этой сцены чужой образецъ, равно какъ и для арки Константина, и что не онъ самъ былъ творцомъ этой композиціи, это мы предполагали уже выше (стр. 223), это подтверждается отмѣченнымъ выше (стр. 233) общимъ сходствомъ ея съ рельефомъ Донателло и, наконецъ, это становится несомнѣннымъ при сопоставленіи гравюры съ однимъ итальянскимъ рельефомъ, относимымъ издателями его ко времени около 1490 года и несомнѣнно зависящимъ отъ того же художественнаго оригинала, какъ и группа св. Георгія на гравюрѣ.

Этотъ изразцовый рельефъ св. Георгія (см. табл. XIV), находящійся на стѣнѣ церкви Богоматери и Св. Георгія въ небольшомъ городкѣ Бранколи, въ окрестностяхъ Лукки, и относимый къ произведеніямъ Флорентійца Андрея делла Роббиа¹⁾, представляетъ для насъ двойной интересъ: и какъ близкое къ Устюжскому рельефу итальянское скульптурное произведеніе, восходящее, повидимому, къ тому же первоисточнику, и какъ итальянская аналогія русскому монументальному изразцовому же изображенію св. Георгія на внѣшней нѣкогда стѣнѣ Успенскаго собора въ городѣ Дмитровѣ, Московской губерніи (см. рис. 29). Пока обратимся лишь къ первой аналогіи, въ надеждѣ, что второй дождется своего изслѣдователя²⁾.

св. Георгій, съ тѣмъ же жестомъ изображенъ на фрескѣ *Доменика Бартоло Гецци* въ Сіенѣ (Klassischer Bilderschatz. № 1375), при чемъ середина послѣдней композиціи занята сложнымъ башнеобразнымъ зданіемъ, напоминающимъ въ значительной мѣрѣ странное изображеніе города на прориси *Петра Фодорова*.

¹⁾ *J. Cavalucci et Em. Molinier*, Les Della Robbia. Leur vie et leur œuvre d'après documents inédits. Paris. 1884. 4°, pp. 243, № 227.

Paul Schubring, Luca della Robbia und seine Familie. Bielefeld und Leipzig. 1905. 8° (= Künstlermonographien herausgegeben von H. Knackfuss. LXXV). S. 107, 109, 119, Abb. 116.

Maud Cruttwell, Luca and Andrea della Robbia and their successors, London. 1902. 8°, p. 184, with a plate.

²⁾ Рис. 29 исполненъ по фотографіи *П. П. Покрышкина*, которому мы и приносимъ благодарность какъ за фотографіи (другая — въ ракурсѣ) рельефа, такъ и за замѣтки о немъ: рельефъ, около 3 аршинъ діаметромъ, находился прежде на внѣшней, южной, стѣнѣ храма, а нынѣ застроенъ придѣломъ; изображеніе — въ теплыхъ тонахъ: коричневатыхъ, желтыхъ и зеленыхъ; драконъ и нѣкоторые пятна на рамѣ темнофіолетовые.

Сравненіе майолики съ гравюрою (см. табл. XIV и XIII) ставитъ зависимость ихъ об'ѣихъ отъ одного общаго художественнаго образца внѣ всякихъ сомнѣній, при чемъ ясно даже, что нѣкоторыя детали этого оригинала на рельефѣ пере-

Рис. 29. Изразцовое изображеніе св. Георгія въ Успенскомъ соборѣ, въ гор. Дмитровѣ.

Время рельефа, равно какъ и двухъ кафельныхъ рельефныхъ Распятій подъ крышей сѣвернаго и южнаго фасада собора, должно опредѣлиться временемъ послѣдней капитальной перестройки собора; но точнаго опредѣленія таковой мы не нашли; самое появленіе монументальнаго изображенія св. Георгія на стѣнѣ Георгіевскаго придѣла стояло, быть можетъ, не безъ вліянія Ермолинскаго рельефа въ Москвѣ; и не безъ связи съ именами Дмитровскихъ князей, Юріевъ: послѣдній въ началѣ XVI в. Мы знаемъ, что самое появленіе цвѣтныхъ изразцовъ въ Московской Руси относятъ обыкновенно лишь къ XVII вѣку (см. работу *Н. В. Султанова* въ Матеріалахъ для исторіи Русскихъ одеждъ, *А. Прохорова*, С.-Пб., 1885 г., стр. 12), но нѣтъ ничего невозможнаго въ изготовленіи ихъ и ранѣе: въ Псковѣ и Печерскомъ монастырѣ близъ него много глиняныхъ поливныхъ надгробій XVI в.

Въ виду исключительнаго интереса памятника, мы предпочитаемъ, не дѣлая о немъ скороспѣлыхъ заключеній, подождать чьего-либо нарочитаго о немъ изслѣдованія.

Прежнія краткія упоминанія о немъ, начиная съ Описанія Московской губерніи 1787 г. (см. *И. Токмаковъ*, Историко-статистическое и археологическое описаніе города Дмитрова. Москва. 1893 г., II, стр. 5), неточно называютъ рельефъ образомъ св. Георгія изъ финифтяныхъ плитъ древней работы; «Историческое описаніе соборныхъ и приходскихъ церквей, въ Россійской Имперіи находящихся, *Г. С.*». Москва, стр. 38 [по *Токмакову*, у. с., I, стр. 47] «весьма древнюю работу», «повидимому, иностраннахъ мастеровъ» опредѣляетъ XII вѣкомъ; то же повторяетъ и сообщенный архим. *Леонидомъ* «Историческій очеркъ города Дмитрова», и т. д. (Чтенія въ Общ. Любителей Духовнаго Просвѣщенія. Годъ XVI. 1878, часть III, 1-е полугодіе, Матеріалы для исторіи русской церкви, стр. 17, прим. 1); *Ив. Сазаровъ* О Московскомъ гербѣ, стр. 20) относилъ рельефъ къ XV вѣку.

даны точнѣе и лучше, чѣмъ на гравюрѣ; таковы, напримѣръ, крылья на шлемѣ св. Георгія.

Сличая рельефъ въ Бранколи, несомнѣнное произведеніе мастера Флорентійца¹⁾, и гравюру, приписывавшуюся Пассаваномъ и Гиртомъ Флорентійскому граверу, съ упомянутымъ Флорентійскимъ же рельефомъ Донателло мы убѣждаемся въ несомнѣнности тѣсной между ними связи, хотя прямою копіей ни рельефъ въ Бранколи, ни гравюра, не только въ аксессуарахъ: деревьяхъ, змѣи, дѣвѣ, но и въ самой фигурѣ св. Георгія, съ Донателловскаго рельефа вовсе не оказываются.

Сходны общая постановка коня, видимаго нѣсколько сзади и слѣва, поза всадника, пригнувшагося впередъ, согнувшаго лѣвую ногу и видимаго также со спины, и характерная отдѣлка его панцыря. Послѣдняя хотя на всѣхъ трехъ памятникахъ и не тождественна, но явнымъ первоисточникомъ ея является рельефъ Донателло: тутъ панцырь состоитъ изъ ряда горизонтальныхъ, очевидно, находящихся одна на другую полосу, т.-е. имѣетъ такое же практически довольно удобное устройство, какъ нѣкоторые панцыри передней Азіи XV в. и позднѣйшія, XVI в., подражанія имъ венгерскія и польскія²⁾; на рельефѣ въ Бранколи такими полосами раздѣлана лишь нижняя, хотя и бѣльшая часть, панцыря, начиная отъ лопатокъ и ниже, въ остальномъ же панцырь подобенъ античнымъ образцамъ; на гравюрѣ же полосамъ этимъ приданъ острый кверху изгибъ, такъ что въ общемъ спина панцыря нѣсколько напоминаетъ подвижныя выдающіяся мысомъ кверху, нижнія части нагрудниковъ такъ наз. «готическихъ» доспѣховъ XV вѣка, что какого-либо практическаго и реальнаго основанія себѣ имѣть, повидимому, не могло и является, слѣдовательно, лишь вольною фантазіей рисовальщика. Напротивъ того, горизонтальныя полосы, показанныя на спинѣ св. Георгія на рельефѣ Донателло, имѣли, вѣроятно, реальныя основанія въ современныхъ итальянскихъ доспѣхахъ: подобныя полосы видимъ мы и на спинѣ воина на фрескѣ Фра Беато Анжелико въ Ватиканѣ (Klassischer Bilderschatz, № 415), а потому доспѣхи св. Георгія на статуѣ и на рельефѣ Донателло, заказанныхъ ему цехомъ оружейниковъ, заслуживаютъ бѣльшаго вниманія специалистовъ, чѣмъ краткое признаніе ихъ «антикизирующими» барономъ Таубе (Darst. d. h. Georgs. S. 63, 120).

Если такимъ образомъ и Флорентійская гравюра и рельефъ въ Бранколи болѣе или менѣе свободно копировали одинъ ~~образъ~~, неизвѣстный намъ теперь точно оригиналь, или, — если самостоятельность Андрея делла Роббиа и неизвѣстнаго по имени гравера цѣнить выше, чѣмъ мы ~~тутъ~~ ~~вѣ~~ ~~дѣ~~ ~~л~~ ~~а~~ ~~е~~ ~~мъ~~, — черпали свое вдохновеніе изъ одного общаго источника, напр. отъ рельефа Донателло, то во

¹⁾ Кромѣ него есть еще въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ небольшой рельефъ болѣе поздній, представляющій ту же сцену, но мы лишены, къ сожалѣнію, ближайшихъ о немъ подробностей: см. *Cavalucci et Molinier*, о. с., р. 277, № 445: fragment d'une predelle, hauteur 0,44, largeur 0,63, Atelier Giovanni della Robbia; *Maud Cruttwell*, о. с., р. 350: Paris. Louvre, 442, work by the atelier.

Судя по краткимъ упоминаніямъ о немъ у бар. Таубе (Darstell. d. h. Georgs. S. 65, 83), и это изображеніе зависитъ отъ рельефа Донателло.

²⁾ См. Э. Ленцъ. Собраніе Оружія [Императорскаго Эрмитажа] (Указатель Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и Эпохи Возрожденія. Часть I). С.Пб. 1908, стр. 22; Альбомъ, табл. I.

всякомъ случаѣ представляется несомнѣннымъ, что мастеръ, тесавшій Устюжскій рельефъ, имѣлъ передъ собою только гравюру эту и ничего болѣе: детали вооруженія всадника и убранства коня, равно какъ и всѣ прочія, ясно, несмотря на указанныя выше сознательныя отступленія мастера отъ гравюры, указываютъ на пользованіе имъ только одною гравюрою, и, какъ говорено выше, значительная точность передачи имъ надписи именно по гравюрѣ прямо и непреложно свидѣтельствуется объ отсутствіи между гравюрою и рельефомъ какихъ-либо возможныхъ промежуточныхъ звеньевъ: дублетъ Флорентійской гравюры, извѣстной намъ по Лондонскому экземпляру, несомнѣнно зашелъ какими-то путями туда, гдѣ высѣченъ былъ Устюжскій рельефъ.

Гдѣ же и когда это могло быть? На оба вопроса мы лишены возможности дать точный отвѣтъ, но второй допускаетъ и болѣе опредѣленное, хотя и весьма неточное рѣшеніе: время изготовленія рельефа должно падать въ болѣе чѣмъ полустолѣтній періодъ отъ начала XVI вѣка до 1663 года.

Сколь ни широки такія хронологическія рамки, но и онѣ являются болѣе точными, нежели тѣ разнорѣчія и неопредѣленность въ датировкѣ рельефа, которыя мы встрѣчали въ прежней литературѣ о немъ: отъ эпохи Константина Великаго до Ивана III, при чемъ ничто не препятствовало предполагать изготовленіе рельефа и позднѣе: до времени воеводства П. С. Потоцкаго въ Устюгѣ.

Итакъ, остановимся пока на достигнутомъ уже, хотя бы и весьма неточномъ, опредѣленіи времени, когда долженъ былъ быть изваянъ Устюжскій рельефъ.

Еще менѣе точности допускаетъ опредѣленіе мѣста изготовленія рельефа: въ сущности, онъ могъ бы быть вытесанъ вездѣ, куда могла проникнуть выше-разсмотрѣнная итальянская гравюра; но, разумѣется, крайняя грубость въ исполненіи рельефа, рабская зависимость его отъ гравюры, съ нѣкоторыми, однако, характерными, указанными выше (стр. 217) намѣренными измѣненіями оригинала, и явное непониманіе смысла надписи позволяютъ значительно ограничить возможные или по крайней мѣрѣ вѣроятные предѣлы, внутри коихъ изготовленъ былъ рельефъ. Не говоря уже объ Италіи, — сколько бы ни понижали мы степень художественныхъ талантовъ предполагаемаго мастера, — съ большою долею вѣроятности можно исключить изъ круга нашихъ предположеній всю Западную Европу, гдѣ понимали латинскій языкъ настолько, чтобы надписи съ признанной при копировкѣ излишнею арки не повторяли тамъ, гдѣ не изображено самой арки.

На Западѣ рельефъ нашъ могъ бы быть, слѣдовательно, вытесанъ лишь въ какомъ-либо невѣроятно дикомъ углу или лишь при какихъ-либо совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ недомыслія и невѣжества.

По тѣмъ же соображеніямъ маловѣроятнымъ представляется возникновеніе рельефа и на западныхъ окраинахъ Восточной Европы того времени: въ Финляндіи, въ Балтійскомъ краѣ, въ Литвѣ и Польшѣ могло найтись, конечно, не мало плохихъ мастеровъ, способныхъ лишь рабски копировать оригиналъ свой, но все же, если не они сами, то ихъ заказчики или совѣтники могли бы разобратъся въ смыслѣ и значеніи надписи на гравюрѣ и не придали бы ей бѣльшаго значе-

нія, чѣмъ самой, опускаемой при копировкѣ, аркѣ; не было бы тамъ также и нужды измѣнять направленіе движенія всадника.

Послѣднее болѣе умѣстно было сдѣлать тамъ, гдѣ привыкли къ византийскимъ изображеніямъ коннаго св. Георгія и другихъ конныхъ святыхъ ѣдущими обычно вправо и гдѣ въ низшихъ слояхъ населенія и въ кругахъ церковныхъ многіе не знали латинскаго языка, т.-е. въ православныхъ областяхъ западной окраины Восточной Европы, т.-е. въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Малороссіи, Молдавіи и Валахіи, или же на Югѣ въ областяхъ населенія славянскаго и греческаго.

Но и въ этихъ странахъ, кромѣ развѣ внутреннихъ областей Балканскаго полуострова и очень глухихъ мѣсть бывшей Ромейской имперіи, мастеръ все же, прежде чѣмъ начать копировать надпись опускаемой имъ арки, могъ бы найти разумѣющаго по латыни человѣка, который и разъяснилъ бы ему, что трудъ воспроизводить табличку съ надписью — совершенно излишенъ и даже бессмысленъ.

Намъ казалось одно время весьма соблазнительнымъ предположеніе, что рельефъ могъ быть товарищемъ, такъ сказать, Потоцкому по Московской неволѣ, т.-е. что онъ былъ частью той несмѣтной и разнородной добычи, которую везли въ 1654 и 1655 годахъ изъ Литвы въ Москву и среди которой упоминаются предметы еще менѣе портативные, чѣмъ изучаемый нами каменный рельефъ¹⁾.

Такое предположеніе въ той или иной вариации, — купилъ ли Потоцкій рельефъ на Московскомъ базарѣ или уже въ самомъ Устюгѣ, — хорошо разъясняло бы цѣль и смыслъ того рискованнаго «перевода» латинской надписи, который далъ П. С. Потоцкій: при помощи этого «перевода» рельефу, какъ созданію Равноапостольнаго греческаго царя, открывался безпрепятственный входъ въ православную церковь, въ качествѣ ли воеводскаго вклада или въ качествѣ его собственной молебной тамъ иконы²⁾.

Но сколь ни заманчиво такое предположеніе, однако поддерживать его было бы не только произвольно, но и трудно: и въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ латинскій языкъ въ XVI и XVII в. былъ все же распространенъ настолько, что происшедшее съ надписью недоразумѣніе явилось бы, надо думать, лишь исключительною случайностью, строить на допущеніи которой изложенное предположеніе было бы крайнею степенью фантазіи.

Остается, слѣдовательно, исключить вслѣдъ за Западною Европою и страны, представлявшія собою переходъ отъ Западной Европы къ Восточной, и предполагать изготовленіе рельефа въ самой Московской Руси, гдѣ каменотесу или иконописцу, въ руки котораго попала итальянская гравюра, было не такъ легко найти толкователя для латинской ея надписи, почему онъ самъ, или заказчикъ рельефа, и могли придать надписи этой особое, вовсе неподобающее, — разъ они рѣшили опустить арку, — значеніе.

¹⁾ См. свидѣтельства очевидцевъ и современниковъ, приведенныя нами во II томѣ Трудовъ XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ (т. II, Москва, 1908, стр. 366), наковыя могутъ быть, конечно, значительно умножены.

²⁾ Объ этихъ собственныхъ иконахъ прихожанъ см. рассказы иностранцевъ, собранныя Т. Рущинскимъ (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. при Имп. Моск. Унив. 1871 г., кн. III, стр. 44—45).

Древности. Т. XXV.

О томъ, что рельефныя иконы, конечно по бóльшей части деревянныя, были въ Московской Руси, вопреки противнымъ утвержденіямъ большинства иностранныхъ о Московіи писателей¹⁾, не рѣдкостью, и въ частности иконы именно Георгія Побѣдоносца и при томъ особенно въ Сѣверной Россіи, объ этомъ намъ приходилось уже говорить выше (см. стр. 170), да и безъ того это достаточно извѣстно.

Конечно, по сравненію съ иконами, писанными на деревѣ, рѣзныхъ иконъ было гораздо менѣе, кромѣ того рѣзали почему-то иконы преимущественно лишь нѣкоторыхъ немногихъ святыхъ; послѣднее обстоятельство заслуживаетъ само по себѣ особаго нарочитаго изслѣдованія, которому здѣсь, конечно, не мѣсто и которое, если его кто-либо изъ нашихъ преемниковъ продѣлаетъ, приведетъ его, вѣроятно, къ инымъ заключеніямъ, чѣмъ приходили по этому вопросу наши предшественники (см. выше, стр. 170, прим. 3). Намъ же здѣсь интересуютъ, конечно, лишь иконы, или вообще иконныя изображенія, высѣченныя изъ камня, помимо, конечно, образковъ и крестиковъ малыхъ размѣровъ.

Насколько намъ извѣстно, для Московской Руси и для занимающаго насъ теперь періода XVI—XVII вѣковъ, число такихъ рельефовъ весьма ограничено. Не предпринимая длинныхъ и долгихъ поисковъ ихъ, мы упомянемъ здѣсь лишь объ одномъ, фотографія котораго сообщена намъ А. В. Орѣшниковымъ.

Шиферный рельефъ, хранящійся нынѣ въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ (см. рис. 30), интересенъ для насъ потому, что онъ представляетъ также изображеніе чуда св. Георгія о змѣи, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ рельефъ Успенскаго собора, — размѣры его всего $11\frac{1}{2} \times 10$ вершковъ, — но зато въ значительно болѣе тщательномъ исполненіи и въ совсѣмъ иномъ, русско-византійскомъ, типѣ.

По справкѣ съ «Очерками» К. Тромонина²⁾, этотъ рельефъ оказался тѣмъ

¹⁾ См. *Л. Руцинскій*, у. с., стр. 82—83; *Węslowski*, о. с., р. 48—50 (о Николѣ Можайскомъ) *Guy Miège*, авторъ описанія посольства *Карлейля* (см. выше, стр. 204, прим. 2), имѣвшій возможность посѣщать русскія церкви лишь на пути между Архангельскомъ и Вологдой (англ. изд., р. 89; франц. 1885 г., р. 32), отмѣчая отсутствіе въ церквахъ скульптуры (англ. изд., р. 70; франц., р. 335), утверждаетъ, якобы иконъ въ церквахъ у Московитовъ кромѣ Распятія и Б. М. очень мало и что главныя между ними суть Іоанна Евангелиста, св. Георгія и Николая Чудотворца, патрона Московіи (франц. изд., стр. 355).

²⁾ Подписанная буквою С., т.-е. принадлежащая И. М. Снегиреву (см. выше, стр. 151, прим. 2), статья въ «Очеркахъ» *К. Тромонина*, гдѣ «Очеркъ 83» и даетъ довольно грубый литографическій рисунокъ рельефа (размѣръ изображенія $0,154 \times 0,182$, подпись: *Св. Великомуч. и Побѣдоносца Георгій*), носитъ заглавіе: Барельефъ, изображающій св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и помѣщена на стр. 228—234, при чемъ, однако, она кончается на стр. 232, являющейся послѣднею страницей 26-го листа, на страницахъ же 233—234 оказывается не связанное съ предыдущимъ болѣе подробное изложеніе того же, что на стр. 231—232, и буквальное повтореніе послѣдняго раздѣла стр. 232, т.-е. какъ бы конецъ иной, болѣе полной редакціи статьи; хотя стр. 234 является второю страницей 30 листа, но на ней внизу имѣется цензурное разрѣшеніе отъ 23 сентября 1840 года, такъ что она какъ бы должна была кончать собою предыдущую тетрадь. Объяснить эту странность мы, пользовавшіеся единственнымъ, который удалось намъ найти, и то не полнымъ, экземпляромъ «Очеркомъ», который намъ любезно присланъ былъ Управленіемъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, не можемъ.

Сама статья *Снегирева* содержитъ въ себѣ описаніе рельефа (228—9). «Лица, костюмы и зданія на этомъ барельефѣ византійскаго штиля, какому работѣнно подражалъ Русскій ваятель... который «весьма вѣроятно имѣлъ образцомъ» древнія иконы. Слѣдуетъ исчисленіе иныхъ сходныхъ изображеній св. Георгія: въ Староладожской церкви, «сооруженной въ XII или въ XIII вѣкѣ», «на Римскомъ барельефѣ, описанномъ профессоромъ Снегиревымъ», въ «Новгородскомъ Софійскомъ Архіерейскомъ

самымъ, который описывалъ нѣкогда, какъ мы видѣли выше (стр. 151, пр. 2) И. М. Снегиревъ и который онъ издалъ, какъ указалъ мнѣ А. В. Орѣшниковъ,

Рис. 30. Рельефное изображеніе чуда св. Георгія о змѣи, принадлежавшее И. Н. Царскому.

домъ хранится между прочими рѣзными иконами искусное изваяніе изъ дерева С. Георгія на конѣ съ поверженнымъ подъ ногами змѣемъ; вышиною оно въ аршинъ», и каменное изваяніе въ Судакѣ. Излагается изображаемое чудо, упоминаются изображенія его Джіотто и Рафаэля, приводится описаніе изображенія св. Георгія изъ Устюжскаго подлинника, начала XVII вѣка: стоящимъ воиномъ, цитата изъ Кодина (см. выше, стр. 145), а затѣмъ разсматривается вопросъ, «справедливо ли почитался за св. Георгія всадникъ съ мечомъ и копьемъ на печатяхъ, монетахъ и гербахъ Русскихъ». Кончается статья опредѣленіемъ времени рельефа: «вѣроятно, не ранѣе XVII вѣка, ибо тогда съ Запада проникло въ Россію употребленіе ваянія, и появились многія произведенія онаго въ Москвѣ», и выдержкою изъ указа 1722 г. объ употребленіи «рѣзныхъ и отливныхъ иконъ».

Такимъ образомъ ничего существенно важнаго ни объ издаваемомъ имъ рельефѣ, ни объ изображеніяхъ св. Георгія, вообще, статья эта сравнительно съ изложенными выше не содержитъ.

Не содержитъ она и указанія на прежняго владѣльца рельефа, которое имѣется въ упоминавшейся выше статьѣ И. Сахарова (Московскій гербъ. С.-Пб. 1856, стр. 20, 30, табл. I, рис. 3): «по разсказамъ И. Н. Царскаго, барельефъ этотъ перешелъ къ нему изъ московскаго дома гг. Нарышкиныхъ».

Въ Историческій же музей онъ былъ пожертвованъ въ 1891 г. И. М. Зайцевскимъ.

еще разъ въ 1842 году, съ приложеніемъ той же литографіи Тромонина¹⁾; для нашей темы онъ интересенъ, какъ примѣръ рельефной иконы, слѣдующей традиціонному византійско-русскому, а не западному, типу и принадлежащей къ нѣскольکو болѣе позднему времени: къ концу, полагаемъ, XVII вѣка.

Конечно, этотъ рельефъ и по относительной тонкости работы и по близости композиціи къ иконамъ на деревѣ и, наконецъ, по самой величинѣ гораздо ближе подходитъ къ русскимъ образамъ, являясь какъ бы увеличеніемъ маленькаго каменнаго или бронзоваго тѣльника, нежели Устюжскій рельефъ почти монументальныхъ размѣровъ, болѣе годный стоять гдѣ-либо въ стѣнѣ или надъ крѣпостными воротами, чѣмъ на ряду съ иконами въ иконостасѣ, какъ то было въ Борисоглѣбской церкви, если вѣрить Устюжскому «Сказанію».

Болѣе близкими аналогіями Устюжскому рельефу по размѣрамъ и по грубости работы явятся, слѣдовательно, — если не восходить до рельефовъ Владиміро-Суздальской области, — нѣкоторые Новгородскіе и иные памятные кресты, украшаемые иногда и фигурными изображеніями. Существованіе ихъ даетъ намъ возможность предполагать, что и Устюжскій рельефъ могъ быть вытесанъ въ Россіи русскимъ, весьма неумѣлымъ, мастеромъ, но по указанной выше итальянской гравюрѣ конца XV вѣка.

Русскими традиціями и представленіями пытались мы выше объяснить существеннѣйшія измѣненія противъ оригинала: поворотъ всадника и, слѣдовательно, всей, связанной съ нимъ, композиціи слѣва направо и устраненіе змѣя съ гребня шлема святого; русской же индифферентностью къ антику, помимо значительныхъ практическихъ трудностей въ передачѣ всѣхъ деталей Константиновой арки, естественно объясняется и оцущеніе ея на рельефѣ.

Пользованіе предполагаемаго русскаго мастера западною гравюрою какъ образцомъ для изображенія чуда св. Георгія со змѣемъ не представляетъ собою ничего невѣроятнаго и необычнаго: не говоря уже объ указанныхъ еще Д. А. Ровинскимъ (Обозр. иконоп. въ Россіи, 2-е изд. 1903, стр. 8—9, 10) примѣрахъ воспроизведенія со середины XVI в. русскими иконописцами итальянскихъ композицій и объ еще болѣе сложномъ, усердно теперь изучаемомъ, вопросѣ о несомнѣнномъ сходствѣ многихъ русскихъ иконописныхъ памятниковъ даже начала XV вѣка съ раннеитальянскими, въ исторіи русскаго иконописанія, такъ же какъ и такъ наз. италогреческаго²⁾, извѣстно не мало примѣровъ точнаго воспроизведенія иконописцами западно-европейскихъ оригиналовъ преимущественно, конечно, по гравюрамъ, какъ наиболѣе удобопереносимымъ и дешевымъ образцамъ ихъ; здѣсь нѣтъ нужды повторять неоднократно уже собранныя свидѣтельства и примѣры воспроизведенія русскими иконописцами западно-европейскихъ гравюръ. Пользованіе ими было,

¹⁾ Прибавленія къ «Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», 9 мая 1842, № 19, въ статьѣ: «О старинномъ барельефѣ, изображающемъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія, и о времени, когда сей святой вошелъ въ гербъ російскій». Эту статью *Снегиревъ* и упоминаетъ, очевидно, въ своемъ дневникѣ подъ 5 и 8 апрѣля 1842 г. (см. выше, стр. 157, прим. 2).

²⁾ *Н. П. Лихачевъ*, Историческое значеніе итадо-греческой иконописи. С.-Пб., 1911, 1^е стр. 11, табл. I и рис. 9.

кажется, шире, чѣмъ намъ теперь кажется и чѣмъ показываютъ то сохранившіеся памятники: рассказъ Павла Алеппскаго (Путешествіе патр. Макарія, перев. Муркоса, вып. III, стр. 135—137) о гоненіи, воздвигнутомъ патриархомъ Никономъ на такія иконы западнаго характера, указываетъ на распространеніе ихъ именно въ половинѣ XVII вѣка, т.-е. въ предѣлахъ того времени, когда долженъ былъ быть вытесанъ и Устюжскій рельефъ.

Какими путями попала на Русь итальянская гравюра конца XV в., послужившая оригиналомъ для каменотеса, мы не знаемъ; путей этихъ было нѣсколько: отъ Шведовъ и Нѣмцевъ, чрезъ Новгородъ или Псковъ, отъ Поляковъ, чрезъ Литву или Украину; не невозможенъ, конечно, былъ и привозъ ея съ Юга, греческими купцами; наконецъ былъ и сѣверный морской путь изъ Англій, шедшій какъ разъ черезъ Великій Устюгъ.

Въ послѣднемъ, если вѣрить позднимъ Устюжскимъ лѣтописцамъ, было даже особое поселеніе иноземцевъ, но мы для указываемаго лѣтописцами періода иныхъ, болѣе надежныхъ данныхъ не знаемъ; о существованіи англійскаго торговаго двора въ Устюгѣ до закрытія ихъ въ 1649 году специальный изслѣдователь сношеній Англій съ Россіей не упоминаетъ¹⁾. Но существованіе такой «нѣмецкой слободы» вовсе, конечно, и не было необходимымъ для того, чтобы гравюра могла попасть въ Устюгъ. Его торговое и промышленное значеніе въ XVI и XVII вѣкахъ было весьма велико; на ряду съ иными ремеслами процвѣтала тамъ и иконопись, а слѣдовательно были тамъ и подлинники и письменные, и лицевые, и собранія прорисей и, по всему вѣроятію, западно-европейскихъ гравюръ. Сколь ни мало удобна для такой дальней перевозки была большая и старая итальянская гравюра, но и она могла, разумѣется, попасть въ Устюгъ, какъ и въ иной изъ значительныхъ городовъ Московіи.

Такимъ образомъ, является само по себѣ допустимымъ и наиболѣе простое предположеніе, что Устюжскій рельефъ могъ быть исполненъ именно тамъ, откуда привезли его позднѣе въ Москву, т.-е. въ самомъ Устюгѣ Великомъ.

Такой простѣйшей гипотезѣ какъ будто противорѣчитъ однако приведенное выше свидѣтельство описателя посольства Карлейля (см. выше), что въ Устюгѣ, несмотря на его величину, не было ни одного каменнаго зданія; конечно, городъ,

¹⁾ *Гамель*, Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. С.-Пб. 1865 и 1869. (Приложенія къ VIII т., № 1, и къ XV т., № 2, Записокъ Императ. Академіи Наукъ.)

Титовъ. Лѣтопись Великоустюжская, стр. 48, подъ 1553 г., и стр. 57, подъ 1618 г. Первое извѣстіе взято изъ Суворовскаго Лѣтописца (Устюжскій Лѣтописецъ. Вологда, 1874, стр. 108) и является лишь перенесеніемъ подъ этотъ, взятый изъ Карамзина, годъ втораго мѣстнаго извѣстія, болѣе надежнаго: «Англичане и голландцы начали производить торгъ съ Устюжанами, комиссіонеры же ихъ, пребывая въ Устюгѣ, селились около Іоанно-Предтеченскаго монастыря на лугу. Почему и названо то мѣсто «Нѣмчиновымъ ручьемъ». Однако и ему, не зная источника, вполнѣ довѣрять мы не можемъ. У *Гамеля* (у. с., стр. 240, прим.) находимъ лишь выписку изъ царской грамоты отъ 7126 (1618 г.) августа 20-го, о томъ, что «по Государеву указу велено послу (Дудли Диггеу) постоять на Устюгѣ великой»; но на дѣлѣ онъ въ Москву и не ѣздилъ, а другіе члены его посольства проѣхали, видимо, не останавливаясь въ Устюгѣ надолго: возможно, что копія этой грамоты и дала поводъ составителю Устюжскаго лѣтописца о. Льву Володину, начало иностранной колоніи въ Устюгѣ отнести къ этому 1618 году.

какъ и большинство московскихъ городовъ, былъ деревянный, таковы же были и стѣны его, таковы же и церкви, и единственное, извѣстное намъ для того времени, исключеніе: соборная Успенская церковь, которая была каменною съ 1619 года¹⁾, лишь подтверждаетъ вѣрность общаго положенія, что Великій Устюгъ былъ тогда деревяннымъ.

Но это положеніе не можетъ, конечно, совершенно исключать возможность изготовленія въ Устюгѣ въ XVI или первой половинѣ XVII вѣка отдѣльнаго каменнаго рельефа; для такой возможности нужны не столько каменные зданія, сколько камень и каменотесы.

Недостатка въ первомъ въ Устюгѣ не было: по Сѣверной Двинѣ, по Сухонѣ и по Югу во многихъ мѣстахъ обнажаются залежи плитняка²⁾; эти же каменные слои образуютъ и близкіе къ Устюгу пороги на Сухонѣ. Въ самомъ Устюгѣ, не прибѣгая къ воспоминаніямъ о каменномъ дождѣ, отвращенномъ св. Прокопіемъ, мы находимъ упоминанія о камнѣ, на которомъ любилъ сидѣть Прокопій, молясь за плавающихъ, и который потомъ былъ положенъ на его могилу (Житіе, изд. 1893, стр. 48, 65, 80); на мѣстѣ смерти святого, близъ Архангельскаго монастыря, поставленъ былъ «крестъ каменной на взрубцѣ» (ibid., стр. 65).

По разсказу Житія выходитъ, что этотъ крестъ поставленъ былъ немедленно по смерти святого³⁾ и что онъ сохранялся до времени составленія Житія: «крестъ же той видимъ человѣки и до сего дни» (стр. 65).

Какой крестъ видѣли тамъ во время написанія Житія, мы не знаемъ: вѣроятнѣе всего думать, что это былъ простой каменный крестъ, каковыхъ не мало въ Новгородской области; можетъ быть, онъ былъ вытесанъ нарочито для того, чтобы обозначить мѣсто, гдѣ найдено было тѣло подъ снѣжнымъ сугробомъ (Житіе, стр. 62, 63, 64), а, можетъ быть, для этого взяли былъ и какой-либо старый крестъ, если только онъ не стоялъ тамъ и ранѣе.

Къ сожалѣнію, отсутствіе какихъ-либо иныхъ подробностей о крестѣ этомъ лишаетъ Житіе одного изъ хронологическихъ критеріевъ для сужденія о времени написанія самого Житія: дѣло въ томъ, что каменный крестъ, который стоялъ на

¹⁾ *Титовъ*, у. с., стр. 57; *Суворовъ*, у. с., стр. 114 и 115: освященъ соборъ въ 1622 г.

²⁾ Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 году. Дневникъ П. И. Челищева, изданъ подъ редакц. *Л. Н. Майкова* (Обществомъ Любит. Древней Письменности). С.-Пб. 1886, стр. 126: ... «Другіе (въ Холмогорскомъ уѣздѣ), собирая по берегамъ Двины и прочихъ рѣкъ плиты, круглое камень и алебастръ, тешутъ стѣнныя и половыя плиты и для продажи отвозятъ ихъ Двиною въ Архангельскъ и Великій Устюгъ».

П. Савваитовъ упоминаетъ («Москвитянинъ», 1842, ч. VI, стр. 332) въ Троицкомъ Гledenскомъ, близъ Устюга, монастырѣ «полю изъ бѣлаго камня, добываемаго на Двинѣ и частію на Сухонѣ».

«Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи». VII. Вологодская губернія. С.-Пб. 1886, стр. V. «Бѣлый известковый камень выламывается въ большомъ количествѣ по берегамъ рѣкъ: Вели, Сухоны, Юга, Вычегды, Сысолы, Выми и Печеры: его называютъ здѣсь «опокою».

³⁾ Точно годъ этотъ не установленъ: Устюжскій Лѣтописецъ Архангельскаго монастыря даетъ 1285 годъ; житіе — 1303, подозрительно схожій съ 303 г. смерти великомученика Прокопія въ Кесаріи, въ память котораго (8-го іюля) установлено празднованіе и памяти св. Прокопія Устюжскаго (см. *Архивъ Сергія*, Полный Мѣсяцесловъ Востока. Владиміръ, 1901, т. II, стр. 205, 206; дополн. стр. 259—260); наконецъ *Е. Е. Голубинскій* смерть св. Прокопія полагаетъ въ концѣ XIV или началѣ XV (см. выше, стр. 172, прим. 1).

указанномъ мѣстѣ до 1737 года, вытесанъ былъ лишь въ 1625 году по повелѣнію того игумена Варлаама, который составилъ, быть можетъ (см. выше стр. 172, примѣч.), старѣйшій изъ Устюжскихъ лѣтописцевъ.

Извѣстіе о постановкѣ имъ этого креста отмѣчается въ позднѣйшихъ Устюжскихъ лѣтописцахъ, какъ при разсказѣ о смерти св. Прокопія, такъ и подъ 1625 годомъ, годомъ сооруженія креста.

Приведенная П. И. Савваитовымъ¹⁾ выписка изъ Лѣтописца, хранящагося въ Архангельскомъ монастырѣ, сообщаетъ намъ о крестѣ этомъ слѣдующія подробности: «крестъ высѣченъ изъ бѣлаго камня, на которомъ Распятіе Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа изображено», самъ же П. Савваитовъ ограничился (у. с., стр. 21) приведеніемъ надписей на немъ и размѣровъ: «длина три четверти, а ширина полъ-аршина»²⁾.

Такимъ образомъ, является вещественное доказательство того, что въ Великомъ Устюгѣ въ то именно время, когда долженъ былъ быть исполненъ Устюжскій рельефъ св. Георгія, были мастера, которые могли вытесывать изъ мѣстнаго бѣлаго камня и фигурныя изображенія. Возможность исполненія рельефа Московскаго Успенскаго собора въ самомъ Устюгѣ, откуда рельефъ былъ привезенъ, становится такимъ образомъ неоспоримой.

Къ сожалѣнію, однако этою возможностью лишь мы и принуждены ограничить свои догадки о мѣстѣ и времени перенесенія элементовъ итальянской гравюры на русскій бѣлый камень. Помимо того, что трудно говорить о стилѣ и рукѣ мастера въ столь грубомъ и художественно беспомощномъ произведеніи, какъ рельефъ, хранящійся нынѣ среди святыхъ Московскаго Успенскаго собора, мы лишены возможности сравнить работу этого рельефа съ работою Устюжскаго каменнаго креста, который, насколько намъ извѣстно, не изданъ.

По любезному сообщенію Н. Е. Макаренко, видѣвшаго этотъ крестъ, онъ не могъ быть имъ фотографированъ, такъ какъ стоитъ нынѣ въ неудобномъ темномъ мѣстѣ и завѣшанъ благочестивыми приношеніями.

Невозможность имѣть хоть какое-либо представленіе о рельефѣ на каменномъ крестѣ Великоустюжскаго Архангельскаго монастыря для насъ тѣмъ досаднѣе, что

¹⁾ Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго и приписнаго къ нему Троицкаго Гledenскаго монастырей, составленное П. Савваитовымъ. Санктпетербургъ, 1848, 8^о, стр. 40; ср. *Суворовъ*, у. с., стр. 85, 115; *Шляпинъ*, у. с., стр. 37, прим., и др.

²⁾ Выписка П. И. Савваитова изъ Лѣтописца Архангельскаго Монастыря (у. с., стр. 40), послѣ приведеннаго въ текстѣ описанія креста гласитъ: «но оный животворящій крестъ святой послѣ перенесенъ и поставленъ въ теплой церкви Введенія Пр. Богородицы въ трапезѣ, по правую сторону идучи въ церковь, идѣ же и до нынѣ видимъ, а часовни на томъ мѣстѣ уже не имѣется». Къ этому другіе Устюжскіе лѣтописцы добавляют (*А. А. Титовъ*, у. с., стр. 20), «только образъ успенія праведнаго чудотворца Прокопія на томъ мѣстѣ на стѣнѣ изображенъ». Стѣна эта, каменная, начата была постройкою въ 1732 г. и окончена въ 1737 г. (*Н. Суворовъ*, Устюжскій Лѣтописецъ, стр. 129; *А. А. Титовъ*, стр. 81—82; *В. П. Шляпинъ*, у. с., стр. 37, прим.); при разборѣ и уничтоженіи при этомъ часовни, гдѣ стоялъ образъ успенія св. Прокопія и каменный крестъ, послѣдній и былъ перенесенъ въ трапезу Введенской церкви; новая же часовня на томъ же (?) мѣстѣ построена была лишь въ 1815 г. (*А. А. Титовъ*, у. с., стр. 125; *В. П. Шляпинъ*, у. с., стр. 37) или 1817—20 году (*Н. Суворовъ*, Уст. Лѣт., стр. 151; *А. А. Титовъ*, у. с., стр. 128).

крестъ этотъ не только точно датированъ, но имѣетъ еще и подпись мастера: «лѣта 7133 при архимандритѣ Варлаамѣ вытесалъ Мисаилъ»¹⁾).

Не изъ-подъ того ли же неумѣлаго рѣза вышло въ началѣ XVII в. и рельефное изваяніе чуда св. Георгія со змѣемъ, разысканіе о несовсѣмъ обычныхъ судьбахъ и толкованіяхъ котораго приняло здѣсь столь необычные и, пожалуй, не соответствующіе самому предмету изслѣдованія размѣры?

Если послѣ всего этого положительный вопросъ относительно мѣста и времени исполненія рельефа и остается нерѣшеннымъ и надежды на его рѣшеніе приходится возложить на дальнѣйшія изысканія, то выполненной полагаемъ мы отрицательную часть нашихъ изысканій: какъ «переводъ» надписи П. С. Потоцкимъ, такъ и толкованіе изображенія И. М. Снегиревымъ должны быть окончательно сданы въ архивъ, а съ ними и та слава Константиновскаго моленія, ради которой выписанъ былъ рельефъ въ 1678 г. изъ Великаго Устюга въ Москву.

Я. И. Смирновъ.

¹⁾ Въ «Актахъ Велико-Юстюжскаго Михайло-Архангельскаго Монастыря», которые издалъ В. П. Шляпинъ, намъ встрѣтилось имя Мисаила трижды: какъ вкладчикъ «изъ Перми Великія отъ Соли отъ Камскія священникъ Мисаило», давшій монастырю пять рублевъ денегъ 9-го марта 1609 г. (у. с., ч. II. Великій Устюгъ. 1913, стр. 187, № 493), какъ «священникъ Мисаило изъ Сибири», додавшій 26 августа 1611 г. «къ лошади два рубля вкладу» (ibid., стр. 194, № 589) и, наконецъ, «7121 (1613) іюля въ 9 день, далъ вкладу черныи попъ Мисаило, пострижаникъ Сисьскаго монастыря 19 куницъ, да 4 рубля денегъ» (ibid., стр. 201, № 688).

Если тождество между собою двухъ первыхъ и возможно, то менѣе вѣроятно, чтобы тѣмъ же лицомъ былъ и третій, такъ какъ при постриженіи измѣнено было бы его прежнее имя; если же тождество всѣхъ трехъ лицъ могло быть установлено, то при относительной рѣдкости имени Мисаила и трикратности вкладовъ этого лица въ Устюжскій Архангельскій монастырь являлось бы весьма вѣроятнымъ, что имъ же черезъ 12 лѣтъ вытесанъ, или, по крайней мѣрѣ, заказанъ былъ, каменный крестъ съ Распятіемъ и орудіями Страстей, поставленный на предполагаемомъ мѣстѣ кончины св. Проконія. Впрочемъ, строго говоря, заключеніе В. Шляпина (Житіе Проконія Праведнаго и т. д. 1903, стр. 37, прим.), что вытесанный въ 1625 г. крестъ «поставленъ могъ быть на мѣстѣ кончины прав. Проконія не ранѣе 1625 года», не совсѣмъ правильно: надпись можетъ относиться только къ рельефу, а не къ самому кресту, который могъ стоять тутъ, если вѣрить показанію Житія св. Проконія, и ранѣе.

Къ сожалѣнію, Житіе издано по спискамъ XVII в., и мы не знаемъ, есть ли упоминанія о крестѣ и часовнѣ въ тѣхъ рукописяхъ его, которыя относятся еще къ XVI вѣку (см. ихъ перечень у Н. Барсукова. Источники русской агиографіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 461—464). Какъ этотъ, такъ и многіе иные вопросы по исторіи Устюга и его памятниковъ ждутъ еще нарочитыхъ изысканій и на мѣстѣ и въ бібліотекахъ. При нихъ найдутся, надѣмся, новыя и ясныя данныя и по исторіи Устюжскаго изваянія св. Георгія.

Лицевой Букварь Каріона Истомина.

О Каріонѣ Истоминѣ, писателѣ конца XVII—нач. XVIII в., имѣется обширное изслѣдованіе С. Н. Брайловскаго: «Одинъ изъ пѣстрыхъ XVII-го столѣтія» (Зап. Имп. Акад. Н., VIIIe série, по Историко-Филологич. отдѣл., т. V, № 5, С.-Пб. 1902); ранѣе тѣмъ же авторомъ была напечатана въ «Чтеніяхъ въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ.» (М. 1889, апрѣль, стр. 346—374, май, стр. 439—464, іюнь, стр. 538—592) статья «Каріонъ Истоминъ, его жизнь и сочиненія», съ нѣкоторыми подробностями, не вошедшими въ указанную выше его работу. Въ обоихъ этихъ трудахъ (далѣе, для сокращенія, мы ихъ обозначаемъ — изслѣдов. и статья) С. Н. Брайловскій удѣляетъ не мало мѣста и обслѣдованію составленнаго Каріономъ Букваря въ лицахъ¹⁾; къ сожалѣнію, неполнота матеріала, бывшаго въ распоряженіи автора, не дала ему возможности вѣрно отвѣтить на всѣ, поставленные имъ, вопросы касательно этого Букваря, одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ конца XVII в.

Личность и дѣятельность Каріона Истомина насъ интересовала уже давно, но въ послѣднее время, въ связи съ работой по редактированію посмертнаго изданія сочиненія И. Е. Забѣлина «Домашній Бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст.», ч. 2-я, гдѣ авторъ касается и Букваря Истомина, мы и сами рѣшили заняться изслѣдованіемъ этого памятника. Обстоятельства намъ благопріятствовали: съ одной стороны, благодаря просвѣщенному содѣйствію гр. П. С. Уваровой и В. К. Трутовскаго, мы имѣли возможность непосредственно обслѣдовать три лицевыхъ списка Букваря, хранящіеся — два въ собраніи графовъ Уваровыхъ въ Порѣчьи и одинъ въ Домѣ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ въ Москвѣ, съ другой — намъ удалось путемъ сличенія списковъ Букваря съ печатными его экземплярами прійти, какъ намъ кажется, къ приблизительно вѣрному рѣшенію вопроса о взаимномъ ихъ соотношеніи. Эти данныя, а также согласіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества издать въ ближайшемъ томѣ «Древностей» Букварь Каріона Истомина во всѣхъ его разновидностяхъ побудили насъ не откладывать на долгій срокъ продолженія начатой нами работы, и мы рѣшились, не смотря на то, что многое осталось нами еще не выясненнымъ, выступить теперь же въ печати съ обнаруженіемъ выводовъ, къ которымъ привело уже насъ начатое нами обслѣдованіе Букваря.

¹⁾ Такъ называетъ свой Букварь самъ Каріонъ, нами ради удобства этотъ Букварь называется вездѣ, гдѣ это надо, — лицевымъ.

Изъ извѣстныхъ намъ пяти списковъ Букваря, только одинъ списанъ съ печатнаго экземпляра, остальные четыре все старше печатныхъ изданій, а одинъ изъ нихъ — оригиналъ Букваря, автографъ самого Каріона.

Этотъ послѣдній списокъ, дошедшій до насъ въ хранящемся въ Московской Синодальной Библиотекѣ рукописномъ сборникѣ Чудова монастыря (№ 100/302) въ 4^о, въ печати почти неизвѣстенъ; о немъ только и упомянуто С. Н. Брайлоскимъ въ его изслѣдов.: «лл. 1—16: Букварь Кар. Истомина 1692—93 года», чего-либо другого объ этомъ списокѣ авторъ не нашелъ сказать. Въ отличіе отъ другихъ списковъ и печатныхъ экземпляровъ, въ немъ еще нѣтъ изображеній предметовъ и фигурныхъ и орнаментированныхъ буквъ, а въ виршахъ каждые два стиха идутъ въ рядъ на одной строкѣ. Впрочемъ, обликъ страницъ Букваря уже намѣченъ и въ немъ, такъ, верхняя строка, рѣдко двѣ, удѣлена начертаніямъ буквъ славянскаго алфавита, ниже — двѣ строки, рѣже одна или три, отведены наименованіямъ предметовъ, которые составитель хотѣлъ изобразить въ Букварѣ, еще ниже — пять строкъ удѣлены виршамъ. Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ автографѣ Каріона, мы издаемъ на *рис. 31* въ натуральную величину оригинала первую страницу его (л. 1^о) съ текстомъ выходнаго листа и страницы на букву **Я**, замѣтимъ, что вмѣсто обычной въ другихъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ подписи на выходномъ листѣ въ этомъ списокѣ только и есть: «счинися меншимъ іро»¹⁾; далѣе идетъ текстъ страницъ на прочія буквы и заключительной страницы съ Благодареніемъ Господу Богу, Божьей Матери и всеѣмъ святымъ (лл. 1^о об., 2^о—2^о об., 3—16), затѣмъ на л. 16 Каріономъ добавлено: «Начало праздниковъ сій день зовется, вонъже радость благовѣствованія всему міру бысть. Возгремѣ бо гласъ съ небесе чрезъ архангела Гавріила, Пречистѣй Дѣвѣ Маріи радуйся благодатная Господь съ тобою, ею же и съ нами благоволи рождшися плотію быти и спасти весь человѣческій родъ. Тѣмъ же въ таковомъ праздника сего началѣ, ваша пресвѣтлость въ лѣтѣхъ далечайше въ мирѣ и благополученіи да жителствуете. Посему и вѣчное въ небесѣхъ царство со всеѣми да получите», а на л. 16 об. — двѣ подписи Каріона, помѣщенныя въ подносныхъ спискахъ Букваря послѣ Посвященія царицѣ Наталіи Кирилловнѣ и Слова читателю (издаются въ *приложеніи 1-мъ*). Въ этомъ черновомъ списокѣ Букваря, какъ отчасти мы видимъ и на прилагаемомъ снимкѣ, составителемъ дѣлались поправки и въ текстѣ виршъ и въ перечнѣ предметовъ, намѣчаемыхъ къ изображенію, при чемъ нѣкоторыя наименованія добавлялись (напр. на страницѣ на букву **Я** киноварью приписано — афродита звѣзда), другія зачеркивались. (Списокъ этотъ мы обозначаемъ буквой **Ч**).

Второй списокъ дошелъ до насъ въ сборникѣ въ 1^о, хранящемся въ собраніи рукописей графовъ Уваровыхъ въ Порѣчѣ (№ 73), о немъ см. въ «Систематич. описаніи славяно-россійскихъ рукописей собранія Графа А. С. Уварова» архим. Леонида (ч. IV, М. 1894, стр. 499—500, № 2098), С. Н. Брайлоскому онъ остался неизвѣстенъ. Въ этомъ списокѣ помѣщены: Посвященіе царицѣ Ната-

¹⁾ Здѣсь, какъ и далѣе, правописаніе оригинала мы не сохраняемъ, раскрываемъ титла, замѣняемъ славянскія буквы равнозначными русскими и пр.

ліи Кирилловнѣ и Слово читателю, безъ указанныхъ, впрочемъ, выше подписей Каріона; каждая страница Букваря приняла уже тотъ видъ, какой она имѣетъ и въ другихъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ, только фигурныя буквы и изображенія предметовъ писаны въ краскахъ, но безъ золота, нѣтъ также надписей надъ изображеніями предметовъ. Первая страница Посвященія заключена въ рамку въ видѣ тонкаго зеленаго ободка, вверху въ гирляндѣ изъ цвѣтовъ — Господь Вседержитель на престолѣ, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой — раскрытая книга, по сторонамъ — по три ученика съ свитками и тетрадами, надписей нѣтъ. Выходной листъ заключенъ въ орнаментированную черневую рамку, вверху — Деисусъ. Списокъ — не очень хорошей сохранности, на нѣкоторыхъ листахъ утрачена часть виршъ, на другихъ повреждена и верхняя половина съ начертаніями буквъ и изображеніями предметовъ, листа на буквы Г и Д не достаетъ совсѣмъ. Переплетъ сборника позднѣй XIX в., на корешкѣ тиснены: «73», «Сочиненія Каріона Историана», «А У» подъ графской короной; на внутренней сторонѣ верхней крышки — ярлычокъ съ ex libris'омъ гр. А. С. Уварова и № 73. Карандашомъ къ-то было написано «нач. XVIII в.», но затѣмъ зачеркнуто и вновь написано «исх. XVII в.». Списокъ этотъ интересенъ тѣмъ, что изъ него, повидимому, какъ мы укажемъ ниже, взяли Бунинымъ текстъ виршъ для печатнаго изданія; кромѣ того, помѣщенный въ одномъ сборникѣ на ряду съ другими однородными съ нимъ произведеніями Каріона (Градь царства небеснаго, Едемъ, Екклесія), онъ яснѣе опредѣляетъ заданія составителя Букваря¹⁾. (Этотъ списокъ мы обозначаемъ буквой У).

Третій списокъ въ 1^о, значащійся подъ № 248/449 въ собраніи рукописей Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, хранится въ Домѣ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ въ Москвѣ, описанъ онъ въ рукописномъ каталогѣ рукописей Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, а затѣмъ значительно полнѣе въ указанной выше статьѣ С. Н. Брайловскаго (іюнь, стр. 551—557), упомянуть также въ составленномъ И. О. Токмаковымъ «Хронологич. Каталогѣ Славяно-русск. книгъ церковной печати съ 1517 по 1821 г. Библиот. Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ» (Спб. 1879, стр. 17), а затѣмъ, но почему-то какъ автографъ Каріона, въ «Описи Московской Оружейной Палаты» (ч. 7, т. 10, М. 1893, стр. 22, № 9463), при чемъ на приложенной къ «Описи» фототипіи худ. Панова воспроизведены изъ этого списка въ уменьшенномъ видѣ (13×7,3 см.) двѣ страницы на буквы П и Р. Этотъ великолѣпный экземпляръ Букваря, писанный красками и золотомъ, повидимому, и былъ поднесенъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Въ этомъ списокѣ не только первая страница Посвященія, но всѣ онѣ безъ исключенія заключены въ рамки въ видѣ тонкаго зеленаго ободка; на первой страницѣ Посвященія — заставка: въ центрѣ, въ овалѣ — Господь Вседержитель на херувимахъ съ скипетромъ въ лѣвой рукѣ, правой — благословляетъ, другая заставка (съ крестомъ въ центрѣ) — на первой страницѣ Слова читателю, на выходномъ листѣ вмѣсто заставки изображенъ Спаситель благословляющій, въ ростъ, на облакахъ, въ лѣвой

¹⁾ Объ этомъ интересномъ сборникѣ мы намѣрены говорить въ особой статьѣ.

рукѣ держать раскрытую книгу съ надписями: «научитесь отъ мене» и «испытайте писанія»; первыя буквы текста Посвященія и Слова — **И** и **Л** — фигурныя, въ концѣ Посвященія изображенъ цвѣтокъ съ бутонами и распустившимися цвѣтами. Въ этомъ списокѣ добавленъ впереди заглавный листъ, а послѣ Посвященія и Слова и указанныя выше подписи Каріона. Списокъ — довольно хорошей сохранности, повреждены только немного страницы на буквы **Г**, **Д**, **М**, **Н**, утрачена часть листа на буквы **Б** и **В** (на подклейкѣ — водяной бумажный знакъ — Ярославскій гербъ) и не достаетъ листа на буквы **И** и **Ѣ**. Переплетъ начала XIX в. (водяные бумажные знаки на переплетныхъ листахъ — «1817» и «УФЛП») — доски картонныя облочены шелковой матеріей съ шитыми серебромъ цвѣтами, корешокъ изъ красной кожи, на верхней крышкѣ — ярлычокъ, сохранившійся отъ болѣе ранняго переплета XVIII в. съ надписью: «Букварь царевича Алексѣя Петровича», въ XIX в. на ярлычкѣ приписано: «1693.—», на корешкѣ — два ярлычка съ цифрами: «9» и «449», на первомъ переплетномъ листѣ карандашомъ написано: «Прих. Кн. О. П. 9463» (=№ Описи Моск. Оруж. Палаты). (Этотъ списокъ мы обозначаемъ буквой **А**).

Четвертый списокъ въ 1^о, принадлежавшій ранѣе И. Н. Царскому, хранится въ собраніи рукописей графовъ Уваровыхъ въ Порѣчьи (№ 92); впервые онъ упоминается въ «Каталогѣ слав.-росс. рукописей, принадлеж.... И. Н. Царскому» (М. 1836, стр. 20, II, № 78), затѣмъ описанъ П. М. Строевымъ въ его трудѣ: «Рукописи слав. и росс., принадлеж.... И. Н. Царскому» (М. 1848, стр. 8—9, № 24), — это описаніе безъ измѣненій внесено въ указ. выше «Систематич. опис. слав.-росс. рукописей собр. Гр. А. С. Уварова» архим. Леонида (ч. IV, М. 1894, стр. 498—499, № 2097)¹⁾; списокъ этотъ, между прочимъ, упомянуть Д. А. Ровинскимъ въ кн. IV «Русск. Народн. Картинокъ» (С.-Пб. 1881, стр. 514) и И. Е. Забѣлинымъ въ ст. 7 его «Домашняго Быта Русскихъ Царей прежняго времени», помѣщенной въ ХСVII т. «Отечеств. Записокъ» (1854, XII, отд. II, стр. 102—103) и вошедшей въ переработанномъ видѣ въ изданную въ настоящее время 2-ю ч. «Домашняго Быта Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст.», стр. 162—163. Списокъ этотъ, подобно предыдущему писанный красками и золотомъ, поднесенъ былъ царицѣ Прасковіи Ѳеодоровнѣ. Всѣ страницы въ этомъ списокѣ такъ же, какъ и въ списокѣ **А**, заключены въ рамки въ видѣ тонкаго зеленаго ободка, кромѣ того въ немъ — три заставки: на первой страницѣ Посвященія: въ центрѣ, въ овалѣ, — Божія Матерь въ коронѣ съ Превѣчнымъ Младенцемъ также въ коронѣ, правой рукой І. Хр. благословляетъ, въ лѣвой — держава, на первой страницѣ Слова читателю: въ центрѣ — Царь Соломонъ на престолѣ, по сторонамъ — по ученику, направо — съ свиткомъ, налѣво — съ тетрадкой, вверху надпись — царь Соломонъ, на выходномъ листѣ: въ центрѣ — Господь Вседержитель на престолѣ,

¹⁾ Не понятно замѣчаніе С. Н. Брайловскаго въ его изслѣдов. (стр. 285): «не знаемъ, находится ли въ настоящее время указанный имъ [Ровинскимъ] рукописный экземпляръ Букваря Каріонова въ библиотекѣ гр. Уварова. Говоримъ такъ потому, что покойный о. арх. Леонидъ, составитель описанія рукописей гр. Уварова, ничего не говорилъ намъ о существованіи такой рукописи, хотя другія подлинныя рукописи Кар. Истомина называлъ».

правой рукой благословляетъ, въ лѣвой — раскрытая книга съ надписью: «научитесь премудрости и поживете», по сторонамъ — учителя и ученики съ свитками и тетрадами, на нихъ написано: богословія, грамматика, мусика пѣніе, риторика, философія, діалектика, астрономія звѣздозаконіе, землемѣріе, вверху — надпись: «Премудрость созда себѣ домъ ученія»; первыя буквы текста Посвященія и Слова — **И** и **Л** — фигурныя, въ концѣ Посвященія, Слова и страницы съ Благодареніемъ изображено по цвѣтку, первые два — подобные цвѣтку предыдущаго списка, послѣдній съ одними листьями, безъ цвѣтовъ. Обратимъ вниманіе, что всея страницы этого экземпляра съ изображеніями предметовъ раздѣлены горизонтальными зеленаго цвѣта линиями на три, почти равныя, части, верхнюю — для начертаній буквъ, среднюю — для изображеній предметовъ, нижнюю — для виршъ, выходной листъ подобными же линиями раздѣленъ на четыре части. Въ этомъ списокѣ, какъ и въ предыдущемъ, имѣется особый заглавный листъ, послѣ Посвященія и Слова — подписи сочинителя. Списокъ этотъ, хотя нѣсколько и пострадалъ отъ сырости и времени, но дошелъ до насъ почти въ неприкосновенномъ видѣ, кое-гдѣ только позднѣйшія подклейки скрыли отъ насъ оригиналъ (срв. страницы на буквы **Я**, **Р**), да листы Посвященія и Слова читателю, вѣроятно при реставраціяхъ переплета, перебиты, въ настоящее время они идутъ въ такомъ порядкѣ: 2, 3, 6, 4, 5, 7, 1. Переплетъ — картонныя доски обочены кожей, поздній XIX в., но кое-что сохранилось и отъ стараго переплета: часть кожи съ тисненіемъ, наклеенной на обѣ крышки новаго переплета и, можетъ быть, одинъ изъ переплетныхъ листовъ съ водянымъ знакомъ «КБФ» (на этомъ листѣ написано: «№. 78. Букварь Каріона Истомина», но «78» зачеркнуто и вмѣсто этой цифры поставлена новая «24»); на двухъ другихъ переплетныхъ листахъ, сохранившихся отъ третьяго переплета, можетъ быть, еще болѣе стараго, — водяной знакъ «1790 году», при чемъ на первомъ изъ этихъ листовъ наклеенъ интересный листокъ, несомнѣнно принадлежавшій этому экземпляру, съ автографомъ Каріона (ниже мы его приводимъ полностью), на второмъ имѣется запись одного изъ владѣльцевъ о приобрѣтеніи этого экземпляра Букваря въ 1802 г. и наклеенъ листокъ съ двумя записями отъ 16-го іюля 1751 г.; одна изъ нихъ — продавца Аванасея Андрѣева сына Татарина-служителя дому статцкаго советника Михайла Григорьевича Собакина. На внутренней сторонѣ верхней крышки наклеены ярлычки съ двумя *ex libris*'ами И. Н. Царскаго, на одномъ изъ нихъ обозначено: «II. № 78», а сбоку ярлычка приписано — «По катал 1836 год.», на другомъ — «№ 24», и съ однимъ *ex libris*'омъ гр. А. С. Уварова съ № 92, вверху написано: «Въ Сѣверномъ Архивѣ. 1822 подробная статья. (Указатель 1841. Быстрова)», конечно, здѣсь разумѣется статья В. Н. Берха, о которой мы скажемъ ниже. На корешкѣ переплета ярлычокъ съ № 24 и тисненая золотомъ цифра «92». (Списокъ этотъ мы обозначаемъ буквой **Ц**).

О пятомъ списокѣ, обозначаемомъ нами буквой **В**, какъ списанномъ съ печатнаго экземпляра, считаемъ удобнѣе говорить ниже, послѣ обозрѣнія печатныхъ экземпляровъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому обзору, мы постараемся установить время составленія Букваря и написанія всехъ описанныхъ нами списковъ его.

Въ автографѣ Каріона — въ черновомъ спискѣ Букваря (Ч) — время составления не обозначено, но во всѣхъ другихъ спискахъ, а равно и въ печатныхъ экземплярахъ на выходномъ листѣ указаны годъ и мѣсяцъ составления Букваря, а именно мартъ 7199 г. отъ Сотворенія міра, 1692 г. отъ Р. Хр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь ошибка или въ опредѣленіи года отъ Сотворенія міра, или въ обозначеніи его отъ Р. Хр.; поэтому не удивительно, что изслѣдователи относили время составления Букваря то, вслѣдъ за Тредьяковскимъ («Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія», іюнь 1755 г. С.-Пб., стр. 489), къ 1692 г., какъ указано въ самомъ Букварѣ, то къ 1691 г., полагая, что годъ отъ Р. Хр. показанъ неправильно, къ числу вторыхъ изслѣдователей принадлежатъ, напр., В. Н. Берхъ, И. Е. Забѣлинъ и отчасти С. Н. Брайловскій¹⁾. Последняя дата принимается и нами, хотя мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи и такія данныя, которыя какъ будто указываютъ, что въ концѣ XVII в. на Руси разница въ исчисленіи годовъ отъ Сотворенія міра и отъ Р. Хр. иногда опредѣлялась, вмѣсто обычной (5509 и 5508), для мѣсяцевъ сент.—дек. въ 5508, а для мѣсяцевъ янв.—авг. въ 5507; такъ, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны въ составленной въ 1720 г. Самоиломъ Величкомъ «Лѣтописи событій въ Юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ» (т. III, Кіевъ, 1855, стр. 416) мы видимъ грамоту, датированную отъ Сотворенія міра 7204 годомъ, а отъ Р. Хр. 1696 годомъ, мѣсяцъ обозначенъ октябрь, съ другой, намъ А. В. Орѣшниковымъ любезно указана принадлежащая Импер. Росс. Историческому Музею печатная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, жалованная стольнику Лукѣ Степановичу Онучину, гдѣ отъ Сотворенія міра годъ 7198, а отъ Р. Хр. 1691, мѣсяцъ показанъ генварь. Какъ мы указали выше, мѣсяцъ составления Букваря обозначенъ мартъ, но, можетъ быть, и еще точнѣе опредѣлится время его составления, если мы сопоставимъ съ этимъ обозначеніемъ указаніе на праздникъ Благовѣщенія Пр. Богор. въ приведенномъ нами выше, стр. 250, отрывкѣ изъ черноваго списка Букваря.

Время написанія списка У неизвѣстно, списокъ А, судя по указанію на заглавномъ листѣ: «второе сіе написася 7201-го лѣта, мѣсяца марта 17» (срв. также стр. на букву Л, гдѣ среди начертаній буквы чит.: «Лѣта 7201^г»), написанъ 17 марта 1693 года, что же касается списка Ц, то время поднесенія его царицѣ Прасковіи Ѳеодоровнѣ опредѣляется точно изъ приложеннаго къ списку автографа Каріона, а изъ приписки составителя на выходномъ листѣ его можно, пожалуй, судить и о времени написанія этого списка. Въ припискѣ этой говорится: «нынѣ же 7202 лѣто, мѣсяцъ октоврій», а вотъ что мы читаемъ въ приложенномъ къ списку автографѣ:

«Благочестивая великая Государыня Царица и великая княгиня Параскевіа Ѳеодоровна, милостивая госпожа и владычица всероссійская, здравствуй многолѣтно, и во Господѣ Бозѣ радуйся всегда.

¹⁾ Изслѣдованіе, стр. 285, но въ введеніи къ тому же изслѣдов., на стр. XXXII, годъ составления указанъ 1692, а относительно 1691 г. замѣчено: «Въ этомъ году не написано ни одо болѣе или менѣе обширное сочиненіе».

Въ возновленіи памяти рожденія и имянованія свѣтлости твоея, нынѣшняго 7202-го лѣта, октовріа мѣсяца въ 14^{де}, ты великую Государыню Царицу блаженную въ женахъ, и благоугодную въ добродѣтеляхъ всеусердно поздравляю. Желая бо, да всецѣдрый Господь Богъ, ваше царское пресвѣтлое величество, благочестивѣйшаго великаго Государя Царя и великаго князя Іоанна Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и многихъ царствъ, государствъ, княженій, земель же и странъ самодержца повелителя и обладателя, и тебе Государыню Царицу благословитъ своимъ благословеніемъ, миръ же и здравіе и благополученіе спасителнѣ, и сыны сыновъ плода царскаго вашего чрева на лѣта здѣ премнога вамъ Государемъ созерцати даруетъ. По долготѣ же дней, въ горній прекрасный Іеросалимъ¹⁾ со всѣми святыми въ присносущную радость да вселитъ вашу всеродную царскую свѣтлость, его царя небснаго моля, непрестанно усердствую.

При семъ тебѣ великой Государынѣ Царицѣ, по изволенію и повелѣнію вашему книжицу сію устроены второе приношу, рабско наземлю кланаяся;

Богомолецъ вашъ хуждшій,

Каріонъ іеромонахъ Истоминъ.

Изъ приведеннаго отрывка видно, что списокъ этотъ поднесенъ царицѣ Прасковіи Федоровнѣ 14 октября 1693 г., судя же по припискѣ, можно думать, что въ томъ же октябрѣ онъ и переписанъ.

Переходимъ къ обзорѣнію печатныхъ экземпляровъ Букваря. Намъ извѣстно ихъ свыше пятнадцати, различающихся и по количеству листовъ и по нѣкоторымъ другимъ особенностямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что различіе въ количествѣ листовъ является совершенно несущественнымъ признакомъ при установленіи типовъ печатнаго Букваря, такъ какъ экземпляры, различающіеся по числу листовъ, часто во всемъ прочемъ ничѣмъ не разнятся одинъ отъ другого. Поэтому экземпляры съ двумя добавочными листами, предназначавшіеся Каріономъ, по нашему мнѣнію, для подношенія: съ первымъ листомъ — лицамъ духовнаго званія, со вторымъ — лицамъ свѣтскаго званія (не есть ли это въ родѣ того, какъ рукописные экземпляры, подносившіеся Государынямъ, сопровождались особымъ Посвященіемъ), мы въ особую группу не выдѣляемъ²⁾.

Между прочимъ, какъ разъ одинъ изъ такихъ экземпляровъ Букваря съ добавочнымъ листомъ (для лица духовнаго званія) изданъ Д. А. Ровинскимъ въ «Матеріалахъ для исторіи русской иконографіи» (вып. VII, лл. 257—277, вып. IX, лл. 326—347, С.-Пб. 1890) и отдѣльно³⁾.

¹⁾ Думаемъ, что раскрывая титла, мы вѣрно читаемъ это слово, срв. ниже, въ приложеніи 1-мъ, вирши на букву І, строка 3.

²⁾ Такихъ экземпляровъ Букваря съ двумя добавочными листами намъ извѣстно всего лишь два: 1) въ Отдѣлѣ Рукописей Импер. Россійск. Историч. Музея, № 325 (инв. № 17029) и 2) въ Рукописн. Отдѣленіи Библиотеки Имп. Акад. Наукъ, № 36. 14. 13. Конечно, мы склонны думать, что при подношеніи того или другого экземпляра Каріономъ оставлялся только одинъ добавочный листъ, соотвѣтственно тому, какому лицу онъ подносился, а потому экземпляры съ двумя добавочными листами, безъ сомнѣнія, должны представлять большую рѣдкость.

³⁾ Совершенно такой же экземпляръ Букваря хранится въ Библиотекѣ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (Собр. кн. М. А. Оболенскаго, № 26), только въ немъ, по ошибкѣ переплетчика, 2-й листъ

О других же признаках, которыми уже несомненно определяется выделение печатных экземпляров в две особые группы, мы скажем ниже, при рассмотрении печатных изданий Букваря, а теперь вкратце остановимся на важнейших работах, касающихся печатного Букваря, и на изданиях, где даны снимки с тех или других страниц его.

Кроме указанных выше двух работ С. Н. Брайловскаго, в которых не мало говорится и о Букварѣ Каріона Истомина, мы прежде всего должны отметить помещенную в 1822 г. в журналѣ «Сѣверный Архивъ» (ч. IV, октябрь, № 19, стр. 3—27) статью В. Н. Берха «Археологія. Букварь Каріона Истомина, 1691-го года» (въ оглавленіи IV части статья названа впрочемъ иначе — «Археологическія изысканія о букварѣ Каріона Истомина», третье заглавіе ей дано въ отдѣльных оттискахъ — «Азбука Каріона Истомина, въ 1691 году»). Статья посвящена извѣстному А. С. Шишкову, а издатель журнала Ѳ. Булгаринъ счелъ долгомъ принести искреннюю благодарность автору «за сообщеніе сей любопытной статьи». И дѣйствительно, помимо того, что въ ней впервые былъ переизданъ текстъ Букваря и что къ ней также впервые приложенъ былъ литографированный снимокъ съ одной изъ страницъ, а именно на букву Ж, немного лишь уменьшенный сравнительно съ оригиналомъ (24,2×15 см.), въ этой статьѣ мы находимъ между прочимъ объясненія нѣкоторыхъ изъ наименованій изображенныхъ въ Букварѣ предметовъ, и съ этой стороны статья В. Н. Берха и теперь сохраняетъ свою цѣнность, почему мы считаемъ себя въ правѣ въ прилагаемомъ ниже пояснительномъ словарѣ (*приложение 2-е*) въ исчерпывающей полнотѣ пользоваться указаніями В. Н. Берха. Съ этой статьѣй В. Н. Берха можетъ быть, и то лишь отчасти, сопоставлена характеристика Букваря, данная И. Ѳ. Токмаковымъ въ «Обозрѣніи Библіотеки Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ» (М. 1879, стр. 15—16), гдѣ И. Ѳ. совершенно справедливо указываетъ, что «этотъ букварь весьма замѣчателенъ въ археологическомъ отношеніи по множеству находящихся въ немъ изображеній и названій», а далѣе И. Ѳ. даетъ и перечень наиболѣе интересныхъ въ этомъ отношеніи изображеній. Одинъ экземпляръ Букваря вскорѣ послѣ появленія указанной выше статьи В. Н. Берха былъ описанъ также П. М. Строевымъ въ «Обстоят. описаніи старопеч. книгъ слав. и росс., хранящ. въ библиот.... гр. Ѳ. А. Толстова» (М. 1829, стр. 365—367, № 181);

Предисловія, оставшіяся нумерованнымъ, помещены послѣ 3-го, выходного, листа, а потому утвержденіе С. Н. Брайловскаго въ рецензіи на изданіе Ровинскаго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, авг., стр. 454—455), будто бы этотъ экземпляръ и экземпляръ, изданный Ровинскимъ, относятся къ двумъ разнымъ изданіямъ, ошибочно. Этотъ экземпляръ Букваря описанъ И. Ѳ. Токмаковымъ въ указ. выше «Хронологич. Каталогѣ Слав.-русс. кн. церкви. печати съ 1517 по 1821 г. Библиот. Моск. Гл. Арх. М. И. Д.», стр. 17, и С. Н. Брайловскимъ въ его статьѣ (іюнь, стр. 557—559), почему-то обозначившимъ этотъ экземпляръ Букваря подъ № 3.

Въ той же рецензіи (стр. 456—457) С. Н. Брайловскій, отвергая данное Ровинскимъ тексту извѣстнаго ему добавочнаго листа названіе «Посвященіе» (по мнѣнію Ровинскаго, это Посвященіе обращено къ Симеону Полоцкому — Рус. Народн. Карт., кн. V, стр. 59; это мнѣніе Ровинскаго опровергаетъ С. Н. Брайловскій на стр. 286 своего изслѣдованія), опредѣляетъ его, какъ образецъ благодарственнаго обращенія ученика къ учителю или м. б. къ Каріону, какъ составителю Букваря; равно впрочемъ С. Н. Брайловскій въ статьѣ своей, іюнь, стр. 559, съ большей рѣшительностью считаетъ его благодарственнымъ привѣтствіемъ, обращеннымъ именно къ Каріону, но отъ кого, неизвѣстно.

здѣсь между прочимъ впервые издано было полностью Предисловіе (В. Н. Берхъ пользовался дефектнымъ экземпляромъ безъ первой страницы Предисловія и безъ страницы съ Благодареніемъ), даны указанія о времени составленія Букваря и времени его гравированія, приведено число силлабич. стиховъ— 412. Букварь показанъ книгой рѣдкой (послѣднее впрочемъ, какъ увидимъ ниже, отмѣчалось уже Сопиковымъ). О печатномъ изданіи Букваря, какъ и о рукописномъ экземплярѣ изъ собранія гр. А. С. Уварова (II), говоритъ И. Е. Забѣлинъ въ упомянутой выше ст. 7 его труда «Домашній Бытъ Русск. Царей прежняго времени» (Отеч. Зап., 1854, XII, отд. II, стр. 103); И. Е. приводит стихи на букву **Б** и перечисляетъ изображенія на страницѣ на эту букву; срв. 2 ч. «Дом. Быта Русск. Царей въ XVI и XVII ст.», стр. 163. Текстъ выходного листа и вирши на букву **К** изданы съ сохраненіемъ правописанія оригинала **Ө. И. Буслаявымъ** въ «Историч. Христоматіи церк.-сл. и др.-рус. яз.» (М. 1861, столбцы 1300—1302); замѣчаніе Буслаява о бессмыслицѣ стиховъ подъ буквой **К** вызвало возраженіе со стороны **С. Н. Брайловскаго** въ его изслѣдованіи (стр. XVII) и напротивъ защиту со стороны **С. О. Долгова** въ рецензіи на это изслѣдованіе (Зап. Имп. Ак. Наукъ, VIII série, по Историко-Филолог. отдѣл., т. II, № 1, Отчетъ о 37 присужденіи наградъ гр. Уварова, С.-Пб. 1897, стр. 233). Неодобрительно отзывается о Букварѣ и **Д. Извѣковъ** въ статьѣ «Букварная система обученія въ исходѣ XVII и началѣ XVIII ст.» (Педагогическій журналъ «Семья и Школа», С.-Пб. 1872, № 4, кн. II, стр. 731—736, срв. также № 5, кн. II, стр. 1075), хотя тутъ же отмѣчаетъ и нѣкоторыя достоинства Букваря (напр., отчетливость и выразительность изображеній и пр.); непонятно, почему Извѣковъ называетъ рукописью бывший у него въ рукахъ печатный экземпляръ Букваря, принадлежащій Имп. С.-Пб. Духовной Академіи (срв. стр. 731 и прим. 1), а вслѣдъ за тѣмъ самъ же говоритъ о гравюрахъ **Леонтія Бунина**, какъ о важнѣйшей части Букваря (стр. 732)¹⁾. Въ 1881 г. текстъ Букваря полностью изданъ **Д. А. Ровинскимъ** въ кн. II «Русскихъ Народныхъ Картинокъ» (№ 679, стр. 483—503), при чемъ впервые были напечатаны: страница съ Благодареніемъ Богу и добавочный листъ (для духовнаго лица); здѣсь перечислены и изображенія предметовъ, но за рѣдкими исключеніями, безъ какихъ-либо поясненій, описаны также заставки, имѣющіяся въ печатныхъ экземплярахъ Букваря. Нѣкоторыя новыя подробности касательно Букваря приводятся **Ровинскимъ** въ кн. IV того же труда (стр. 514—517), гдѣ, между прочимъ, отмѣчается сходство Букваря въ нѣкоторыхъ начертаніяхъ буквъ съ одной Буквицей Импер. Публичной Библиотеки, и даже высказывается предположеніе о вліяніи ея на Букварь (срв. также кн. V, стр. 6). Упомянутое выше переизданіе Букваря **Ровинскимъ** вызвало въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1891, авг., стр. 453—457) рецензію **С. Н. Брайловскаго**, о которой кое-что мы сказали выше, кое-что добавимъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи. Отмѣтимъ также упоминавшуюся уже нами рецензію **С. О. Долгова** на представленное **С. Н. Брайловскимъ** еще въ рукописи въ Импер. Академію Наукъ (на соисканіе преміи) большое его изслѣдованіе о **Каріонѣ** подъ девизомъ: «И дымъ отечества

¹⁾ Благодаря любезному содѣйствію проф. **И. Е. Евлева**, мы имѣли возможность лично ознакомиться съ этимъ печатнымъ экземпляромъ (Ст. кат. № 3501).

намъ сладокъ и пріятенъ»; въ этой рецензіи С. О. присоединяется къ отзывамъ о Букварѣ *Θ. И. Буслаева* и *Извѣкова*, впрочемъ, не упоминая вовсе о достоинствахъ Букваря, признаваемыхъ послѣднимъ, а похвалы со стороны автора рецензируемаго сочиненія *Семень Осиповичъ* или признаетъ невѣрными, или, если и отмѣчаетъ, то тутъ же, какъ бы въ параллель, приводитъ и неодобрительный отзывъ *Извѣкова*. Останавливаясь на другихъ работахъ, попутно касающихся Букваря, мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ новаго ничего не даютъ, таковы, напр., «Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени» *С. Миропольскаго* (вып. 3, С.-Пб. 1895, стр. 113—116, и изд. 2-е этой книги, С.-Пб. 1910, стр. 192—195), «Историческій очеркъ русской школы» *В. В. Григорьева* (М. 1900, стр. 111), статья *Н. А. Маркса*, «Къ азбукѣ конца XVII вѣка изъ собранія *А. И. Успенскаго*, изданной Моск. Археологич. Институтомъ» (обращаетъ на себя вниманіе странное чтеніе виршъ на букву *Д*, срв. стр. 19), и даже только что вышедшее въ свѣтъ изд. 2-ое, пересмотрѣнное и дополненное, «Исторіи русской педагогіи» *П. Θ. Каптерева* (Петроградъ. 1915, стр. 63). Въ одномъ только сходятся указанные авторы—все они признаютъ за Букваремъ достоинство въ его наглядности.

Снимки съ отдѣльныхъ страницъ Букваря, кромѣ снимка со страницы на букву *Ж*, приложеннаго къ статьѣ *В. Н. Берха*, извѣстны намъ еще слѣдующіе: въ *І т.*, изданнаго подъ наблюденіемъ *Н. Собко*, посмертнаго труда *Д. А. Ровинскаго*, «Русскія Народныя Картинки» (С.-Пб. 1900), здѣсь изданы: выходной листъ (столб. 20 № 29) и страницы на буквы: *Ж*, *Б*, *Ѵ* (два снимка) и *Ю* (столб. 119—120 №№ 135—138 и столб. 388 безъ №); въ указанной выше статьѣ *Н. А. Маркса* издана страница на букву *Ч* (исполнена въ фотолитографіи *Иванова*, но не въ величину подлинника, какъ указано, а въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ); въ томѣ III «Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ» *М. Н. Покровскаго* (М. 1911), изданы съ сопроводительной замѣткой *В. Н. Сторожева*: выходной листъ и страница на букву *Ѵ* (стр. 160—161), и наконецъ извѣстенъ болѣе старый снимокъ въ № 10 журнала «*Нива*» за 1878 г., гдѣ издана страница на букву *Р* съ подписью: «Страница изъ старинной русской азбуки. Съ оригинала по фотографіи, грав. *Вейерманъ*»¹⁾.

Обращаемся къ печатнымъ экземплярамъ Букваря и прежде всего скажемъ о тѣхъ особенностяхъ, которыя ихъ отличаютъ отъ рассмотрѣнныхъ нами списковъ Букваря. Посвященіе царицѣ *Наталіи Кирилловнѣ* въ нихъ опущено, заглавный листъ и Слово читателю слиты въ одну статью, являющуюся какъ бы Предисловіемъ къ Букварю; о добавочныхъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ листахъ мы говорили выше. Все страницы Букваря, за исключеніемъ этихъ добавочныхъ листовъ, заключены въ узорныя рамки (на выходномъ листѣ — по сторонамъ цвѣты, частью въ вазахъ); на первой страницѣ Предисловія, на страницѣ съ Благодареніемъ, на выходномъ листѣ — заставки, въ центрѣ первой — крестъ съ надписью: «*іі Ѱ* ни ка», второй — Господь-Вседержитель, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой — раскрытая книга, написано: «Рече Господь иже аще исповѣсть», на выходномъ

¹⁾ Указаніемъ этого снимка мы обязаны худ. *Н. П. Яныченко*.

листъ заставка, подобная заставкѣ на томъ же листѣ въ Ц, только на книгѣ другая надпись: «Азъ премудрость вселихъ совѣтъ», и по сторонамъ, вмѣсто четырехъ человекъ всего по три ученика: пять со свитками и одинъ съ тетрадью, нѣсколько измѣнены и надписи: «еологіа, риторика, астрономіа, философіа, грамматика, геометріа». Кромѣ фигурныхъ буквъ въ печатныхъ экземплярахъ Букваря есть особыя орнаментированныя буквы (иниціалы), ихъ именно Ровинскій и сопоставляетъ съ буквами хранящейся въ Публичной Библиотекѣ Буквицы.

Время напечатанія Букваря опредѣляется только замѣткой на страницѣ съ Благодареніемъ — сій Букварь счини іеромонахъ Каріонъ, а знаменилъ и рѣзалъ Леонтей Бунинъ, 7202. —, но, можетъ быть, дата этой замѣтки указываетъ лишь на время изготовленія досокъ для печатнаго изданія. Впрочемъ, какъ бы ни было, въ 7202 г. Бунинымъ, по его же рисункамъ, уже были награвированы доски для этого изданія, и, конечно, нѣтъ основаній утверждать, чтобы въ этомъ году не могло появиться и печатное изданіе Букваря. Большинство изслѣдователей, переводя эту дату на счисленіе отъ Р. Хр., считаютъ годомъ появленія Букваря — 1694 г., эту дату принимаемъ и мы, но нѣкоторые изслѣдователи, исходя, несомнѣнно, изъ выкладки лѣтъ на выходномъ листѣ Букваря (см. выше, стр. 255), считаютъ годомъ изданія Букваря 1695 г. отъ Р. Хр., этой датѣ, между прочимъ, слѣдуетъ Новиковъ въ «Опытѣ Историческаго Словаря о російскихъ писателяхъ» (С.-Пб. 1772, стр. 72; срв. П. А. Ефремовъ, «Матеріалы для исторіи русской литературы», С.-Пб. 1867, стр. 39), а вслѣдъ за нимъ и митр. Евгеній (см. «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви», т. I, изд. 2-е, исправленное и умноженное, С.-Пб. 1827, стр. 319).

Какъ мы уже выше говорили, одинъ печатный экземпляръ Букваря воспроизведенъ въ изданіи Ровинскаго, но, какъ показало намъ сличеніе печатныхъ экземпляровъ съ извѣстными намъ списками Букваря, печатное изданіе, къ которому относится этотъ экземпляръ, не могло быть первымъ, такъ какъ оно, несомнѣнно, печаталось по доскамъ, уже правленнымъ, о первоначальномъ же видѣ досокъ даетъ намъ представленіе другой печатный экземпляръ Букваря, оказавшійся въ Библиотекѣ И. Е. Забѣлина (въ настоящее время принадлежитъ Импер. Росс. Историческому Музею)¹⁾. Въ началѣ своей работы мы впрочемъ держались иного взгляда на соотношеніе печатныхъ экземпляровъ Букваря и потому для прилагаемыхъ таблицъ воспользовались другимъ печатнымъ экземпляромъ, хранящимся въ томъ же Музеѣ, въ Отдѣлѣ Рукописей (№ 325, инвент. № 17029), не отличающимся отъ изданнаго Ровинскимъ, но имѣющимъ лишній добавочный листъ, и слѣдовательно однимъ изъ двухъ только и извѣстныхъ намъ полныхъ экземпляровъ Букваря. Въ виду этого на *рис. 32* мы рѣшились воспроизвести выходной листъ Букваря и по указан-

¹⁾ Подобный же экземпляръ имѣется въ Рукописномъ Отдѣленіи Библиотекы Импер. Академіи Наукъ (36. 14. 15); мы его видѣли и лично, но болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ, какъ и о двухъ другихъ экземплярахъ Импер. Академіи Наукъ: указанномъ выше на стр. 256 (36. 14. 13) и такомъ же, но безъ добавочныхъ листовъ (36. 14. 14), любезно сообщены намъ П. К. Симономъ. Экземпляръ Букваря (36. 14. 15) — раскрашенный; на существованіе подобныхъ экземпляровъ указываетъ И. П. Сахаровъ въ статьѣ «Лѣтопись русск. гравированія» (Сѣверная Пчела, 1841, № 104, стр. 414).

Сътворѣ БГѸ / БѸди чѣсть и слава,
Онъ ко людемъ всѣмъ / В дѣла всѣ Ѹправа,
Писменъ когда ли / Кто хочетъ Ѹчисл,
БГѸ молаша / За дѣло и мисл
Еллински Граммата,
Славенски писма та,
Здѣ съ образуютъ,
Званство си сказуютъ.

Какъ пишѣтел / Тыя скорописца,
Добрѣ Ѹставомъ / Зри всакъ очевнса,
Писмена сложны / Дадѣтъ реченіе,
Изъ оныхъ слово / Во все Ѹченіе.

Иеромонахъ / Счини се Каріѡнъ,
Желанщъ въ вышнѣ встѣ, Ѹспѣти градъ сіѡнъ,
Пріѣти развѣ / В сѣкварѣ Ѹспѣшнѣ,
посемъ въ нѣтѣ вѣ, В сладости Ѹтѣшнѣ,
Мірозданіа, Зрѣхъ хѣтѣ, Ѹвоплощеніа же Бгѣ слова, ахѣ. Мѣла марта.

Рис. 32.

ному экземпляру, принадлежавшему И. Е. Забѣлину. (Ниже экземпляры, подобные экземпляру И. Е. Забѣлина, мы обозначаемъ буквой **З**, экземпляры же, подобные изданному Ровинскимъ, независимо отъ того, имѣютъ они или нѣтъ указанные выше добавочные листы, обозначаемъ буквой **Р**, въ тѣхъ, однако, случаяхъ, гдѣ всѣ извѣстные намъ печатные экземпляры сходятся между собой и отличаются только отъ списковъ Букваря, мы ихъ обозначаемъ буквою **П**).

Сравненіе текстовъ въ экземплярахъ типа **З** и **Р** показало, что эти два типа различаются всего лишь въ девяти мѣстахъ: 1) на выходномъ листѣ въ **Р** добавлено указаніе на мѣсто изданія и 2—9) въ виршахъ на буквы: **Б**, 2 стр., 8 стр., **В**, 1 стр., **С**, 4 стр., **Ѣ**, 4 стр., **Ц**, 5 стр., **Ъ**, 2 стр. и **Ѵ**, 4 стр. Любопытно, что въ четырехъ случаяхъ (5—7, 9) чтенія **З** находятъ себѣ соответствіе только въ одномъ спискѣ **У**, въ автографѣ Каріона и въ двухъ другихъ спискахъ ни одного изъ этихъ чтеній **З** нѣтъ и только въ одномъ случаѣ (1) чтеніе **З** совпадаетъ съ чтеніями **УАЦ** (въ **Ч**, какъ мы видѣли, это мѣсто читается иначе). Имѣя въ виду, что въ пяти чтеніяхъ **З** не совпадаетъ съ **У**, можно, пожалуй, было бы предположить, что Бунинъ пользовался не непосредственно спискомъ **У**, а какимъ-нибудь другимъ, не дошедшимъ до насъ, спискомъ, близкимъ къ нему, но, съ другой стороны, указаннымъ фактамъ можно найти и иное объясненіе, можетъ быть, кое-гдѣ Бунинымъ и самимъ сдѣланы исправленія сравнительно съ имѣвшимся въ его распоряженіи спискомъ, или имъ допущена даже невѣрная передача оригинала, срв. нпр. въ виршахъ на букву **М**, 5-я строка, въ **П** чит. в' мрѣжи, въ **У**, какъ и въ другихъ спискахъ — в' мрѣжахъ, или на букву **П**, 6-я стр. въ **П** чит. сілою, въ **У**, какъ и въ другихъ спискахъ — слáвою, и, напротивъ, несомнѣнно ошибочное чтеніе въ **П** въ виршахъ на букву **Ц**, 5-я строка — прищитахъ — только и находитъ себѣ подтвержденіе въ спискѣ **У**, въ **Ч** и въ другихъ спискахъ читаемъ — прищипца^x (написаніе списка **Ч**)¹).

Изъ сказаннаго нами видно, что печатные экземпляры Букваря типа **З**, если даже и не представляютъ собой перваго изданія Букваря, то во всякомъ случаѣ они старше экземпляровъ типа **Р**, а въ такомъ случаѣ ни одинъ экземпляръ типа **З** не могъ быть отпечатанъ позже экземпляровъ типа **Р**, предполагать же, что Бунинымъ изготовлено два комплекта досокъ, и однѣ изъ нихъ были исправлены, а другія оставались въ прежнемъ видѣ, нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований.

Къ сожалѣнію, не даетъ точныхъ указаній для опредѣленія времени появленія изданія Букваря типа **З** имѣющийся въ обоихъ экземплярахъ этого типа водяной бумажный знакъ: рожокъ въ геральдическомъ щитѣ, такъ какъ этотъ знакъ представляетъ новый вариантъ, въ печати еще неизвѣстный, и мы можемъ только указать, что близкій къ нему вариантъ, приведенный К. Тромонинымъ въ его изданіи «Изъясненія знаковъ, видимыхъ на писчей бумагѣ...» (М. 1844) подъ № 1738, заимство-

¹) Всѣ другія ошибки печатнаго изданія Букваря указаны въ примѣчаніяхъ къ издаваемому нами въ приложеніи I-мъ тексту виршъ; здѣсь отмѣтимъ только три незначительныя опечатки, вкравшіяся въ изданіе Ровинскаго, старыми печатными изданіями не оправдываемыя: 1) въ виршахъ на букву **К**, 7-я строка, въ словѣ Корабль вмѣсто **ь** напечатано что-то въ родѣ **и**, 2) на букву **Ѣ**, 10-я строка, чит. товь вм. тобъ, 3) на букву **Ѵ**, 6-я строка, вм. бать чит. быті.

ванъ послѣднимъ изъ «Гістор. Пуфендорф. 1718 года» (переизданъ Н. П. Лихачевымъ въ приложеніи къ очерку «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ Государствѣ», С.-Пб. 1891, подъ № 695), а что самый знакъ этотъ, по свѣдѣніямъ, приводимымъ въ указанномъ очеркѣ Н. П. Лихачева (стр. 81), встрѣчается на голландской бумагѣ, относящейся какъ къ XVII в., такъ и къ XVIII.

Не вносить ничего новаго для опредѣленія времени появленія печатныхъ изданій и дошедшій до насъ единственный, списанный съ печатнаго экземпляра, списокъ Букваря въ 4^о изъ собранія Е. В. Барсова (отд. V № 127), въ настоящее время принадлежащій Имп. Росс. Историч. Музею. Въ этомъ списокѣ воспроизведенъ только одинъ текстъ Букваря; начертаній буквъ, изображеній предметовъ, заставокъ и пр. въ немъ нѣтъ, обрывается онъ на текстѣ Благодаренія, а слѣдующей за Благодареніемъ замѣтки о Бунинѣ нѣтъ, почему мы не знаемъ, были ли въ печатномъ оригиналѣ этого списка указанные выше добавочные листы или нѣтъ, но есть всѣ данныя предполагать, что для этого списка оригиналомъ послужилъ печатный экземпляръ Букваря типа **Р**, и, если есть нѣкоторыя отличія этого списка отъ типа **Р**, то это или описки писца, или поправки, только случайно иногда совпадающія съ чтеніемъ какого-либо списка Букваря или печатнаго экземпляра типа **З**,—срв., напр., въ виршахъ на букву **Ѵ**, 8-я строка, о^т слѣчаевъ, что находимъ только въ **Ц**, въ другихъ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ вм. е стоитъ я, или въ виршахъ на букву **Б**, 2-я строка, знакъ, что находимъ только въ печатныхъ экземплярахъ типа **З**, впрочемъ и въ печатныхъ экземплярахъ типа **Р** буква **к** въ этомъ словѣ, хотя и исправлена на **н**, но легко можетъ быть прочитана и за **к**, въ другихъ же двухъ случаяхъ, гдѣ списокъ Е. В. Барсова (нами обозначается буквой **Б**) раздѣляетъ чтенія печатныхъ экземпляровъ типа **З**, совпаденіе чтеній вполне можетъ быть объяснено опиской писца (см. въ виршахъ на буквы **Б**, 8 стр., и **Ъ**, 2 стр.), и, напротивъ, несовпаденіе чтенія въ **Б** съ экземплярами типа **З** въ виршахъ на букву **Ѵ**, 4 стр., и наличіе въ **Б** указанія на мѣсто изданія Букваря, только и имѣющагося въ печатныхъ экземплярахъ типа **Р**, какъ будто съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что списокъ **Б** исходитъ изъ печатнаго экземпляра и именно типа **Р**, а не **З**. Что касается, наконецъ, водяного бумажнаго знака въ этомъ списокѣ, то таковой — гербъ города Амстердама, и слѣдовательно по времени написанія списокъ **Б** можетъ быть отнесенъ одинаково какъ къ концу XVII в., такъ равно и къ первой четверти XVIII в. (срв. Н. П. Лихачевъ, «Бумага...», стр. 80 и пр. 4).

Болѣе значенія представляютъ для насъ водяные знаки въ печатныхъ экземплярахъ типа **Р**, правда, въ указанныхъ нами обоихъ экземплярахъ Букваря съ двумя добавочными листами: Историческаго Музея (№ 325) и Имп. Ак. Наукъ (36. 14. 13), — водяной знакъ: въ одной половинѣ листа — голова шута и подъ ней буквы **НС(?)**, въ другой — буквы **СДС**, наиболѣе близкій къ знаку, заимствованному Н. П. Лихачевымъ (срв. «Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ», ч. II, С.-Пб. 1899, стр. 414, № 3541) изъ источника, по указанію Н. П. Лихачева, ненадежнаго, но все же знакъ этотъ обычно встрѣчается только въ XVII в.,

въ XVIII-ый вѣкъ онъ не переходитъ (срв. Н. П. Лихачевъ. «Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы...», стр. 80—81 и пр. 5 на стр. 80). Это — съ одной стороны; съ другой стороны въ нѣкоторыхъ экземплярахъ Букваря того же типа **Р**, но безъ добавочныхъ листовъ, напр. въ экземплярѣ, принадлежащемъ Моск. Городск. Чертковск. Библиот. и хранящемся въ Имп. Росс. Историч. Музеѣ, водяной знакъ — рожокъ маленькій съ перевязью въ одной половинѣ листа, буквы **С** **С** въ другой —, совершенно тождественный съ заимствованнымъ Н. П. Лихачевымъ изъ указаннаго выше изданія К. Тромонина (№ 1344) и помѣщеннымъ имъ въ очеркѣ «Бумага...», № 698, Тромонинымъ взятъ изъ книги, печат. въ 1697 году. А если такъ, то мы можемъ предполагать, что печатные экземпляры типа **Р** были уже налицо къ концу XVII в., а въ такомъ случаѣ и экземпляры типа **З** должны относиться во всякомъ случаѣ къ этому времени и никакъ уже не позже.

На существованіе печатныхъ изданій Букваря уже въ концѣ XVII в. указываетъ также и слѣдующее свидѣтельство Самоила Величка, занесенное имъ въ его Лѣтопись подъ 1696 годомъ: «Тотъ Каріонъ, исправщикъ типографіи, привезлъ тогда-жъ въ Малую Росію отъ своего мудрованія составленній великій аркушовій букварь, албо кграмотку для ученія дѣтей потребную, Славенскимъ и Греческимъ языкомъ выразивши въ ней всѣ литеры Рускіе фигурами и лицами человѣческими» (т. III, стр. 417)¹).

Итакъ, мы увѣрены, что Букварь Каріона Истомина былъ напечатанъ вскорѣ же послѣ изготовленія досокъ Бунинымъ, по крайней мѣрѣ въ 1696 г. какое-то печатное изданіе его уже было выпущено въ свѣтъ, но можно думать, что къ концу XVII в. относится не только первое изданіе Букваря, но также и второе, напечатанное по доскамъ исправленнымъ.

Во всякомъ случаѣ мы не согласны съ С. Н. Брайловскимъ, готовымъ видѣть въ свидѣтельствѣ Величка указаніе на какой-то другой лицевой Букварь Каріона Истомина, намъ неизвѣстный²). Такого другого Букваря вовсе и не было, а предположеніе С. Н. Брайловскаго, будто въ записи Каріона о книгахъ, написанныхъ имъ и поднесенныхъ царевичу Алексѣю Петровичу³), подъ Букваремъ Малымъ разумѣется лицевой Букварь, послужившій оригиналомъ для Бунина и изданный въ 1694 г., а подъ Букваремъ Большимъ другой, тоже лицевой, Букварь, но изданный въ 1696 году и указанный въ Лѣтописи Величка, онъ же описанный Пекарскимъ въ изслѣдованіи «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (т. I, С.-Пб. 1862, стр. 171—173)⁴), почти ни на чемъ не основано. Если бы мы даже допустили, что Малый Букварь тоже лицевой,

¹) Объ этомъ свидѣтельствѣ Величка см. въ изслѣдов. С. Н. Брайловскаго, стр. 288, тамъ же, стр. 88—89, говорится и вообще о поѣздкѣ Истомина въ Кіевъ.

²) См. его рецензію на изданіе *Ровинскаго* (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, авг., стр. 456) и изслѣдов. (стр. 287—289).

³) Въ послѣдній разъ издана С. Н. Брайловскимъ въ его изслѣдованіи (стр. 423), мы впрочемъ сомнѣваемся, чтобы эта записка была автографомъ Каріона.

⁴) Этотъ Букварь называетъ Большимъ и С. О. Долговъ въ рецензії на изслѣдов. С. Н. Брайловскаго (стр. 250).

чего, впрочемъ, изъ этой записи («Букварь малой устроеныя писмомъ и образцами своимъ видомъ, прописью начальныхъ словъ золотомъ») вовсе не видно, то уже во всякомъ случаѣ Букварь 1696 г., описанный Пекарскимъ, не лицевой¹⁾, и слѣдовательно отождествлять его съ Букваремъ, указаннымъ у Величка, никоимъ образомъ нельзя; скорѣе всего можно наоборотъ думать, что Каріонъ Малымъ Букваремъ и назвалъ этотъ Букварь 1696 г. въ отличіе отъ ранѣе составленнаго имъ Букваря въ лицахъ, названнаго имъ Большимъ, въ пользу этого нашего предположенія говоритъ также и то, что печатныя изданія второго были въ 1⁰, а первый изданъ былъ въ 4^{0 2)}.

Какъ мы видѣли, печатныхъ изданій Букваря было по меньшей мѣрѣ два и оба они должны быть отнесены къ XVII в., но съ нашими выводами не вполне совпадаютъ показанія библиографовъ XVIII и слѣд. в.в.; за рѣдкими исключеніями, послѣдніе склонны одно изданіе относить къ XVII в., другое, или скорѣе другія, — къ XVIII в., такъ въ Каталогѣ книгъ Имп. Акад. Наукъ, «Россійскія печатныя книги, находящіяся въ Императорской Библиотекѣ» (хранится въ I отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ подъ шифромъ 1.3.62), какъ намъ любезно сообщилъ П. К. Симоны, показано два изданія лицевого Букваря Каріона Истомина въ десть (=въ 1⁰): М. 1692 и 2-е изд. 1717 г. (стр. 24 № 2), такія же свѣдѣнія мы находимъ, по указанію П. К. Симоны, и въ дошедшемъ до насъ въ рукописи трудѣ Богданова 1755 года, «Краткое вѣдѣніе и историч. изысканіе о началѣ и произведеніи вообще всѣхъ Азбучныхъ словъ», гдѣ, впрочемъ, кромѣ Букваря Каріонова 1692 (л. 104) и Букваря Каріонова—1717 г. (л. 105 об.), по сообщенію П. К. Симоны, указанъ еще «Истомина Каріона иеромонаха букварь лицевой 1701 г.» (л. 74 об.). Нѣсколько иныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Букваря мы находимъ въ знаменитомъ трудѣ еп. Дамаскина Семенова Руднева, «Библиотека Россійская или свѣденіе о Всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ» (рукопись Имп. Моск. Дух. Акад. № 112—т. I, л. 85); здѣсь, между прочимъ, показаны, какъ имѣющіяся въ Акад. библ.³⁾, изданія лицевого Букваря Каріона Истомина въ десть 1692 г. или 1702 г. и 2-е изд. 1714 г., а на л. 113 указанъ еще — Букварь Славенороссійскихъ писменъ съ рисовальными фигурами іеромонаха Каріона въ М. 1704 г., и кромѣ того на л. 85 об. — Букварь Славенороссійскій съ рисовальными фигурами іеромонаха Іларіона въ М. 1702. 1694; этотъ послѣдній Букварь, не смотря на дру-

¹⁾ Въ настоящее время единственный извѣстный намъ экземпляръ этого Букваря хранится въ Имп. Публ. Библиотекѣ подъ шифромъ V, 8 № 28, ранѣе онъ принадлежалъ *И. П. Каратаеву*. Любезнымъ указаніемъ этого экземпляра мы обязаны г. Библиотекарю Имп. Публ. Библиот. *И. А. Бычкову*.

²⁾ Такого же, повидимому, взгляда на Большой и Малый Буквари *Истомина* держится проф. *А. С. Архангельскій*, см. его изслѣдованіе «Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московск. госуд. (кон. XV—XVII вв.)». Казань. 1913, стр. 143.

³⁾ По справкамъ, наведеннымъ нами въ Библиот. Имп. Моск. Дух. Акад. (*Дамаскинъ* былъ префектомъ и ректоромъ ея), въ ней не оказалось ни одного печатнаго экземпляра Букваря, нѣтъ такихъ и въ Моск. Епарх. Библ., Библ. Моск. Синод. Типогр., по свѣдѣніямъ же, любезно сообщеннымъ намъ Библиот. Моск. Синод. Библ. *Н. П. Поповымъ* и Библиот. Вианской Дух. Семина. *С. В. Зельринскимъ*, не имѣется печатныхъ экземпляровъ Букваря также и въ Моск. Синод. Библиот. и Библиот. Духовн. Семинарій Моск. и Вианской.

гое имя составителя, конечно, тотъ же Букварь, гравированный Бунинымъ въ 1694 г.¹⁾

Въ только что перечисленныхъ нами трудахъ за XVII в. указывается лишь одно изданіе Букваря и только Сопиковъ въ своемъ «Опытѣ Росс. Библиографіи...» (ч. I, С.-Пб. 1813, стр. 58) впервые отмѣчаетъ два изданія, относящіяся къ XVII в.: подъ № 168 изданіе Букваря М. 1692—1694 г., подъ № 169—2-е изд. Москва означено тѣмъ же годомъ, въ листъ, при этомъ онъ добавляетъ: «Оба изданія рѣдки». Указанія Сопикова сами по себѣ, казалось бы, мало убѣдительныя, находятъ себѣ подтвержденіе, однако, въ тѣхъ данныхъ, которыя мы выше привели въ пользу предположенія о существованіи уже въ XVII в. двухъ печатныхъ изданій.

Во всѣхъ позднѣйшихъ библиографическихъ работахъ относительно печатныхъ изданій Букваря Каріона-Истомина повторяются свѣдѣнія, заимствованныя то изъ одного указаннаго нами источника, то изъ другого, иногда даже, напримѣръ, отмѣчается Букварь іеромонаха Иларіона (см. С. Н. Брайловскій, «Федоръ Поликарповичъ Поликарповъ-Орловъ...», Журн. Мин. Нар. Просв., 1894, ноябрь, стр. 61, пр. 1, г. Миропольскій, о. с., 1895, стр. 115, 2-е изд., 1910, стр. 193), новаго эти работы не вносятъ ничего, и потому отмѣчать ихъ мы считаемъ излишнимъ²⁾.

Можетъ быть, въ послѣдствіи и будутъ найдены какія-либо подтвержденія приведеннымъ нами свидѣтельствамъ объ изданіяхъ Букваря Каріона Истомина 1701, 1704, 1714 и 1717 г.г., но пока въ нашемъ распоряженіи такихъ подтвержденій еще нѣтъ.

Итакъ, нами опредѣлено время составленія Букваря, дана характеристика его списковъ, установлены типы печатныхъ изданій, приблизительно намѣчено время

¹⁾ Трудъ *еп. Дамаскина* изданъ дважды: по сп. *К. С. Сербиновича* к. XVIII—нач. XIX в. въ Пам. Древн. Письм., XX, С.-Пб. 1881 и по сп. *Ундольскаго*, № 1378, въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1891, кн. I. Если вѣрить изданіямъ, то оба списка должны представлять разныя редакціи этого труда, такъ какъ свѣдѣнія о Букваряхъ Истомина, приводимыя въ нихъ, не совпадаютъ между собою, но личное наше ознакомленіе съ спискомъ *Ундольскаго*, хранящимся въ Рукоп. Отдѣл. Имп. Моск. и Румянцовскаго Музея, показало намъ, что *Ундольскій*, приготавливая къ печати трудъ *Дамаскина*, дѣлалъ въ копіи, снятой съ подлинника, значительныя измѣненія, напр. указаніе *Дамаскина*, на Букварь *Иларіона* (сп. *Ундольскаго*, л. 292) *Ундольскимъ* вычеркнуто; впрочемъ, кажется, и въ самой копіи были уже допущены нѣкоторыя неточности сравнительно съ подлинникомъ. Свѣдѣнія, касающіяся подлинной рукописи *Дамаскина*, во время нашей поѣздки въ Имп. Моск. Дух. Акад. оказавшейся отосланной въ Имп. Акад. Наукъ, любезно сообщены намъ *П. К. Симономъ*.

²⁾ Для насъ осталось недоступнымъ, значащееся въ собраніи рукописей *Ундольскаго* подъ № 1384, «Продолженіе Хронологической Росписи Слав.-Рус. Библиографіи И. П. Сахарова, съ 1655 г. по 1730 г.», а между тѣмъ, судя по «Хронологич. указат. сл.-рус. кн. церк. печати съ 1491 г. по 1864 г.» *Ундольскаго* (вып. 1, М. 1871, №№ 1164 и 1578), подъ №№ 913 и 1222 этой Росписи *Сахаровъ* говоритъ объ изданіяхъ Букваря 1694 г. и 1717 г.

Намъ не ясна также ссылка *Извъкова* (о. с., стр. 731, пр. 5) на «Списокъ № 2» при указаніи изданія Букваря 1717 г., во всякомъ случаѣ *Сопиковъ* такого изданія не отмѣчаетъ.

Нѣсколько страннымъ кажется и указаніе *Гр. Геннади* въ его «Справочномъ слов. о русск. писат. и учен. умерш. въ XVIII и XIX ст. и сп. русск. кн. съ 1725 по 1825 г.» (т. II, Берлинъ. 1880, стр. 70): «Истоминъ, Каріонъ. Азбука. II. 1829. 8°», но не имѣется ли здѣсь въ виду статья *В. Н. Берга* 1822 г., также въ 8°, и въ отдѣльномъ оттискѣ озаглавленная—Азбука.

появленія этихъ изданій, указаны важнѣйшія работы, касающіяся Букваря, но мы еще не пытались выяснитъ значеніе Букваря, ни въ отношеніи къ современной ему эпохѣ, ни для нашего времени, мы не познакомились еще съ заданіями составителя, и остаемся въ невѣдѣніи, какъ они имъ были разрѣшены.

Только немногія страницы въ Букварѣ удѣлены Каріономъ для дополнительныхъ статей, но для полноты нашего изданія и такъ какъ и эти статьи могутъ служить уясненію цѣлей составителя, мы все ихъ издаемъ въ *приложеніи 1-мъ* къ нашей работѣ, давая ихъ сводный текстъ, въ этомъ же *приложеніи* мы даемъ такой же сводный текстъ и виршъ на все буквы славянскаго алфавита, при чемъ все разночтенія отдѣльныхъ списковъ и печатныхъ изданій приводимъ въ примѣчаніяхъ. Оговариваемся, что при изданіи текстовъ, за исключеніемъ разночтеній, приводимыхъ нами въ примѣчаніяхъ въ точной передачѣ ихъ написаній, въ самомъ текстѣ мы вездѣ раскрываемъ титла, замѣняемъ славянскія буквы соответствующими русскими, удареній не сохраняемъ, такъ какъ мы убѣждены, что вообще для конца XVII в. нѣтъ надобности издавать тексты съ соблюденіемъ правописанія оригинала, въ частности же въ отношеніи текста Букваря мы въ правѣ такъ поступать уже и по одному тому, что и у самого Каріона въ его автографѣ (Ч) правописаніе далеко не выдержано, что, между прочимъ, показываетъ слѣдующій характерный примѣръ: для изображеній предметовъ на страницѣ на букву Ф Каріономъ намѣчены были — финиксъ древо и финиксъ птица, при чемъ для внѣшняго различія этихъ словъ, въ первомъ случаѣ имъ употреблены были: послѣ ф—і и послѣ н—и, во второмъ наоборотъ: послѣ ф—и и послѣ н—і, между тѣмъ въ виршахъ, приводя это же слово въ обоихъ значеніяхъ, Каріонъ и въ томъ и въ другомъ значеніи одинаково пишетъ: послѣ ф—і и послѣ н—и.

На нашъ взглядъ, впрочемъ, не въ виршахъ центръ тяжести Букваря, онѣ являются только подсобной частью къ изображеннымъ на той или другой страницѣ предметамъ и буквамъ, къ тому же о содержаніи ихъ довольно подробно говоритъ Извѣковъ (о. с., стр. 733—735), и мы считаемъ поѣтому излишнимъ останавливаться на нихъ, полагая, что обследованіе этихъ виршъ, какъ со стороны формы, такъ и содержанія, было бы болѣе уместно при общей характеристикѣ дѣятельности Истомина, а это не входитъ въ задачи настоящей нашей статьи, здѣсь только скажемъ, что пожалуй правъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ, объясняя (о. с., столб. 1302) бессмыслицу виршъ на букву К тѣмъ, что данныя вирши приспособлялись составителемъ именно къ этой буквѣ, да и самъ Каріонъ не всегда былъ доволенъ написанными имъ виршами, это мы можемъ заключать на основаніи нерѣдкихъ исправленій, которыя вносились Каріономъ въ первоначальный ихъ текстъ въ автографѣ (Ч), см., напр., *рис. 31*.

Мы не будемъ останавливаться и на начертаніяхъ буквъ, большую ихъ часть мы встрѣчаемъ въ рукописныхъ азбукахъ конца XVII в. — нач. XVIII в., замѣтимъ только, что въ Ч имѣются буквы лишь одного славянскаго алфавита, въ другихъ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ введены также буквы греческаго, латинскаго и польскаго алфавитовъ, и потому мы не можемъ согласиться съ Извѣковымъ

(о. с., стр. 735), чтобы *iu* (у Извѣкова ошибочно *iy*), *ie*, *ia* указывали на какое-то особое въ эпоху Каріона произношеніе буквъ *y*, *i* и *ѣ*, здѣсь просто приведены польскія написанія, соотвѣтствующія указаннымъ славянскимъ буквамъ. Обратимъ также вниманіе, что многія начертанія буквъ въ **II** находятъ себѣ соотвѣтствіе и въ спискахъ Букваря, инныя заимствованы даже изъ **Ч**, срв. напр. на *рис. 31* и *табл. XVI* начертаніе буквы **Й** въ **УП** и **ЧА**. Только орнаментированныя буквы въ **II** не находятъ себѣ соотвѣтствія въ другихъ спискахъ, но такія буквы встрѣчались намъ въ рукописныхъ азбукахъ конца XVII в. — начала XVIII в. и лишь отчасти, вопреки мнѣнію Ровинскаго («Русск. Народн. Карт.», кн. IV, С.-Пб. 1881, стр. 516), онѣ напоминаютъ собой подобныя же буквы въ изданной Имп. Общ. Люб. Древн. Письм. по свитку Имп. Публ. Библиот. Буквицѣ языка словенскаго (XIV, Спб. 1877). Но изъ всѣхъ начертаній буквъ наибольшій интересъ представляютъ буквы фигурныя, онѣ несомнѣнно привлекали къ себѣ особое вниманіе рисовальщиковъ Букваря, и мы съ увѣренностью можемъ сказать, что эти буквы дождутся спеціальнаго изслѣдованія, такъ какъ онѣ интересны и по заданіямъ мастеровъ, рисовавшихъ ихъ, и по матеріалу, использованному этими мастерами¹⁾. Одно мы должны только сказать, что лучше удалась эти буквы у иконописцевъ въ спискахъ **УАЦ**, чѣмъ у Бунина, рисовавшаго ихъ для печатнаго изданія, см., напримѣръ, фигурныя буквы: **Б**, **Г**, **Ї**, **Р**, **Т**, **ОУ** (эта буква особенно плохо далась Бунину, а между тѣмъ въ списокѣ **А** мы видимъ совершенно обратное явленіе), **Ъ**, **Ь**, **Ю**, всѣ эти фигурныя буквы даютъ болѣе отчетливое представленіе объ обычныхъ начертаніяхъ буквъ въ **УАЦ**, чѣмъ въ **II**. Обращаетъ еще на себя вниманіе обиліе нагихъ фигуръ, входящихъ въ составъ фигурныхъ буквъ въ **У**, но не надо забывать, что это списокъ, такъ сказать, домашній, и иконописецъ ради упрощенія своей работы могъ не особенно стѣсняться этимъ обстоятельствомъ, удивительнѣе пожалуй, что подобныя фигуры попадаютъ даже въ списокѣ **Ц**, предназначавшемся для дочерей царицы Прасковьи Федоровны (см. букву **З**). Объ отдѣльныхъ фигурныхъ буквахъ печатныхъ экземпляровъ см. также у Извѣкова (о. с., стр. 736), о такихъ же буквахъ списка **А** см. въ статьѣ С. Н. Брайловскаго (іюнь, стр. 555—556, 558).

Обращаемся къ важнѣйшей части Букваря — изображеніямъ предметовъ. Конечно, съ одной стороны они могли быть введены Каріономъ и для того, чтобы учащіеся легче усваивали себѣ начертанія буквъ, входящихъ въ составъ наименованій этихъ предметовъ, но возможно, что цѣлью составителя было также и желаніе путемъ введенія въ Букварь изображеній расширить кругъ знаній учащихся, познакомить ихъ съ предметами, которые могли быть, да и то не всегда, имъ извѣстны только по наименованіямъ. Поэтому въ Букварѣ, на ряду съ изображеніями знакомыхъ дѣтямъ бытовыхъ предметовъ и животныхъ, изображены: бабръ, хортъ, ночвы и пр., и мы рѣшительно не можемъ согласиться съ Извѣковымъ, когда онъ, съ большою неодобрительностью отозвавшись о помѣщеніи Каріономъ въ Букварѣ изображеній

¹⁾ Срв. напр. фигурную букву **Ч**, во всѣхъ спискахъ и печати. экзempl. представленную царскимъ сокольникомъ съ соколомъ на рукѣ.

несуществующихъ предметовъ, хочеть смягчить этотъ свой отзывъ указаніемъ, что все же въ Букварѣ большая часть предметовъ заимствована изъ обыденной и доступной дѣтямъ сферы (о. с., стр. 736—737). Напротивъ, намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Букваръ всецѣло примыкаетъ къ тѣмъ потѣшнымъ книгамъ XVII в., о которыхъ говоритъ И. Е. Забѣлинъ во 2 ч. своего сочиненія «Домашн. Бытъ Русск. Царей» (стр. 173 и сл.), и конечно, въ представленіи, какъ составителей потѣшныхъ книгъ, такъ и Каріона, каждое наименованіе предмета должно было непременно указывать на опредѣленный предметъ, дѣйствительно существовавшій, будь то аспидъ, еродій, пиеикъ, или зелвы, спирида и пр. Этимъ только и можетъ быть объясненъ выборъ источника, изъ котораго Каріонъ черпалъ широкой рукой наименованія различныхъ предметовъ, нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, дѣйствительно ли эти предметы существуютъ, наоборотъ, вполне увѣренный, что они должны и могутъ быть изображены для дѣтей.

Намъ удалось установить этотъ важнѣйшій источникъ Букваря Каріона Истомина, это — «Лексиконъ славеноросскій и именъ тлѣкованіе» Памвы Беринды; мы только не знаемъ, пользовался ли Каріонъ первымъ изданіемъ Кіевскимъ 1627 г. или вторымъ Кутейнскимъ 1653 г., тѣмъ болѣе, что оба изданія въ словарной части ничѣмъ не разнятся между собой, впрочемъ, какъ мы ниже увидимъ, нѣкоторыя данныя какъ будто указываютъ, что Каріонъ пользовался не первымъ, а вторымъ изданіемъ, потому въ дальнѣйшемъ мы всюду и ссылаемся на это именно изданіе Лексикона. Чтобы не быть голословными въ своемъ утвержденіи, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, особенно характерныхъ для доказательства, что Каріонъ пользовался этимъ источникомъ: такъ, у Каріона чит. — *агкѹра* ко^твица, у Беринды (стр. 231) — *агкѹра* (напечатано это слово съ *н*, но рядомъ поставлено взаменъ его *г*) ко^тв^а, ко^твиц^а; у Каріона — *селвы* слима^{н(и)}, у Беринды (стр. 45) — *Селвы*: Слим^аки; у Каріона — *фѣаль*. ро^тструха^н, у Беринды (стр. 319) тоже — *Фѣаль*: Ростр^аханъ; у Каріона — *ѡстегны ѡсти*. ѡстенъ, у Беринды (стр. 200) эти три слова стоятъ рядомъ, хотя и въ другомъ порядкѣ: 1, 3, 2. Замѣчательно также, что три имени святыхъ, начинающіяся на букву *Ѳ*, Каріономъ всѣ взяты изъ того же Лексикона (стр. 318) — *Ѳакінеъ*, *Ѳминей* (у Беринды — *Ѳменей*), *Ѳпатій*. На эту же букву въ *Ч* среди другихъ именъ, начинающихся на *ев*, было также, но потомъ зачеркнуто — *Ѳвпрѣпій* блгоу^лбный, то же находимъ и у Беринды, стр. 273 — *Ѳвпрѣпій*: блгоу^лбный. Какъ мы выше указали, кое-что даетъ намъ право думать, что Каріонъ пользовался 2-мъ изданіемъ Лексикона, а не 1-мъ; къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія: во 1) къ слову — лагвица въ *Ч* добавлено — *или фляша*, въ 1 изд. Лексикона, столб. 427, чит. *флѣа*, во 2 изд., стр. 290 — *флѣа*, начертаніе въ *Ч* скорѣе можетъ быть объяснено изъ 2 изд., во 2) слова въ *Ч* — Черпало, Черта, въ 1 изд., столб. 304, чит.: Чръпало, Чръта, во 2 изд., стр. 203 — Черпало, Черта, опять начертаніе въ *Ч* совпадаетъ со 2 изд., въ 3) въ *Ч* чит.: Черта *или* лѣнѣя. — (первоначально вмѣсто этой черты Каріономъ было поставлено:). . . ., въ 1 изд., столб. 304, этому соотвѣтствуетъ — Чръта: Правіло · лѣнѣя, *какъ* то · —, во 2 изд., стр. 203 — Черта: Правіло

лѣнѣа, ѣа́к то, — — — —, и опять какъ будто Ч ближе передаетъ 2 изд., чѣмъ 1 изд. (срв. многоточіе!).

Другихъ источниковъ, подобныхъ Лексикону, намъ не удалось установить; возможно, впрочемъ, что Каріонъ пользовался, какъ источникомъ, и Азбуковникомъ, изъ него, на примѣръ, могли быть заимствованы, на примѣръ, такія слова, какъ Исхнлать, Іота (см. ниже въ *приложеніи 2-мъ*), при чемъ можно предполагать, что Каріонъ пользовался какимъ-нибудь наиболѣе полнымъ спискомъ Азбуковника, къ числу каковыхъ относится, на примѣръ, списокъ въ 1^о, принадлежавшій ранѣе Е. В. Барсову, а затѣмъ перешедшій къ Н. С. Тихонравову (въ настоящее время хранится подъ № 338 собранія Н. С. Тихонравова въ Имп. Моск. и Румянцовск. Музеѣ¹⁾). Любопытно, что въ этомъ спискѣ при описаніи четырехъ предметовъ (изъ нихъ — три сосуда: крелетка, л. 157, стамна, л. 239, фияль, л. 273) приложены и ихъ изображенія, что, кажется, очень рѣдко встрѣчается въ Азбуковникахъ. Приходится вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что до сихъ поръ еще не издано полного свода словъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ многочисленныхъ спискахъ этого интереснаго памятника древней русской письменности, и пока единственной попыткой въ этомъ родѣ остается сводное изданіе Азбуковника, сдѣланное по шести спискамъ И. П. Сахаровымъ и напечатанное имъ въ 1849 г. въ т. 2-мъ «Сказаній Русскаго Народа» (стр. 141—191)²⁾.

Можетъ быть однимъ изъ источниковъ Букваря былъ также и какой-нибудь Физиологъ, по крайней мѣрѣ въ ркп. XVIII в. изъ собранія И. А. Вахромѣева (№ 802), хранящейся въ Имп. Росс. Истор. Музеѣ и содержащей «Книгу, глаголемую естествословную....»³⁾, нами найдено не мало повѣствованій о животныхъ и пр., поименованныхъ у Каріона, иногда по другимъ письменнымъ источникамъ намъ неизвѣстныхъ, напр. о бабрѣ, птицѣ гамаюнѣ (отчасти), но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что бабръ и гамаюнъ были хорошо извѣстны современникамъ Каріона, и между прочимъ тогдашнимъ гербовѣдамъ, съ дѣятельностью которыхъ, какъ кажется, близко былъ знакомъ Каріонъ.

Есть отчасти основаніе думать, что источникомъ Букваря была и какая-нибудь Космографія, во всякомъ случаѣ единственная ссылка на источникъ, найденная нами въ автографѣ Каріона (см. *рис. 31*): «а́раната коза во а́меріки ли^{ст} 296» какъ-будто

¹⁾ Писанъ этотъ списокъ во всякомъ случаѣ до 7197 (1688—1689) г., о немъ см. въ статьяхъ Н. И. Баталіна: «Древне-русскіе азбуковники», Филолог. Зап., 1873, вып. III, стр. 12, и «Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ», тамъ же, 1874, вып. V, стр. 54, также въ статьѣ Н. Н. Дурново «Къ исторіи сказаній о животныхъ въ старинной русской литературѣ», Древн. Труды Слав. Ком. Имп. Моск. Археол. Общ., т. 3, М. 1902, стр. 116.

²⁾ Недавно изданное Имп. Общ. Люб. Древн. Письм., «Описаніе азбуковниковъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библиотеки» А. В. Пруссака, «Памятники», CLXXXVI, 1915, не восполняетъ указаннаго пробѣла.

³⁾ Этотъ источникъ намъ любезно указанъ акад. А. И. Соболевскимъ, во время печатанія настоящей статьи мы могли воспользоваться и другимъ спискомъ даннаго сочиненія, принадлежащимъ Имп. Публ. Библиот. (Q. V. № 3), см. о немъ въ трудѣ А. И. Соболевскаго, «Изъ переводной литературы Петровской эпохи», Сборникъ Отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Н., т. LXXXIV, № 3, С. Пб. 1908, стр. III. О ркп. И. А. Вахромѣева см. въ трудѣ А. А. Титова, Рукописи слав. и русск., принадлеж. И. А. Вахромѣеву. Вып. 3. Серг. Пос. 1892, стр. 82—85.

на это указывает; досадно только, что составитель, приводя листъ книги или рукописи, не даетъ названія послѣдней. Мы просмотрѣли нѣсколько рукописныхъ Космографій, но ни въ нихъ, ни въ извѣстныхъ намъ печатныхъ изданіяхъ указаній на аранату козу не встрѣтили.

Внесеніе въ Букварь послѣдняго наименованія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, весьма рѣдко встрѣчающихся въ русской письменности, подтверждаетъ справедливость заявленія Каріона въ Словѣ читателю: «азъ въ новостъ не безъ трудности собирахъ все». Но еще труднѣе было рисовальщикамъ Букваря находить подходящій матеріалъ для изображеній намѣченныхъ предметовъ, и, можетъ быть, отсутствіемъ такого матеріала объясняется то, что нѣкоторые предметы изъ указанныхъ Каріономъ такъ и оставлены ими безъ изображеній.

Намъ не удалось установить источниковъ, откуда рисовальщики заимствовали матеріалъ какъ для изображеній предметовъ, такъ равно и для фигурныхъ буквъ, и только одна фигурная буква Ю могла быть Бунинымъ взята изъ голландской лицевой Библии Пискатора 1674 г., гдѣ совершенно такъ изображенъ Іосифъ, сынъ Іакова, можетъ быть, изъ какой-нибудь западной Библии Бунинымъ заимствованы также изображенія Адама на страницѣ на букву Я и пиюика на страницѣ на букву П, по крайней мѣрѣ, подобныя изображенія мы встрѣтили въ нѣсколькихъ западныхъ Библіяхъ XVII в.; впрочемъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы положительно затрудняемся сказать, пользовался ли Бунинъ этими источниками непосредственно, или рисунки изъ нихъ ему были извѣстны изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Конечно, многіе предметы могли быть зарисованы и съ натуры, но при этомъ надо имѣть въ виду, что названія такихъ предметовъ могли быть, а въ извѣстныхъ случаяхъ и непременно были, совсѣмъ иныя, не слѣдуетъ вѣдь забывать, что Каріономъ большая часть наименованій была взята изъ Лексикона Беринды, а въ этомъ послѣднемъ по преимуществу были слова церковно-славянскія, если и бытовавшія на Руси, то ко времени Каріона уже устарѣвшія, и потому рисовальщикамъ нерѣдко, вѣроятно, приходилось самимъ рѣшать вопросъ, что изобразить подъ тѣмъ или другимъ наименованіемъ.

Намъ нѣтъ необходимости доказывать, что каковы бы ни были эти изображенія, даютъ ли они намъ представленіе о дѣйствительныхъ предметахъ, существовавшихъ въ эпоху Каріона, или нѣкоторыя изъ нихъ только указываютъ, какъ тотъ или другой предметъ понимался современниками, археологическое значеніе этихъ изображеній не подлежитъ сомнѣнію. Въ виду этого мы кромѣ воспроизведенія этихъ изображеній на особыхъ *таблицахъ*, даемъ въ *приложеніи 2-мъ* къ нимъ пояснительный словарь, помѣщая въ немъ не только наименованія предметовъ, дѣйствительно изображенныхъ въ Букварѣ, но также и наименованія предметовъ, намѣченныхъ Каріономъ къ изображенію, хотя и оставшихся безъ изображеній. Въ этомъ словарѣ, въ алфавитномъ порядкѣ наименованій предметовъ, мы предлагаемъ посильное объясненіе всѣхъ словъ, которыя въ настоящее время могутъ вызывать какое-либо недоумѣніе, указываемъ, гдѣ это находимъ нужнымъ, различія въ ихъ изображеніи въ отдѣльныхъ экземплярахъ Букваря, отмѣчаемъ,

какіе изъ изображенныхъ предметовъ упоминаются въ текстѣ виршъ (что обозначаемъ буквой *m*), указываемъ, въ какихъ экземплярахъ Букваря помѣщены изображенія тѣхъ или другихъ предметовъ, или что они только намѣчены въ автографѣ Каріона (списки и печатныя изданія обозначаемъ буквами **ЧУАЦП**, впрочемъ если предметъ намѣченъ Каріономъ въ **Ч** и изображенъ во всѣхъ экземплярахъ Букваря, то буквы эти совсѣмъ не обозначаются), приводимъ объясненія, данныя у В. Н. Берха, какъ характерныя для первой четверти XIX в., наконецъ, отмѣчаемъ источники, которыми могъ пользоваться или дѣйствительно пользовался Каріонъ при составленіи Букваря (Бер. — обозначаетъ Лексиконъ Памвы Беринды)¹⁾.

Въ томъ же предположеніи, что Букварь Каріона Истомина главнымъ образомъ имѣетъ значеніе въ археологическомъ отношеніи, мы на прилагаемыхъ *таблицахъ*, за исключеніемъ одной *XV*, воспроизводящей цѣлую страницу, ограничиваемся воспроизведеніемъ лишь верхней части страницъ, не помѣщая текста виршъ, тѣмъ болѣе, что всѣ разночтенія отдѣльныхъ списковъ и печатныхъ изданій нами отмѣчены въ примѣчаніяхъ къ сводному тексту виршъ, издаваемому нами въ *приложеніи 1-мъ* къ настоящей статьѣ. На этихъ *таблицахъ (XV—LIII)* мы воспроизводимъ вверху слѣва—**У**, справа—**А**, внизу слѣва—**Ц**, справа—**П**, при чемъ вверху въ виду недостачи соотвѣтствующихъ листовъ въ **А** и **У** на *табл. XIX* и *XX*—только **А**, а на *табл. XLIX, L*—только **У**. Не имѣя возможности воспроизвести оригиналы въ натуральную величину, мы даемъ воспроизведеніе ихъ въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, нпр. на *таблицѣ XVI* (стр. на букву **Я**)—**У** в м. 16,6 × 14 см. — 12,1 × 9,8 см., **А** в м. 15,6 × 13,5 см. — 12 × 10,4 см., **Ц** в м. 16 × 14,2 см. — 12 × 10,5 см., **П** в м. 16,9 × 15,1 см. — 12,2 × 10,8 см.

Остановливаясь на Букварѣ преимущественно съ точки зрѣнія выясненія его археологическаго значенія, мы, конечно, тѣмъ самымъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы значеніе этого памятника только этимъ и исчерпывалось, напротивъ, мы склонны думать, что Букварь еще не разъ привлечетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что онъ даже среди произведеній самого Каріона не стоитъ одиноко,—Градъ царства небеснаго, Едемъ сіестъ Сладость, Екклесія сіестъ Церковь—это все такого же характера лицевыя памятники, какъ и Букварь, и ихъ нельзя изучать внѣ связи съ указанными нами выше лицевыми потѣшными книгами, а пожалуй и съ болѣе ранними царственными книгами. Это—съ одной стороны, а съ другой—Букварь, можно сказать, имѣетъ и свои преимущества, такъ, только онъ одинъ изъ числа всѣхъ перечисленныхъ нами твореній Каріона былъ напечатанъ для всеобщаго пользованія, при чемъ, конечно, мы не согласны съ С. Н. Брайловскимъ, который думаетъ, что Каріонъ составилъ свой Букварь исключительно для царевича Алексѣя Петровича и только потомъ рѣшилъ его напечатать (изслѣдов., стр. 289), напротивъ, судя по издаваемому нами Слову читателю

¹⁾ Какъ и въ виршахъ, въ приводимыхъ нами текстахъ изъ Лексикона Беринды, Азбуковника и пр. мы раскрываемъ титла, замѣняемъ славянскія буквы соотвѣтствующими русскими, впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это находимъ нужнымъ, приводимъ и точное чтеніе того или другого слова, въ особыхъ случаяхъ сохраняемъ и удареніе.

(ниже, стр. 278), Букварь уже при составленіи былъ намѣченъ къ изданію. И другое его достоинство — Букварь этотъ былъ предназначенъ Каріономъ не только для отроковъ, но и для отроковицъ¹⁾, и объ этомъ говорится уже въ Словѣ читателю (см. ниже стр. 278); правда, можетъ быть, такое указаніе Каріона надо поставить въ связь съ тѣмъ, что нѣкоторые экземпляры Букваря предназначались для дочерей царицы Прасковьи Федоровны, супруги царя Ивана Алексѣевича, но какъ бы ни было, ни въ одномъ Букварѣ до Каріона ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ. И не безъ основанія замѣчаніе одного изслѣдователя, что Каріонъ.... послѣдователь Амоса Коменскаго.... не могъ остаться въ сторонѣ отъ Петровской реформы...., и что Букварь его, по принятой въ немъ системѣ, далеко опередилъ всѣ подобныя руководства, появившіяся въ теченіе слѣдующаго вѣка²⁾).

Въ заключеніе своей статьи мы считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность г-р. П. С. Уваровой за любезное предоставленіе намъ для нашихъ занятій двухъ лицевыхъ списковъ Букваря, принадлежащихъ собранію графовъ Уваровыхъ, сердечно признательны мы также за дорогое намъ содѣйствіе въ настоящей работѣ А. В. Орѣшникову, П. К. Симони и В. К. Трутовскому.

Иванъ Тарабринъ.

30 апрѣля 1915 года.

¹⁾ Объ этомъ см. въ изслѣдов. С. Н. Брайловскаго, стр. 292.

²⁾ См. статью о Каріонѣ Истоминѣ Вл. П. въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XIV, Спб. 1895, стр. 507.

Древности. Т. XXV.

Букварь

славенороссійскихъ писменъ¹⁾, со образованми
вещей, и со нравоучительными стихами²⁾.

Благочестивая Великая Государыня Всероссійская госпожа владычица Царица и великая княгиня НАТАЛІА Кирилловна, милостивая и любезнѣйшая мати благочестивѣйшаго великаго Государя Царя и великаго князя ПЕТРА Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, промати же и бабушка благороднѣйшаго Государя Царевича и великаго князя АЛЕКСІА Петровича. Во Господѣ Бозѣ здравствующи многолѣтно во спасенномъ пребываніи и мирномъ благополученіи, радуйся, радуйся, радуйся.

Яко же умнословесный человекъ, долгъ во всей своей жизни во первыхъ имѣеть о всемъ, вся премудростію сотворившаго Бога благодарити, такожде въ должности той обрѣтается вашему царскому пресвѣтлому величеству, вѣрно служить, желати всякаго добра яко отъ Бога поставленному началу и преимуществу власти. По учителству святаго апостола Павла въ посланіи 1-мъ, къ Тимоѳею глаголющу сиче: молю убо братіе прежде всѣхъ (дѣлѣ) творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся человекъ, за царя, и за вся иже³⁾ во власти суть. Да тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ. Се бо добро и прїятно предъ Спасителемъ⁴⁾ Нашымъ Богомъ.

Понеже аще ваше царское пресвѣтлое величество благополучно въ боговрученномъ самодержавіи многихъ государствъ и царствъ пребываетъ, тогда вси люди обитають въ радости, въ мирѣ и тишинѣ, благодареніе воздающе Господеву, и честь вашему господству⁵⁾ приносяще. По проповѣди святаго апостола Петра⁶⁾: братіе,

1) Въ П добавлено—с'тáвнѣхъ и скорописныхъ, греческихъже латинскихъ и полскихъ; здѣсь, какъ и вездѣ ниже гдѣ Б совпадаетъ съ П, мы, указывая чтеніе П, не отмѣчаемъ особо чтенія В, хотя бы въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ оно и отличалось отъ П. Объ этомъ спискѣ В см. выше стр. 263, а вообще о приложеніи 1-мъ см. выше стр. 267.

2) Въ У заглавія этого нѣтъ, въ П этими словами начинается предисловіе. Въ А приписано—второе сіе написася вса лѣта, мѣа марта, љ.

3) У—иже.

4) Ц—Спасителю.

5) Въ У—гдѣствѣ, въ А—гдѣствѣ (ѣ исправлено изъ другой буквы), но въ Ц—гдѣрствѣ (=государству).

6) Въ А на полѣ—а петр: ѣ.

Бога бойтеся, царя чтите. Вы бо Государи Цари всему царству слава, утверждение благочестивыя¹⁾ вѣры и по всей вселеннѣй православнымъ христіаномъ радование.

Яко едино есть російское царство во истиннѣй вѣрѣ обрѣтается, еже восточная церкве преданіе содержитъ. И вашимъ царскимъ величествомъ благочестивыми цари вездѣ христіане святыя каеолическія нашея вѣры, во всѣхъ странахъ и царствахъ хвалятся, и зловѣрнымъ людемъ и еретикомъ отпоръ даютъ, на ваше благочестивыя вѣры храненіе надѣющеся.

Сего ради церковь Божія непрестанно вопіеть Духа Святаго псаломская слова, да поспѣшитъ вамъ Господь день дне во всякое благополучество²⁾, и благословитъ васъ государей и вся люди³⁾ благочестивыя миромъ.

Егда же Богъ по благоволенію его, боящияся⁴⁾ рабы своя благословляетъ, тогда сподобляетъ оныя зрѣти во⁵⁾ вся дни живота своего Иеросалимова благая, и сыны сыновъ: яко же пишется псаломско. Благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Иеросалима вся дни живота твоего. И узриши сыны сыновъ твоихъ, и миръ на⁶⁾ Израіля такового.

Сладко же и радостно родителемъ чада, егда Господь кому даруетъ. По крови бо⁷⁾ Господь Богъ велию любовію связа человѣческой родъ. И егда сыны и дщери возрастуть, боязнію же Божіею⁸⁾ содержащая жителствомъ благимъ украсятся, и умудрятся, тогда несравненна⁹⁾ въ жизни сей отцу и матери, праотцу и прамати¹⁰⁾ утѣха, надежда, благословіе, подпора старости имать быти. Яко же писано есть¹¹⁾: сынъ премудръ веселитъ отца и мать. И паки прославляяй отца, долгоденствовать будетъ, и послушая Господа, покоитъ мать свою, яко же владыкамъ послужитъ (сынъ или дщерь) рождшимъ его. Наипаче же всякая благоразумная душа небеснаго блаженства сподобится, и будетъ славити творца своего Бога во вѣки.

И яко всеблагій Богъ ваше царское пресвѣтлое величество благословеніемъ своимъ благостыннымъ благословляетъ, и сподобилъ тебе великую нашу Государыню Царицу зрѣти сына сыновья благороднѣйшаго великаго Государя Царевича и великаго князя АЛЕКСІА Петровича, все государство російское, вси народы¹²⁾, вся земля попремногу благодарны суть Господу Богу: и молятъ Его благость да бы въ вашемъ благополучномъ царствованіи, и въ преемствѣ вашего царскаго рода, миръ возимѣти, и всегдашнее во Христѣ Господѣ душеспасительное радование.

1) Ц — блгостивыя.

2) Ц — блгочестенство.

3) Въ У это слово опущено.

4) Ц — боѣщимся.

5) Ц — по.

6) Въ А это слово опущено.

7) Въ А это слово опущено.

8) У — бѣи.

9) Ц — несравнена.

10) Ц — проматери.

11) Въ А на полѣ — приг. і Сирах. і.

12) А — народи.

Въ немъ же Государѣ Царевичѣ добронадежную утѣху, и величайшую царственную отраду, на премнога лѣта.

Желають бо вси благочестивіи христіане вашему царскому пресвѣтлому величеству всякаго преспѣянія въ жизнь вѣчную: и яко же благосмысленному отцу благочестивѣйшему великому Государю нашему Царю и великому князю ПЕТРУ Алексіевичю, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцу, непрепоннаго пребыванія, во благодущіи суть желателны, такожде и сыну его благороднѣйшему Государю Царевичю и великому князю АЛЕКСІЮ Петровичю возрастати отъ силы въ силу приходя, и достигнути мѣры совершенія исполненія Христова, радованною душею усердствуютъ непрестанно.

Да бы Господь васъ Государей хранилъ псаломски, яко зѣницу ока. И вся враги христіанскія и царственныя, развратники же и еретики церкви святыя повсюду истребилъ бы. И вашимъ бы царскимъ чадородіемъ вѣра святая умножалася¹⁾,²⁾ призрѣніемъ же въ мудростныхъ и гражданскихъ наукахъ процвѣтало, и вездѣ воспріяло бы благочестіе верхъ въ плодоношеніи Господеви духовнаго житія.

Въ сичевомъ вамъ Государемъ желаніи, и азъ меншій богомолецъ вашъ присно остаю, и тебѣ великой Государынѣ Царицѣ, любящей матери чадъ, и чады твоими любимѣй, всероссійской владычицѣ и великой княгинѣ НАТАЛІИ Кирилловнѣ смиренно припадая приношу перво, первую книжицу, зовемую³⁾ букварь языка нашего славенскаго. Юже счинихъ ново, ради удобства и охоты учиться хотящимъ писати писмена и слоги словесъ съ вещественными видообразованіи, и со нраво-учителными стихами.

Да яко же ты Государыня благочестивая Царица, внука твоего благороднѣйшаго Государя Царевича АЛЕКСІА Петровича любиши. Такожде въ возрастъ временнопріятный пришедша христіанскому благочестію и благородному нраву, и писменныя науки учити имаши. И аще ли тогда въ потребѣ иматъ сія книжица быти, молю и прошу тя великую Государыню, благоволи сію днесь въ новости отъ мене худаго вашего рабчища пріяти: и ему Государю Царевичю АЛЕКСІЮ Петровичю сохранить, до вразумляемаго въ возрастѣ ученія.

Ибо многолѣтнаго здравія ему Государю Царевичю въ ползѣ вашей родительской и въ пресладостнѣй утѣхѣ, и всему народу въ потребствѣ непрестанно усердствуя Бога преблагаго молити о немъ должнствую⁴⁾.

О всемогущій творче Нашъ Боже даждь сему плоду царскому благородному саду, Россійской свѣтлости, царственнѣй крѣпости, единоплѣтному нынѣ Царевичю, быти долголѣтному, вездѣ же во славѣ, съ родителями его здравѣ возрастая, въ наукахъ умудряться, о школьномъ ученіи свободныхъ наукъ⁵⁾ промыслъ и попеченіе имѣти,

1) У — оумножилася.

2) Въ Ц добавлено в'.

3) У — зовомью.

4) У — долъ жествью.

5) Въ У это слово опущено.

посемь сподобитися зрѣнія божественныя Твоя славы со всѣми святыми безконечно, аминь.

Вы же Государи, все ваше царское сродственное величество, благодатию Господнею, въ предстательствѣ пренепорочныя Дѣвы Богородицы МАРІИ ограждшеса, совершенно желаю, да получите¹⁾ на земли и на небеси евангелское блаженство и совершенство, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Вашему царскому пресвѣтлому величеству присно вездѣ благословенія Божія желая, сіе съ низайшими поклоненіи приношу, меншій вашъ богомолецъ, іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, вашей²⁾ царскія типографіи справщикъ³⁾.

Слово читателю, хотящему же учить кого, и писати писменъ учитися.

Любомудрый царь Израилевъ Соломонъ, въ книзѣ своей Еккліастѣ вѣщаетъ: нѣсть все ново подъ солнечною, иже возглаголетъ и речетъ: сіе ново есть, но все уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ, [любезный читателю⁴⁾], обаче коея вещи устроенныя или орудія⁵⁾ человѣкъ не видѣ, или разумныхъ словесъ или наученій каковыхъ либо не слыша, ново ему есть и вещь и имя и жителство. Зане человѣкъ по писанію немощенъ, маловремененъ и умаленъ въ разумѣ суда и законовъ: тѣмъ же недовѣдомы учинишася наша провидѣнія. Во временѣхъ же все въ жизни сей и дѣла человѣковъ и вещи измѣняются.

Аще убо прежде кая содѣлованія хитрости, мастерства орудія⁶⁾, гдѣ подъ солнечною и быша, но въ коемъ царствѣ, и въ коей странѣ, всякому вѣдати не возможно.

Обаче идѣже къ ползѣ человѣчестей⁷⁾ тщаливыми начальники, и благоразумными гражданы, что ли сотворится, аще и бывшее гдѣ содѣлованіе, кому же невидѣнное, и оное возновится, глаголется быти новое: и праведно, но точію всякое содѣлованіе да будетъ во славу всетворца Нашего Бога. Яко же сосудъ избранный святыи апостоль Павелъ учителствуетъ: братіе все еже аще творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Исуса Христа⁸⁾ благодаряще Бога и Отца о Немъ.

1) У — полѣте.

2) Въ Ц это слово опущено.

3) Въ У подписи нѣтъ.

4) У — читате.

5) Ц — ордѣа.

6) АЦ — ордѣа.

7) Въ А послѣ т — ѣ.

8) Въ Ц это слово опущено.

Тѣмъ же во славу Преначалныя Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа, и въ честь Приснопѣтыя Дѣвы Богородицы Маріи, вознепщевавъ азъ меншія благою моею совѣстію¹⁾ добро быти, учиться²⁾ имущимъ отрокомъ и отроковицамъ писати писмена, или слова, видно представить тыя како пишутся въ славенскомъ нашемъ языкѣ, уставно и скорописно. И изобразити тыя³⁾, рѣзаніемъ, ради удобства еже бы печатати⁴⁾.

Яко благодатію прещедраго Бога, всероссійское царство, едино на вселеннѣй благочестіе истинное, единныя восточныя святыя церкви ученіе содержитъ, въ немъ же благоразуміе и всякое мудростное ученіе множится. Учиться бо читати божественныя книги и гражданскихъ обычаевъ и дѣлъ правныхъ, и тыя писати хотящи, мнози суть.

Держава же боговрученная благочестивѣйшихъ нашихъ великихъ Государей Царей и великихъ князей ЮАННА Алексіевича ПЕТРА Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи и многихъ государствъ и царствъ и княженій самодержцевъ, повелителей и обладателей, яко истинныхъ помазанниковъ Божіихъ, пространится.

И они благочестивѣйшія⁷⁾ великія⁸⁾ Государи Цари прародителныя скиптры правящи, о томъ тщаніе и простираютъ еже бы вси люди, и вси державы ихъ народы, во всякомъ благовѣрїи, честности же и чистотѣ и во святыни, въ добронравїи же и въ военномъ ратоборственномъ искусствѣ и во всякихъ смысленныхъ художествахъ, комуждо каковъ чинъ его⁹⁾ есть; учащеса, успѣвали въ совершенство.

Понеже благовѣрное осмотреливое же во опаствѣ, и въ должности чина своего житіе, всякаго чловѣка¹⁰⁾, не точію здѣ гдѣ ли бо на земли благополученія сподобляетъ, но впровадитъ въ вѣчное небесное блаженство, его же ради наслѣдства и создахомся. По вѣщанію святаго апостола Павла, еже глаголетъ: не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскаемъ. Индѣ же учить: братіе, наше

¹⁾ У — совѣстію.

²⁾ У — оучитса.

³⁾ Въ А добавлено — надщїцахъ.

⁴⁾ Въ У — печатати, въ Ц — печатати, въ А — печатати, но было удареніе и на второмъ а.

⁵⁾ Б — полскаго.

⁶⁾ Все напечатанное въ правомъ столбцѣ чит. въ II въ Предисловіи вслѣдъ за заглавіемъ, заканчивающимся двоеточіемъ.

⁷⁾ Въ У вмѣсто і въ этомъ словѣ — ы.

⁸⁾ Въ А это слово опущено.

⁹⁾ Въ Ц это слово опущено.

¹⁰⁾ Въ Ц вмѣсто этого слова по подчищенному — чїна своег^г.

житіе на небесѣхъ есть, отнюду же и Спасителя Нашего Іисуса ждемъ, горня¹⁾ мудрствуйте.

Мудрствовать же всякому человѣку о горнѣмъ царствіи, и о здѣшнемъ житіи зѣло во удобствѣ: егда будетъ кто учиться писменъ, читати и писати, обучаяся²⁾ въ добродѣтельномъ житіи: и во всемъ имѣти воздержаніе.

Воистинну таковой человѣкъ по гласу апостолскому, будетъ сосудъ очищенъ, честенъ, освященъ и приятенъ Богу.

Убо желая азъ всѣмъ душамъ умнословеснымъ, яже суть во всемъ мірѣ, по всей земли, яко боготворному руки Божія дѣлу, служити Господу Богу живу и истинну въ преподобіи и правдѣ, и получитьи царство небесное.

Нынѣ начертавъ букварь словенскихъ писменъ, предложихъ вещественныхъ видовъ образы, коимъ словомъ кая вещь начинается глаголати, подъ³⁾ всякимъ⁴⁾ писменемъ, ради любезнаго⁵⁾ созерцанія отрочатамъ⁶⁾ учащимся, и названія видовъ удобнаго⁷⁾ въ складѣ. Да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣннаго начертанія тѣхъ⁸⁾. Яко **А** адамъ, алекторъ, аспидъ⁹⁾. **Б** брань, брада¹⁰⁾. **В**¹¹⁾ виноградъ, вѣнецъ¹²⁾. И весь букварь тако изображенъ. Сими¹³⁾ бо¹⁴⁾ писмены вещи въ складъ или слогъ имуть начало. Ини же яко **Ъ**, и **Ь**, и¹⁵⁾ ини не начинаютъ вещи¹⁶⁾ названія, но припрягаются къ другимъ писменемъ. И тѣхъ словъ¹⁷⁾ смотри въ срединѣ или въ концѣ реченій, въ¹⁸⁾ своемъ ихъ порядкѣ, по азбуке словенской¹⁹⁾. Бабръ, багоръ, вервь, селдь, лебедь, и прочее.

Къ сему²⁰⁾ на тѣ видообразныя²¹⁾ вещи²²⁾, приличны²³⁾ юнымъ людямъ метафорично²⁴⁾, сіесть преноснѣ, еже отъ вещей слово къ дѣлу потребну вземлется, стихи правоучителны написашася²⁵⁾.

1) У — горня.

2) У — w'б'ч'а'а'ca.

3) Отсюда и до конца въ **П** помѣщено въ Предисловіи.

4) Въ **П** добавлено — же.

5) **Б** — любезногъ.

6) Въ **П** — отрочатамъ.

7) Въ **П** вмѣсто послѣднихъ четырехъ словъ чит.: предложены виды во удобное званіе.

8) Въ **Б** послѣднія два слова опущены.

9) Въ **П** добавлено — и про^ч.

10) Въ **П** добавлено — Бичь.

11) Въ **Ц** добавлено — в'.

12) Въ **П** — вѣнецъ, Виноградъ, Воинъ. Градъ, Грѣбъ.

13) Въ **П** — из'влѣнъ. Занѣ Сими.

14) Въ **П** это слово опущено.

15) Въ **П** это слово опущено.

16) У — вещи.

17) Въ **П** добавлено — всѣкъ.

18) Въ **Б** это слово опущено.

19) Въ **П** — "Азбѣки славѣнской, ѿкѣ сѣ Бабръ.

20) Въ **П** вмѣсто этихъ двухъ словъ — **И**.

21) Въ **Б** окончаніе этого слова — **не**.

22) **УЦП** — вещи, **Б** — вещи.

23) **Б** — прили^чны^н.

24) Въ **УБ** удареніе на второмъ слогѣ отъ конца, въ **АЦП** — на третьемъ.

25) Въ **П** — сѣтъ.

Да въ ползу свою всяка¹⁾ душа во имени Господни читающи²⁾, спасеніе себѣ³⁾ огорститъ, и получитъ благословеніе Божіе въ заповѣданномъ дѣланіи своемъ на земли и на небеси⁴⁾. Ибо сего презѣлно усердствую⁵⁾.

Прошу же боголюбиваго читателя, гдѣ ли въ чесомъ въ вещехъ и словахъ букваря сего несличность узриши, благо-разумнѣ да исправиши. Ибо азъ въ новостъ не безъ трудности собирахъ все. Всякъ же пиши и чти сіе въ ползѣ, буди спасенъ въ лѣтѣ долзѣ, о всемъ славу возсылая давшему начати, и кончати поспѣшившему по возможному сій⁶⁾ букварь, единому премудрому человѣколюбивому прещедрому Богу въ триехъ ипостасѣхъ славимому нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

А идѣже въ вещехъ и словахъ Букваря сего недостатость узрится, яко въ переводѣланіи, благоразумнѣ, неосуднѣ же, изволь каждый въ приличество исправити. Ибо въ новости съ трудомъ, и иждивеніемъ собирася и издася. Всякъ же пиши и чти сіе въ ползѣ, буди здравъ и спасенъ въ лѣтѣ долзѣ, желаю, о всемъ славу возсылая⁷⁾ человѣколюбивому Богу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Писавый исправленія и прощенія проситъ кланяся⁸⁾.

1) УП — всѣаа.

2) Въ П — пишѣщи онаа и чтѣщи.

3) Въ П это слово опущено.

4) Б — на небеси и на земли.

5) Въ П вмѣсто этой фразы — Сего бѣ ради и дѣлаемо есть сіе.

6) У — сѣи.

7) Б — возсылаю.

8) Въ Ц — кланяюся, въ П добавлено — хѣдъ Карѣнъ Иеромонахъ Истоминъ. Въ У подпись нѣтъ.

Всѣтворцу Богу
онъ бо людемъ всѣмъ
Писмень ¹⁾ когда ли
Богу моляся

буди честь и слава,
въ дѣла вся управа.
кто хоцетъ учися,
за дѣло имися.

Еллински граммата,
славенски писма та.
Здѣ ся образуютъ,
званство си сказуютъ.

Како пишутся
добрѣ уставомъ
Писмена сложны
изъ оныхъ слово
Иеромонахъ ⁴⁾
желающъ въ вышнь всѣмъ
Пріяти разумъ
по семъ въ небѣ вѣкъ

тыя скорописно,
зри всякъ очевисто ²⁾.
дадутъ реченіе,
во все ученіе ³⁾.
счини се Каріонъ,
успѣти градъ Сіонъ.
въ букварѣ успѣшный,
въ сладости утѣшный.

Мірозданія 7199-го лѣта, отъ воплощенія же Бога Слова 1692-го. Мѣсяца марта ⁵⁾.

Я.

Начало аза
бытность ⁶⁾ въ Адамѣ
Земля есть въ частѣхъ
отроча зрѣти

писмене долгъ знати,
людей всѣхъ смотряти.
въ мѣсяцахъ измѣна,
сладцѣ въ смыслѣ ⁷⁾ одѣнна ⁸⁾.

¹⁾ У — Писмена.

²⁾ УП — очевисто.

³⁾ Въ Ч на полѣ добавлено — мвлѣніе.

⁴⁾ Въ Ч вмѣсто этого слова и до конца — счинися мѣншимъ іро.

⁵⁾ Въ Ц добавлено — нѣѣ же 3ѣк лѣто. мѣць октѣврій. Въ Р добавлено — в прѣвѣющемъ градѣ москвѣ, Б — впрѣвѣющемъ градѣ москвѣ.

⁶⁾ Б — вытнѣть.

⁷⁾ Ц — в' мѣслѣ.

⁸⁾ Въ Ц — одно н.

Древности. Т. XXV.

Вся въ мірѣ вещи
къ ¹⁾ Богу же мысль всю
Во время свое
вещи ²⁾ потребны ³⁾
Изъ начала лѣтъ
вездѣ о жизни

всякъ да назираетъ,
присно обращаетъ.
всяко дѣло просить,
во ползу приносить.
юнь въ семь обучайся,
мудрѣй утѣшайся.

Б.

Бытность изъ Бога
учащымъ ⁴⁾ буквы ⁵⁾
Изначала брань
юныя люди
Барабанъ въ полкѣхъ
животна умнымъ
Человѣкомъ есть
младымъ слушати
Ткати поставь добръ
бичемъ, не умрутъ

стихиі пріяша,
знанъ ⁶⁾ складъ обѣщаша.
въ мірѣ обитаетъ,
жити обучаетъ.
время даетъ знати,
могутъ помогати.
брада ⁷⁾ совершенство,
старыхъ людей деснство ⁸⁾.
юныхъ наказати,
имуть успѣвати.

Б.

Вѣди писмено
изученому
Виды сіи вси
смотреѣти должно
Виноградъ ясти
вина пить много
Гулякамъ юнымъ
за своеволю
Войну имѣти
како преидеть

въ слозѣ преизрядно ⁹⁾,
писать недосадно.
человѣкомъ требны,
чтобъ не были вредны.
людемъ есть полезень,
не всякъ будь любезень.
не сладка наука,
въ веригахъ имъ мука.
всегда человѣку,
путь къ небесному вѣку.

1) П — В', Б — к'.

2) Б — вещи.

3) У — потребности.

4) Б — учащимъ.

5) Ч — буквы (?).

6) Въ З — знакъ, при чемъ з передѣлано изъ з' (въ Р — к поправлено на и), Б — знакъ.

7) Въ У добавлено — в'.

8) З — деснство, Р — действо, Б — де^нствѣ.

9) З — преизрѣдо, Р — преизрѣд^но, Б — преизрѣд^нно.

Г.

Глаголь писмено
явствить²⁾ въ слозѣхъ рѣчь
Разумѣй юный
въ правдѣ не будешъ
Съ глаголя вещи
въ прикладахъ ползу
Лети въ блаженство
причтешися ты
Никому же здѣ
аще кто добрымъ

добрѣ изучай¹⁾,
всяку извѣщай³⁾.
о всякомъ глаголѣ,
въ грѣховномъ ты⁴⁾ долѣ.
кому ли смотрѣти,
возможеть имѣти.
восходи на гору,
небесну собору.
смерть и гробъ нестрашенъ,
жителствомъ украсень⁵⁾.

Д.

Добра учится⁶⁾
постигнетъ того
И въ діадимахъ
разсмотрителствомъ
Домомъ ли жити
всякому знати
Сего бо ради
да лести въ мірѣ
Дороги спрашай⁷⁾
ходяй повсюду

кому есть охота,
райская доброта.
въ благой жизни славни,
аще благонравни.
требно домостройство,
своихъ вещей свойство.
люди разумъ стяжутъ,
злобою не свяжутъ.
обычаемъ внемли,
всякъ никогда дремли.

Е.

Что вещей⁸⁾ въ мірѣ
и есть писмяно
Въ есть добродѣтель
въ евангеліе
Добродѣтель же
съ старыми людьми
Въ комъ доброта есть
яко успѣеть
Юнымъ и старымъ
злюбъ грѣховъ всегда

есть бытность отъ Бога,
потребно до слога.
кому возимѣти,
долгъ тому смотрѣти⁹⁾.
юна въ десныхъ ставить,
въ бесѣдахъ прославить.
вся вещи¹⁰⁾ не въ диво,
всякъ въ небесно жниво.
о ести тщатися,
тѣмъ опасатися.

1) А — ѣзѣчай.

2) Б — явствѣютъ.

3) А — извѣщай.

4) Въ Ч — грѣховнѣ, дальнѣйшее заклеено.

5) Въ Ч конецъ слова послѣ а заклеенъ.

6) Ц — ѣчитъся, П — оучитиса.

7) Ц — спрощай, Б — спрашиваѣ.

8) Б — вещи.

9) Въ Ч было написано — зрѣти, потомъ сверху добавлено — смот.

10) УП — вещи.

Ж.

Женихъ и жена
спрягшися блазѣ
Родяще чада ¹⁾
на хвалу Богу
Съ благими людьми
злыя же много
Усердно живу
жезломъ прогоняй
Примешъ ²⁾ благій
прейдесть ³⁾ въ житницу

животно словесно,
да водять жизнь десно.
люди умножаютъ,
землю населяютъ.
безбѣдно есть жити,
имѣють вредити.
натягай въ благое,
все въ мѣрѣ семь злое.
жребій тебѣ всюду,
небесну отсюду.

З.

Зѣло писмено
въ числѣ знамя шесть
Число шесть требно
за злобу въ казни
Звѣзда блистаетъ
звѣздозаконникъ
Когда что будетъ
за дѣла всяка
Зеліе ясти
зѣница воду

въ слогахъ земля полнить,
онаго неволнить.
во вещехъ и лѣтѣхъ,
на старыхъ и дѣтѣхъ ⁴⁾,
въ своей мѣрѣ всяка,
смотритъ въ небѣ знака.
въ Божіей то воли,
намѣряетъ доли.
зміи тебе не вредитъ,
въ мѣру пить да бѣдитъ,

З.

Земля вещь крѣпка
ни на чемъ словомъ
Забрало людемъ
а и гдѣ замокъ
Звонецъ глашаетъ
златица легчитъ

Богомъ сотворенна ⁵⁾,
его укрѣпленна ⁶⁾.
въ потребахъ угодно,
не всякому ⁷⁾ входно.
движимъ вещь и время,
въ случаяхъ злыхъ бремя.

¹⁾ Ц — чѣда.

²⁾ Въ П (Б — ѣ?) это слово кончается на ѣ.

³⁾ Ч — прѣйде^т, Ц — прѣйдешь, П — прѣйдешь, Б — пре^идешъ (?), въ У — листъ оборванъ и этого слова, какъ и указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи, нѣтъ.

⁴⁾ УП — дѣтѣхъ.

⁵⁾ Въ Ч первое и зачеркнуто, одно и и въ П.

⁶⁾ Въ Ч первое и зачеркнуто, одно и и въ УЦ.

⁷⁾ Въ Ц по подклейкѣ поправлено — во^лному.

Знамя, родъ ¹⁾ въ полкахъ
завѣса отъ глазъ
Орати землю
людемъ служити

Писмяно иже
чью икону зрѣвъ

Измлада иго
чистоту храни
Иготь потребна
источникомъ благъ

Во избѣ живутъ
въ ползѣ людіе

Вмѣсто имене
стрегися злобы

Право писати
повѣстописцевъ

Иорданъ рѣка
описаны суть

Добродѣтель бо
въ человекѣхъ смыслъ

Звѣрь иппокентавръ
отъ твари творца

Новое лѣто
въ небѣ по смерти

Како кто хоцетъ
въ первыхъ ⁹⁾ вещей сихъ

Киты суть въ моряхъ
юный отверзай

свойство даетъ знати,
чуждъ ²⁾ вещь заслоняти.
въ покорѣ учися,
въ должнствѣ ³⁾ не лѣнися.

И.

въ слозѣ подчинися,
памятно ведися.

въ добромъ всякъ понеси,
въ ⁴⁾ твоёмъ тѣлеси.

идоль попираемъ,
буди напаяемъ.

иглою же шіють,
вездѣ воспочіють.

приемлется иже,
не свергнетъ ⁵⁾ тя ниже.

І.

писмяно і нужно ⁶⁾,
слушай неутружденно ⁷⁾.

градъ Іеросалимъ ⁸⁾,
и ты будь хвалимъ.

хвалы всѣхъ доводитъ,
чистъ въ вещехъ породить.

созданно животно,
слави всякъ охотно.

индиктъ обрящеши,
здѣшнихъ не взалчеши.

К.

видомъ си познати,
будешъ ¹⁰⁾ то писати.

кипарисъ на суши,
въ разумъ твоя уши ¹¹⁾.

¹⁾ Въ УП это слово опущено.

²⁾ А — чуждъ, Б — чу^ждъ.

³⁾ Б — должнствѣ.

⁴⁾ Въ Ч — во.

⁵⁾ Б — невергнать.

⁶⁾ А — нужнѣ.

⁷⁾ А — неутружденно.

⁸⁾ Ц — іерусалимъ.

⁹⁾ А — первы.

¹⁰⁾ У — будешъ.

¹¹⁾ УП — шы.

Въ колесницу сядь
конемъ поѣзжай
Корабль на водѣ
и кокошь¹⁾ въ потребу
Отложи²⁾ присно
колоколь⁴⁾ слушай

копьемъ борися,
ключемъ отоприся.
а въ дому корова,
и людемъ здорова,
тщеты³⁾ недосуги,
твори въ небѣ други.

Л.

Люди въ согластвѣ
въ любви жителство
Ладю прави
лву не являйся
Лещь⁶⁾ и лукъ ясти
лѣствицею же
Лощка, лентіонъ
лагвицы полны
Лилія трава
юноше не дѣй

добрыя бывають,
въ людехъ⁵⁾ устрояють.
и себе самаго,
безоруженъ наго.
изъ лука стрѣляти,
благъ ходъ сотворяти.
въ надобье творятся,
пити пригодятся.
цвѣтомъ преизрядна,
грѣховъ дѣла смрадна.

М.

Мысли юноше
како бы жити
Митру здѣ носятъ
меча боятся
Не толко⁸⁾ медвѣдь
грѣхомъ ловимы
Мравій въ трудѣ си
мышь¹⁰⁾ да не проѣсть
Мониста мохоръ
слѣдуй учащимъ¹¹⁾

и пиши мыслѣте,
въ благомъ тебѣ лѣтѣ⁷⁾.
чести достойніи,
въ мѣрилѣхъ злобніи.
но въ мрежахъ⁹⁾ и люди,
ты опасенъ буди.
денегъ полнить кошны,
окрадутъ все ношны.
людемъ во украсу,
тебе добру гласу.

1) Ч — кокошь.

2) Въ Ч поправлено на — w^тлогай.

3) Ч — тщеты.

4) Въ ЧУ въ этомъ словѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ АЦ — на первомъ, въ П — ударенія на обоихъ указанныхъ слогахъ, въ В — ударенія нѣтъ.

5) Въ Ч вмѣсто е — ѣ.

6) АЦ — Лещь, В — лещь (ь?).

7) Ц — лѣте.

8) А — токмв.

9) П — мрежи.

10) Ч (Б?) — мышь.

11) Въ АВ вмѣсто ы — и.

Н.

Нашъ напишетъ кто
душа въ небесно
Богъ нашъ²⁾ вездѣ сый
человѣкъ умомъ
Здравъ кто ногама
ножемъ не держай
Ночвы въ домъ возми
нотопыри³⁾ же
Гдѣ ли идеши
люди въ блаженствѣ

и въ пріятствѣ¹⁾ знанство,
спѣшися гражданство.
всѣхъ благъ исполняетъ,
черезъ носъ обоняетъ.
будь болну носило,
въ требу онъ есть дѣло.
въ требствѣ пригодятся,
злюбъ да истребятся.
смотри гдѣ суть наши⁴⁾,
рая села ваши⁵⁾.

О.

Онъ зри окомъ тѣлеснымъ⁶⁾
очки очамъ, книги же
Орлово зрѣнство емли
умъ твой на ослу стирай
Яко осель здѣ всяка
вземши орало въ дѣлѣ
Окунь въ водѣ поймашь¹⁰⁾
по трудѣ сладко съ плоды
Огна чувствъ стреги
уменьъ человекъ всѣмъ благъ

инъ вѣкъ онъ⁷⁾ мысль умнымъ,
въ ползѣ суть разумнымъ⁸⁾.
овцы смиреніе
въ книжно ученіе.
душа не лѣнися⁹⁾,
измлада трудися.
на одрѣ поспиши,
овощникъ узриши.
оводъ осва не докучить,
яко органъ звучить¹¹⁾.

П.

Покой отъ труда
егда будеши
Парусъ желанный
палату сердца

всякому есть знати,
и перомъ писати,
людемъ въ добро пушай¹²⁾,
въ постъ тѣло усушай.

1) Въ А по наклейкѣ написано — первенствѣ.

2) УП — нашъ, Б — нашъ(?).

3) УАП — нѣ топыри, Б — нотопыри.

4) Ц — наши.

5) Ц — ваши.

6) Въ А это слово опущено.

7) Въ Ц это слово опущено.

8) Ч — разсѣднымъ.

9) Ч — леніся.

10) Въ Ч — поймашь, Ц — поймашь, А — поймашь, У — поймашь, П — поймашь, Б — помашь (ь?).

11) Въ УАЦ стихи на эту букву не раздѣлены на полустишія; отчасти намѣчено это дѣленіе только въ П.

12) Ч — пушай.

Стрѣлай¹⁾ ко²⁾ Богу

онъ опояшетъ

Чистоту въ любви

аще плинѣ⁵⁾ грѣха

Пращею молитвъ

пиѣнки⁶⁾ бѣси

мыслию твоею,

славою³⁾ своею.

пугвица застегнетъ⁴⁾,

кто свободъ отбѣгнетъ.

враги побѣждати,

не имуть стужати.

Р.

Рцы писмено се

рука щедрая

Ризу вздѣнь⁷⁾, рыбу

смиранныхъ блаженствъ

Рубаха бѣла

душевна бѣлость

Въ решето⁸⁾ потребъ

сѣй въ народъ милость

Въ правдѣ походишь¹⁰⁾

вездѣ бо въ любви

и глаголь рцы творить,

добро всѣмъ говорить.

яждь, рогъ не возноси,

у Бога си проси.

праздникъ есть младому,

не боится грому.

сбери ретку⁹⁾ рѣпу,

богату и слѣпу.

и безъ рукавицы,

уерѣтять¹¹⁾ тя лица¹²⁾.

С.

Во всякомъ словѣ

да въ двоедушствѣ

Сапоги босый

въ сѣть грѣховную

Сосцемъ ученьемъ

сткляницы¹⁴⁾, сковрадъ

юнь зри твое сердце,

не будетъ въ немъ дверце.

въ крѣпость обуваетъ,

ногъ да не вполутаетъ¹³⁾.

въ словесѣхъ питайся,

въ излишствѣ¹⁵⁾ ошайся.

1) Ч — стрелай.

2) Ч — къ.

3) П — сілою.

4) Въ Ч послѣ перваго т — ѣ.

5) Б — плинѣ.

6) Б — піфики.

7) УП — в'здѣнь, Б — вздѣнь.

8) Ч — врешато, У — В'решето, П — Врешето, Б — врешѣто.

9) Ч — рѣтку.

10) Въ УП это слово кончается на ь, Б — походи^ш.

11) Ч — ѡс'рѣт'я^т.

12) Въ АЦ стихи на эту букву не раздѣлены на полустипія.

13) УЗ — вполутаетъ (въ Р — шь исправлено на ть), Б — вполутаетъ(ь?).

14) У — стлѣницы.

15) У — ивишествовѣ, П — иалишествовѣ.

Свирѣль чрезъ людей
а слонъ безъ дѣла
Свѣщникъ поставь¹⁾
не будешь³⁾ струцца

Твердое слово
труба гласъ даетъ
Торѣль⁴⁾ на столѣ
топоръ и теслу
Въ дому потребенъ
не⁷⁾ буди въ людехъ
При старыхъ твердо
тако и иныхъ
Небесны кровли
гдѣ ангели ти

Въ слозѣ икъ и у
чиномъ и видомъ
Усерязъ женамъ
кто невоздерженъ
Удицы грѣха
ужемъ соблазновъ
Слово закона
держи вся уды
Богъ челоуѣки
терпящымъ въ правдѣ

Фертъ пишемъ есть
знать строителство
Фертномъ не ходять
господинъ зри гдѣ

славій самъ вспѣваетъ,
въ гулбѣ унываетъ,
снопъ даждь²⁾ рукояти,
въ старость занимати.

Т.

дѣветъ постоянство,
людемъ вѣсть и знанство.
тарель⁵⁾ предъ тобою,
юнъ имѣй съ собою.
токмакъ, томарь⁶⁾ стрѣльный,
тетеревъ бездѣльный,
научишся жити,
имаши учити.
присмотряйся⁸⁾ тверди,
въ пріязнь милосерди.

У.

однако гласуютъ,
въ писмѣ разликують.
узда и языку,
престанеши крику.
о душе стрегися,
прошу не свяжися.
стави⁹⁾ въ твоємъ усѣ,
въ мудростномъ¹⁰⁾ убрусѣ.
таковыя любить,
вездѣ мзду сугубить.

Ф.

въ языку славенскомъ,
въ дѣлѣ деревенскомъ.
землю орющи,
кормлю пасущи.

1) Ч — по^ставь, П — поста^вль.
2) УП — да^й, Б — да^и.
3) Въ УП (Б?) это слово кончается на Ъ.
4) Б — тарѣ^л.
5) Въ А поправлено на — т^алерь.
6) УП — том^арь, Б — тома^р.
7) У — ѣ.
8) УП — при^смотр^ай.
9) Б — ста^вѣ.
10) У — м^удростно.
Древности. Т. XXV.

Финиксъ есть древо
въ разумъ сотвори
Въ философіи
свободишися
Фонарь добрый смыслъ
Фелонь, Фіялки²⁾

Хѣръ въ писменахъ знай
посемъ узриши
При хлѣбѣ и холеть
хомуть конемъ, хвостъ⁶⁾
Холмъ добродѣтель
по морю земли
Животныхъ¹⁰⁾ разный видъ
въ¹²⁾ досужствѣ своемъ
Вся¹³⁾ вещи въ требство
да въ семь и славить

О¹⁷⁾ съ твердомъ въ рѣчи
отъ кого, и охъ
Отъ Бога милость
како предъ нимъ жить
Обручь готовъ
ожерелья ти

Финиксъ же и птица,
господня десница.
назираи вся вещи¹⁾,
гордостныя пеши,
носи въ дни и ноши,
Фіаль³⁾ въ радость мощи.

Х.

херувимъ писати,
и хлѣбъ гдѣ⁴⁾ собрати.
людемъ одѣніе⁵⁾,
въ употребленіе.
въ полку ставъ хоругвь⁷⁾,
ици си⁸⁾ всякъ друговъ⁹⁾.
хортъ есть собака¹¹⁾,
и та не однака.
далъ Богъ¹⁴⁾ челоуѣку,
теча¹⁵⁾ къ суцу вѣку¹⁶⁾.

Ѓ.

разность межъ¹⁸⁾ имѣють,
печаль въ людехъ дѣють.
о ней благодари,
гдѣ, всегда говори¹⁹⁾.
любве нетерзанны,
честь, слава избранны.

1) Б — вѣщи.

2) Ч — Фіалки.

3) Ц — Фіаль.

4) Ч — гдѣ себѣ.

5) УАП — одѣніе.

6) А — хвостъ.

7) Въ ЧВ удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ УАЦП — на второмъ.

8) Въ Б это слово опущено.

9) Въ ЧУИ удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ АЦ — на первомъ.

10) А — животный.

11) Ч — сабака.

12) У это слово опущено.

13) Ч — всѣ.

14) У — бгѣ.

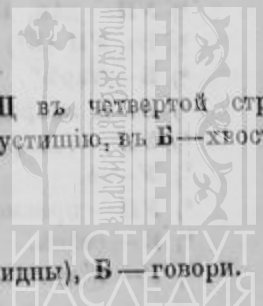
15) А — теца.

16) Въ А стихи на эту букву не раздѣлены на полустишія, въ УЦ въ четвертой строкѣ слово — хвостъ —, а въ седьмой строкѣ слово — видъ —, отнесены ко второму полустишію, въ Б — хвостъ — отнесено ко второму полустишію, — видъ — къ первому.

17) УП — ѿ.

18) А — мѣжъ, ЧЦБ — межъ.

19) У — говоритъ, З — говоритъ (въ Р послѣднія двѣ буквы — ть — еле видны), Б — говори.

Вѣчна блаженства
пріятство гдѣ возьму
Остенъ лѣнннву
умну, встанннву

о юнѣ да чаешн,
да величаешн.
ослу содѣлося¹⁾,
тобѣ не годнлося.

Ц.

Каковы суть цн
въ благодарствѣ всякъ
Въ церковь учащай
въ цвѣтахъ жнтелство
Какова³⁾ есть цепь
будешн небомъ
Въ цѣвннцу духа
аще мудру пѣснь
Не красны пѣснн
егда не нмуть

въ писмяномъ зрн слозѣ,
будн Богу²⁾ мнозѣ.
та небо земное,
размотряй травное.
сцѣпляй⁴⁾ добродѣтель.
съ святыми владѣтель.
мощно тн нгратн,
нмашн слагатн⁵⁾.
отъ человѣкъ грѣшннхъ,
ученій утѣшннхъ.

Ч.

И человѣкъ червь
червь ннша⁶⁾ мысли
Чашу ученій⁷⁾
словесъ благнхъ долгъ
Въ чолну разума
людемъ избранннмъ⁸⁾
Чеснока грѣховъ
чпагъ полнѣ добраго
Черемха древо
прнметъ въ ястн

псаломскн назвася,
гдѣ бытн создася.
юннмъ почерпатн,
черту соблюдатн.
въ книгахъ прѣбжайся,
вездѣ прнобщайся.
всякъ не вкушай смрада,
свободнтъ отъ глада.
ягоды раждаетъ,
кто въ смыслѣ успѣваетъ.

Ш.

Въ славеноросскомъ⁹⁾
нмѣетъ дѣло
Шапка потребна
шнрннка всяку

пнсмья ша языкѣ,
пнсатнся въ лнцѣ.
н женѣ н мужу,
отнратн нужу.

1) Ч — содѣлося (второе о передѣлано изъ а), УАЦЦ — содѣласа (Ц — ся).

2) Въ Ц — бгѣ бѣдн.

3) УЗ — Таковѣ (въ Р буква Т нсправлена на К), Б — Каковѣ.

4) Ч — сцѣпляй.

5) Ч — слогатн.

6) ЧБ — ннша.

7) А — ꙗченнн, Б — ученнн.

8) В — нзбраннн.

9) Въ УП въ этомъ словѣ передъ н одно с.

Шило въ домовствѣ¹⁾
юноше бывай
Яко шаръ вездѣ
въ игрѣ шахматовѣ
Безъ того мощно
токмо все твори

Кромѣ щ счита
ученьемъ можетъ
Щипцами свѣщцы³⁾
юни свѣтли
При умныхъ людехъ⁴⁾
не велятъ щети
Словеса мудрыхъ
на всяка дѣла
Всѣмъ умнымъ душамъ
цвѣтъ имуть быти

Писмяно здѣ ерь
въ слогахъ реченій⁷⁾
Гдѣ Богъ въ началѣ
ты бы⁸⁾ юноше
Всякой бо вещи
но како кому
Поведется же
подъ началомъ⁹⁾ бывъ
Ерь въ словѣ дебелъ
смирень чловѣкъ

Ерь съ іотою
трудно безъ еры

пишагъ въ полкахъ нужень,
людемъ всѣмъ услужень.
въ службѣ ти катайся,
не велми считайся²⁾.
имѣти забаву,
на божію славу.

Щ.

нѣсть мощно вѣщати,
всякъ ся защищати.
въ ясность отирають,
въ чистотѣ бывають,
при щипцахъ⁵⁾ сѣдѣти⁶⁾,
въ гордости имѣти.
и старыхъ смиряють,
въ мѣрность поучають.
требенъ щить законный,
въ раи сладковонный.

Ъ.

такое образъ носить,
въ писмѣ мѣста просить.
кую вещь устроилъ,
все смотрствомъ окроилъ.
и время дается,
добрѣ поведется.
яко ерь въ припряжныхъ,
въ дѣлахъ непродажныхъ.
мѣсто занимаетъ,
въ небо поступаетъ.

Ы.

въ слозѣ еры творить¹⁰⁾,
многихъ словъ говорить¹¹⁾.

1) П — домбствѣ, В — домов'ствѣ.

2) Ч — щитайся.

3) Ч — свѣщци, В — свѣщци.

4) Ч — людѣхъ.

5) УП — прищитѣхъ.

6) Ч — сидѣти, УАЦ — сѣдѣти, П — сѣдѣти, В — сѣдѣти.

7) З — реченіи, Р — реченій, В — реченіи.

8) УП — бо.

9) В — подачало.

10) Ч — творит, А — творить.

11) ЦВ — говорить (въ ЦВ — безъ ударенія), ЧУ — говорит.

О человекѣ
исполнишися
Вѣра наслѣдство
воистиннѣ³⁾ ти
Въ началѣ еры
обаче въ требствѣ
Въ небо хотѣти
не будеши бо

Ерь тонкословить
въ реченіяхъ же
Впреди не стоитъ
обаче въ мѣстѣ
Тѣмъ млада душа
тонкости въ смыслѣ⁶⁾
Будеши вездѣ
съ умомъ и впреди
Точію носи
часто возноси

Ѣхати кому
размышляй присно
Въ началѣ ли кто
въ средствѣ ли, въ концѣ
Въ купность Богъ связа
распри не быти
Сама ять гласить
гдѣ¹¹⁾ и въ подчинствѣ
Въ лѣпотѣ вездѣ
возвеселится¹³⁾

смотри вездѣ мѣры,
честности¹⁾ и вѣры.
дасть²⁾ небесны горы,
вси⁴⁾ люди подпоры.
въ рѣчи не ставаетъ,
склада словъ бываетъ.
буди всякъ воздерженъ,
мѣста си отверженъ.

Б.

въ произносѣ гласа,
знанство и украса.
въ концѣ⁵⁾ послѣдствуетъ,
своемъ та дѣйствуетъ.
егда ерь пишеша,
всегда да взыщеша.
мѣсто си имѣти,
не стыдно сѣдѣти⁷⁾.
трудъ твой во⁸⁾ науцѣ,
въ молитвахъ ти рудѣ.

Б.

по жизни сей полю,
здѣ божию волю.
иныхъ потребуеть,
начала взыскуеть.
уды во⁹⁾ тѣлеси,
и писмянъ¹⁰⁾ въ словеси.
и въ глаголѣ ѣду,
не теряетъ¹²⁾ слѣду.
человѣче буди,
сердце ти и груди.

1) АП — чѣсности.

2) Ч — даст, А — дасть.

3) Ц — воистиннѣ.

4) Ч — вся (я поправлено изъ другой буквы).

5) Въ Ч — инѣмъ, а надъ этимъ словомъ надписано — вконцѣ.

6) Б — вмѣлѣ.

7) Ч — сидѣти.

8) УП — в'.

9) Ч — в'.

10) А — писма.

11) Ц — дѣ.

12) А — нетерать.

13) Ч — возвеселятся.

Ю.

Юности труды
въ старости будетъ
Предчинно ю въ слогъ
юный бывъ празденъ
Что ли потребно
добра быти въ немъ
О юный старыхъ
въ забавахъ вездѣ
Въ подчинствѣ бывъ юнъ
притчи, словеса

лѣпо есть давати,
всякъ опочивати.
и въ подчинствѣ служить,
во вѣки потужить.
онъ¹⁾ пренебрегаетъ,
никто уповаеть.
людей ты держися,
съ ними быти тщися.
впреди засѣдаетъ,
вещь и время знаетъ.

И.

Кто отзовется
и писмя зрѣвъ я
Языкъ удъ въ слово
языцы разны
Держати языкъ
яблоко, яйцо²⁾
Ястребъ воздухомъ
ящурки въ дому
Убо пишяи³⁾ я
человѣкъ здѣ сущъ⁴⁾

я въ каковомъ дѣлѣ,
познають вси смѣлѣ.
созданъ, умъ носити,
въ странахъ говорити.
отъ злобныхъ страсти,
въ требу добро ясти.
язъ водою ходить,
да никтоже плодитъ.
всякъ вѣренъ скажися,
рая не лишися.

Ѣ.

Съ⁵⁾ еллиногрецка
въ правописанствѣ
Ксенофонтъ святой
и Алексій святъ
Юный писати
въ памятехъ святыхъ
Зане въ житіе
ходи разумно
Сущо надежды
еще и другихъ

кси писмя славеномъ,
то онѣхъ именемъ⁶⁾.
Ксенія святая,
кси въ слоги вмѣщая.
кси не отрицайся,
въ небо управляйся.
свято ты устроень,
въ мудрости узброень.
въ вѣкъ не отпадеша,
къ Богу приведеша.

1) Ч — юнъ.

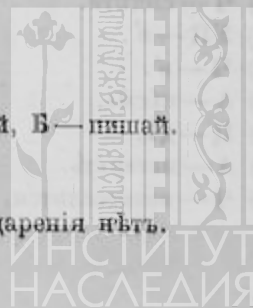
2) П — яйцо.

3) Ч — пишяи (я поправлено изъ другой буквы), У — пишайи, П — пишай, Б — пишай.

4) Ц(Б?) — сущъ.

5) Ч — Съ, УП — С', Б — Съ.

6) Въ ЧП удареніе на послѣднемъ слогѣ, въ Ц — на второмъ, въ УБ ударенія нѣтъ.

Ѱ.

Видь писмено пси
греческихъ именъ
Славяне пишуць
сбирай считай всякъ
Душа съ плотію
и паки имать
Въ добродѣтельныхъ
отъ случаявъ³⁾ злыхъ
Богъ же благая
молящияся

сицевъ показують,
въ слозѣ образують.
и греки то въ счетѣ,
ползы¹⁾ въ твоємъ лѣтѣ.
всяко разлучится,
на вѣкъ единится²⁾.
вещехъ искусися,
въ молитвѣ крѣпися.
готовъ есть давати,
скорбей изимати.

Ѡ.

Ѡнту потребно
гдѣ во именахъ
Сиплива еита
а юный уменъ⁴⁾
Навыкнетъ ли⁵⁾ кто
всякія вещи
Паче самъ себе
чего хочеть Богъ
Сотворенъ еси
прославляй творца⁶⁾

съ фертомъ въ писмѣ знати,
и числахъ писати.
въ произносѣ гласа,
любезна украса.
жити здѣ въ покорствѣ,
хочеть быть въ дозорствѣ.
восхоци смотрѣти,
отъ тебе имѣти.
ты умнословесенъ,
въ рай будеши внесенъ.

Ѳ.

Въ писменахъ славянь
въ греческихъ разумъ
Ипсиловъ у нихъ
въ слозѣ реченій
Вся писмена кто
разумѣй како
Потребы тѣми
въ соблазнъ же и вредъ
Будеши честенъ
вездѣ возмеши⁷⁾

ижица держится,
тою разнь явится.
предчинно подчинно,
и въ числѣ истинно.
изучить писати,
во изрядствѣ стати.
все добрыя пиши,
тѣ всегда лиши.
за трудъ твой и службу,
даръ тебѣ и дружбу.

1) УЗ — полъзъ (В = Р).

2) Въ А въ началѣ этого слова добавлено е.

3) ЦБ — слъ'чаевъ (въ В ударенія нѣтъ).

4) Въ ЧА удареніе на первомъ слогѣ, въ УЦП — на послѣднемъ. Надъ этимъ словомъ въ Ч написано — смѣренъ.

5) В — Навыкнети.

6) А — твоцѣ.

7) Въ УБ ударенія нѣтъ, въ ЧЦ оно на первомъ слогѣ, въ П — на второмъ.

Благодареніе¹⁾.

Боже единый
буди²⁾ честь³⁾ слава
Отъ всея твари
Отче и Сыне
Дѣло⁴⁾ се въ ползу
даждь спасеніе
Азь земля пепель
помилуй царю

въ тріехъ ипостасѣхъ,
присно ти во гласѣхъ.
еси поклоняемъ,
съ Духомъ прославляемъ.
людемъ, тебѣ ношу,
всѣмъ желаннѣ⁵⁾ прошу.
рабъ твой припадаю,
да ты⁶⁾ въ вѣкъ вспѣваю.

Аллилуіа.

БОГОРОДИЦЕ
МАРИЕ мати
Блаженно люди
еже бы Бога

о дѣво святая,
помощь всѣмъ благая.
управляй ты жити,
и ты въ вѣкъ хвалити.

Радуйся невѣсто ненеѣстная.

Небесны чины
Отъ бѣдъ, напастей
О вси святіи
за вся христіаны

вы намъ помогайте,
вездѣ сохраняйте.
въ молитвѣ вы мнозѣ,
радуитесь въ Бозѣ.

Аллилуіа.

Сій Букварь счини
а знамениль и рѣзаль

Иеромонахъ Каріонъ
Леонтей Бунинъ. 7202-го⁷⁾.

Блаженнѣйшій отче, и господине мой Пречестнѣйшій, въ Господѣ Бозѣ здравствуй, и радуйся.

Извѣстныя знаменія въ человѣцѣхъ Божія любви въ нихъ же премудрость домъ себѣ устрои, и витаетъ благодатнѣ. Ею же всякія добродѣтели непрестанно, яко премудріи архитектоны, богоизбранніи люди, и сотворяютъ милостиво отеческо

1) Въ II добавлено — бѣдъ.

2) А — бѣдъ.

3) Въ Б добавлено і.

4) У — Тѣло.

5) Б — желател'нѣ.

6) Б — вся.

7) Послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ въ ЧУАЦБ.

въ господствѣ своемъ пріятство всякому человѣку. Чесого ради многая благодаренія отъ многихъ устъ, повсюду всетворцу Богу въ прославленіе святаго имене Его воздаются. И таковое благодати Господни знаменіе и достояніе, въ боголюбивѣй души твоей всесовершеннѣ зрится умнословоголаголивыми. И благодаренія отеческихъ твоихъ исправленій богоугодныхъ вездѣ, не токмо на кровѣхъ круга земнаго проповѣдаются, но и ангельскими чины въ премірномъ оризонѣ восхваляются предъ Спасителемъ Нашимъ Богомъ. Тѣмъ же мздовоздатель Господь, мзду твоему отеческому труду, и душеспасителному въ бодрости подвигу, стократными мѣрами воздарствитъ. Азъ же меншіи за твое господское ко мнѣ пріятство, и любезное во Христѣ Бозѣ благодареніе всегда Господу Богу благодаренъ попремногу. И тебѣ Государю моему во благовременствѣ здѣ на премногая лѣта пребыванія, и полученія въ пресвѣтлыхъ небесѣхъ присносущныя некончаемыя радости со всеми святыми пріискренно желаю

Твоего благословенія и молитвъ святыхъ всегда требующій¹⁾.

Благодѣтель мой пріятнѣйшій и милостивый Господинъ, , во Господѣ Бозѣ многолѣтно здравствуй и радуйся.

Пріятство и благодареніе милости твоея всемоу человѣкомъ по премногу извѣстно есть, имъ же присно умножаеши славу Божию. Все бо за твою богомудрую и нелицемѣрную любовь всещедрого творца нашего Владыку Бога не умолкающе благодарятъ, и усердствуютъ твоей милости благоденствія и всякаго доброполученія: да во здравіи съ любезными твоими многая лѣта душеспасително поживеши, и въ прекрасномъ горнѣмъ Іеросалимѣ съ небесными гражданы водворився, славою и честію, и веселіемъ неизглаголаннымъ одарствившися вѣчно.

Сего всего и азъ пріискренно твоей милости желаю. Веселюся же слышавъ, аще ты мой благодѣтель здравствуеши въ благопоспѣшеніи, и всегда такового слышанія требую.

Милости твоея искатель и всегдашній тебѣ работникъ²⁾.

¹⁾ Листъ съ этимъ текстомъ имѣется только въ печатныхъ экземплярахъ типа Р.
²⁾ Листъ съ этимъ текстомъ имѣется только въ двухъ экземплярахъ типа Р — Истор. Музея № 325, инв. № 17029 и Имп. Акад. Наукъ 36. 14. 13.

Адамантъ только въ **Ч.** Бер.¹⁾, стр. 224—Адамантъ.... Алмазь, москов.: дорогой камень....; алмазомъ названъ адамантъ также въ **Азбуковникѣ** (Тих. № 338²⁾, стихъ 9) и въ **Книгѣ Естествословной**³⁾ (ч. IX, статья 13); у **Далѣ**⁴⁾: Адамантъ.... стар. алмазь, бриліантъ.

Адамъ (*m*). Бер., стр. 224, **Азбуковн.** (Тих., ст. 3).

Александръ [ѣ] только въ **П.** Бер., стр. 227. Изображенъ преподобный, можетъ быть св. Александръ Свирскій, по крайней мѣрѣ у **Берынды** въ числѣ дней, въ которые празднуются святые съ именемъ Александра, обозначено и 30 августа—день празднованія указаннаго святого.

царь Александръ [ѣ] **УЦ.** Нимба нѣтъ, и потому, вѣроятно, изображенъ Александръ, царь Македонскій, въ **У** онъ безъ бороды, въ **Ц**—съ бородой.

¹⁾ Лексиконъ *Памвы Беринды*, 2 изд., 1653 г., срв. выше стр. 271—272, гдѣ объяснены и другія сокращенія, а также указаны и задачи настоящаго приложенія.

²⁾ Списокъ *Азбуковника* изъ собранія *Н. С. Тихонравова*, принадлеж. Имп. Моск. и Румянц. Музею; какъ здѣсь, такъ и ниже, указываются стихи, на которые раздѣленъ этотъ *Азбуковникъ*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаются также ссылки и на изданіе *И. П. Сахарова*, рѣже на изслѣдованіе *А. Карпова*, «Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой бібліотеки», Казань. 1877. Объ *Азбуковникахъ* см. также выше стр. 270.

³⁾ Ссылки на эту книгу, любезно указанную намъ *акад. А. И. Соболевскимъ*, дѣлаются по списку изъ собранія *И. А. Вахромьева*, принадлеж. Имп. Росс. Истор. Музею, при чемъ отмѣчаются части и статьи, на которыя дѣлится эта книга; о самой книгѣ см. выше, стр. 270.

⁴⁾ Пользуемся 3-мъ, исправл. и значит. дополн., изд. «*Толковаго Словаря живого Велинорусск. яз. Владиміра Далѣ*», 1903—1909.

св. Алексій, человекъ Божій [ѣ] (*m*); такое полное обозначеніе святого только въ **Ч.** Бер., стр. 227; въ числѣ дней празднованія святыхъ съ этимъ именемъ указано и 17 марта, день празднованія св. Алексія, человека Божія.

Алкторъ. Бер., стр. 226, пояснено—пѣтель, въ **Азбуковникѣ**—куръ (Тих., ст. 18) или петель (**Сахаровъ**, стр. 142); у **Берха**—пѣтухъ.

Америка, въ **АЦП** добавлено **г**, т.-е. третья часть земли, срв. ниже **Асія** и **Африка**.

Аналогій. Въ **Азбуковникѣ** (Тих., ст. 9)—аналогъ, налои; то же у **Далѣ** и **Берха**. Изображенъ налои, какъ въ концѣ XVII в. его называли (срв. *И. Е. Забѣлинъ*, *Дом. Быть Русск. Царей въ XVI и XVII ст.*, ч. I, 3 изд., М. 1895, стр. 254 и 623), розгибной, подобные налои, судя по изданію *гр. А. А. Бобринскаго*, Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода, вып. II, М. 1910, табл. 24, № 4 и вып. V, М. 1911, табл. 67, №№ 7, 8 и 10, какъ издатель называетъ ихъ, складные¹⁾, и теперь сохраняются въ ц. Рождества Богородицы въ г. Соликамскѣ, въ Новгородѣ въ Музеѣ древностей (изъ Петропавловской ц., что на Ильиной улицѣ въ Новгородѣ), въ церкви Бережно-Дубровскаго погоста на рѣкѣ Онегѣ, Пудожекаго у. Олонецкой губ.

Анкира (ἀγκύρα), въ **Ч** пояснено—ко^твица, то же и у **Бер.**, стр. 231 (срв. выше стр. 269). Въ **Азбуковникѣ** (Тих., ст. 34)—градъ и паки якорь корабленный; у **Берха**—якорь, срв. у **Далѣ**, гдѣ *Котва.... стар. якорь....* (см. также *Словарь Русск. яз.*, сост. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Наукъ, т. IV в. 8, Пг. 1914,

¹⁾ По указанію *Н. Н. Руднева*, подобные налои въ сельскихъ церквахъ называютъ въ настоящее время равножками.

ст. 2449). Въ УЦП анкира изображена въ видѣ двухлапаго якоря, въ А — четырехлапаго.

Анораксъ камень, въ Ч добавлено — *яко уголь горящ*. Въ УАЦ — камень краснаго цвѣта. (Въ противоположность П онъ въ УАЦ безъ оправы). Бер., стр. 231 — Анораксъ.... *накшталтъ [на подобіе] угля горячого....*, Книга Естествосл. (ч. IX, ст. 4) — анфраксъ камень, сей имать видъ свой зѣло червленный, сиестъ красенъ.... свѣтится яко же (?) свеща, или уголь горящій...., также и Азбуковн. — *яки югль горящ* (Тих., ст. 311, подь словомъ карвуньколось, на которое сдѣлана ссылка въ ст. 8 при толкованіи слова анфраксъ, Карповъ, о. с., стр. 264, однако и подь даннымъ словомъ, цитируя Соловецкій сп. № 18, отмѣчаетъ слѣдующее: «Четвертый камень анфраксъ (*ἀνθραξ, carbunculus*) такъ же красенъ, какъ горячій уголь»). У Дала: Антраксъ.... дорогой камень карбункулъ или анораксъ, въ древности, должно быть яхонтъ (лазь, рубинъ) или пиропъ (вениса, гранатъ).

Априлліи мѣсяць. Дано обычное изображеніе солнца въ видѣ человѣческаго лица, въ УАЦ оно — впрямь, въ П — обращено въ сторону Адама съ исходящими на него черезъ облака лучами.

Араната коза, въ Ч добавлено — *ко америки* лист 296, въ АЦ — *во америкѣ*. Источникъ, указанный Истоминымъ, какъ отмѣчено выше, стр. 270—271, остался неясненнымъ, но уже Извъковъ (о. с., стр. 736) справедливо замѣтилъ, что по изображенію эта коза совершенно похожа на обезьяну (мы бы добавили только — *шиюка*, срв. оба изображенія въ УАЦ), и не это ли именно животное, хотя и подь другимъ названіемъ, описано въ Книгѣ Естествословной (ч. I, ст. 62) — *Арантосъ* есть звѣрь или нѣкое диво, со главы яко шификъ руки и ноги яко человѣчи, и малыя роги хвостъ яко змій протягается обрѣтается во америке¹⁾. Нельзя ли также предположить, что

¹⁾ Срв. указанную въ изслѣдов. А. Д. Карпьева, «Матеріалы и замѣтки по литерат. исторіи Физиолога», изд. Имп. Общ. Люб. Др. Письм., ХСII, 1890, стр. 47, пр. 3, книгу К. Дамскаго, «Любопытный Словарь естествъ животныхъ....», Спб. 1801, гдѣ на стр. 14 почти то же самое мы находимъ о чудовищѣ арантосѣ.

оба эти названія указываютъ на одинъ и тотъ же видъ обезьяны — орангъ-утанга?

Арѣа планета (въ А — планита); въ Ч не упомянута. Бер., стр. 234, Арисъ или Арѣа.... Имя идолу и Планитѣ марсу. Изображена эта планета, какъ она обычно изображается въ астрономическихъ сочиненіяхъ, только въ УП острее копыя нѣсколько иной формы.

Ариѳметика (въ П — *арео....*). Бер., стр. 235 (Арѳо....). На обѣихъ страницахъ раскрытой книги въ АЦ арабскія цифры (въ АЦ на лѣвой страницѣ: 1—5, на правой: 6—10, въ П другое размѣщеніе цифръ: 1—4 и 5—10).

Асія, въ ЧАЦП добавлено — *часть ѿ (П—а) земли*. Бер., стр. 238 — Асія, Азбуковн. (Тих., ст. 41) — Азія.

Аспидъ, въ Ч добавлено — *змій*; у Берха также пояснено — *змѣй*. Объ аспидѣ см. въ Азбуковникѣ (Тих., ст. 44 — *а иные глаголють аспидъ змѣй....*), въ Книгѣ Естествосл. (ч. IV, ст. 1 — Аспидъ) и въ «Матеріалахъ для Археологич. Словаря» («Древности. Труды Моск. Археологич. Общ.», т. I, в. 1, стр. 1—2¹⁾); о происхожденіи этого слова см. въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., А. Преображенскаго, вып. 1, М. 1910, стр. 9. Бер., стр. 239 — Аспіда:.... або зміа....

Африка, въ АП добавлено — *часть ѿ*, въ Ц — *часть*, но цифра *г* (?) стерта. Неустойчивость АЦП въ опредѣленіи мѣстъ, занимаемыхъ той или другой частью свѣта, могла зависѣть между прочимъ и отъ того, что Истоминъ ограничился показаніемъ мѣста одной только Азіи. Бер.; стр. 241 — Африка, Азбуковн. (Тих., ст. 43) — О африкѣ.

Афродита, въ Ч добавлено — *звѣзда*, въ Ц вмѣстѣ съ Арѣа обѣ онѣ названы — *планеты*.

¹⁾ Въ 1887 г. за подписью Предѣдателя Имѣ. Моск. Археологич. Общ. гр. П. С. Уваровой и Секретаря Общества А. В. Орѣшниковой было напечатано особой брошюрой обращеніе отъ лица Общества съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ работахъ по составленію Археологич. Словаря, къ обращенію были приложены программа этого Словаря и списокъ словъ, вошедшихъ въ Матеріалы для Археологич. Словаря, помѣщавшіеся Обществомъ въ «Древности»; для краткости въ дальнѣйшемъ, ссылаясь на эти Матеріалы, мы ихъ обозначаемъ — Археологич. Слов. и указываемъ томъ, выпускъ и стр. «Древностей», гдѣ помѣщено соответствующее слово.

Бер., стр. 241 — Афродита лат.: Вѣнусъ... таяжъ денница гды предъ солнцемъ идетъ, а за нимъ Вечерницу зовемъ, Азбуковн. (Тих., ст. 52) — аеродитъ, едина звѣзда отъ 7-ми планитъ небесныхъ... по елински аеродита... И эта планета (Венера), подобно Ареа (Марсу), изображена, какъ она обычно изображается въ астрономическихъ сочиненіяхъ, только въ II наверхъ вмѣсто обычнаго креста въ видѣ конья, а дискъ весь въ лучахъ.

Бабръ [Ъ]. Въ Книгѣ Естествословн. (ч. I, ст. 39) чит.: Бабръ подобенъ рыси во всемъ и зѣло свирѣпъ, инымъ звѣремъ, якоже борану прорветъ брюхо и піетъ кровь, обрѣтается во индіи; въ Этимологич. Словарѣ Русск. языка, А. Преображенскаго, в. 1, стр. 10 — бабръ област. сиб. названіе тигра. Заимств. изъ перс. *babr*... черезъ тюрк. Ср. тат. *бaбр*...; у Далъ: Бабръ... сиб. звѣрь, равняющійся по лютости и силѣ льву; тигръ... Ученые ошибочно назвали бабромъ одного изъ барсовъ..., а географы даже, въ Иркутскомъ гербѣ, переименовали и переписали его въ бобрá¹). Ошибочно бобромъ названъ бабръ и

у Берха и Извѣкова (стр. 737). Въ Ч былъ намѣченъ и бобръ, но затѣмъ слово это зачеркнуто.

Гербъ Иркутской Губерніи представляетъ бобра (вмѣсто *бáбра*), *несущаго во рту соболя!*. На обложкѣ этой книги дано и изображеніе Иркутскаго герба съ *бáбромъ*. Но какъ бы то ни было, въ вышедшей въ Спб. вторымъ изданіемъ въ слѣдующемъ же, 1818, году, книгѣ [Зябловскаго], «Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи», ч. 2, стр. 196, мы опять таки про этотъ гербъ читаемъ слѣд.: «Гербъ Иркутской представляетъ щитъ въ серебряномъ полѣ, въ коемъ изображенъ бѣгущій по зеленой травѣ въ лѣвую сторону бобръ, держащій во рту соболя», и на приложенной къ книгѣ таблицѣ въ гербѣ изображенъ бобръ, а не *бáбръ*, и стоитъ онъ не въ лѣвую щита сторону, а въ правую. Врядъ ли однако замѣна *бáбра* бобромъ была типографской только ошибкой, по крайней мѣрѣ черезъ 60 лѣтъ послѣ выхода указанной книги 5 іюля 1878 г. Высочайше утверждёнъ былъ новый гербъ Иркутской губ., и въ этомъ гербѣ опять таки изображенъ бобръ, а не *бáбръ*, и бѣжитъ онъ въ ту же сторону, какъ и на изображеніи у Зябловскаго (см. книгу П. П. фонъ-Винклера, «Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской Имперіи, внесенные въ Полное Собраніе Законовъ съ 1649 по 1900 годъ», Спб., стр. 181); любопытно впрочемъ, что въ сохраненномъ безъ измѣненій Екатерининскомъ гербѣ самого города Иркутска оставлено было изображеніе *бáбра*, только названъ онъ уже тигромъ, бѣгущаго въ ту же лѣвую сторону щита, какъ и у Семивскаго (см. книгу П. П. фонъ-Винклера, стр. 59). Къ сожалѣнію, первоначальнаго изображенія Иркутскаго герба намъ не удалось увидѣть (о печати Иркутскаго города XVII в. съ бабромъ см. въ изд. В. П. Сукачева, Первое столѣтіе Иркутска, Спб. 1902, Введение П. М. Головачева, стр. XII—XIII), и мы въ дополненіе къ труду Семивскаго можемъ только отмѣтить указаніе Иркутской лѣтописи, что въ 1690 г. февраля 18 Иркутскъ получилъ изъ Сибирскаго приказа гербъ и печать, см. Труды Восточно-Сибирск. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., № 5. *Иркутская Лѣтопись* (Лѣтописи П. И. Пеземскаго и В. А. Кротова). Съ предисловіемъ, добавленіями и примѣчаніями И. И. Серебренникова, Иркутскъ. 1911, стр. 6, и что нахожденіе *бáбра* въ Иркутскомъ гербѣ подтверждается двумя печатями города Иркутска 1711 и 1743 гг. (См. Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридич. актамъ, хранящимся въ Московск. Архивѣ Минист. Юстиціи, составл. Директ. Архива П. Ивановымъ, М. 1858, табл. XX, №№ 5 и 9 и стр. 34) съ надписью на первой «Вѣкъ» и на вто-

¹) Объ Иркутскомъ гербѣ важнѣйшія свѣдѣнія мы находимъ въ книгѣ Семивскаго, «Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири, изъ чего многое донинѣ не было всѣмъ извѣстно», Спб. 1817, стр. 30—31—«Гербъ Иркутска, а по тому и всей Иркутской Губерніи, 18 Февраля 1696 пожалованный и 26 Октября 1790 года Высочайше подтвержденный, представляетъ въ серебряномъ полѣ *Бáбра* (*), бѣгущаго по зеленой травѣ въ лѣвую щита сторону и имѣющаго въ челюстяхъ своихъ *Соболя*», «(*) *Бабръ* не бобръ, и бобръ не бабръ. — Бобръ (*Castor fiber*) извѣстное, земноводное животное; но *Бабръ* (*Felis panthera*) большой, сильный и лютый звѣрь, имѣющій хвостъ длинный и шерсть на шкурѣ своей свѣтложелтоватаго цвѣта съ чернотурьми, поперечными полосами, живущій въ жаркомъ климатѣ, въ Китайскихъ и въ другихъ, Южныхъ, Иностранныхъ владѣніяхъ, котораго относятъ къ роду *тигровъ*. — Изъ *Китайскихъ владѣній* чрезъ границу иногда перебѣгаютъ *бáбры* въ *Иркутскую Губернію*; особенно бывають не рѣдко въ *краю Нерчинскомъ*; и случалось даже, что промышленные звѣроловы находили и убивали ихъ неподалеку отъ *Якутска*. — Да послужитъ сіе примѣчаніе къ поправленію Типографскихъ, можетъ быть, ошибокъ въ *Землеописаніяхъ* нашихъ, въ коихъ напечатано, что

Багоръ [Ъ]. У **Берха** пояснено — четырехлапный якорь или кошка, у **Даля**: Багоръ.... желѣзный крюкъ на багровищѣ (шестѣ); далѣ указаны: отпорный багоръ, пожарный, рыболовный, сарѳмный, яровой, ятовный; въ **Словарѣ Русск. яз.**, составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., в. 1, ст. 91, указанъ багоръ отпорный, рыболовный, пожарный. Но изображенія въ **Букварѣ** не соотвѣтствуютъ описанію этого предмета ни въ **Словарѣ Русск. яз.**, ни у **Даля**. О происхожденіи этого слова и о его значеніяхъ см. у **Вернекер'а**, *Slavisches Etymologisches Wörterbuch*, Liefer. 1, Heidelberg. 1908, S. 38.

Барабанъ (т). Въ **А** изображеніе утрачено.

Баранъ (въ **П** — **Боранъ**). Въ **Книгѣ Естествосл.** (ч. I, ст. 58) — **Боранъ**.

Бѣрдо. У **Даля**: Бѣрдо.... принадлежность ткацкаго стана, родъ гребня для прибора утока, для чего каждая нить основы продѣта въ наборъ или зубья бѣрда, вложеннаго въ набѣлки....; см. объ этомъ предметѣ также въ «**Русск. Толков. Лѣсоотварномъ Словарѣ**» **Дим. Кайгородова**, Спб. 1883, стр. 13—14 (**Бѣрдо**); подробный перечень частей пряжи и орудій, которыми выдѣлывается пряжа и холстъ, находимъ въ «**Кашинскомъ Словарѣ**» **И. Т. Смирнова** (Сб. Отд. Русск. яз. и Слов. И. А. Н., т. LXX, № 5, Спб. 1901), стр. 144—145, подъ словомъ — **Пряжа**, см. также на стр. 6 — **Бѣрдо**. На назначеніе этого предмета указываютъ между прочимъ и слова текста виршъ: «ткати поставъ добръ».

Бичъ (т). Въ **Азбуковникѣ** (**Тих.**, ст. 68) пояснено — кнутъ. Въ **А** изображеніе утрачено.

рой «**Бѣбръ**» и описаніемъ герба въ «**Полномъ Собраніи Законовъ Росс. Имп., съ 1649 года**», т. XXIII, 1830, стр. 174—16.913—[1790 года] Октября 26. Высочайше утвержденный докладъ Сената. — О гербахъ городовъ Иркутскаго Намѣстничества. Докладъ.... города Иркутскъ.... гербы имѣютъ старинные, донныѣ тамъ употребляемые.... и купно старыя.... I. Иркутску. Въ серебряномъ полѣ щита бѣгущій бабръ, а въ роту у него соболю. Сей гербъ старой. Какъ на указанныхъ печатяхъ, такъ и на рисунокѣ герба, приложенномъ къ **Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., Книга чертежей и рисунковъ**. (Рисунки гербамъ городовъ). Спб. 1843, л. 25, бабръ изображенъ бѣгущимъ въ лѣвую сторону щита.

Ботянь птиць, только въ **Ч. У Даля**: **Бадьянь**, **батянь** [ботянь] или **батьянь**, птица аистъ? То же въ **Словарѣ Русск. яз.**, составл. 2 Отдѣл. И. А. Н., в. 1, ст. 252, гдѣ «**Ботянь....** (поль. bocian). Аистъ», см. также и у **Вернекер'а**, о. с., S. 78 — **botjanъ....** p. bocian Storch' [=Аистъ]. Бер., стр. 272 — **Еродій**: Птахъ подобенъ **Боцяну** або **чапли....** Не этотъ ли **боцянь** имѣлся въ виду и **Каріономъ**?

Брада (т); въ **Ч** первоначально было — борода, потомъ первое о зачеркнуто, а второе передѣлано въ **а**. Въ **А** изображеніе утрачено.

Брань (т), въ **АЦП** добавлено — **ѣлѣ война**; впрочемъ въ **А**, гдѣ часть рисунка утрачена, сохранилось только **ѣлѣ** в; въ **Ч** слово война было намѣчено ниже подъ буквой **В**, но потомъ зачеркнуто, въ текстѣ же виршъ на **В** война упоминается. Въ **П** представлена эта сцена значительно сложнѣе: здѣсь между прочимъ дѣйствуетъ и конница, вдали виденъ городъ. **Берхъ** замѣчаетъ: «городъ и двѣ сражающіяся арміи выгравированы довольно порядочно».

Бритва. Въ **УЦ** рукоять у бритвы откидная, въ **П** бритва — на подобіе ножа съ череномъ, въ **А** изображеніе утрачено.

Буйволъ. Въ **А** изображеніе утрачено.

Валь земельный (Ц — земнѣ). Въ **А** изображеніе утрачено, въ **П** его нѣтъ.

Ведро.

Веревка (П — **вѣрвь**). Въ **А** изображеніе утрачено.

Вериги (т). Бер., стр. 13 — **Верига**, albo **веригы**, пута.... Въ **А** изображеніе сохранилось лишь отчасти, въ **Ц** нѣтъ его. Изображенія въ **У** и **П** и, м. б., въ **А** различныя. Судя по тексту виршъ и по изображенію **веригъ**, подъ послѣдними разумѣются здѣсь орудія наказанія, а не памятники аскетическихъ подвиговъ.

Весло (въ **Ц** — **вясло**). Въ **А** изображеніе сохранилось лишь отчасти.

Вилы. Въ **А** изображеніе сохранилось лишь отчасти.

Виноградъ (т). **Книга Естествосл.** (ч. VIII, ст. 9). Въ **А** изображеніе утрачено.

Власы [Ы].

Воинъ, въ **Ч** добавлено — на кони. Коннымъ онъ и изображенъ въ **УЦП**, въ **А** изображение утрачено. Бер., стр. 16 — Воинъ: Рыцерь....

Воробей (такъ только въ **Ч**; въ **АП** — вѣбій, въ **Ц** — вѣбій). М. пр. и Берхъ отмѣчаетъ, что воробей названъ вѣбемъ. Бер., стр. 16 — Вѣбій: Воробецъ....

Ворона (въ **П** — Вѣронъ). Бер., стр. 16 — Вранъ: Воронъ...., Книга Естествосл. (ч. II, ст. 21) — Вранъ. Въ **А** изображение утрачено.

Врата только въ **П**. Бер., стр. 16 — Врата: Ворота....

Вретено только въ **П**; Берхъ поясняетъ — веретено, срв. у Даля: Вретенѣ, см. веретено.

Выдра [Ы]. У Даля — звѣрокъ.... нѣчто среднее между норкой и морской выдрой (камчат. бобръ), въ рѣкахъ средней Россіи.

Вѣнецъ. Бер., стр. 26 — Вѣнецъ: Корона....

Вѣсы [Ы].

Вѣтвь (въ **Ч** — вѣтви). Въ **УАЦ** — вѣтвь пальмовая, въ **П** — виноградная.

Вѣтрь; у Берха — вѣтеръ.

Голубъ. Бер., стр. 29 — Голубъ, Голубица: Голубка.

Гомоюнъ (въ **А** — гомоюнъ) птица (въ **П** послѣдняго слова нѣтъ); въ **АЦ** добавлено — безногъ. Въ Книгѣ Естествословн. (ч. II, ст. 14)¹⁾ чит.: О гамаюнѣ. Гамаюнъ птица инакоже иманкорія, еяже и райскою птицею именуеть, величествомъ поболѣ вѣбія хвостъ имать семи пядей, ногу и крыль у себѣ не имать, обаче выну непрестанно по воздуху хвостомъ своимъ летаетъ, и никогда почиваетъ, цвѣтже перія ея велми прекрасенъ есть, и пожелатенъ видѣнію человѣческому, а егдаже падеть на землю, тогда паденіемъ своимъ провозвѣщаетъ смерть царей или королей, или коего князя самодержавна, — періе ея дражайшею цѣбною покупають знатныя персоны, и при шляпахъ и шапкахъ ихъ носятъ обрѣтается во аравіи и африце; о гамаюнѣ говорится также въ одной изъ Космографій, см. «Космо-

графія 1670», изд. по сп. Моск. Синод. Библ. 1670 г. Имп. Общ. Люб. Др. Письм. XXI — LVII — LXVIII, С.-Пб. 1878—1881, стр. 19, здѣсь одна изъ райскихъ птицъ названа «гамаяусъ», въ друг. сп. той же Космографіи, изд. А. Н. Поповымъ въ «Изборникѣ» М. 1869, стр. 470, эта же птица названа «Гамаюнъ», также она названа и въ сп., изд. во «Временникѣ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.» кн. 16, М. 1853, III, стр. 9. Изображенія этой птицы въ спискахъ и печатномъ изданіи не одинаковыя: въ **АЦ** птица изображена съ поднятыми крыльями, какъ бы собираясь летѣть, въ **П** она напоминаетъ ежа, почему Берхъ и Ровинскій (Русск. Народн. Картинки, кн. II, стр. 487) ошибочно и сочли эту птицу за ежа. Благодаря любезнымъ указаніямъ А. В. Орѣшникова, акад. А. И. Соболевскаго и особенно В. К. Трутовскаго, сообщившаго намъ выписку изъ неизданной имъ пока статьи о Смоленскомъ гербѣ, эти изображенія, кажется, могутъ быть довольно правдоподобно объяснены нами, и если источникъ, какимъ пользовались иконописцы при изображеніи Гамаюна въ **АЦ** еще можетъ возбуждать нѣкоторое сомнѣніе, то источникъ для **П** вполне устанавливается. Конечно, о томъ, что Гамаюнъ — птица безногая, иконописцы могли узнать и изъ какого-нибудь Физиолога, по крайней мѣрѣ въ сказаніи объ этой птицѣ въ Книгѣ Естествосл., приведенномъ нами выше, объ этомъ говорится, но, съ другой стороны, они, можетъ быть, имѣли въ виду и живую птицу Гамаюна, поднесенную царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ въ 1686 г., см. сочиненіе И. Е. Забѣлина, Домашній Бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст., ч. 1, 3 изд., стр. 247; И. Е. тутъ же приводитъ и болѣе раннее (судя по другому сочиненію И. Е., Дом. Бытъ Русск. Царицъ въ XVI и XVII ст., 3 изд., М. 1901, стр. 634, относящееся къ 1616 г. окт. 21) указаніе въ дворцовыхъ записяхъ о птицѣ Гамаюнѣ, допуская, впрочемъ, что упомянутая тамъ птица могла быть и какой-либо вещицей, изображавшей птицу Гамаюна, подобно вещицѣ, отмѣченной И. Е. на стр. 244 Дом. Быта Русск. Царей, или наконецъ другую живую птицу Гамаюна — любимого кречета

¹⁾ Любезнымъ указаніемъ на эту книгу, какъ мы отмѣчали и выше, мы обязаны академику А. И. Соболевскому.

ц. Алексѣя Михайловича¹⁾, послѣднее предположеніе можетъ отчасти основываться и на томъ, что изображенія гамаюна и кречета, если не считать отсутствія ногъ у перваго, въ АЦ довольно близки между собой. Этотъ кречеть Гамаюнь въ «Книгѣ глаголемой Урядникъ...» упомянуть впереди другихъ птицъ — Роспись Государевымъ охотникамъ, кому которыхъ птицъ указано держать. Первая Парфентіева статья. Парфентію самому: кречеть Сибирскій цвѣтный Гамаюнь.... (Древн. Росс. Вивліов...., изд. 2, ч. III, М. 1788, стр. 456), много объ этомъ красномъ кречетѣ Гамаюнь говоритъ и ц. Алексѣй Михайловичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ стольнику и ловчему Аѳанасію Ивановичу Матюшкину²⁾. Но если вопросъ объ изображеніи Гамаюна въ АЦ остается еще нерѣшеннымъ, то изображеніе Гамаюна въ П Бунинымъ несомнѣнно заимствовано изъ Смоленскаго герба, см., нпр., изображеніе этого герба на табл. 36 въ изданіи «Портреты, гербы и печати Большой Государственной Книги 1672 г.» (С.-Пб. 1903)³⁾; замѣчательно, что и безногая

птица, изображенная на этомъ гербѣ, называется гамаюномъ, что удостоверяется: во 1) описаніемъ знамени, даннаго 8 декабря 1686 г. «княжества Смоленскаго въ еноральской полкъ» — подъ орломъ печать Смоленская вклеиме пушка на ней птица гомаюнь — Древности Россійскаго Государства, дополненіе къ III отдѣленію, Русскія Старинныя Знамена. Составилъ Лукіанъ Яковлевъ, М. 1865, Приложенія, стр. 76, см. также изслѣдов. стр. 79¹⁾, и во 2) подписью на восковой печати

кіера въ сочиненіи «Русская Геральдика», кн. I, Спб. 1855, стр. 284—285. Кромѣ Большой Государств. книги отъ конца XVII в. дошли до насъ и два другихъ изображенія райской птицы на пушкѣ въ Смоленскомъ гербѣ: одно — на снимкѣ съ царской печати *И. Г. Корба* въ Дневникѣ путеш. въ Московію (1698 и 1699 гг.), см. въ изд. *А. С. Суворина*, Спб. 1906, рис. 1, другое — на золотой тарелкѣ ц. Алексѣя Михайловича 1675 г. (см. *Древности Росс. Госуд....*, Отд. V, М. 1853, стр. 63—64, Рисун. № 42, также *Опись Моск. Оруж. Палаты*, ч. 2, М. 1884, стр. 16, № 540 и табл. 174); оба эти изображенія райской птицы, особенно второе, впрочемъ, нѣсколько отличаются отъ изображенія въ *Больш. Государств. Книгѣ* 1672 г. Известно и еще одно литое изображеніе безногой птицы, при томъ съ надписью «Гамаюнь», хотя и видѣ какого либо отношенія къ Смоленскому гербу, это на пиццали (пушкѣ) литья Мартыана Осипова 1690 года 29 июля (объ этой пиццали, стоящей и теперь въ Кремлѣ передъ зданіемъ казармъ пятой отъ Троицкихъ воротъ, см. въ «Историч. Описаніи одежды и вооруженія Росс. войскъ...» *П. Висковатова*, ч. I, тетр. 7, Спб. 1841, стр. 199, и рис. № 155а); изображеніе птицы сходно съ изображеніемъ у *Корба*. Въ настоящее время, какъ указано у *Ю. В. Арсеньева*, райская птица на Смоленскомъ гербѣ изображена съ ногами, срв. книгу *П. П. фонъ-Винклера*, Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Рос. Имп...., стр. 189, гдѣ изображенъ теперешній гербъ Смоленской губ., Высочайше утвержденный 8 декабря 1856 г. (впрочемъ и ранѣе иногда птица изображалась съ ногами, срв. *Зябловскаго*, Новѣйшее землеописаніе Росс. Имперіи, 2 изд., ч. 2, Спб. 1818, стр. 36—37), любопытно однако, что гербъ самого города Смоленска, какъ выше мы указывали и относительно герба города Иркутска, сохраненъ старый, Екатерининскій 10 окт. 1780 г., съ птицей безъ ногъ, см. ту же книгу *П. П. фонъ-Винклера*, стр. 139.

¹⁾ Не была ли эта птица изображена на соотенномъ знамени у сокольниковъ и стремянныхъ конюховъ въ Рижскомъ походѣ ц. Алексѣя Михайловича 15 мая 1656 г., по крайней мѣрѣ въ Описи знаменъ 1664 г. подъ № 10 указывалось, что это знамя черной тафты, въ серединѣ вшита птица гамаюнь, опушка тафта бѣлая (см. указанное ниже изслѣдов. *Л. Яковлева*, Русск. старинныя знамена, стр. 50, 66, Прилож., стр. 5).

²⁾ Указаніемъ на письма ц. Алексѣя Михайловича мы обязаны *акад. А. И. Соболевскому*. Что же касается даннаго письма, то оно не разъ издавалось, см. Сборникъ Муханова, М. 1836, № 164, стр. 224 и сл., Дополненія къ Актамъ Историч., т. 3, С.-Пб. 1848, № 71, XII, стр. 255—256, Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича... изд. *Петръ Бартеневъ*, М. 1856, XXIV, стр. 82 и сл., и наконецъ «Опыты изуч. Русск. древн. и ист....» *Ив. Забѣлина*, ч. I, М. 1872, стр. 297 и сл., гдѣ переиздана статья *И. Е.*, помѣщенная имъ ранѣе въ 1858 г. въ Журналъ Охоты, янв.; *И. Е.* устанавливаетъ и дату этого письма — 12 июня 1657 года.

³⁾ О Смоленскомъ гербѣ съ райской птицей или Гамаюномъ на пушкѣ см. въ лекціяхъ *Ю. В. Арсеньева*, Геральдика, М. 1908, стр. 196—197, гдѣ между прочимъ отмѣчено, что въ настоящее время эта райская птица изображается болѣе сходною съ дѣйствительностью и стоящею на ногахъ, срв. также объясненія этого герба у *А. Ла-*

¹⁾ Указаніемъ на изслѣдов. *Яковлева* мы обязаны *В. К. Трутовскому*.

княжества Смоленскаго, приложенной къ хранящемуся въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣль письмо кн. Куракина изъ Смоленска отъ 28 іюня 1664 г. (см. «Снимки Древнихъ Русскихъ печатей...», Вып. 1, М. 1880, табл. 66, а также «Матеріалы къ русской сфрагистикѣ» А. В. Орѣшникова, Труды Моск. Нумизмат. Общ., т. III, в. 1, М. 1903, стр. 113) — «птица Гамаюнъ?»¹⁾ См. также статью о Гамаюнѣ въ указ. намъ А. В. Орѣшниковымъ выпускѣ 1 «Русск. Геральдич. Словаря», составл. Влад. Бѣлинскимъ, С.-Пб. 1912.

Въ предоставленной намъ В. К. Трутовскимъ выпискѣ изъ его статьи о Смоленскомъ гербѣ собрано также много любопытныхъ свѣдѣній и о самой этой баснословной восточной птицѣ Гамаюнѣ, заимствованныхъ авторомъ частью изъ статьи Г. С. Саблукова «Монеты Золотой Орды» (Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казан. Унив., т. XIII, в. 6, Казань 1896, стр. 522), частью изъ другихъ источниковъ, но такъ какъ всѣ эти данныя неразрывно связаны съ остальной частью статьи В. К. Трутовскаго, то мы, съ нетерпѣніемъ ожидая скорѣйшаго ея появленія, ограничимся здѣсь, съ любезнаго разрѣшенія автора, приведеніемъ лишь слѣдующей небольшой части выписки: «Птица Гамаюнъ, называемая у татаръ „Гюмай“, а въ турецкомъ языкѣ „Гюма...“ считается среди мусульманъ особенно важной и многозначашей, какъ для всякаго рядового правовѣрнаго, такъ и для мусульманскихъ владыкъ...²⁾ надъ кѣмъ она пролетитъ такъ близко, что крыльями своими повѣетъ ему на голову, тотъ будетъ непремѣнно владыкой. Отсюда въ турецкихъ языкахъ создалось слово „гумаюнъ“, что въ первоначальномъ своемъ значеніи равносильно слову „августѣйшій“....».

Гора (*m*).

Грабли (въ Ц ошибочно — грабри).

Градъ. Бер., стр. 31 — Градъ: Мѣсто.

¹⁾ Указаніемъ на эту печать и на литературу о ней мы обязаны А. В. Орѣшникову. А. В. впервые и прочитана подпись на печати.

²⁾ Въ дополненіе отмѣтимъ указаніе на Гамаюна въ грамотѣ къ ц. Іоанну Грозному Самаркандскаго Царя Сеита 1567, см. Ист. Госуд. Росс. Карамзина, т. IX, примѣч. 258.

Гребень.

Грибъ.

Гробъ (*m*). Бер., стр. 31. Въ II гробъ изображенъ въ видѣ саркофага съ двухскатной кровлей, въ АЦ — въ видѣ четырехугольнаго ящика.

Гусли. Бер., стр. 32 — Гусли: Скрипѣца.... Гусль: Гарфа, цитра. Въ II изображены гусли-псалтирь (срв. ниже въ объясненіи къ слову **Музыка**), въ АЦ гусли другого типа — кантеле, напоминають онѣ отчасти арфу.

Дверь. Бер., стр. 33 — Дверь : Дверѣ.

Делва только въ II. Бер., стр. 33 — Дѣлва : Кадъ.... бочка, или дѣжка, Азбуконн. (Тих., ст. 174) — Дѣлва, бочка.... У Берха — бочка, названная: делава; у Даля: Дѣлва.... црк. бочка; см. также Археологич. Слов. (Древн., т. IV, в. 2, стр. 53—54).

Діадима (*m*). Бер., стр. 266 — Діадима: ...Вѣнецъ, коруна ...метао.: одѣяніе царско...., Азбуконн. (Тих., см. 180) — Діадимѣ, тол. вѣнецъ царскій... или порфира царская (последнія три слова, впрочемъ, въ рукописи зачеркнуты). М. б. и Каріонъ также разумѣлъ подъ діадимой не только оплечье на изображенной въ его Букварѣ одеждѣ, но и самое эту одежду, которая, по крайней мѣрѣ въ II¹⁾, гдѣ она съ широкими не висячими рукавами, напоминаетъ скорѣе всего царское платно. Эту одежду въ II, м. пр., Тромонинъ еще въ 1839 г. сопоставлялъ съ одеждой царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича на ихъ изображеніяхъ въ Преображенскомъ храмѣ Новоспасскаго мон. въ Москвѣ (см. его Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваенія и водчества...., т. I, М. 1839, очеркъ 23, стр. 60—61) — «Они [т.-е. названные государи] облачены въ далматики, или становые кафтаны, похожіе на Архіерейскіе саккоссы, кои Каріонъ Истоминъ называетъ діадимами.... Такіе становые кафтаны, или кобаты довынѣ сберегаются между Царскими сокровищами въ мастерской Оружейной палатѣ...». О діадимѣ, платнѣ см. также у Савваитова, Описаніе

¹⁾ Въ АЦ эта одежда изображена иначе, съ висячими рукавами, пожалуй на подобіе опашня,

старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. С.-Пб. 1896, стр. 31—32, 103—104, и у П. Е. Забѣлина въ ч. II Дом. Быта Русск. Царей въ XVI и XVII ст., М. 1915, стр. 455—457, въ ч. I того же сочиненія, стр. 395, отмѣчается, что при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ царское платно называли порфирой (срв. привед. выше указаніе Азбуконника).

Длань. Въ А и П изображена правая рука ладонью вверхъ съ запыстемъ рукава.

Дождь [ѡ] только въ Ч.

Долото.

Домъ только въ Ч и Ц (*m*).

Дорога (*m*); въ АЦП передъ этимъ словомъ добавлено — во градъ. Въ АП изображенъ и городъ со стѣной и башнями, въ Ц вмѣсто города изображенъ домъ съ пристройкой (?).

Древо.

Дубрава (въ П — дѣброва). У Дала: Дубрава, дуброва.... чернолѣсье, листовный лѣсь....; такой лѣсь изображенъ и въ Букварѣ.

Дуга. Въ П изображена съ кольцомъ для колокольчика.

Евангеліе¹⁾ (*m*).

Евдокія [Ѧ]. Бер., стр. 273. Вѣроятно, изображена преподобномуч. Евдокія, праздн. 1 марта; у Берынды, повидимому ошибочно, день празднованія указанъ 30 марта (ѧ вм. ѧ).

Евменій [Ѧ]. Бер., стр. 273. Изображенъ св. еп. Гортинскій Евменій, праздн. 18 сент.; этотъ день празднованія указанъ и у Берынды. Въ П вмѣсто св. Евменія изображенъ св. Ипполитъ, папа Римскій.

Евтихъ [Ѧ]. Бер., стр. 274 — Ёвѣтхій. Изображенъ мученикъ, юный, между тѣмъ какъ, судя по тому, что день празднованія его у Берынды указанъ 6 апрѣля, долженъ бы быть изображенъ празднуемый въ этотъ день св. патриархъ Константинопольскій Евтихій (см. Полн. Мѣсяцесловъ Востока, архіеп. Сергія, т. II, изд. 2, Влад. 1901, стр. 100).

Единорогъ. Бер., стр. 40 (Единорождъ) и 59 (Инорогъ), Азбуконн. (Тих., стр. 295) —

¹⁾ Это слово и слѣдующія три собственныхъ имени начинаются въ Букварѣ съ — ѡв,

нирогъ, тол. единорогъ.... (у Сахарова, стр. 152—Единорогъ), Книга Естествосл. (ч. I, ст. 2). Объ ирогъ, единорогъ см. также въ Археологич. Словарѣ (Древн. т. IV, в. 1, стр. 13—15).

Елей только въ П. Бер., стр. 41—Елей: Олива..., Азбуконн. (Тих., стр. 212)—масло дрянное.... Изображенъ сосудъ въ видѣ чаши съ шестиграннымъ туловомъ.

Елень. Книга Естествосл. (ч. I, ст. 32). У Берха пояснено — олень.

Епитрахиль. Объ епитрахили см. у архіеп. Саввы въ прилож. къ Указателю для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) Ризницы, Объяснит. Словарѣ неудобопонятныхъ словъ и названій предметовъ, встрѣчающихся въ Указателѣ для обозрѣнія Патріаршей Ризницы, изд. 5, М. 1883, стр. 5.

Еродій птицъ только въ Ч. Бер., стр. 272 — Еродій: Птахъ подобенъ Боцяну або чапли, жіетъ на воднистыхъ мѣстцехъ, той и орла забиваетъ и заѣдаетъ...., Азбуконн. (Тих., стр. 240) — Еродій птица есть велика, велми чадолюбива. и врабѣ бо птицы около гнѣзда ея жилища имуть. егда же отидеть впу-сто мѣсто, и вселится вне. тогда радуется и веселится по премудрому словеси, Книга Естествосл. (ч. II, ст. 37) — Еродія есть птица подобна лебеди обаче менши, живеть на мори....¹⁾ Какъ видимъ, всѣ три показанія о птицѣ Еродіи между собой различны, и м. б. такой неустойчивостью въ опредѣленіи этой птицы и объясняется отсутствіе изображенія ея въ Букварѣ.

Есень только въ Ч.

Ехидна. Бер., стр. 274 — Ехидна: Ящорка. зри змій...., Азбуконн. (Тих., стр. 233) — ехидна змя...., Книга Естествосл. (ч. IV, ст. 4). У Берха пояснено — змѣя.

Еѡіоплянинъ (ѡіопляниⁿ — только въ Ч; въ АЦП — ѡіопъ). Бер., стр. 269 (Еѡіопляниⁿ).

Жаба. Книга Естествосл. (ч. IV, ст. 8).
Жаворонокъ только въ П.

¹⁾ Въ Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. I, Слб. 1847, стр. 395—Еродій.... Тоже, что еродіа.... Лев. XI. 13. 19. Еродіа.... Церк. Цапля.... Иерем. VIII. 7.

Жезль. Бер., стр. 42 — Жезль: Посохъ..., то же въ Азбуковн. (Тих., ст. 252). Въ П изображенъ жезль съ поперечиной на верху, въ УАЦ рукоять у жезла въ видѣ шара.

Железа только въ Ч.

Жена (*m*). Бер., стр. 43 — Жена: Невѣста.... Судя по тексту виршъ, это именно значеніе даннаго слова имѣлъ въ виду и Каріонъ.

Женихъ (*m*). Бер., стр. 43 — Женихъ, Новоженя.... Въ УАП женихъ и невѣста держатся за руки, въ Ц женихъ подаетъ невѣстѣ цвѣтокъ; отличны въ Ц и изображенія жениха и невѣсты, оба они съ непокрытыми головами и одежда у нихъ иная, чѣмъ въ УАП.

Жила (*m*). Въ Ц изображенія нѣтъ.

Житница (*m*). Бер., стр. 44. У Даля — строеніе для храненія вымолоченнаго зернового хлѣба.... Въ А и П изображено деревянное зданіе.

Жолудь. Бер., стр. 43 — Желудь: Жолудь.... У Даля: Жолудь.... дубовый плодъ, орѣхъ.

Жребій (*m*). Бер., стр. 44 — Жребій: Лібсь. Жребія: Костки, бирки, лібсы. У Даля: Жеребей.... отрѣзокъ съ мѣткою, для метанья и рѣшенія судьбою, счастьемъ чего-либо спорнаго. Подобный отрѣзокъ въ видѣ кубика съ опредѣленными мѣтками по сторонамъ изображенъ въ УАП, въ Ц изображенія нѣтъ.

Жужелица только въ П. У Даля: Жужель.... жужелица.... жучокъ изъ семьи или разряда бѣгуновъ, скороходовъ.

Жукъ только въ П.

Журавль. Книга Естествосл. (ч. II, ст. 18) — жеравль (но въ заголовкѣ — о журавль).

Забрало (*m*). Бер., стр. 47 — Забрало:.... стѣна. У Берха пояснено — заборъ.

Завѣса (*m*). Бер., стр. 47 — Завѣса: Заслона.... У Даля: Завѣса, чѣмъ что-либо завѣшено, занавѣсъ, занавѣска.

Замокъ (*m*). Замокъ на вѣхъ изображеніяхъ — одного и того же типа, но съ небольшими отличіями въ формѣ, орнаментѣ и пр.

Заяць [въ П — záецъ — изображенъ на страницѣ на букву S] только въ АП. Книга Естествосл. (ч. I, ст. 48) — Заецъ (но въ заголовкѣ — о зайць).

Звонѣць (*m*; П — звѣнецъ). Бер., стр. 50 — Звонѣць: дзвонокъ. У Берха пояснено — колокольчикъ, то же у Даля: Звонѣць.... звонокъ, колокольчикъ; въ Опытѣ областн. Великорусск. словаря, изд. 2 Отдѣл. И. Ак. Н., Спб. 1852, стр. 69 — Звонѣць.... Почтовый колокольчикъ. Сибир.

Звѣзда [S] (*m*).

Звѣздозаконникъ [S] (*m*). Бер., стр. 44 — Звѣздозаконникъ: или Астрономъ.... У Берха названъ — наблюдатель, у Даля — звѣздословъ, астрономъ.

Зелвы [S], въ Ч добавлено — слима^{р(м)}. Бер., стр. 45 — Зелвы: Слимáки. У Берха — чаша или сосудъ, въ коемъ стоятъ солонки и бутылки, названныя: зелвы. Въ Этимологич. Словарѣ Миклошича (Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen...., Wien. 1886, стр. 400) зелва — Pflanzenessenz, у Даля: Слимáкъ¹⁾.... [поль. ślimak], юж. зап. улитка, слизень, слизнякъ. Конечно, какъ и выше подъ словомъ Елей, здѣсь Каріонъ подъ словомъ Зелвы разумѣлъ не самый предметъ, изображенный въ Букварѣ, а содержимое его; что же касается сосудовъ, помѣщенныхъ въ чашѣ, то, по крайней мѣрѣ въ А и П, это, безъ сомнѣнія, старинные судки: солоница, перечница, укусуница, горчичникъ, хрѣноватикъ, срв. у И. Е. Забѣлина въ I ч. Дом. Быта Русск. Царей, изд. 3, стр. 372, въ У и Ц къ указаннымъ пяти сосудамъ прибавлено еще два.

Зеліе [S] (*m*). Бер., стр. 45 — зеліе: ярина, огородніи рѣчи. Азбуковн. (Тих., ст. 262) — Зеліе сѣрово, тол. рѣпа сырая, и морковь. и ретка, огурцы. и подобная симъ (Сахаровъ, стр. 158, вмѣсто огурцовъ — хрѣнь). У Даля: Зеліе.... быліе, злакъ, трава, растеніе; Ярѣ.... вят. ярина, вообще яровое, особ. овесъ и ячмень.... Изображены въ Букварѣ растенія и во всякомъ случаѣ не коренья овощей, а зелень ихъ съ цвѣтами.

Земленица только въ П. У Даля: Земляника.... земляница нвг.... также называется земляника и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, см. Опытѣ областн. Великорусск. словаря,

1) У Н. С. Льскова, Мелочи архіерейской жизни (Полн. собр. сочин., изд. 3, т. 35, С. 115, 1903, стр. 26) — послушникъ (по-кіевскіи слимакъ).

стр. 70, Словарь области. Олонецк. нарѣчія въ его бытовомъ и этнографич. примѣненіи, Герм. Куликовскаго, Спб. 1898, стр. 29, Смоленскій областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, Смол. 1914, стр. 267 (Зимляницы), въ Онежскомъ уѣздѣ Арханг. губ. ягода эта называется, какъ и въ Букварѣ, — земленіца, см. въ Словарѣ области. Архангельск. нарѣчія въ его бытовомъ и этнографич. примѣненіи, Александра Подвысоцкаго, Спб. 1885, стр. 56.

Земля (т). Въ Ц надъ изображеніемъ надписи нѣтъ. Азбуковн. (Тих., ст. 262).

Зима только въ Ч. Бер., стр. 51.

Златица (т: ЧА — златица, УЦП — златица). Бер., стр. 51 — Златица: Монѣта. также: золотый. У Берха пояснено — золотая монета, то же и у Даля. По предположенію В. К. Трутовскаго, высказанному имъ въ статьѣ «Серебряная медаль эпохи двоевластія (1682 — 1689)» (Нумизматич. Сборникъ, т. I, М. 1911, стр. 540 — 541), въ Букварѣ изображена обратная сторона золотой медали за Крымскій походъ 1687 г., при чемъ В. К. отмѣчаетъ: «Въ рукописномъ экземплярѣ.... букваря и въ таковыхъ же копіяхъ съ него, медаль обозначена просто золотымъ кружкомъ, но въ экземплярѣ, гравированномъ Леонтиемъ Бунинымъ въ 1694 г. и по его же собственнымъ рисункамъ, она имѣетъ не только достаточно ясное изображеніе царевны Софіи, но и слѣды заглавныхъ буквъ легенды этой стороны»¹⁾.

Змій [S] (т). Въ АЦП змій изображенъ крылатымъ, на подобіе асида. Бер., стр. 46, Книга Естествосл. (ч. IV, ст. 20) — Во египте есть змій, имущи у себѣ крылѣ....

Знамя (т). Въ У платъ изображенъ съ двумя клинцами, въ АУ — съ тремя, въ П — безъ клинцовъ; различны и навершья у древка: въ АП оно въ видѣ копья, въ Ц — креста, въ У навершья нѣтъ; на самомъ платѣ вездѣ — крестъ.

Зѣница [S] (въ Ч и П — зѣница) (т: Ч — зѣница, УАЦП — зѣница). Бер., стр. 47 —

Зѣница,.... зреница. У Берха пояснено — глазъ, у Даля: Зѣнко.... зѣнца [зѣница].... зрачокъ...., въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., сост. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. II, Спб. 1847, стр. 98 — Зѣница, и зѣница.... Церк. Тоже, что зорочекъ, зрачекъ....

Игла (т).

Иго только въ Ч и т. Бер., стр. 53 — Иго: Ярмо, Азбуковн. (Тих., ст. 293) — Иго, бремя конми возимое.

Иготъ (т). Бер., стр. 53 — Иготъ: Можжиръ. У Берха пояснено — ступка, то же и у Даля: Иготъ.... ручная ступа, ступка, особ. металлическая и каменная; Можжеръ, можжиръ.... стар., можжерка.... смл. иготъ, ступка. Въ документѣ 1687 г. — игодъ мѣдная (показана въ анбарѣ на стеклянномъ заводѣ), см. въ I ч. Дом. Быта Русск. Царей И. Е. Забѣлина, изд. 3, стр. 534, и ранѣе въ описи 1611 г. — Иготъ мѣдная (см. сочиненіе того же автора, Дом. Бытъ Русск. Царницъ, изд. 3, стр. 612). Срв. объ этомъ словѣ у Вернекер'а, о. с., L. 6, Heidelberg. 1910, S. 421 — igdija, igodija, skr.-ksl. 'Mörser'. г. йготъ (*igъть) f., Demm. йготка, йготѣшка ds. - Aus gr. ἰγδη, bez. ἰγδι(ov)...., см. также у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 4, М. 1911, стр. 264.

Идолъ (т).

Изба (т).

Икона (т). Бер., стр. 57 — Икона и образъ...., то же и въ Азбуковн. (Сахаровъ, стр. 160). На иконѣ — изображеніе Господа Эммануила, въ УАП — погрудное, въ Ц — поясное.

Икра.

Именией [X]. Бер., стр. 318 — Уменьей; день празднованія святого не указанъ. Изображенъ св. мученикъ, м. б. упомянутый въ «Полномъ Мѣсяцесловѣ Востока» архіеп. Сергія (т. II, изд. 2, стр. 222) подъ 24 іюля во второмъ отдѣлѣ дня среди святыхъ, не находящихся въ полныхъ мѣсяцесловахъ, — муч. Именей мечемъ.

Индиктъ [I] только въ Ч (идиктъ) и т. Бер., стр. 281 — Индиктъ, ѿой: [новое лѣто]...., Азбуковн. (Тих., ст. 284) — Индиктъ, новое лѣто.

¹⁾ Любезнымъ указаніемъ этой статьи мы обязаны А. В. Орѣшникову. Золотыя монеты съ изображеніемъ царевны Софіи указаны и частью изданы въ «Описаніи русск. монетъ и медалей собранія ген.-лейт. О. О. Шуберта», ч. I, Спб. 1843, №№ 684, 687, 692, 693.

Ипатій [У]. Бер., стр. 318. Изображень вященномуч. Ипатій еп. Гангрскій, празднуемый 31 марта; этотъ день празднованія указанъ и у Берынды.

Иппокентавръ [И] (m); въ Ч добавлено — по^нчеловѣка и по^нконя (въ текстѣ — создано животное). Бер., стр. 282 — Иппокентавръ: по^нль чловека и по^нль коня, Азбуковн. Тих., ст. 296) — Иппокентаврость, тол. китоврасъ звѣрь. отъ главы до пояса чловека. отъ пояса же есть по всему конь. У Берха пояснено — извѣстное баснословное животное, т. е. чловеческое туловище на лошадиномъ телѣ, близкое опредѣленіе и у Извѣкова, стр. 736. Въ АЦ изображень стрѣляющимъ изъ лука, срв. слѣдующее указаніе Ю. В. Арсеньева въ его лекціяхъ «Геральдика», стр. 195—196: «Любопытно, что мы встрѣчаемъ изображеніе китовраса [кентавра] на одномъ сохранившемся въ Оружейной Палатѣ солдатскомъ знамени, конца XVII вѣка (№ 4147): онъ представленъ здѣсь въ кругу алаго цвѣта, пускающимъ стрѣлу изъ лука, фигура китовраса писана красками, надъ нимъ, въ верхнемъ углу знамени — осмиконечный крестъ (см. табл.). Иногда кентавръ въ нашихъ гербахъ называется стрѣльцомъ» (см. также стр. 277 и таб. К. ф. 6).

Ипполитъ [У] только въ П (іпполѣтъ). Бер., стр. 282 — Ипполѣтъ. Изображень свяtitель, вѣроятно священномуч. Ипполитъ, папа Римскій, празднуемый 30 января, впрочемъ у Берынды день празднованія этого святого показанъ другой — 10 августа.

Исполинъ только въ Ч. Бер., стр. 60 — Исполинъ: Гігантъ...., дужій а великій члѣк, Азбуковн. (Тих., ст. 294) — Исполинъ, силенъ (Сахаровъ, стр. 161 — силачь; невѣжды глаголють быти сему богатырь).

Исторіографъ повѣстописецъ [И] (m) — только послѣднее слово, въ П — одно первое). Бер., стр. 283 — Исторіографъ: Исторікъ.... Въ УП въ рукахъ у исторіографа книга, перо и чернильница съ трубкой, въ АЦ — свитокъ и перо.

Источникъ (m).

Ихнилать только въ П. Срв. въ Азбуковн. (Тих., ст. 284) — Ихнилать, тол. книжка есть баснословная. мнятъ же быти ихнилать

горностаѣ (Сахаровъ, стр. 161 — Ихнилать, есть нѣкая нарицаемая книжица; индѣ наричуть горностаѣ, а индѣ волкъ). Изображено животное, а не книга, подъ которой въ Азбуковникѣ разумѣется, конечно, извѣстный въ старой русской письменности переводный сборникъ повѣстей — Стефанитъ и Ихнилать.

Іакинѣъ [У]. Бер., стр. 318 — Іакинѣ. Изображень св. мученикъ (въ У — юный, въ АЦП — въ зрѣломъ возрастѣ), вѣроятно св. муч. Іакинѣ, въ Амастридѣ пострадавшій, празднуемый 18 іюля; съ одной стороны этотъ день празднованія указанъ у Берынды, съ другой — только объ этомъ муч. Іакинѣ чит. въ Сводномъ иконописномъ подлинникѣ XVIII в. по сп. Филимонова (М. 1874, стр. 394): «...подобіемъ старъ, мало сѣдъ, власы на главѣ просты, брада гораздо долѣ Петра апостола проста, въ двухъ ризахъ. Во многихъ Подлинникахъ пишутъ святаго мученика Іакинфа младымъ, но сіе несправедливо; а онъ въ старости за Христа пострада: смотри о томъ въ прологѣ сего мѣсяца и числа», срв. различныя изображенія въ АЦП и У, если только въ У, гдѣ надписи, какъ и обычно, нѣтъ, изображень не другой какой-либо святой.

Іерусалимъ градъ (m; въ ЧУАП — іеро.....). Бер., стр. 281, Азбуковн. (Тих., ст. 290).

Іорданъ рѣка (m); въ Ц, какъ и въ У, надписи нѣтъ. Бер., стр. 282, Азбуковн. (Тих., ст. 199) — Ерданъ рѣка....

Іота (въ Ч — іота. І). Срв. въ Азбуковникѣ (Тих., ст. 271) — Іѳта, тол. (у Сахарова, стр. 162, изложено нѣсколько иначе).

Кипарисъ (m) (у Берха — кипорисъ). Бер., стр. 287 — Кипарисъ: Цыприсовое дерево, Книга Естествосл. (ч. VIII, ст. 1).

Китъ (m). Бер., стр. 287, Книга Естествосл. (ч. III, ст. 1).

Кладезъ (АЦ — клѣдзъ). Бер., стр. 63 (Кладзъ). У Берха пояснено — колодець.

Клобукъ. Бер., стр. 289 [= 288] (Клобукъ). Изображень клобукъ бѣлый, судя по отсутствію украшеній на немъ, монгольскій, срв.

у архіеп. Саввы въ Объяснит. Словарѣ...., стр. 7—8. Въ Ц изображенія нѣтъ.

Ключь (т).

Козель [Ъ].

Козерогъ [Ъ] только въ Ч. Вѣроятно, Каріонъ имѣлъ въ виду дать изображеніе одного изъ созвѣздіи зодіака, п. ч. тутъ же рядомъ написалъ — стрелѣць планета.

Кокошь (П — кѣкошь) (т). У Берха пояснено ошибочно — кукушка, Ровинскій (Русск. Народн. Картинки, кн. II, стр. 490) объясняетъ — птица. Но срв. у Даля, гдѣ Кокошь.... црк. курица, насѣдка....; то же у Вернекер'а, о. с., L. 7, Heidelberg, S. 540 — kokotъ.... г. [кѣкошь 'Bruthenne'; ksl.] klr.... kѣкоš m. 'Hahn'....

Колесница (т). Бер., стр. 65.

Колесо только въ Ч.

Кѣлоколь (т: ЧУ — колоколъ, АЦ — кѣлоколь, П кѣлоколъ); въ Ч надъ этимъ словомъ надписано — компанъ (т). Бер., стр. 65 — Колоколь: цимбалъ, дзвонокъ. У Даля: Кѣлоколь.... црк. кампанъ...., у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 5, М. 1912, стр. 336 — Кѣлоколь.... сѣвск. колоколъ....

Конь (т). Берхъ поясняетъ — лошадь, и затѣмъ добавляетъ: «Читателямъ, думаю я извѣстно, что названіе: лошадь — есть Татарское; на языкѣ семъ называется она алаша».

Копіе (т). Изображено копье — оружіе. О копѣ и шкѣ см. статью В. А. Городцова — Описаніе холоднаго оружія (Отчетъ Импер. Росс. Историч. Музея Имени Имп. Александра III въ Москвѣ за 1911 г. Приложение, М. 1913), стр. 17—24. Въ УЦП тулея копя украшена бахромой.

Корабль (т).

Корень [Ъ]. Изображенъ, вѣроятно, корень — овощъ.

Коробъ [Ъ]. Изображена коробка.

Корова (въ ЧА — крѣва) (т). Бер., стр. 67 — Крѣва: Корова.

Косы [Ъ] только въ Ч.

Котель [Ъ].

Коть [Ъ] только въ Ч.

Кречеть (въ Ц — крѣчать). Бер., стр. 68 — Кречеть: Птахъ.... подобенъ соколу...., Книга

Естествосл. (ч. II, ст. 51) — Кречать. У Даля — самая цѣнная изъ всѣхъ ловчихъ птицъ, видъ сокола.

Круги только въ Ч.

Крыло [Ъ].

Ксанфъ философъ [Ъ] только въ Ч и П. Изображенъ (съ нимбомъ, какъ святой), вѣроятно Ксанфъ, греч. историкъ V в. до Р. Хр.

Ксенія [Ъ] (т). Бер., стр. 300. Изображена преподобная Ксенія, празднуемая 24 января; этотъ день празднованія указанъ и у Беринды.

Ксенократъ философъ [Ъ] вмѣсто Ксанфа въ Ц и м. б. и въ У (судя по отсутствію нимба), гдѣ, какъ обычно, надписи нѣтъ. Изображенъ (безъ нимба) Ксенократъ, ученикъ Платона IV в. до Р. Хр.

Ксенофонтъ (въ П въ надписи — Ксенофонтъ) [Ъ] (т). Бер., стр. 300 — Ксенофонтъ. Изображенъ преподобный, вѣроятно св. Ксенофонтъ, празднуемый 26 января; у Беринды день празднованія не указанъ.

Купѣль [Ъ]. Бер., стр. 290 — Купель: купѣль....

Кушинъ (въ АЦ — кукшинъ). Бер., стр. 290 (Кукшинъ). У Берха пояснено — кувшинъ, у Даля — кукшинъ юж. запд. иск. [вят.: род. кукшинá], у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 6, М. 1912, стр. 404 — кувшинъ.... діал. во мн. м.: кушінъ, кукшинъ.... др. кувшинъ, коукшинъ.... Въ ЦП изображенъ кувшинъ съ поддономъ, только въ П — другого типа съ яйцевиднымъ, нерасширяющимся книзу, туловомъ.

Лагвица (въ А — лѣгвица), въ Ч добавлено — или фляшка (т). Бер., стр. 290 — Лагвица: Боклажокъ, флакъ...., Азбук. в. (Тих., ст. 353) — Лагвица, фляжка. Любопытно поясненіе у Берха — маленькой боченкомъ, наименованный: лагвица, вѣроятно отъ имени лагуны, которымъ поднесъ называютъ большія бочки: въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. II, стр. 242 — Лагвица.... Церк. Коряга, глиняный сосудъ....; у Даля: Лагуна...., бочка, боченокъ; Фляга.... нѣм. [Flasche], бутылка,

скляница, баклажка...; Berneker, o. s., L. 9, Heidelberg, S. 685, отмѣчаетъ: lagvũ + —г. dial. (Kasan) лагѡвка 'ein Milchgefäß'; alt лагвица 'Becher'.... sl.... lágvica.... Dem. 'Fäßchen'.... р.... lagwica 'Legel; Schlauch'...., срв. также у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 6, стр. 428.

Ладіа (въ А — ладіа) (*m*). Бер., стр. 69 (Ладіа).

Лебедь [ь]. Книга Естествосл. (ч. II, ст. 44).

Левъ (*m*). Бер., стр. 70, Книга Естествосл. (ч. I, ст. 1¹).

Лентіонъ, въ АЦ добавлено — простираіло (*m*). Бер., стр. 292 — Лѣнтіонъ, лат.: Попява, або отиральникъ, простирадло.... У Берха пояснено — ленти, у Даля: Лентіе.... греч. [λέντιον], црк. утиральникъ, ширинка, полотенце, ручникъ; Простирало.... црк. келимъ, коверъ, срв. также у архіеп. Саввы въ Объяснит. Словарѣ, стр. 9, гдѣ Лентіонъ.... широкое и длинное полотенце, употребляемое при умовеніи ногъ въ В. Четвертокъ. Въ У лентіонъ — краснаго цвѣта, въ АЦ — фіолетоваго.

Лещъ (въ АЦ — лѣщъ) (*m*). Книга Естествосл. (ч. III, ст. 39) — лещъ.

Лиліа (*m*). У Берха — лиліи. Въ УАЦ лилія — съ красными цвѣтами, въ Азбуковн. (Сахаровъ, стр. 168) — Лилія, цвѣтъ не малъ и толстъ, видомъ бѣль аки млеко.

Линь [ь]. Книга Естествосл. (ч. III, ст. 47). Берхъ поясняетъ — рыба.

Ложе.

Ложка (въ Ч — ж, исправл. въ ш, въ Ц — ш) (*m* — ложка).

Лопата (въ Ч — лапата). У Берха — лапата.

Лукъ (овощъ) (*m*). Бер., стр. 73 — Лукъ, даймацки: чеснокъ лѣсній, пол.: цебуля....

Лукъ (оружіе) (*m*). Бер., стр. 73 — Лукъ: оружіе татарское.... О лукахъ см. у Саввантова, o. s., стр. 73—74.

Лѣстница (*m*). Бер., стр. 74 — Лѣстница: Драбина. У Берха — лѣсница; у Даля:

Драбина.... мѣрс. юж. запд. лѣстница. Лѣстница и изображена въ Букварѣ.

Лѣсъ только въ П.

Медвѣдь (*m*). Книга Естествосл. (ч. I, ст. 49).

Мескъ только въ Ч. Бер., стр. 77 — Мескъ: Муль, съ коня изъ ослицѣ сплуженый (срв. также стр. 83 — Мъскъ: Муль....). У Даля — ублюдокъ.... лошаць.... или муль...., см. также въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 65).

Мечь (*m*). Бер., стр. 78 (Мечь). О мечяхъ см. у Саввантова, o. s., стр. 76—77.

Митра (*m*). Бер., стр. 297 — Митра, круна: Епископскаа корона.... О митрѣ см. у архіеп. Саввы въ Объяснит. Словарѣ...., стр. 10—11. Изображена митра съ крестомъ надъ ней, слѣдов., по всей вѣроятности, патриаршая.

Мониста (въ П — монисто). Бер., стр. 81 — Монисто: Клейноть которого нашии носить.... У Берха пояснено — ожерелье съ крестомъ. О монистѣ см. у Ш. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3, стр. 500—503, при чемъ на стр. 502 отмѣчается, что въ концѣ XVII ст. монистомъ называлась низка бусъ, жемчугу или металлическая цѣпочка съ крестомъ, который носили на этой низкѣ или цѣпочкѣ; срв. также у Саввантова, o. s., стр. 78—79. У Berneker'a, o. s., L. 11, Heidelberg, S. 76 — monisto.... г. монисто.... dial. мониста...., срв. у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 8, М. 1914, стр. 555 — монисто.... нерѣдко (напр. орл.) мониста.... Въ УАЦ внутри мониста изображены привѣсы — колечки: въ УЦ — три, въ А — четыре.

Мохоръ (*m*). У Берха пояснено — бахрама, въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. II, стр. 327 — Мохоръ.... Каждая нить бахрамы...., у Даля: Мохоръ.... или мохра.... мохна, каждая отдѣльная часть мохны, кисти, бахромы; короткая нить, снурокъ...., срв. также въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., А. Преображенскаго, вып. 8, стр. 552 — мохоръ.... кисть.... косма, ленточка.... и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2,

¹) Въ списокѣ собр. И. А. Вахромьева эта статья утрачена.

стр. 64), гдѣ Морхъ — мохоръ, кисть на уздѣ, преимущественно на налобникѣ.... Въ Словарѣ Бѣлорусскаго нарѣчія, И. И. Носовича, Спб. 1870, стр. 292, чит.: Мохра.... 1) Бахрома.... 2) Мохоръ, обошенный край чего холщеваго. Мохра въ значеніи кисти бахрамы отмѣчена въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губ., см. Дополн. къ Опыту областн. Великорус. словаря, Спб. 1858, стр. 118. Изображена въ Букварѣ бахрома, въ П мохры у нея въ видѣ кистей.

Мошна (*m*). У Берха — мошня, у Даля: Мошна, мошня.... кошель, сумка, киса, мѣшочекъ денежный, на вздержкѣ или съ завязкою...., въ Опытѣ областн. Великорусск. словаря, стр. 117 — Мошня.... Кошелекъ, мошна. Вят. Новгород. Кирил. Устюж. Смол. Росл., въ Кашинскомъ Словарѣ, стр. 101 — Мошня.... киса.... = кошель для денегъ, см. также въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 65), гдѣ это слово отмѣчено въ памятникахъ XVI и XVII вв. Въ Букварѣ мошна изображена въ видѣ мѣшечка на вздержкѣ.

Мравій (въ Ц — мравіи) (*m*). Бер., стр. 81, Книга Естествосл. (ч. VI, ст. 3). У Берха — муравьи. Въ УА изображено ихъ четыре, въ Ц — три, въ П — свыше десяти.

Мрежа (*m*). Бер., стр. 82 — Мрежа: Сѣть. У Даля: Мерѣжа.... сѣв. вост., [црк.-сл.] мрежа, ячеистая ткань, вязанье; рыболовная сѣть въ полотнищахъ, безъ отдѣлки. Въ П изображена сѣть, навѣшенная на кольца, въ УАЦ она — въ родѣ невода, закидываемаго въ воду.

Му́сика [М] только въ Ч.

Му́сика (въ П — мѣсика.) пѣніе сладкое (въ Ч двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ) [Ж]. Бер., стр. 298 — Му́сика: ѣмъ, спѣваки, або играчѣ на голосѣ спѣваючи, або граючи...., Азбуковн. (Тих., ст. 393) — Мусикія, тол. играніе вгусли и влври и вцымбалы. и вдомры.... Можно предполагать, что интересная сцена, изображенная въ Букварѣ, обязана своимъ происхожденіемъ вліянію указаннаго выше мѣста Лексикона Памвы Беринды, что же касается самаго выбора инструментовъ, то, конечно, рисовальщики могли отчасти

находиться и въ зависимости отъ приведенныхъ указаній Азбуковника, но, судя по изображеннымъ инструментамъ, они скорѣе всего руководились чѣмъ-либо инымъ. Эта сцена, какъ она изображена въ П, не разъ уже описывалась, сперва Берхомъ, затѣмъ Ровинскимъ («Русск. Народн. Картинки», кн. V, стр. 246), наконецъ А. С. Фаминцынымъ въ историч. очеркѣ, «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа....» (Спб. 1891, стр. 129), при чемъ на фиг. 50 (стр. 130) воспроизведена Фаминцынымъ и самая сцена. Примѣчательно, что инструменты, указанные Фаминцынымъ, опредѣлены были уже Берхомъ, только первымъ употребленъ типъ гуслей — псалтирь (подробн. объясненіе этого инструмента см. въ другомъ историч. очеркѣ Фаминцына, «Гусли русскій народный музыкальный инструментъ», Спб. 1890: Первобытныя русскія гусли, стр. 33—39, Кантеле Финновъ...., стр. 39—68, Гусли-псалтирь, стр. 92—104), да инструментъ, обозначенный Берхомъ — свирѣль, Фаминцынъ называетъ просто духовымъ инструментомъ, добавляя лишь въ скобкахъ и то подѣ знакомъ вопроса названіе свирѣли¹⁾; скрипка (у Берха — скрыпка) и бандура опредѣлены ими обоими, при чемъ относительно бандуры Фаминцынъ замѣчаетъ: «Драгоценнымъ, хотя и безмолвнымъ свидѣтелемъ употребленія въ Россіи бандуры уже въ концѣ XVII вѣка служитъ рисунокъ въ извѣстномъ Азбуковникѣ Каріона іеромонаха Истомина, составленномъ въ 1691-мъ, а напечатанномъ въ 1694-мъ году». Впрочемъ, Ровинскій видитъ въ этой сценѣ нѣсколько иныхъ му-

¹⁾ Н. И. Приваловъ въ своемъ историко-этнографич. изслѣдованіи, «Музыкальные духовые инструменты русскаго народа, въ связи съ соотвѣтствующими инструментами другихъ странъ», ч. I. Трубы и рога (Записки Отдѣл. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археологич. Общ., т. VII в. 2, Спб. 1907), стр. 162, видитъ здѣсь играющаго «на трубѣ» (или на свирѣли?) и затѣмъ добавляетъ: «Изображаю въ рис. 98 отдѣльно фигуру игрока на трубѣ или на какомъ-либо другомъ инструментѣ, но чрезвычайно сходномъ по внѣшности съ византійскими трубами, изображенными выше на фрескахъ XI ст. Кіево-Софійскаго собора (сравни съ рис. 52)».

зыкантовъ: кромѣ скрипача и гусяра онъ называется флейтщика и торбаниста; иначе опредѣляются инструменты и И. О. Токмаковымъ въ «Обозрѣніи бібліотеки Моск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣль....» (М. 1879, стр. 16): гудокъ, гусли, дудка и торбонь. Какъ мы видимъ, только на гусяхъ сходятся всѣ изслѣдователи, другіе два струнные инструмента и духовой опредѣляются не одинаково, можно впрочемъ почти безошибочно сказать, что второй струнный смычковый инструментъ — скрипка¹⁾; но третій струнный инструментъ не вполне опредѣляется, даже послѣ изысканій А. С. Фаминцына, конечно, это не торбанъ (И. О. Токмаковъ ошибочно называетъ его торбономъ), и количество струнъ у торбана иное, и приемы игры на немъ не тѣ, см. въ очеркѣ Фаминцына «Домра....», стр. 177 и 184, но и бандурой изображенный въ Букварѣ инструментъ можно признать лишь съ большой натяжкой, что впрочемъ замѣчалъ, вѣроятно, и самъ Фаминцынъ, когда съ одной стороны отсутствіе ладовъ на ручкѣ изображеннаго въ Букварѣ инструмента онъ объяснялъ неточностью воспроизведенія (см. о. с., стр. 160), съ другой — изъ особой формы кузова даннаго инструмента и изъ отсутствія у него приструнковъ долженъ былъ приходиться къ убѣжденію, что бандура въ концѣ XVII в. была иной нѣсколько, чѣмъ она стала позже (см. о. с., стр. 159, 162—163). Что касается той же сцены въ УАЦ, то вмѣсто четырехъ музыкантовъ въ П, въ УАЦ ихъ всего трое, духового инструмента нѣтъ, вмѣсто предполагаемой бандуры изображенъ какой-то другой

¹⁾ Въ историко-этнографическомъ изслѣдованіи Н. И. Привалова, «Гудокъ, древне-русскій народный музыкальный инструментъ, въ связи съ смычковыми инструментами другихъ странъ» (Записки Отдѣл. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археологич. Общ., т. V в. 2, Спб. 1904), стр. 93, мы читаемъ м. пр. слѣд.: «...явился на Руси новый инструментъ, которому и было присвоено названіе чисто русское, характерное — скрипка или скрипица. Изображеніе такой трехструнной скрипки конца XVII ст., т.-е. эпохи перваго ея появленія на Руси, заимствую изъ сочиненія 1694 г. «Букварь....» Каріона іеромонаха Истомина (подъ знакомъ буквы Ψ) рис. 67».

струнный инструментъ, также не смычковый, но по кузову все же напоминающій скрипку, гусли подобны гусямъ въ П только въ УА, въ Ц гусли — кантеле (изображеніе гуслей выше на стр. на букву Г въ П сходно съ изображеніемъ ихъ въ П на настоящей страницѣ, въ АЦ напоминаетъ изображеніе ихъ на настоящей страницѣ въ Ц), третій инструментъ: въ УА повидимому скрипка, хотя въ У играющій держитъ ее иначе, грифомъ вверхъ, на подобіе гудка (срв. въ изслѣдов. Н. И. Привалова, «Гудокъ....», стр. 80—81 и 90), въ Ц инструментъ этотъ изображенъ, какъ и въ У, только не видно и смычка. Нотная тетрадка съ раскрытыми листами въ П не то виситъ въ воздухѣ, не то лежитъ на отсутствующемъ поштрѣ, въ А ее совсѣмъ нѣтъ, въ У и Ц она на томъ же столѣ, на которомъ, какъ и въ А, гусли (въ П гусли на колѣняхъ у музыканта), при чемъ въ Ц нотъ на ней не изображено, а одни лишь чистые листы.

Мышь (въ П — мѣши) (*m* — мышь). Книга Естествосл. (ч. IV, ст. 10). Въ Ц изображены двѣ мыши, въ А изображенія вовсе нѣтъ.

Мѣра; въ Ч нѣтъ. Бер., стр. 84 — Мѣра: Вага.... мѣрка, Азбук. (Тих., ст. 396) — Мѣра, и мѣрка, то есть сосуды.... Въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. II, стр. 399 — Мѣра... Сосудъ, служащій для опредѣленія количества сыпучихъ веществъ или жидкостей.... Такой сосудъ и изображенъ въ Букварѣ.

Мѣрило только въ Ч (*m*: ЧУАЦ — мѣрилѣхъ, П мѣрилѣхъ). Бер., стр. 84 — Мѣрило: Вага, шалка, также локоть, Азбук. (Тих., ст. 396) — Мѣрило, то есть вѣсовое, еже есть вѣскій, и пудовое. У Даля: Мѣрило.... мѣрка, мѣра, въ значен. снаряда для измѣренія протяженія, пространства, вѣса либо количества; [критерій]. Судя по тексту, Каріонъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду здѣсь переносное значеніе этого слова.

Нога (*m*). У Берха ошибочно — ноги.

Ножъ (въ П — Нбжъ) (*m*). Въ П лезвее у ножа шире черена, въ УАЦ, напротивъ, черенъ шире лезвее.

Ноздря только въ **Ч.** Бер., стр. 98 (Ноздрию...).

Носило (*m*). Бер., стр. 98 — Носило: Друкъ до двиганя... У Берха пояснено — носилки, у Даля: Носила ср. мн., носилки.

Нось (*m*).

Нотопырь (въ **АЦ** — нетопырь, въ **П** — натопырь) (*m*). Книга Естествосл. (ч. IV, ст. 12) — нетопырь есть нѣкое голокожное животное, инакожь и мышь летучая именуется... У Берха — летучая мышь, названная: нетопырь, у Даля то же: Нѣтопырь... летучая мышь. Въ **УЦ** фантастическое изображеніе въ видѣ человѣческой головы въ крыльяхъ.

Нѣчвы (*m*). У Берха пояснено — начовка, въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. II, стр. 467 — Нѣчвы... Отлогій лотокъ, у Даля: Нѣчва, ночовка... или нѣчвы, ночовки... неглубокое, тонко отдѣланное корытце, лотокъ. На ночвахъ сѣютъ муку, катаютъ хлѣбъ; въ нѣчвы складываютъ изъ печи печенье, выносятъ его на продажу, и на ночвахъ же полютъ зерно, крупу, потряхивая и сдувая легкой соръ, полову, срв. также въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., А. Преображенскаго, вып. 8, стр. 614 — нѣчвы... родъ корыта (для муки, зерна)... Относ. значенія, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что нѣчвы корытце челночкомъ, долбленной лодочкой, и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 69), гдѣ Нѣчва, нѣчвы, нѣчевка — eine Schwinge, плоское тонкое и широкое корытце, которое употребляется въ хозяйственномъ быту для провѣиванья и подевванья зерноваго хлѣба, для валянья тѣста и т. под.; далѣе въ Археологич. Словарѣ отмѣчается слово нѣчвы въ Домостроѣ. Можно указать также документъ 1677 г., гдѣ въ числѣ деревянной посуды показаны м. пр. и нѣчевки (1080 нѣчевокъ), см. у И. Е. Забѣлина въ I ч. Дом. Быта Русск. Царей, изд. 3, стр. 547. Слово нѣчва, нѣчвы и до настоящаго времени сохранилось въ живомъ употребленіи, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ, повидимому, и не въ одинаковомъ значеніи, срв. М. Макаровъ, Опытъ Русскаго простонароднаго Словотолковника [1848],

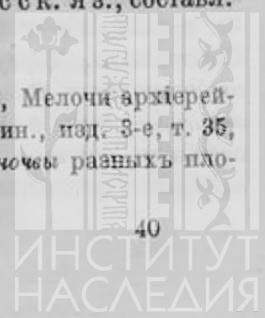
Древности. Т. XXV.

стр. 180 — Нѣчвы (Клж. Жиз.), лотокъ. То же означаетъ и въ Вологдѣ, А. И. Сахаровъ, Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго уѣзда, Орловской губерніи (Сборн. Отдѣл. Русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. 68, № 5, Спб. 1900), стр. 28 — Нѣчвы... = корыто. Нѣчвки = то же, В. Волоцкой, Сборникъ матеріаловъ для изученія Ростовскаго (Яросл. губ.) говора (Сборн. Отдѣл. Русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. 72, № 3, Спб. 1902), стр. 53 — Нѣчвы. Мелкій, ладьеобразный лотокъ, употребляемый при подкраиваніи ржи, крупы и пр., Кашинскій Словарь, стр. 113 — Нѣчва... = тонкій, продолговатый лотокъ, на которомъ шастаютъ (т. е. вѣютъ, подбрасывая лотокъ вверхъ) овсяную крупу, А. Подвысоцкій, Словарь областн. Архангельск. нарѣчія, стр. 103 — Нѣчвы, Нѣчвы, Нѣчвки — жолобковатый, въ видѣ корытца, лотокъ съ ручкою, которымъ берутъ муку изъ мѣшка или засѣвки. Повсем., Опытъ областн. Великорус. словаря, стр. 130 (указано въ Археологич. Словарѣ) — Нѣчва... Плоское и широкое корыто, въ которомъ валяютъ хлѣбъ. Перм. Тамб., Кайгородовъ, Русск. толковый лѣсотоварный словарь, стр. 92 — Нѣчва, нѣчевка, неглубокое корытце, лотокъ¹⁾.

Обручь [Ѡ] (*m*). Изображенъ ли здѣсь обручь на кадку и пр. или обручь-браслетъ, срв. у И. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3, стр. 507—508, сказать трудно, не даетъ указаній на это и текстъ виршъ.

Обязало [Ѡ]; въ **Ч** добавлено — Ѡбвязка. Бер., стр. 194 — Ѡбязало: Ѡбвѣзка... У Берха пояснено — кушакъ, у Даля: Обязало... црк. обвязка, повязка, перевязка. [Обязка... обвязка, платокъ. пек. твер...]. Изображенъ въ Букварѣ, по крайней мѣрѣ въ **П**, кушакъ, какъ это и указано у Берха. **Оводъ** только въ **Ч** и **П** (*m*). Въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл.

¹⁾ См. также Н. С. Льскова, Мелочи архіерейской жизни (Полн. собр. сочин., изд. 3-е, т. 35, Спб. 1903, стр. 19) — цѣлыя нѣчвы разныхъ плодovъ.

2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. III, Спб. 1847, стр. 42 — Оводъ.... *Oestrus*, насѣкомое.

Овощникъ (*m*). Бер., стр. 100 — Овощникъ: огородъ, албо садъ, где овощи се родить, албо где его ховають. У Даля: овощникъ — црк. орл., кал. огородъ, см. также Опытъ области. Великорус. словаря, стр. 136, гдѣ Овощникъ.... Огородъ. Орл. *Мцен.*¹⁾. Повидимому, и Каріонъ имѣлъ въ виду дать изображеніе огорода, на это указываютъ, м. пр., и текстъ виршъ, и изображенія въ УЦП, и только въ А ни въ рукахъ юноши, ни около его нѣтъ никакихъ растений.

Овца (*m*). Книга Естествосл. (ч. I, ст. 60).

Одръ только въ Ч (*m*). Бер., стр. 195 — одръ: Кровать.... постеля....

Ожереліе [Ѡ] (*m*). Бер., стр. 196 — ожереліе: Подгорлокъ.... У Берха пояснено — лента, унизанная бисеромъ. Объ ожерельѣ см. у И. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3, стр. 503—504, срв. рис. III. 2 (Жемчужное ожерелье), см. также у Савваитова, о. с., стр. 90—92.

Окно только въ Ч (*m*).

Око (*m*). У Берха пояснено — глазъ.

Околяры (*m*: ЧУАЦ — очкй, П — очки). У Берха пояснено — очки, у Даля: Околяры.... юж. запд. очки.

Окончина только въ Ч. У Даля: окончины, стекла (см. подъ словомъ оконница), въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. III, стр. 59 — Окончина.... Тоже, что оконница, а Оконница.... Деревянная рама со стеклами.

Окринъ [Ѡ]; въ Ч нѣтъ. Азбуковн. (Тих., ст. 430) — Окринъ, Горшокъ. У Берха пояснено — кувшинъ безъ ручки съ крышкой, у Даля: Окринъ.... црк. сосудъ, чаша; кувшинъ, горлачь; ваза. См. кринъ и креница, у того же Даля: Криница, креница.... крина,

¹⁾ Впрочемъ въ *Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз.*, составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. III, стр. 42, приводится и другое значеніе этого слова: Овощникъ.... Торгующій овощами, срв. также въ *Этимологич. Словарѣ Русск. яз.*, *А. Преображенскаго*, вып. 9, М. 1914, стр. 636, гдѣ слово овощникъ указано въ одномъ лишь послѣднемъ значеніи — зеленчикъ.

бол. упрѣб. кринка, — ночка.... малый горлачь.... См. также у *Berneker'a*, L. 8, Heidelberg, S. 617 — *krina*; *krinica* (o-*krinъ*) — abg. *krinica* (Supr. 291,8) 'Gefasz, Krug'; o-*krinъ* (Euch. Sin. 6b) 'Napf'.... г. крина, gew. кринка (dial. кринка), криночка 'kleiner Milchtopf mit engem Hals'; dial. 'Topf mit Birkenrinde umwunden'; dial. криница 'Topf'; [o-*krinъ* 'Gefasz' aus dem Ksl.].... ѣ.... o-*křinъ*.... р.... o-*krzynъ*...., срв. у А. Преображенскаго въ *Этимологич. Словарѣ Русск. яз.*, вып. 6, стр. 386 — кринка.... др. и сс.... окринъ чаша.... Въ АЦ изображенъ сосудъ съ ручкой, въ УЦ — безъ крышки, въ У безъ поддона, вездѣ — тулово книзу расширяется (срв. изображенія кувшина на стр. на букву К).

Окунь (*m*). Книга Естествосл. (ч. III, ст. 44).

Опона только въ Ч. Бер., стр. 100, Азбуковн. (Тих., ст. 431) — Опона, завѣса....

Опрѣснокъ [Ѡ] только въ Ч, гдѣ добавлено — пыряⁿ. Бер., стр. 198 — опрѣснокъ пѣряⁿ: Подпльмыⁿ, Азбуковн. (Сахаровъ, стр. 175 — Опрѣснокъ, хлѣбъ пырянь, безквасень, или пепелень). Въ Словарѣ церк.-слав. яз.... Востокова (т. II, Спб. 1861, стр. 135) подъ словомъ пырянь (ячменный) это выраженіе — опрѣснокъ пырянь — приведено по сп. XVI в. изъ 6 ст. XIX гл. 3 кн. Царствъ.

Орало (*m*). Бер., стр. 198 — орало: Соха. У Даля: Орало.... црк. стар. общее названье орудія для оранья, а Орать.... землю.... пахать или взрывать, для посѣва.... Изображена въ Букварѣ часть сохи — разоха съ двумя желѣзными ральниками.

Органъ (въ П — органы) (*m*). Бер., стр. 301 — Органъ: Инструментъ...., Азбуковн. (Тих., ст. 421) — Органъ, тол. сосудъ гудебный. яко гусли, домра, гудокъ и трубъ, и свѣрѣли, и подобная симъ, гласъ изъ себе испущающая (срв. Сахаровъ, стр. 175 — Органъ, въ писаніи наричется сосудъ гудебный, яже суть сія: труба, свирѣль, рогъ, тимпаны, кимвалы). Объ органахъ и органной игрѣ на Руси въ XVII в. см. у И. Е. Забѣлина въ ч. II Дом. Быта Русск. Царей, стр. 284 — 286. Изображенія органа въ УАЦ и П различны.

Орель (*m*). Бер., стр. 101, Азбуковн. (Тих., стр. 423), Книга Естествосл. (ч. II, ст. 1).

Осва (въ П — осва) (*m*: Ч — осва, УАЦП — осва). У Даля: Оса.... осва пск. орл. кур., срв. Опытъ областн. Великорус. словаря, стр. 143 — Осва.... оса, vespa, насѣкомое. Псков. Псков., то же у И. И. Носовича въ Словарѣ Бѣлорус. нарѣчія, стр. 367. Въ АЦ изображенія нѣтъ.

Осель. Азбуковн. (Тих., ст. 425), Книга Естествосл. (ч. I, ст. 61). У Берха указано дважды, второй разъ, вѣроятно, вмѣсто опущеннаго — осва.

Оскордь [Ѡ] только въ Ч, гдѣ добавлено — кирка. Бер., стр. 199 — Ѡскордь: Клепецъ, сокира, которою мулярѣ камѣне отѣсуютъ, и тыжъ долото...., Азбуковн. (Тих., ст. 433) — оскордь, тесла каменнаго дѣла (слѣдующія слова въ рукописи зачеркнуты) ниже стихъ 517, на полѣ — топоръ, ст. 517 — скѣпарна, кирка. У Даля: Оскордь.... црк. сѣкира, большой топоръ...., срв. въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., А. Преображенскаго, вып. 9, стр. 663 — оскордь.... прус. skurdis кирка...., и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 71—72), гдѣ: Оскордь — чеканъ, каменосѣчное орудіе... Далѣе дѣлается ссылка на Беринду и 1 Псковск. Лѣтоп.

Осла только въ Ч и *m*. И. Е. Забѣлинъ въ I ч. Дом. Быта Русск. Царей, изд. 3, стр. 239, отмѣчаетъ въ числѣ царскихъ вещей, описанныхъ въ 1630 г.: Осла (оселокъ) бѣла кизылбашская, срв. соответствующій текстъ виршѣ — умъ твой на осла стирай въ книжно ученіе. Въ томъ же значеніи, какъ и въ документѣ 1630 г., слово это отмѣчено въ нѣкоторыхъ говорахъ Арханг. нарѣчія, см. А. Подвысоцкій, Словарь областн. Арханг. нарѣчія, стр. 111: Осла (оселокъ?) — точильный брусокъ. Кем., Кол., то же слово, но совсѣмъ въ иномъ значеніи указано въ Опытѣ областн. Велико-рус. словаря, стр. 144 — Осла.... Синеватый слой въ дурноиспеченныхъ хлѣбахъ или пирогахъ; закалина. Псков. Опоч. Срв. также у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 9, стр. 661.

Остегны [Ѡ] только въ Ч. Бер., стр. 200 — Ѡстегны: Гачѣ, убрание.... У Даля — Остегнь.... црк. исподницы, шаровары, брюки, штаны...., въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. III, стр. 88 — Остегнь.... Церк. Мужское исподнее платье....

Остенъ [Ѡ] (*m*). Бер., стр. 200 — Ѡстенъ: Бодецъ.... У Берха пояснено — вилы, въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 72): Остенъ, остнь, отнь — палка съ острымъ наконечникомъ, колъ или гвоздь большой, а также кошь.... Остенъ — бодецъ, чѣмъ волы выгоняютъ (Азбуковн. у Сахарова 20¹). Соответственно значенію этого слова у Беринды, въ текстѣ виршѣ чит.: остень лѣнivu ослу содѣлося.

Ости [Ѡ]. Бер., стр. 200 — Ѡсти: метао.: Плодове.... У Берха пояснено — грабли, у Даля: Ость, *m*. пр., твр. ост. острога для боя рыбы; вообще ость острее кончикомъ, иглой, шиломъ, то же въ Смоленск. областн. Словарѣ, стр. 542 — Ости, острога. Въ Ц изображенія нѣтъ, въ АП изображено орудіе въ родѣ граблей, какъ это и указываетъ Берхъ, въ У м. б. — острога для боя рыбы.

Палата (*m*). Бер., стр. 110 — Полата: Палаць. У Берха — палаты.

Парусъ (*m*). Бер., стр. 102 — Парусъ....

Пельнь только въ П. У Берха — польнь, у Даля: [Пельнь см. пелунь]. Пелунь.... пельнь.... растн. польнь....

Перо (*m*). Изображено перо писчее.

Перстень. О перстняхъ см. у И. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3, стр. 506—507, срв. также у Савванитова, о. с., стр. 99—100.

Пицаль. Бер., стр. 104, и Азбуковн. (Тих., ст. 452) приводятъ это слово въ значеніи музыкальнаго инструмента. У Даля: Пицаль.... Ружье...., мѣстами (сѣв. вост.) понынѣ охотничье ружье, срв. также Собрание особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣ-

¹) Цитата относится не къ Азбуковн., а къ Лексикону Беринды, срв. Бер., стр. 246 — Бодецъ: Остенъ...., только у Сахарова ошибочно — выгоняютъ, вмѣсто поганяютъ.

ломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, Пав. Кузмицева, [1849], стр. 43 — Пицаль. Охотничье ружье (тоже и въ старину), Словарь областн. Арханг. нарѣчія..., А. Подвысоцкаго, стр. 122: Пицаль — охотничье ружье. Пин., Мез., Опытъ областн. Великорус. словаря, стр. 158 — Пицаль.... Ружье-Яросл. Ружье изображено и въ Букварѣ. О пицальяхъ см. у Саввантова, о. с., стр. 101—102.

Пионокъ (Ч — піонокъ) (*т*: Ч — піонокъ, УАЦП — піонокъ); въ АЦ добавлено — обезьяна. Бер., стр. 303 — Піонокъ: Котъ морскій.... обезьяна...., Азбуковн. (Тих., ст. 453) — Пионокъ, обезьяна (срв. Сахаровъ, стр. 177 — пификъ, обезьяна), Книга Естествосл. (ч. VII, ст. 23). У Берха пояснено — обезьяна, то же и у Ровинскаго («Русск. Народн. Карт.», кн. II, стр. 492). Изображенъ пионокъ въ видѣ обезьяны и въ Букварѣ.

Плинка (въ АЦП вм. ф — ө). Бер., стр. 104 — Плинка: Цегла, Азбуковн. (Тих., ст. 453) — Плинка, кирпичъ.... У Берха добавлено — или кирпичъ, то же у Даля: Плинка.... црк. кирпичъ.

Потиръ. Бер., стр. 304 — Потиръ: Чаша, кубокъ...., и 115 — Потиръ: Чаша, кубокъ...., Азбуковн. (Тих., ст. 459) — Потиронъ, потиръ тѣла Христова, на полѣ — чаша (въ рукописи все о потиронѣ зачеркнуто) (срв. Сахаровъ, стр. 179). О потирѣ см. большую статью графа А. С. Уварова въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. I, в. 1, стр. 7—12).

Поясъ. Бер., стр. 116 — Поясъ: Поясъ, albo стану шляхецкаго надаванье. О поясахъ см. у Саввантова, о. с. стр. 109—110.

Праца (*т*). Бер., стр. 117 — Праца: Супоротокъ. У Берха — праць, въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. III, стр. 423 — Праца.... Церк. Ручное орудіе, для киданія камней...., у Даля: Праца.... сложенный петлею ремень, вервь, иногда съ донцемъ, куда кладется камень....

Псалмы [Ж] только въ II. Изображена книга съ нотами на раскрытыхъ листахъ.

Псалтирь (въ ЦП — Жалтирь) [Ж]. Изображена богослужебная книга Псалтирь въ окладѣ.

Псель премудрый [Ж] только въ А. Изображенъ (безъ нимба) Михаилъ Пселль, византійскій писатель XI в.

Птицы только въ II. Бер., стр. 132 (Птица).

Пуговица (*т*). У Берха — пуговица, у Даля: Пуговица, пуговица...., см. также въ Словарѣ областн. Олонек. нарѣчія..., Герм. Куликовскаго, стр. 96 — Пуговица, -ця (Пт. Лп. Заон.) — вм. пуговица. О пуговицахъ см. у Саввантова, о. с., стр. 112—114, о происхожденіи слова пуговица см. у А. Преображенскаго въ Этимологич. Словарѣ Русск. яз., вып. 11, М. 1915, стр. 149.

Пѣна [Ъ].

Ракъ только въ II. Книга Естествосл. (ч. V, ст. 6).

Ретка (въ Ч первоначально было — рѣдка, но потомъ д исправлено на т) (*т*). У Берха — рѣдка.

Решето (въ Ч — решатò) (*т*).

Риза (*т*). Бер., стр. 139 — Риза, одѣяніе, одежда: шата...., плащъ, верхнее одѣяніе. Изображена верхняя распашная одежда, въ II съ длинными висячими рукавами, нѣчто въ родѣ опашня, въ УАЦ на подобіе кафтана съ рукавами болѣе короткими.

Рипида. Бер., стр. 306 — Рипида:.... махало...., Азбуковн. (Тих., ст. 470) — Рипидія, махало (на полѣ — опашалня). У Берха — рипиды. О рипидахъ см. у архіеп. Саввы въ Объяснительномъ Словарѣ, стр. 15.

Рогатина. Объ изображеніи рогатины въ II см. въ статьѣ В. А. Городцова — Описание холоднаго оружія (Отчетъ Императ. Россійск. Историческ. Музея.... за 1911 г. Приложение, М. 1913), стр. 27. О рогатинахъ вообще въ той же статьѣ, стр. 25—35, и у Саввантова, о. с., стр. 115.

Рогъ (*т*). Изображенъ духовой музыкальный инструментъ; Н. И. Приваловъ въ указ. выше изслѣдов., «Музык. духов. инструм....», ч. I, стр. 174—175, приводитъ изображеніе рога (рис. 108) изъ А (по изд. Моск. Оруж. Пал.), называетъ этотъ рогъ охотничьимъ и считаетъ несомнѣннымъ, что подобный охотничій рогъ получился изъ военной трубы

XVI ст. посредствомъ ея укороченія. Бер., стр. 140 — приведено это слово въ значеніи крѣпости, силы.

Рожа только въ **Ч.** Бер., стр. 140 — Рожа: шіпокъ...., Азбуковн. (Тих., ст. 473) — Рожа, цвѣтъ своробінной.... Рожа въ значеніи розы отмѣчена также В. Н. Добровольскимъ въ Смоленск. областн. словарь, стр. 797, и И. И. Носовичемъ въ Словарѣ Бѣлорусск. нарѣчія, стр. 565, въ значеніи лица въ Дополн. къ Опыту областн. Великорус. словаря, стр. 231, и Волоцкимъ въ Сборн. матер. для изуч. Ростовск. (Яросл. губ.) говора, стр. 112, въ значеніи маски въ Опытѣ областн. Великорус. словаря, стр. 192 (Костр. *Кинеш.*).

Розга (въ **АЦ** — розга). Бер., стр. 140 — Рѣзга, лѣторѣсль...., Азбуковн. (Тих., ст. 471) — Рѣзга, тол. кисть ягодная (срв. Сахаровъ, стр. 182 — Розга, вѣтвь древа, отрасль на лозѣ бываема).

Рубаха (*m*).

Рука (*m*).

Рукавица (въ **Ч** — рѣкавица) (*m*). У Даля: Рукавица.... кулачная перчатка, съ однимъ только напалкомъ для большого пальца.... вареги, вязаныя шерстяныя, въ Словарѣ областн. Олон. нарѣчія...., Г. Куликовскаго, стр. 102: Рукавица — кожанная варежка. Пет.... О рукавицахъ см. у Савванитова, о. с., стр. 117. Изображена въ Букварѣ рукавица: въ **УАЦ** въ видѣ варежки, въ **П** — въ видѣ перчатки (перчатая).

Рукоять [**Ъ**]. Бер., стр. 141 — Рукоять: Снопъ, горсть которая сѣрпомъ бываетъ ужята. рѣкоестъ, где рукою имѣемо и держимѣ. Последнему значенію этого слова вполнѣ отвѣчаетъ и изображеніе въ Букварѣ.

Рыба (*m*).

Рѣпа (*m*).

Сабля. О сабляхъ см. у Савванитова, о. с., стр. 121—122.

Сапогъ (*m*). Бер., стр. 143 — Сапогъ: чоботь. [черевики]. Въ **УАЦ** сапогъ — краснаго цвѣта.

Свирѣль (*m*). Бер., стр. 144 — Свирѣль: Пищалка...., напштальтъ [= на подобіе] лютиѣ, Московская и тыжъ Грецкая. обще, свѣстѣлка

пастырская. зри сопль. У Даля: Свирѣль.... сопѣлка, дудка.... О свирѣли и о происхожденіи ея названія см. у Н. И. Привалова въ его «Очеркѣ исторіи флейтъ, въ связи съ свистящими музыкальными орудіями на Руси» (Записки Отдѣл. Русск. и Слав. Археол. Имп. Русск. Археологич. Общ., т. VIII в. 2, Спб. 1909 — Музыкальные духовые инструменты русск. народа.... Свистящіе инструменты), стр. 242 и сл., 256 (Свирѣль — прямая флейта или дудка, иногда — язычковая жалѣйка).

Свѣщникъ (*m*). Бер., стр. 144. У Даля: Свѣщникъ и свѣшникъ.... под-свѣщникъ, шанданъ.... Арх. ночникъ, сальникъ.... лампадка.

Селдь въ самомъ Букварѣ не указывается, а намѣчается только въ Словѣ Читателю, см. выше стр. 279. Книга Естествосл. (ч. III, ст. 54).

Сердце (*m*).

Сковрадъ (*m*). Бер., стр. 147 — Сковрадъ: Сковородъ. У Берха — сковорода, у Даля — Сковорода или сковородка, сковрадъ црк...., см. также Сковродъ.... вм. сковорода въ Кашинск. Словарѣ, стр. 161.

Славій (въ **АП** — соловей) (*m*). Бер., стр. 148 — Славій: Соловей, Книга Естествосл. (ч. II, ст. 20) — соловей. Изображенъ соловей въ клеткѣ.

Слонъ (*m*). Книга Естествосл. (ч. I, ст. 16).

Слѣдъ [**Ъ**] (*m*). У Берха — слѣды.

Снопъ (*m*).

Снѣгъ [**Ъ**] только въ **Ч**.

Сосецъ (*m*). Бер., стр. 153 (Сѣсець). У Берха ошибочно — сосѣдъ, хотя у него же въ текстѣ виршъ правильно — сосецъ. Изображенъ въ Букварѣ рожокъ, у Даля въ значеніи рожка отмѣченъ: Соска, сосѣкъ.

Спирида (**Ч** — спуріда, **АЦ** — спѣрида, **П** — спѣрида). Бер., стр. 154 — Спуріда: тастра, йл, Кѣница. У Берха пояснено — плетеная корзина, у Даля: кошница — корзина, плетуха, а тайстра смл. большой мѣшокъ¹⁾. Кошница и изображена въ Букварѣ.

¹⁾ Въ Словарѣ Бѣлорусскаго нарѣчія, И. И. Носовича, стр. 632: Тайстра... Котомка.

Скляница (т). Бер., стр. 156 — Скляница: Склянка, албо кубокъ, чаша.... У Даля: Скляница или склянка.... небольшая бутылочка, пузырекъ....

Стопа. У Даля м. пр. — Большой стаканъ раструбомъ, особ. серебряный...., срв. также въ Словарѣ областн. Олонецк. нарѣчія, Г. Куликовскаго, стр. 113 — Стопá.... большой старинный кубокъ....

Стрелець [Ъ], въ Ч добавлено — планета. У Берха — стрѣлецъ. Изображено здѣсь одно изъ созвѣздій зодіака, срв. близкое изображеніе ишпокентавра въ АЦ.

Стручець (АП — стрѣчець) (т). Бер., стр. 158 — Стручець: стручокъ.... У Берха пояснено — стручокъ, у Даля: Струкъ, стручокъ....

Стрѣла; въ Ч и П нѣтъ.

Сѣно [Ъ].

Сѣть только въ Ч (т). Бер., стр. 169.

Тазъ только въ П.

Тарель (въ Ч е передѣлано изъ Ъ, въ А — талеръ) (т; въ А поправлено на — талеръ). Берхъ ошибается, предполагая, что здѣсь изображена тарелка; скорѣе всего, какъ полагаетъ А. В. Орѣшниковъ, Каріонъ хотѣлъ дать изображеніе носимаго на груди золотого украшенія (дукача), сходнаго по внѣшнему виду съ иностранными монетами-талерами, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны этому не противорѣчатъ ни текстъ виршъ — торѣль на столѣ тарель предъ тобою —, ни цвѣтъ изображенія — тарель изображенъ золотымъ (въ У и Ц весь, въ А золотые только ободокъ и крестъ, поле серебряное) —, съ другой стороны мы знаемъ, что у насъ въ Россіи иностранные талеры подъ именемъ ефимковъ бытовали еще съ XVI столѣтія, а въ 1655 г. путемъ наложенія на нихъ русскаго клейма они были признаны даже официальной монетой; эти талеры были названы ефимками съ признаками и стоимость ихъ была доведена съ 50 к. до 21 алтына и 2 деньги (64 коп.¹⁾) (см. статью Ф. Ф. Гейтца «Ефимки» въ т. II «Нумизматическаго Сборника», М. 1913, стр. 180—185);

¹⁾ Въ Словарѣ Бѣлорусск. нарѣчія, И. И. Носовича, стр. 632, отмѣчено: Талеръ.... серебр. монета въ 90 коп. серебромъ, имѣющая ходъ въ Литвѣ, талеръ указанъ также В. Н. Добровольскимъ въ Смоленск. областн. словарь, стр. 903.

извѣстно также, что въ западныхъ государствахъ существовали въ XVI и XVII вв. талеры, близкіе по рисунку къ тарелю, изображенному въ Букварѣ, также съ крестомъ въ центрѣ и съ цвѣтами въ перекрестьяхъ (см. *Traité de numismatique moderne et contemporaine* par Arthur Engel et Raymond Serrure expert, 1 part., Paris. 1897, p.p. 7, 64, 67, 191, 391, 396, 477, 498, 499, 1521—1674 гг.¹⁾); вмѣстѣ съ тѣмъ изъ помѣщенной въ т. I «Нумизматическаго Сборника» (М. 1911, стр. 575—582) статьи «Золотая Молдавская печать» мы можемъ заключить, что изъ себя представляетъ хранящійся въ Импер. Академіи Наукъ «золотой талеръ».

Тесла (т). Азбуконн. (Тих., ст. 523) — Тесель, древодѣль. Тесельство, плотничество. О теслѣ см. въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, Спб. 1847, стр. 279 — Тесла.... Плотничье орудіе съ обухомъ, сдѣланное на подобіе топора...., въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. VIII, стр. 26):Въ 1632 г. упоминается между другими плотничьими инструментами тесло, какъ орудіе для долбленія дерева (Доп. къ А. Ист. II, 163). Въ Тамбовской губ. доселѣ тесломъ называется полукруглое долото, насаживаемое на рукоятку, на подобіе топора, и употребляемое для выдѣлки корытъ, ульевъ, и т. под. Тесла указана также В. Г. Богоразомъ въ Областн. словарь Колымскаго русскаго нарѣчія (Сборн. Отдѣл. Русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н., т. 68, № 4, Спб. 1901), стр. 142: Тесла (тесля) — тесло для выдалбливанія карбасныхъ днищъ и стружковъ, и въ Сборн. матеріаловъ для изученія Ростовск. (Яросл. губ.) говора, В. Волоцкого, стр. 113 — Тесло. Большой скобель, которымъ отбираютъ углы, т. е. на круглой слегѣ дѣлаютъ грани. Изображена тесла въ УАЦ нѣсколько иначе, чѣмъ въ П, гдѣ тесла скорѣе напоминаетъ колунъ.

Тетеревъ (т).

Токмакъ (т). У Берха пояснено — деревянная толкуша или пестъ; у Даля:

¹⁾ Указаніемъ и предоставленіемъ этой книги въ наше пользованіе, а равно указаніемъ цитируемыхъ нами статей изъ «Нумизматич. Сборника» мы обязаны А. В. Орѣшникову.

Токмарь, токмачь.... колотушка.... трамбовка, для убою земли, глины, мостовой, см. также у Волоцкого в Сборн. матер. для изученія Ростовск. (Яросл. губ.) говора, стр. 92—Токмачь. Особо обдѣланный кусокъ твердаго дерева, употребляемый сапожниками для сглаживанія краевъ подошвы.

Томарь (*m*: ЧАЦ — томарь, УИ — томарь). У Берха пояснено — конецъ стрѣлы; срв. у Саввантова, Описание старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія...., Спб. 1865, стр. 272, прим. 420, гдѣ м. пр. приведено изъ Букваря Каріона Истомина (изъ П) и изображеніе томара (во 2 изд. того же труда П. И. Саввантова, стр. 131—133, прим. 3, изображенія нѣтъ); какъ у Саввантова, такъ и у Даля: Томарь.... стрѣла, съ костянымъ, тупымъ наконечникомъ. См. также въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 286 — Томарь.... Стар. Обл. Тупоконечная стрѣла съ костянымъ наконечникомъ, которою бьютъ соболей, въ Опытѣ областн. Великорус. словаря, стр. 230 — Томарь.... Родъ стрѣлы, которою бьютъ дорогихъ пушныхъ звѣрей; чтобы не повредить кожи звѣря, вмѣсто желѣзнаго копьеца, придѣлываютъ деревянную или костяную шишку. Сибир., и въ Словарѣ областн. Олонецк. нарѣчія...., Куликовскаго, стр. 119, гдѣ Томарь.... стрѣла. Въ УАЦ впрочемъ наконечникъ у томара — острый.

Топорь (*m*). О типахъ топора см. большую статью В. А. Городцова въ Приложеніи къ Отчету Имп. Росс. Ист. Музея.... за 1906 г., М. 1907, стр. 95—112.

Торань только въ Ч. М. б. Каріонъ имѣлъ въ виду дать изображеніе тарана, стар. стѣнобойнаго копра, барана, срв. объ этомъ словѣ у Даля.

Торѣль (*m*). У Берха — блюдо, у Даля — тарелка, тарель. Изображена тарелка.

Труба (*m*). Изображенъ духовой музыкальный инструментъ, въ родѣ трехколѣнныхъ (въ П безъ поперечныхъ перемычекъ) трубъ, извѣстныхъ въ Западной Европѣ уже съ XIV в., см. изслѣдов. Н. И. Привалова, «Музыкальн. духовые инструм. русск. народа....», ч. I, стр. 142—144.

Тыква только въ Ч.

Тынь [ы].

Убрѹсь только въ Ч (въ П — ѳбрѹсець) (*m*). Бер., стр. 175—Убрѹсець: Поясь, хустка. Въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 314 — Убрѹсь.... 1) Платъ, полотенцо.... 2) Низанный начальникъ подъ вѣнцемъ на образахъ угодницъ Божіихъ. — Стар. Убрѹсь новоженный: полотенцо, которое новобрачная обязана была подносить въ даръ почетнымъ людямъ...., срв. то же и у Даля; въ Смоленск. областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, стр. 927: Убрѹсь — платокъ. Объ убрѹсѣ, какъ женскомъ головномъ уборѣ, см. въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, И. Е. Забѣлина, изд. 3, стр. 484, и рис. III. 1 (изображеніе убрѹса взято И. Е. какъ разъ изъ печатнаго изданія Букваря Истомина — изъ П) и у Саввантова, о. с., стр. 153.

Удила. У Берха — удило, у Даля — Удилѣ.

Удица (въ А — ѳда) (*m*). Бер., стр. 176 — Удица: Удка. У Даля: Удѣ.... удица, снарядъ для ручной ловли рыбы на крючокъ съ наживой; самый крючокъ этотъ....; въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 324 — Удѣ.... Рыболовное орудіе изъ тонкой лѣсины и привязанной къ концу ея нити изъ волосовъ конскаго хвоста съ металлическимъ крючкомъ, имѣющимъ на концѣ зазубрину...., стр. 326 — Удица.... Церк. ум. слова уда.

Уже (такъ въ Ч, въ АЦП — ѳжище) (*m*). Бер., стр. 177 — Уже: Ланцѹхъ.... Ужище.... шнуръ.... У Берха пояснено — пукъ веревкъ, у Даля: Уже.... црк., ўжище стар., или ўжище.... вервь.... веревка.... канатъ. Въ документѣ 1677 г. указаны 609 ужищъ личныхъ, см. у И. Е. Забѣлина въ I ч. Дом. Быта Русск. Царей, изд. 3, стр. 546. Слово ужище, то съ удареніемъ на первомъ слогѣ, то на второмъ, извѣстно и въ настоящее время во многихъ говорахъ, см. Сборн. матер. для изуч. Ростовск. (Яросл. губ.) говора, Волоцкого, стр. 95 — Ужище. Длинная веревка для затягиванья вѣзовъ съ сѣвомъ, товаромъ и пр.; веревочныя вожжи, Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго уѣзда, Ор-

жовской губ., А. И. Сахарова, стр. 43 — Ужище.... = толстая веревка, Опытъ областн. Великорус. словаря, стр. 238 — Ужище.... 1) Вережка. Волог. Нижегород. Ряз. Скоп. Тул. 2) Вережка, свитая изъ березовыхъ прутьевъ; на нее привязываютъ лошадей для паствы. Арханг. Шенк. (см. то же у Подвысоцкаго, въ Словарѣ областн. Арханг. нарѣчія, стр. 178), но рядомъ — Ужище.... Длинная веревка. Иркут. Словарь областн. Олопецкаго нарѣчія, Куликовскаго, стр. 124 — Ужище (Пт.) веревка, за которую тянуть неводъ изъ воды; прикрѣпляется она къ клячамъ.

Узда (*m*). Бер., стр. 178 — Узда: Удыла.... Объ уздахъ см. у Саввантова, о. с., стр. 153.

Узоль. У Берха пояснено — связанной мѣшечикъ, у Даля: Узель.... узоль вост. — м. пр. вещи, завязанныя въ платъ, платокъ, салфетку.... и пр., см. также Дополн. къ Опыту областн. Великорусск. словаря, стр. 277 — Узоль.... Узель. Владим., Сборн. матер. для изуч. Ростовск. (Яросл. губ.) говора, Волоцкаго, стр. 95 — Узоль. Узель.

Усерязъ (*m*). Бер., стр. 181 — Усеряга, усерязъ: Наушница, серга, колтѣкъ, Азбуковн. (Тих., ст. 549) — Усерязи, серги, (то же у Сахарова, стр. 188). У Берха пояснено — серга, то же и у Даля: Усерязъ.... црк.... серга, сережка, ушная украса. О сергахъ см. у И. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3 стр. 504—505, и у Саввантова, о. с., стр. 126. Изображены въ Букварѣ, если принять опредѣленіе И. Е. Забѣлина, серги-запаны.

Устнѣ только въ П. Бер., стр. 182 — Уста, устна: Губа.... У Даля: Уста.... устнѣ црк., ротъ человѣка; губы.

Ухо (*m*).

Фелонь (*m*). Бер., стр. 319 — Фелѣн: верхніи ризы священническіи, або опонча, или шата верхняя убогихъ отъ дождю, Азбуковн. (Тих. 565) — Фелѣн, риза. У Берха — священнической фелонь или верхняя одежда. О фелони см. въ Объяснит. Словарѣ архіеп. Саввы, стр. 17—18. Изображена фелонь безъ обрѣза съ передней стороны.

Философія только въ Ч (*m*). Бер., стр. 320, Азбуковн. (Тих., ст. 573).

Финиксъ (въ Ч — фѣнихъ древо, фѣнихъ птица) (*m*). О двухъ значеніяхъ этого слова говорится и въ текстѣ виршъ, но уже и въ Ч безъ различія въ написаніи; изображено же въ Букварѣ одно только дерево, птица фѣнихъ не изображена. Бер., стр. 319 — фѣнихъ: Финиковое дерево.... и Птахъ въ Аравіи...., Азбуковн. (Тих., ст. 570) — фѣнихъ есть птица.... есть же и древо фѣнихъ.... (срв. у Сахарова, стр. 188—189), Книга Естествосл. (ч. II, ст. 6 — Финиксъ птица, и ч. VIII, ст. 12 — О финике. Финиковое древо). У Берха — финиковое дерево. Такъ изображень фѣнихъ только въ П, въ УАЦ дерево другой породы.

Фіалки, въ Ч добавлено — трава (*m*). Изображены, вѣроятно, фіалковые корни, у Даля это — корни растенія изъ рода касатиковъ, у Бернекер'а, L. 4, Heidelberg, S. 281 — fiala.... р.... alt und dial. fijalka.... Aus dem R.... г. (фіалка)....

Фіаль только въ Ч, гдѣ добавлено — рѣструха (*m*). Бер., стр. 319 — Фіаль: Ростриханъ, и далѣе — Фіала:.... Кубокъ, або ростриханъ, Азбуковн. (Тих., ст. 574) — Фіяли, сосудецъ сему подобень, и затѣмъ дается изображеніе сосуда, по типу нѣсколько напоминающаго графинъ. У Даля: Фіаль.... чаша, сосудъ; скляница.... стройный, высокій кувшинчикъ.

Фонарь (*m*). Въ УАЦ фонарь — слюдяной.

Харгія только въ П. Бер., стр. 185. У Берха пояснено — свитокъ, у Даля: Харатья, хартія.... стар. папирусъ, пергамень, все, на чомъ встарь писали, и самая рукопись. Изображень въ Букварѣ свитокъ, столбецъ.

Хвостъ только въ Ч (*m*). Каріонъ и въ другомъ мѣстѣ — на страницѣ на букву Ѡ — хотѣлъ дать изображеніе подобнаго же предмета: Ѡгонъ или хвостъ, но всѣ эти три слова затѣмъ вычеркнулъ; срв. Азбуковн. (Тих., ст. 600) — Ѡгонъ, хвостъ. или хоботъ; см. также у Даля: Огонь.... стар. и зап.... хвостъ животныхъ, хоботъ стар.... и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IV, в. 2, стр. 70): Огонки, огонокъ — польск. Ogonek — хвостъ, боа, которымъ женщины зимою обвиваютъ шею.... Этимъ словомъ означается

также мѣховая толстая и пышная опушка платья; судя однако по присоединенному далѣе описанію кафтановъ князя В. В. Голицына, упоминаемые здѣсь огонки тѣ же хвосты собольи.

Херувимъ (*m*). Бер., стр. 321, Азбуковн. (Тих., ст. 586, Сахаровъ, стр. 189).

Хлѣбъ (*m*).

Холмъ (*m*). Бер., стр. 186 — Холмъ: Пагорокъ.

Холстъ (*m*). Изображенъ кусокъ полотна, скатаннаго въ трубку, въ **П** — съ отогнутымъ концомъ.

Хомуть (*m*).

Хортъ (*m*). У Берха пояснено — собака, у Даля: Хортъ.... стар. юж. сѣв. борзая собака, ловчая, для травли.... Хортъми собаками вообще зовутъ борзыхъ съ низкою, гладкою шерстью для отличія отъ псовыхъ и густопсовыхъ мохнатыхъ, см. также Опытъ областн. Великорус. словаря, стр. 250 — Хортъ.... Борзой кобель, ловчій песъ.... Арханг. *Auxang.*, Словарь областн. Арханг. нарѣчія, А. Подвысоцкаго, стр. 184: Хортъ — борзая собака. Повсем. Въ Польск. языкѣ — *chart*, Смоленск. областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, стр. 965: Хортъ — борзый, худой, голодный, срв. также въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 409, гдѣ отмѣчается упоминаніе хортовъ въ документѣ 1610—1613 гг., и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IX, в. 2 и 3, стр. 211), гдѣ, между прочимъ, приводятся отрывки съ хортомъ и соколомъ на ряду изъ апокрифа и пѣсни. Особенности хорта выражены, впрочемъ, въ Букварѣ только въ изображеніи въ **Ц** и лишь отчасти въ **А**.

Хоругóвъ (*m*: **Ч** — хоругóвъ, **У** — хоругóвъ). У Даля — Хоругвь, срв. у Саввантова, о. с., стр. 134—135. Въ **УА** платъ изображенъ безъ клинцовъ, въ **ЦП** съ тремя клинцами; на платѣ въ **У** изображенъ Господь Вседержитель поколѣнный, въ **АЦ** погрудный, въ **П** — икона Владимірской Божіей Матери въ обратную сторону.

Хрѣнь [**ѣ**]. Изображена одна листва.

Цата только въ **П**. Бер., стр. 201 — указано это слово въ другомъ значеніи — монеты. У Даля м. пр.: Цата.... гривенка, прикладъ, Древности. Т. XXV.

подвѣска у иконъ, отъ вѣнца, срв. у Саввантова, о. с., стр. 160.

Цвѣты (**Ч** — цвѣт) (*m*; удареніе только въ **Ц** — цвѣтахъ).

Цепь (*m*). У Берха — цѣпь.

Церковь (*m*). Бер., стр. 201. Изображенія различны: въ **УАП** церковь съ одной главой, въ **П** — въ два этажа, нижній — четверикъ, верхній — восьмерикъ, въ **Ц** — съ тремя главами и двумя входами, изъ нихъ одинъ въ притворъ; церковь въ **П** по нѣкоторымъ деталямъ можно сопоставить съ Московскими храмами конца XVII в. такъ называемаго Нарышкинскаго стиля или, по выраженію И. Э. Грабаря, блестящаго стиля Московскаго барокко («Исторія русскаго искусства», в. 8, стр. 469; срв. тамъ же статью О. О. Горностаева «Барокко Москвы», гдѣ дано много изображеній Московскихъ храмовъ этого стиля).

Цѣвница (*m*). Бер., стр. 202 — Цѣвница: Свистѣлка, флѣтня.... У Берха пояснено — флейта, у Даля: Цѣ(е)вница.... стар. црк. свирѣль, сопель, дудка, сопелка.... О происхожденіи и значеніи слова цѣвница см. у Н. И. Привалова въ указ. выше его очеркѣ исторіи флейтъ, стр. 239—242.

Часы [**Ч**] только въ **П**. У Берха добавлено — песочныя. Такіе часы и изображены на этой страницѣ.

Часы [**М**]. У Берха добавлено — столовыя, у коихъ вмѣсто цифръ поставлены буквы. **П** дѣйствительно, часы, изображенные въ **П**, могутъ быть названы столовыми, но въ **УАЦ**, несомнѣнно, часы стѣнные — съ подвѣшенными гириями и маятникомъ; въ остальномъ изображенія часовъ довольно близки между собой, отличны только ихъ кровли, при чемъ въ **П** въ кровлѣ часовой бой, да въ **Ц** циферблатъ раздѣленъ славянскими цифрами по старинному на семнадцать частей вмѣсто двѣнадцати, подобно тому, какъ мы видимъ это на часахъ Спасскихъ воротъ, зарисованныхъ въ 1661—1662 гг. Мейербергомъ (см. «Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка...»). Изд. А. С. Суворина, 1903, л. 46, рис. 88, и «Прибавл. къ Моск. Губернск. Вѣдом.», 1842, № 44, стр. 911—912; срв. также въ

«Исторіи города Москвы» И. Е. Забѣлина, ч. I, 2 изд. испр. и доп., М. 1905, стр. 190—191); эти часы показывали время дня отъ восхода солнца до его захода, а въ самый долгій день въ году они показывали 17 часовъ.

Чаша (*m*). У Даля: Чаша.... сосудъ полушаромъ или около того; братина; миса. Такъ изображена чаша въ УАЦ, гдѣ она безъ ручекъ и поддона, но въ II чаша другого типа, м. б. водосвятная.

Чванъ только въ II. Бер., стр. 202 — Чванецъ: Банка оливнаа судина, фаска, фляша, Азбуковн. (Тих., ст. 614) — Чванъ, чаша. У Берха пояснено — кружка съ ручкой, у Даля: Чванъ, чванецъ.... црк. сосудъ, посудинка, срв. также въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 427, гдѣ Чванъ.... Церк. Кувшинъ...., и въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IX, в. 2 и 3, стр. 212), гдѣ: Чбанъ, чванъ, чванецъ.... сосудъ деревянный, стеклянный и глиняный... который служилъ по преимуществу для храненія вина. Изображенъ въ Букварѣ этотъ сосудъ на подобіе кувшина, но съ поддономъ, ручкой и кровлей.

Черѣмха (*m*). У Берха — черемховое дерево, въ Словарѣ Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 431 — Черѣмха.... Тоже, что черѣмуха...., у Даля: Черѣма твр., черѣмуха.... черемха...., у Вернекер'а, L. 2, Heidelberg, S. 145 — čeremcha — г. черѣмха, черѣма; черѣмуха.... klġ. čeremcha, čeremucha....

Черенъ. У Даля: Черенъ.... рукоять.... ручка....

Чернилница. У Берха — чернилица. Въ УАЦ изображена одна чернилница съ перомъ, въ II — письменный приборъ.

Черпало. Бер., стр. 203 — Черпало, черпало: Вѣдро. У Берха пояснено — ковшъ, у Даля: Черпало.... сосудъ для черпанья и наливки.... пен.... корецъ, ковшъ, для питья, срв. также Опытъ областн. Велико-рус. словаря, стр. 257 — Черпалò.... Тоже, что черпалка, ковшъ. Пенз. Наровч., Смоленск. областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, стр. 983 — Черпало....

Черта, въ Ч добавлено — или лѣнѣя, и затѣмъ поставлена точка, проведена черта и

поставлено еще шесть точекъ. Бер., стр. 203 (см. выше, стр. 269). Не смотря на эти указанія Каріона, въ Букварѣ изображено что-то въ родѣ линейки, м. б. впрочемъ чертой называлась и линейка, срв. Словарь Церк.-Сл. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 434, гдѣ Черта м. пр. — У плотниковъ: орудіе, коимъ прочерчиваютъ доски, или бревна для того, чтобы ровно обрубить; слѣпушка, чертокъ, и Словарь Бѣлорус. нарѣчія, И. И. Носовича, стр. 698, гдѣ чит.: Черта.... кромѣ извѣстн. значенія, Плотническій снарядъ, которымъ проводится линія на доскахъ для пригнанія одной къ другой....

Чеснокъ (*m*). Изображена листва.

Чешуя. Бер., стр. 203 — Чешуя: Луска рыба.

Чолнъ (въ II — чѣлнъ) (*m*). У Берха — челнокъ, у Даля: Чолнъ.... лодочка, однодеревка...., см. также Русск. толковый лѣсо-товарный словарь, Д. Кайгородова, стр. 158 — Челнъ, челонъ, челонѣкъ (Арханг.), чѣвенъ (Малор.), маленькая лодочка.... Въ А изображенія нѣтъ.

Чпагъ (*m*). Бер., стр. 204 — Чпагъ: кишѣня.... Словацки, торба, мошна. чех.: тобалà. калитà, мѣшокъ...., Азбуковн. (Тих., ст. 614) — Чпагъ, зепъ.... (срв. у Сахарова, стр. 191). У Берха интересное поясненіе — упагъ (у —, конечно, опечатка), т. е. посудина, въ коей крестьяне носятъ за плечами запасъ, когда идутъ на работу, срв. въ Археологич. Словарѣ (Древн., т. IX, в. 2 и 3, стр. 213): Чпагъ, чьпагъ — карманъ.... торба, калита, мѣшокъ.... (дальше приводится упоминаніе чпага въ памятникѣ около 1732 г.), и у Даля, гдѣ Чпагъ.... црк. карманъ, калита, сумка, см. также у Вернекер'а, L. 3, Heidelberg, S. 169: čpāgъ — г. — ksl. čpāgъ 'Brustharnisch'. skr. čpāg, g. čpāga 'Tasche, Rocktasche'; daneben špāg ds. || Dunkel.

Чюмичка только въ А (пририсована позже не краской, а чернилами) и можетъ быть въ У, гдѣ, какъ и обычно, предметъ этотъ изображенъ безъ надписи; предметъ же, изображенный безъ надписи въ II, что совсѣмъ необычно для печатнаго изданія, скорѣе походить на совокъ, чѣмъ на чюмичку. У Даля: Чумъ, чумичъ.... чюмичка....

уполовникъ.... долгостеблый ковшъ или большая ложка...., см. также Сборн. материал. для изученія Ростовск. (Яросл. губ.) говора, Волоцкого, стр. 100—Чумичка. См. ополбвня, и стр. 57 — Ополбвня. Поваренка, чумичка.

Шапка (т). О шапкѣ см. у Саввантова, о. с., стр. 169—171. Шапка изображена въ Букварѣ не высокая, опущенная мѣхомъ.

Шаръ (т).

Шатеръ только въ Ч.

Шахматы (т). Бер., стр. 205 (Шахматы, и Ляки). Изображена въ Букварѣ одна лишь доска, общая для игры въ шахматы и шашки, фигуры не изображены.

Шашки только въ Ч.

Шило (т). У Даля: Шило.... острый на тычокъ стальной пруть, спица, осаженная въ колодочку, для протыканья дыръ, бол. при шитьѣ кожи....

Ширинка (т). У Берха пояснено — т. е. полотенце, у Даля: Ширинка.... полотнище.... полотенце.... Фата.... платокъ.... долгій платъ...., срв. у Саввантова, о. с., стр. 176, гдѣ ширинка — платокъ, полотенце, у архіеп. Саввы въ Объяснит. Словарѣ, стр. 19, гдѣ ширинка — убрусъ.... полотенце для утиранія рукъ.... ширинки имѣли и церковное назначеніе:.... служили для архіерейскихъ посоховъ [по документу 1681 г.], и у И. Е. Забѣлина въ Дом. Бытѣ Русск. Царицъ, изд. 3, стр. 531—532 и рис. VII. 1, гдѣ ширинка только — носовой платокъ. Въ Опытѣ областн. Великорус. словаря, стр. 265, указано шесть значеній этого слова: 1) Всякій платокъ. Волог. Саратов. Смол. 2) Носовой платокъ. Пенз. *Наровч.* Перм. *Прбит.* 3) Большой платокъ, которымъ покрываются женщины, фата. Вят. 3) [sic] Короткое полотенце. Костр. *Кинеш.* Ярослав. 5) Полотно, вышитое узорами, холеть для платка. Сибир. 6) Часть исподняго платья, треугольный лоскутъ, вшиваемый въ шагу портковъ. Пенз. *Наровч.* Симб., см. также Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, стр. 456 — Ширинка.... малый платокъ, носимый на шеѣ женскимъ поломъ...., Словарь областн. Арханг. нарѣчія, А. Подвысоцкаго,

стр. 192: Ширинка — бумажный цвѣтной платокъ, которымъ крестьяне повязываютъ шею и иногда, по праздникамъ, носятъ для франтовства въ рукахъ, въ видѣ носоваго платка, хотя для этой надобности и не употребляютъ. Пин., Шенк., Смоленск. областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, стр. 1001: Ширинка, шириночка — холщевый платокъ шириною равный длинѣ, полотенце, Словарь Бѣлорус. нарѣчія, И. И. Носовича, стр. 710 — Ширина.... Отрѣзокъ холста.... Ширинка, шириночка.... умен. слова Ширина. Холстяной платокъ, шириною равный длинѣ...., Сборн. матер. для изуч. Ростовск. (Яросл. губ.) говора, Волоцкого, стр. 101 — Ширинка. Полотенце. Задняя часть портковъ. Изображена въ Букварѣ ширинка въ видѣ платка, или съ бахромой по сторонамъ, какъ въ УП, или съ кистями по угламъ, какъ въ АЦ, кругомъ ширинки кайма: въ УА — бѣлаго цвѣта, въ Ц — зеленаго.

Шишакъ, въ Ч добавлено — или шлемъ (т). Изображенъ шишакъ въ ЦП и можетъ быть въ У, гдѣ, впрочемъ, какъ и обычно, надписи нѣтъ.

Шлемъ только въ А. Бер., стр. 205 — Шлемъ: шишакъ.... Изображеніе очень сходно съ изображеніемъ шишака въ Ц. О шеломѣ, шлемѣ и шишакѣ см. у Саввантова, о. с., стр. 171—174.

Шуба. Въ Ц и П рукава у шубы длинные, висячіе. О шубахъ см. у Саввантова, о. с., стр. 177—179.

Щегленокъ только въ П. Изображенъ онъ въ клеткѣ.

Щенокъ только въ Ч.

Щеть (т). У Даля м. пр.: Щеть — щотка, а Щотка.... крупная щетинная кисть...., см. также Словарь областн. Олонек. нарѣчія, Г. Куликовскаго, стр. 140, гдѣ Щеть.... широкая кисть изъ свиной щетины, скрѣпленной вверху варомъ, смѣшаннымъ съ сосновой смолой; употребляется для чесанія льна.

Щипцы (т). Бер., стр. 207 — Щипцы: Клѣщики.... Судя по тексту вяршь, изображены свѣчные съемы.

Щить (т). Бер., стр. 207. Въ А на щятѣ изображенъ воинъ-рыцарь въ шлемѣ. О щитахъ см. у Саввантова, о. с., стр. 180—181.

Щука. Книга Естествосл. (ч. III, ст. 45).

Ѣду (въ **АЦ** — ѣде^т) въ санихъ. У Берха — ѣдущіе въ санихъ. Въ **П** на лошади попона.

Юзы. Бер., стр. 207 — Юза, уза: Вязе^т. Зри, уза, стр. 178 — Уза, юза: звязокъ, ланцухъ...., Узы: Ланцухи.... оковы. зри Вериги. У Берха — узы, и пояснено — кандалы, то же и у Даля: Юза.... црк. узы.... путы, оковы, кандалы. Въ **У** изображены два типа юзь, въ **П** — четыре.

Юнона богиня поганская. Въ **П** изображена на пьедесталѣ, какъ бы въ видѣ статуи.

Юнотка только въ **П.** Бер., стр. 207 — Юнотка: Молодица. У Берха пояснено — дѣвица, у Даля: Юнотка.... црк. отроковица.

Юноша. Бер., стр. 207 — Юноша: Молодець, молодець, парубокъ, 20 лѣтъ, или по пѣкиихъ, 15 лѣтъ.... Въ **У** изображенъ въ шапкѣ.

Юпитерь планита только въ **Ч.**

Яблоко (въ **Ч** — яблако) (*т*).

Яблонь (въ **Ч** — яблань). Книга Естествосл. (ч. VIII, ст. 26) — яблонь.

Ягоды; въ **Ц** надписи нѣтъ.

Языкъ (**Ч** — язѣкъ, **ЦЦ** — ѣзѣкъ) (*т*): **ЧЦ** — язѣкъ, **УП** — ѣзѣкъ). Бер., стр. 210 — ѣзѣкъ, члонокъ въ устѣхъ....

Язь (*т*). Книга Естествосл. (ч. III, ст. 41). Въ Словарѣ областн. Арханг. нарѣчія, А. Подвысоцкаго, стр. 197: Язь — водящаяся въ Сѣверной Двинѣ и ея притокахъ рыба.... Арх., Холм., Шенк. Изображена язь только въ **П.**

Яйцо (въ **П** — ѣйцо) (*т*). Азбуковн. Тих., ст. 661) — о яйцахъ куречьихъ....

Ястребъ (*т*). Въ **ЦП** изображенъ на вѣткѣ яблони.

Яхонтъ только въ **П.** Азбуковн. (Тих., ст. 662). Изображенъ яхонтъ въ оправѣ.

Ящурка (*т*). У Берха — ящерица, у Даля только — ящерица, ящурка, срв. Смоленск. областн. словарь, В. Н. Добровольскаго, стр. 1022, гдѣ м. пр. Ящурка — ящерица....

Теодоръ, въ **Ч** добавлено — стратилат^т, а ранѣе написанное — тиро^т — зачеркнуто. Бер.,

стр. 279, среди дней празднованія святыхъ съ этимъ именемъ не указаны ни 8 февр., ни 8 июня, когда празднуется св. великомуч. Теодоръ Стратилатъ, ни 17 февр., день празднованія св. великомуч. Теодора Тирона. Въ **П** въ рукѣ у святого семиконечный крестъ.

Теодосіа (въ **А** ошибочно надписано — Теодна). Бер., стр. 279. Изображена св. мученица Теодосіа Тирская, празднуемая 29 мая; этотъ день празднованія указанъ и въ Лексиконѣ Берынды. Въ **П** изображенія нѣтъ.

Теона. Бер., стр. 280. Изображеніе этого святого имѣется только въ **П.**

Теопемптъ; въ **Ч** — Теопѣмтъ и Теодна му^т. Бер., стр. 279; день празднованія этого святого, какъ и предыдущаго, въ Лексиконѣ Берынды показанъ одинъ и тотъ же — 5 генваря. Сопоставляя показанія Берынды и списка **Ч**, мы должны признать, что Каріонъ хотѣлъ дать изображеніе празднуемыхъ 5 января: свящ. муч. Теопемпта, еп. Никомидійскаго, и Теоны волхва. Въ **П** святой Теопемптъ изображенъ въ соответствующемъ святительскомъ одѣяніи, въ **АЦ** — ошибочно, какъ простой мученикъ.

Теопрепій. Бер., стр. 279. Изображенъ св. муч. Теопрепій, вѣроятно празднуемый 22 августа, по крайней мѣрѣ этотъ день празднованія указанъ въ Лексиконѣ Берынды. Въ **П** изображенія этого святого нѣтъ.

Теофилактъ только въ **П** (Теофилѣактъ) и м. б. въ **У**, гдѣ, впрочемъ, какъ и обычно, безъ надписи. Бер., стр. 279. Изображенъ святитель — Теофилактъ, еп. Никомидійскій, празднуемый 8 марта; этотъ день празднованія указанъ и въ Лексиконѣ Берынды¹⁾.

¹⁾ Кромѣ словъ, вошедшихъ въ настоящій перечень, въ **Ч** были Каріономъ написаны, но затѣмъ зачеркнуты, слѣдующія слова: вино, влагалнице, война, кратиръ, рало, распѣтіе, ѣдъ, ѣгонъ или хвостъ, шалка, бобръ[ъ], ѣвпрепій блголѣпный [v]. О словахъ: ѣгонъ см. выше, стр. 320, ѣвпрепій см. выше, стр. 269, кратиръ — Азбуковн. (Тих., ст. 316 — кратиръ, замокъ), шалка — Бер., стр. 205; шалка: мисочка уваги, срв. въ Словарѣ Българск. нарѣчія, И. И. Носовича, стр. 505, гдѣ Шалка.... Чашка у вѣсовъ.

Послѣ окончанія печатанія нашей статьи выяснилась настоятельная необходимость почти полной переработки приложения 2-го къ этой статьѣ; выше (стр. 249), впрочемъ, нами было указано, почему мы рѣшили выступить въ печати, не дожидаясь окончательнаго установленія всего невыясненнаго нами касательно Букваря Истомина, и слѣдовательно переработкѣ хотя и части статьи, казалось бы, не должно бы быть мѣста; къ сожалѣнію, однако, въ этомъ мы убѣдились лишь теперь, когда, не смотря на всѣ сдѣланныя нами передѣлки, мы все же принуждены внести нѣкоторыя новыя дополненія, что впрочемъ станетъ понятно, если обратить вниманіе на долгій промежутокъ, отдѣляющій время появленія нашей статьи въ свѣтъ отъ помѣченной выше даты составленія ея.

Дополненія относятся къ слѣдующимъ страницамъ статьи:

1) Къ стр. 250 (строки 14—12 снизу). Эти подписи изданы на стр. 277 и 280, въ первой изъ нихъ запятыхъ, поставленныхъ въ другихъ спискахъ, въ автографѣ нѣтъ.

2) Къ стр. 253 (строка 10 сверху). Оболочка переплета — парча, вѣроятно, современная списку Букваря.

3) Къ стр. 254 (строки 14—12 снизу). Кому принадлежитъ вторая запись, къ сожалѣнію, намъ не удалось установить; чит. въ ней слѣдующее: Кто хощетъ премудръ быть (?) то азбѣкѣ Подаетъ учети 1751 Годѣ июля 16 дня По Милости Божей Мики..(?).

4) Къ стр. 256 (строка 21 сверху) (срв. стр. 262, строки 1—4 сверху). Намъ извѣстны слѣдующіе печатные экземпляры Букваря: въ Москвѣ — въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ Имени Императора Александра III семь экземпляровъ, изъ нихъ одинъ типа **З** изъ собранія И. Е. Забѣлина (о немъ см. выше, стр. 260—262), всѣ прочіе типа **Р**, при чемъ въ одномъ изъ собранія самого Музея имѣется два добавочныхъ листа (объ этомъ экземплярѣ см. выше, стр. 256, прим. 2, 260, 263—264; въ одномъ переплетѣ съ этимъ экземпляромъ Букваря — рукописныя копіи съ двухъ посланій митр. Стефана Яворскаго къ нѣкому Михаилу и къ Сампсону митрополиту Астараханскихъ и Терскихъ Знаменитыхъ Народовъ отъ 15 мая 1704 г. и лубочное изданіе «Описанія Святаго Божія града Іерусалима»), въ другомъ изъ собранія П. И. Щукина одинъ добавочный листъ, изданный Ровинскимъ (см. выше, стр. 256) (водяной знакъ на этомъ добавочномъ листѣ — левъ, стоящій на заднихъ лапахъ, съ мечемъ въ лапѣ, срв. очеркъ Н. П. Лихачева «Бумага . . .», стр. 81, прим. 1 гдѣ подобный знакъ отмѣченъ въ печатной книгѣ 1681 г.

и документъ 7193—7194 гг. Не новое ли это доказательство, что экземпляры типа **Р**, а слѣдовательно и **З**, были уже на лицо въ концѣ XVII ст.? На оборотѣ выходного листа этого экземпляра имѣется слѣдующая записъ: ярославскаго намѣстничества казенной палаты Столоначалника Коллежскаго[о] регистратора алексея петрова сына макина. Куплена въ ярославлѣ Подписалъ я алексей макинъ своею рѣкою 1788 года іюля осмага дня), въ остальныхъ (два изъ собранія П. И. Щукина, одинъ изъ собранія П. В. Шапова, № 458, одинъ изъ собранія Московскихъ Городскихъ Чертковской и Голицынской Библиотекъ) добавочныхъ листовъ нѣтъ (объ экземплярѣ Чертк. Библ. см. выше, стр. 264; на оборотѣ переплетнаго листа имѣется записъ: АЗБУКА куплена въ Москвѣ, Калужскимъ Купцомъ Петромъ Ивановымъ Черновымъ, У книгопродавца игната ферапонтова 1792го года генваря 23 дня); — въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцовскомъ Музеѣ *два* экземпляра, оба они — типа **Р**, безъ добавочныхъ листовъ (одинъ — въ Отдѣленіи рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ, № 484(117), изъ собранія гр. Румянцева, другой — въ Кабинетѣ гравюръ, изъ собранія Д. А. Ровинскаго); — въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *одинъ* экземпляръ изъ собранія кн. М. А. Оболенскаго, № 26 — типа **Р** съ однимъ добавочнымъ листомъ, изданнымъ Ровинскимъ (объ этомъ экземплярѣ см. выше, стр. 256, прим. 3)¹⁾; въ Петроградѣ — въ Императорской Академіи Наукъ *три* экземпляра, одинъ изъ нихъ типа **З**, два — типа **Р**: а) съ двумя добавочными листами, б) безъ таковыхъ листовъ (объ этихъ экземплярахъ см. выше, стр. 256, прим. 2, и 260, прим. 1); — въ Императорской Публичной Библиотекѣ *пять* экземпляровъ (шифръ V. 3. 10), судя по свѣдѣніямъ о нихъ, любезно сообщеннымъ намъ В. В. Майковымъ, всѣ они типа **Р**, и только въ одномъ (хранится въ витринѣ) имѣется добавочный листъ, изд. Ровинскимъ; — въ Императорской Петроградской Духовной Академіи *одинъ* экземпляръ типа **Р** безъ добавочныхъ листовъ (объ этомъ экземплярѣ см. выше, стр. 258 и прим. 1); въ Казани — въ Библиотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета *одинъ* экземпляръ въ Отдѣленіи рѣдкихъ книгъ и рукописей (1415 I 75), этотъ экземпляръ, по свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ намъ проф. Н. М. Петровскимъ, несомнѣнно типа **Р**, но безъ добавочныхъ листовъ (этотъ экземпляръ указанъ еще въ 1851 г. А. Артемьевымъ въ ст. второй «Библиотека Императорскаго Казанскаго Университета», Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXXII, стр. 13, при чемъ Артемьевымъ Букварь названъ Азбуковникомъ, упомянуть этотъ экземпляръ также въ «Спискѣ рукописей и рѣдкихъ книгъ, хранящихся при библиотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета, въ особомъ помѣщеніи. На 1-е декабря 1903 года», Казань, 1904, стр. 10).

5) Къ стр. 257 (строка 22 снизу). «Обозрѣніе . . .» въ 1879 г. издано въ XVII вып. «Извѣстій Московской Городской Думы»; 2 изд., значит. дополнен., вошло въ составъ

¹⁾ Экземпляръ Букваря, принадлежавшій Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (см. П. Строевъ, Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, М. 1845, стр. 155, отд. II, № 70), намъ остался недоступенъ, т. к. по указанію покойнаго Библиотечнаго Общества Е. И. Соколова былъ отправленъ въ началѣ 1914 г. въ Лейпцигъ на Международную Выставку печатнаго дѣла и графики.

вып. 3 и 4 «Сборника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ» (М. 1883), на стр. 18 этого втораго изданія свѣдѣнія о Букварѣ перепечатаны безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ первымъ изданіемъ, остались въ немъ и всѣ опечатки, срв. въ перечнѣ предметовъ — пѣвница, росъ.

6) Къ *стр. 259* (строки 6—7 сверху). Въ *приложеніи 2^{мѣ}* мы впрочемъ отмѣчаемъ нѣкоторыя изслѣдованія, затрагивающія тотъ или другой вопросъ, касающійся Букваря.

7) Къ *стр. 259* (строки 25—13 снизу) (срв. *стр. 252*, стр. 11—10 снизу). Страницы на буквы **П** и **Р** изъ **А** (по изданію Моск. Оруж. Палаты, но въ значит. уменьшенномъ видѣ), выходной листъ и страницы на буквы **Ж**, **Ъ**, **Ѩ** изъ **П** (вѣроятно, по изданію Собоко) переизданы С. Ф. Либровичемъ въ его «Исторіи книги въ Россіи», Спб. М. 1914, стр. 22—27. Указаніемъ этой книги мы обязаны А. А. Шемшурину. Страница на букву **Й** изъ **П**, въ размѣрѣ немного меньшемъ сравнит. съ нашимъ изд., издана В. Саводникомъ въ его «Краткомъ курсѣ исторіи русск. словесн...», см. изд. 2, М. 1914, стр. 265. Этотъ снимокъ указанъ намъ Н. Н. Рудневымъ.

8) Къ *стр. 266* (строка 1 снизу). С. Н. Брайловскій на стр. 297 своего изслѣдованія замѣчаетъ: «Вѣроятно, достоинствами этого букваря надо объяснить и то, что онъ былъ напечатанъ типографскимъ шрифтомъ въ С.-Петербургѣ даже въ 1829 году».

9) Къ *стр. 270* (строки 19—18 снизу). Кромѣ бабра и гамаюна въ русскихъ гербахъ въ эпоху Каріона изъ помѣщенныхъ имъ въ Букварѣ изображеній имѣлись уже фигуры: единорога, кентавра (иппокентаврѣ, стрѣлецъ), льва, медвѣдя, оленя, орла, крылатаго змѣя и пр., срв. Ю. В. Арсеньевъ. Геральдика. Лекціи, чит. въ Моск. Археологич. Институтѣ въ 1907/8 году, М. 1908, стр. 170 и слл. Обратимъ вниманіе еще на стихи Каріона съ описаніемъ клейма (герба?) архіерейскаго и герба Шениныхъ (см. хранящійся въ Моск. Синод. Библиот. рукописный сборникъ Чудова мон. № 98/300, въ 4^о, лл. 54 об. и 261, срв. изслѣдов. С. Н. Брайловскаго, стр. 117 и 131).

10) Къ *стр. 274—280*. Посвященіе Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ дошло до насъ и въ автографѣ самого Каріона, см. только что указанный Чудовск. сборн. № 98/300, лл. 293—294 об., въ томъ же сборникѣ имѣется и Предисловіе къ печатному изданію Букваря также въ автографѣ Каріона, см. л. 305, срв. изслѣд. С. Н. Брайловскаго, стр. 138. Передъ Посвященіемъ и Предисловіемъ такіе же кресты, какъ въ **П** передъ добавочными листами. Разночтенія автографа сравнительно съ изданнымъ нами текстомъ слѣдующія: передъ Посвященіемъ нѣтъ заглавія «Букварь... стихами», но оно, какъ и въ **П**, — въ началѣ Предисловія (= **П**), *стр. 274, строка 6 сверху* — великаго, *строки 7, 9 сверху* — великаго, *строка 17 сверху* на полѣ — гла^ѣ [вѣ?], *строка 12 снизу* — Гдсѣвѣ, *стр. 275, строка 4 сверху* — вашимъ, *строка 12 сверху* — Іерли мова, *строка 14 сверху* — Іерли ма, *строка 18 сверху* — Божеію, *строки 19—20 сверху* — проматера, *строки 18—17 снизу* — Гдрнѣ нашѣ, *строка 17 снизу* — великаго, *строка 16 снизу* — Гдрт во, *строка 14 снизу* — вашаго, *стр. 276, строка 15 сверху* — въ плодоприношеніи, *строка*

11 снизу — утѣхе, стр. 278, столб. 2, строка 4 сверху — ѿмѣщымъ, стр. 279, строка 13 сверху — ѹчащмыся, строка 14 снизу — Г градъ, стр. 280, строка 1 сверху — себѣ, строка 2 сверху — блѣгослословѣнїе.

11) Къ стр. 282 (строка 13 снизу). Въ Ч — г҃лякамъ, УП — г҃лагамъ, Ц — г҃лякамъ.

12) Къ стр. 298, столб. 1 (строки 22—21 снизу). Помѣщенныя при нѣкоторыхъ словахъ славянскія буквы въ квадратныхъ скобкахъ указываютъ, что данное слово упомянуто или изображено не на страницѣ на начальную букву этого слова, а на страницѣ на какую-либо другую его букву.

Полныя названія перечисляемыхъ ниже печатныхъ пособій, использованныхъ нами при составленіи *приложенія 2-го*, кромѣ указанныхъ на стр. 270—272, 298, столб. 1, прим. 1—4, 299, столб. 1, прим. 1, приведены нами при нижеслѣдующихъ словахъ:

Вернекер, Lief. 1 — Багоръ, 2 — Черемха, 3 — Чпагъ, 4 — Фіалки, 6 — Иготъ, 7 — Кокощъ, 8 — Окринъ, 9 — Лагвица, 11 — Моннета.

Волоцкой В., Сборникъ матеріаловъ для изуч. Ростовск. (Яросл. губ.) говора — Ночвы.

Добровольскій В. Н., Смоленскій областн. словарь — Землеца.

Дополн. къ Опыту областн. Великорусск. словаря — Мохоръ.

Забѣлинъ И. Е., Домашній Бытъ Русскихъ Царей, ч. I — Аналогій, ч. II — Діадима, Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ — Гомоюнъ.

Кайгородовъ Дим., Русск. Толковый Лѣсотоварный Словарь — Бердо.

Кашинскій словарь — Бердо.

Куликовскій Герм., Словарь областн. Олонецк. нарѣчїя — Землеца.

Носовичъ И. И., Словарь Бѣлорусск. нарѣчїя — Мохоръ.

Опытъ областн. Великорусск. словаря — Звонецъ.

Подвысоцкій Александръ, Словарь областн. Арханг. нарѣчїя — Землеца.

Преображенскій А., Этимологич. Словарь Русск. яз., вып. 1 — Лепидъ, 4 — Иготъ, 5 — Колоколь, 6 — Кушинъ, 8 — Моннета, 9 — Овощникъ, 11 — Пугвица.

Приваловъ Н. И., Музыкальн. духовые инструм...., ч. I. Трубы и рога — Муенка, Свистящїе инструм., Очеркъ исторїи флейтъ.... — Свирѣль, Гудокъ.... — Муенка.

Архіеп. Савва. Объяснит. Словарь — Епитрахиль.

Савваитовъ П. И., Описаніе старинныхъ русскихъ утварей.... — Діадима.

Сахаровъ А. И., Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховскаго у., Орловск. губ. — Ночвы.

Архіеп. Сергій, Полный Мѣсяцесловъ Востока — Евтихъ.

Словарь Церк.-Слав. и Русск. яз...., т. II — Зѣница, III — Оводъ, IV — Тесла.

Смирновъ И. Т., см. Кашинскій словарь.

Смоленскій областной словарь, см. Добровольскій В. Н.

13) Къ стр. 301, столб. 1 (строка 7 сверху). Вып. 1 Словаря изд. Спб. 1891.

14) Къ стр. 301, столб. 2 (строка 6 сверху). Вегнекер, Lief. 1.

15) Къ стр. 303, столб. 2 (строка 19 снизу). Благодаря любезному содѣйствію состоящаго при Штабѣ Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта военнаго чиновника В. В. Владиславлева мы получили въ свое распоряженіе эстампажъ, снятый съ означеннаго изображенія гамаюна; оказалось, что изображеніе это: во-1) воспроизведено Висковатовымъ далеко не точно, во-2) значительно разнится отъ изображенія гамаюна у Корба, по хвосту же скорѣе походить на гамаюна въ Большой Государственной Книгѣ 1672 г.

Какъ объ этой пицали, такъ и о прочихъ, размѣщенныхъ по фасаду зданія казармъ въ Кремлѣ, см. у И. Е. Забѣлина въ «Исторіи города Москвы», ч. I, 2 изд., М. 1905, стр. 415—416. Среди названій этихъ пицалей, кромѣ Гамаюна, есть и другія названія, соотвѣтствующія изображеніямъ въ Букварѣ, таковы: Аспидъ, Медвѣдь (1590 г.), Единорогъ (1670 г.), Орель (1692 г.), пицали съ тремя послѣдними названіями изданы Висковатовымъ, см. Рисунки 144b, 148a, 155b. Для нѣкоторыхъ пицалей лафеты, на которыхъ онѣ помѣщены, были изготовлены еще въ 1833 г., для другихъ, и въ томъ числѣ — Аспида и Гамаюна — лафеты не были готовы и въ 1843 г., см. А. Вельтманъ, Достопамятности Московскаго Кремля, М. 1843, стр. 79.

16) Къ стр. 307 (Иготь). Въ Букварѣ 1701 г. Ѳ. Поликарповъ на л. 119 об. отмѣчаетъ: иготь, стѣпка, *ἰγυθη τριβαία*, mortarium (на полѣ — ѱ поварнѣ).

Въ УАЦ иготь изображена желтаго цвѣта, что б. м. указываетъ на изготовленіе иготи изъ мѣди. Любопытно, что изображеніе иготи, но только краснаго цвѣта, имѣется на одной изъ таблицъ въ азбучномъ лото нач. XIX в. (въ Историч. Музеѣ изъ собранія П. И. Щукина, № 16015).

17) Къ стр. 309 (Колоколь). Въ Ч это слово съ удареніемъ только въ текстѣ виршѣ.

18) Къ стр. 314 (Овощникъ). Въ Лексиконѣ треязычномъ 1704 г. Ѳ. Поликарпова на л. 203 чит.: *Óвóщникъ, ἰποροφύλαξ*, frugum custos. Такимъ образомъ, у Поликарпова слово это съ тѣмъ же удареніемъ, съ какимъ оно и у Каріона, отъ Лексикона Берынды отличается и удареніемъ и значеніемъ. Срв. изображеніе въ А.

19) Къ стр. 314 (Орало). Соха съ такой же разохой и ральниками, какъ въ УАЦ, извѣстна намъ на миниатюрѣ въ ркп. к. XVIII в. Историч. Музея, инв. № 26097 (на текстъ: и даде адамъ Орало дѣлати з[е]млю...). См. также Дм. Зеленинъ, «Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры». Изд. Вятскаго Губернск. Статистич. Комитета, Вятка. 1907 (1908), особ. стр. 31.

20) Къ стр. 318 (Стопа). Въ Словарѣ Церк.-Слав. и Русск. Яз., составл. 2 Отдѣл. Имп. Ак. Н., т. IV, Спб. 1847, стр. 229 — Стопа... 5) Большой металлическій стаканъ или кружка безъ ручки, съ разваломъ къ верху....

21) Къ стр. 319 (Томарь). Повидимому, настоящій томарь только и изображенъ въ П, въ УАЦ онъ ничѣмъ не отличается отъ обычной стрѣлы. Впрочемъ см. въ статьѣ Бобровникова, Областныя Великорусскія слова, заимствованныя отъ Древности. Т. XXV.

Монголовъ и Калмыковъ (Материалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамм. Изд. II-го Отдѣл. Имп. Ак. Н., I—III, Спб. 1854, XVII), столб. 197, гдѣ чит.: Томаръ, родъ стрѣлы, которою бьютъ дорогихъ пушныхъ звѣрей. Сибир. — Хотя стрѣла эта безъ желѣза, но имя ея вѣроятно произошло отъ желѣза. Монголы словомъ: тэмуръ, «желѣзо» называютъ и копьецъ стрѣлы. Когда стали употреблять вмѣсто желѣза кость, тэмуръ, или томаръ стало означать наконечникъ стрѣлы вообще, а потомъ и самая стрѣла могла получить это имя.

22) Къ стр. 320 (Уетиѣ). Самъ Каріонъ говоритъ: Устиѣ зовутся гѣбы. Устаже сáмнй ро^т с'зѣбáми...., см. упомянутый выше на стр. 327 Чудовск. сборн. № 98/300, л. 141, срв. изслѣдов. С. Н. Брайловскаго, стр. 123.

23) Къ стр. 322 (Черпало). Въ Букварѣ 1701 г. Ѳ. Поликарповъ на л. 119 об. отмѣчаетъ — черпало Уполовникъ, *ἀντλίον*, *haustum*¹⁾.

И. Т.

29 ноября 1915 года.

¹⁾ Въ только что вышедшей кн. 3 т. XX «Извѣстій Отдѣл. Русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н.» за 1915 г., Пг. 1915, на стр. 111, въ статьѣ Г. А. Ильинскаго, «Звукъ sh въ славянскихъ языкахъ», мы находимъ этимологич. объясненія къ слову Мошна (срв. выше, стр. 311), а на стр. 326, въ статьѣ Н. М. Петровскаго, «Русская библиографія XVIII вѣка. Планъ работы, предпринятой В. П. Самениковымъ. Петроградъ. 1915....», мы находимъ указаніе на крайнюю неудовлетворительность хранящейся въ Румянцовскомъ Музеѣ копии труда *ep. Дамаскина* (срв. выше, стр. 266, прим. 1).

СТАРИННАЯ МОРСКАЯ КАРТА НА ПЕРГАМЕНТѢ

изъ собранія графа А. С. Уварова.

Въ октябрѣ 1914 года, графиня П. С. Уварова прислала мнѣ свертокъ, при письмѣ, въ которомъ извѣщала меня, что, «разбираясь въ еще неразобранныхъ актахъ графа, съ цѣлью ознакомленія съ ними публики», она нашла между ними одну «видимо древнюю карту», которую и посылаетъ мнѣ съ просьбой рассмотреть и сообщить о ней мое мнѣніе.

Развернувъ свертокъ, я увидаль, что онъ представляетъ карту на пергаментѣ, типа морскихъ картъ, бывшихъ въ ходу у итальянскихъ моряковъ, начиная съ XIII вѣка, и пользованіе которыми у разныхъ европейскихъ народовъ продолжалось до XVII вѣка (см. табл. LIV). При сверткѣ имѣлась свинцовая печать на шнурѣ съ именемъ венеціанскаго дожа Андрея Гритти.

Было интересно узнать о мѣстѣ и времени, гдѣ и когда приобрѣтена была эта карта, почему я и обратился съ соответствующимъ запросомъ къ графинѣ Уваровой, но получилъ отъ нея слѣдующій отвѣтъ: «Ничего не могу сказать о времени и мѣстѣ приобрѣтенія графомъ карты. Предполагаю, что она приобрѣтена давно, — вѣроятно, до моего замужества. Нашла я ее совершенно случайно, выбирая вещи изъ давно запертой части письменнаго стола моего свекра (графа С. С. Уварова) въ Порѣччѣ. Всѣ эти выбранныя вещи состоятъ изъ 110 грамотъ на бумагѣ и пергаментѣ, писанныхъ на латинскомъ, старо-чешскомъ и старо-нѣмецкомъ языкахъ, — грамотъ, которыхъ я никогда не видала среди занятій мужа. Грамоты эти я передала Ив. Ст. Бѣляеву для разбора и доклада. Бѣляевъ мнѣ сообщилъ, что это могутъ быть грамоты, которыя, по преданію, Шафарикъ продалъ въ Россію. Карта, со своей печатью, находилась въ томъ же пакетѣ». Изъ этого сообщенія графини возможно даже предположить, что карта была приобрѣтена еще гр. С. С. Уваровымъ.

Прежде всего я обратилъ вниманіе на печать при картѣ (см. рис. 33 и 34). На лицевой сторонѣ ея представлено изображеніе апостола Марка, покровителя Венеціи, со знаменемъ въ рукѣ, передъ нимъ дождь въ облаченіи, получающій знамя изъ рукъ апостола. Слева отъ фигуры апостола Марка, вдоль края печати, надпись: S. M. Venet. т.-е. Sanctus Marcus Venetiae или Venetiarum. Вверху, вправо отъ знамени, вдоль его, сверху внизъ идутъ буквы DUX, т.-е. Dux, а вдоль праваго края: AND. GRITI, т.-е. Andreas Gritti. Такимъ образомъ, эти двѣ фигуры символизируютъ инвеституру

Андрея Гритти въ должности дожа, апостоломъ Маркомъ, патрономъ Венеціи. На оборотной сторонѣ, въ горизонтальныхъ строкахъ, изображено: AN | DREAS | GRITI | DEIGRATIA | DVX | VENETIAR | ET | C; «Venetiar», есть очевидно, сокра-

Рис. 33.

Рис. 34.

ченіе «Venetiarum», родительнаго падежа отъ Venetiae, — названія во множ. числѣ, нерѣдко прилагавшагося къ Венеціи. На одной морской картѣ Баптисты Агнеше значится, напримѣръ, «fecit Venecijs anno» и пр.

Андреасъ Гритти, какъ оказалось по справкамъ, былъ дожемъ съ 20 мая 1523 по 17 декабря 1538, когда онъ умеръ въ возрастѣ 84 лѣтъ. Ранѣе онъ служилъ на дипломатическомъ поприщѣ, посылался неоднократно посломъ отъ Венеціи въ Константинополь и Францію, и сиживалъ тамъ, въ этомъ званіи, въ тюрьмахъ. Въ молодые и зрѣлые годы онъ славился своей красотой и галантностью. Извѣстно также, что онъ до глубокой старости сохранялъ бодрость силъ и хорошій аппетитъ, отличался упрямымъ характеромъ и щедростью къ бѣднымъ и скончался одинокимъ (не оставилъ семейства). Принимая во вниманіе, что Гритти умеръ въ 1538 году, слѣдуетъ полагать, что принадлежавшая ему карта могла относиться, самое позднее, къ первой трети XVI вѣка, даже, можетъ быть, къ первой его четверти, или къ концу XV вѣка, такъ какъ вѣроятнѣе, что карта поступила въ его распоряженіе, когда онъ имѣлъ въ ней большую надобность, какъ посолъ республики, отправлявшійся съ порученіями въ Константинополь и Францію.

Болѣе точное указаніе на время изготовленія карты могла бы дать надпись, имѣющаяся на картѣ (см. рис. 35); къ сожалѣнію, нѣкоторыя буквы въ ней очень стерты, такъ что прочесть ее всю, явственно, невозможно. Часть словъ читается, правда, безъ затрудненій, другія съ большею или меньшею вѣроятностью; но нѣкоторыя непонятны или совсѣмъ не видны. Обыкновенно въ надписяхъ на такихъ картахъ

указывается, кто, когда и гдѣ ее дѣлалъ или составлялъ, при чемъ иногда такое указаніе исходитъ отъ лица карты, напр., въ такомъ родѣ: «Andreas Homem cosmographus lusitanus me faciebat. Antverpiae anno 1559» или «Andrea Bianco Venician comito di Galia mi fexe a Londra. MCCCCXXXVIII», иногда отъ составителя въ третьемъ лицѣ, напр., «Composuit hanc cartam in Ianua anno domini 1556 die quinta februarii Vincent de Majolo», или отъ составителя въ первомъ лицѣ, т.-е. я, такой-то, сдѣлалъ эту карту тамъ-то, тогда-то, или напр., «Carta navigatoria fatta per me Gieronimo Costa genovese in Bar(celona)» (года нѣтъ, вѣроятно, вторая половина XVI вѣка). Языкъ надписей — латинскій, итальянскій, каталонскій или смѣшанный (lingua franca): «сдѣлалъ» передается, напр., fecit, fexe, facte и т. д. Мѣста изготовленія болѣе обычныя: Генуя, Венеція, Майорка, Бар-

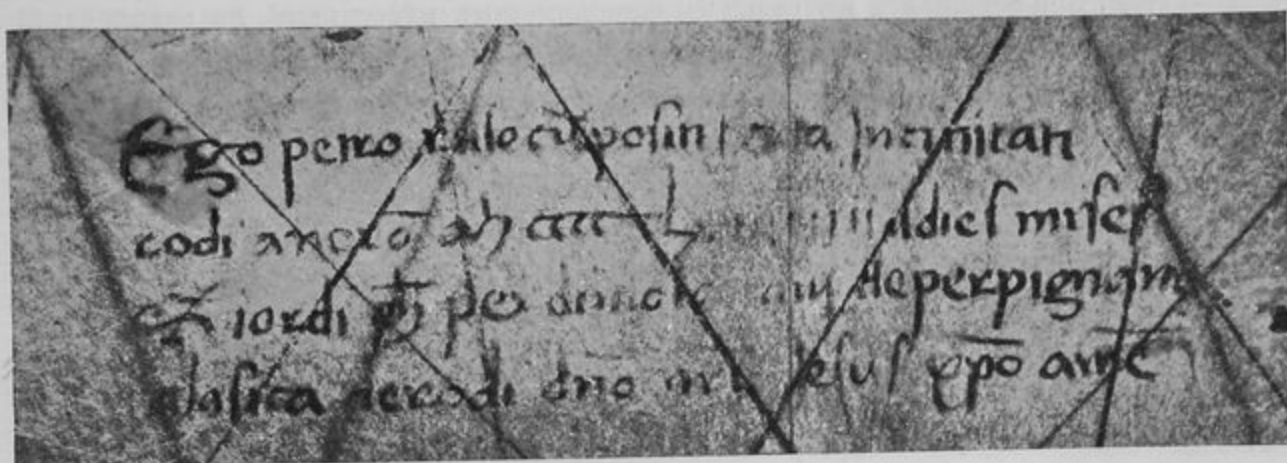

Рис. 35.

целона, но также — Неаполь, Ливорно, Мессина, Лиссабонъ, Марсель, Дьепшъ, Антверпенъ, Лондонъ и другіе приморскіе города.

Надпись на нашей картѣ читается такъ (точками означены неразобранныя буквы или цифры):

Ego petro r.se c..posui ...ta pinnican
 rodi a..ro a. c..s L....iiii ..dies miseri
 S iordi * per dimot. deperpignano
 alastica derodi ano n.t Iesus xpo ame

Изъ этой надписи видно, что карта была составлена какимъ-то Петро Расе (?) на островѣ Родосѣ за какихъ-то 50 слишкомъ монетъ, въ воскресенье недѣли мирносицъ (2-е послѣ Пасхи) для бывшего правителя(?) Перпиньяна, именемъ Аласика, изъ Родоса, въ годъ послѣ Рожд. Иисуса 1411. Языкъ надписи латинскій, но сбивающійся на итальянскій и даже греческій («pinnican»). Въмѣсто «dies» должно было бы стоять «die»; послѣ miseri стоитъ въ слѣдующей строкѣ знакъ въ видѣ креста, соответствующій, несомнѣнно, S, такъ какъ такой же знакъ на той же картѣ замѣняетъ S въ названіи Salerno (тогда какъ, напр., Salonichi написаны черезъ обыкновенное большое S, а Spalato черезъ маленькое s). Знакъ послѣ

«iordi» (cordi?) *, какъ видно на факсимиле надписи, представляетъ въ подлинникѣ маленькое изображеніе сердца съ крестомъ надъ нимъ. Что «godi» значитъ Родось, въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ то же слово «godi» написано на картѣ краснымъ и у острова Родоса, который, вообще, на разныхъ морскихъ картахъ XIV-XVI вѣковъ писался разно: godi, godo, guodo, godus. Названіе «regrignan» читается вполне явственно; это, какъ извѣстно, городъ (и округъ) Regrignan (существующій и теперь) въ южной Франціи, въ департаментѣ Вост. Пиренеевъ; а ранѣе 1642 года принадлежавшій Арагоніи и бывший главнымъ городомъ графства Русильонъ, которое (какъ и Барселона, Тулуза, Майорка и т. д.) входило (да и теперь еще входитъ) въ область каталонскаго языка и народа. Повидимому, карта была начерчена для бывшего правителя Перпиньяна, Аласики изъ Родоса. Что касается года, то я обращался къ разнымъ специалистамъ классикамъ, но разъясненія не получилъ. Мнѣ думается, что φ означаетъ «тысяча» («десять сотъ»); я основываюсь на надписи, имѣющейся на морской картѣ П. Висконти 1311 года и имѣющей такой видъ: «petrus ueschonte de (Janua) fecit ano φ СССXI». «Тысяча» изображена здѣсь собственно черезъ 0 съ идущимъ отъ него внизъ хвостикомъ, что-то въ родѣ φ . На нашей картѣ мы видимъ уже явственное греческое φ ¹⁾. Любопытно однако, что тотъ же знакъ φ встрѣчается на этой картѣ и для обозначенія 10, именно въ надписи «40 святыхъ» (мѣстечко на берегу Малой Азіи, недалеко отъ Дарданеллъ). Надпись эта на разныхъ картахъ XIV—XVI вѣковъ имѣетъ такой видъ: Santi XL, s̄ci XL, s: 40, на нашей же картѣ здѣсь стоитъ: S $\varphi\varphi\varphi\varphi$, т.-е. цифра 40 передана черезъ четыре φ . Что касается слѣдующихъ буквъ, то по словарю Капелли (Capelli, Lexicon Abreviaturarum, 1901), въ числѣ средневѣковыхъ сокращеній цифръ имѣются: p=400 (рѣдко), o=11 (рѣдко). Если допустить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такіа рѣдкія обозначенія, то годъ надписи опредѣляется, но я не могу настаивать на точности такого опредѣленія. Вообще я, какъ не филологъ, не занимавшійся ни классическими, ни средневѣковыми надписями, не могу настаивать на своемъ чтеніи, и дѣлаю это только потому, что специалисты, къ которымъ я обращался за помощью въ этомъ случаѣ, не оказали мнѣ ей.

Описываемая карта представляетъ морскую карту, какія были въ ходу у итальянскихъ и каталонскихъ, а затѣмъ и у другихъ европейскихъ моряковъ, начиная, повидимому, съ половины XIII вѣка, въ теченіе болѣе 3¹/₂ столѣтій. Карты эти называютъ иногда по-итальянски портуланами (portolani), хотя это не вполне точно: портуланы были собственно руководства для плаванія между портами, въ родѣ древнихъ перипловъ или нынѣшнихъ лоцій, сопровождавшіеся морскими картами, но рѣдко это названіе прилагается и къ самымъ картамъ, дававшимъ наиболѣе необходимыя и полныя указанія. Другое названіе, примѣняемое къ нимъ, это компасныя карты, такъ какъ появленіе ихъ приблизительно совпадаетъ съ распространеніемъ среди итальянскихъ моряковъ знакомства съ компасомъ, и

¹⁾ На картѣ Висконти имѣется еще другая надпись, сбоку, помельче, и, видимо, болѣе поздняя, такая: «Petrus Vesconte de Janua fecit estam carta ano dñi mСССXI».

такъ какъ онѣ всегда снабжены характерной сѣтью, не изъ меридіановъ и параллелей, какъ наши карты, а изъ линій, соответствующихъ румбамъ компаса, расходящихся (обычно въ числѣ 32) изъ нѣсколькихъ точекъ на картѣ и затѣмъ перекрещивающихся между собою. Иногда на такихъ картахъ, особенно на позднѣйшихъ, изображается также, въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, болѣе или менѣе богато отдѣланная (красками и золотомъ) роза вѣтровъ. Тѣмъ не менѣе, называть эти карты компасными не совсѣмъ подходитъ, ибо древнѣйшія изъ нихъ (бывшія прототипами позднѣйшихъ) появились, какъ увидимъ далѣе, ранѣе того времени, когда компасъ сталъ необходимымъ инструментомъ моряковъ.

Портуланы, какъ сказано, замѣнили собою древніе греческіе периплы или «морскіе объѣзды». При развитіи морскихъ сношеній и морской торговли у древнихъ эллиновъ — это были необходимѣйшія пособія для ихъ мореходства. Плаваніе въ тѣ времена имѣло, какъ извѣстно, характеръ каботажнаго; суда шли вдоль береговъ, рѣдко теряя ихъ изъ вида и часто приставаая къ нимъ для ночлега и для запасенія прѣеной водой и провизіей. Моряку необходимо было поэтому знать, гдѣ имѣются наиболѣе пригодныя мѣста для якорной стоянки (или для вытаскиванія судовъ на берегъ), гдѣ — опасныя мели, хорошая вода, торговые пункты, населенные города и т. д. Периплы давали такія указанія, они научали менѣе опытныхъ, доставляли желательныя справки болѣе свѣдующимъ. Въ наукѣ высказывалось мнѣніе, что периплы, рядомъ съ актами объ основаніи городовъ, были древнѣйшими письменными памятниками эллинской прозы. Ихъ было составлено въ теченіе ряда столѣтій, навѣрное, не мало, но до насъ дошли лишь очень немногіе. Одинъ писатель, Марціанъ, жившій, повидимому, въ пятomъ вѣкѣ по Р. Х., перечислилъ извѣстныя ему периплы Средиземнаго и Чернаго морей; онъ насчиталъ ихъ 17, и почти всѣ они намъ неизвѣстны. Сохранилось всего какихъ-нибудь 5 перипловъ для громаднаго періода, охватывающаго болѣе десяти вѣковъ. Это именно: перипль такъ наз. Скилакса Каріандскаго, жившаго (будто бы) въ V вѣкѣ до Р. Х., но составленный, какъ доказано, изъ разныхъ частей, относящихся къ VI—IV вѣкамъ до нашей эры; перипль Агатархида (II в. до Р. Х.), — собственно описаніе жителей странъ, окружающихъ Красное море; перипль Краснаго моря неизвѣстнаго автора, относящійся къ I вѣку нашей эры и представляющій собою интересный рассказъ какого-то греческаго торговца, поселившагося въ Египтѣ и плававшего по Индійскому океану на пространствѣ отъ восточнаго берега Африки (Rhapte) мимо береговъ Аравіи до торговыхъ городовъ Индіи и Индо-Китая; перипль Чернаго моря Арріана (II в.), заключающій въ себѣ краткое описаніе, въ формѣ писемъ, береговъ Чернаго моря; наконецъ, такъ наз. Stadiasmus, перипль Средиземнаго моря, неизвѣстнаго автора, повидимому изъ Александріи, составленный изъ разныхъ источниковъ въ эпоху послѣ Птолемея, т. е. не ранѣе III вѣка, а по мнѣнію другихъ — даже IV—V вѣковъ. Вотъ и все, что сохранилось отъ обширной литературы перипловъ; до насъ не дошелъ даже перипль Марина Тирскаго, на котораго многократно ссылается Птоломей, и имя котораго въ теченіе ряда вѣковъ было почти нарицательнымъ.

Сопровождались ли греческіе периплы картами, какими и съ какого времени, мы не знаемъ, ибо ни одной такой карты до насъ не дошло. Что карты были извѣстны давно грекамъ, въ пользу этого можно привести многія свидѣтельства, между прочимъ, и Аристофана, въ одной изъ комедій котораго о картѣ говорится, какъ о вещи всѣмъ извѣстной, но мы не можемъ сказать, какой видъ имѣли эти карты и какъ онѣ составлялись и чертились. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что позднѣйшіе, по крайней мѣрѣ, периплы снабжались картами; о картахъ Марина Тирскаго упоминаетъ очень часто въ своей «Географіи» Птоломей. Ими продолжали пользоваться очень долго, въ теченіе около девяти вѣковъ; арабскій писатель Массуди упоминаетъ, что карты Марина Тирскаго были извѣстны арабамъ въ X вѣкѣ, слѣдовательно не задолго до появленія первыхъ итальянскихъ портулановъ. О характерѣ этихъ картъ мы не располагаемъ свѣдѣніями, но можно догадываться, что онѣ имѣли видъ птоломеевскихъ, т.-е. были снабжены сѣтью изъ меридіановъ и параллелей, какъ у Птолемея, который въ этомъ отношеніи можетъ считаться, какъ извѣстно, отцомъ современной картографіи. Въ пользу такого предположенія можно привести свидѣтельство Барроса, который въ своемъ описаніи перваго плаванія Васко да Гамы въ Индію, рассказываетъ, что въ апрѣлѣ 1498 года, въ Мелиндѣ, на восточномъ берегу Африки, португальцы добыли для плаванія въ Индію арабскаго лоцмана, который показывалъ имъ, между прочимъ, карту Индійскаго океана, безъ компасныхъ линій, но раздѣленную на меридіаны и параллели, «на арабскій манеръ». Такимъ образомъ, арабскіе мореходы пользовались еще въ XV вѣкѣ морскими картами птоломеевскаго образца, и, по всей вѣроятности, изъ такихъ арабскихъ картъ было заимствовано изображеніе Индійскаго океана на большой Каталонской картѣ 1375 года. Но впоследствии такія карты исчезли у арабовъ, и извѣстный историкъ средневѣковой и позднѣйшей картографіи А. Норденшюльдъ напрасно искалъ, при помощи различныхъ агентовъ, на рынкахъ Востока, какихъ-либо арабскихъ морскихъ картъ¹⁾.

Вопросъ о происхожденіи итальянскихъ портулановъ и компасныхъ картъ, вообще, теменъ²⁾. Итальянцы явились наслѣдниками грековъ въ качествѣ мореходовъ по Средиземному и Черному морямъ, и можно было бы полагать, что они заимствовали у грековъ и морскія карты. Но пока неизвѣстно ни одной древней греческой карты типа итальянскихъ портулановъ; такія появляются только въ XIII вѣкѣ и были, несомнѣнно, продуктами итальянскаго и каталонскаго творчества. Было высказано мнѣніе, что учителями итальянцевъ въ этомъ дѣлѣ могли быть арабы, отъ которыхъ итальянскіе моряки могли заимствовать и компасъ, изобрѣтенный впервые китайцами, передавшими знакомство съ нимъ, и арабамъ.

1) Подобнымъ же образомъ напрасно искалъ въ Константинополѣ и Греціи А. Л. Бертье-Делагардъ, обладающій (въ Ялтѣ) большою коллекціей старыхъ картъ Чернаго моря и Крыма, какихъ-либо греческихъ или турецкихъ портулановъ и морскихъ картъ.

2) При дальнѣйшемъ изложеніи, мы пользовались преимущественно монографіей А. Е. Nordenskiöld, *Periplus, an Essay on the early History of Charts and Sailing-Directions etc.* Stok. 1891, in folio. Болѣе новая работа объ итальянскихъ портуланахъ принадлежитъ Kretschmer'у: «Die italienischen Portlane des Mittelalters», Berl., 1909.

Последнее весьма вероятно, ибо трудно объяснить, какимъ еще инымъ путемъ знаніе компаса могло дойти изъ Китая въ Италію. Правда, имѣется преданіе объ изобрѣтеніи компаса въ XIII вѣкѣ Флавіо Джойя (Fl. Gioia) въ Амальфи, но это было, какъ доказано, не изобрѣтеніе, а лишь промышленное изготовленіе и использованіе, а можетъ быть, и нѣкоторое усовершенствованіе компаса, какъ морского инструмента, да и то, повидимому, еще недостаточное, такъ какъ болѣе полное приспособленіе компаса къ морскимъ цѣлямъ послѣдовало въ Италіи только лѣтъ сто или полтораста спустя¹⁾. Но, если компасъ и былъ заимствованъ итальянцами у арабовъ, то они не могли заимствовать у послѣднихъ морскихъ картъ. Выше уже приведено свидѣтельство, что въ XV вѣкѣ арабскіе мореходы пользовались картами, начерченными на сѣти изъ меридіановъ и параллелей, между тѣмъ такія карты были совершенно неизвѣстны въ Италіи и вообще въ Западной Европѣ до конца XV вѣка, т.-е. до возрожденія знакомства съ Птолемеемъ и до воспроизведенія его картъ и текста-гравюрой и печатью. Правда, извѣстна одна арабская (морская) карта Средиз. моря отъ XIII вѣка, т.-е. карта съ арабскими надписями, но она является, несомнѣнно, копіей итальянской такой же карты, только съ замѣной латинскихъ или итальянскихъ надписей — арабскими.

Рукописныхъ морскихъ картъ и цѣлыхъ атласовъ ихъ на пергаментѣ извѣстно довольно много. Многіе десятки ихъ имѣются въ итальянскихъ архивахъ и бібліотекахъ (особенно въ Венеціи, но также въ Генуѣ, Флоренціи, Миланѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ); въ Парижской Національной бібліотекѣ сохраняется ихъ болѣе 40 №№, при чемъ нѣкоторые №№ представляютъ цѣлые атласы, заключающіе до 25 отдѣльныхъ картъ²⁾; имѣются также многія такія карты въ Британскомъ музеѣ, въ архивахъ Испаніи, Лиссабона и т. д. Большое собраніе ихъ составилъ А. Норденшѣльдъ, вся бібліотека котораго вмѣстѣ съ рукописями была приобрѣтена, послѣ его смерти, за крупную сумму Александровскимъ университетомъ въ Гельсингфорсѣ. Большинство этихъ картъ, особенно Средиземнаго

¹⁾ Въ Китаѣ компасъ былъ извѣстенъ съ глубокой древности, но имъ пользовались, кажется, исключительно на сушѣ. Въ первоначальной своей формѣ въ Европѣ компасъ состоялъ изъ иглы, которую намагничивали магнитнымъ желѣзнякомъ, помѣщали на кусочекъ пробки или въ соломинку и опускали въ сосудъ съ водой. Одинъ арабскій писатель (1242 г.), рассказываетъ, какъ на пути изъ Триполи въ Александрію, въ пустынь, въ темную ночь, онъ воспользовался такимъ компасомъ для опредѣленія кардинальныхъ точекъ. На морѣ, во время плаванія, пользованіе подобнымъ компасомъ было невозможно, хотя къ нему могли прибѣгать при стоянкахъ на якорѣ, остановкахъ у береговъ и т. п. Компасъ получилъ значеніе морскаго инструмента только тогда, когда его игла (или стрѣлка) была насажена въ горизонтальномъ положеніи на вертикальную ось и помѣщена въ коробку съ дискомъ, раздѣленнымъ на компасные румбы. Что это послѣдовало довольно поздно, явствуетъ изъ свидѣтельства венеціанскаго писателя *Girolamo Ruscelli*, 1461 г., по словамъ котораго компасъ вошелъ въ общее употребленіе среди моряковъ лишь незадолго до того времени. Но что онъ былъ извѣстенъ много раньше, видно изъ словъ *Раймунда Люллія* въ «*Arbor scientiae*» конца XIII вѣка, который говоритъ, что моряки пользуются картами, компасомъ, имѣютъ *acum et stellam maris*.

²⁾ Описаніе этихъ картъ далъ *Kretschmer* въ его статьѣ «*Handschriftliche Karten der Pariser National-Bibliothek*» въ «*Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*» 1911, №№ 6—7. Многія морскія пергаментныя карты, хранящіяся въ бібліотекахъ и архивахъ Италіи, Венеціи, Флоренціи, Милана и т. д., были воспроизведены фотографіей и изданы *Оганія*, въ 1870—80 годахъ, въ Венеціи. Къ нимъ были составлены комментаріи *Мидлеромъ*, *Фишеромъ*, *Пешелемъ* и др.

моря, итальянской работы, но есть и каталонскія, а для иныхъ морей также португальскія, французскія, испанскія, голландскія и другія. Величина картъ различна, онѣ могутъ имѣть отъ 120 до 34 сантиметровъ въ длину и отъ 95 до 25 сантим. въ ширину; начерчены онѣ обыкновенно на одной сторонѣ пергамента, но иногда и на обѣихъ. Отдѣльныя карты обычно держались въ сверткахъ, рядъ же ихъ часто переплетался вмѣстѣ, причемъ карты или приклеивались однимъ краемъ къ узкой полоскѣ дерева, кожи или картона, и затѣмъ эти полосы сшивались вмѣстѣ, въ родѣ книги или атласа, или же карты перегибались посрединѣ и затѣмъ переплетались; въ такомъ случаѣ многія карты занимаютъ только половину пергаментнаго листа. Карты большихъ размѣровъ иногда для переплета разрѣзались на части (2, 4, 6 и т. д.).

Остановливаясь специально на пергаментныхъ картахъ Средиземнаго и Чернаго морей, первое, что бросается въ нихъ въ глаза, это — сравнительно вѣрно схваченные контуры полуострововъ отъ Пиренейскаго до Таврическаго, и вообще береговъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатско-африканскихъ. Въ этомъ отношеніи морскія карты XIV-XVI вѣковъ стоятъ значительно выше картъ Птолемея и даже многихъ картъ послѣдующаго времени, напр., XVII-XVIII вѣковъ. Эта сравнительная вѣрность контуровъ и была одной изъ причинъ, почему составленіе такихъ картъ казалось невысказаннымъ безъ помощи компаса; только пользуясь услугами этого инструмента для опредѣленія направленій и тщательно измѣряя и отмѣчая разстоянія между отдѣльными пунктами, можно было достигнуть столь вѣрнаго изображенія береговыхъ контуровъ, да и то результаты такой компасной съемки представляются весьма замѣчательными для того времени. И тѣмъ не менѣе, первыя морскія карты XIII-XIV вѣковъ явились, повидимому, безъ помощи компаса, и тогдашніе съемщики береговъ руководились въ опредѣленіи направленій исключительно положеніемъ солнца, благо климатъ Средиземья давалъ возможность большую часть года слѣдить днемъ за видимымъ движеніемъ свѣтила по небесному своду. Что направленія наносились тогда не по компасу, въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что, какъ можно было убѣдиться, компасныя розы, изображенныя на этихъ картахъ, указываютъ настоящей сѣверъ, а не магнитный, т. е. на нихъ не отражалось склоненіе магнитной стрѣлки.

Какъ бы то ни было, контуры морей на пергаментныхъ картахъ нанесены, сравнительно, очень вѣрно. Въ то время, напр., какъ у Птолемея Средиземное море представлялось вытянутымъ съ запада на востокъ на 11 градусовъ болѣе дѣйствительнаго, а равно и Черное море изображалось длиннѣе и уже, чѣмъ въ природѣ, на портуланыхъ картахъ эти моря выказываютъ очертанія, въ общемъ очень близкія къ передаваемымъ на современныхъ картахъ. И, что любопытно, такого рода очертанія оказываются уже на древнѣйшихъ извѣстныхъ картахъ этого рода, начала XIV вѣка, и повторяются затѣмъ, съ очень небольшими измѣненіями, въ теченіе трехъ вѣковъ. Очевидно, разъ сдѣланная съемка признавалась настолько точной, что оставалось только воспроизводить ее въ томъ или иномъ масштабѣ, смотря по надобности. Воспроизводились неизмѣнно и всѣ ошибки съемки, напр., неправильное помѣщеніе, слишкомъ на 2 градуса широты къ сѣверу, Константинополя и Чернаго моря (ошибка, которая была исправлена только въ концѣ

XVII вѣка) или преувеличенное изображеніе мелкихъ острововъ, а также выступовъ береговъ, мысовъ и бухтъ, представлявшихъ важность для берегового плаванія. Надписи на картахъ также почти на всѣхъ одинаковы, съ нѣкоторыми лишь варіаціями смотря по языкамъ (напр., итальянскому или каталонскому), или по эпохамъ, или по степени аккуратности и компетентности копииста; берега густо усѣяны названіями, написанными черной краской, изрѣдка красной, и это повторяется на всѣхъ картахъ. Краснымъ отмѣчены названія большихъ портовъ, но иногда и малыхъ мѣстечекъ, имѣвшихъ, повидимому, известное значеніе для моряковъ. Норденшѣльдъ подсчиталъ, что по сѣвернымъ берегамъ Средиземнаго моря, имѣется обыкновенно 620 названій, по берегамъ Мраморнаго и Чернаго 260, вдоль сѣверныхъ береговъ Африки 240, вдоль береговъ Азии 160, не считая еще названій множества острововъ съ ихъ портами и мѣстечками. Контуръ береговъ изображены большей частью тонкими черными линиями, иногда усиленными блѣдно-желтоватой краской, но нѣкоторые острова отмѣчены другими цвѣтами. Сицилія, напр. (а часто и Пелопонезъ) обведена толстыми зелеными контурами, многіе мелкіе острова окрашены синимъ цвѣтомъ (на нашей картѣ такой цвѣтъ имѣется и въ изображеніи Венеціи), островъ Родосъ означенъ бѣлымъ крестомъ по красному полю (даже на позднихъ картахъ, относящихся ко времени, когда островъ этотъ — въ 1522 году — уже былъ захваченъ турками). Многіе порты отмѣчались еще флагами разныхъ цвѣтовъ, съ изображеніями на нихъ креста, полумѣсяца, гербовъ, полосъ, буквъ и т. п.; владѣнія и факторіи генуэзцевъ, напр., украшались флагомъ съ краснымъ крестомъ на бѣломъ (серебряномъ) или золотомъ фонѣ, соответствующимъ цвѣтамъ этой республики¹⁾. Внутри странъ обыкновенно не изображалось ничего и не помѣщалось никакихъ надписей, но иногда рисовались виньетки — изображенія городовъ или ихъ храмовъ, фигуры людей (царей), животныхъ, розы вѣтровъ, разные узоры, названія странъ и т. п.²⁾. Вся карта снабжалась также сѣтью изъ румбовыхъ линий, расходящихся въ числѣ 32 (или 16) изъ нѣсколькихъ (10 или болѣе) точекъ, расположенныхъ въ произвольныхъ одна отъ другой разстояніяхъ (то ближе, то дальше) и перекрещивающихся между собою. Сѣть этихъ линий до известной степени замѣняла сѣть изъ параллелей и меридіановъ на нашихъ картахъ, но, какъ показалъ Норденшѣльдъ, она не составляла неизмѣнной основы пергаментныхъ картъ и наносилась на нихъ, повидимому, уже послѣ обведенія контуровъ. Въ то время, какъ контуръ сохраняли свои очертанія, сѣть румбовыхъ линий варіировала, и, по Норденшѣлду, трудно встрѣтить двѣ пергаментныя карты съ совершенно тождественными сѣтями линий, такъ что можно поставить даже вопросъ, была ли такая сѣть на первыхъ портуланскихъ картахъ. Во всякомъ случаѣ, на всѣхъ известныхъ пергаментныхъ морскихъ картахъ имѣется сѣть румбовыхъ линий и обыкновенно

¹⁾ Способъ черченія морскихъ картъ былъ описанъ въ «Nautica mediterranea», Roma, 1601. Тамъ говорится о матеріалѣ (carta pecorina), о контурахъ береговъ (si tirano le coste con penna sottile), объ окраскѣ ихъ, о проведеніи линий вѣтровъ чертами разнаго цвѣта и т. д.

²⁾ Особенно богаты такими виньетками и легендами четыре листа большой Каталонской карты 1375 года.

начерченная тщательно, помощью линейки, болѣе или менѣе тонкими линиями, цвѣта которыхъ слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ. На большей части картъ имѣется и масштабъ (гдѣ-нибудь на краю карты), но нанесенный довольно небрежно, отъ руки, обыкновенно въ видѣ ленты, раздѣленной на 10, 5, 7 частей¹⁾. Прилагая этотъ масштабъ къ различнымъ разстояніямъ, величина которыхъ извѣстна, Норденшѣльдъ могъ убѣдиться, что онъ всего болѣе подходитъ къ каталонской *legua* (равнявшейся въ XVI столѣтіи 3'₄₃ дуги). Судя по этому масштабу, Средиземное море изображалось на пергаментныхъ картахъ обыкновенно въ отношеніи 1:6.000.000 или 1:5.000.000, иногда даже 1:10—12 милліонамъ, но въ болѣе крупныхъ изображеніяхъ масштабъ доходилъ до 1:3.700.000 и даже 1:1.500.000.

Въ виду того, что позднѣйшіе портуланы Средиземнаго моря были, въ сущности, только копіями древнѣйшихъ, Норденшѣльдъ пришелъ къ заключенію, что всѣ они исходили отъ одного первоначальнаго или, какъ онъ называетъ его, «нормальнаго портулана», составленнаго около 1270 года изъ комбинаціи отдѣльныхъ лоцманскихъ картъ болѣе или меньшихъ частей береговъ. Подъ этимъ годомъ, именно, упоминается карта, которою пользовались крестоносцы во время похода св. Людовика. Что портуланная карта была составлена послѣ 1266 года, можно заключить изъ того, что на ней уже обозначена Каффа на Таврическомъ полуостровѣ (нынѣшняя Феодосія), а она составляла владѣніе генуэзцевъ съ 1266-го года. Съ другой стороны, что карта получила начало ранѣе 1290 года, Норденшѣльдъ заключаетъ изъ того, что на ней неизмѣнно изображается *port pichano* или *port pissan* (портъ Пизы), который былъ разрушенъ генуэзцами въ 1290 году. Гдѣ былъ составленъ «нормальный портуланъ», сказать трудно, но есть основаніе думать, что онъ былъ произведеніемъ каталонскихъ моряковъ, работавшихъ надъ нимъ на Балеарскихъ островахъ (Майоркѣ) или въ Барселонѣ. Въ пользу этого говоритъ масштабъ морскихъ картъ, подходящій всего болѣе къ каталонской *legua*, а отчасти и номенклатура ихъ. Каталонцы были предприимчивыми моряками и уже въ XIII вѣкѣ находились въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, какъ съ Южной Франціей, Италіей, Сициліей, такъ и съ Тунисомъ, Александріей, Каиромъ, Константинополемъ, а въ XIV вѣкѣ также съ Фландріей и Англійей. Имѣется нѣсколько каталонскихъ картъ отъ XIV вѣка, въ томъ числѣ знаменитая большая карта 1375 года на четырехъ листахъ, захватывающая всю извѣстную тогда Европу, Сѣверную Африку и Азію до Индійскаго и Восточнаго океановъ²⁾.

¹⁾ Судя по такому способу изображенія масштаба, разстоянія брались тогда не циркулемъ, а лентой.

²⁾ Картъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Каталонскихъ», имѣется нѣсколько, но обыкновенно названіе это придается большой картѣ 1375 года на 6 листахъ, изъ коихъ 2, впрочемъ, заняты астрономическими чертежами, и только 4 посвящены извѣстной тогда земной поверхности. Эта карта была исполнена для французскаго короля Карла V на Майоркѣ (или точнѣе, для аррагонскаго короля Іоанна I, который въ 1381 г. подарилъ еѣ королю Карлу V французскому), и хранится въ Парижской Національной библіотекѣ. Факсимиле ея было издано *Jomard'омъ* въ его «*Monuments de la géographie*», а въ уменьшенномъ видѣ она была воспроизведена впервые *Sophus Ruge* въ его «*Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen*», 1881 (въ серіи *Опкена*). Карта эта очень любопытна для знакомства съ географическими и этнографическими представленіями среднихъ вѣковъ о разныхъ многочисленныхъ царствахъ (напримѣръ, пресвитера Іоанна), о баснословныхъ народахъ-дивовищахъ и т. п. О каталонскихъ картахъ имѣется статья *Kretschmer*, въ «*Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*» 1897, №№ 2—3.

Относя начало пергаментныхъ морскихъ картъ ко второй половинѣ XIII вѣка, слѣдуетъ замѣтить, что намъ неизвѣстна ни одна карта этого столѣтія. Древнѣйшія извѣстныя морскія карты относятся къ началу XIV вѣка; такова, на примѣръ, воспроизведенная Онганія генуэзская карта Петро Висконти 1311 года, изображающая большую часть Средиземнаго моря (отъ Сардиніи и Корсики на западѣ) и все Черное море, совершенно въ тѣхъ же очертаніяхъ, какъ и на позднѣйшихъ картахъ того же типа, только безъ всякихъ украшеній, виньетокъ, изображеній, отличающихъ произведенія болѣе поздней портуланной картографіи. Впрочемъ, уже итальянскія карты XIV вѣка не ограничиваются однимъ «внутреннимъ моремъ» (Средиземнымъ), а включаютъ въ кругъ своего изображенія и берега западной Европы — отъ Гибралтарскаго пролива до Англии и устья Шельды. Эти карты вызвали аналогичную дѣятельность французскихъ и голландскихъ моряковъ, выразившуюся въ такихъ портуланахъ, какъ *Le grand Routtier etc. par Pierre Garcie, dit Ferrande*, составленный, повидимому, въ 1483 году, и *Waghenaer, Spiegel der Zeevaerdt* (съ картами береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей — до Риги и Финляндіи включительно); оба они выходили потомъ во многихъ печатныхъ изданіяхъ¹⁾. Итальянскія морскія карты также стали впоследствии воспроизводиться печатью, но имѣется извѣстіе, что моряки долго отдавали преимущество рукописнымъ картамъ на пергаментѣ передъ печатными на бумагѣ, и не безъ основанія, по мнѣнію Норденшѣльда, такъ какъ старыя печатныя карты были часто менѣе явственны и точны, чѣмъ рукописныя, да и матеріалъ ихъ (бумага) не отличался тою прочностью, какъ пергаментъ.

Первые составители портуланнхъ картъ, очевидно, не знали о шарообразности земли, и, во всякомъ случаѣ, не принимали ее во вниманіе, какъ при съемкахъ отдѣльныхъ частей береговъ, такъ и при послѣдующихъ комбинаціяхъ этихъ съемокъ въ общую карту моря. Между тѣмъ, съ увеличеніемъ площади съемки изображеніе береговъ на плоскости должно было искажаться все болѣе и болѣе по сравненію съ очертаніемъ ихъ въ натурѣ, на сферѣ. Картографы портулановъ, однако, старались соблюсти вѣрность угловъ и тѣмъ достигать возможно большаго подобія изображенія, которое у нихъ, по замѣчанію Норденшѣльда, подходитъ къ получаемому при пользованіи проекціей Меркатора. Нѣкоторые историки картографіи называли даже портуланныя карты локсодромическими, приписывая румбовымъ линіямъ значеніе локсодромій, т.-е. линій, пересѣкающихъ меридіаны подъ одинаковыми углами, какъ въ проекціи Меркатора, однако было доказано, что это допустимо только въ извѣстныхъ предѣлахъ, и что на болѣе большихъ разстояніяхъ локсодроміи портуланнхъ картъ переходятъ въ кривыя.

Морскія карты могутъ быть названы первыми точными картами, дававшими впервые болѣе вѣрное представленіе о контурахъ морскихъ береговъ. Тѣмъ не менѣе, онѣ долгое время находились въ пользованіи исключительно моряковъ; другіе классы общества пробавлялись только примитивными, круглыми (колесовид-

¹⁾ *Bechmann*, Ueber die niederdeutschen Seebücher des XV und XVI Jahrhunderts, mit Karten, въ «Mitteilungen der geogr. Ges. in Hamburg», XXI, 1906.

ными) или четырехугольными картами міра, какія господствовали въ западной Европѣ до второй половины XV вѣка¹⁾. Въ концѣ этого вѣка послѣдовали первыя изданія текста и картъ географіи Птолемея въ ихъ латинскомъ переводѣ; они явились настоящимъ откровеніемъ для тогдашнихъ ученыхъ и образованныхъ людей, такъ какъ въ нихъ впервые давались изображенія извѣстнаго тогда міра, не только береговъ морей, но и внутреннихъ странъ съ ихъ горами, рѣками, городами и т. д., и притомъ, какъ всѣ были увѣрены, изображенія истинныя и точныя. Въ теченіе 60 лѣтъ послѣдовало нѣсколько десятковъ изданій Птолемея, успѣху которыхъ не вредили новыя географическія открытія испанцевъ и португальцевъ (въ Америкѣ, Африкѣ, Азіи), результаты которыхъ, изображенные картографически, только дополняли основныя 27 картъ Птолемея. Послѣднія считались наиболѣе вѣрными и по отношенію къ контурамъ морей Европы, такъ что до второй половины XVI вѣка, и даже далѣе, были двѣ картографіи, одна — кабинетныхъ ученыхъ и публики, — картографія Птолемея, и другая — моряковъ, картографія портулановъ. Только во второй половинѣ XVI-го вѣка авторитетъ Птолемея уступилъ мѣсто авторитету новыхъ картографовъ, Ортелиа, Меркатора и другихъ, которые стали замѣнять старыя картографическія изображенія новыми, пользуясь всеми имѣвшимися матеріалами, въ томъ числѣ и данными портуланыхъ картъ. Для морскихъ же цѣлей портуланная карта сохраняли свое значеніе до конца XVII вѣка, когда новыя съемки морскихъ береговъ, произведенныя при помощи новыхъ методовъ и улучшенныхъ инструментовъ, дали матеріалъ для новыхъ морскихъ картъ, гораздо болѣе точныхъ, чѣмъ старыя — эпохи портулановъ.

Возвращаясь къ нашей картѣ, можно прежде всего поставить вопросъ, полна ли она, т. е. не составляетъ ли она только одного листа болѣе обширной карты. На западѣ она заканчивается островами Корсикой и Сардиніей, на сѣверо-востокѣ доходитъ только до Керченскаго пролива. Возможно, что былъ еще второй листъ съ изображеніемъ западной части Средиземнаго моря, до Гибралтарскаго пролива, а, можетъ быть, (какъ на многихъ другихъ портуланыхъ картахъ) и западныхъ береговъ Испаніи и Франціи. Болѣе сомнительно, что былъ еще третій листъ, съ изображеніемъ восточной части Чернаго моря; правда, эта часть имѣется на нѣкоторыхъ морскихъ картахъ, но въ такомъ случаѣ все Черное море изображено на одномъ листѣ съ восточной частью Средиземнаго. Такъ мы это видимъ, напр., на генуэзской картѣ П. Висконти 1311 года, изображающей Средиземное море въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и наша карта. Эта послѣдняя карта (П. Висконти) даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что и описываемая нами карта могла быть полною, тѣмъ болѣе, что вверху ея, такъ же, какъ и на той, помѣщена надпись о времени ея составленія. Но въ пользу полноты карты Висконти можетъ еще говорить до нѣкоторой степени то обстоятельство, что она обведена вдоль краевъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ (за исключеніемъ сѣвернаго и восточнаго береговъ Чернаго моря), бордюромъ (въ родѣ масштаба), тогда какъ на нашей

¹⁾ Большая карта *Фра Мауро* 1459 г. удерживала также форму круга, несмотря на значительное число собранныхъ на ней географическихъ данныхъ. Факсимиле ея было издано *Салтиремомъ*, а фотографія (въ уменьшенномъ видѣ) *Оганіа*.

картъ западный край ея ничѣмъ не ограниченъ. Норденшѣльдъ, впрочемъ, не сомнѣвался, что и карта 1311 года Висконти состояла изъ двухъ листовъ, изъ которыхъ сохранился только одинъ восточный, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что извѣстны другія, позднѣйшія карты того же Висконти, на которыхъ этотъ западный листъ имѣется. Но если такъ, то по отношенію къ нашей картѣ еще болѣе несомнѣнна ея неполнота, т.-е. отсутствіе ея западнаго листа, въ пользу чего можетъ говорить еще и то, что она составлена для бывшаго правителя Перпиньяна, а между тѣмъ береговъ Испаніи и Франціи на ней и не имѣется (они должны были находиться на западномъ листѣ). Что касается надписи, то она помѣщалась обыкновенно на одномъ изъ листовъ карты, при чемъ составитель, насколько мнѣ извѣстно, никогда не указывалъ, сколько всего листовъ занимаетъ его карта.

Такимъ образомъ, карту нашу слѣдуетъ считать неполною, что, однако, не лишаетъ ее интереса, во-первыхъ, по ея относительной древности (XV вѣкъ), а во-вторыхъ, и по нѣкоторымъ ея особенностямъ. Представляя, въ общемъ, тѣ же контуры, какъ и другія морскія карты того времени, она выказываетъ меньшую тщательность въ обработкѣ деталей (по сравненію съ лучшими портуланскими) и часто менѣе густые ряды названій по берегамъ. Розы вѣтровъ отсутствуютъ, что одно уже можетъ указывать на ея древность; на картахъ XVI вѣка розы имѣются почти всегда. Мало также виньетокъ: имѣются только три на мѣстѣ городовъ: Венеціи, Иерусалима и Каира; Венеція представлена обнесеннымъ крѣпостной стѣной храмомъ съ золотыми луковичными куполами (но безъ крестовъ [см. рис. 36], которые замѣнены шариками); Иерусалимъ (безъ надписи) — въ видѣ укрѣпленія, надъ которымъ возвышается базилика съ крестомъ; Каиръ (тоже безъ надписи) — имѣетъ видъ замка съ зубчатой стѣной и съ возвышающимися двумя башнями, увѣнчанными полукруглыми куполами. Надъ многими портами показаны еще воздвигнутые на древкахъ флаги, цвѣтные или золотые, съ разными на нихъ эмблемами. Надъ Венеціей возвышается золотой флагъ съ изображеніемъ, повидимому, двухъ лицъ, изъ коихъ одно въ ореолѣ (изображеніе, впрочемъ, очень стерто); надъ Константинополемъ и Перой показаны золотые флаги съ двумя буквами В, что указываетъ на эпоху Византіи, на время до завоеванія города турками (въ 1453 г.); на картахъ XVI вѣка, и даже конца XV,

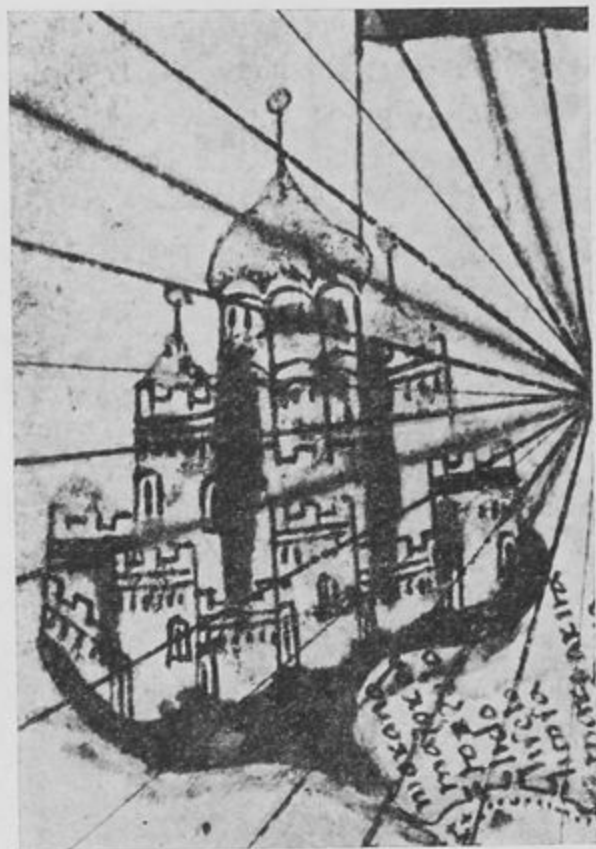

Рис. 36. (Увеличено въ $2\frac{1}{2}$ раза противъ оригинала; отъ флага показаны только его древко и нижняя часть).

обыкновенно здѣсь изображается уже флагъ съ полумѣсяцемъ. Надъ Каффою показанъ генуэзскій флагъ (красный крестъ на бѣломъ фонѣ), надъ Doraso (Дураццо) на Адриатическомъ морѣ — золотой съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла. Есть еще флаги съ полосами и съ разными другими знаками, но краски со многихъ сошли, и знаки стали неясны. Всего имѣется 20 флаговъ, не считая еще двухъ въ Африкѣ, отличающихся своеобразной раздвоенной формой. Масштабъ показанъ вверху и внизу карты (или, если принять во вниманіе положеніе надписи вверху карты, по обѣимъ ея сторонамъ). Въ отличіе отъ большинства другихъ подобныхъ картъ, на которыхъ лента масштаба бываетъ раздѣлена на 5 или 10 частей, здѣсь на ней означено 7 (14) дѣлений. Названій по берегамъ, какъ уже сказано, меньше, чѣмъ на многихъ другихъ подобныхъ картахъ, при чемъ нѣкоторыя, писавшіяся обыкновенно красною краскою, здѣсь оставлены черными. Для примѣра возьмемъ островъ Критъ; здѣсь краснымъ написана только *sandia*, а затѣмъ имѣется еще 8 названій черныхъ, тогда какъ на другихъ картахъ (XIV—XVI вѣковъ) находится обыкновенно четыре красныхъ, да еще 8—11 черныхъ названій. Нѣтъ, напримѣръ, именъ *sania* (*sanea*), *terno*, *setia*, нѣтъ и многихъ иныхъ, но за то есть и такія, какія не встрѣчаются на другихъ картахъ, или которыя написаны иначе, напримѣръ, *casalonga* вмѣсто *spinalonga* и т. п. Характерная особенность названій заключается еще въ томъ, что вмѣсто *golfo*, *porto*, *lena* стоитъ чаще *savo* (какъ и на Каталанской картѣ 1375 г.), что окончаніе *dra* чаще передается *dria*, напримѣръ, вмѣсто *Casandra* — *Casandria*, что названіе *san zozzo*, *s. giorgi*, *s. çiorçi*, *s. ziorzi*, — всегда передается *Siordi*. Въ написаніи многихъ названій замѣчается большее сходство съ картами XIV—XV вѣковъ, чѣмъ съ позднѣйшими. Представляло бы, несомнѣнно, нѣкоторый интересъ сдѣлать перечень всѣхъ названій этой карты въ порядкѣ ихъ послѣдовательности по берегамъ и сравнить затѣмъ его, напримѣръ, съ приведенными у Норденшюльда для четырехъ морскихъ картъ, именно: 1) анонимной начала XIV вѣка, 2) Каталанской 1375 года, 3) *Giroldis* 1426 года и 4) *Voltius* 1593 года. Бѣглое сравненіе показало, что на нашей картѣ отсутствуютъ многія имена, имѣющіяся на всѣхъ или большей части названныхъ четырехъ картъ и, наоборотъ, есть такія, какихъ нѣтъ ни на одной изъ тѣхъ, или которыя, по крайней мѣрѣ, имѣютъ иной видъ. Къ сожалѣнію, у меня не было возможности и времени составить такой списокъ названій, но сравненіе нѣкоторыхъ частей береговъ, напримѣръ, западнаго берега Чернаго моря отъ Константинополя до Керченскаго пролива, сѣверо-восточнаго берега Адриатики, Ионическихъ острововъ и нѣкоторыхъ другихъ, въ отношеніи къ написаннымъ у нихъ именамъ, показало, что большее сходство въ названіяхъ имѣется со старѣйшими картами (П. Висконти 1311, Марино Санудо около 1320, Каталанской 1375), чѣмъ съ позднѣйшими, конца XV и XVI вѣковъ. Въ написаніи же нѣкоторыхъ именъ наша карта отличается отъ большей части мнѣ извѣстныхъ, и хотя часть этихъ отличій можетъ быть сведена къ ошибкамъ и опискамъ малограмотнаго кописта, однако, далеко не всѣ, и другая часть ихъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ оригинальности происхожденія карты.

Д. Н. Анусинъ.

ЗАДАЧИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ И МЕСОПОТАМІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ МІРОВЫМИ СОБЫТІЯМИ.

Ровно 20 лѣтъ тому назадъ Императорское Московское Археологическое Общество совершило рядъ экспедицій въ Закавказье съ ясно намѣченной цѣлью отыскать и изслѣдовать въ горахъ и долинахъ его слѣды ассиро-вавилонской культуры, остатки которой обозначились находженіемъ на скалахъ и камняхъ построекъ нѣкотораго числа клинообразныхъ надписей царей древней страны Урарту, имѣвшихъ своимъ центромъ и резиденціей городъ Ванъ. Всѣхъ экспедицій было 3 въ лѣтніе мѣсяцы 1893, 1894 и 1896 годовъ. Предпринимая эти экспедиціи, Общество и мы, ихъ участники, если не выражали формально тѣхъ отдаленныхъ цѣлей, которыя преслѣдовались, то вполне отчетливо ихъ сознавали и въ душѣ питали надежду и готовность ихъ осуществить. Археологическая и историческая наука не терпитъ территоріальныхъ преградъ, какъ не терпитъ астрономія ограниченія своихъ изслѣдованій орбитами ближайшихъ къ намъ свѣтилъ и ихъ спутниковъ, а стремится отыскать отдаленные центры ихъ притяженія и ихъ движеній. Такъ и мы, изслѣдуя клинообразные памятники Закавказья, стремились мыслию къ Вану и его окрестностямъ, какъ къ центру, отъ котораго исходили эти памятники, а въ свою очередь Ванъ, или большое древнее библейское царство Урарту (Араратъ), казалось намъ ничѣмъ инымъ, какъ лишь наиболѣе отдаленнымъ на сѣверѣ обломкомъ того грандіознаго въ древности міра, который обнималъ весь передній востокъ, и культурнымъ центромъ котораго была долина Тигра и Евфрата съ ея древней цивилизаціей. Оперируя въ долину Аракса, около хребта малаго Кавказа и предгорій большого Арарата, А. А. Ивановскій и я съ тоскою взирали на эти вершины, отдѣлявшія отъ насъ самые крупные и интересные центры нашихъ научныхъ изслѣдованій, мысль о которыхъ неотступно насъ преслѣдовала. Но и въ самомъ нашемъ Обществѣ все чаще и чаще приходилось вести рѣчь объ этихъ центрахъ, и мысль объ экспедиціи за предѣлы нашей страны для продолженія начатыхъ изслѣдованій не казалась совершенно несбыточной. Въ нашу первую экспедицію въ 1893 году мы остановились у самыхъ воротъ въ Баязетскую область близъ Чингильскаго перевала, но мой

энергичный и неустрашимый спутникъ, А. А. Ивановскій, продолжавшій единолично нашу экспедицію въ 1894 году, по собственной инициативѣ и на собственный страхъ, почти въ собственномъ смыслѣ, форсировалъ этотъ проходъ, проникъ въ Баязеть, успѣлъ тамъ снять интересный, ванскаго происхожденія, барельефъ на скалѣ, возвышающейся надъ городомъ, но былъ арестованъ турками, и еле спасъ свою свободу и жизнь¹⁾, при чемъ оказалось, что его проникновеніе въ турецкую Арменію совпало съ началомъ систематическаго избіенія турками и курдами армянскаго населенія въ 1894 и въ послѣдующіе годы. Однако, въ томъ же 1894 году А. А. Ивановскій, повидимому, не прочь былъ форсировать и другой нашъ традиціонный проходъ въ заповѣдное царство Урарту, это — по направленію къ Эрзеруму. Онъ прошелъ и изслѣдовалъ всѣ пути, ведущіе къ знаменитому теперь по послѣднимъ событіямъ Сарыкамышу, оставилъ намъ не только описаніе этихъ путей, но и нѣсколько интересныхъ фотографій Сарыкамыша и его окрестностей, между прочимъ и того ущелья, гдѣ происходила знаменитая битва, а мнѣ лично удалось изучить и издать раньше найденную клинообразную надпись изъ Сарыкамыша²⁾. Но лишь только мы успѣли сдѣлать нашу неудачную и неорганизованную попытку проложить пути для нашей науки въ древнюю Урарту, находящуюся за предѣлами нашей страны, какъ германская наука поспѣшила снарядить туда хорошо оборудованную и рассчитанную на долговременное пребываніе экспедицію и тѣмъ какъ бы преградила намъ основательно туда пути или постаралась сдѣлать ихъ совершенно излишними. Но какъ ни цѣнны были ея приобрѣтенія, главная задача ея оказалась далеко невыполненной или выполненной неудовлетворительно, такъ что научныя задачи, поставленныя для изслѣдованія этихъ мѣстностей 20 лѣтъ тому назадъ, остаются во всей силѣ. Въ настоящее время наши войска уже заняли Баязеть, а въ Сарыкамышѣ одержали блестящую побѣду и находятся на пути въ древнюю Урарту, а наша союзница Англія уже заняла югъ Месопотаміи и приблизилась вплотную къ предѣламъ Сумера и Аккада, къ очагамъ древней цивилизаціи; мы надѣемся, что недалеко то время, когда Сирія и Палестина и весь передній востокъ перейдетъ во власть союзныхъ державъ. А такъ какъ судьба этого востока будетъ въ концѣ концовъ зависѣть отъ общаго соглашенія и рѣшенія союзниковъ, то и для нашей науки въ недалекомъ будущемъ могутъ широко раскрыться двери не только на тотъ ближайшій востокъ, который занимаютъ наши войска и который по этнографическому составу и по остаткамъ прошлаго неразрывно связанъ съ нашимъ Закавказьемъ, но и въ весь остальной передній востокъ, во всѣ тѣ дорогія для науки и просвѣщеннаго человѣчества области, которыя были мѣстомъ древнѣйшихъ культуръ.

Въ виду этого и наша наука должна заранѣе уяснить себѣ тѣ задачи, которыя неотразимо предстанутъ передъ нею послѣ войны на всемъ переднемъ востокѣ. Ближайшимъ образомъ будутъ затронуты наши интересы на сосѣдней съ нашимъ Закавказьемъ турецкой Арменіи, особенно въ Ванской области, но и остальной

1) «Матеріалы по археологій Кавказа», т. VI, стр. 62—68.

2) Ibid., стр. 69—79, ср. т. V, стр. 90—96.

востокъ, по неразрывной его связи съ нашимъ ближайшимъ востокомъ, не можетъ быть оставленъ внѣ нашихъ интересовъ.

Что касается до ближайшаго къ намъ востока, то наши научныя на немъ задачи достаточно выяснились, благодаря экспедиціямъ нашего Общества, а также нѣмецкой экспедиціи въ 1898—9 годахъ. Особенное значеніе можетъ имѣть экспедиція, уже разрѣшенная кружку петроградскихъ ученыхъ во главѣ съ Н. Я. Марромъ, если только она не ограничится исключительно изслѣдованіемъ остатковъ византійско-армянской культуры края, а поставитъ себѣ болѣе широкія задачи. При этихъ условіяхъ результаты этой экспедиціи могли бы быть положены въ основаніе обсужденія вопроса о дальнѣйшихъ систематическихъ изслѣдованіяхъ въ Арменіи. Съ своей стороны, я постараюсь освѣтить теперь другіе вопросы, тѣсно связанные съ этимъ ближайшимъ востокомъ, именно о нашихъ задачахъ въ наиболѣе отдаленныхъ и въ наиболѣе крупныхъ центрахъ передняго востока, какими являются Палестина и Месопотамія.

1. Палестина.

Въ послѣднія два десятилѣтія, благодаря почти исключительно германской наукѣ, въ широкихъ кругахъ европейскаго общества возросъ чрезвычайный интересъ къ важнѣйшимъ двумъ центрамъ древняго міра, сравнительное достоинство которыхъ возбуждало споръ между учеными. Самая проблема выражалась въ двухъ многозначительныхъ терминахъ: *Вавилонъ и Библия* или *Библия и Вавилонъ*, судя по тому, на чью сторону склонялись вѣсы. Мы были свидѣтелями, какъ съ легкой руки очень извѣстнаго нѣмецкаго ассириолога Фридриха Делича, поддержаннаго авторитетомъ самого кайзера Вильгельма II, волна этого движенія, обозначеннаго словами *Babel und Bibel*, прокатилась по всей Европѣ, захватила въ нѣкоторой степени и наше русское общество, даже кругъ лицъ, далеко стоящихъ отъ науки востока и отъ науки вообще. Въ самомъ дѣлѣ, не должно ли глубоко волновать современное человѣчество открытіе, что этотъ Вавилонъ, о которомъ вѣками вкоренился взглядъ, что онъ былъ центромъ изнѣженности и разврата въ древнемъ мірѣ, на самомъ дѣлѣ оказался не только непосредственнымъ источникомъ основныхъ идей религіи Израиля и Новаго Завѣта, но и выработалъ цѣльное міросозерцаніе, которое было господствующимъ у всѣхъ древнихъ и новыхъ культурныхъ народовъ до самого послѣдняго времени. Особенно переоцѣнка значенія Ветхаго Завѣта въ пользу Вавилона была тяжкимъ испытаніемъ для библейской науки, но въ лицѣ наиболѣе трезвыхъ ученыхъ какъ въ самой Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, она выдержала это испытаніе: значеніе Ветхаго Завѣта не только не поколебалось, но въ послѣднее время возросло еще болѣе, благодаря этому состязанію. И дѣйствительно, какое поразительное сопоставленіе въ современномъ сознаніи совершенно несоизмѣримыхъ величинъ и какое состязаніе! Съ одной стороны, величайшій культурный центръ для всего передняго востока и въ одно время величайшая изъ монархій древности, съ другой — крошечный литературный томикъ, если сравнить

его съ необозримыми литературными памятниками того же Вавилона, но очевидно удѣльный вѣсъ этой книги былъ равнозначущъ, если не превышалъ вѣсъ всей міровой культуры тогдашняго времени. Эта книга заслонила собою даже страну и народъ, изъ нѣдръ которыхъ она произошла, всю тысячелѣтнюю исторію этого народа, полную драматизма и общечеловѣческаго значенія. Страна эта называется теперь *Палестиной*, а народъ, который въ ней жилъ и которому принадлежала эта литература, *израильскимъ народомъ*. Въ представленіи современныхъ ему великихъ народовъ эта страна по своему значенію была не болѣе, чѣмъ для нынѣшнихъ большихъ государствъ Бельгія, съ которою она имѣетъ не мало родственнаго по своей судьбѣ: такъ какъ она находилась на единственной дорогѣ, по которой происходили сношенія между великими монархіями древности, то съ отдаленной эпохи и во все продолженіе жизни израильскаго народа войска такихъ имперій, какъ египтянъ, хеттеевъ, ассирійцевъ и вавилонянъ, а впослѣдствіи персовъ и грековъ, проходили чрезъ эту страну, боролись за ея обладаніе, превращали ее въ пустыню и не разъ доводили ее до почти полнаго уничтоженія. Несмотря на свое превосходство въ общекультурномъ развитіи, эти передовые народы древности не замѣтили, даже не предчувствовали того духовнаго величія, какое скрывалось въ маленькомъ, всегда въ той или другой степени поработанномъ ими народѣ, и той роли, какаю ему была предопредѣлена впослѣдствіи: великія монархіи, главные центры цивилизаціи, не только прекратили свое существованіе, но и всѣ остатки ихъ культурной жизни были засыпаны землей и преданы были забвенію въ теченіе тысячелѣтій, а маленькая книга, вышедшая изъ рукъ древняго Израиля, съ самаго начала нашей эры сдѣлалась драгоценнымъ источникомъ духовной жизни всѣхъ европейскихъ народовъ; священнымъ писаніемъ наравнѣ съ Новымъ Завѣтомъ; нынѣшняя же Палестина, по разсѣяніи прекратившаго свое самостоятельное существованіе израильскаго народа, несмотря на свой убогій видъ, есть святая земля для всего христіанскаго міра. Таковою она еще раньше сдѣлалась для разсѣяннаго по всему міру іудейства, а впослѣдствіи и самый исламъ, во владѣніи котораго она теперь находится, сталъ считать ее и своей святыней.

Интересы археологической и исторической науки въ Палестинѣ велики и разнообразны, но для исторіи и археологіи передняго востока значеніе Палестины прежде всего и главнѣе всего обуславливается именно тѣмъ, что она въ теченіе свыше тысячи лѣтъ была той обѣтованной землей, на которой происходила жизнь древняго Израиля, а напоследокъ сдѣлалась и колыбелью христіанства. Только съ этой стороны я и имѣю въ виду разсмотрѣть археологическое и историческое значеніе Палестины и виды на будущее въ ней и нашей науки.

Древній Израиль — это былъ единственный народъ, въ собственномъ смыслѣ народъ-богоносець, литература котораго, не имѣющая себѣ равной по ея глубокому религіозному значенію и по ея вліянію на все послѣдующее развитіе культурнаго человѣчества, можетъ быть по всей справедливости названа его національною литературой: не только пророческія и поэтическія произведенія, въ которыхъ духъ человѣческой достигалъ вершинъ своего прозрѣнія въ міръ религіозно-моральныхъ

идей, но и сама абсолютная религія христіанства обязаны своимъ происхожденіемъ духовному подъему, борьбѣ и мученичеству народа не только въ лицѣ его духовныхъ вождей и пророковъ, но и въ цѣломъ его составѣ, такъ какъ вся исторія израильскаго народа, какъ она происходила на почвѣ Палестины и какъ теперь возстановлена въ научномъ представленіи, есть ничто иное, какъ трагическая борьба на почвѣ этихъ идей и въ значительной степени за ихъ окончательное торжество.

Научная проблема израильской исторіи была поставлена и такъ или иначе разрѣшаема исключительно на почвѣ литературы Ветхаго Завѣта. Нужно въ этомъ отношеніи воздать справедливость германской наукѣ. Въ теченіе цѣлаго столѣтія она, почти исключительно одна, работала неутомимо надъ поставленной себѣ проблемой литературной критики и критики текста библейскихъ книгъ Ветхаго Завѣта, а также надъ самой проблемой исторіи израильскаго народа, при чемъ ея выводы были усвоены и представителями этой науки другихъ культурныхъ націй. Этой заслуги, какъ и во многомъ другомъ, мы и наши союзники не можемъ отнять у нашего врага. Но, несмотря на колоссальную работу, въ которой въ послѣднее время приняли участіе и ученые во Франціи, Англии и Америкѣ, хорошо обставленные выводы науки, по характеру матеріала, могли имѣть только гипотетическій характеръ, и въ концѣ концовъ для этой науки создалось положеніе весьма трудное, и во всякомъ случаѣ менѣе благоприятное, чѣмъ для быстро возникшихъ новыхъ дисциплинъ, ассиріологии и египтологіи. Между тѣмъ какъ отъ другихъ великихъ народовъ древности, въ особенности отъ египтянъ и вавилонянъ, найдены были въ послѣднее время безчисленные памятники современной ихъ жизни, литературные и вещественные, отъ древняго Израиля почти совсѣмъ не оставалось никакихъ вещественныхъ памятниковъ, литература же Ветхаго Завѣта сама по себѣ весьма незначительная по объему, проживъ періодъ свыше 2000 лѣтъ и послуживъ за это время ферментомъ духовной жизни какъ народа израильскаго, такъ и христіанскаго міра, должна была пострадать отъ превратностей судьбы, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ чему служитъ тотъ фактъ, что самый старый списокъ библейскихъ книгъ на первоначальномъ языкѣ, и то далеко не въ полномъ ихъ составѣ, относится къ X вѣку нашей эры. Отсюда всѣ смѣлые выводы литературной исторіи Ветхаго Завѣта и формулировка основной проблемы какъ литературной, такъ и внутренней исторіи народа не имѣютъ той силы и убѣдительности, какую имъ могли бы придать документальныя данныя, современныя писателямъ книгъ или повѣствуемымъ въ нихъ событіямъ. За неимѣніемъ памятниковъ изъ нѣдръ самой Палестины, наука Ветхаго Завѣта стала искать почву для тѣхъ духовныхъ движеній, которыя повели къ произведеніямъ израильскаго генія, проявившагося въ ихъ литературѣ, въ памятникахъ другихъ сосѣднихъ народовъ. Все, что въ литературныхъ и вещественныхъ памятникахъ Египта, Вавилоніи и Ассиріи имѣло хотя бы малѣйшее отношеніе къ библейскимъ сказаніямъ, все это жадно схватывалось библейской наукой, разрабатывалось до мельчайшихъ подробностей и до послѣднихъ выводовъ, такъ что съ теченіемъ времени возникла цѣлая, значительная по объему, научная литература, посвященная этимъ вопросамъ. Но большинство этихъ указаній касалось лишь ви́дп-

ней стороны жизни израильскаго народа, и сравнительно мало помогало освѣщенію важнѣйшихъ проблемъ его внутренней жизни, не говоря уже о литературной исторіи. Однако, слѣдовавшія одно за другимъ открытія на иноземной почвѣ, доставляя новыя данныя для сближенія, окрылили надежды на открытіе памятниковъ и самого Израиля и повели къ изслѣдованіямъ и раскопкамъ на почвѣ самой Палестины, которыя и ознаменовались чрезвычайно важными открытіями.

Первый лучъ надежды блеснулъ благодаря совершенно неожиданному открытію въ заіорданской области моавитской надписи Мешаи, написанной на томъ же языкѣ, какъ и Библия, тѣми же письменами, какими писали древніе пророки; она относится къ 1-й четверти IX вѣка до Р. Х. и сообщаетъ о событіяхъ и лицахъ, извѣстныхъ изъ Библии, съ именами одного изъ израильскихъ царей и самаго Бога Израиля. Это было въ 1868 году, а въ 1880 году въ самомъ Іерусалимѣ найдена была такъ называемая силоамская надпись времени іудейскаго царя Эзекіи (около 715 г. до Р. Х.), важная впрочемъ не по своему содержанію, а съ чисто эпиграфической точки зрѣнія. Но истинную эпоху создало открытіе въ Египтѣ цѣлаго большаго архива дипломатическихъ сношеній египетскихъ фараоновъ съ вавилонскими царями и царями другихъ переднеазиатскихъ народовъ, главнымъ же образомъ — сношеній ихъ съ вассальными владѣтелями Палестины и Сиріи. Это — такъ называемые памятники Эль-Амарны (три изъ которыхъ, кстати сказать, имѣются въ коллекціи В. С. Голенищева въ Музеѣ Изыщныхъ Искусствъ); они раскрыли цѣлый новый міръ, яркую картину политическаго и внутренняго положенія Палестины и Сиріи за 15 столѣтій до Р. Х. Здѣсь упоминаются города, хорошо извѣстные изъ Библии: Іерусалимъ, Лахисъ, Аскалонъ, Акко, Мегиддо, Тиръ и Сидонъ, Библь, Бейрутъ и др. По нѣкоторымъ даннымъ есть основаніе предполагать о нахожденіи въ Палестинѣ въ то время если не самаго израильскаго народа, то близко родственнаго ему племени. Благодаря этимъ документальнымъ даннымъ перваго ранга оказалось возможнымъ возстановить цѣлую эпоху, именно ту, которая непосредственно предшествовала эпохѣ Моисея и Іисуса Навина. Та культурная почва, на которой началъ свою самостоятельную жизнь древній Израиль и которая дала плодотворныя сѣмена для его дальнѣйшаго развитія, была найдена и установлена наукою. Это была почти въ равной степени египетская и вавилонская культура.

Открытіе въ Эль-Амарна возбудило надежду, что подобныя архивы могутъ быть найдены и на почвѣ самой Палестины и повести къ еще болѣе неожиданнымъ выводамъ. Еще въ 1865 году въ Англіи образовалось общество съ цѣлью изслѣдованія Палестины подъ названіемъ Palestine Exploration Fund, и по его инициативѣ въ 1890 г. открылась серія систематическихъ раскопокъ на почвѣ Палестины, продолжавшихся до самаго послѣдняго времени, при чемъ на смѣну англичанамъ появились нѣмецкіе ученые, а въ послѣднее время и американцы. Первымъ изслѣдователемъ ея былъ извѣстный по своимъ раскопкамъ въ Египтѣ Флиндерсъ Петри, поставившій своей задачей изслѣдованіе тѣхъ холмовъ Палестины, которые находились ближе къ Египту и по своимъ современнымъ названіямъ привлекли его вниманіе. Имъ раскопанъ холмъ Тель-эль-Хеси, отождествленный впоследствии съ филистимскимъ

городомъ Лахисомъ, а затѣмъ раскопки продолжались его преемниками Блиссомъ и Макалистеромъ сначала въ той же юго-западной Палестинѣ, а затѣмъ въ 1898—1900 гг. были перенесены изъ филистимской низменности въ предгорія иудейской возвышенности, гдѣ ими раскопаны были цѣлыхъ 4 холма; отсюда съ 1902 по 1909 гг. они перенесли свои раскопки на холмъ Тель-Джезеръ, находящійся на $\frac{1}{2}$ пути изъ Яффы въ Иерусалимъ и отождествленный ими съ древнееврейскимъ городомъ Гезеромъ: по Библии этотъ городъ былъ завоеванъ нѣкогда фараономъ и отданъ Соломону въ приданое за его дочь. Приобрѣтенія, полученные изъ этихъ англійскихъ раскопокъ, оказались въ высшей степени цѣнными: они совершенно неожиданно раскрыли прошлое этихъ мѣстностей, начиная съ доисторической эпохи, неолитической, и вплоть до греческаго періода. Наиболѣе плодотворны были изслѣдованія въ развалинахъ Лахиса и Гезеръ: въ нихъ, подобно Троѣ Шлимана, оказалось нѣсколько различныхъ слоевъ, соотвѣтствующихъ различнымъ городамъ или поселеніямъ различныхъ эпохъ, въ Лахисѣ насчитывалось до 8, въ Гезерѣ до 5 городовъ. Особенно ярко представлены эпохи въ Гезерѣ: древнѣйшія поселенія принадлежатъ еще досемитскимъ обитателямъ мѣстности, отъ которыхъ остались, кромѣ крѣпостныхъ сооружений и мѣсть трупосожженія въ пещерахъ, произведенія изъ камня и глины; древнѣйшій семитскій, но еще доизраильскій, періодъ относится ко времени отъ половины 3-го тысячелѣтія до половины 2-го до Р. Х.: найденныя изъ него бронзовые и глиняные предметы вооруженія и домашней утвари отражаютъ явные слѣды частію египетскаго, частію микенскаго или критскаго происхожденія. Особенное значеніе получили найденные здѣсь остатки религіознаго культа этого періода, это — 8 такъ называемыхъ массебъ или каменныхъ столбовъ, которые, по свидѣтельству Библии, считались у хананеевъ и у евреевъ въ допророческую эпоху сѣдалищемъ божества и мѣстомъ религіознаго поклоненія. Наиболѣе поздній слой, по выводамъ изслѣдователей, соотвѣтствуетъ частію древнѣйшей израильской эпохѣ, времени Соломона, приблизительно X вѣку до Р. Х., частію IX и VIII вѣку; между предметами этого періода оказалось 2 ассирійскихъ контракта VII вѣка.

Успѣхи англичанъ возбудили соревнованіе и въ германской наукѣ. Въ 1902—3 году профессоръ сначала Вѣнскаго, а затѣмъ Ростокскаго университета Зеллинъ, по собственной инициативѣ и на лично собранныя средства, произвелъ раскопки въ мѣстности болѣе сѣверной, въ Эдрелонской (или Изреельской) долинѣ на холмѣ Таанакъ; это былъ, по Библии, укрѣпленный ханаанскій городъ, впоследствии перешедшій во владѣніе Израиля, но онъ упоминается и въ надписяхъ фараона Тутмосиса III въ числѣ завоеванныхъ имъ городовъ и въ томъ числѣ Эль-Амарны. Здѣсь также оказались 4 главныхъ слоя съ 2 подраздѣленіями въ каждомъ, начиная съ древнѣйшихъ семитскихъ поселеній около половины 3 тысячелѣтія до Р. Х. и кончая израильскимъ періодомъ VII вѣка. Кромѣ обширныхъ сооружений, множества произведеній изъ бронзы и глины, здѣсь, между прочимъ, былъ найденъ глиняный ящикъ, въ которомъ находился архивъ царя этого города Ашпратъ-Яшура, состоящій изъ глиняныхъ таблечекъ, написанныхъ клинописью и на вавилонскомъ языкѣ, совершенно въ томъ родѣ, какъ документы Эль-Амарны,

и содержащей корреспонденцію царя съ сосѣдными маленькими князьями. Такимъ образомъ, надежда найти на почвѣ Палестины архивы, подобныя Эль-Амарна, осуществилась.

Этимъ изслѣдованіямъ Зеллина предшествовало учрежденіе въ Германіи двухъ особыхъ обществъ для изслѣдованія Палестины и передняго востока подъ названіями: *der Deutsche Palästinaverein* и *die Deutsche Orient-Gesellschaft*; на средства этихъ обществъ съ присоединеніемъ средствъ самого кайзера Вильгельма II съ 1903 по 1905 г. германскій ученый Шумахеръ произвелъ раскопки на развалинахъ извѣстнаго также изъ Библии города Мегиддо, лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Таанака, въ той же Іезраельской долинѣ. Какъ и Таанакъ, онъ былъ укрѣпленнымъ городомъ ханаанскимъ и израильскимъ и также извѣстенъ изъ надписей Тутмосиса III и изъ писемъ Эль-Амарны. Нѣмецкій ученый нашелъ въ развалинахъ слѣды 9 и даже болѣе городовъ различныхъ эпохъ, начиная съ древнѣйшихъ человѣческихъ поселеній и кончая послѣднимъ періодомъ жизни израильскаго царства. Особенно хорошо здѣсь сохранились остатки величественныхъ крѣпостныхъ сооружений, дворцовъ и храмовъ, а также найдено было огромное количество мелкихъ произведеній изъ камня, бронзы и желѣза, даже отчасти изъ золота и слоновой кости. Среди нихъ особенное значеніе имѣетъ находка превосходно сохранившейся печати съ изображеніемъ льва и съ именемъ Шема, раба Іеровоама, при чемъ эта надпись, — что особенно оказалось важнымъ, — изображена уже не вавилонскими, а древнееврейскими письменами мѣстнаго происхожденія, какъ надписи Мешы и силоамская. Это была первая находка въ этихъ раскопкахъ письменнаго памятника древне-библейской письменности и очевидно принадлежитъ времени царствованія израильскаго царя Іеровоама II, имя котораго и находится на печати.

Изъ сдѣланнаго мною обзора видно, что съ начала нынѣшняго столѣтія германская наука прочно утвердилась на почвѣ Палестины, и понятно само собою, что въ послѣдующее затѣмъ время она продолжала развивать свою дѣятельность, привлекая въ Палестину и цѣлыя общества и отдѣльныхъ лицъ. Упомяну лишь кратко еще о двухъ мѣстахъ, гдѣ она приобрѣла значительный успѣхъ, это прежде всего на мѣстѣ хорошо извѣстнаго изъ Библии Іерихона, въ которомъ раскопки были произведены въ 1908—9 годахъ тѣмъ же Зеллиномъ, о которомъ я говорилъ. Кромѣ величественныхъ построекъ доизраильскаго и даже досемитскаго періода, какъ въ городахъ Гезерѣ и Мегиддо, въ немъ было найдено большое количество произведеній керамики израильскаго періода VIII вѣка до Р. Х., по формѣ родственныхъ съ произведеніями изъ Кипра; особенно цѣнными оказались краткія надписи съ именами израильскаго божества Iah и Iahu на шейкахъ кувшиновъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о въ высшей степени цѣнныхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1907 году извѣстнымъ германскимъ ученымъ Дальманомъ, состоящимъ въ должности директора нѣмецкаго института, носящаго названіе: *das Deutsche evangelische Institut für Alterthumswissenschaft des heiligen Landes in Jerusalem*. Они были произведены въ заиорданской области въ горной мѣстности, содержащей остатки паватейскаго города Пѣтра; правда, эти памятники носятъ уже слѣды грекоримскаго вліянія,

но они въ высшей степени цѣнны для характеристики древнѣйшей формы религіи Израиля допророческаго періода.

Выводъ изъ всѣхъ этихъ, колоссальныхъ по объему добытаго матеріала, изслѣдованій тотъ, что какъ постройки, такъ и вещественные памятники въ главной массѣ относятся къ періодамъ, предшествующимъ самому поселенію еврейскаго народа, при чемъ вещественные памятники обнаруживаютъ вліяніе преимущественно египетской культуры и частію западной (микенской, критской), нахождение же письменности на вавилонскомъ языкѣ и клинописью свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, что во внутренней жизни преобладало вавилонское вліяніе. Но по найденнымъ здѣсь же памятникамъ можно было заключить, что около 1300 лѣтъ до Р. Х. возникла мѣстная ханаанская письменность на мѣстномъ языкѣ и мѣстнымъ алфавитомъ, а нѣкоторые, очень немногіе, образчики этой письменности, главнымъ образомъ надписи на печатяхъ, несомнѣнно относятся къ израильской эпохѣ, и даже къ эпохѣ великихъ пророковъ-писателей. Эти послѣдніе памятники остановили на себѣ особое вниманіе изслѣдователей потому, что внушали надежду, что отъ того же періода могутъ быть найдены и другіе памятники въ родѣ найденныхъ здѣсь на вавилонскомъ языкѣ, и даже литературнаго характера. Понятно поэтому, какою сенсациою произвели въ Европѣ и Америкѣ открытія, произведенныя въ самое послѣднее время американскими учеными на мѣстѣ древней Самаріи, столицы сѣверно-израильскаго царства. Свѣдѣнія объ этихъ изслѣдованіяхъ почерпались лишь изъ краткихъ журнальныхъ замѣтокъ и даже изъ фотографій на американскихъ почтовыхъ открыткахъ. Очевидно, эти изслѣдованія еще далеко не закончены, но оказалось, что американской экспедиціей было открыто дворецъ израильскихъ царей Амврія и Ахаава, современниковъ пророковъ Иліи и Елисея, и въ немъ найдены въ количествѣ 75 черепки, такъ называемые *ostraca* съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ и письменами, похожими на силюамскую надпись; самыя *ostraca*, т.-е. черепки въ качествѣ письменнаго матеріала, напоминаютъ тѣ, которыми пользовались въ Греціи, откуда и терминъ *остракизмъ*, которому былъ подвергнутъ Ѳемистокль. Дворецъ и *ostraca* относятся приблизительно къ 860 г. до Р. Х. Сами по себѣ надписи на черепкахъ не представляютъ особаго значенія, такъ какъ содержатъ краткія указанія на доставку нѣкоторыхъ количествъ вина и масла, очевидно поступавшихъ въ качествѣ натуральной повинности во дворецъ царя, и самымъ важнымъ приобрѣтеніемъ слѣдуетъ считать нахождение въ нихъ нѣсколькихъ собственныхъ именъ, тождественныхъ съ библейскими, но способъ ихъ написанія повелъ изслѣдователей къ чрезвычайно интереснымъ и важнымъ выводамъ. Употребленіе для ихъ написанія чернилъ и пера или палочки въ родѣ нынѣшняго пера несомнѣнно свидѣтельствовало о томъ, что письму на черепкахъ уже предшествовало въ Израилѣ долгій періодъ пользованія папирусомъ, для котораго собственно и употреблялся этотъ письменный матеріалъ, а отсюда вытекало, что не только въ современную этимъ *ostraca* эпоху, но и за много раньше въ израильскомъ народѣ уже имѣла распространеніе письменная литература на своемъ языкѣ и своими письменами на матеріалѣ, широко распространенномъ въ Египтѣ. Ожиданія открытія

таковой литературы приняли какой-то болѣзненный характеръ, и представители библейской науки невольно стали предаваться радужнымъ мечтамъ. Вѣдь сколько наболѣвшихъ вопросовъ ждуть своего разрѣшенія отъ новыхъ открытій, да и помимо этого, какую бы важность они имѣли по себѣ! И въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело бы, напр., открытіе оригинала или современной копии одного изъ тѣхъ писателей В. Завѣта, текстъ которыхъ наука въ теченіе цѣлаго столѣтія собирала по крупичамъ, по отдѣльнымъ строкамъ и выраженіямъ, изъ массы другого матеріала, въ которомъ онъ былъ разбросанъ, и которые, по возстановленіи основного содержанія ихъ произведеній хотя и въ фрагментарной формѣ, оказались, по авторитетному признанію науки, религіозными геніями, не имѣющими себѣ равныхъ, и самыми увлекательными писателями древности. Во сколько разъ было бы важнѣе открытія кодекса законовъ Гаммураби и привѣтствовалось бы всѣмъ образованнымъ міромъ открытіе хотя бы современнаго фрагмента древнѣйшаго законодательства, заключающагося въ книгахъ Моисея, или насколько сильнѣе было бы впечатлѣніе открытія оригинала одного изъ произведеній высокой поэзіи Израиля, хотя бы одного псалма, который на устахъ всего христіанскаго міра, въ сравненіи съ подавляющей массой уже открытыхъ, но совершенно не трогающихъ нашего сердца гимновъ и псалмовъ древней Вавилоніи! И кто теперь можетъ поручиться, что мы не находимся наканунѣ этихъ потрясающихъ открытій!

Война прекратила всѣ эти изслѣдованія въ самомъ ихъ разгарѣ, въ моментъ наивысшаго возбужденія къ нимъ научнаго интереса, вызвавшаго соревнованіе культурныхъ націй. Конечно, въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо опредѣленныхъ планахъ дальнѣйшаго продолженія археологическихъ изслѣдованій въ Палестинѣ уже по одному тому, что все будущее Палестины, не исключая археологическихъ изслѣдованій, будетъ зависѣть всецѣло отъ ея новаго политическаго положенія послѣ войны. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Германія имѣла въ виду, какъ на всемъ востокѣ, такъ и въ Палестинѣ, утвердить свое преобладаніе, и на этой почвѣ развить въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ археологическую дѣятельность, уже по сіе время достигнувъ весьма значительныхъ успѣховъ. Чтобы нагляднѣе судить о томъ, какъ смотрѣла Германія на будущее святой земли, считаю излишнимъ привести слова берлинскаго профессора фонъ-Содена изъ его монографіи о Палестинѣ¹⁾: «Нѣмецкій народъ лишь въ послѣднее время пріобрѣлъ себѣ здѣсь (т.-е. въ Палестинѣ) почву. Однако несомнѣнно, что именно онъ пустилъ въ ней наиболѣе глубокіе корни. Единственные европейцы, прочно сросшіеся съ почвой и хозяйственной жизнью — это швабскіе тамплиеры съ ихъ четырьмя цвѣтущими колоніями въ Яфѣ, Саронѣ, Іерусалимѣ и Гайѣ. Они стали палестинцами и смотрятъ на Палестину какъ на отечество ихъ самихъ и ихъ потомковъ. Они владѣютъ лучшими садами и огородами, виноградниками и полями, въ ихъ рукахъ находится перевозочный промыселъ и большая часть торговли, а также большинство сколько

¹⁾ Палестина и ея исторія. Пер. В. Линдъ. Москва, 1909, стр. 139—140.

нибудь значительныхъ промышленныхъ предпріятій. Если бы они рѣшились при этомъ присоединиться къ состоящимъ въ церковномъ отношеніи членами прусской государственной церкви евангелическимъ общинамъ, находящимся на мѣстахъ ихъ жительства, то это повело бы къ существенному усилению нѣмецкаго вліянія въ Палестинѣ». Сообщивъ далѣе свѣдѣнія объ открытыхъ въ Палестинѣ императоромъ Вильгельмомъ II и его супругой благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, о ихъ процвѣтаніи и о постепенномъ нарастаніи населенія, которое по своему воспитанію ближе всего стоитъ къ нѣмцамъ, авторъ продолжаетъ: «этой привлекательной картинѣ будущаго, которую мы представляемъ себѣ, возвратясь въ свое отечество послѣ путешествія въ Палестинѣ съ ея богатымъ историческимъ прошлымъ, нельзя отказать и во внутреннемъ правѣ. Германія, народный духъ которой всего болѣе сроденъ съ истиннымъ духомъ христіанства, которой дано было освободить христіанство отъ постороннихъ примѣсей, навязанныхъ ему въ теченіе его исторіи греками и римлянами, и снова возстановить его въ первоначальномъ его видѣ и силѣ, съ которой оно вышло изъ Палестины, Германія должна снова принести въ отечество христіанства созрѣвшіе подъ его благословеніемъ плоды культуры. И какъ знать, можетъ быть удастся воскресить къ новой жизни древнюю чудесную страну, сто разъ считавшуюся умершей, такъ что она снова сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она была когда-то, страной, въ которой текутъ молоко и медъ».

Теперь, послѣ шести мѣсяцевъ войны, Германія на дѣлѣ обнаружила тотъ истинный духъ христіанства, который она имѣла въ виду внести во всѣ концы міра, въ томъ числѣ и въ Палестину. Конечно не наша задача обсуждать въ собственномъ смыслѣ политическіе вопросы и создавать планы будущаго устройства святой земли послѣ того, какъ власть надъ нею (въ чемъ мы увѣрены) перейдетъ изъ рукъ ислама въ руки христіанскихъ народовъ, но нельзя не выразить надежды, что при будущемъ ея устройствѣ всего менѣе будетъ допущено преобладаніе въ Палестинѣ нѣмецкаго элемента, такъ какъ это преобладаніе повлекло бы неизбѣжно за собою полное порабощеніе всего остального населенія другихъ національностей и религій: молоко и медъ будущей Палестины, о которыхъ мечтаетъ германскій ученый, полились бы на долю, главнымъ образомъ, если не исключительно, самой Германіи. Но когда рѣчь идетъ о такомъ выдающемся для европейскихъ націй уголкѣ міра, какъ Палестина, и когда приходится съ ея будущимъ связывать тѣ или другія научныя перспективы, само собою и намъ позволительно предаваться нѣкотораго рода грезамъ и находить оправданіе для этихъ грезъ въ ея прошломъ.

Нашъ народъ, вмѣстѣ съ союзниками, ведя войну, окрыляется надеждой, что по ея окончаніи наступитъ долговременный, а можетъ быть и вѣчный миръ между народами. Но если гдѣ прежде всего умѣстнѣе было бы водворить миръ на землѣ, то это именно въ той странѣ, гдѣ его почти никогда не было, гдѣ народности, въ ней жившія и живущія теперь, вели и ведутъ, если и не всегда кровавую, то во всякомъ случаѣ всегда острую борьбу на почвѣ національности и религіи, и гдѣ великія европейскія націи съ своей стороны постоянно спорятъ о преобладаніи, а въ прежнее и даже не въ далекое отъ насъ время вели между собою изъ за него

и войны. Между тѣмъ въ этомъ уголкѣ міра еще за 7 вѣковъ до Р. Х. раздался голосъ вдохновеннаго пророка, который впервые рисовалъ чудную картину, когда всѣ народы перекуютъ мечи свои на плуги, а копья — на серпы и впредь не будутъ учить другъ друга, какъ вести войну, въ немъ, наконецъ, раздался на берегахъ Галилейскаго озера голосъ божественнаго Учителя, провозгласившій всѣхъ людей сынами Отца небеснаго и призывавшій ихъ къ забвенію ихъ національныхъ и социальныхъ различій. Мысль — внести въ эту страну не только матеріальное благосостояніе, при которомъ она опять превратилась бы въ текущую молокомъ и медомъ, но и тотъ благодатный миръ, при которомъ въ наибольшей степени были бы удовлетворены духовныя нужды всѣхъ ея обитателей безъ различія національности и религіи, въ особенности тѣхъ христіанскихъ душъ, которыя ищутъ въ ней своего духовнаго отечества и душевнаго мира въ общеніи съ ея святынями, которыя среди ея развалинъ духовнымъ взоромъ ощущаютъ слѣды ногъ своего Спасителя и чуткимъ сердцемъ еще слышатъ эхо Его вдохновеннаго божественнаго слова, эта мысль, говорю, достойна того, чтобы просвѣщенные христіанскіе народы поставили ее на своемъ знамени, водружая его на развалинахъ древняго Сіона. Конечно, я не беру на себя задачи указать средства, какъ осуществить эту мечту, но было бы печально, если бы и по окончаніи войны Палестина лишь перемѣнила владѣльцевъ, а не возродилась бы къ новой жизни, осуществивъ въ наибольшей степени въ своей жизни христіанскій идеалъ братства и свободы.

Возобновленіе археологическихъ изслѣдованій въ Палестинѣ должно произойти и, какъ я увѣренъ, произойдетъ на почвѣ духовнаго единенія союзныхъ христіанскихъ націй. Великое дѣло раскрытія сокровищъ прошлаго святой земли, которое можетъ повести не только къ обогащенію научнаго знанія, но и къ приобрѣтенію драгоценныхъ реликвій древняго Израиля и первобытнаго христіанства, не будетъ, какъ я полагаю, только дѣломъ конкуренціи, хотя и благородной, между европейскими народами, а будетъ признано ихъ общимъ дѣломъ, для котораго они должны соединиться въ одно цѣлое. Само собою предстанетъ во всей силѣ и для нашей науки долгъ принять свое участіе въ великомъ дѣлѣ извлеченія изъ нѣдръ Палестины таящихся въ нихъ сокровищъ. До сего времени наша русская наука не принимала никакого участія въ тѣхъ изслѣдованіяхъ почвы Палестины, о которыхъ я говорилъ, ни въ производствѣ раскопокъ, ни въ разработкѣ научныхъ данныхъ, ведущихъ къ разрѣшенію важнѣйшихъ проблемъ библейской науки, ни даже въ командированіи представителей научнаго знанія въ Палестину для ознакомленія съ постановкой въ ней этого рода изслѣдованій. Это равнодушіе я нахожу совершенно ничѣмъ неоправдываемою виною нашей науки передъ нашимъ народомъ. Оно особенно бросается въ глаза, если сопоставить съ этимъ тотъ фактъ, что нашъ народъ по сіе время обнаруживаетъ удивительное влеченіе къ святой землѣ и неудержимо большими массами стремится къ ея святынямъ, несмотря на всѣ трудности пути и пребыванія на чужбинѣ. Не суевѣріе, не отождествленіе реликвій съ самой религіей побуждаетъ нашъ народъ къ этому паломничеству, а трезвое сознаніе огромнаго религіознаго значенія прошлаго Палестины и потребность духовнаго съ нимъ общенія,

но это великое прошлое должно бы тѣмъ сильнѣе побуждать и нашу научную мысль отдаться его всестороннему и полному изученію, дабы прояснить для нея самой и для народа дѣйствительный образъ этого прошлаго во всемъ его огромномъ значеніи.

Не одинъ нашъ простой народъ, но и наше образованное общество далеко не чуждо этихъ интересовъ къ святой землѣ; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся дѣятельность Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, имѣющаго столь обширныя и прочныя связи съ значительною частью русскаго общества. Надобно отдать справедливость Палестинскому Обществу: несмотря на то, что главная его задачи чисто благотворительнаго и просвѣтительнаго характера, оно никогда не упустило изъ вида научныхъ интересовъ, связанныхъ съ Палестиной, и въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ оно, и оно одно, держало въ курсѣ читателей относительно всѣхъ важнѣйшихъ научныхъ предпріятій иностранныхъ ученыхъ, не исключая и тѣхъ, о которыхъ я говорилъ выше. Но дѣятельность Палестинскаго Общества не искупаетъ равнодушія нашей собственно археологической и исторической науки, которая сама по себѣ ничѣмъ себя не проявила въ этомъ дѣлѣ. Въ объясненіе этого печальнаго явленія я укажу на одну причину, и, по моему мнѣнію, на самую важную, это — на почти совершенное отсутствіе у насъ библейской науки, какъ самой въ себѣ, такъ и тѣхъ ориентальныхъ дисциплинъ, на которыхъ она опирается: все, что у насъ имѣется по этой части въ свѣтской и духовной литературѣ, представляетъ лишь жалкое подражаніе нѣмецкой наукѣ, не достигая ея корней и не имѣя собственныхъ корней въ своей почвѣ. Наша же ориентальная наука въ лицѣ ея основательныхъ знатоковъ и учреждений, въ которыхъ она разрабатывается и преподается, почти исключительно занимается мусульманскимъ востокомъ и игнорируетъ востокъ древній, стоящій въ самой неразрывной связи съ библейско-христіанскимъ востокомъ. Здѣсь буквально повторилось то, что повѣствуется въ евангельскомъ разсказѣ о Марѣ и Маріи, такъ какъ мусульманскій востокъ есть предметъ исключительно нашихъ матеріальныхъ интересовъ, а библейско-христіанскій — чисто духовныхъ интересовъ, и послѣдній уступилъ мѣсто первому. Однако я убѣжденъ, что нынѣшняя война, которая навсегда закончитъ наши счеты съ исламомъ, возстановитъ въ сознаніи нашей науки и въ ея дальнѣйшей дѣятельности равновѣсіе, нарушенное въ ущербъ нашему духовному развитію. Въ этомъ дѣлѣ въ примѣръ нашей наукѣ придется взять ту же Германію, въ которой, несмотря на основательную постановку науки мусульманскаго востока, съ меньшимъ, если не съ большимъ успѣхомъ и основательностью разрабатывается древній классическій востокъ, и въ особенности востокъ библейско-христіанскій.

Но этотъ переворотъ въ нашемъ научномъ сознаніи есть дѣло будущаго, задача же настоящаго историческаго момента такова, что мы не во имя только національныхъ интересовъ, но и во имя національной чести должны проявить участіе въ научной дѣятельности въ Палестинѣ наравнѣ съ англичанами и французами. Союзныя націи должны принять во вниманіе, что Германіи дѣйствительно принадлежала почетная роль стоять во главѣ какъ научнаго движенія въ области библейскаго знанія, такъ и на почвѣ самой Палестины для приобрѣтенія и изслѣдованія хранящихся въ ней

сокровищъ. Волей-неволей Германіи придется надолго отказаться отъ этой послѣдней роли, и на нашихъ союзниковъ и на насъ въ равной степени падеть долгъ поднять ея знамя научнаго знанія и продолжить въ Палестинѣ ея дѣло. Безъ этого наша побѣда надъ нею была бы не только не полной, но и повела бы къ тому, чего болѣе всего нужно опасаться, къ пониженію научнаго знанія и культурнаго развитія. Задача возникаетъ для насъ большая и трудная, но она должна быть признана достижимою нашей наукой; я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь, что многочисленныя у насъ ученныя учрежденія, имѣющія прямое отношеніе и къ ориентальной наукѣ и къ археологіи и исторіи, равно какъ наши ученныя общества, поставившія востокъ своей научной задачей, въ состояніи выдѣлить изъ себя хотя бы небольшой отрядъ дѣятелей, на которыхъ можно было бы возложить миссію въ Палестину послѣ войны для обсужденія на мѣстѣ, въ сообществѣ съ представителями подобныхъ миссій отъ союзныхъ державъ, плана систематическаго изслѣдованія Палестины, а затѣмъ, если окажется возможнымъ, и задачу самаго осуществленія этого плана. Это доброе начало должно быть поддержано широкими кругами русскаго общества, и ему долженъ быть обезпеченъ дальнѣйшій успѣхъ.

Мы должны принять въ особое вниманіе, что для нашей науки, если бы она проявила готовность начать свою дѣятельность въ Палестинѣ въ указанномъ мною направленіи, нашлась бы уже вполне подготовленная почва и вполне родственная солидарная съ нею среда общенія и взаимодѣйствія въ лицѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, которое конечно послѣ войны возобновитъ свою дѣятельность въ еще большихъ размѣрахъ. Правда, Общество не брало на себя задачи вступить въ состязаніе съ западными обществами для изслѣдованія Палестины въ томъ направленіи и масштабѣ, какъ это въ послѣднее время велось западной наукой, но разностороннія научныя задачи Общества, его издательская дѣятельность, а главное обширныя и крѣпкія связи со всей святой землей, даютъ основаніе надѣяться, что Палестинское Общество не останется равнодушнымъ и къ будущему расширенію научной дѣятельности въ Палестинѣ. Опираясь на него и въ союзѣ съ нимъ, наша научная миссія могла бы рассчитывать на вѣрный успѣхъ.

2. Месопотамія.

Открытыя на почвѣ Месопотаміи, на среднемъ и нижнемъ теченіи Тигра и Евфрата, памятники Ассиріи и Вавилоніи чрезвычайно обширны. Дѣлать ихъ обзоръ и говорить объ ихъ значеніи было бы совершенно излишне, такъ какъ свѣдѣнія обо всемъ этомъ вошли во всѣ учебники древней исторіи, и лица, прославившія себя величайшими открытіями на этой почвѣ, заняли въ ней свое мѣсто, почти равное съ тѣми, которымъ посчастливилось открыть новыя страны свѣта. Но дѣло извлеченія изъ нѣдръ земли драгоцѣнныхъ остатковъ прошлаго этихъ странъ не только не закончилось, но и продолжалось до самаго послѣдняго времени, и можетъ быть, несмотря на колоссальныя приобрѣтенія, мы находимся, какъ и въ Палестинѣ, еще наканунѣ болѣе обширныхъ и блестящихъ открытій, когда разработка прошлаго

Месопотаміи войдетъ изъ безпорядочнаго и безсистемнаго ея положенія, въ которомъ оно теперь находится, въ свое нормальное русло. Но когда наша мысль отъ этихъ памятниковъ прошлаго обращается къ нынѣшнему положенію тѣхъ мѣстностей, гдѣ предстоятъ для науки эти задачи, то приходится считаться съ существеннымъ различіемъ между положеніемъ Палестины и положеніемъ Месопотаміи. Палестина для насъ близко родственная и доступная для сношеній страна, и русское общество и русскій народъ прекрасно знаютъ важнѣйшія мѣста, ознаменованныя событіями прошлаго; напротивъ, долина Тигра и Евфрата есть для насъ почти terra incognita, съ которой у насъ повидимому нѣтъ никакихъ сношеній и о которой мы знаемъ только изъ учебниковъ по географіи и исторіи. И прежде, чѣмъ вести рѣчь о нашихъ научныхъ задачахъ въ Месопотаміи, приходится спросить себя, что же такое представляетъ изъ себя въ нынѣшнее время эта страна, которая въ нашемъ представленіи является, если не колыбелью культуры, то однимъ изъ важнѣйшихъ ея очаговъ въ древнемъ мірѣ; при какихъ условіяхъ можно, и можно ли вообще говорить намъ о будущихъ нашихъ собственныхъ въ ней изслѣдованіяхъ, не пускаясь въ беспочвенныя и неосуществимыя фантазіи?

На всемъ земномъ шарѣ едва ли найдется другое подобное мѣсто, бывшее когда-то первымъ въ мірѣ по своему плодородію и богатству, и ставшее теперь бесплодной пустыней, совершенно чуждой культурнаго воздѣйствія человѣка. Лишь по мѣстамъ кое-гдѣ находятся въ немъ бѣдныя селенія съ жилищами изъ камыша, гдѣ живутъ полудикія арабскія племена, занимающіяся исключительно скотоводствомъ и не признающія никакой надъ собою власти, кромѣ собственныхъ шейховъ. Во время разлива рѣки Евфрата вся мѣстность, особенно югъ, превращается въ одно сплошное огромное болото съ лихорадками и маляріей; въ теченіе осени и зимы льютъ дожди, а весной и лѣтомъ наступаютъ тропическія жары, совершенно не переносимыя европейцами, съ заразными болѣзнями и ядовитыми насѣкомыми. Эта совершенно забытая Богомъ и заброшенная людьми страна въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій незамѣтно ни для кого скрывала сокровища прежней ея жизни, и понятно, что, по обнаруженіи этихъ сокровищъ въ новое время, на дѣло ихъ добычи и изслѣдованія пустились лишь отдѣльныя героическія лица, большею частью, благодаря обстоятельствамъ жизни акклиматизировавшіяся въ этихъ мѣстностяхъ; такія лица, какъ Леярдъ, Рассамъ, Ботта, Смитъ и де-Сарзекъ были людьми выдающейся энергіи, силою обстоятельствъ поставленные лицомъ къ лицу съ грандіозными могилами прошлаго и умѣвшіе побѣдить все препятствія, происходящія отъ природы и отъ непокойныхъ обитателей мѣстности, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ Смитъ и де-Сарзекъ, въ концѣ концовъ стали жертвами убійственныхъ условій жизни въ этихъ мѣстностяхъ. Продолжительныхъ экспедицій, хорошо организованныхъ и тянувшихся десятки лѣтъ, было лишь 2, но все экспедиціи обязаны, помимо вышеупомянутыхъ личныхъ качествъ участниковъ, еще и тому обстоятельству, что правительства и общества тѣхъ странъ, къ которымъ они принадлежали, не постѣснились пожертвовать миллионными суммами на предпріятія, не обѣщавшія никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ нашей странѣ, отставшей отъ западныхъ соседей и по

умственному развитію и по матеріальнымъ средствамъ, не могло до самого послѣдняго времени зародиться мысли объ участіи въ такого рода предпріятіяхъ, для которыхъ не было ни людей, способныхъ вести раскопки въ такихъ мѣстностяхъ и въ такомъ масштабѣ, ни людей, могущихъ разобрать и разработать добытые памятники.

Но эти условія несомнѣнно должны измѣниться, когда вся долина Тигра и Евфрата будетъ завоевана у нынѣшнихъ ея владѣльцевъ — турокъ и будетъ принадлежать нашимъ союзникамъ и когда вопросъ о ея будущемъ станетъ вопросомъ общаго ихъ съ нами интереса. Образованныя европейскія націи хорошо знаютъ прошлое Вавилоніи, и это прошлое несомнѣнно будетъ для нихъ ручательствомъ и за ея будущее. Объ этомъ прошломъ долины Тигра и Евфрата въ періодъ расцвѣта въ ней древней цивилизаціи не излишне вспомнить и намъ. Въ половинѣ V вѣка до Р. Х., уже послѣ гибели вавилонскаго царства и въ эпоху персидскаго владычества, посѣтилъ Вавилонію отецъ исторіи Геродотъ и изображаетъ намъ ее какъ одну изъ самыхъ плодороднѣйшихъ странъ и богатѣйшихъ житницъ персидскаго царства. Вмѣстѣ съ Ассиріей она доставляла одну треть всего количества зернового хлѣба, поступавшаго въ качествѣ дани персидскому царству, и кромѣ того выдавала еще одну тысячу талантовъ серебра. Почва Вавилоніи производила всякаго рода сорта хлѣба, прежде всего пшеницу, ячмень, сезамъ, чечевицу въ такомъ изобиліи, что онъ говоритъ объ урожаѣ въ 200 и даже въ 300 самъ. Стержни чечевицы и сезама были съ дерево вышиною, листья на стеблѣ пшеницы и ячменя иногда достигали 4 пальцевъ ширины. Столь же поразительныя, почти невѣроятныя свѣдѣнія онъ сообщаетъ и о богатствѣ страны плодовыми деревьями. Слава о природныхъ богатствахъ Вавилоніи, о пышности и красотѣ ея искусственныхъ насажденій, обиліи ея водъ и о необыкновенно благопріятныхъ для здоровья обитателей климатическихъ ея условіяхъ была такъ велика, что сосѣдніе народы считали ее населенною когда-то богами, а писатель 3 главы книги Бытія, по весьма остроумному изслѣдованію Фр. Делича, написавшаго цѣлое капитальное произведеніе на вопросъ: *Wo lag das Paradies?*—считалъ мѣстонахожденіемъ рая или сада эдемскаго то мѣсто въ долинѣ Тигра и Евфрата, гдѣ они ближе всего сходятся и гдѣ находилась страна, носившая въ дѣйствительности названіе, почти тождественное съ эдемомъ. Найденные въ огромномъ количествѣ хозяйственные документы изъ древнихъ эпохъ Сумера и Аккада даютъ намъ точныя и документальныя данныя о чрезвычайномъ развитіи земледѣлія и скотоводства въ этой странѣ и о тѣхъ культурныхъ сооруженіяхъ и работахъ, какія предпринимали правительство и народъ для устройства и организаціи этого хозяйства. Плодородіе Вавилоніи и ея богатство, главнымъ образомъ, зависѣли отъ регулированія водной системы рѣкъ Тигра и Евфрата, отъ устройства безчисленныхъ дамбъ и каналовъ между этими рѣками, обеспечивавшими правильное орошеніе этихъ мѣстностей, а также правильные и удобные способы сообщенія между собою жителей мѣстностей и городовъ. И послѣ утраты своей самостоятельности Вавилонія, очевидно, сохраняла и свои сооруженія и свою культуру. Еще во времена багдадскаго калифата Вавилонія была

богатою и весьма плодородною страню. Только благодаря турецкому господству эти цвѣтущія мѣстности превратились въ пустыню; всѣ каналы ихъ засыпаны землею, вода беспорядочно покрыла поверхность земли и превратила ее по мѣстамъ въ болото, а по мѣстамъ въ песчаную степь, почти лишенную растительности.

Но варварству турокъ настаетъ конецъ. Занятая культурными европейцами, эта страна не должна оставаться въ томъ же видѣ. Долгъ культурныхъ націй, соединившихся для возстановленія мира и благосостоянія на востокѣ, равно какъ ихъ политическіе и экономическіе интересы неизбежно поведутъ къ возбужденію вопроса о коренномъ измѣненіи культурныхъ условій жизни на мѣстѣ древней Вавилоніи и о возстановленіи ея прежняго плодородія и богатства. Ничѣмъ инымъ, какъ этимъ, могущественныя культурныя европейскія націи могли бы выполнить свой долгъ по отношенію къ тѣмъ завѣтнымъ мѣстамъ, откуда прежде всего блеснулъ свѣтъ духовнаго развитія и гражданственности, гдѣ въ теченіе по крайней мѣрѣ трехъ тысячелѣтій горѣлъ неугасимый пламень, распространявшій по всему свѣту искры познанія, начала письменности, художествъ, соціальныхъ формъ жизни и бытовыхъ ея удобствъ. Для этой цѣли европейскія націи должны колонизовать Месопотамію, частью удаливъ въ родную пустыню, частью приобщивъ къ культурѣ мѣстныхъ арабскихъ кочевниковъ, возстановить систему канализаціи въ долинѣ Тигра и Евфрата, снова бросить въ ея плодотворную почву прежнія сѣмена хлѣбныхъ растений и плодовыхъ деревьевъ, возстановить важнѣйшіе центры поселенія, и, если потребуется для всего этого, измѣнить, согласно прежнему, самое русло Евфрата и придать всей долинѣ тотъ видъ, въ какомъ она была въ древній цвѣтущій періодъ. На этой-то почвѣ и должны быть возобновлены изслѣдованія великаго прошлаго Вавилоніи, древняго Сумера и Аккада; они впредь не должны быть временными и случайными походами героическихъ лицъ, а постоянными и систематическими, исполняемыми мѣстными учрежденіями международнаго характера.

Мысль эта, могущая показаться утопической, далеко не новая и едва ли можетъ быть названа утопической. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ, при томъ оживленіи, какое впервые проявила Германія въ дѣлѣ изслѣдованія въ области ассиро-вавилонской письменности, эта мысль, почти въ той формѣ, какъ я ее изложилъ, была высказана и развита нѣкоторыми представителями германской науки, въ особенности Гоммелемъ¹⁾. По поводу этихъ мыслей мною лично было помѣщено нѣсколько статей въ тогдашней печати (въ 80-хъ годахъ), но тогда они показались лишь мечтой, которой едва-ли суждено осуществиться. Въ настоящее время, соображая ходъ событій, которыхъ мы были свидѣтелями, нельзя не сдѣлать заключенія, что эта мысль уже въ то время была твердо усвоена германскимъ правительствомъ и обществомъ. Проведеніе Багдадской желѣзной дороги преслѣдовало именно эту цѣль колонизаціи Месопотаміи и возстановленія ея прежняго вида. Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что, если бы германскому правительству удалось осуществить, при посредствѣ акціонернаго общества, свое предпріятіе связать Багдадъ съ Берлиномъ, то въ пустыя и нездоровыя пространства

¹⁾ *F. Hommel, Geschichte Babylons — Assyriens, S. 190.*

Месопотаміи покати́лась бы волна нѣмецкой колонизаціи, которая съ обычною для нѣмцевъ настойчивостью и планомѣрностью скоро превратила бы опять ихъ въ садъ эдемскій, и мечта нѣмецкихъ ученыхъ достигла бы буквального осуществленія. Невольно думаешь, что всѣ эти научныя германскія учрежденія для изслѣдованія востока, всѣ эти переднеазиатскіе гезельшафты и фрейны, всѣ эти экспедиціи на востокъ, помимо своего научнаго значенія, были въ то же время передовыми отрядами германизма въ его походѣ на завоеваніе передняго востока, при чемъ Багдадъ былъ послѣдней цѣлью этихъ стремленій. На этомъ пути германская наука указывала путь политикѣ, а политика, съ своей стороны, открывала новыя перспективы для научныхъ завоеваній. Германское правительство не безъ задней мысли покровительствовало и поощряло научное движеніе на передній востокъ, при чемъ изъ нѣсколькихъ обществъ, завѣдывавшихъ экспедиціями на востокъ, особенно выдѣляется такъ называемое *Deutsche Orient-Gesellschaft*, основанное въ концѣ 80-хъ годовъ и состоявшее не изъ однихъ только ученыхъ, но и изъ представителей широкихъ общественныхъ и финансовыхъ круговъ, и находившееся подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого кайзера, усердно снабжавшаго его собственными средствами. Еще въ 1894 году¹⁾ я указывалъ на это движеніе на востокъ германской науки Московскому Археологическому Обществу и предсказывалъ, что не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ всѣ мѣста древнихъ культуръ на востокѣ будутъ носить слѣды ученыхъ германскихъ траншей. Это осуществилось на самомъ дѣлѣ: не прошло и четверти вѣка, какъ германская наука, никогда прежде не принимавшая участія въ добываніи на востокѣ сокровищъ древности, быстро во всѣхъ частяхъ передняго востока: въ Арменіи, въ Малой Азіи, въ Сиріи, Палестинѣ и, наконецъ, въ Месопотаміи начала съ обычною энергіей производить изслѣдованія и раскопки, при чемъ, въ населенныхъ и наиболѣе культурныхъ мѣстностяхъ, какъ Малая Азія, Сирія и Палестина, она стала вполне твердою ногою, въ такой-же, какъ Месопотамія, она, очевидно, довольствовалась лишь развѣдочными экспедиціями, созидавая планы будущаго ея завоеванія въ связи съ проведеніемъ Багдадской желѣзной дороги.

Германскія экспедиціи послѣдняго времени въ Месопотамію, въ которыхъ участвовали такіе ученые, какъ Нольдеке, Кольдезей, Андре и др., не только не ознаменовались значительными результатами, но имѣли послѣдствіемъ внесеніе въ дѣло изслѣдованія Месопотаміи полнаго хаоса. Нельзя себѣ представить болѣе печальнаго, болѣе ненормальнаго оборота, какой получила въ настоящее время разработка сокровищъ древности на почвѣ Вавилоніи. Послѣ большихъ, продолжавшихся десятки лѣтъ экспедицій, де-Сарзекъ въ Телло и американской въ Ниппурѣ, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ вплоть до настоящаго времени, на почвѣ древней Вавилоніи, Сумера и Аккада, происходитъ колоссальная добыча клинописныхъ памятниковъ путемъ тайныхъ раскопокъ мѣстными жителями, научившимися у европейцевъ раскопкамъ и пріобрѣтшими навыкъ въ распознаваніи цѣннаго матеріала, годнаго для сбыта. Съ 1900 года, послѣ смерти де-Сарзекъ, въ Константинополѣ, Парижѣ

¹⁾ 28 янв. 1894 г. мною былъ прочитанъ въ Обществѣ рефератъ «Объ открытіяхъ нѣмецкаго восточнаго Комитета въ Сиріи», напечатанный въ «Трудахъ Вост. Комиссіи», томъ II, вып. 1, стр. 102—112.

и въ другихъ городахъ стали появляться цѣлыя большія коллекціи клинописныхъ таблеть изъ Телло и изъ другихъ мѣстъ, но особенно большое количество разнообразныхъ коллекцій изъ разныхъ мѣстъ обнаружилось въ послѣдніе годы, чему болѣе всего способствовали развѣдочныя экспедиціи германскихъ ученыхъ, о которыхъ я говорилъ выше, такъ какъ, по отъѣздѣ ихъ, мѣстные арабы находили возможность на отмѣченныхъ и облюбованныхъ ими мѣстахъ разрыть цѣлыя громадныя архивы, до которыхъ не могли докопаться люди науки. Благодаря этого рода находкамъ, въ разное время были сбыты цѣлыя десятки тысячъ въ высшей степени цѣннаго для науки матеріала, при чемъ обогатились этимъ путемъ прежде всего большіе музеи, Британскій и Лувръ, а затѣмъ музеи Берлина, Оксфорда, Брюсселя и немало частныхъ музеевъ въ Европѣ и Америкѣ. У насъ этимъ путемъ приобрѣтена очень цѣнная коллекція клинописныхъ таблеть Императорскимъ Эрмитажемъ, прекрасная коллекція нѣсколькихъ сотъ таблеть В. С. Голенищева, находящаяся въ Музеѣ Изыщныхъ Искусствъ, но болѣе всего довольно разнообразнаго и чрезвычайно интереснаго матеріала, въ видѣ нѣсколькихъ цѣнныхъ коллекцій однороднаго характера, удалось приобрѣсти Н. П. Лихачеву. Турецкое правительство, повидимому, не только не принимало мѣръ противъ этой контрабанды, но, какъ мнѣ кажется, поощряло такой способъ добычи, такъ какъ едва ли не этимъ путемъ само обогатило Оттоманскій музей въ Константинополѣ нѣсколькими тысячами таблеть изъ подобныхъ архивовъ. Жажда имѣть этого рода сокровища и перспектива добыть ихъ легчайшимъ способомъ, путемъ покупки, не прибѣгая къ слишкомъ дорого стоящимъ и многотруднымъ экспедиціямъ, повидимому, совершенно примирили европейское общество съ этимъ оригинальнымъ способомъ эксплуатаціи древнихъ памятниковъ Месопотаміи, тѣмъ болѣе, что оно было совершенно безсильно принять какія-либо мѣры. А между тѣмъ вполне очевидно, что такого рода добыча должна была сопровождаться самымъ варварскимъ разрушеніемъ архитектурныхъ построекъ или цѣлыхъ культурныхъ слоевъ, подъ которыми скрывались эти архивы, выбрасываніемъ и уничтоженіемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые, по взгляду раскапывателей, не представляли рыночной цѣнности. Въ довершеніе всего происходила путаница и съ указаніями самыхъ мѣстъ, изъ которыхъ былъ добытъ матеріалъ: при поспѣшныхъ сборахъ раскопщики складывали въ ящики предметы изъ разныхъ мѣстъ, или въ дорогѣ перемѣшивали мѣста, накладывая не надлежащіе ярлыки, и такимъ образомъ изслѣдователямъ уже самимъ приходилось по содержанію документовъ и по другимъ признакамъ распредѣлять ихъ по мѣсту находенія, что, конечно, далеко не всегда могло удаваться.

Какъ бы то ни было, но наука въ послѣднее время не только обогатилась въ такомъ количествѣ, какъ никогда прежде, массою разнообразнаго матеріала изъ древней Месопотаміи, но и въ лицѣ выдающихся ученыхъ Европы и Америки выпустила большое количество специальныхъ изданій, содержащихъ хорошо разработанные клинописные тексты, при чемъ между учеными идетъ настоящій спортъ въ стремленіи cadaго изъ нихъ опередить своихъ коллегъ изданіемъ въ свѣтъ новаго еще невиданнаго матеріала. Признаюсь съ полною откровенностью, что и мнѣ самому крайне лестно участвовать въ этомъ состязаніи съ первоклассными музеями

и учеными стараго и новаго свѣта, но — увѣ! — я первый желалъ бы, по крайней мѣрѣ въ настоящій историческій моментъ, поднять свой голосъ противъ источника такъ изобильно излившихся на насъ богатствъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, послѣ счастливо окончившейся войны, фактически суверенная власть надъ этою частью Месопотаміи останется въ рукахъ Англіи, которой предстоитъ ее занять. Отъ нея, главнымъ образомъ, будетъ зависѣть дать то или другое устройство этому краю. Я не сомнѣваюсь, что та мысль, которую выразила еще въ 80-хъ годахъ германская наука и которую, несомнѣнно, поставила своей задачей осуществить германское правительство, сама собою возникнетъ у новыхъ обладателей этой страны. Съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ Германія, можетъ осуществить Англія подъ своею верховною властью грандіозное предпріятіе возстановленія къ новой жизни запущенной до полнаго разрушенія природы страны и заселенія ея переселенцами изъ болѣе культурныхъ странъ, пріобщенія настоящихъ ея жителей къ благамъ европейской культуры и возобновленія и завершенія на этой почвѣ задачи пріобрѣтенія лежащихъ въ ея нѣдрахъ большого значенія сокровищъ древности. Но какъ возстановленію Палестины къ новой жизни, такъ и возстановленію Месопотаміи всего естественнѣе осуществиться при участіи всѣхъ союзныхъ европейскихъ націй, такъ какъ ея прошлое одинаково драгоцѣнно по своимъ воспоминаніямъ всѣмъ этимъ націямъ и такъ какъ осуществленіе такого плана можетъ быть произведено лишь при помощи огромныхъ капитальныхъ затратъ, силою вещей долженствующихъ принять международный характеръ. Не знаю, насколько можно рассчитывать на участіе нашего русскаго финансоваго міра въ будущей эксплуатаціи природныхъ богатствъ Месопотаміи, но мнѣ кажется, что не излишне было бы нашему правительству мирнымъ трактатомъ обезпечить участіе въ будущихъ колонизаціонныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ въ Месопотаміи и русскаго капитала, такъ какъ на почвѣ этого участія и того благосостоянія, которое получится отъ этого впоследствии, удобнѣе и вѣрнѣе всего можно было бы предпринять общій планъ раскопокъ въ Месопотаміи и участіе въ нихъ и представителей нашей науки. Но я не финансистъ и не могу останавливаться на этой мысли, быть можетъ совершенно неосуществимой, я могу лишь выразить увѣренность, что при новомъ порядкѣ вещей обстановка и условія археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ въ Месопотаміи существенно измѣнятся, и то, что прежде могло считаться для нашей науки абсолютно неосуществимымъ, окажется при желаніи сравнительно удобнымъ и достижимымъ. Но эту задачу слѣдуетъ поставить тотчасъ же послѣ окончанія войны: русская наука должна снарядить въ Месопотамію особую миссію или экспедицію, дабы совмѣстно съ представителями науки англійской и французской обсудить дальнѣйшій планъ археологическихъ изслѣдованій. Только энергическимъ вмѣшательствомъ международной комиссіи по этому дѣлу можно будетъ разъ навсегда прекратить хищнической способъ добычи древнихъ памятниковъ и систематическое разрушеніе для сего самыхъ очаговъ древней культуры. О нихъ должны быть собраны точныя свѣдѣнія взаимѣнъ тѣхъ смутныхъ представленій, которыми приходится довольствоваться европейскимъ ученымъ, разбирающимъ добытые изъ

нихъ тайнымъ путемъ памятники. Нельзя, при этомъ, намъ, русскимъ, упускать изъ вида и того, что благодаря значительнымъ приобрѣтеніямъ нашими казенными и частными музеями клинописныхъ памятниковъ, представилась возможность проявить и нашей наукѣ свое участіе въ международномъ дѣлѣ изданія и разработки этихъ памятниковъ, приобщить себя къ этому большому дѣлу. Если намъ впредь не удастся собственными усиліями на почвѣ Месопотаміи создать источникъ для приобрѣтенія ея памятниковъ, то дальнѣйшая ихъ добыча навсегда для насъ прекратится, и намъ опять придется остаться при пустомъ мѣстѣ.

Въ общемъ, какъ мнѣ кажется, положеніе нашей науки въ Месопотаміи окажется аналогичнымъ съ положеніемъ въ Палестинѣ, съ тѣмъ различіемъ, что на почвѣ Месопотаміи несомнѣнно предстоитъ вести изслѣдованія въ болѣе широкомъ масштабѣ, на что потребуются и наиболѣе значительныя суммы. Несмотря на это, русскимъ людямъ не извинительно было бы изъ-за чисто матеріальныхъ расчетовъ упустить столь благопріятный моментъ, который впоследствии можетъ и не представиться, и не напрячь всѣ свои силы для обезпеченія на все будущее время этихъ выдающихся научныхъ интересовъ. Нашему русскому обществу въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, слѣдуетъ взять примѣръ съ нашихъ враговъ германцевъ. Мы должны помнить, что безъ широкой поддержки широкихъ общественныхъ круговъ и финансоваго міра подобнаго рода большія и дорого стоящія предпріятія трудно осуществимы, особенно это будетъ трудно послѣ войны, когда у нашего правительства будетъ слишкомъ много хлопотъ и расходовъ по ея ликвидаціи. По примѣру Германіи, которая всегда опирается въ этого рода предпріятіяхъ на широкое общественное содѣйствіе, и русскому ученому міру слѣдуетъ основать особое большое передне-азиатское общество, состоящее не изъ однихъ только ученыхъ, археологовъ и историковъ, но и изъ представителей правительства, законодательныхъ палатъ, широкихъ общественныхъ круговъ и финансоваго міра, съ цѣлью разработки плановъ нашихъ изслѣдованій на всемъ переднемъ востокѣ и въ частности въ Месопотаміи, отправленія туда экспедицій, а также и изысканія средствъ на эти изслѣдованія и на содержаніе нашихъ научныхъ учрежденій въ этихъ мѣстностяхъ.

М. Никольскій.

Январь, 1915 г.

Замѣченныя опечатки.

	<i>Стр.</i>	<i>Столб.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
11			6 св.	быть бытъ	быль бытъ
12			18 »	въ 27 г.	въ 17 г.
21			3 »	<i>Ἡπαιύρεως</i>	<i>Ἡπαιύρεως</i>
21			7 сн.	reserves	réserves
22			2 »	пробѣжище	прибѣжище
149			2 »	и	на
210			16 »	<i>рис. 3</i>	<i>рис. 27</i>
220			5 св.	<i>табл. XIII</i>	<i>табл. XII</i>
274			3 сн.	гдрствѣ	гдрствѣ
275			12 »	блгостивыя	блгостивыя
308	1		2 св.	вященномуч.	священномуч.
—	2		13 сн.	тол.	тол. †
320	—		10 »	Фелѳн	Фелѳн'
322	—		11 »	ѣбрадь	ѣбрадь
329			15 »	<i>ποροφύλαξ</i>	<i>δποροφύλαξ</i>

Библиотека
ИИИ в Краснодаре
и Музейный кабинет

2.

4.

2 : 5

1.

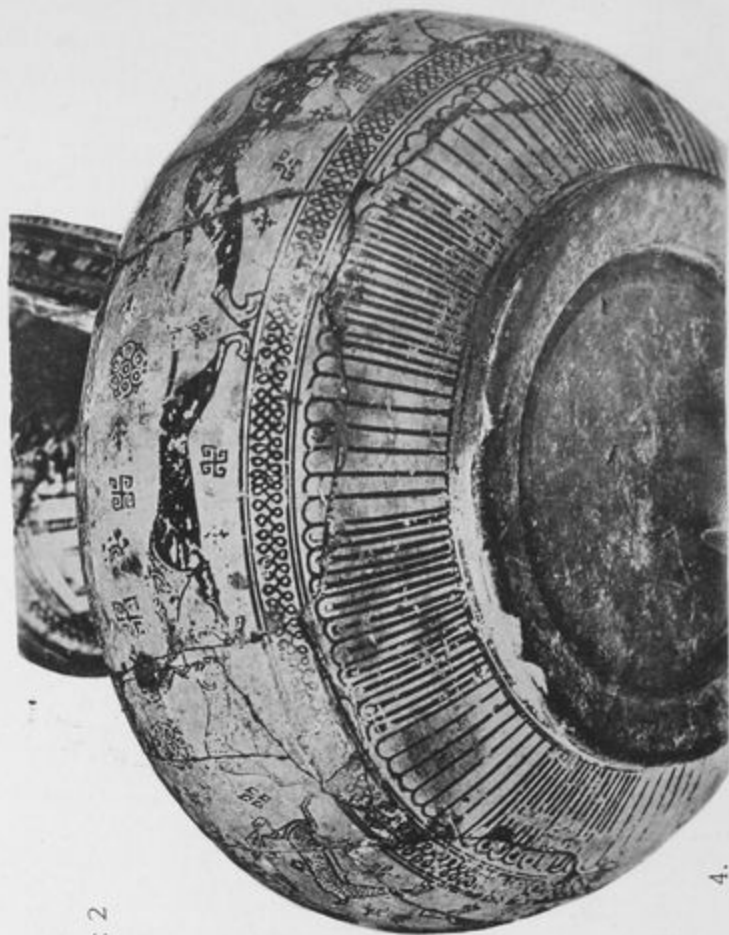
3.

ИНСТИТУТ
ИИИ Академии Криминалистической
и Музейной работы

2.

4.

1:2

1.

3.

ИСТИННОЕ
НАСЛЕДИЕ

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. Кривошеиной
и Музейной работы

1 (1:2)

2 (1:1)

3 (1:2)

4 (1:5)

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Криминалистической
и Судебной Психологии

1 (1:2)

2 (1:2)

3 (1:2)

И. И. М. И. Е. И. А.
И. И. М. И. Е. И. А.
И. И. М. И. Е. И. А.

Музей
Историко-художественный
Институт
Российской
Академии
Наук
Фот. П. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. Криволапской
и Музейной работы

Фот. П. Казюка.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ за Крестьянской
и Трудовой Работы

БИБЛИОТЕКА
НИИ и Археологической
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист. Краеведческой
и Музейной работы

БИОЛИОГЕНА
НИИ та Криминалистической
и Мученикой работы

БИБЛИОТЕКА
МИ ИИ. на Крестовской
и Музейной работы

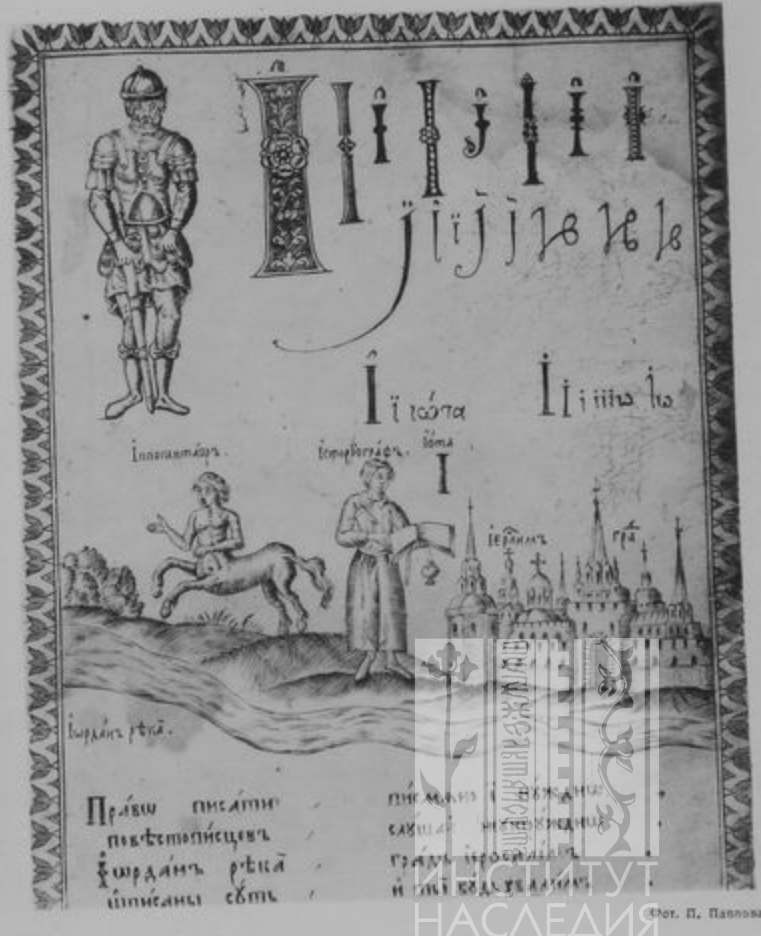

БИБЛИОТЕКА
Института Археологической
и Музейной Работы

ПРАВУ ПИСАТИ / ПИМАНОУ ПИМАНОУ
 ПОВЕДОУЩЕЦУ / СЛУШАИ НЕЗНАЮЩЕЦУ

ПРАВУ ПИСАТИ / ПИМАНОУ ПИМАНОУ
 ПОВЕДОУЩЕЦУ / СЛУШАИ НЕЗНАЮЩЕЦУ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
НИИ П. та Краеведческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
Института Археологической
и Музейной работы

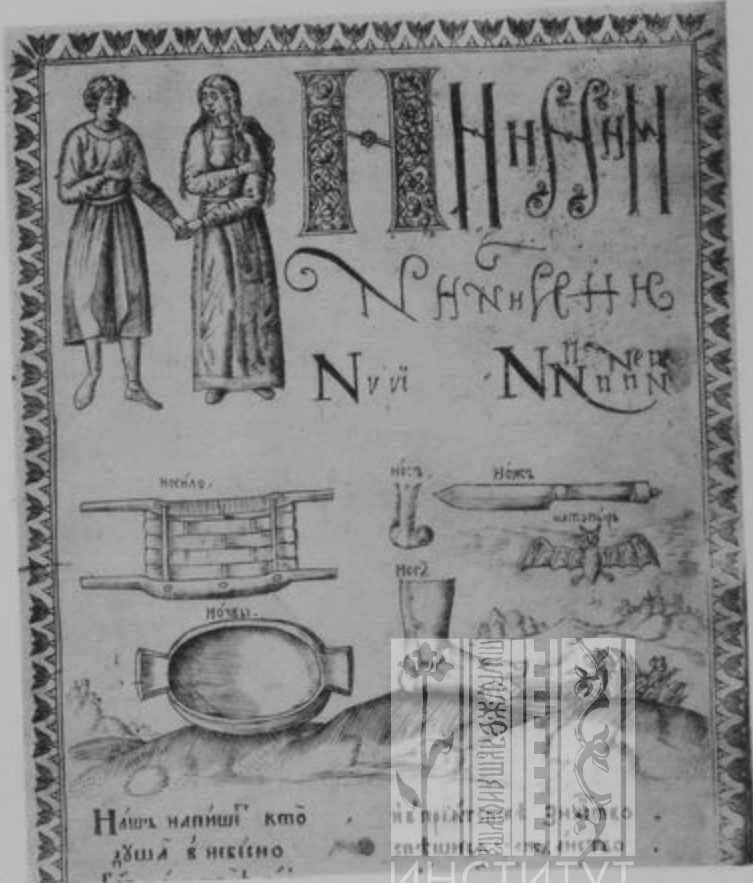

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Криминалистической
и Юридической психологии

Нашъ напиши кто и в перьство знаменит
 душа в несею спешна гражданско
 Бгъ нашъ безае самъ вьру багъ и споане

Нашъ напиши кто
 душа в несею

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист.-геогр. исследований
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
ИИИ и Научно-исследовательской
и Муниципальной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Фот. П. Павлова.

БИБЛИОТЕКА
НИИ и Краеведческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
И. И. Мухоморова
и Музейный кабинет

ВИДИТИСНА
НИ Историјско-Археолошкој
и Музејској Работи

Институт
ИИИ. а Археологической
и Музейной работы

ЗЕМЛЯ КЕЩЬ ПРЪПИСА / БГОМЪ СОПБОРЕННА
 НИНАЧЕМЪ СЛОБОМЪ / ЕГЪ ОУИРЪПАННА
 ЗАБРАЛО АНДЕМЪ / Б ПОПРЕКА ДГОДНУ

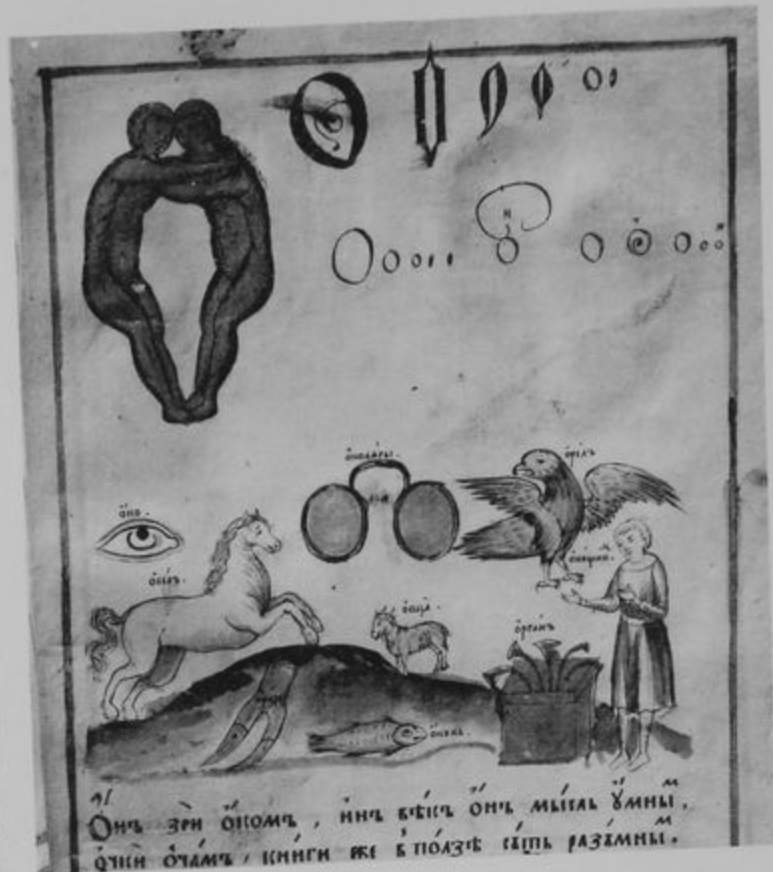
ЗЕМЛЯ КЕЩЬ ПРЪПИСА / БГОМЪ СОПБОРЕННА
 НИНАЧЕМЪ СЛОБОМЪ / ЕГЪ ОУИРЪПАННА
 ЗАБРАЛО АНДЕМЪ / Б ПОПРЕКА ДГОДНУ

ЗЕМЛЯ КЕЩЬ ПРЪПИСА / БГОМЪ СОПБОРЕННА
 НИНАЧЕМЪ СЛОБОМЪ / ЕГЪ ОУИРЪПАННА
 ЗАБРАЛО АНДЕМЪ / Б ПОПРЕКА ДГОДНУ

ЗЕМЛЯ КЕЩЬ ПРЪПИСА / БГОМЪ СОПБОРЕННА
 НИНАЧЕМЪ СЛОБОМЪ / ЕГЪ ОУИРЪПАННА
 ЗАБРАЛО АНДЕМЪ / Б ПОПРЕКА ДГОДНУ

БИБЛИОТЕКА
НИИ по Краеведческой
и Музейной работе

БИБЛИОТЕКА
ИИИ Иста Краеведческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
ПИ Иста Красиводческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
Музея Краеведческой
и Музейной работы

Τετραδοι ελοκο
πυρρα γαβι δαι
Δεξιμη ποσειδανηπεο
Ανδριμη βρεπιη η ζηνηπεια.

Τετραδοι ελοκο
πυρρα γαβι δαι

БИБЛИОТЕКА
Имя Арменаческой
и Музейной работы

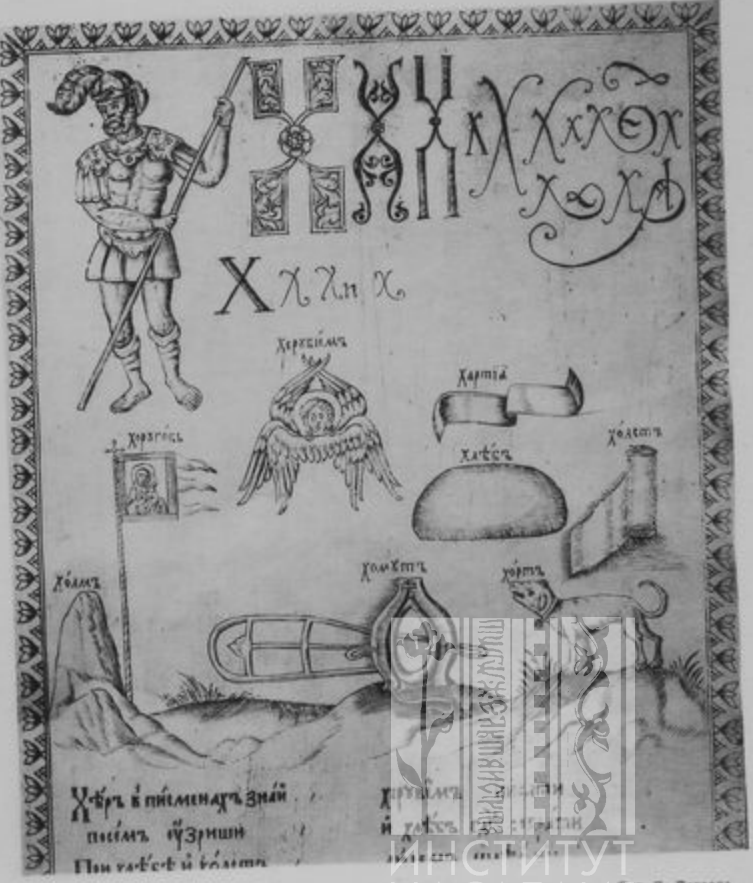
БИБЛИОТЕКА
Филиал Кривоводской
и Музейной работы

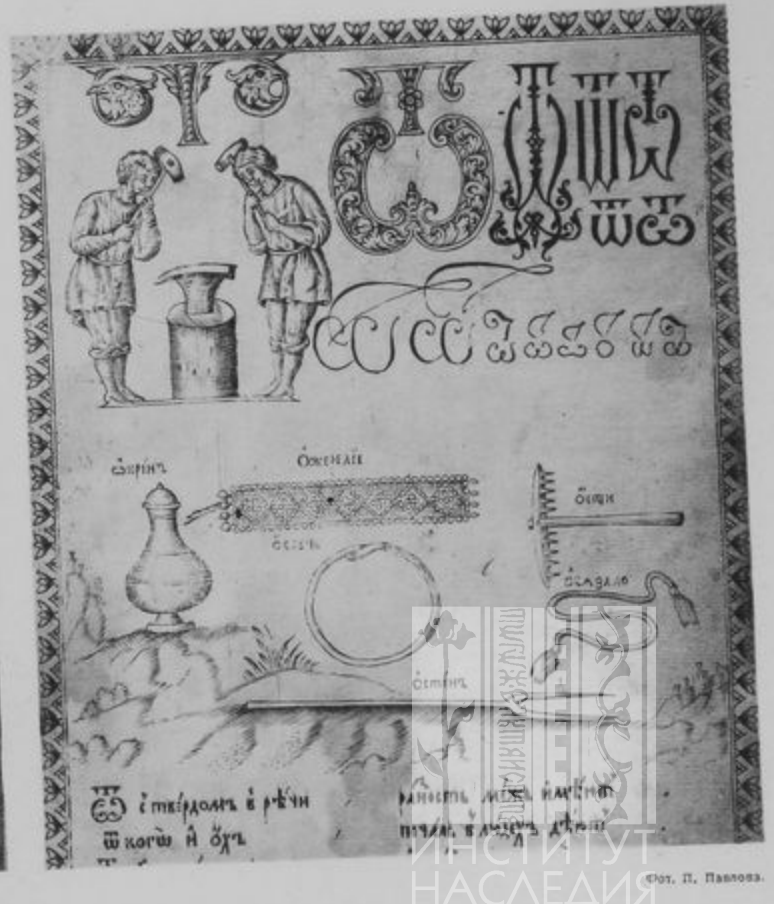
БИБЛИОТЕКА
НИИ Игр, Краеведческой
и Музейной работы

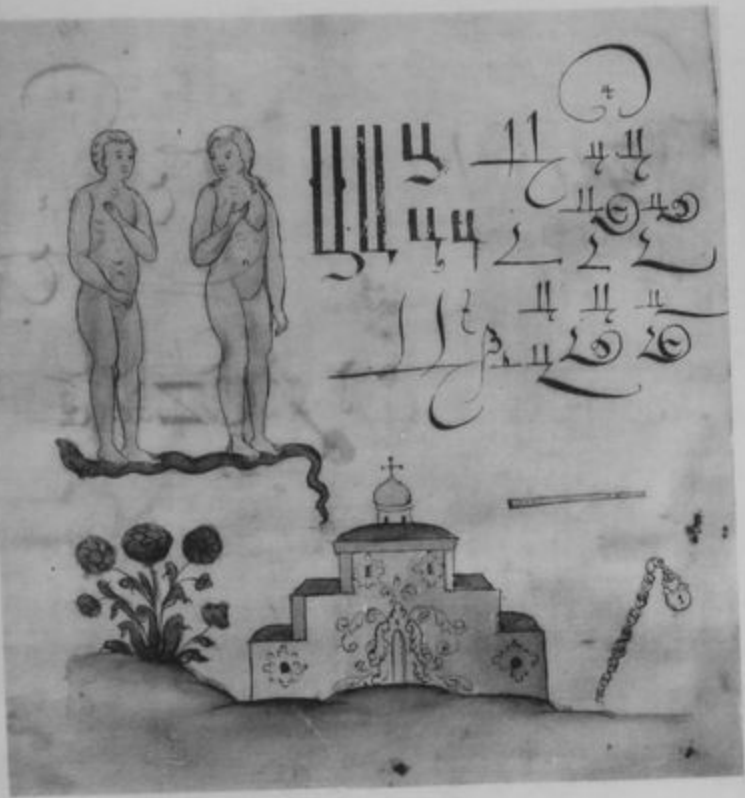
БИБЛИОТЕКА
ИИ Игта Археологической
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. Кривошеина
и музейной работы

Институт
НИИ по Археологической
и Музейной работе

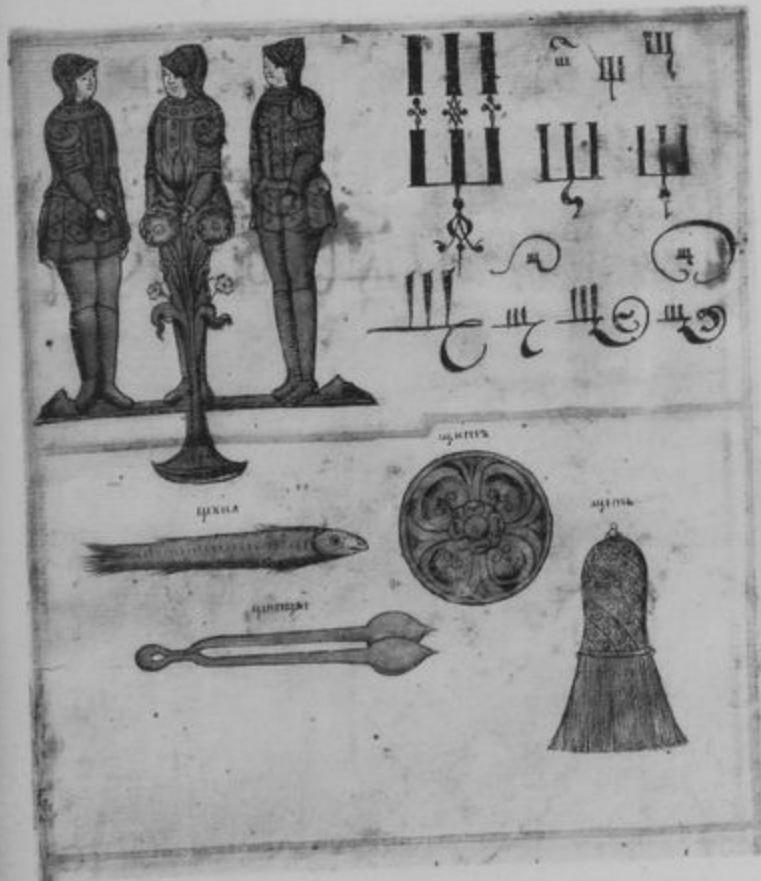
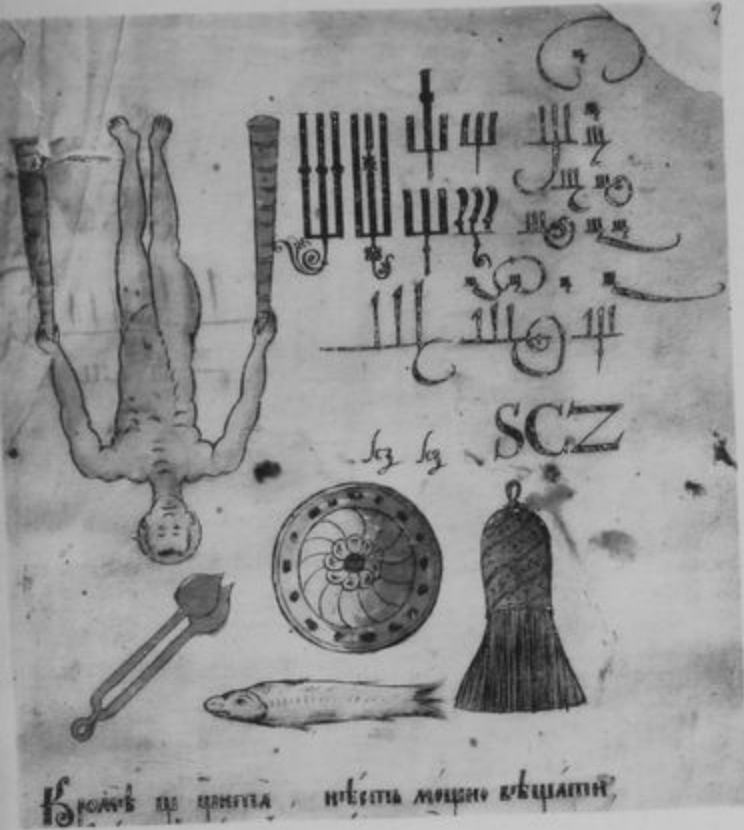

Библиотека
ИИИ по Краеведческой
и Музейной работе

БИБЛИОТЕКА
Историко-Краеведческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
И. И. Криворученко
и Музей работы

ПРИМАНО ЗАТЪ СРЪ ПЛАСУ ОБРАЗЪ КОРИПЪ

ПРИМАНО ЗАТЪ СРЪ ПЛАСУ ОБРАЗЪ КОРИПЪ

ПРИМАНО ЗАТЪ СРЪ ПЛАСУ ОБРАЗЪ КОРИПЪ

ПРИМАНО ЗАТЪ СРЪ ПЛАСУ ОБРАЗЪ КОРИПЪ

ВЪ СЛОГАХЪ РЕЧЕНІИ
 СЪТЪ СРЪ ВЪ НАЧАЛѢ
 ТАКЪ СО ЮНОШЕ
 ВЪ СКОИ СО КЕИИ

ПРИМАНО ЗАТЪ СРЪ ПЛАСУ ОБРАЗЪ КОРИПЪ

ИНСТИТУТЪ
 НАСЛЕДІЯ

Видео-сча
Министерства Промышленной
и Торговой Работы

БИБЛИОТЕКА
НИИ ИИ и Краеведческого
и Музейной работы

Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ

ПЕРИКОСЛОВИТЬ ВЪ ПРОИЗНОСѢ ГЛАСА

Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ

ПЕРИКОСЛОВИТЬ ВЪ ПРОИЗНОСѢ ГЛАСА
 ЗНАНІЮ И ЧИСЛА

Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ

ПЕРИКОСЛОВИТЬ ВЪ ПРОИЗНОСѢ ГЛАСА

Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
 Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ

ПЕРИКОСЛОВИТЬ ВЪ ПРОИЗНОСѢ ГЛАСА
 ЗНАНІЮ И ЧИСЛА

БИБЛИОТЕКА
Ми И. за Архивной
и Книжной работы

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Библиотека
ИИИ и Музейно-просветительской
и музейной работы

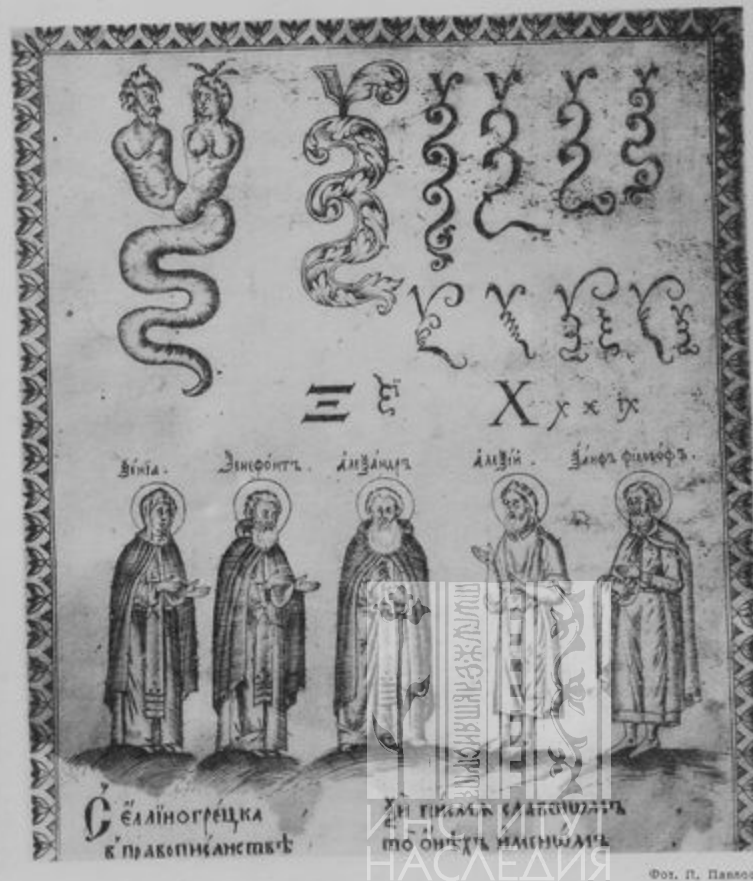
БИБЛИОТЕКА
ИИИ и Музейно-Книжеческой
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
МИ ИИ за Крестничества
и Музейной работы

РУССКО-СЛАВЯНСКИЕ
 ПИСЬМЕННЫЕ
 НАСЛЕДИЯ

Библиотека
НИИ та Криминалистической
и Музейной работы

БИБЛИОТЕКА
НИИ та Краснодарской
и Музейной работы

БІБЛІОТЕКА
НИИ ИИ та Кресалітаскай
а Музейнай Радыцы

БИБЛИОТЕКА
ИИИ № 14 Краснодарского
и Музейной работы

